Жизнеописания достопамятных людей земли Русской X-XX вв.

Издание подготовили:

Издание подготовили:

Т. Н. Беловолова: перевод – «Житие и духовные подвиги преподобного отца нашего Димитрия, вологодского чудотворца».

С. С. Бычков: переводы – «Житие преподобного отца нашего Авраамия Смоленского», «Страдания святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и Феодора, боярина его, от нечестивого Батыя пострадавших», «Житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, нового чудотворца», «Житие преподобного отца нашего Кирилла, игумена обители Пречистой Богородицы, которая на Белом озере», «Житие и подвиги во святых отца нашего и исповедника Филиппа, митрополита Московского и всея Руси».

Оригинальные тексты – «Жизнеописание святейшего патриарха Московского и всея Руси Гермогена», «Жизнеописание и подвиг преподобного Паисия Величковского» (в соавторстве с А. Суздальцевым), «Жизнеописание святителя Иннокентия, митрополита Московского», «Жизнеописание преподобного Амвросия Оптинского», «Жизнеописание святого Иоанна Кронштадтского», «Жизнеописание святейшего патриарха Московского и всея Руси Тихона».

А. Н. Гиппиус: оригинальный текст – «Жизнеописание святого Тихона Задонского, епископа Воронежского и всея России чудотворца» – подготовка и редактура текста С. С. Бычкова.

Л. А. Дмитриев: переводы – «Сказание о Борисе и Глебе», «Повесть о житии Михаила Клопского».

Н. Ф. Дробленкова: перевод – «Житие Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого».

М. Г. Кротов: переводы – «Житие и жизнь святого благоверного великого князя Довмонта, названного в святом крещении Тимофеем, псковского нового чудотворца»,

«Сказание о жизни и о некоторых из чудес преподобного отца нашего Саввы, создавшего обитель Пресвятой Богородицы близ Звенигорода на месте, называемом Сторожи», «Жизнь и бытие преподобного отца нашего Иосифа, игумена города Волоколамска».

Оригинальный текст – «Жизнеописание святого Димитрия Ростовского».

О. П. Лихачева: переводы – «Сказание о княгине Ольге», «Житие преподобного Антония Печерского», «Житие преподобного Феодосия Печерского», «Житие митрополита Киевского и всея Руси Петра», «Житие митрополита Московского Алексия».

Н. И. Милютенко: перевод – «Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского».

О. В. Панченко: переводы – «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего игумена Зосимы, основателя Соловецкого монастыря», «Житие и подвиги преподобного Савватия Соловецкого».

М. К. Подзняев: оригинальный текст – «Жизнеописание преподобного отца нашего Серафима – Саровского чудотворца».

Г. М. Прохоров: переводы – «Житие великого князя Владимира, во святом крещении Василия», «Житие святого благоверного князя Александра Невского», «Житие преподобного Дионисия Глушицкого».

Оригинальный текст – «Житие преподобного отца нашего Нила Сорского».

Т. Р. Руди: перевод – «Житие святой Улиании Лазаревской – муромской чудотворицы».

Е. С. Шевченко: перевод – «Житие преподобного Мартиниана Белозерского».

Святая Русь

Как часто в дореволюционной России приходилось слышать слова «Святая Русь». Их произносили тогда, когда шли, ехали или плыли на богомолье, а делалось это вовсе не редко: шли поклониться образу, мощам, шли просто в святое место. Их вспоминали и тогда, когда, услышав недобрую весть с фронта или весть о недороде, стихийном бедствии, молились и верили: «Бог не допустит гибели Святой Руси».

Что такое эта «Святая Русь»? Это вовсе не то же, что Россия; это не вся страна в целом со всем греховным и низким, что в ней всегда было. «Святая Русь» – это прежде всего святыни Русской Земли в их соборности, в их целом. Это ее монастыри, церкви, священство, мощи, иконы, священные сосуды, праведники, святые события истории Руси. Все это как бы объединялось в понятие Святая Русь, освобождалось от всего греховного, выделялось в нечто неземное и очищенное, получало существование и вне земного, реального и было бессмертно.

Вот почему понятие «Святой Руси» и смиренной Руси не противостояли друг другу, и в самом представлении о святости Руси не было бахвальства или гордыни.

Главное, что принадлежало «Святой Руси», – это ее святые, представленные иконами, мощами, памятными местами, источниками, урочищами и предметами, а главное – «житиями». Что такое жития святых? Это не просто рассказы о жизни святых и их посмертных заботах о людях, чудесах, покровительстве верующим. Это еще как бы их литературные эмблемы, почитаемые творения – нечто вроде икон, но в словесном, а не красочном изложении. Рассказ о жизни сопровождается текстами служб святому, и эти последние служили как бы ризами для икон. Вот почему к житиям нельзя предъявлять строгих требований полноты, детальности и реализма рассказа. Чтение житий святых входило в состав богослужения, монастырского распорядка жизни, обихода благочестивого человека. Случалось, что для житий не хватало

фактов, жизнь святого ко времени его прославления подзабывалась и тогда святому приписывалось то, что было известно о другом святом, схожем с ним по типу своей святости. В этом не было обмана: просто у составителя жития была уверенность, что за сходное добродеяние должна была бы последовать сходная награда, что доброму делу должна была предшествовать молитва, за победу должна была последовать благодарность Богу и т. д.

Святой – это идеал человека. Поведение святого – пример для поведения всех людей. Однако святые – это идеальные люди, заслуживающие с точки зрения верующих не только поклонения, но и подражания, и святость которых как бы удостоверена Богом. Однако народ не может жить одним, унифицированным идеалом человека. Перед великим народом всегда открываются разные пути и к разным идеалам. Чем многообразнее у народа идеалы, тем он духовно богаче. Если мы с этой точки зрения взглянем на весь собор русских святых, то поразимся не только многообразию и разноликости святых, но и их связью с русской действительностью – различной в разное время и в разных географических условиях России. Среди святых Древней Руси – рядовые монахи, основатели монастырей и крупных, а иногда малоизвестных, церковные иерархи, князья-военачальники, князья-мученики за веру, просветители народов, окружавших Русь, княгини, монахи, домохозяйки, дети-мученики, юродивые. Не все они пользовались равным почитанием. Были среди них и местночтимые, и получившие всероссийское признание.

И тем не менее святых нельзя делить по роду религиозных подвигов, ими совершаемых, или по тому, какое место они занимали в жизни. Патриарх Гермоген или митрополит Филипп – святые иерархи, но одновременно и мученики. Александр Невский святой, но не только потому, что он как полководец ограждал православную веру, а и по той схиме, которую он принял перед смертью: не случайно он на старых иконах изображается не в одеянии воина, а именно схимником. Святая Ефросиния Полоцкая была княгиней и много сделала для своей полоцкой епархии, но она же переписывала книги и этим не

меньше потрудилась во славу Господа. Основатели монастырей на Севере и Востоке часто являлись просветителями соседних языческих народов. Святые подвизались на разных поприщах, и их объединяла деятельная вера и глубокая аскеза.

Итак, в разное время возникают разные типы святости. Конечно, святость одна, но различны ее проявления. Эпохой наивысшего подъема святости на Руси являлся конец XIV и весь XV век. И среди всех святых этого времени выделяется лик Сергия Радонежского и возникновение от основанного им Троице-Сергиева монастыря множества монастырей Русского Севера – русской фиваиды.

По типу своей святости Сергий Радонежский очень близок к жившему за век до него в Италии Франциску Ассизскому. То же стяжание Духа Божия, через молитву к уединению, то же презрение к мирским богам, нищелюбие, стремление помочь всем и всему живому. Та же ответственность перед природой, стремление к христианскому просвещению окружающих его людей. Можно было бы много приводить совпадений в поступках Франциска и Сергия, но есть и различие. В то время, как Франциск просил милостыню, Сергий строжайше запрещал своей братии просить и в голод старался заработать хлеб своим трудом, отказываясь брать свой заработок до окончания работы. Сергий умел делать и делал всю крестьянскую работу: копал огород, носил воду, строил жилище, портняжничал и т. д. Именно поэтому он стал на Руси высшим авторитетом для крестьян и когда великому князю московскому Дмитрию необходимо было ополчение, чтобы противостоять Мамаю, Сергий благословил его и дал ему двух схимников Пересвета и Ослябю, чтобы показать, что участие в обороне Русской Земли – святое дело, разрешаемое им даже для схимников. Благословение Сергия имело большое значение в битве на Куликовом поле.

С тех пор так и повелось: хозяйственные и военные заботы стали одним из подвигов святых – Пафнутия Боровского, игумена соловецкого Филиппа и многих, многих других.

Даже русские юродивые отличались заботой не только о том, чтобы выказать свое смирение и принять на себя облик

самый невзрачный, но чтобы в этом невзрачном виде послужить людям, сказать им правду, обличить властителей, защитить слабых.

Было бы неправильно с православной точки зрения думать, что святость определяется той пользой, которую приносит святой людям, его любовью к ним, его строгостью в следовании заповедям церкви, даже его усердием в аскезе. Преподобный Серафим Саровский в беседе с Н. А. Мотовиловым утверждал, что истинная святость дается стяжанием Духа Божия. «Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие, ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божия. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает». Как же познать истинно святого, на которого сошел Дух Божий? Серафим дает на это ответ – Бог прославляет святого чудесами. Вот почему в житиях святых особое значение имеют чудеса, удостоверяющие их святость, стяжание ими Духа Божия. Чудесами главным образом и подается свидетельство, по которому праведник причисляется к лику святых.

Академик Д. С. Лихачев

Сказание о княгине Ольге [1]

Соберемся все вместе, правоверные люди русской земли, все сословия и все возрасты, и восславим Бога, даровавшего нам великую княгиню Ольгу, от которой началось наше обращение к Богу. Произвела ее Плесковская земля, область великой Русской земли. Происходила княгиня Ольга из села Выдубцы на границе с немецкой землей, из народа варяжского, не от княжеского рода, не из вельмож, а от простых людей. Вот что рассказывает некое древнее предание. Однажды князь Игорь, тогда еще совсем юный, в Псковской земле тешился охотой и увидел на другой стороне реки хорошую добычу, и не мог он перебратиться через реку, не было у него лодки. И увидел он, что кто-то плывет по реке на лодке, и позвал лодочника, и велел перевезти себя через реку. И когда плыли они, взглянул на гребца того и увидел, что это девица (а это и

была блаженная Ольга) юная, красивая и отважная. И разгорелась в нем страсть, и обратился он к ней с бесстыдными словами. Она же, пресекая его непристойные речи, сказала ему, проявив не юношескую, но мужскую мудрость, обличая его: «Зачем напрасно позоришь себя, о князь, склоняя меня на срам? Не обольщайся, видя меня, молодую девушку, совсем одну, и не надейся – не возьмешь меня силой. Подумай о себе, откажись от своего помысла. Пока ты юн, блюди себя, чтобы не победило тебя неразумие, чтобы самому не пострадать. Если ты станешь рабом постыдных побуждений, как же ты сможешь другим запрещать неправедные поступки и праведно управлять державой своей? Знай, что если ты не перестанешь соблазняться моей беззащитностью, то глубина реки поглотит меня – и я избегну позора, и ты не впадешь в соблазн из-за меня».

Это первое благое достойное удивления проявление благоразумия и целомудрия блаженной Ольги, еще не знавшей Бога и заповедей Его. Удивился князь Игорь зрелому разуму и благоразумным ее речам. И отказался от своего юношеского порыва, и, устыдившись, в молчании перебрался через реку, запечатлев все это в сердце своем до времени, и вернулся в Киев. Когда же пришло время, повелел он, чтобы нашли ему невесту; и стали ему подыскивать невесту, как это было в обычае у властителей. И многими он пренебрег и вспомнил Ольгу, отвагу и красоту которой видел и из уст которой слышал речи разумные и целомудренные, нрав которой узнал. И послал за ней родича своего князя Олега, и взял ее в жены с подобающей честью, и сочетались они законным браком.

Князь Игорь много воевал. После смерти родича своего, князя Олега, воевал Игорь с греками. И наконец царь Роман[2], послав лучших своих бояр, чтобы умилостивить Игоря, стал давать ему дань больше, чем раньше давал Олегу. И так самодержствуя, жил Игорь-князь в мире со всеми странами. И родился у них с Ольгой сын Святослав.

Однажды пошел Игорь-князь на Деревскую землю за данью, и удвоил он дань с древлян. Древляне же задумали злое: «Он снова вернется. Давайте убьем его, а супругу его,

премудрую Ольгу, возьмем за нашего князя Мала, а сына его Святослава убьем и освободимся от дани». И когда Игорь отправил собранную дань в ладьях в Киев, а сам остался с небольшой дружиной, убили его древляне около города Искоростеня и там и погребли его. И послали послов к княгине Ольге.

Горько плакала княгиня Ольга: «Увы мне, великий самодержец, великий государь русский! Увы мне, свет мой! Куда ты скрылся от очей моих! Лучше бы мне прежде тебя умереть! Не слышала бы я о твоей гибели не от супостатов-врагов, а от людей земель твоих! К кому мне горькую печаль обратить? Сын мой еще дитя, кто будет наставлять его и кто сбережет ему державу его?» И так плакала она, и никто не мог ее утешить, и все люди плакали с нею. А как кончилось оплакивание, собралась княгиня Ольга с силами, оставив женскую слабость, мужским умом вооружилась и решила, как отомстить за кровь мужа своего, как покарать убийц.

И послала она за древлянскими послами. И спросила их хитроумно:

«Хорошо, что вы пришли, о мужи. Говорите же зачем пришли?»

«Послала нас Деревская земля. Твой князь отяготил нас данью, и все ему было мало. Из-за этого он убит. А наши князья добрые. Выходи за нашего князя Мала».

И сказала Ольга:

«По душе мне ваши речи. Мужа моего не воскресить. И я не могу восстановить господство над вами моего мужа, которого вы убили. Идите теперь в ваши ладьи. Завтра я пришлю за вами. А вы скажите посланным за вами: «Пешком не пойдем, на конях не поедем, несите нас в лодках». И когда понесут вас, получите великую честь пред моими людьми».

Назавтра Ольга послала за ними. Древляне, гордясь, сидели в лодках и говорили, как их научила Ольга:

«Несите нас на головах своих вместе с ладьями. Киевские люди смеялись над глупостью и, как бы повинуясь, сказали: «Князя у нас нет, а княгиню вы берете за своего князя, и теперь нет нашей воли».

И понесли их на тюремный двор. А Ольга смотрела из терема. И бросили их в заготовленные там ямы, говоря: «Люба ли вам честь такая?» Они же, ввергнутые в глубокую яму, вопили: «О горе нам!» И засыпали их живыми. И снова послала Ольга к древлянам: «Если хотите взять меня в жены вашему князю, пришлите мне лучших людей, пойду к вам с великими почестями, если не удержат меня киевские люди».

Древляне послали восемь избранных мужей, самых знатных в Деревской земле. И пришли они в Киев. Ольга велела им, прежде чем к ней идти, вымыться в бане. Их заперли в бане и сожгли. И снова послала Ольга к древлянам: «Иду к вам. Приготовьте многие меды у того города, где убили вы моего мужа. Я хочу поплакать над его могилой и совершить тризну». И пришла Ольга с войском на Деревскую землю.

Пришла на могилу Игоря и плакала над ним плачем великим: «О свет мой, о жизнь моя! Самодержцем всей русской земли ты был, а ныне ты мертв и землей покрыт и никем не владеешь! Где власть твоя самодержавная, где слава и красота мира сего – все это миновало, и соединился ты с землей! И я тебя, жизнь моя, лишена, и сиротой вдовицей с единственным сыном осталась! Много таких забот предстоит – как смирить врагов, как вражду прекратить, мирные дни обрести и истинный путь найти! И как мне преуспеть против врагов наших, убийц своего князя! Пусть примут они месть, чтобы и другим было неповадно, чтобы прекратилась на Руси дерзость помышления против самодержцев!»

И еще много горестных слов она говорила. Велела же насыпать курган над Игорем и тризны творить, как это принято у язычников. И древляне сели пить. Ольга велела своим людям служить им, но самим не упиваться. А когда древляне напились, тогда воины ее зарубили пять тысяч древлян. И возвратилась Ольга в Киев:

И вновь собрала Ольга войско и пошла на древлян с сыном своим Святославом. И были побеждены древляне. Они, отступив, затворились в городах, но и так не спаслись: были взяты Святославом города их. А Ольга устремилась на город Искоростень и осадила его. Древляне крепко бились, не хотели

сдаваться. Год стояла Ольга около города и не могла взять его. И послала она к горожанам, говоря: «Все города уже сдались мне и платят дань, и возделывают нивы свои. А вы от голода умрете, если не согласитесь платить дань». Древляне сказали: «Мы рады бы заплатить, да боимся твоей мести». Сказала им Ольга: «Мы уже вам отомстили. Вы истощены, и я не стану утяжелять вашу дань, как мой князь. Я знаю, что у вас сейчас нет ни меда, ни шкур, я возьму с вас то, что вы имеете: дайте мне от каждого двора по три голубя и по три воробья».

Собрали они со своего города воробьев и голубей и послали к ней с выражением покорности. Она же, принимая дань, сказала: «Ну вот, вы покорились мне и моему сыну. Идите в город. А я не сегодня, так завтра отступлю от города». И все в городе, узнав об этом, возрадовались. А Ольга, раздав этих птиц воинам, повелела к каждой привязать серу с трутом, увязав их в тряпочку. Вечером, когда стемнело, велела отпустить воробьев и голубей, поджегши трут. И полетели они в свои гнезда, и запылал весь город. Люди не смогли погасить пожара и побежали из города. И велела Ольга одних ловить и убивать, а других воинам отдала в рабство, а иных оставила платить дань. И всю Деревскую землю покорила она, и возложила на древлян дань тяжелую[3].

Пошла Ольга с сыном своим и со всем войском по Деревской земле, устанавливая порядок дани и места охоты. Потом возвратилась в Киев. Через год, оставив сына в Киеве, пошла к Новгороду, стала устанавливать по Мете погосты, определять от лугов и охотничьих угодий дани и оброки, устанавливать по Днепру места для ловли птиц и села, и по Десне, и по всей земле ловища, и знаки, и места, и погосты. Установив повсюду порядок и осмотрев все, возвратилась в Киев. Кто не подивится мудрости, мужеству и целомудрию блаженной Ольги? Не будучи крещеной, управляла страной. Лишившись мужа, не захотела выйти замуж за другого! Убийцам же супруга своего месть воздала по обычаю властителей. Ибо заботилась о том, чтоб установить к добру и пользе царскую власть в русской земле, отеческое наследие сыну своему, а сына своего она очень любила.

Особенно заботилась она о духовном. Ибо коснулось ее сердца слово спасения, приводя к истинному богоразумию, которого блаженная Ольга возжаждала и о котором привыкла размышлять, а она была мудрее всех людей. Премудростью уразумела она, что все люди ее земли, не зная о существовании Бога, неразумно кумирам, не являющимся богами, бездушным идолам, напрасные жертвы приносили. Прельщенные дьяволом, они угодное дьяволу и творили. Но всемилостивый Бог не забыл творение рук своих и не оставил заблудший народ, но помиловал нас, и дал нам того, кто повел нас к спасению – не от иной страны, не из чужой земли, а из дома и отечества русского – богоразумную равноапостольную княгиню Ольгу. Подвиг ее в том состоял, что познала истинного Бога. Не зная закона христианского, жила чистой и целомудренной жизнью и жаждала она стать христианкой по свободной воле, сердечными очами путь познания Бога обретая, и шла по нему без колебания. И так говорила себе: «Если окажусь угодной Богу, то сам Господь, который все знает, не лишит меня моего желания. Если Он захочет, Он наставит меня на истину». Не было тогда в Русской земле учителя благочестия.

И захотела Ольга пойти в Царьград[4], сама хотела увидеть красоту церковную, услышать слово благочестия, разумом познать православную веру. Без всякого сомнения хотела креститься. Ее добрые дела и милостивый нрав способствовали принятию Бога.

А в это время сын ее Святослав воевал с болгарами, и взял восемьдесят городов по Дунаю, и жил в Преславце, господствуя над болгарами. И с Царьграда подати и дани брал.

И пришла блаженная княгиня Ольга в Царьград, ища, как хороший купец бесценный жемчуг, Христа, и нашла Его. Царь принял ее с подобающей честью. И увидел царь, как красива она, как разумна в беседе, разумом украшена, премудростью в избытке наделена, и подивился царь ее великому разуму и светлости благообразия, и полюбил ее сильно, и возжелал ее. И стараясь склонить ее к своей любви, уловить загадками и

лестью, хитря в беседе, как древняя египтянка, пытавшаяся соблазнить целомудренного Иосифа[5]. И говорил он так:

«Хорошо, что ты пришла к нам, прекраснейшая из жен, чтобы увидеть честь и красоту нашей державы. Твоя красота являет – достойна ты находиться здесь и сочетаться с моей красотой! Достойна назваться царицей, царствовать с нами и к нашей вере приобщиться».

Ибо царь был очень хорош собой. А богомудрая Ольга поняла, что замысел его рожден по навету диавола, который в древности вселился в змею и нашептал первозданным людям – так по-змеиному нашептывали соблазны уста царя-женолюбца. Но оперившись крылами богоразумия, чистым помыслом возвысившись, искусно стала переплетать сети суемудрого царева злоумышления. С молодых лет заботилась она о целомудрии более, чем о греческом царстве. И осенила благодать уста ее, и стала беседовать с царем смиренномудрыми словами, так говоря:

«Некогда сладкая молва услышана была мною о вашем царстве и о вере христианской, ныне чудесное видение вижу очами – красоту безупречного закона божия, который тут у вас осуществляется. Ты, царь, говоришь, чтобы мне войти в чертог твой, и предлагаешь здесь царствовать. Я от этого не отказываюсь, но я – язычница. Язычник и сын мой, которому вы дани и подати платите. Ты мне советуешь прежде всего креститься, я и сама хочу этого от всей души. Для этого и пришла сюда. И если ты, царь, истинное попечение о моем спасении проявляешь и хочешь, чтобы стала единомысленной тебе в истинной вере к Богу, то следует немедленно вместе с патриархом совершить надо мною дело Божией благодати, пока ничто мне не препятствует. Когда же буду крещена, то и все, о чем мы говорили, сбудется по закону христианскому».

Царь тогда ни о чем другом не думал, как только скорее вступить в брак, заблуждаясь и думая, что все готово для этого брака. И вот святейший патриарх Фотий со всем собором спасительными словами огласил ее, при этом царь был восприемником, а патриарх совершил священное таинство крещения. И было наречено ей имя Елена. Патриарх

благословил ее и сказал ей пророческие слова: «Благословен Христос Бог наш, освящающий всякаго человека грядущего в мир, избравший тебя из язычников русского народа! Благословенна ты среди жен русских, потому что тьму заблуждений оставила и свет вечной жизни возлюбила! Благословлять тебя будут все русские сыны в поколениях твоих внуков».

И он беседовал с нею и наставление о православной вере дал. Она стояла, склонив голову, впитывая как губка морская росу учения божественных Писаний. И благословил ее патриарх. И блаженная княгиня Ольга, оставив богатые дары в соборной церкви, вернулась к себе, радуясь и благодаря Бога. Тем временем царь, полный своих низменных замыслов, хотя признавал закон благочестия, но неподобающие действия затевал. Позвал Ольгу и сказал: «Теперь настало время. Чертог готов. Выходи за меня. Будешь мне женой и всему нашему царству госпожой». Услышав все это, Ольга не смутилась и не растерялась (не будучи ученой, она была премудрой), ответила незамедлительно, пресекая душепагубные слова и обличая неподобающие поползновения, посрамив своими словами:

«Я из языческой страны потрудилась придти сюда, чтобы узнать о Боге и о заповедях Его. А разве есть у христиан обычай, чтобы отцу жениться на дочери?[6] Ведь ты меня от святой купели воспринял и дочерью меня своей назвал. Я не о тленной благодатию заново родилась, а ты меня в тленный чертог зовешь ко временному царствованию. Я стала невестой бессмертному жениху Христу, чтобы царствовать с Ним вечно. Вы же сами говорите, что всем любящим Бога суждена вечная жизнь в небесном царствии. А земное царство – мне достаточно великой русской земли, где самодержствует со мною мой сын, а дани и подати он получает от многих стран, в том числе и от вашего царства. Не позорь себя, прекратим беседу, чтобы не без смущенья вернуться к себе».

Царь, обличаемый совестью и стыдом, пришел в чувство и о непотребстве своих слов раскаялся. И подивился великой премудрости ее, и благоразумию ее, и мужеству нрава. И устроил царь пир великий, и одарил Ольгу великими и

бесценными дарами, и с великою честию проводил, называя своей дочерью по крестному родству. Перед отъездом Ольга пришла к патриарху, прося благословения на путь. И так сказала она, заливаясь слезами:

«Что могу твоему преосвященству воздать, о вселенский патриарх? Как могу выполнить все, чему здесь научилась? Люди моей страны в нечестии язычества живут, как и сын мой. Лишь меня одну, заблудшую овцу, Господь благодаря твоему предстательству и молитве привел к незаблудшим овцам. А теперь я лишаюсь твоего чадолюбия и премудрости. Дай же мне вместо себя одного из твоих священников, и пусть он будет мне пастырем и наставником. И даруй спутникам молитву твою – прощальное благословение».

Патриарх благословил ее, помолился о ней со всем собором, одарил ее щедро: даровал ей крест честный и святые иконы, дал ей священника и священные вещи, и книги[7]. И сказал:

«О чадо, угодившее Богу, знаменитая среди царствующих, прими эту святыню, это вечное благословение. Ты залог спасения русского народа, потому ты веруешь и вещи священные принимаешь с верою». Получив наставление и благословение патриарха, блаженная Ольга вернулась с миром в свою землю, неся с собой из Царьграда божественную благодать, которая больше любого богатства.

И жила блаженная Ольга в Киеве. Тем временем царь прислал ей письмо, говоря: «Ты обещала прислать мне воздаяние, то, чем богата твоя земля. Исполни же обещание». Блаженная Ольга составила ответ, который передал царю его посланец:

«Я, царь, была в Царьграде и сподобилась просветиться святым крещением. Ты же, несмотря на мой возраст, склонял меня ко браку, которого я не хотела. Ты от святой купели меня воспринял, но благодатного родства со мной не признал, как бы став отступником законов христианских – отцом по благодати крещения нарекшись, захотел стать моим мужем. Когда ты замышлял это неподобное дело, пренебрегал просить у нас потребного для твоего царства; ты покушался на то, чего

получить не можешь. Благодатью Христовой из уст моих недостойных коварство твое разрушилось. Едва придя в разумение, обличаемый совестью, ты примирился со мной, одарил и с честью отпустил в мою землю. А теперь воздаяния требуешь. Ты, видно, насмехаешься, если думаешь получить просимое. Ничего ты не получишь. Если бы ты хотел получить от нас помощь душевного ради союза и ради чистой любви, тебе бы следовало прежде совесть свою уцеломудрить. А потом потрудиться самому придти к нам, постоять в нашей реке Почайне, посетить нас с воинством духовной любви, как и я у вас была, и в сосуде святой купели стояла. Тогда и получишь двойные почести, достойные твоего царства, и многочисленные дары». И отпустила посланников с миром к царю.

Ольга жила среди бесчисленного множества язычников, помраченных тьмой идолопоклонства. Были же они как дикие звери, одна сияла она среди них, глубокую тьму неверия отгоняя и предвозвещая русским людям светлый день православия. Все ее старания были направлены на то, чтобы просветить людей верою Христовой. И сына своего Святослава много раз побуждала креститься. Люди дивились ее речам, подобных которым никогда не слышали. Некоторые приняли из уст ее слово божие и крестились. А сын ее, великий князь Святослав, зверю подобен был по привычкам своим, не прислушивался к ее словам, как и вельможи его. Хотящим креститься тогда не препятствовали, но над крестившимися смеялись язычники, ибо неверующим вера христианская безумием кажется. Они, во тьме ходя, не желали видеть славу Господню. Очень уговаривала Ольга сына своего принять крещение:

«Не ослушайся меня, матери твоей! Знай, дитя мое, что тот, кто не покоряется родителям, также как и доброму наставлению учителя, погибели своей ищет. Послушай меня, сынок, приими веру истинную и спасен будешь. Не медли, пока погибель тебя не застала».

Но казалось Ольге, что сеет она на воде, потому что холодно отнесся он к ее словам и ответил уклончиво:

«Знаю я, что лучше бы мне тебя послушаться. Но если б я и хотел креститься, мои люди не последуют за мной. Если я один приму закон христианский, мои бояре и сановники вместо повиновения смеяться будут надо мной. И зачем мне самодержство, если из-за чужого закона все меня оставят и я никому буду не нужен?»

«Не говори так, сын мой. Если ты крестишься, и люди твои за тобой пойдут, единомысленно примут участие в такой великой благодати и двойную славу и честь ты ото всех получишь».

Но он не слушал ее речей, даже прогневался на святую свою мать. Как сказал пророк: «В душу неразумного не войдет премудрость». Ольга же, видя суровую непроницаемость души его и слыша безумные ответы, скорбела и плакала и непрестанно молилась со слезами ко Христу, чтобы просветил Он русских людей светом своей веры.

На реке Великой среди дубравы было видение блаженной Ольге: она видела, что место освещено тремя лучами пресветлыми несказанного света. Она возблагодарила Бога за знамение, предрекающее нисхождение благодати крещения на русскую землю.

«На этом месте, – сказала она, пророчествуя о городе Пскове, – будет церковь по имя Пресвятой Троицы[8]. И будет здесь город великий и славный». И молилась она на этом месте, и поставила там крест, который и доныне стоит.

Княгиня Ольга послала много золота на Плескову реку для постройки храма св. Троицы на том месте, где видела трисиятельные лучи. Потом тут возник большой город. Великое попечение имела Ольга о русской земле. А сын ее Святослав любил жить в Болгарии в городе Переславце на Дунае. А дети его,

Ярополк, Олег и Владимир, в Киеве жили, и заботилась о них их бабушка, святая Ольга. Печенеги однажды коварно напали на Киев, как неводом его охватили и едва не взяли. Но Божий промысел сохранил город от всякого зла молитвами святой Ольги – поспел придти к городу воевода Святослава

Претич, с небольшим войском. А печенеги думали, что пришел великий князь, и разбежались.

Княгиня Ольга любила своих внуков, но крестить их не решалась, боясь, как бы не учинил чего-нибудь неподобающего непокорный сын Святослав. Но она молилась о них, и Бог внял ее молитве. Внук ее, великий князь Владимир, через некоторое время принял крещение, и всех людей своей земли привел к крещению.

После ухода печенегов послала Ольга на Дунай к Святославу, сообщив ему, что учинили печенеги в земле его. Он вернулся, прогнал печенегов в степь и настал мир. В Киеве Святослав сказал матери своей и боярам:

«Не хочу жить в Киеве, а хочу в Переславце на Дунае, потому что он находится посередине моей земли и туда все блага сходятся». Блаженная Ольга с плачем сказал ему:

«Зачем, сын мой, оставляешь меня? Куда идешь, чужого желая? А свою землю кому поручаешь? Дети малы, а я стара, и уже смертельно больна. Ты не послушал моих советов, погрузился в смрадное кумирослужение, из-за слепоты неверия ты спотыкаешься во тьме. Ты не сотворил Бога помощником себе, но возложил упование на тленное людское множество, которое быстро истощается. Но сейчас не уходи, пока не умру и меня не похоронят. А потом иди, куда хочешь. Но со мной поступи так: после моей смерти не делайте ничего по языческому обычаю, но пусть мой священник погребет тело мое по обычаю христиан, засыпав его вровень с землею. Кургана пусть никто не дерзнет насыпать или творить тризну. Пошли золота в Царьград к патриарху, пусть он совершит моление о моей душе и нищих ободрит».

Святослав, хоть и не веровал во Христа, но по сыновней любви обещал ей все исполнить.

Через три дня наступила ее последняя болезнь. И настал час, когда от телесного союза захотела душа ее отделиться и к вышнему чертогу переселиться. Причастилась святая Ольга тела и крови Христовых и перешла в обители вечные, удостоившись небесного чертога вместе с мудрыми девами. Преставилась она в год 6477 (969) 11 июля, быв в супружестве

42 года; после смерти мужа через десять лет приняла она крещение и прожила в благочестии пятнадцать лет; всего лет ее жизни было около восьмидесяти. Великий князь Святослав, сын ее, и внуки ее, и все бояри и горожане, провожая, плакали великим плачем.

Когда понесли ее хоронить, то собрались все, сколько там было христиан, и язычники, и приезжие из многих стран, и все о ней плакали. Для князей и сановников она была мудрейшей правительницей, горожане находили у нее прибежище и упокоение, вдовы и сироты приют, насыщение и одежду – все получали от нее просимое. Когда настал конец этого многолюдного плача, принесли тело на то место, где святая Ольга завещала себя похоронить. Священник совершил отпевание и благоговейно похоронил ее; все было сделано так, как она завещала.

За свою праведную и богоугодную жизнь святая и блаженная великая княгиня Ольга, во святом крещении Елена, получила от Бога воздаяние – царствие небесное и нетленное блаженство. Честные мощи ее находились в земле около тридцати лет и были обретены нетленными. И от них произошло много чудес и исцелений.

Житие великого князя Владимира, в святом крещении Василия [9]

Князь Владимир был сыном Святослава, внуком Игоря и святой Ольги, правнуком же Рюрика, призванного на княжение из варягов. У Святослава Игоревича было три сына от разных жен: Ярополк, Олег и Владимир. По смерти Святослава старший сын его Ярополк, сев на отцовском престоле в Киеве, пошел войной на древлянского князя Олега, своего брата, убил его, а княжение его взял себе. Узнав об этом, княживший в Новгороде Владимир, убоялся, как бы тот с ним так же не поступил, и бежал за море к варягам. А Ярополк взял под свою власть и новгородские княжения, как и древлянские. Но через некоторое время Владимир, собрав большую воинскую силу – частью у варягов, частью в иных пределах русской земли, пошел на киевского князя Ярополка и убил его и захватил и княжение киевское, и жену брата, родом гречанку. И сделался

он единовластным правителем всей русской земли, и поставил он идолов на высоких местах, и поклонялся им, принося жертвы, и весь народ заставлял поклоняться идолам, а тех, кто не желал им кланяться, повелевал предавать смерти. И убит был тогда блаженный Феодор-христианин с сыном Иоанном[10], ибо не захотел быть сообщником идолопоклонников и сына своего не отдал в жертву бесам. Прочие же христиане, просвещенные святой Ольгой, для которых она и церковь на Аскольдовой могиле создала, кто из них еще оставался в живых, от страха не объявлялись: одни бежали, другие втайне хранили святую веру, а некоторые вновь обратились к прежнему нечестию. И если где и стояла еще христианская церковь, она была разорена рукою идолослужителей.

Владимир же поставил в Киеве следующие главные идолы: первый, самый главный идол – Перун, который считался богом грома, молнии и дождевых облаков, второй – Волос, считавшийся богом скотов, третий – Позвизд или Вихор, бог воздуха, четвертый Ладо, бог веселья, пятый Купало, бог плодов земных, шестой Коляда, бог праздника, бывающего зимой. И иные, меньшие боги – не только в Киеве, но и по всем Русской державы пределам – по велению того великого князя были поставлены, став местом нечестивого почитания. Такое же идолопоклонство совершалось и в Великом Новгороде, где посланный Владимиром начальствовал его дядя Добрыня, брат его матери. Наряду с идолопоклонством Владимиру было свойственно и другое зло – в плотских похотях без воздержания, как в тине, валяться, ибо, как в древности Соломон, он очень любил женщин, был ненасытен в плотском сладострастии и имел много жен, а еще больше наложниц.

Не будет неуместным вкратце вспомнить здесь и о том, что жители Руси и до Владимира, хоть и не все, но некоторые в разные времена крестились. Во-первых, славяно-русский народ был крещен святым апостолом Андреем Первозванным[11], который, достигши Киевских гор, благословил их и, водрузив на высоком холме крест, предсказал, что здесь будет город, в котором воссияет Божия благодать. И тех людей, которых он тогда там нашел, научил святой вере и крестил. Затем пошел и

в другие русские земли, где ныне стоит Великий Новгород и другие знаменитые города, и всюду, кого смог обратить ко Христу, просветил святым крещением. Вновь крестилась Русь в царство греческого царя Василия Македонянина, в патриаршестве святейшего Фотия[12], когда прислан был от них архиерей Михаил[13], а в то время, в малолетство русского князя Игоря Рюриковича, правил княжением его родственник и воспитатель князь Олег. И когда пришел из Царьграда в русскую землю греческий архиерей, чтобы научить святой вере неверный народ, люди желали сначала видеть какое-нибудь совершенное им чудо, и спросил архиерей, какого чуда им хочется; они же сказали: «Книга, которая учит вашей христианской вере, пусть будет брошена в огонь, и если не сгорит, тогда узнаем, что хороша и истинна ваша вера и велик Бог, тобою проповедуемый».

Архиерей же, уповая на Бога, повелел разжечь перед всеми великий огонь и, воздев руки к небу, помолился, говоря: «Прославь имя твое, Христе Боже!» И сказал это, положил книгу, святое Евангелие, в огонь, и не сгорела книга: все дрова сгорели и огонь погас, а Евангелие оказалось цело, нисколько огнем не повреждено. Увидев то чудо, многие поверили во Христа и крестились. Еще крестилась Русь в дни великой княгини Ольги, жены великого князя русского Игоря Рюриковича, матери Святослава, бабушки Владимира[14]: она, как говорит ее житие, пойдя в Царьград, приняла там святую веру и наречена была в святом крещении Еленой. Возвратившись же оттуда, многих она в Киеве и прочих русских городах к святому крещению привела, однако всех просветить не смогла, ибо и сына своего Святослава никак не сумела уговорить принять христианство. От тех крещений, бывших прежде Владимира, не могла расшириться и утвердиться на Руси святая вера как из-за частых войн, так и из-за князей, преданных нечестивому идолопоклонству. И наконец, вся Русь просветилась в дни великого князя Владимира, после того, как он сам сначала просветился и истинный путь спасения познал и всех на него наставил – и образом своего благочестия, и монаршеским своим поведением. Началось же это просвещение так.

Когда разнеслась слава о храбрости Владимира, единовластии его и размерах его царства, превышавших владения других царей и князей во всей поднебесной, начали приходить к нему проповедники из разных народов, хваля свою веру. Вначале пришли мусульмане, и спросил их Владимир: «Какова вера ваша?» Они сказали: «Мы веруем в Бога, пребывающего на небесах, и есть у нас пророк Божий Мухаммед, который позволяет нам иметь жен, кто сколько хочет и всякими страстями плотскими наслаждаться, только повелевает обрезываться, не есть свиного мяса и не пить вина». И о других делах, свойственных их вере, говорили мусульмане, но писать о них нехорошо. Будучи женолюбив, Владимир о женах слушал с удовольствием, но обрезание и отказ от вина ему не понравились, и он сказал: «Жить без вина мы не можем, ибо на Руси все веселие и удовольствие бывает в подпитии».

Приходили проповедники и от немцев, и от римского папы, и от западного кесаря, и прочих князей посланцы, каждый свою веру называя хорошей, но ни одна из них ему не полюбилась. Пришли также и евреи, говоря, что лучше всех вер их ветхозаветная вера. И спросил их Владимир: «Где земля и царство ваши?» Они же сказали: «Наша земля – Иерусалим, Палестина и окрестности; но поскольку прогневали мы Бога грехами нашими, расточил за то нас Бог по всей Вселенной, а землю нашу отдал христианам». И сказал им Владимир: «Как же вы иных вере вашей учите, сами будучи отвергнуты вашим Богом? Ведь если бы Бог вас любил, то не расточил бы вас по чужим землям. Может, вы и нам желаете такого расточения?» И сказав это, прогнал их от лица своего.

После всех пришел к Владимиру от греческих царей Василия и Константина и от патриарха царьградского Николая Хрисоверга посол с дарами, человек выдающийся, искусный в слове и боговдохновенный, Кирилл-Философ[15]. Это не тот Кирилл-Философ, который с братом своим Мефодием проповедовал Христа сначала среди хазар, потом в Моравии и перевел книги с греческого языка на славянский, но другой человек, носивший то же имя. Тот Кирилл-Философ жил более

чем на сто лет раньше, а этот позже, и некоторые историки называют его не Кириллом, а Киром. Этот философ Кирилл (или Кир) долго беседовал с Владимиром о христианской вере, начав от сотворения мира, рассказал обо всех пророчествах, о воплощении Христовом, о добровольно воспринятом им страдании и крестной смерти ради спасения людей, о воскресении из мертвых на третий день и вознесении на небеса, как о том пространно пишет преподобный Нестор Печерский.

Потом он заговорил о втором пришествии Христовом, о воскресении мертвых, о Страшном суде, о бесконечной муке, уготованной грешникам, и о воздаянии праведных в царствии небесном, и дал ему в дар от пославших его большое златотканое полотно, на котором искусно было выткано изображение Страшного суда Божия и разделение грешных от праведных. И стояли праведные по правую руку Судии – по ту сторону, где изображены были рай и царство небесное; грешники же стояли слева, по ту сторону, где было изображение геенны огненной, страшных демонов и различных адских мук. Все это внимательно рассматривая, Владимир спрашивал философа обо всем, и тот все подробно объяснял ему, говоря:

«Когда придет Христос во славе Своей с небес на землю судить живых и мертвых и воздать каждому по делам его, тогда тех, кого Он найдет праведными, поставит справа от себя и пошлет их в царство Свое небесное на вечное веселье, а кого найдет грешными, тех поставит слева и пошлет в геенну неугасимую на бесконечные муки». Услышав это, Владимир вздохнул и сказал: «Блаженны те, кто станет по правую руку, и горе тем, кто окажется слева!» И сказал ему Философ: «Если ты, царь, перестанешь делать зло и примешь святое крещение, то будешь удостоен стоять справа, если же пребудешь в нечестии, то и твое место окажется слева». Владимир выслушал слова Философа и, размышляя, сказал: «Подожду еще немного, пока лучше разузнаю о всех верах». И, одарив Философа и его спутников, отпустил их с честью в Царьград.

Когда греческий философ ушел, Владимир созвал всех своих бояр и старейшин и сказал им: «Вот, приходили ко мне мудрецы из различных народов, из мусульман, немцев, римлян,

евреев и из прочих народов, каждый хваля свою веру. После всех пришли и греки и говорили, более чем другие, удивительные вещи о своей вере, повествуя о происшедших в поднебесной делах от начала мира и доныне, и говорят, что наступят иной век и иная жизнь, и после смерти все люди воскреснут, и если кто что доброе в этом веке сделал, то в будущем будет радоваться, живя бессмертной жизнью, а грешники будут вечно мучиться». И ответили ему его бояре и старейшины: «Никто никогда не хулит свое, но, конечно же, хвалит. И если ты, великий князь, хочешь вернее узнать истину, то у тебя ведь множество мудрых людей – пошли лучших из них по различным землям и народам, пусть они увидят и разузнают всякую веру и кто как служит своему Богу, а потом, возвратившись, пусть расскажут тебе и нам обо всем подробно и основательно, как очевидцы».

Послушавшись этого совета, Владимир послал толковых и умных людей в разные земли, чтобы они познакомились с верой и службой каждого народа. Те же, пройдя многие страны и царства, пришли, наконец, в Царьград и сказали греческим царям Василию и Константину о причине своего прихода. Цари обрадовались и тут же сообщили о них святейшему патриарху. Патриарх же велел празднично украсить церковь, одел драгоценнейшие святительские облачения и со многими священниками и епископами совершил божественную литургию. Пришли к литургии и цари с посланцами Владимира и, введя их в церковь, поставили на таком месте, откуда им было бы удобно все видеть и слышать. Те же, видя непередаваемую красоту хвалений Бога, каковой красоты нигде никогда не видели, и слыша прекрасные звуки церковных песнопений, каких никогда не слышали, очень удивлялись и полагали, что не на земле уже стоят, а на небе, ибо осиял их в то время свет небесный, и были они как бы вне себя от радости духовной, которой тогда исполнились их сердца. По совершении же божественной литургии цари и патриарх оказали тем русским послам большую честь – устроили для них прием и, одарив их многими дарами, отпустили.

И когда они возвратились к Владимиру, вновь созвал Владимир бояр своих и старейшин и повелел, чтобы возвратившиеся посланники рассказали перед всеми, где что они видели и слышали. Те же рассказали ему все по порядку о вере и о службе каждого народа, но всем слушавшим не нравились те веры. Потом рассказали они о том, что видели у греков: «Когда мы пришли в Царьград, греки ввели нас в свою церковь, где они служат своему богу, и мы видели там такую великую красоту, которую язык наш передать не в состоянии; одежды священников чудесны, служба весьма хороша, и люди все стоят в благоговении, пение же такое сладостное, какого мы никогда не слышали. И объяла нас какая-то радость, и мы сами не чувствовали себя и не знали, на земле ли мы находимся иль на небе. И нет такой красоты и столь превосходного благохваления во всей поднебесной, какие у греков. И потому мы полагаем, что вера их истинна и что только с теми людьми истинный Бог».

И сказали бояре Владимиру: «Если бы вера греческая не была хороша и истинна, то бабка твоя Ольга не приняла бы ее, ибо женщина она была очень мудрая». Тогда Владимир по действию благодати Святого Духа начал понемногу просвещаться в уме своем и познавать правую христианскую веру и желать ее. Но поскольку при нем никого не было, кто скоро привел бы его к исполнению намерения, а все бояре и советники были помрачены тьмой нечестия, продолжилось уверение и отложилось крещение его на некоторое время, пока он не принял решение пойти на греческую землю войной, захватить их города и получить учителей христианства, которые научили бы его вере.

И собрав воинскую силу, он пошел к Тавриде, и взял сначала греческий город Кафу (Феодосию), затем пришел под Херсонес, стольный город той земли. И окружил этот город и осаждал его немалое время, но не мог взять, ибо город был крепок и греческие воины в нем мужественно защищались. Взял же он его так: херсонесский протопоп Анастас написал Владимиру на стреле следующее послание: «Царь Владимир! Если хочешь взять город, найди с восточной стороны в земле

трубы, по которым течет в город пресная вода. Если ты их разобьешь, то лишишь город воды, и, убежденные жаждой, горожане скорее тебе покорятся». Написав это на стреле, протопоп натянул и пустил стрелу к шатру Владимира упала та стрела перед шатром, и тут же, заметив ее, стрелу взяли и, увидев на ней греческое письмо, принесли к Владимиру. Был позван был переводчик с греческого языка, когда он прочел и перевел написанное, Владимир повелел внимательно искать в земле восточной стороны от города трубы водоотвода и, найдя, перебил их. И не стало воды в городе, и изнемогли люди от жажды, и тогда нехотя покорились они Владимиру. И взял Владимир город Херсонес, торжественно вошел в него, не причинив людям ни зла, ни обиды.

По взятии же Херсонеса и всей Тавриды послал Владимир к царям греческим посольство со словами: «Вот взял я ваш славный город Херсонес и всю землю Таврическую. Слышал я, что у вас есть сестра, прекрасная дева, дайте же мне ее в жены. А если не захотите мне ее дать, то и с вашим Царь-градом я сделаю то же, что с Херсонесом»[16]. Получив такое послание от Владимира, греческие цари немало опечалились, и сестра их, го имени Анна, не захотела идти за поганого. Но силы многих русских воинов и храбрости Владимира греки убоялись. И написали цари ему так: «Не подобает нам, христианам, отдать сестру нашу за человека, пребывающего в нечестивой вере. Если хочешь ее иметь, откажись от своих идолов и веруй во Христа, истинного Бога, как и мы, и прими святое крещение, и тогда беспрепятственно возьмешь г супруги себе нашу сестру, и, как единоверный, пребудешь с нами в любви, а кроме того, и царствие небесное унаследуешь».

Получив такой ответ от греческих царей, вновь послал к ним Владимир, говоря: «Полюбилась мне ваша вера с того времени, как посланные мною знакомиться с различными верами люди, побывав у вас, возвратились к нам и рассказали подробно, насколько вера ваша лучше других вер, а служение, которым вы служите Богу вашему, превосходнее, чем у всех народов. Я хочу принять вашу веру, только пошлите вы ко мне епископа, который крестил бы меня, да и сами с вашей сестрой придите к

нам или сестру пошлите ко мне в супруги, и тогда я возвращу вам Херсонес со всей Тавридой».

Получив эту добрую весть, греческие цари весьма обрадовались и уговаривали сестру свою, умоляя, чтобы она пошла за Владимира: «Умилосердись над царством христианским, ибо если ты не пойдешь за него, он не перестанет пленять нашу землю, и есть опасность, что он сделает с Царьградом то же, что с Херсонесом. Если же тебя ради Владимир крестится и благодаря тебе Господь обратит к себе русскую землю и отвратит греческую землю от тяжелых и частых войн и нападений руссов, то вечную славу и бессмертное блаженство ты приобретешь». Царевна Анна, хоть и не хотела этого, но ради спасения рода русского, к Богу обратиться готового, да отечеству своему, греческому царству, мира желая, снизошла к совету и мольбе братьев своих и сказала со слезами: «Воля Господня да будет!» И послали ее цари морем в кораблях с архиереем Михаилом, со священниками и со знатными боярами. И когда они достигли Херсонеса, встретили ее с честью и отвели в царскую палату.

Как раз в то время, за несколько дней до ее прибытия, у Владимира заболели глаза и он ослеп. И начал он сомневаться в святой вере и в крещении, внутренне колеблясь и говоря: «Боги русские разгневались на меня за то, что я хочу их оставить и иную веру принять, и послали мне наказание слепотой». Царевна же велела ему передать: «Если хочешь быть здоров и видеть, скорее прими святое крещение, иначе от слепоты своей не избавишься. Если же крестишься, то не только от телесной слепоты, но разом и от душевной освободишься». Услышав это, Владимир ответил: «Если окажется правдой то, что ты говоришь, я поверю, что велик Бог христианский». И тут же, призвав епископа, попросил святого крещения. Епископ же сначала огласил[17] его и в святой вере хорошо поучил, затем в церкви Святой Софии, стоявшей посреди города, крестил и нарек ему имя Василий.

При крещении же его произошло чудо, подобное тому, что было с Савлом, гнавшим Божию церковь и ослепшим от блиставшего на его пути в Дамаск небесного света: когда

слепой Владимир вошел в святую купель, а епископ по ходу чина крещения возложил на него руки, тут же спала как чешуя с глаз его слепота, и он прозрел и прославил Бога за то, что тот привел его в истинную веру, и век благодарил Христа Господа, радуясь и веселясь. Увидев то чудо, и бояре и воины его крестились, и была большая радость среди руссов и греков, а особенно среди святых ангелов на небесах, ведь если об одном кающемся грешнике те радуются, то насколько больше о столь великих душах, Бога познавших, возрадовались они, и «слава в вышних Богу» воспели.

Совершилось крещение Владимира, бояр его и воинов в Херсонесе в лето бытия мира 6496, от воплощения же Бога Слова в 988. По крещении же приведена была ко Владимиру царевна Анна, сестра греческих царей, для обручения; и через несколько дней он был венчан с нею законным браком. И возвратил он грекам Херсонес со своею Тавридой и, заключив с ними мир, возвратился в свою землю. С собою же взял он пришедшего из Царьграда с царевной Анной архиерея Михаила, который был первым митрополитом всея Руси. Кроме того, взял Владимир из Херсонеса с архиереем и многих священников, клириков и монахов. Забрал оттуда и мощи святого священномученика Климента, папы римского, и ученика его Фива, и святые иконы, и книги, и всякую утварь церковную. Взял и того Анастаса протопопа, который стрелой научил его, как взять город Херсонес. И пришел Владимир в Киев с радостью великой, славя Христа Бога. И тут же начал он старательно заботиться о просвещении стольного города своего Киева и всей святой русской державы.

Первым делом велел Владимир крестить сыновей своих, которых у него было двенадцать от различных жен: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода – от Рогнеды, княжны Полотской; Святополка – от гречанки, жены брата; Вышеслава – от чешской княжны: Святослава и Станислава – от другой чешки; Бориса и Глеба – от болгарки; Брячислава и Судислава – от какой-то другой жены. И были они крещены митрополитом Михаилом в одном источнике, источник тот находился на горе над Днепром, с того времени и доныне называется то место

Крещатиком. Затем послал Владимир глашатаев по городу, повелевая, чтобы наутро все собрались на реке Почайне, из Днепра вытекающей и вновь в Днепр впадающей, старые и молодые, большие и маленькие, богатые и бедные, мужчины и женщины, предупреждая, что кого не окажется в назначенное время на реке, тот будет противен Богу и великому князю.

И когда наступило утро, пришел сам князь с боярами на реку, и архиерей с ним, и все священники, и собрался весь город к реке, всякий чин и возраст, обоего пола людей бесчисленное множество – на месте, где ныне стоит церковь святых страстотерпцев Бориса и Глеба. И повелено им было, сняв одежды, войти в реку – отдельно мужскому полу, отдельно женскому, более старшим – в более глубокие места, маленьким же стать недалеко от берега. И стояли они в воде кто по шею, кто по пояс, разделившись на группы. А священники в иерейских облачениях, стоя у берега на специально для этого устроенных досках, читали над народом молитвы, при крещении подобающие, и давали им имена – каждой группе какое-то одно имя, и велели им трижды погрузиться в воду, а сами взывали над ними, призывая согласно чину крещения имя святой Троицы.И так крещен был весь народ киевский в лето бытия мира 6497, от воплощения же Бога Слова в лето 989, на другой год по крещении Владимира.

Сразу же по крещении народа Владимир повелел сокрушить идолы и храмы идольские до основания разрушать. Самого главного идола Перуна он повелел привязать коню за хвост и тащить с горы к Днепру и приставил двенадцать человек, чтобы те влекомого идола били палицами. И подтащив его к берегу, бросили они его в Днепр. И все прочие идолы по повелению великого князя были сокрушены и брошены одни в воду, другие в огонь. Некоторые же безумные киевляне, видя сокрушение и погибель древних своих богов, плакали по ним и рыдали, а более умные говорили: «Князь наш и бояре его разумны, знают они, какой Бог лучше. И если бы хороши были эти боги, они не повелели бы их сокрушать и не избрали бы иной веры, они избрали лучшее, а отринули худшее».

По сокрушении же идолов и по разорении идольских храмов повелел Владимир на тех местах строить святые церкви. Вначале создал церковь Святого Спаса на том месте, где был идол Перуна, затем церковь во имя святого Василия Великого, поскольку и сам в святом крещении наречен был Василием, и иных церквей множество повсюду воздвиг, но лучшею всех постарался сделать каменную церковь во имя пречистой Богородицы, которая позже была названа Десятинной, ибо Владимир сказал: «Вот, от всего имения моего и от всех городов моих даю десятую часть в эту церковь пречистой Богородицы». С того времени и названа была эта церковь Десятинной. И вручил он ту церковь вышеупомянутому протопопу Анастасу, которого привел из Херсонеса, и мощи святого Климента, папы римского, внес в нее, и всякую церковную утварь, из Херсонеса принесенную, отдал туда. Позаботился он и об учении книжном, ибо сыновей своих, а с ними и множество боярских детей повелел учить писанию греческому и славянскому, приставив к ним искусных учителей, а также и у простых людей отроков повелел брать для учения книжного. Матери же их безумные плакали по детям своим как по мертвым.

И стремясь не только Киев, но и всю державу свою светом веры святой просветить, послал Владимир людей во все русские города крестить народы, на не захотевших же креститься большую дань возлагал. И стал Владимир жить богоугодно и преподобно, переменив старые свои привычки, в нечестии у него бывшие. Во всякой добродетели наставляем он был честной супругой своей царевной Анной, с которой жил по христианскому закону. Прочих же, прежних своих жен, которые были у него до крещения, наделив богатствами, он отпустил, дав каждой возможность, если хочет, выйти за другого мужа.

Затем послал Владимир в Царьград к святейшему патриарху, а в то время патриархом был Сергий, моля, да пошлет к нему еще архиереев и иереев, поскольку жатва была многа, делателей же мало, ибо многие русские города нуждались в просвещении, людей же русских духовного чина подходящих было недостаточно, ибо недавно только у них

книжное учение началось. Прислал же святейший патриарх Сергий из греков епископа Иоакима Херсонянина а иных с ним епископов и пресвитеров немало.

Взяв пришедших к нему епископов, Владимир пошел с ними в землю славянскую, в страну Залесскую, в область Ростовскую и Суздальскую, и поставил над рекой Клязьмой город, и назвал его по первому своему имени Владимиром[18], и создал в нем церковь пречистой Богородицы, и повелел крестить людей повсюду, и церкви строить, и дал им епископа. Пойдя оттуда в Ростов, он создал там деревянную церковь и дал им епископа. Потом в Великий Новгород пришел и посадил в нем Иоакима Херсонянина архиепископом. Тот архиепископ разрушил там идола Перуна, подобный киевскому, и повелел, оцепив его, тащить к реке Волхову.

Пройдя и прочие главные города своей державы, повсюду народ крестя, церкви создавая, епископов и пресвитеров жить устраивая, и возвратился в стольный свой город Киев и разделил землю Русскую на двенадцать княжений – двенадцати сыновьям своим. И накрепко заповедовал им жить в любви и согласии и не обижать друг друга, не преступать пределов, каждому определенных, но всякому довольствоваться уделом своего княжества. Не менее твердо заповедовал он им и то, чтобы всякий в княжении своем умножал славу Христа Бога и искал спасения душам человеческим, неверных к вере приводя и церкви созидал. Для чего каждому из них дал по епископу и пресвитеров. И так их устроив и на княжения их разослав, сам он пребывал в Киеве, уже будучи стар. И прилежал он добрым делам, церкви и монастыри строя и украшая, и милостыню неоскудную всем подавая, и трапезы изобильные во дворе своем нищих ради часто поставляя. А недужным, которые не могли дойти до княжеского двора, на возах всякую пищу и питье посылал. И имел он мир и любовь с окрестными государствами – с Польским, Венгерским и Чешским, прекратив воевать. С одними только печенегами бывали еще войны, но, как в древности Константин, так и он побеждал противников силою Иисуса Христа[19]. И настолько был милостив и милосерден святой Владимир, что и злодеев, достойных казни, не

торопился казнить, даже за великую вину, и из-за этого умножались разбойники, воры и прочих всяких зол делатели. И говорили митрополит и старцы Владимиру: «Почему, князь, злодеев ты не казнишь?» Он отвечал: «Боюсь греха». Митрополит же и старцы сказали: «Ты от Бога поставлен властителем для наказания злодеев и поощрения делающих добро. Так что достойно тебе наказывать злодеев, рассмотрев их вину, ибо знай, что, если ты не казнишь злых, значит, ты сам совершаешь зло по отношению к добрым, поскольку из-за твоего нерадения умножаются злые на пакость добрым. Так что погуби злых, чтобы добрые жили в мире».

При этом великом князе пришел в Киев преподобный отец наш Антоний со святой Афонской горы и вселился в пещеру Варяжскую над Днепром вблизи Берестова урочища.

Затем приблизилась блаженная кончина к святому Владимиру. Но сначала супруга его, великая княгиня Анна, греческая царевна, виновница просвещения всей русской земли и спасения столь бесчисленного количества душ человеческих, за три года до его кончины преставилась к Господу. И начал Владимир день ото дня изнемогать телом. И болел он много дней и, все что подобает христианину перед кончиной совершив, в добром исповедании предал праведную свою душу в руки Божий месяца июля в пятнадцатый день, в лето бытия мира 6524, от воплощения же Бога Слова 1015. Так скончался святой великий князь Владимир, нареченный в святом крещении Василием, пребыв на великом княжении Киевском, после прихода из Великого Новгорода, тридцать пять лет: перед крещением восемь лет и по крещении двадцать семь лет и несколько месяцев, в двадцать же восьмое лето скончался. И принесли его в церковь пречистой Богородицы Десятинную. И собрались там все киевляне и жители окрестных мест к честному его телу, духовные и мирские, плача и рыдая, как по отце своем и ходатае спасения, и сотворили ему славное погребение и в той же созданной им церкви положили его в мраморном гробе. Затем и память его праздновать постановили как святого и апостолам равного, всю русскую землю просветившего святым крещением[20].

Сказание о Борисе и Глебе [21]

Господи, благослови, Отче! «Род праведных благословится, – говорил пророк, – и потомки их благословенны будут». Так и совершилось незадолго до наших дней при самодержце всей русской земли Владимире, сыне Святославовом, внуке Игоревом, просветившим святым крещением всю землю Русскую. Владимир имел двенадцать сыновей, и не от одной жены: матери у них были разные. Старший сын; – Вышеслав, после него – Изяслав, третий – Святополк, который и замыслил это злое убийство. Мать его гречанка, прежде была монахиней. Брат, Владимира, Ярополк, прельщенный красотой ее лица, расстриг ее и взял в жены и зачал от нее окаянного Святополка. Владимир же, еще в то время язычник, убив Ярополка, овладел его беременной женою. Вот она-то и родила этого окаянного Святополка, сына двух отцов-братьев. Поэтому и не любил его Владимир, ибо не от него был он. А от Рогнеды Владимир имел четырех сыновей: Изяслава, и Мстислава, и Ярослава, и Всеволода. От другой жены были Святослав и Мстислав, а от жены-болгарки – Борис и Глеб. И посадил их всех Владимир по разным землям на княжение.

Посадил Владимир окаянного Святополка на княжение в Пинске, а Ярослава в Новгороде, а Бориса в Ростове, а Глеба в Муроме. Протекло много времени, и когда минуло 28 лет после святого крещения, подошли к концу дни Владимира, впал он в тяжкий недуг. В это же время пришел из Ростова Борис, и печенеги вновь двинулись ратью на Русь, и великая скорбь охватила Владимира, так как не мог он выступить против них, и это сильно печалило его. Призвал он тогда к себе Бориса, нареченного в святом крещении Романом, блаженного и скоропослушливого, и, дав ему под начало множество воинов, послал против безбожных печенегов. Борис же с радостью пошел, говоря: «Готов я пред очами твоими свершить, что велит воля сердца твоего». О таких Приточник[22] говорит: «Был сын отцу послушный и любимый матерью своею».

Когда Борис, выступив в поход и не встретив врага, возвращался обратно, прибыл к нему вестник и поведал о смерти отца. Рассказал он, как преставился отец его Василий (этим именем назван был Владимир в святом крещении) и как Святополк, утаив смерть отца своего, ночью разобрал помост в Берестове и, завернув тело в ковер, спустил его на веревках на землю, отвез на санях и поставил в церкви Святой Богородицы. И как услышал это святой Борис, стал телом слабеть и все лицо его исполнилось слез и, обливаясь слезами, не в силах был говорить. Лишь в сердце своем так размышлял: «Увы мне, свет очей моих, сияние и заря лица моего, узда юности моей, наставник неопытности моей! Увы мне, отец и господин мой! К кому прибегну, к кому обращу взор мой? Где еще найду такую мудрость и как обойдусь без наставлений разума твоего? Увы мне, увы мне! Как же ты зашло солнце, а меня не было там? Был бы я там, то сам бы своими руками честное тело твое убрал и могиле предал! Не сподобился нести я доблестное тело твое, не сподобился целовать добролепные твои седины. О блаженный, помяни меня в месте упокоения твоего! Сердце мое горит, душа разум смущает и не знаю, к кому обратиться, кому поведать эту горькую печаль? Брату, которого я почитал как отца? Но тот, чувствую я, о мирской суете печется и убийство мое замышляет. Если он кровь мою прольет и на убийство мое решится, буду мучеником пред Господом моим. Не воспротивлюсь я, ибо написано: «Бог гордым противится, в смиренным дает благодать»[23]. И в послании апостола сказано: «Кто говорит «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец»[24]. И еще: «В любви нет страха, совершенная любовь изгоняет страх»[25]. Поэтому, что я скажу, что сделаю? Вот пойду к брату моему и скажу: «Будь мне отцом, ведь ты брат мой старший. Что повелишь мне, господин мой?»

И помышляя так в уме своем, пошел к брату своему и говорил в сердце своем: «Увижу ли я хотя бы братца моего младшего Глеба как Иосиф Вениамина?[26]» И решил в сердце своем: «Да будет воля Твоя, Господи!» Про себя же думал: «Если пойду в дом отца своего, то многие люди станут уговаривать меня прогнать брата, как поступал ради славы и

княжения в мире этом отец мой до святого крещения. А ведь все это преходяще и непрочно, как паутина. Куда я приду по отшествии своем из мира этого? Где окажусь тогда? Какой получу ответ? Где скрою множество грехов своих? Что приобрели братья отца моего или отец мой! Где их жизнь и слава мира сего, и багряницы и пиры, серебро и золото, вина и меды, яства обильные, и резвые кони, и хоромы, изукрашенные и великие, и богатства многие, и дани и почести бесчисленные, и похвальба боярами своими? Всего этого будто и не было: все с ними исчезло, и ни от чего нет помощи – ни от богатства, ни от множества рабов, ни от славы мира сего. Так и Соломон, все испытав, все видев, всеми овладев и все собрав, говорил обо всем: «Суета сует – все суета![27]» Спасение только в добрых делах, в истинной вере, и в нелицемерной любви».

Идя же путем своим, думал Борис о красоте и молодости своей и обливался слезами. И хотел сдержаться, но не мог. И все видевшие его также оплакивали юность его и красоту его телесную и духовную. И каждый в душе своей стенал от горести сердечной, и все были охвачены печалью. Кто же не восплачется, представив пред очами сердца своего эту пагубную смерть?

Весь облик его был уныл, и сердце его святое было сокрушено, ибо был блаженный правдив и щедр, кроток, тих, смиренен, всех он жалел и всем помогал.

Так помышлял в сердце своем богоблаженный Борис и говорил: «Знал я, что брата злые люди подстрекают на убийство мое и погубит он меня, и когда прольет кровь мою, то буду я мучеником пред Господом моим, и примет душу мою Владыка». Затем, забыв смертную скорбь, стал утешать он сердце свое Божьим словом: «Тот, кто пожертвует душой своей ради Меня и Моего учения, обретет и сохранит ее в жизни вечной»[28]. И пошел с радостным сердцем, говоря: «Господи премилостивый, не отринь меня, на Тебя уповающего, но спаси душу мою!»

Святополк же, сев на княжение в Киеве после смерти отца, призвал к себе киевлян и, щедро одарив их, отпустил. К Борису же послал такую весть: «Брат, хочу жить с тобой в любви и к

полученному от отца владению добавлю еще». Но не было правды в его словах. Святополк, придя ночью в Вышгород, тайно призвал к себе Путыпу и вышегородских мужей и сказал им: «Признайтесь мне без утайки, преданы ли вы мне?» Путыпа ответил: «Все мы готовы головы свои положить за тебя».

Когда увидел дьявол, исконный враг всего доброго в людях, что святой Борис всю надежду возложил на Бога, то стал строить козни и, как в древние времена Каина, замышлявшего братоубийство, уловил Святополка. Угадал он помыслы Святополка, поистине второго Каина: ведь хотел он перебить всех наследников отца своего, чтобы захватить одному всю власть.

Тогда призвал к себе окаянный треклятый Святополк сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды, отверз свои прескверные уста и вскричал злобным голосом Путыпиной дружине: «Раз вы обещали положить за меня свои головы, то идите тайно, братья мои, и где встретите брата моего Бориса, улучив подходящее время, убейте его!» И они обещали ему сделать это.

О таких пророк говорил: «Скоры они на бесчестное пролитие крови. Осквернённые кровопролитием, они навлекают на себя несчастья. Таковы пути всех, совершающих беззакония, – нечестием губят душу свою»[29].

Блаженный же Борис возвратился и раскинул свой стан на Альте. И сказала ему дружина: «Пойди, сядь в Киеве на отчий княжий стол, ведь все воины в твоих руках». Он же им отвечал: «Не могу я поднять руку на брата своего, к тому же еще и старшего, которого чту я как отца». Услышав это, воины разошлись, и остался он только с отроками своими. И был день субботний. В тоске и печали, с удрученным сердцем вошел он в шатер свой и заплакал в сокрушении сердечном, но с душою просветленной, жалобно восклицая: «Не отвергай слез моих, Владыка, ибо уповаю я на Тебя! Пусть удостоюсь участи рабов Твоих и разделю жребий со всеми святыми Твоими, ибо Ты Бог милостивый и славу Тебе возносим во веки! Аминь».

Вспоминал он о мучении и страданиях святого мученика Никиты и святого Вячеслава[30], которые были убиты так же, и о

том, как убийцей святой Варвары был ее родной отец[31]. И вспомнил слова премудрого Соломона: «Праведники вечно живут, и от Господа им награда и украшение им от Всевышнего»[32]. И только этими словами утешался и радовался.

Между тем наступил вечер, и Борис повелел петь вечерню, а сам вошел в шатер свой и стал творить вечернюю молитву со слезами горькими, частым воздыханием и непрерывными стенаниями. Потом лег спать, и сон его тревожили тоскливые мысли и печаль горькая, и тяжелая, и страшная; как претерпеть мучение и страдание, и окончить жизнь, и веру сохранить, и приуготовленный венец принять из рук Вседержителя. И проснувшись рано, увидел, что время уже утреннее. А был воскресный день. Сказал же он священнику своему: «Вставай, начинай заутреню». Сам же, обувшись и умыв лицо свое, начал молиться ко Господу Богу.

Посланные же Святополком пришли на Альту ночью, и подошли близко, и услышали голос блаженного страстотерпца, поющего на заутрени Псалтырь[33]. И получил он уже весть о готовящемся убиении его. И начал петь: «Господи! Как умножились враги мои! Многие восстают на меня!» И остальные псалмы до конца. И, начавши петь по Псалтыри «Окружили меня скопища псов и тельцы тучные обступили меня», продолжил: «Господи, Боже мой! На Тебя я уповаю, спаси меня!»[34] И после этого пропел канон[35]. И когда окончил заутреню, стал молиться, взирая на икону Господню и говоря: «Господи Иисусе Христе! Как ты, в этом образе явившийся на землю и собственною волею давший пригвоздить Себя и принять страдание за грехи наши, сподобь и меня принять страдание!»

И когда услышал он зловещий шепот около шатра, то затрепетал, и потекли слезы из глаз его, и промолвил: «Слава Тебе, Господи, за все, ибо удостоил меня зависти ради принять сию горькую смерть и претерпеть все ради любви к заповедям Твоим. Не захотел Ты Сам избегнуть мук, ничего не пожелал Себе, последуя заповедям апостола: «Любовь долготерпелива, всему верит, не завидует и не превозносится». И еще: «В любви нет страха, ибо истинная любовь изгоняет страх». Поэтому,

Владыка, душа моя в руках твоих всегда, ибо не забыл я Твоей заповеди. Как Господу угодно, так и будет». И когда увидели священник Борисов и отрок, прислуживающий князю, господина своего, объятого скорбью и печалью, то заплакали горько и сказали: «Милостивый и дорогой господин наш! Какой благости исполнен ты, что не восхотел ради любви Христовой воспротивиться брату, а ведь сколько воинов держал под рукою своею!» И сказав это, опечалились.

И вдруг увидел устремившихся к шатру, блеск оружия, обнаженные мечи. И без жалости пронзено было честное и многомилостивое тело святого и блаженного Христова страстотерпца Бориса. Поразили его копьями окаянные Путыпа, Талец, Елович, Ляшко. Видя это, отрок его прикрыл собою тело блаженного, воскликнув: «Да не оставлю тебя, господин мой любимый, где увядает красота тела твоего, тут и я сподоблюсь окончить жизнь свою».

Был же он родом венгр, по имени Георгий, и наградил его князь золотой гривной, и был любим Борисом безмерно. Тут и его пронзили, и, раненный, выскочил он в оторопи из шатра. И заговорили стоящие около шатра: «Что стоите и смотрите! Начав, завершим повеленное нам». Услышав это, блаженный стал просить их, говоря: «Братья мои милые и любимые! Погодите немого, дайте помолиться Богу». И воззрев на небо со слезами и вознося вздохи горе, начал молиться такими словами: «Господи Боже мой, многомилостивый и милостивый и премилостивый! Слава Тебе, что сподобил меня уйти от обольщений этой обманчивой жизни! Слава Тебе, щедрый дарователь жизни, что сподобил меня подвига достойного святых мучеников! Слава Тебе, Владыка человеколюбец, что сподобил меня свершить сокровенное желание сердца моего! Слава Тебе, Христос, слава безмерному Твоему милосердию, ибо направил Ты стопы мои на правый путь! Взгляни с высоты святости Твоей и узри боль сердца моего, которую я претерпел от родственника моего, ведь ради Тебя умерщвляют меня в день сей. Меня уравняли с овном, уготовленным на убой. Ты знаешь, Господи, не противлюсь я, не перечу и, имев под своей рукой всех воинов отца моего и всех, кого любил отец мой,

ничего не замышлял против брата моего. Он же, сколько мог, воздвиг против меня. Если бы враг поносил меня, это я стерпел бы, если бы ненавистник мой клеветал на меня, укрылся бы я от него[36]. Но Ты, Господи, будь свидетель и сверши суд между мною и братом моим и не осуждай их, Господи, за грех этот, но прими с миром душу мою. Аминь».

И воззрев на своих убийц горестным взглядом, с осунувшимся лицом, весь обливаясь слезами, промолвил: «Братья, приступивши, заканчивайте порученное вам. И да будет мир брату моему и вам, братья».

И все, кто слышал слова его, не могли вымолвить ни слова от страха и печали горькой и слез обильных. С горькими воздыханиями жалобно сетовали и плакали, и каждый в душе своей стенал: «Увы нам, князь наш милостивый и блаженный, поводырь слепым, одежда нагим, посох старцам, наставник неразумным! Кто теперь их всех направит? Не восхотел славы мира сего, не восхотел веселиться с вельможами честными, не восхотел величия в жизни сей. Кто не поразится столь великому смирению, кто не смирится сам, видя и слыша его смирение?»

И так почил Борис, предав душу свою в руки Бога живого в 24 день месяца июля, за девять дней до календ августовских.

Перебили и отроков многих. С Георгия же не могли снять гривны и, отрубив ему голову, отшвырнули ее прочь. Поэтому и не смогли опознать тела его.

Блаженного же Бориса, обернув в шатер, положили на телегу и повезли. И когда ехали бором, начал он приподнимать святую голову свою. Узнав об этом, Святополк послал двух варягов, и те пронзили Бориса мечом в сердце. И так скончался, восприняв неувядаемый венец. И принесши тело его, положили в Вышгороде и погребли в земле у церкви святого Василия.

И не остановился на этом убийстве окаянный Святополк, но в неистовстве своем стал готовиться на большее преступление. И увидев осуществление заветного желания своего, не думал о злодейском своем убийстве и о тяжести греха и нимало не раскаивался в содеянном. И тогда вошел в сердце его сатана, начав подстрекать на еще большие злодеяния и новые убийства. Так говорил в душе своей окаянной: «Что сделаю?

Если остановлюсь на этом убийстве, то две участи ожидают меня, когда узнают о случившемся братья мои, то подстерегши меня воздадут мне горше содеянного мною. А если и не так, то изгонят меня, и лишусь престола отца моего, и сожаление по утраченной земле моей изгложет меня, и поношения поносящих обрушатся на меня, и княжение мое захватит другой, и в жилищах моих не останется живой души. Ибо я погубил возлюбленного Господом и к болезни добавил новую язву, добавлю же к беззаконию беззаконие. Ведь и грех матери моей не простится и с праведниками я не буду вписан, но изымется имя мое из книг жизни».

Так и случилось, о чем позже поведаем. Сейчас же еще не время, а вернемся к нашему рассказу.

И, замыслив это, злой сообщник диавола послал за блаженным Глебом, говоря: «Приходи не медля. Отец зовет тебя, тяжко болен он».

Глеб быстро собрался, сел на коня и отправился с небольшой дружиной. И когда пришли на Волгу, в поле оступился под ним конь в яме и слегка повредил ногу. А как пришел Глеб в Смоленск, отошел от Смоленска недалеко и стал на Смядыни, в ладье. А в это время пришла весть от Предславы к Ярославу о смерти отца. И Ярослав прислал к Глебу, говоря: «Не ходи, брат! Отец твой умер, а брат твой убит Святополком».

И, услышав это, блаженный возопил с плачем горьким и сердечной печалью, и так говорил: «О, увы мне, Господи! Вдвойне плачу и стенаю, вдвойне сетую и тужу. Увы мне, увы мне! Плачу горько по отцу, а еще горше плачу и горюю по тебе, брат и господин мой, Борис. Как пронзен был, как без жалости убит, как не от врага, но от своего брата смерть воспринял? Увы мне! Лучше бы мне умереть с тобою, нежели одинокому и осиротевшему без тебя жить на этом свете. Я-то думал, что скоро увижу лицо твое ангельское, а вот какая беда постигла меня, лучше бы мне с тобой умереть, господин мой! Что же я буду делать теперь, несчастный, лишенный твоей доброты и многомудрия отца моего? О милый мой брат и господин! Если твои молитвы доходят до Господа – помолись о моей печали,

чтобы и я сподобился такое мучение воспринять и быть вместе с тобою, а не на этом суетном свете».

И когда он так стенал и плакал, орошая слезами землю и призывая Бога с частыми вздохами, внезапно появились посланные Святополком злые слуги его, безжалостные кровопийцы, лютые братоненавистники, свирепые звери, исторгающие душу.

Святой же плыл в это время в ладье, и они встретили его в устье Смядыни. Они, увидев его, помрачнели и стали грести к нему, и когда увидел их святой, то возрадовался душою и подумал он – приветствовать его хотят. И когда поплыли рядом, начали злодеи перескакивать в ладью его с блещущими, как вода, обнаженными мечами в руках. И сразу у всех весла из рук выпали и все помертвели от страха. Увидев это, блаженный понял, что хотят убить его. И, глядя на убийц кротким взором, омывая лицо свое слезами, смирившись, в сердечном сокрушении, трепетно вздыхая, заливаясь слезами и ослабев телом, стал жалостно умолять: «Не трогайте меня, братья мои милые и дорогие! Не трогайте меня, никакого зла вам не причинившего! Пощадите, братья и повелители мои, пощадите! Какую обиду нанес я брату моему и вам, братья и повелители мои? Если есть какая обида, то ведите меня к князю вашему и к брату моему и господину. Пожалейте юность мою, смилуйтесь, повелители мои! Будьте господами моими, а я буду вам рабом. Не губите меня, в жизни юного, не пожинайте колоса еще не созревшего, соком беззлобия налитого! Не срезайте лозу, еще не выросшую, но плод имеющую! Умоляю вас и отдаюсь на вашу милость. Побойтесь сказавшего устами апостола: «Не будьте детьми умом: на дело злое будьте, как младенцы, а по уму совершеннолетни будьте»[37]. Я же, братья, и делом и возрастом молод еще. Это не убийство, но живодерство! Какое зло сотворил я, скажите, и тогда не буду жаловаться. Если же кровью моею насытиться хотите, то я, братья, в руках ваших и брата моего, а вашего князя».

И ни единое слово не устыдило их, но как свирепые звери напали на него. Он же, видя, что не внемлют словам его, стал говорить: «Да избавятся от вечных мук и любимый отец мой и

господин Василий, и мать, госпожа моя, и ты, брат Борис, – наставник юности моей, и ты, брат и пособник Ярослав, и ты, брат и враг Святополк, и все вы, братья и дружина, пусть все спасутся! Уже не увижу вас в жизни сей, ибо разлучают меня с вами насильно». И говорил плача: «Василий, Василий, отец и господин мой! Преклони слух свой и услышь глас мой, посмотри и узри случившееся с сыном твоим, как ни за что убивают меня. Увы мне, увы мне! Услышь небо, и внемли земля! И ты, Борис, брат, услышь глас мой. Отца моего Василия призвал, и не внял он мне, неужели и ты не хочешь услышать меня? Погляди на скорбь сердца моего и боль души моей, погляди на потоки слез моих, текущих как река! И никто не внемлет мне, но ты помяни меня и помолись обо мне перед Владыкой всех, ибо ты угоден Ему и предстоишь пред престолом Его».

И преклонив колени, стал молиться: «Прещедрый и премилостивый Господи! Не презри слез моих, смилуйся над моей печалью. Воззри на сокрушение сердца моего: убивают меня неведомо за что, неизвестно за какую вину. Ты знаешь, Господи Боже мой! Помню слова, сказанные Тобою своим апостолам: «За имя Мое, Меня ради поднимут на вас руки, и преданы будете родичами и друзьями, и брат брата предаст на смерть, и умертвят вас ради имени Моего». И еще: «Терпением укрепляйте души ваши»[38]. Смотри, Господи, и суди: «Вот готова душа моя предстать пред Тобою, Господи! И Тебе славу возносим, Отцу и Сыну, и Святому духу, ныне и вовеки веков. Аминь».

Потом взглянул на убийц и промолвил жалобным и угасающим голосом: «Раз уж начали, приступивши, свершите то, на что посланы».

Тогда окаянный Горясер приказал зарезать его без промедления. Повар же Глебов, по имени Торчин, взял нож и, схватив блаженного, заклал его, как агнца непорочного и невинного, месяца сентября в 5-й день, в понедельник.

И была принесена жертва Господу чистая и благоуханная, и поднялся в небесные обители к Господу, и свиделся с любимым братом, и восприняли оба венец небесный, к которому

стремились, и возрадовались радостью великой и неизреченной, которую и получили.

Окаянные же убийцы возвратились к пославшему их, как говорил Давид: «Возвратятся нечистивые во ад и все забывающие Бога». И еще: «Обнажают меч нечестивые и натягивают лук свой, чтобы поразить идущих прямым путем, но меч их войдет в их же сердце и луки их сокрушатся, и нечестивые погибнут»[39]. И когда сказали Святополку, что «исполнили повеление твое», то, услышав это, вознесся он сердцем, и сбылось сказанное псалмопевцем Давидом: «Что хвалишься злодейством, сильный? Беззаконие в сей день, неправду замыслил язык твой. Ты возлюбил зло больше добра, больше ложь, нежели правду. Ты возлюбил всякие гибельные речи, и язык твой льстивый. Поэтому Бог сокрушит тебя до конца, изринет и исторгнет тебя из жилища твоего и род твой из земли живых»[40].

Когда убили Глеба, то бросили его в пустынном месте меж двух колод. Но Господь, не оставляющий Своих рабов, как сказал Давид, «хранит все кости их, и ни одна из них не сокрушится»[41].

И этого святого, лежавшего долгое время, не оставил Бог в неведении и пренебрежении, но сохранил невредимым и явлениями ознаменовал: проходившие мимо этого места купцы, охотники и пастухи иногда видели огненный столп, иногда горящие свечи или слышали ангельское пение. И ни единому, видевшему и слышавшему это, не пришло на ум поискать тело святого, пока Ярослав, не стерпев сего злого убийства, не двинулся на братоубийцу – окаянного Святополка и не начал с ним жестоко воевать. И всегда соизволеньем Божиим и помощью святых побеждал в битвах Ярослав, а окаянный бывал посрамлен и возвращался побежденным.

И вот однажды этот треклятый пришел со множеством печенегов, и Ярослав, собрав войско, вышел навстречу ему на Альту и стал в том месте, где был убит святой Борис. И воздев руки к небу, сказал: «Кровь брата моего, как прежде Авелева, вопиет к Тебе, Владыка. И Ты отомсти за него и, как братоубийцу Каина, повергни Святополка в ужас и трепет. Молю

Тебя, Господи, – да будут отомщены братья мои! Если телом вы отошли отсюда, то благодатию живы и предстоите перед Господом и своей молитвой поможете мне!»

После этих слов сошлись противники друг с другом, и покрылось поле Альтское множеством воинов. И на восходе солнца вступили в бой, и была сеча зла, трижды вступали в схватку и так бились целый день, и лишь к вечеру одолел Ярослав, а окаянный Святополк обратился в бегство. И обуяло его безумие, и так ослабели суставы, что не мог сидеть на коне, и несли его на носилках. Прибежали с ним к Берестью. Он же говорит: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» И послали разведать, и не было ни преследующих, ни едущих по следам его. А он, лежа в бессилии и приподнимаясь, восклицал: «Бежим дальше, гонятся! Горе мне!» Невыносимо было ему оставаться на одном месте, и пробежал он через польскую землю, гонимый гневом Божиим. И прибежал в пустынное место между Чехией и Польшей и тут бесчестно скончался. И принял отмщение от Господа: довел Святополка до гибели охвативший его недуг, и по смерти – муку вечную. И так потерял обе жизни: здесь не только княжения, но и жизни лишился, а там не только царства небесного и с ангелами пребывания не получил, но мукам и огню был предан.

И с тех пор прекратились усобицы в русской земле, а Ярослав принял всю землю Русскую. И начал он расспрашивать о телах святых – где и как похоронены? И о святом Борисе поведали ему, что похоронен в Вышгороде. А о святом Глебе не все знали, что у Смоленска был убит. И тогда рассказали Ярославу, что слышали от приходящих оттуда: как видели прохожие свет и свечи в пустынном месте. И, услышав это, Ярослав послал к Смоленску священников разузнать, в чем дело, говоря: «Это брат мой». И нашли его, где были видения, и, придя туда с крестами и свечами и с кадилами, торжественно положили Глеба в ладью и, возвратившись, похоронили его в Вышгороде, где лежит тело преблаженного Бориса: раскопав землю, тут и Глеба положили с подобающим почетом.

И вот что чудесно и дивно и памяти достойно: столько лет лежало тело святого Глеба и оставалось невредимым, не

тронутым ни хищным зверем, ни червями, даже не почернело, как обычно случается с телами мертвых, но оставалось светлым и красивым, целым и благоуханным. Так Бог сохранил тело своего страстотерпца.

И не знали многие о лежащих тут мощах святых Бориса и Глеба, но как говорил Господь: «Не может укрыться город, стоящий на верху горы, и, зажегши свечу, не ставят ее под спудом, но на подсвечнике выставляют, чтобы светила всем»[42]. Так и этих святых страстотерпцев поставил Бог светить в мире, многочисленными чудесами сиять в великой русской земле, где многие страждущие исцеляются: слепые прозревают, хромые бегают быстрее серны, горбатые выпрямляются.

Невозможно рассказать о творимых чудесах, воистину весь мир их не может вместить, ибо дивных чудес больше песка морского. И не только здесь, но и в других странах, и по всем землям они проходят, отгоняя болезни и недуги, навещая заключенных в темницах и закованных в оковы. И в тех местах, где были увенчаны они мученическими венцами, созданы церкви во имя святых. И много чудес совершается с приходящими сюда.

Не знаю потому – какую похвалу воздать вам, и недоумеваю, и не могу решить, что сказать? Нарек бы вас ангелами, ибо без промедления являетесь вы всем скорбящим, но жили вы на земле среди людей во плоти человеческой. Если же назову вас людьми, то ведь своими бесчисленными чудесами и помощью немощным превосходите вы разум человеческий. Провозглашу ли вас царями или князьями, но самых простых и смиренных людей превзошли вы своим смирением, это и привело вас в Царствие Небесное.

Воистину вы цесари цесарям и князья князьям, ибо вашей помощью и защитой князья наши всех противников побеждают и вашей опорой гордятся. Вы наше оружие, земли Русской защита и опора, мечи обоюдоострые, ими дерзость поганых низвергаем и дьявольские козни на земле попираем. Защищаете вы свое Отечество и помогаете так же, как и великий Димитрий Солунский[43] своему отечеству. Он сказал: «Как был с ними в радости, так и в погибели их с ними умру». Но если великий и

милосердный Димитрий об одной лишь Солуни так сказал, то вы не о едином граде, не о двух, не о каком-то селении печетесь и молитесь, но о всей земле Русской!

О блаженны гробы, принявшие ваши честные тела, как сокровище многоценное! Блаженна церковь, в коей поставлены ваши гробницы святые! Поистине блажен и величественнее всех городов и высший город, имеющий таковое сокровище! По праву назван Вышгородом – выше и превыше всех городов, второй Солунь явился в Русской земле, всей земле спасение приносящий. Приходящие из всех земель даром получают исцеления, как в святых евангелиях Господь говорил святым апостолам: «Даром получили, даром давайте». О таких и Сам Господь говорил: «Верующий в Меня, в дела, которые Я творю, сам сотворит их и больше сих сотворит»[44].

О, блаженные страстотерпцы Христовы, не забывайте Отечества, где прожили свою земную жизнь, никогда не оставляйте его. Также и в молитвах всегда молитесь за нас, да не постигнет нас беда, да не коснутся болезни тел рабов наших. Прибегаем к вам и, припадая со слезами, молимся, да не окажемся мы под пятой вражеской, и рука нечестивых да не коснется нас, голод и озлобление удалите от нас, и избавьте нас от неприятельского меча и междоусобной брани, и от всякой беды и напасти защитите нас, на вас уповающих. И к Господу Богу молитву нашу с усердием приносите, ибо грешим мы сильно и много в нас беззакония, и бесчинствуем мы с излишеством и без меры. И на ваши молитвы надеясь, возопием к Спасителю, говоря:

«Владыко, единый безгрешный! Воззри со святых небес на нас, убогих, и хотя согрешили, но Ты прости, и хотя беззаконие творим, помилуй и нас, впавших в заблуждение, как блудницу, прости и, как мытаря, оправдай! Да снизойдет на нас милость Твоя! Да прольется на нас человеколюбие Твое! Не допусти нас погибнуть из-за грехов наших, не дай уснуть и умереть горькою смертью, но избавь нас от царящего в мире зла и дай нам время покаяться. Рассуди нас по милости Твоей, Господи, ибо имя Твое нарицается в нас, помилуй нас и спаси и защити молитвами преславных страстотерпцев Твоих Бориса и Глеба.

И не предай нас в поругание, но пролей милость Твою на овец стада Твоего, ибо Ты Бог наш и Тебе славу воссылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь!»

Житие преподобного Антония Печерского
45

Во дни благоверного князя Владимира Господь явил церкви Своего светильника и иночествующим наставника приснопамятного преподного Антония. Родился Антоний в городе Любече. С юных лет испытывал он желание принять иноческий образ. И вложил ему Господь в сердце намерение идти в Греческую землю и там постричься. Достигнув Царьграда, Антоний пошел дальше, в Святую гору Афонскую. Обошел он все монастыри на Святой горе, удивляяся жизни святых отцов, которые, будучи во плоти, возвышались над человеческою природою, уподобляясь бесплотным ангелам. И еще сильнее воспылала в сердце Антония любовь ко Христу и желание принять иноческий образ. И умолил он игумена, и постриг его игумен, наставляя в заветах совершенного иночества. Новопостриженный инок Антоний подвизался на пути добродетели, радуя всех своими подвигами, особенно же он преуспел в покорности и послушании, а это ведь первые добродетели инока. И стал он примером и наставником ко спасению для многих, и сам достиг больших степеней совершенства. И так подвизался он некоторое время на Святой горе Афонской, на месте своего пострижения. Но игумен, получивший внушение свыше, призвал к себе Антония и сказал ему: «Антоний! Иди обратно в русскую землю! Пусть там живущие через тебя утвердятся в вере христианской. Да будет с тобой благословение Святой горы!»

И отправился преподобный Антоний в русскую землю, и пришел во град Киев. Раздумывал он, где бы ему поселиться, и стал обходить монастыри, которые в то время были основаны греками, пришедшими с митрополитом Михаилом для крещения Руси. И ни одна из этих обителей не была угодна преподобному Антонию для жительства, ибо не содержала чина и устава совершенного общежития[46]. И стал он обходить окрестности Киева, ходил по лесам и горам, нашел пещеру, когда-то

вырытую варягами, и в ней поселился, проводя жизнь в великом воздержании и постоянной молитве.

По смерти благоверного князя Владимира власть захватил Святополк окаянный, убив своих братьев Бориса и Глеба, принявших мученическую кончину. Узнав о таком злодеянии, преподобный Антоний ушел снова на Святую гору. И вот благоверный князь Ярослав победил Святополка окаянного и стал княжить в Киеве. Князь Ярослав любил село Берестово, где была церковь во имя святых Апостолов. В этой церкви служил священник Иларион[47], человек благочестивый, великий постник и большой знаток Священного Писания. В будущем этот Иларион будет избран митрополитом. Пресвитер Иларион, ища уединения для молитвы, время от времени удалялся из Берестова на Днепр, на холм, покрытый вековым лесом, где ныне находятся Феодосиевы пещеры. Он вырыл там себе небольшую пещеру и молился втайне Богу.

А преподобный Антоний в это время был на Святой горе. И опять игумену было видение, в котором Господь повелел ему послать Антония в русскую землю. «Он мне нужен там!» – сказал Господь. И вновь благословил игумен Антония в дальний путь, в русскую землю, и предсказал ему, что явится он в русской земле отцом и наставником многих черноризцев.

И пришел преподобный Антоний в Киев, и взошел он на холм, где Иларион выкопал себе пещерку, и полюбилось ему это место. И помолившись Богу, он сказал: «Да будет на сем месте благословение Святой Афонской горы! Утверди, Боже, мое вселение сюда!»

И стал Антоний жить в Иларионовой пещере в непрестанной молитве и суровом воздержании. Питался он небольшим количеством сухого хлеба, через день, а то и раз в неделю, проводя время в молитве и бдении и своими руками копая большую пещеру.

Узнав о том, что Антоний преподобный поселился в пещере, многие христолюбивые люди приходили к нему за благословением, принося ему все потребное для жизни. Многие же захотели остаться там жить, в числе прочих блаженный Никон, бывший уже пресвитером. В это же время пришел и

двадцатилетний Феодосии, и велел Антоний Никону постричь Феодосия во иноки.

Прошло много лет. Благоверный князь Ярослав скончался, власть в Киеве принял его сын Изяслав. Преподобный Антоний Печерский в то время прославлен был по всей русской земле, подобно тому, как в древности прославился в Египте Антоний Великий[48]. И пришел к нему великий князь Изяслав со своей дружиной, прося благословения и молитв. И многие христиане со всей Руси стекались к нему, прося пострижения. И он принимал их и постригал.

Среди других пришел и блаженный Варлаам, сын знатного киевского боярина Иоанна, ставший впоследствии игуменом Печерского монастыря, и Ефрем-скопец, княжеский приближенный. Они приняли постриг, и много скорбей от этого произошло для преподобного Антония и братии. Страшно разгневался боярин Иоанн, узнав, что сын его ушел к Антонию. Он явился в пещеру со множеством своих слуг, разогнал братию, силой увел сына своего, переодев его из монашеских риз в боярскую одежду. Князь Изяслав, узнав о пострижении боярского сына и своего придворного, пришел в ярость – он велел схватить блаженного Никона, постригавшего обоих, и приказал ему убедить Варлаама и Ефрема отказаться от монашества, угрожая заточением преподобному Антонию и всем, живущим в пещере. И самую пещеру грозился засыпать. Страшный гнев князя заставил Антония с братией удалиться из пещеры в другое место. Княгиня усердно молила князя не трогать угодников Божиих, не прогонять черноризцев, чтобы не постиг князя Изяслава гнев Божий, как это было с ее отцом, польским королем Болеславом, который за пострижение Моисея Угрина изгнал монахов из Польши[49], и Бог прогневался на него, король внезапно умер, и в междоусобной войне было убито много епископов и бояр. Князь Изяслав наконец образумился: он послал старцу просьбу о возвращении. Три дня разыскивали святого Антония княжеские послы и уговорили его возвратиться.

Возвратился преподобный Антоний в свою пещеру и неустанно молил Бога о даровании ему сил и мужества

переносить напасти, происходящие по наущению дьявола, ненавидящего добро и не желающего спасения людей. Внял Господь его молитве, не оставил исповедающих Его – и снова собралось к преподобному Антонию рассеянное его стадо, и не только те, кто с ним были, но и многие еще. Всех принимал преподобный Антоний с любовью, а желающих повелевал блаженному Никону постригать. И так собралось около преподобного Антония двенадцать монахов. Общими усилиями выкопали они большую пещеру и устроили в ней церковь и келий, которые существуют и доныне.

Однажды преподобный Антоний сказал братии: «Бог собрал вас, братья, а я вас постриг по благословению Святой горы. Да будет с вами благословение от Бога и пресвятой Богородицы, а также от Святой горы Афонской. Но теперь, братие, я хочу уйти от вас и жить один, как я жил в прежние годы. А вы живите одни, я поставлю вам игумена». И поставил им игуменом Варлаама. А сам, избегая молвы и мирской славы, затворился в келий. Потом он поселился на другом холме, выкопав себе новую пещеру, которая находится под нынешним Печерским монастырем.

Игумен Варлаам с братией остались в прежней пещере. Но число братии возросло настолько, что невозможно было оставаться в прежней пещере, и решили они поставить церковь вне пещеры. Они просили благословения у святого Антония, и он благословил их поставить церковь для соборной молитвы вне пещеры, и поставили они церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы[50].

А в это время князь Изяслав создал каменный храм в честь святого великомученика Димитрия[51], ибо во святом крещении он носил имя этого святого и при храме устроил монастырь. И взял на игуменство блаженного Варлаама, бывшего игуменом братии, живущей в пещере. Надеялся князь, что богатством своим возвысит он свой монастырь над другими. Многие монастыри поставлены богатством князей и бояр, но не могут они сравниться с теми, которые поставлены слезами и молитвами, постом и бдением. Так и преподобный Антоний, не

имевший золота, обитель свою, не сравнимую с другими, возрастил слезами и молитвами, и монашескими трудами.

После ухода игумена Варлаама братья, живущие в пещере, посовещавшись, пришли к преподобному Антонию и попросили поставить им игумена. «Кого же вы хотите?» – спросил преподобный Антоний. «Кого хотят Бог, пресвятая Богородица и ты, святый отче». – «Тот из вас, – сказал преподобный Антоний, – кто отличается послушанием, кротостью и смирением, пусть будет вам игуменом». И попросили братья назначить им игуменом Феодосия, духовным своим обликом подобного Антонию, искусного в добродетелях. И благословил его Антоний на игуменство.

Став игуменом, преподобный Феодосии стал заботиться об обители, присовокупив своим заботам усердную молитву и великое пощение. И преподобный Антоний, безмолвствуя в уединении, молился об обители, и умножил Господь братию, и возросло число иноков до ста, и пришел преподобный Феодосии к отцу своему духовному Антонию, и сказал ему о намерении создать монастырь. Обрадовался преподобный Антоний и благословил игумена Феодосия и братию на поставление монастыря. И затем послали они одного из братии к князю Изяславу с просьбой отдать новому монастырю гору под пещерою. Князь Изяслав обрадовался, услышав все это, и послал боярина своего, чтобы отдать им гору. Игумен Феодосии и братия поставили на горе деревянную церковь и украсили ее иконами. Построили они келий, оградили монастырь столбами и переселились туда из пещеры. С этого времени монастырь, возникший по благословению Святой горы, стал именоваться Печерским, ибо иноки прежде жили в пещере.

Игумен Феодосии решил оградить монастырь мысленным ограждением, то есть уставом, определяющим жизнь монахов не в затворе, а в монастыре, и стал он искать подходящий устав. И помогла ему молитва и благословение преподобного Антония – как раз в то время появился инок Михаил из Студитского монастыря, пришедший из Греции с митрополитом Георгием. У него был устав Студитского монастыря[52]. И списал его преподобный Феодосии, и ввел в своей обители. Этот устав

устанавливал весь порядок церковной жизни: как совершать богослужебное чтение и пение и поклоны, как стоять в церкви, как вести себя за трапезой, что вкушать и в какие дни. От Печерского монастыря студитский устав передел в другие монастыри, и поэтому Печерский монастырь пользуется особым почитанием и обладает честью первенства, а преподобные Антоний и Феодосии Печерские считаются основоположниками монашества на Руси.

Во дни игуменства Феодосия, направляющего монастырь по новому уставу, с помощью молитв святого Антония, пришел в Печерскую обитель семнадцатилетний юноша, которого с любовью принял преподобный Феодосии и благословил преподобный Антоний, – это был Нестор, составивший впоследствии житие Феодосия, наш славный летописец. В летописи, ради назидания верующим, рассказал преподобный Нестор о подвигах основателя Печерского преподобного Антония.

Расскажем теперь о чудесах преподобного Антония и о его честной кончине. Преподобный Антоний, живший в уединенной пещере, прошел по всей русской земле, прославившись различными чудесами и особенно даром исцеления и пророчества.

Обладая даром чудотворных исцелений, преподобный Антоний из смирения прикрывал его, давая болящим для вкушения зелень, которой он сам питался, вкушая эту зелень, недужные становились здоровыми, а исцеляла их молитва преподобного Антония. О даре провидения, которым обладал преподобный Антоний, есть много свидетельств, расскажем же об этом. Три князя Ярославича – Изяслав, Святослав и Всеволод, отправляясь в поход на половцев, пришли к Антонию за благословением. Но он предвидел гнев Божий, который падет на них, и сказал им: «Вы будете побеждены, обратитесь в бегство, и воины ваши или утонут в реке, или будут взяты в плен, или падут от меча». Так и было в битве на реке Альте в 1066 году.

Предсказал Антоний и Шимону, сыну варяжского князя Африкана, его судьбу: что Шимон не погибнет в битве при Альте,

хотя и будет лежать среди трупов, и что впоследствии он первый будет погребен в каменной печерской церкви, которая чудесным образом воздвигнется в Печерском монастыре. Узнав о предсказании преподобного Антония, Шимон принес ему золотой пояс и венец, снятые им с иконы Христа Спасителя у себя на родине, в Варяжской земле. Шимон рассказал, что был ему голос Божий, повелевший, чтобы этим поясом было измерено основание церкви – и образ этой церкви видел Шимон на воздухе – в которой Шимон будет похоронен, – а венец должен быть помещен над жертвенником. Вот как дивно подтвердилось предсказание преподобного Антония.

Однако недремлющий диавол, ненавидящий Антония за его добрые дела, не переставал строить козни на преподобного, руками князя Изяслава причиняя ему немалые напасти. Так, во время смуты в Киеве, возникшей после поражения русских князей в битве с половцами, когда киевляне объявили своим князем полоцкого князя Всеслава, бывшего в Киеве в плену, Изяслав вынужден был бежать в Польшу и потом отвоевывать Киев у Всеслава с помощью польского короля. По наущению диавола Изяслав счел преподобного Антония помощником Всеслава и виновником смуты в Киеве и сильно гневался на Антония. Брат Изяслава Святослав Черниговский взял преподобного Антония в Чернигов, чтобы уберечь его от княжеского гнева. Преподобному понравилось в Чернигове, он выбрал место около Чернигова в Горах Болдиных и выкопал там себе пещерку (впоследствии там возник монастырь). Когда князь Изяслав одумался, убедился в несправедливости своего гнева, он послал в Чернигов, прося Антония вернуться. Антоний, кроткий и смиренный подвижник, откликнулся на эту просьбу. Не желал он оставить овец без пастыря, вернулся к покинутой им, находящейся в смятении пастве. Не допустил Господь, чтобы такой светильник, солнце светозарное земли Русской, покинул град Киев.

После всех испытаний, напастей тяжких не изнемог преподобный отец наш Антоний, он продолжал свои подвиги, побеждая немощь тела и козни диавола силою духа своего,

молитвою, постом, коленопреклонениями. Он поселился в малой пещере, проявляя и там дар чудотворения.

Особенно заботился преподобный отец наш Антоний о создании каменной церкви, той, в которой было возвещено Шимону, и много молился о ней. Подвизался преподобный Антоний вместе с другом своим игуменом Феодосием в усердных и неусыпных молитвах, и вот случилось с ними чудо: перенеслись они в Царьград и предстали Царице Небесной. Пресвятая Богородица дала им золота на строительство святого Ее дома. Преподобные отдали золото мастерам-каменщикам, и те, по повелению Царицы Небесной, пошли в русскую землю для строительства Печерской церкви. Место для строительства церкви указал сам Господь, явившись в видении преподобному Антонию во время молитвы. Вот как было найдено место для храма: на поле перед монастырем, подаренном князем Святославом для строительства церкви, в ту ночь выпала роса, а место, где надлежало быть храму, осталось сухим – так Господь указал угодное ему место. Золотым поясом Шимона место это было размерено, как об этом было указано в видении Шимону, и так была построена чудотворная Печерская церковь, жилище Пресвятой Богородицы.

Видя, что пришло время отшествия от тела, преподобный Антоний утешил чад своих обещанием, что и по смерти не оставит он своей обители, будет посещать и надзирать ее, помогать живущим в ней и приходящим в нее. Он окончил свое житие во второй своей пещере, где прожил шестнадцать лет. Он окончил свое временное житие и поменял его на вечное 10 июля 1073 года. Честные его мощи были положены в той пещере, где он скончался, под великим монастырем. Как сам преподобный во время жизни своей удалялся от глаз людских, так и мощи его были положены в недоступное для взора людского место. Не могут люди видеть их, ибо исходит от них ослепляющий свет. Некие люди, имевшие дерзость раскопать пещеру, были опалены огнем за свое дерзновение. Но хотя мощи и не видны глазу человеческому, помощь от них людям происходит непрестанно, и тому есть немало свидетельств.

Преподобный Антоний не оставил обители своей, время от времени он является преподобным печерским и всем молящимся ему посылает помощь и исцеление.

Жизнь свою преподобный Антоний проводил в пещере в уединении, и нам, людям, поэтому неизвестны полностью его дела и подвиги – их записал Господь в Книге Вечной жизни. А мы собрали лишь некоторые сведения о его святой и чудотворной жизни и надеемся на его ходатайство о нас пред Богом, чтобы и нам сподобиться окончить свою жизнь в покаянии и получить помилование от Бога, дабы и наши имена были написаны в Книге Вечной жизни вместе с именем преподобного отца нашего Антония Печерского.

Житие преподобного Феодосия Печерского [53]

Я грешный Нестор, воспоминая жизнь преподобного Феодосия, каждый день предавался печали и молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия, и пусть будущие черноризцы, прочитав писание мое, восхвалят Бога и прославят угодника его, укрепляя свои души для новых подвигов. В пятидесяти поприщах от Киева есть городок Василев. Там и родился святой Феодосии. Родители его были благочестивые христиане. На восьмой день по обычаю понесли они ребенка к священнику, чтобы дать ему имя. Священник, провидя духовными очами, что отрок этот смолоду посвятит себя Богу, назвал его Феодосием[54]. Когда исполнилось младенцу 40 дней, крестили его, и рос он, окруженный родительским попечением, и благодать Божия пребывала в нем. Так случилось, что родители святого Феодосия переселились в Курск. Рос святой отрок телом, а душой тянулся к Богу. Каждый день ходил он в церковь слушать чтение божественных книг. Он сторонился сверстников, носил ветхую одежду, хотя родителям это не нравилось, а когда отдали его в учение, весьма быстро постиг грамоту, поражая всех своим разумом и удивительным смирением.

Истекли дни жизни отца его. Блаженному Феодосию было тогда 13 лет. Он стал еще больше трудиться и работал в поле вместе со смердами. Мать запрещала ему это, требуя, чтобы одевался в хорошую одежду, играл с детьми, чтобы не позорил своим видом себя и свою семью. Но он не слушался. И она приходила в ярость и била его. А она была сильна, как мужчина. А бывало, кто не видя ее, а только слыша голос, люди думали, что это мужчина говорит. А божественный юноша все время размышлял, как ему спасти свою душу. Услышал он как-то о местах, где провел свою земную жизнь Господь наш Иисус Христос, и захотелось ему увидеть эти святые места и поклониться им. И вот встретил он в своем городе странников, пришедших из Иерусалима. Жадно слушал юноша их рассказы

и, узнав, что собираются они вернуться в Святую землю, упросил их взять с собою. Тайно вышел он из дому, не взяв с собой ничего, кроме ветхой одежды, которая была на нем, и пошел за странниками. Но Господь не допустил, чтобы покинул он нашу страну, ибо от рождения ему предопределено стать пастырем духовного стада, а ведь если пастырь уйдет, овцы разбегутся, а поля зарастут бурьяном. Мать Феодосия, узнав, что он ушел с паломниками, через три дня догнала его. Избив, привела домой связанным и заперла, а через много дней освободила его, умоляя, чтобы не покидал ее.

Вернулся святой Феодосии к прежнему своему подвижничеству и каждый день ходил в церковь. Стал он печь просфоры для церкви. Сверстники насмехались над ним, ибо враг их тому научил, но он все сносил в смиренном молчании. Вечно ненавидящий добро дьявол, видя, что побеждает его смирение божественного отрока, внушил матери его, чтобы запретила она Феодосию его дело. И она пыталась заставить его то лаской, то побоями покориться ей. Не выдержал отрок, тайно ушел из дома, ушел в другой город и поселился там у священника. Не сразу отыскала его мать, но все же нашла, опять избила, привела домой и заперла. «А если убежишь, – сказала она, – все равно найду тебя и приведу назад». Попросил святой отрок кузнеца сковать ему тяжелую цепь, опоясался ею под рубашкой и так ходил. Однажды мать это увидела и опять побила его. И разгорелось в юноше стремление к Богу, и стал он думать о постриге. Когда мать уехала из дому на несколько дней, тайком покинул он дом и ушел и направился в Киев, ибо много слышал о тамошних монастырях. Попались ему попутчики-купцы, и шел он за ними следом, пока не достиг Киева. Обошел монастыри, желая постричься в монахи, но нигде не приняли скромного, бедно одетого отрока.

Тогда услышал Феодосии о блаженном Антонии, живущем в пещере. Пришел он к Антонию, со слезами пал ниц, умоляя разрешить остаться. Сказал великий Антоний: «Чадо, уныло место сие и неприглядно. Сможешь ли ты, живя здесь, снести все лишения?» Так говорил он, испытывая его, ибо духовным оком видел, что перед ним тот, кто создаст здесь монастырь со

множеством монахов. А Феодосии отвечал ему: «Отче, Господь привел меня к твоей святости, чтобы Ты спас меня. Что ты мне повелишь, исполню». И благословил старец Феодосия, и отвел его к великому Никону, чтобы тот постриг его и облек в монашескую одежду.

Всей душой отдался Феодосии Богу и предался трудам и подвигам, проводя целые ночи за молитвой, преодолевая сон, тело свое изнуряя трудами, а душу смиряя воздержанием. И дивились преподобный Антоний и Никон его смирению и покорности, а также твердости духа и бодрости.

А мать искала Феодосия и не могла найти. И плакала о нем как о покойнике. И была обещана награда тому, кто сообщит матери о нем. И пришли люди из Киева, и сказали, что видели отрока, который хочет постричься. Не поленилась она поехать в Киев, не убоялась долгого пути. Обошла она все монастыри, а потом узнала, что сын ее в пещере у преподобного Антония. Пришла она к пещере, стала выманивать старца, чтобы вышел к ней, ибо пришла издалека за беседой и благословением. Вышел старец и побеседовал с ней. В конце разговора она спросила о сыне, жив ли он. Старец не заметил хитрости, сказал: «Здесь твой сын, он жив, не плачь о нем». Женщина хотела непременно увидеть его. Старец обещал уговорить его, чтобы на следующий день вышел и поговорил с матерью. Опечалился блаженный Феодосии, узнав, что мать нашла его, и не захотел выйти к ней.

Старец сказал женщине: «Я уговаривал его, но он не хочет выходить». Она же, теперь уже без смирения, гневно кричала, что старец силой захватил ее сына и скрыл в пещере. «Если ты не выведешь его, – кричала она, – то я погублю себя и страшной смертью умру перед твоей пещерой!» Антоний снова стал просить блаженного Феодосия выйти к матери, и не посмел тот ослушаться и вышел. И заплакала мать, видя, как изменился Феодосии, как изможден он трудами и воздержанием. И насилу успокоившись, стала умолять его вернуться домой. «Вернись и делай дома все, как тебе угодно, но не покидай меня! Когда я умру и ты погребешь меня, тогда можешь вернуться в пещеру, но я не могу жить, не видя тебя!»

И сказал ей блаженный Феодосии: «Если хочешь часто видеть меня, постригись в одном из киевских монастырей, тогда будешь приходить сюда и видеться со мной и душу свою спасешь. А если так не поступишь, никогда больше не увидишь меня, честное слово». Она и слышать об этом не хотела.

Когда же она уходила, возвратился Феодосии в свою пещеру и молился усердно, чтобы Господь просветил сердце матери его. И услышал Господь молитву угодника своего. Вскоре пришла мать к Феодосию и сказала: «Чадо, я сделаю, как ты хочешь. Я проведу остаток дней моих в монастыре. Ты научил меня, я поняла, что мир этот кратковременный – ничто». Обрадовался Феодосии, поведал святому Антонию, что Господь обратил сердце ее на покаяние. И вышел старец, и беседовал с нею, и поучал ее на пользу души, и послал ее в женский монастырь св. Николая. Там она постриглась и прожила много лет в искреннем покаянии и мирно скончалась. О жизни блаженного Феодосия с детских лет до той поры, как пришел он в пещеру, поведала его мать одному из братии, Феодору, который был келарем при отце нашем Феодосии, а он рассказал мне.

Расскажу же и о дальнейших подвигах блаженного Феодосия, а нужное слово подскажет мне Бог.

Был блаженный Феодосии по повелению преподобного Антония поставлен священником и со смирением совершал божественную службу, ибо был он кроток, тих и исполнен мудрости духовной. Собралось уже тогда до пятнадцати монахов. А преподобный Антоний хотел жить один, затворился в келий, а игуменом назначил Варлаама. Жизнь в пещере была трудна и полна скорбей, это устами человеческими невозможно рассказать, одному Богу это известно. Пища – только ржаной хлеб и вода, а иногда чечевица и овощи. Трудились они непрестанно, занимаясь ремеслом, шили одежду и обувь, выращивали овощи. Плоды своих трудов продавали, чтобы купить зерно и испечь хлеб. В положенный час совершали святую службу, а затем, поев хлеба, возвращались к своим делам. И так трудились изо дня в день.

Отец Феодосии превосходил других трудолюбием и подвижничеством. Он был могуч и крепок, носил воду и дрова для братии. А ночью бодрствовал, молясь. Пока братья спали, он незаметно молол выделенные каждому для помола меры зерна. Когда же наступал час заутрени, шел в церковь и совершал божественное славословие. Все любили его и почитали и дивились смирению его и послушанию.

Вскоре по повелению князя игумен Варлаам был поставлен игуменом в монастырь св. Димитрия. И просили братия игуменом себе Феодосия. Став игуменом, блаженный Феодосии не изменил своему обычному смирению и был скромнее всех и всем слуга, по слову Господню. При нем сильно умножилось число братии, и прославилось место то добронравием их и молитвами.

Жили они скудно и темно. Трудно было вместиться в церкви. Но не печалился о том отец Феодосии, всякий раз поучал и утешал братию, говоря: «Не заботьтесь о земном, но ищите царствия небесного, по слову Господню, ибо знает Отец Небесный, в чем вы нуждаетесь, и все придет к вам»[55]. И Бог щедро давал им все, в чем была нужда.

Присмотрел отец наш Феодосии свободное место близ пещеры, собрал средства по благодати Божией и, укрепившись верой и надеждой, исполненный Духа Святого, стал готовиться к переселению на новое место. Построили на том месте церковь во имя Пресвятой Богородицы, окружили это место стеной и келий построили – и переселились туда братия из пещеры в 1062 году, и существует доныне славный монастырь, именуемый Печерским, устроенный преподобным Феодосием.

Усердно наставлял игумен Феодосии своих учеников, со вниманием к каждому брату. Имел он обыкновение ночью обходить все келий и узнавал таким образом о степени усердия каждого брата. Он учил их усердно молиться и тщательно соблюдать все правила жизни монастырской; нельзя было братии после вечерней молитвы беседовать друг с другом. Никого не бранил он, но любовию и молитвой приводил к покаянию. И были иноки при блаженном Феодосии как бы равны ангелам небесным подвигами своими. За праведную жизнь

свою был блаженный Феодосии прославлен – исходило от него сияние, которое часто люди могли видеть. Так, игумен Михайлова монастыря Софроний, возвращаясь к себе мимо обители Феодосиевой, видел свет несказанный, сияющий над монастырем.

Князь Изяслав глубоко почитал святого подвижника и часто навещал монастырь. Однажды князь пришел в неурочное время (преподобный Феодосии запретил привратнику пускать кого-либо в монастырь во время между обедней и вечерней), его не впустили, и князь терпеливо ждал у ворот. Потом преподобный Феодосии вышел встретить князя, повел его в храм, они вместе молились и вели душеполезные беседы. Князь находил, что пища в монастыре столь вкусна, что никакие дорогие кушанья не сравнятся с нею. И пояснил ему святой Феодосии: простая монастырская пища хороша потому, что братия, работающие на кухне, строго соблюдают устав и совершают дело свое без греха и по благословению.

Строго учил отец Феодосии братию соблюдать устав, а особенно учил их оставить заботу о завтрашнем дне и усердствовать в добродетели нестяжания – ничего лишнего не иметь, ожидая, что Господь даст все потребное в нужное время. Кротостью и молитвой возвращал он в монастырь тех из братии, кому дьявол внушил уйти из монастыря. И даже разбойников, хотевших ограбить монастырь, отпустил с миром, чем способствовал их покаянию. Твердо знал преподобный Феодосии, что Господь защитит обитель от всякого зла. Однажды разбойники собрались к монастырю, надеясь ночью ограбить церковь. Но когда подошли они, услышали пение. Они удалились, думая, что иноки еще не разошлись. И потом вернулись и опять услышали пение. И так повторилось несколько раз. И только утром, когда зазвонили в колокол и иноки пошли к заутрене, стало ясно, что это не иноки пели, а ангелы. Однако разбойники, считая, что это им показалось, решились убить иноков, когда они соберутся в церковь. И церковь у них на глазах поднялась на воздух. А в другой раз село монастырское поднялось перед разбойниками, так что не смогли достигнуть его.

Таких и подобных чудес много было во времена Феодосия. Однажды, когда совсем не было в монастыре денег, чтобы купить пищу, и эконом был в большом унынии, велел ему Феодосии не печалиться и верить во всемогущество Божие; когда ушел эконом, явился в келье Феодосия светозарный юноша и принес золото, а никто не входил в это время в монастырь. В другой раз, когда иссякла пища, по тайному внушению Божию боярин прислал три воза разной еды. Также, когда не было вина для совершения литургии, по молитве отца Феодосия привез вино домоправитель боярский, а купец – три бочки масла для лампад.

Хваля и благодаря Бога за все благодеяния, проводил преподобный жизнь свою в постоянных молитвах. Ночи напролет он молился, а днем подвизался в повседневных работах по монастырю. И лишь иногда, когда немощи телесные того требовали, он короткое время спал, всегда сидя. Во время поста, до наступления недели цветоносной[56], он затворялся в пещере. Там претерпевал великие искушения от бесов, которые старались выгнать его из пещеры, но он усмирял их постом и молитвой. Он и братию учил бороться с бесами и побеждать их, не уходить с того места, чтобы бесы не могли похвалиться победой, иначе они будут делать еще большее зло.

По наущению лукавого дьявола возник раздор между князьями, братьями по крови, и изгнали из стольного города два брата третьего – старшего брата своего, христолюбивого князя Изяслава. И занял престол его брат Святослав. Послали братья за святым старцем Феодосием, чтобы приобщился к их неправедному союзу. Отказался святой Феодосии пойти на пир Иезавели»[57], обличил братоубийственный союз. Однако князья не вняли голосу святого старца, не помирились с братом своим. Обличал преподобный Феодосии Святослава за незаконное изгнание старшего брата перед вельможами его, веля, чтобы передали князю:лова старца, и письмо ему написал. Князь пришел в ярость, и грозило блаженному заточение. Братия умоляли преподобного Феодосия не обличать князя, чтобы избегнуть заточения.

А князь, хотя и гневался страшно, но не дерзнул причинить зла преподобному. Видя, что обличениями он ничего не достиг, блаженный Феодосии перестал обличать князя, но со слезами умолял его вернуть брату захваченную у него область. Князь Святослав обрадовался, что преподобный перестал на него гневаться, попросил разрешения прийти в монастырь, ибо давно жаждал насытиться духовной беседой. Пригласил его отец Феодосии, и молились они вместе, и много говорил ему Феодосий о братолюбии. Но не хотел Святослав помириться с братом своим Изяславом. А преподобный Феодосии всегда молился за князя Изяслава, поминая его как киевского князя т старшего над всеми, а Святослава не велел поминать в своем монастыре.

Мудрым управителем монастырю своему был отец наш Феодосии, вдовам и сиротам заступник, многих перед судьями и князьями он защитил, а праведность его и святость были многим известны.

И вот настал конец жизни его. Он заранее знал день, когда отойдет к Богу. И собрал всю братию, и наставлял их о праведной жизни, пошел в свою келью. А иноки подумали, что хочет святой Феодосии уйти от них и жить один. А блаженный тем временем уже лежал в ознобе и жару, и оставили его силы. Три дня лежал он безмолвно и без движения, и многие подумали, что умер он. И снова позвал их Феодосии, собрал всех и объявил, что настал ему час отойти ко Господу. И велел им избрать себе игумена. Горько плакали братия, и по общему согласию решили, чтобы стал у них игуменом Стефан, начальник хора церковного. Благословил блаженный Феодосии Стефана на игуменство, а братии объявил: «В субботу, после восхода солнечного, оставит душа моя тело мое».

Беседовал он со Стефаном наедине, поучая его, как пасти святое стадо, и не отлучался больше Стефан от него, прислуживая ему. В субботу попрощался Феодосии с братией, целуя одного за другим и наставляя их к праведной жизни с новым игуменом. Видя великую скорбь братии, утешал их Феодосии, обещая: «Хотя телом отхожу от вас, но душою всегда останусь с вами. Но знайте, за каждого из вас, кто умрет в

монастыре или же будет отослан игуменом, даже если и согрешит он, я отвечу перед Господом. А если кто по воле своей уйдет – до того мне нет дела». После того отослал всех от себя и, встав на колени, молился о спасении своей души, и о стаде своем, и монастыре. А потом лег на одр свой, сложил руки крестообразно и передал святую душу в руки Божий.

Горько плакали братия над телом его, и множество народа собралось, и все плакали, и стояли пред вратами монастырскими, ожидая, когда понесут преподобного. А князь Святослав, бывший неподалеку, увидел огненный столп, поднявшийся над монастырем, и догадался, что умер блаженный Феодосии, и горько зарыдал.

Братия заперли ворота, как хотел преподобный Феодосии, и сидели возле его тела, ожидая, пока разойдутся люди, чтобы похоронить его так, как он велел. Но люди стояли, и немало бояр там было. И пошел дождь по воле Божией, и разошлись люди. И тотчас дождь перестал. Отнесли Феодосия в пещеру и положили его там, запечатав гроб, и весь день пребывали без пищи.

Умер отец наш Феодосии в год 1074, месяца мая в третий день, в субботу, после восхода солнца.

Житие преподобного отца нашего Авраамия Смоленского [58]

Авраамий рожден и воспитан был в Смоленске-граде. Молитвами родителей и милостынями испрошен от Бога. Мать его, если и рождала детей, то женского, а не мужского пола. И из-за этого печалились отец и мать и многие со слезами проливали моления Богу. Ходили по церквам и милостыню щедро подавали и просили – да подаст им сына. И получив просимое, зачали угодника Божия. И был он от чрева матери избран на служение Богу: еще мать носила его во утробе, одной черноризице, свято живущей, было о нем видение. Уснув после утреннего пения в день воскресный, показалось ей, что кто-то в двери толкнул, зовя: «Быстро восстань и иди к Марии, отрока она родила, а ты его от крещения восприимешь». Черноризица же в сонном том видении будто бы встала и пошла. И вошла в дом Марии и видит многих священников в ризах светлых, омывающих отрока в крещенской купели. И некая пресветлая жена стоит, держа в руках одежду, подобную белизною снегу. Спросили же ее слуги: «Кому, госпожа, дать велишь отрока сего?» Она же повелела принести его к себе и, облачив его этою белою снегоподобною одеждою, отдала его матери. Это видение инокиня в тот же день рассказала Марии, которая была беременна, и почувствовала Мария, что в этот момент взыграл в ней сын.

По исполнению времен родился сын, и возвеселились родители, ожидавшие его рождения. По обычаю христианскому просветили его крещением и воспитывали во благочестии. Когда же он достиг возраста, отдали его учиться грамоте, и вскоре научился он разумению книжному: благодать Божия почила на нем, вразумляя и наставляя на познание учений, подаваемых ему учителями. И был отрок не детским умом наделен, не участвовал со сверстниками в детских играх, но приходил послушать церковное пение, прилежал книжному чтению и внимал словам Божиим, на путь спасения ведущим. Когда же достиг возраста совершенного, процветя красотою тела юного,

принуждали его родители вступить в брак, но он соизволил лучше в чистоте телесной пребывать, нежели плотскими сладострастиями и житейскими попечениями услаждаться.

После того как родители отошли к Богу, оставшееся после них наследство раздал он церквам святым, и монастырям, и нищим. Сам же в худые облекся одежды, став похожим на нищих, уподобился юродивым, насмехаясь над миром и над прелестями его. Молился же днями и ночами Богу, прося, да покажет ему, каким образом и каким путем достичь спасения. И Давидовы слова часто с воздыханиями повторял: «Укажи мне, Господи, путь, которым пойду!» И по истечении некоторого времени Бог его наставил – направился он в монастырь Пресвятой Богородицы, на расстоянии пяти поприщ от града, к стране восточной, на место, называемое Селище[59]. И там в иноческий постригся чин, трудясь ради Бога, подвизаясь в пощениях и молитве и проходя монастырские послушания в терпении и кротости и всеми иноческими добродетелями украшаясь. Предпочитал он более всего чтение душеполезных книг, а наиболее любил часто перечитывать жития древних святых отцов, основателей монашества, прославившихся постническими трудами: Антония Великого в Египте, и Илариона, ученика его, и Палестинских великих светильников, и Евфимия, Саввы, Феодосия, и иных. Так же и после них в России просиявших угодников Божиих, Антония и Феодосия Киево-Печерских. И старался, насколько это возможно, подражать им. Еще читал Святого Златоуста книги, и Ефрема Сирина, и прочие отеческие творения[60], и повести же и сказания, и ото всех, как трудолюбивая пчела от цветов мед, так он духовную сладость собирал, питая свою душу.

Игумен, увидев, что Авраамий ведет жизнь добродетельную, принудил его принять сан священнический (случилось же это во дни христолюбивого князя смоленского Мстислава)[61]. Авраамий же, приняв священный сан, воспринял и смирение глубочайшее, и подвиги большие, их же подробно описывать не буду, дабы не растекаться мыслию. Достаточно сказать, что был он избранным сосудом Святого Духа, и совершал Божественную литургию достойно, как ангел Божий, с

великим благоговением. И никогда не оставлял церковного правила, и наипаче Божественной литургии, как и своего особого келейного подвига. В чтении же божественных книг и в чтении Писания постоянно упражнялся, и отверз ему Господь ум, чтобы уразумел он все темные и неудобовразумительные, таинственные места Писания. Чтобы не только сам понимал, но и другим мог объяснить, преподал благодать устам его, чтобы к душеспасительным беседам и поучениям всегда готово было слово во устах его и к ответу на всякое вопрошание, и к сказанию и толкованию не совсем понятных мест Писания. Все, что он читал, в памяти хранил, – ум его был подобен книгохранилищу, хранящему в себе многие книги. И слова его находили отклик в тех, кто его слушал: ибо приводили во умиление и сокрушение сердечное. И многие не только иноки, но и мирские люди любили слушать его. И специально из города в монастырь приходили люди мирские и духовные, чтобы услышать душеполезные учения из уст Авраамия преподобного.

Диавол же, ненавидящий добро, не терпя пользы той, которую получали многие от угодника Божия, воздвиг на него гонения. Наустил же некоторых черноризцев, завидовавших ему, и возненавидели его и укоряли они его, досаждая пакостями и озлоблениями. Но незлобивый раб Господень все это с кротостью и смирением претерпевал, благодаря Бога за допущенное искушение. И молился о ненавидящих и обижающих его, но своего дела не прекращал, уча приходящих к нему и утешая их благодатию Христовою, не изнемогая от наносимых ему оскорблений. И пребывал в тех гонениях от завистников, более же от самого диавола, почти пять лет. Но игумен с черноризцами, наущаемый невидимым врагом, запрещал блаженному учить людей, говоря: «Весь город к себе обратил, гордишься, тщеславясь, что ты начитан и учишь лучше нас. Прекрати свои поучения, поскольку я за тебя отвечаю перед Богом». Так игумен гневно запрещал Авраамию, отгоняя приходящих к нему, и неоднократно озлоблял раба Господня, заграждая источник благодати, истекающий из уст его. Наконец с бесчестием изгнал его из монастыря, как раба непотребного.

Изгнанный неповинно раб Христов из своей обители, в которой принял постриг, пришел во град Смоленск и начал жить в монастыре Святого Креста. Этот же монастырь был тогда мал и скуден. И стали туда к нему приходить люди, чтобы послушать слова Божий, проповедуемые устами его. Сетовал враг невидимый, а Господь прославлял раба Своего, подавая ему благодать в проповеди и силу на совершение подвигов. И все необходимое на потребу посылал ему Бог до преизобилия руками людей нищелюбивых и милостыни творящих. И стал монастырь тот богатеть благодаря Авраамию: преподобный Авраамий то, что приносили ему, раздавал братии и нищим и храм украсил иконами и всяким благолепием от подаваемой ему милостыни. И стал он строителем монастыря того святительским благословением. И приходило к нему множество людей послушать церковное пение, влекомые поучениями его, ими же наставлял их на путь спасения. Так же и божественные книги им читал, то изустно с ними беседуя, то со слезами увещевая грешных, и многие умилялись, оставляя грешную жизнь и исправляя житие свое истинным покаянием.

Храня же в памяти своей Страшный день судный и других научая памятовать и бояться, написал особенные две иконы: одну, посвященную второму пришествию Христову, а другую – истязания и мытарства от духов воздушных, и, часто на них взирая и прочим указуя, обливался слезами, воздыхая из глубины сердечной. Был же преподобный телом сух от великого воздержания, также и кости и суставы его очистились: изможда л себя весьма жестоким житием. И лицо его было бледным, образом же напоминал святого Василия Великого, и нравом в богоугождении подражал ему. Немалую же вел борьбу с бесами, которые нападали на него в виде страшных привидений и мечтаний. Иные же бесы во сне являлись, иные наяву, как звери дикие, рыкающие, или как воины, нападающие и секущие. Но не могли повредить они слуге Господнему: если даже над свиньями не имеют власти без попущения Божия, то тем более над людьми, трудящимися усердно, ради Бога, не имеют власти, даже если и весьма ярятся. Только привидениями устрашают, коснуться же человека не смеют. И когда стоял он

на молитве полуночной порой, они в различные подобия, в бесстыдных жен превращались, пытаясь прервать молитву его. Но молитвою его, словно копьем, бывали уязвляемы и прогоняемы. А когда ложился на постель, чтобы поспать немного, они сбрасывали его с постели, не давая уснуть, чтобы изнемог от бессонницы телом и оставил труды свои обычные. Но преподобный, укрепляясь духом, вставал, укрепляемый благодатью, на подвиг и постыжал борющихся против него злобных духов.

Не смог сатана ни сам, ни при помощи ангелов своих невидимых сотворить препон Авраамию преподобному в доброй жизни и пресечь пользу многих. Тогда решился при помощи видимых бесов, то есть злых людей, многокозненную свою осуществить хитрость.

Вот попускает святым Своим впадать во искушения, так угодник Божий, подобно золоту в горниле, бывая искушен более прославляется, сопротивный же постыжается. По прошествии времени воздвиг диавол городских священников на святого (подобно черноризцам в прежнем монастыре), и стали священники завидовать ему и говорить: «Всех наших детей духовных обольстил этот льстец и обратил к себе». Так день ото дня злоба в священниках умножалась, и начали они советоваться, как бы озлобить и изгнать из города неповинного раба Христова. И начали наущать на него народ, клеветать, словно сорняки рассеивать, и недобрые слухи о нем распускать: называли его еретиком, волхвом, читателем бесовских книг и лжепророком. Также и скверными телесными грехами бесславили чистое его житие, лгали, что он будто бы с женами общается и всякую скверну творит, лицемерно притворяясь святым. И так развращали людей, пользовавшихся советами святого, и отвращали от него, чтобы не ходили слушать поучения и вообще его не слушали, не беседовали с ним, как с богопротивником. Множество людей озлобили против него, также и черноризцы многие с игуменами своими немало им пособляли. Говорили они: «Откуда этот новый святой и учитель к нам явился. Лицеприятием и лжесловием своим всех обольстил!»

Сговорившись между собою, собрались однажды игумены с черноризцами, священники с диаконами, а за ними множество народа последовало. Пришли они на двор к епископу Игнатию случилось же тогда и князю быть у епископа) я клеветали на Авраамия о многой вине его неправедно: иные говорили, что он еретик и волхв, иные же, что он скверный грешник и во итогах беззакониях повинен и смертной казни достоин. Епископ же и князь, видя и слыша молву народа, послали слуг привести Авраамия. Те пошли и, найдя преподобного в келий, на молитве стоявшего, схватили его яростно и двух учеников с ним. С бесчестием, словно злодея, вели его, ругаясь над ним, толкая и словами аульными его осыпая. Всюду же по улицам множество народа наблюдало. И был святой 7. неповинный раб Христов выставлен на поношенье ангелам и людям, влекомый словно агнец на заклание, никому ничего не отвечая, не оправдываясь, только к Богу в тайне сердца своего молясь и на Него надежду возлагая.

В то время, когда святого с поруганием влекли по улицам, некоему преподобному Луке, прозванием Прусину, в храме святого архистратига Михаила, когда в девятом часу он молился, был глас Господень: «Се ведут угодника Моего Авраамия с двумя учениками на сонм, на истязание, ты же не соблазнись о нем!»

И, вышедши из храма, блаженный Лука направился к собранию тому, взывая: «Неповинен тот, кого вы осуждаете, неправедно его хулите и ложь на него возводите! О, если бы грехи его на мне были!» Так он взывал, но никто его не слушал. А когда увидели священники Авраамия, приведенного во двор епископский, многие от великой злобы заскрежетали на него зубами. Если бы дали им волю, они бы проглотили его живого. И возвысили голоса свои, словно волы рыкающие, иные же восклицали: «Да изгнан будет из города и заточен льстец и лицемер этот!» Другие же вопили: «Да сожжен будет еретик!» Другие кричали: «Да убит будет волхв!» Также и игумен с черноризцами говорили, и предстал неповинный осужденник на суд епископу и князю, а все на него кричали и ложно обвиняли.

После многих разбирательств и изысканий судьи не нашли никакой вины, но только клевету. Говорились только клеветнические слова, но ни одного достоверного показания или свидетеля не нашлось. Святой же стоял, словно агнец среди волков, которые растерзать его хотят, одного только свидетеля своей невиновности имея – Бога и молясь Ему о своих клеветниках, повторяя слова первомученика[62]: «Господи, не вмени им греха сего!» И умягчил Господь сердца князю и властителям, и отверз им умные очи, чтобы увидели невинность святого, злобу же клевещущих на него уразумели. И начали епископ и князь укорять и поносить их из-за неправды и ненависти злобной. Те же, исполнившись стыда, начали по одному покидать собрание, закрыв лица свои. Епископ отложил суд до утра, повелев святому и обоим ученикам его оставаться на епископском дворе, пока не расследует, какие обвинения достоверны.

Наутро клеветники вновь на епископский двор собрались, говоря то же самое, клевеща на Авраамия и шум подняв немалый, поскольку не нашли вины, все равно пытались обвинить его и осуждали преподобного. Епископ же, усмиряя мятеж их, отослал преподобного в прежний монастырь, где он принял постриг, запретив ему служить литургию. Такие напасти святой Авраамий перенес, пребывая в веселии духа, поскольку ни на кого не имел зла, благодаря Бога за все приключившееся с ним, и даже большее терпеть готовый. А враждебные ненавистники и там досаждали ему своею злобою. Узнав, что некоторые богобоязненные и любящие учение его ходят к нему пользы ради, разослали по дорогам злых людей, которые возбраняли ходить к нему, и многие, словно разбойниками, были ограблены и избиты.

Как-то пришел к епископу Игнатию блаженный Лазарь, во иерейском еще сане бывший (после смерти Игнатия он был возведен во епископский сан)[63], а он не был сообщником злобных крамольников и лживых на Авраамия клеветников, и сказал епископу: «Великое будет от Бога городу этому наказание за такую досаду и изгнание неповинного человека Божия!» Этот Лазарь потом стал епископом, но оставил

престол, видя обиды, многим храмам чинимые от властителей, отнимающих чужое. И сбылись слова Лазаря, ибо в то же лето за злобу, соделанную угоднику, наступило бездождие и сушь великая. Увяли все растения земные, и сады, и плоды, и высохли все источники и потоки, и земля иссохла, потрескавшись от суши великой. Затужили все и молились Богу, и сам епископ со всем духовным чином ходил вокруг города с честными крестами и святыми иконами, поя молебны и воду освящая и прося дождя у Бога. Но не послушал разгневанный Господь молений их. И сказал некто от духовных мужей, Богом подвигнутый, епископу: «Знаешь ли, владыка, какая вина, почему всех вас молящихся Бог не слушает? Воистину того ради, что Авраамий неповинно уничижен и отстранен от совершения литургии! Если бы он помолился, услышал бы Бог молитву его».

Тогда епископ Игнатий послал слуг, призвал Авраамия преподобного и, заново все обвинения на него рассмотрев, нашел все ложным, по зависти и злобе диавольской случившимся. Преподобного от запрещения разрешил, а клеветников подобающими наказаниями и отлучениями хотел наказать. Но незлобивый отец пал в ноги епископу, со слезами моля, да не мстит за него, и не отступил до тех пор, пока не умолил святителя простить их. Просил же и епископ у преподобного прощения, говоря: «Прости меня, раб Христов, в неведении согрешившего против тебя, послушал злобных людей! Прости и всех граждан, которые приняли на веру утверждения лживых клеветников и обвинителей! Помолись за нас Богу, да помилует нас дождем – это за тебя сушью наказует нас, поскольку неправедно опечалили тебя!»

Преподобный же со смирением отвечал: «Кто я такой, грешный, чтобы из-за меня Бог на кого прогневался и наказывал? И кто я такой, что буду умолять Господа послать дождь земле жаждущей? Ты, о святитель, за богопорученное тебе стадо словесных овец помолись, должен же и я, как и прочие рабы твои, повелеваемое тобою совершать!»

Когда же святитель отпустил преподобного, пошел он к монастырю своему и молился на пути, говоря: «Владыко, Боже

Вседержитель! Услыши молитвы святителя Твоего и всех иереев Твоих! Помилуй город и людей Своих, Милостивый, и прими воздыхания и слезы всех молящихся Тебе! Пошли дождь и напои лицо земли, и возвесели людей и скотов! Господи, услыши и помилуй!» Так он молился и еще до монастыря своего не дошел, одождил Бог дождь великий на многие часы. Не переставал лить дождь, пока не напоил землю. Тогда все люди в городе говорили: «Скоро послушал Бог молитвы раба своего Авраамия!» И исполнились все радости многой, и славили Бога, и узнали все в те времена, что неповинен Авраамий никакому злу и что по злобе, а не по истине клеветали на него завистники. Познали же и клеветники грех свой, да убоялись, как бы не постигло их какое зло и казнь за раба Божьего: некоторые из них нечаянною смертью погибли, чего и прочие боялись. Устремились же к монастырю, в котором жил преподобный, и припали со слезами к ногам его честным, исповедуя вину свою, и каясь, и прощения прося. Также и те, кто ложным наветам верил и зло о святом говорил, осуждал его, все пришли с покаянием, ища прощения.

Преподобный же, всех прощая и молясь о них, научал не внимать суетным словам человеческим и не иметь веры словам, когда кто злое говорит о ближнем своем, поскольку лживы сыны человеческие: учил никого не осуждать и не общаться с осуждающими. После того преподобный Авраамий еще более просветился благодатию Христовой и был, как свеча на подсвечнике, всеми добрыми делами светя. И прославлялся им Отец Небесный, а враг невидимый со агелами своими был постыжен, поскольку терпение угодника Божия разрушило и обличило козни его. Потом епископ Игнатий выстроил храм во имя Пресвятой Богородицы и монастырь[64] при нем устроил. Он пригласил в него Авраамия преподобного, чтобы богодуховенным своим учением всему городу приносил он пользу. И сделал его игуменом и архимандритом в этом монастыре. В нем же преподобный прожил прочие дни жизни своей в великом богоугождении и многих ко спасению наставил. И епископа Игнатия к Богу проводил, и тело его честно предал погребению. После этого и сам переселился от временной

жизни к вечной, и водворился в обителях нерукотворенных, вошел в радость Господа Своего. Богу же почти пятьдесят лет во иночестве потрудился. От самых пелен был Ему верным рабом, служа Ему в преподобии и правде до последнего воздыхания. Ныне же в лике преподобных и праведных престолу Владычному предстоя, славит Отца, Сына и Святого Духа, единого в Троице Бога, Ему же и от нас слава и ныне, и всегда, и во веки веков, аминь.

Страдание святых мучеников Михаила, князя Черниговского, и Феодора, боярина его, от нечестивого Батыя пострадавших [65]

Когда какое-либо смущение и брани или иную какую пагубу видишь, не думай, что это просто проявление непостоянного мира или следствие какого-то «случая: но знай, что все это попускается по изволению Всемогущего Бога за грехи наказал, дабы согрешающие приходили в чувство исправление. Сначала Бог не сильно нас грешных наказывает, когда же не исправляемая, тогда великие наказания наводит, так же, как в древности на израильтян, на тех, кто не захотел исправляться от веревок Христова. По попущению пасли их жезлом железным, го есть римлянами, по пророчеству Даниила[66]. Малые же казни, которые сначала Господь попускает, – это мятежи, голод, напрасные смерти, междоусобные брани и тому подобное.

Если же ими грешные не уцеломудряются, наводит немилостивое и тягчайшее нашествие иноплеменных, чтобы люди пришли в чувство ж обратились от путей своих лукавых, как говорит пророк: «Когда убивали их, тогда взыскали Меня»[67]. Это можно приложить и к нам, и ко всей земле Российской. Когда мы благость Всемилостивого Бога злонравием своим прогневали и благоутробие Его премного огорчили, в чувство же придти и уклониться от зла благие дела творить не захотели, тогда весь разгневался на нас Господь яростью и восхотел лютейше наказать наши беззакония казнью.

Попустил придти на нас безбожным ж бесчеловечным варварам, которые зовутся татарами, и нечестивейшим и беззаконнейшим царем их Батыем. В бесчисленном множестве силы своей языческой пришли на Российскую нашу землю, в год от сотворения мира 6746, от воплощения же Бога Слова – 1238, всю силу гистианских царей и князей сокрушили и потоптали, все города разорили и всю землю гнем и мечом пленили и

опустошили. Никто не мог безбожной той силе противостать, ей из-за грехов наших предал нас Бог, сказавший в пророчестве: «Если захотите и послушаете Меня, благую землю наследуете; если же не послушаете Меня, меч вас истребит»[68].

В то время избежавшие меча и пленения христиане укрывались в горах и непроходимых пустынях и видели удивительное: селения, города и деревни опустошенные, там, где дикие звери жили, там люди водворились, укрываясь от варваров. В то время благочестивый и приснопамятный великий князь Киевский и Черниговский Михаил[69], сын Всеволода Черного, внук Олегов, от юных лет привыкший добродетельно жить, возлюбив Христа, Ему служил от всей души, и светилось в нем душевное незлобие. Был он кроток и смирен, и ко всем добр, и к нищим весьма милостив. Молитвою же и пощением всегда угождал Богу и всеми добрыми делами украшал свою душу, чтобы была она прекрасным жилищем Бога Творца. Был у него любимый боярин, во всех добродетелях ему подобный, именем Феодор, с ним же он и душу свою за Христа положил, пострадав от скверного Батыя, как мы сейчас расскажем.

Ко благоверному и христолюбивому князю, княжившему в Киеве, прислал злочестивый Батый татар своих соглядатаями в Киев. Те же, увидев величие и красоту города, удивились и, возвратившись, рассказали Батыю о преславном городе Киеве. Батый же направил послов к князю Михаилу в Киев, прельщая его, чтобы он поклонился ему. Великий же князь Михаил уразумел ложь их, поскольку лукавством хотели взять город и опустошить его. Слышал он и о безбожии варваров, что они всех, кто по своей воле предавался и поклонялся им, немилостивно избивают, повелел послов тех погубить[70]. У ведал же о наступающей великой татарской силе, которое в великом множестве (воинов же было шестьсот тысяч), как саранча, на всю землю Российскую напали и брали крепкие города. И уразумев, что не уцелеть Киеву от приближающихся врагов, бежал в Венгрию с боярином своим Феодором и жил пришлецом в земле чужой, скитаясь и скрываясь от Божьего гнева, последовав словам: «Укрывайтесь до тех пор, пока не пройдет гнев Божий»[71].

После того как оставил он Киев, многие князья пытались возглавить российское великое княжение, но не сумели защитить Киев от Батыя нечестивого, поскольку пришел со всею своею силою и захватил Киев, как и Чернигов, и другие великие и крепкие российские города и княжения. И все опустошил огнем и мечом, в год от сотворения мира 6748, воплощения же Бога Слова – 1240. Тогда преславный и превеликий великого княжения российского престольный город был разорен рукою христоне-навистных язычников вконец: и пали сильные от меча агарянских людей[72], одни были перебиты, другие в плен отведены. Прекрасные Божий церкви осквернены и сожжены. Исполнились слова Давида: «Боже, язычники пришли в наследие Твое, осквернили святой храм Твой, трупы рабов Твоих отдали на съедение птицам небесным, тела праведных Твоих зверям земным; пролили кровь их, словно воду, и не было того, кто похоронил бы их»[73]. О том, что это сбывается в земле Российской, князь Михаил в странствованиях своих слышал, рыдая неутешно о единоверных своих братьях и об опустении земли своей. Также стало ему известно, что оставшимся в городах людям, а их немного уцелело от меча и плена, повелел нечестивый царь безбоязненно жить, обложив их данью. И многие российские князья, бежавшие в далекие страны и в чужие земли, услышав об этом, возвращались в Россию и, поклонившись царю нечестивому, принимали свои княжения и дани ему давали, проживая в разоренных своих городах.

Так и благочестивый князь Михаил с боярином своим Феодором и со всеми людьми возвратился из странствований, предпочитая дани давать царю нечестивому и в отечестве своем, пусть даже и опустевшем, жить, нежели пришлецом быть в земле чужой. И сначала пришел в Киев и, увидев места святые опустевшими и небу подобную церковь Печерскую разоренной, горько плакал. И ушел в Чернигов. И пока он отдыхал, услышали татары о возвращении его. Пришли посланцы от Батыя и начали звать его, как и прочих князей российских, к царю своему Батыю, говоря: «Нельзя вам жить в земле батыевой, не поклонившись ему. Грядите и поклонитесь,

и будьте ему данниками, и тогда в домах своих пребывайте». Было же от царя того устроено: те из князей российских, которые приходили к нему на поклон, то волхвы и жрецы татарские их брали и проводили через огонь. И если что приносили в дар царю, от всего того по небольшой части брали и бросали в огонь. Проведя через огонь, принуждали идолам поклоняться, Кану и Кусту и солнцу[74], и после этого царю их представляли. И многие из князей российских из-за страха и ради того, чтобы получить право на княжение, смирялись: проходили через огонь, и идолам поклонялись, и получали от царя то, чего добивались.

Услышал же благочестивый князь Михаил, что многие из князей российских, прельстившись славою мира сего, поклонились идолам, весьма сожалел и возревновал о Господе Боге Своем. И замыслил идти к царю неправедному и лукавнейшему более прежде бывших и дерзновенно перед ним исповедать Христа и кровь свою за Господа пролить. Замыслив это и духом возгоревшись, призвал верного своего советника, боярина Феодора, и рассказал ему о замысле. Он же, будучи благоразумным и верным, похвалил намерение господина своего и обещал ему не отступать от него до кончины, но вместе с ним положить душу свою за Христа. И посовещавшись, утвердились в намерении идти и умереть за исповедание Иисуса Христа. Восстав же, пошли к отцу своему духовному Иоанну, желая ему рассказать о решении своем. И придя к нему, сказал князь: «Хочу, отче, идти к царю, как и все князья российские» Духовник же, услышав это тяжкое слово и глубоко вздохнув, сказал: «Многие туда пошли и души свои погубили, сотворив волю цареву и поклонившись огню и солнцу и прочим идолам. И ты, если хочешь, иди с миром, но только молю тебя, не усердствуй перед ними, не делай того, что они сделали ради временного княжения: не проходи сквозь огонь нечестивых, и мерзким богам их не поклоняйся. Один у нас Бог – Иисус Христос. И пусть ничто не войдет в уста твои из идоло-жертвенных яств[75], да не погубишь души своей». Князь же с боярином отвечали: «Хотим мы за Христа пролить кровь свою, положить за Него души наши, да станем мы для Него

благоприятной жертвой». Услышав это, возрадовался Иоанн духом и, посмотрев на них с радостью, сказал: «Если это исполните, блаженны будете и в этом последнем роде мучениками наречетесь». Поучив же их Евангелию и от иных книг, причастил Божественных Тайн тела и крови Владычного[76]. И благословив их, отпустил с миром, сказав: «Господь Бог да укрепит вас и да пошлет вам дар Святого Духа, чтобы быть вам крепкими в вере и дерзновенными во исповедании имени Христа и мужественными в страданиях. И да причтет вас Царь Небесный к лику первых святых мучеников». И пошли они домой.

Приготовившись же в путь, мир подав домашним своим, пошли спешно, молясь Богу и распаляясь сердечною к Нему любовью и желая венца мученического, как стремится олень на источники водные[77]. И когда пришли они к безбожному царю Батыю, то возвестили ему о пришествии их. И призвал царь жрецов и волхвов своих. И повелел им, чтобы провели Черниговского князя по обычаю сквозь огонь, чтобы принудили кланяться идолам, а после представить перед ним. Пришли же волхвы к князю и сказали ему: «Зовет тебя великий царь». И взяв его, повели. Последовал же за ним, как за своим господином, боярин Феодор. Достигли же места, где по обеим сторонам пылал огонь, а посредине приготовлен путь, по которому прошли многие, – этим же путем хотели и князя Михаила провести. Тогда князь сказал: «Не подобает христианину сквозь этот огонь идти, который нечестивые почитают как бога. А я христианин – не пойду сквозь огонь, не поклонюсь никакой твари, но поклоняюсь Троице – Отцу и Сыну и Святому Духу, Единому в Троице Богу, создателю неба и земли». Услышав эти слова, жрецы и волхвы исполнились стыда и ярости, оставили его и поспешили возвестить об этом царю. В это же время приступили к святому князю Михаилу другие российские князья, пришедшие с ним на поклонение к царю. Был среди них князь Борис Ростовский. Они жалели его и беспокоились, боясь, что и на них царский гнев распространится. Все советовали Михаилу исполнить волю царскую. «Да не погибнем, – говорили, – и мы с тобою.

Притворись и сотвори то, что повелено. Поклонись огню и солнцу, так избавишься от царской ярости и лютой смерти. Когда же с миром возвратишься восвояси, сделаешь, как хочешь. И не будет мучить тебя Бог, не прогневается на тебя за это, знает, что не по своей воле ты все это сделал. А если духовник твой сочтет это грехом, то мы все покаяние на себя возьмем, только послушай нас, пройди сквозь огонь, поклонись богам татарским да себя и нас от гнева царского и от горькой смерти освободишь и много доброго земле твоей исходатайствуешь».

Все это говорили со многими слезами. Блаженный боярин Феодор, слушая их слова, пребывал в великой печали, страшась, как бы не склонился князь к советам их и не отпал от веры. Приступив к нему, начал вспоминать обещание его и слова духовника и сказал: «Помни, благочестивый князь, как обещал Христу положить за Него душу свою. Вспомни слова евангельские, которым нас духовный отец учил: «Тот, кто хочет душу свою спасти, погубит ее; а если кто погубит душу свою ради Меня и Евангелия, тот спасет ее». И еще: «Какая польза человеку, если приобретет весь мир, но потеряет душу свою? Или что даст человек за душу свою?» И еще: «Кто исповедает Меня перед людьми, исповеую его и Я перед Отцом Моим Небесным. А если отвержется от Меня перед людьми, отвергну его и Я перед Отцом Моим Небесным»[78] Князь же Михаил от этих слов боярина своего ощутил сладость и, палимый ревностью о Боге, с веселием ожидал мучений, готовый умереть за жизнодавца Христа. Князь же Борис, которого мы прежде упомянули, умолял его прилежно, чтобы повиновался царской воле. Он же сказал: «Не хочу лишь на словах христианином именоваться, а дела язычников творить». И отстегнув меч свой, бросил его им, сказав: «Приимите славу мира сего, а я не хочу ее».

Вскоре пришел посланный от царя некий вельможа, чином стольник, по имени Елдега. Он возвестил святому князю Михаилу царские слова, сказав: «Царь великий говорит тебе: почему повеления моего не слушаешь и богам моим не поклоняешься? Сегодня два пути перед тобою – смерть или

жизнь: избери себе один из двух. Если повеление мое исполнишь и сквозь огонь пройдешь и богам моим поклонишься, то жив будешь. Если не послушаешь меня и богам моим не поклонишься, то злою смертью умрешь». Святой же князь Михаил, слушая слова царские от Елдеги, нимало не устрашился, но дерзновенно отвечал: «Скажи царю – так говорит тебе Михаил князь, раб Христов: поскольку тебе, царь, вручено от Бога царство и слава мира сего, и нас из-за грехов наших десница Всевышнего твоей власти покорила, то должны мы тебе, как царю, кланяться и подобающую честь твоему царству воздавать. А если велишь от Христа отрекаться и богам твоим поклоняться, того не будет – они не боги, а создания. У нас же писания пророческие говорят: «Боги, которые небес и земли не сотворили, да погибнут»[79]. Что безумнее того, нежели оставить Создателя и поклониться созданию?» Елдега же сказал: «Прельщаешься, Михаил, называя солнце созданием – скажи мне, кто взошел на безмерную высоту небесную и сотворил такое великое светило, которое освещает всю вселенную?» Святой же отвечал: «Если хочешь послушать, скажу тебе, Кто сотворил солнце и все видимое и невидимое. Бог безначальный и невидимый и Его Единородный Сын, Господь наш Иисус Христос. И Он также не создан, не имеет ни начала, ни конца. Равно же и Дух Святой, трисоставное Божество, единый же Бог. Он сотворил небо и землю, и солнце, которому вы поклоняетесь, и луну, и звезды, также и моря, и сушу, и первейшего человека Адама, и дал все ему в услужение. Закон же людям дал, чтобы не поклонялись никакому созданию – ни на земле, ни на небе, но единому Богу, все сотворившему, да поклоняются, тому и я поклоняюсь. А если обещает мне царь княжение и славу мира этого, то я об этом небрегу, ибо и сам царь временен и временное дает мне господство, которого я не требую. Надеюсь на Бога моего. Ему же верю, что Он даст мне царство вечное, не имеющее конца». Елдега же сказал: «Если в непокорстве, Михаил, пребудешь и царскую волю не исполнишь, то умрешь». Святой же отвечал: «Не боюсь смерти, она для меня приобретение и ходатайство вечного с Богом пребывания. И зачем много говорить – я

христианин и исповедую Творца неба и земли. И в Него несомненно верую и умру за Него с радостью». Увидел же Елдега, что ни ласкою, ни угрозами не может заставить его волю царскую исполнить, ушел к царю, чтобы рассказать все, услышанное от князя Михаила.

Услышав же царь слова Михаила, которые пересказал ему Елдега, взбесился от ярости и, словно пламенем, дыша угрозами, повелел предстоящим, чтобы убили Михаила князя Черниговского. И устремились слуги мучителя, словно псы на ловлю или словно волки за овцою. Святой же мученик Христов стоял на том же месте с Феодором, не беспокоясь о смерти, но пел псалмы и молился к Богу прилежно. Когда же увидел бегущих к нему убийц, начал петь: «Мученики Твои, Господи, многие муки претерпели и любовию Твоею души соединили святые»[80]. Достигли же убийцы места, где стоял святой, бросились на него словно звери и, растянув на земле за руки и ноги, били немилостиво по всему телу, так что и земля обагрилась. Били же долго и нещадно. Он же, терпя доблестно, ничего не говорил, кроме одного: «Я христианин». Один же из слуг царских, по имени Доман, который вначале был христианином, но потом отвергся от Христа, приняв нечестие татарское, этот законопреступник, видя святого, доблестно переносящего муки, обозлился на него и, как враг христианства, извлек нож и, прострев руку, взял святого за голову и отрезал ее и отъял от тела, еще хранящую на устах исповедническое слово и произносящую: «Я христианин!» О чудо предивное! Голова от тела насильственно отъятая и отверженая говорит, и уста исповедают Христа.

Потом же начали нечестивые говорить блаженному Феодору: «Исполни волю царскую и поклонись богам нашим; и не только жив будешь, но и великую честь от царя примешь и унаследуешь княжение господина своего». Святой же Феодор отвечал: «Княжения господина моего не желаю, чести от царя вашего не требую, но желаю тем же путем пойти ко Христу Богу, которым пошел святой мученик князь Михаил, господин мой. Ибо как он, так и я во единого Христа, Творца неба и земли, верую и за Него хочу пострадать даже до смерти и крови».

Убийцы же, видя непреклонность святого Феодора, взяли его и мучили немилостиво, как и святого Михаила. Напоследок же и ему честную голову отсекли, сказав: «Поскольку не захотел поклониться пресветлому солнцу, то недостоин и на солнце смотреть». Так пострадали святые новоявленные мученики Михаил и Феодор, предав души свои в руки Господни сентября в 20 день, в год бытия мира 6753, воплощения же Бога Слова – 1245. Святые же тела их были брошены на съедение псам, но и через много дней лежали целые – никто же к ним не прикоснулся – благодаря благодати Христовой пребывали невредженными. Появлялся же и столп огненный над телами их, сияющий пресветлыми зарями, и свечи горящие по ночам были видны. Видя это, верные, которые там были, взяли святые тела и погребли их по обряду. После убиения святых мучеников безбожный Батый решил пойти со всеми ордами на вечерние и западные государства, то есть на Польшу и Венгрию. И был убит проклятый венгерским королем Владиславом и принял злой конец злому своему житию. Так унаследовал ад, а святые мученики наследовали царство небесное, славя Отца, Сына и Святого Духа вовеки, аминь.

Житие святого благоверного князя Александра Невского [81]

Александр Ярославич Невский родился 30 мая 1219 года в городе Переславле Суздальском и прожил на свете сорок четыре года и пять с половиной месяцев. Дедом по отцу был знаменитый великий князь владимирский Всеволод Большое Гнездо, или Великий, а отцом Ярослав-Феодор, один из восьми сыновей, которых родила Всеволоду осетинка Мария. Он получил от отца в наследство Переславль Суздальский. Туда к нему в 1214 году была приведена из Великого Новгорода невеста – дочь Мстислава Удалого Феодосия-Ростислава. Она и стала матерью Александра. Житие Александра Невского было написано в XIII веке, некоторое время спустя после его кончины. Автор хвалит его отца, князя Ярослава Всеволодовича, как человека кроткого, «милостилюбца и мужелюбца». В молодости, однако же, тот далеко не всегда бывал кроток и милостив и порой обнаруживал в борьбе за власть с родней и с новгородцами неумеренную жестокость. После неудачной для него битвы с родней на Липице в 1216 году его тесть и один из противников, Мстислав Удалой, забрал у него свою дочь. Новгородцы не раз заставляли Ярослава покидать их город. В 1218 году при очередной размолвке с ними Ярослав вынужден был оставить «во всей воли новгородской» двух своих сыновей. Одним из них был девятилетний Александр, другим его старший брат Феодор. Однажды ночью в том же году братья-княжичи, улучив момент, бежали из Новгорода к своему отцу в Переславль. Два года спустя Ярослава Всеволодовича вновь пригласили княжить в Великий Новгород, но он провел там только две недели и ушел назад, опять оставив там сыновей Феодора и Александра. В 1233 году Феодор должен был жениться, но в момент приготовлений к свадьбе неожиданно умер. Александр остался в Новгороде один. Как раз накануне Батыева нашествия, в 1236 году, отправляясь с новгородцами княжить в недавно разоренный междоусобицами при участии половцев Киев, Ярослав

Всеволодович возвел «сына своего Александра Храброго» на новгородский княжеский стол.

Автор Жития Александра, «самовидец възраста его» (современник и приближенный), говорит, что ростом князь был выше других людей, что голос его звучал, как труба в народе, лицо было прекрасно, как у библейского Иосифа, сила была частью силы Самсона, премудрость Бог дал ему Соломонову, а храбростью он был подобен римскому кесарю Веспасиану, – побеждая, был непобедим.

В 1238 году, во время Батыева нашествия на Русь, погиб великий князь Юрий Всеволодович, и великокняжеский престол во Владимире занял его брат Ярослав Всеволодович, отец Александра. Идя на Новгород, татары осадили Торжок, из Новгорода ему не было помощи, и город был взят. До самого Великого Новгорода татары, как известно, не дошли сто верст и повернули на юг. Так что в попытках сопротивления им молодой новгородский князь, как и его отец, не участвовал. Подобно отцу, когда тот княжил в Новгороде, основное внимание Александр Ярославич как политик обращал вначале на запад. Оттуда тоже приглядывались к нему. Магистр Ливонского ордена Андрей Вельвен – Андреяш, согласно Житию, – специально приходил в Новгород, чтобы познакомиться с Александром – «как в древности царица Южская приходила к Соломону, желая послушать ему премудрую речь»[82]. Возвратившись к своим, он сказал: «Я прошел многие страны и народы, но не видел такого ни в царях царя, ни в князьях князя».

Воспользовавшись разгромом Руси татарами и невозможностью со стороны великого князя подать помощь новгородцам и псковичам, шведы и литовцы усилили в то время свой натиск на пограничные русские земли, надеясь без особых усилий подчинить их своей власти. Римские папы одобряли и освящали борьбу со «схизматиками» («раскольниками»), так католики называли православных, надеясь, что сила оружия приведет их вместе с язычниками в подчинение Римской Церкви. В 1240 году, когда еще шло завоевание Руси татарами,

в новгородские земли вторглось шведское войско, сопровождаемое католическими епископами.

Князь Александр Ярославич в 1239 году женился на Александре Брячиславовне, дочери полоцкого князя, тоже испытывавшего давление с запада. Венчание происходило в Торопце, брачные пиры в Торжке и Новгороде. Тотчас по окончании торжеств князь Александр с новгородцами принялся за устройство пограничных укреплений, срубил на реке Шелони город. Но нападение шведов все-таки едва не застало его врасплох. Шведским войском командовал Биргер, отважный рыцарь и полководец, родственник шведского короля Эрика. В войске кроме шведов были норвежцы и финны.. Войдя на кораблях в Неву, к устью Ижоры, Биргер послал в Новгород к Александру послов со словами: «Если можешь, сопротивляйся мне, а то я уже здесь, пленяю твою землю». Согласно новгородской летописи, Биргер был намерен «восприяти» Ладогу, Новгород и всю область Новгородскую.

Автор Жития пишет, что, когда Александр услышал слова послов, у него разгорелось сердце, и он, войдя в церковь Святой Софии, пал перед алтарем на колени и начал со слезами молиться словами псалма: «Суди, Господи, обижающих меня, побори борющих меня. Возьми оружие и щит, поднимись мне на помощь»[83]. Окончив молитву, он встал и поклонился архиепископу. Архиепископ Новгородский Спиридон благословил его и отпустил. И князь вышел из церкви, утер слезы и начал воодушевлять свою дружину, говоря: «Не в силе Бог, но в правде. Вспомним Псалмопевца и его слова: «Они на колесницах и они на конях; мы же во имя Господа Бога нашего воззовем. Они оказались связаны и пали, мы же поднялись и распрямились». Произнеся это, он пошел на врагов с малой дружиной, не дожидаясь сбора многой своей силы, уповая на Святую Троицу. К сожалению, отец его, великий князь Ярослав, не знал об этом нападении на своего милого сына Александра, и у того не было времени послать весть к отцу своему, ибо противники приближались; оттого и многие новгородцы не присоединились к нему, – потому что князь поторопился выступить в поход. Летопись говорит, что едва пришла в

Новгород весть, что к Ладоге идут «свей», князь Александр, не помедлив нимало, с новгородцами и ладожанами пошел на них. 15 июля 1240 года князь достиг вражеского лагеря.

Согласно Житию, русскому князю помогали в этом бою его святые «сродники», родственники, князья братья Борис и Глеб. Их видел дозорный незадолго до боя. «Дозорным был некий по имени Пелгуй, или Пелгусий, старейшина в Ижорской земле. Ему была поручена ночная стража у моря, у Финского залива. Сам он воспринял святое крещение, но жил среди своего рода, оставшегося языческим. В крещении ему наречено было имя Филипп. Жил он благочестиво, среду и пятницу проводя в воздержании». За то, считает автор Жития, Бог удостоил его в тот день поразительного видения. Проведя ночь в бдении и дозоре на берегу моря, на восходе солнца он с испугом услышал с моря шум и увидел плывущее гребное судно, посреди которого стояли в красных одеждах, держа руки на груди, святые мученики Борис и Глеб. Гребцы сидели словно окутанные мглой. Дозорный услышал, как Борис сказал: «Брат Глеб, повели грести, чтобы мы могли помочь нашему родственнику князю Александру». Пелгусий стоял, трепеща, пока корабль не скрылся с его глаз. Вскоре приехал князь, и дозорный рассказал ему о своем видении. Князь ответил: «Не говори этого никому». Спустя небольшое время князь повел свою дружину в бой.

И была великая сеча с римлянами, как автор Жития называет шведов, и избил их князь великое множество, и самому королю, как Житие называет Биргера, он сделал отметину на лице своим острым копьем.

В этом бою в полку Александра проявили себя шесть храбрецов, сражавшихся вместе с ним мужественно и стойко. Один из них, по имени Гаврила Алексич, въехал верхом на трап и достиг судна, но враги вбежали перед ним на корабль, а затем, обернувшись, сбросили его с доски вместе с конем в воду. По Божьей милости он выбрался из Невы невредимым, и снова напал на шведов, и бился с самим воеводой посреди их полка. Другой, новгородец Збыслав Якунович, многократно кидался в бой, сражаясь одним топором, не имея страха в

сердце своем, и князь Александр Ярославич подивился его силе и храбрости. Третий, Яков Полочанин, был ловчим у князя; встретив вражеский полк с мечом, он мужественно сражался, хваля Бога, и похвалил его князь. Четвертый – новгородец по имени Миша, он пешим с дружиной своей напал на корабли римлян и три корабля потопил. Пятый – из молодых людей, именем Савва, напав на высокий златоверхий шатер, подсек у шатра столб. Увидев, что шатер пал, полки Александра возрадовались. Шестой – один из княжеских слуг по имени Ратмир; он бился пешим, и его окружило много врагов; получив много ран, он упал и скончался. Все это автор Жития сам слышал от господина своего, князя Александра, и от иных людей, бывших в то время в той сече.

Рассказали ему и о происшедшем тогда удивительном чуде, подобном тому, что произошло при царе Езекии, когда царь ассирийский Сенахерим напал на Святой город: тогда явился внезапно ангел Господень и избил из полка ассирийского сто восемьдесят пять тысяч человек; и, встав наутро, обнаружили их трупы[84]. То же случилось во время сражения Александра, когда он победил короля: на другой стороне реки Ижоры, куда не было доступа воинам Александра, оказалось много людей, избитых ангелом Божиим. Остатки врагов бежали, а трупы мертвых своих побросали в корабли и потопили в море. Новгородцев и ладожан, пишет летописец, погибло двадцать человек, а врагов бесчисленное множество. Лишь самых знатных те погрузили в два корабля, а остальных побросали в выкопанную яму, и, воспользовавшись наступившей темнотой, ночью с воскресенья на понедельник посрамленные отступили. А князь Александр возвратился в Новгород с победой, хваля и славя своего Творца. За эту битву он получил прозвание Невский.

В то же лето немцы двинулись на псковские земли и города, нанесли поражение псковичам, завладели Псковом и посадили там своих наместников, а затем начали грабить новгородские села. Немедленного отпора, однако же, они не получили, ибо Александр Невский, рассорившись по какой-то причине с новгородцами, ушел из их города «на низ» – в Суздальскую

землю, к отцу. Спохватившиеся новгородцы послали за ним в Переславль владыку Спиридона, и тот едва уговорил великого князя Ярослава вернуть к ним Александра. Это было тем более своевременно, что на следующий после Невской битвы год немцы вступили в новгородские владения, обложили данью ведь[85], выстроили свою крепость в Копорье на берегу Финского залива и грабили русских купцов уже в трех десятках верст от Новгорода. Вернувшийся Александр пошел с новгородским войском в новый поход и сокрушил новую крепость немцев, а из ее обитателей одних повесил, других увел в плен, третьих помиловал, отпустил, ибо – замечает автор Жития – «был милостив сверх меры».

Еще год спустя, зимой 1242 года, Александр Ярославич с большим войском отправился на освобождение Пскова. «И вскоре он город Псков взял и тамошних немцев перебил, а иных связал, и освободил город от безбожных немцев, а землю их повоевал и пожег и пленных взял без числа, а некоторых порубил», – говорит Житие Александра. А летописец Ливонский сообщает, что семьдесят мужественных рыцарей сложили там свои головы и некоторые чиновники были победителем повешены.

В Ливонии, куда после Пскова направился Александр, один из его отрядов подвергся нападению немцев и был разбит. Немцы собрались с силами и готовились к решительному бою. «Пойдем и победим Александра и возьмем его руками», – говорили они. Александр отступил, выбирая место, и стал на Чудском озере, еще покрытом льдом.

Приближавшихся немцев заметили дозорные, и князь Александр приготовил свое войско к бою. «Отец Александра, князь Ярослав, прислал к нему его младшего брата Андрея с большой дружиной; да и у самого князя Александра было множество храбрецов, как в древности у царя Давида, сильных и крепких. Эти мужи Александровы исполнились духом ратным, ибо сердца их были, как сердца львов, и сказали: «О, доблестный князь наш! Ныне настало время положить нам свои головы за тебя!» А князь Александр, воздев руки к небу, сказал: «Суди меня, Боже, и рассуди распрю мою с народом

непреподобным. И помоги мне, Господи, как в древности Моисею против Амалика[86] и прадеду нашему Ярославу против окаянного Святополка!»

Рати по льду пошли навстречу друг другу, и Чудское озеро покрылось множеством ратников, тех и других. Было утро субботы пятого апреля, и восходило солнце, когда полки сошлись и началась злая сеча: «Затрещали ломающиеся копья, раздались звуки ударов меча, и замерзшее озеро как будто двинулось, и не стало видно льда, ибо он покрылся кровью». Очевидец рассказывал автору Жития, что видел в воздухе ангельский полк Божий, пришедший на помощь Александру. И стал побеждать противников князь Александр Невский, и те подставили ему свои плечи, и княжеские воины секли их, догоняя, словно по воздуху, и не было места, куда от них убежать». Прославил тут Бог Александра перед всеми полками, как Иисуса Навина у Иерихона[87]. А того, кто говорил: «Возьмем Александра руками», Бог отдал ему в руки его, и так и не довелось тому оказаться противником его в брани. И возвратился Александр с боя со славной победой, а его воины вели около своих коней во множество босыми тех, кто называет себя Божьими рыцарями». Летопись сообщает, что немцев было убито четыреста человек, а в плен взято пятьдесят и что в том же году они прислали к Александру посольство с поклоном: «Что мы захватили мечом, от того отступаемся».

«Когда князь-победитель приблизился к городу Пскову, его встретили перед городом игумены, священники и весь народ с крестами, воздавая песней хвалу Богу и славу господину своему князю Александру: «Ты, Господи, помогший кроткому Давиду и верному князю нашему победить иноплеменников, оружием крестным освободил город Псков от иноязычников рукою Александровою».

Князь произнес тут речь: «О неразумные псковичи! Если вы забудете это до поколения правнуков Александра, то уподобитесь евреям, которых Господь питал в пустыне манной[88] и перепелами печеными, а они забыли все это и Бога своего, изведшего их из Египта, где они были рабами». И стало с той поры славиться имя его по всем странам – и до моря

Египетского, и до гор Араратских, и по ту сторону Варяжского моря, и до великого Рима», – говорит Житие.

Александру неизбежно предстояло определиться также по отношению к Орде. «В то время был в Восточной стране сильный царь, которому Бог покорил многие народы от востока до запада». Это был хан Золотой Орды Батый, завоеватель Руси. «Тот царь, услышав, что Александр столь славен и храбр, отправил к нему послов с такими словами: «Александр, знаешь ли ты, что Бог покорил мне многие народы? И ты один не желаешь мне покориться? Если хочешь сохранить свою землю, то приходи поскорей ко мне и увидишь, какова честь моего царства».

Великий князь Ярослав Всеволодович, отец Александра, был первым русским великим князем, княжившим с позволения татар. В 1243 году он впервые ездил к Батыю в Орду, а в 1246 году умер «в Татарех», возвращаясь отравленный из Центральной Азии от великого хана. Во Владимире начал княжить его брат Святослав Всеволодович, дядя Александра. Отказ признать главенство восточного «царя» сделал бы Александра врагом могущественнейшей монголо-татарской империи, сопротивляться которой, конечно, сил у него недостало бы, воюя и на западе, и на востоке. А кроме того, этот отказ означал бы для Александра разрыв со своим родом, с совокупностью людей русской княжеской крови, принадлежность к которой и давала право на власть на Руси. Он мог тогда потерять моральное право на власть в глазах самого населения Новгорода. Связь же с родом требовала покорности татарам. И все же, когда Александр Невский «с силой великой» пошел после смерти отца из Новгорода во Владимир, ясности у татар и у покорных им князей, как он поведет себя по отношению к ним, не было. «И был грозен приезд его, – сообщает Житие, – и промчалась весть об этом до самого устья Волги, и начали жены мусульманские стращать им детей своих, говоря: «Александр едет!»

Окончательный выбор Великий князь Александр Ярославич сделал, видимо, только во Владимире, после совета с епископом Кириллом. В Житии сказано, что Александр с

любовью относился к священникам и монахам, а митрополита и епископов чтил и слушал, как самого Христа. И князь и епископ понимали, что под татарской властью страна страдала, но православие сохранялось, а под немецкой, шведской или венгерской и страна страдала и православие искоренялось. Нетрудно представить себе, что епископ должен был советовать князю покорно идти в Орду. «Размыслил князь Александр, и благословил его епископ Кирилл, и он пошел к царю в Орду. И увидев его, царь Батый удивился и сказал своим вельможам: «Правду вы мне говорили, что нет подобного этому князю». И, воздав ему приличествующие почести, отпустил его». Из летописи известно, что кроме Александра у Батыя был его брат Андрей и что Батый обоих этих важных русских гостей отослал к своему начальству, «к кановичем», в Каракорум.

Визит Александра в Орду означал, что Новгородская земля стала пограничным вассалом татаро-монгольской империи. Как полководцу, имеющему успешный опыт борьбы с западными европейцами, Александру была дарована власть и в южной Руси, и в Киеве – по западной границе завоеванных татарами земель. Андрей Ярославич милостью татар стал великим князем Владимирским, т. е. получил право изгнать из Владимира своего дядю Святослава.

Вскоре по возвращении на Русь Александр Ярославич должен был прочесть послание папы Иннокентия IV, написанное 10 февраля 1248 года в Лионе. Послание принесли «два разумнейших» из двенадцати папских кардиналов, как сказано в Житии, Гальд и Гемонт. Папа предлагал послушать их поучение о законе Божьем. Кроме того, Иннокентий извещал Александра, что отец его Ярослав, находясь у великого хана, дал Иоанну де Плано Карпини[89] обещание присоединиться к латинской церкви и, несомненно, исполнил бы его, если бы не помешала ему внезапная смерть. Сын обязан, писал он, последовать примеру отца; и если это сделает, то и он сам, и народ российский найдут тишину и славу под сенью западной церкви. Как верный страж христиан, Александр должен немедленно уведомлять рыцарей Ливонского ордена о приближении монголов к границам Европы. В заключение папа хвалил

Александра за то, что тот не признал над собой власти хана. «Князь же Александр, – говорит Житие, – подумав с мудрецами своими, написал ему в ответ: «От Адама до потопа, от потопа до разделения народов, от смешения языков до рождения Авраама, от Авраама до прошествия Израиля сквозь Черное море, от нехода сынов Израилевых до смерти царя Давида, от начала царства Соломона до Августа и до рождества Христова, от рождества Христова до Его страсти и воскресения, от воскресения же Его и восшествия на небеса до воцарения Константина, от начала царства Константина до первого собора и до седьмого – мы все это хорошо знаем, а от вас учения не принимаем».

Однако же полностью взгляд монголов на католиков как на врагов, которых еще предстоит покорить, Александр не воспринял и стал думать об улучшении отношений, по крайней мере, с соседней частью западного мира. Он направил посольство к норвежскому королю Хокону с предложением мирного договора и династического союза, прося выдать принцессу Кристину за своего сына Василия. Король ответил на то и на другое согласием и послал своих послов в Новгород. Мир был заключен, но свадьбу сыграть не успели, потому что отношения с Ордой потребовали срочных поездок туда Александра и, возможно, пересмотра его западной политики.

В 1252 году великий князь Андрей Ярославич расположение татар утратил, карательная экспедиция Неврюя[90] разбила его дружину около Переславля, и он бежал в Швецию. Владимиро-Суздальские земли были татарами «повоеваны». Александр Невский в Орде сумел доказать Сартаку, сыну Батыя, свою лояльность и получил брошенное братом великое княжение. Оставив в Новгороде княжить сына Василия, он сел на владимирский стол и занялся восстановлением разрушенного – воздвиг сокрушенные церкви, восстановил города, собрал распуганное население, стал выкупать пленных. «И ущедрил Бог землю Александра богатством и славою, и продлил годы его».

В 1255 году новгородцы пригласили к себе княжить младшего брата Александра Ярославича, а князя Василия

Александровича изгнали, при этом в городе вспыхнули волнения, и Александр ходил походом к Новгороду, стараясь восстановить там порядок, но добился немного. А на следующий год, зная об отсутствии в Новгороде князя, в новгородские земли вторглись шведы с финнами и ливонскими рыцарями и начали строить город на реке Нарове. Встревоженные новгородцы послали за помощью к великому князю Александру во Владимир. Узнав об этом, шведы бросили город недостроенным и ушли за море. Александр все-таки в Новгород прибыл – с дружиной и с митрополитом Кириллом. Пополнив свое войско новгородцами, он повел его, не говоря им, куда. Митрополит шел с ними. Дело было зимой. Когда они дошли до Копорья, митрополит и часть новгородцев возвратились, остальные же с Александром во главе по льду Финского залива пошли на Финляндию. Шли днем и ночью, многие в этом трудном походе погибли, «а новгородцев, – записал новгородский летописец, – Бог соблюде». Вступив на финскую землю, русские кого перебили, кого взяли в плен и увели в Новгород. Уходя затем из Новгорода во Владимир, великий князь восстановил на княжении сына, а с собой взял новгородских послов, заложников.

Татары в это время решили произвести перепись русского населения с целью обложения его данью. При этом по стране впервые устанавливалась сеть ордынской военной администрации – десятники, сотники, тысячники, темники («десятитысячники»). От дани освобождались только церковный клир и монашество. Сначала была произведена перепись во Владимиро-Суздальской земле. Когда в Новгород оттуда, «из Руси», пришла весть, что скоро то же произойдет и у них, там опять начались волнения. Действительно вскоре, следующей зимой, в Новгород прибыли татарские послы. С ними вместе пришел Александр Невский. Новгородцы платить татарам подати отказались, их князь Василий Александрович, видимо испуганный, бежал в Псков. Новгородцы, однако же, передали через послов дары хану и отпустили их с миром. Александр Ярославич сына из Пскова вызвал и послал в Суздальскую

землю, а его советчиков жестоко наказал, кому отрезав нос, кому глаза вырвав.

Новгородцев обманули, испугав, что в низовской земле стоят полки, готовые разорить их город, если они не дадут себя сосчитать и обложить данью. Это было в 1259 году. Те сдались. В город прибыли татары, и начались поборы и волнения. Боясь, что их убьют, татары попросили у Александра стражу. Великий князь приказал охранять их по ночам сыну посадника и всем детям боярским. В конце концов город, пошумев, сдался, и татары стали смело ездить по улицам, «пишуче домы хрестьяньскыя», и уехали, «вземше число». Князь Александр оставил город после них, посадив на столе другого своего сына, Димитрия.

В 1261 году у Александра Невского родился сын Даниил, от которого пошла ветвь московских князей. В этом же году стараниями митрополита Кирилла и князя Александра в столице Золотой Орды на нижней Волге и в Сарае была учреждена православная русская епископия[91].

За дело сбора податей для татар на Руси взялись опытные в обращении с деньгами «бесермене», мусульмане, а также русские вероотступники. При этом они творили много зла и оскорбляли религиозные чувства людей. По всей Владимиро-Суздальской земле в 1262 году вспыхнуло против них восстание, часть их выгнали из городов, часть перебили. Александр решил отправиться к хану в Орду, чтобы «отмолить» людей от беды. Перед отъездом он послал брата Ярослава и сына Димитрия с новгородскими и своими полками «на западные страны», на Юрьев Немецкий, – возможно, чтобы угодить татарам: во всяком случае, было ясно, что защищать свои земли от возможной карательной экспедиции он не собирался.

Александр прибыл к хану Берке в город Сарай и был там ханом задержан. Хан в это время вел войны в южных пределах. Хану хотелось, чтобы русские помогли ему. «Случилась тогда великая тягость от иноплеменников: они гнали христиан на войну, веля воевать вместе с ними. Князь же великий

Александр пошел к царю, чтобы отмолить людей от этой беды. Он и в этом преуспел, живя в Орде. Но начал там болеть».

Тем временем город Юрьев Димитрием Александровичем был взят с первого приступа, русские князья и войска вернулись в свою землю «со множеством полона и с великой честью». А князь Александр, возвращаясь по Волге, дошел до Нижнего Новгорода, провел там немного времени, затем добрался до Городца, уже очень больной, «велми нездравия». Ослабевая, 14 ноября 1263 года он постригся в монахи, следом принял и больший монашеский чин – схиму и той же ночью умер.

«Митрополит Кирилл сказал тогда: «Дети мои, знайте: зашло солнце земли Суздальской!» Священники, дьяконы, черноризцы и прочие люди, нищие и богатые, говорили: «Уже погибаем!» Святое тело князя понесли к городу Владимиру. Митрополит, князья, бояре и весь народ от мала до велика встречали его в Боголюбове со свечами и кадилами. Народ теснился, стараясь прикоснуться к одру, на котором лежало его чтимое тело. Стояли вопль и крик, все тужили, как никогда прежде, так что и земля сотряслась. И положено было тело его в монастыре Рождества святой Богородицы, в великой архимандритьи, 23 ноября, в день памяти святого отца Амфилохия.

Произошло тогда удивительное и достойное памяти чудо, завершает автор Жития Александра Невского свой рассказ. «Когда святое тело его уже было положено в раку, тогда эконом Севастьян и митрополит Кирилл захотели разжать ему руку, чтобы вложить в нее духовную грамоту. А он, будто живой, протянул руку и взял грамоту из руки митрополита. И их охватил ужас, и они едва сумели отступить от его раки. Об этом все слышали от господина митрополита Кирилла и от его эконома Севастьяна. Кто не подивится этому, ибо тело было бездушным и везено было из дальнего города в зимнее время. Так вот прославил Бог угодника своего». А новгородский летописец сопроводил сообщение о смерти Александра Невского следующей своей молитвой: «Дай ему, Господи милостивый, видеть лицо Твое в будущий век, – ибо потрудился он за Новгород и за всю Русьскую землю».

Житие и жизнь святого благоверного великого князя Довмонта, названного в святом крещении Тимофеем, псковского нового чудотворца [92]

Троице прославляемого Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа предвечное царство, не имеющее ни начала дней, ни конца жизни, всеми хвалится и воспевается за воплощение Его на земле от Девы. Проповеданием божественных Его учеников и апостолов воссияла во вселенной православная вера, истинная для многих мудрых и кажущаяся неистинной для порабощенных соблазнами. И все, кто подчинился преходящей и суетной славе этого мира, обманом и тенью считали промыслительное таинство, спасительная проповедь вочеловечения Христа и царства Его стали для иудеев соблазном, для эллинов же безумием. Из-за этого безумия, то есть неверия, многие страны были окутаны тьмою идолопоклонства и осквернены хождением в беззаконных делах. Об одной из таких стран, находящейся на западе, – Литве, много лет подчинявшейся соблазнам и искажавшей в человеке славу Божию в образ скверны, предлагается воспоминание в этой повести.

Во дни благочестивого великого князя Александра Ярославовича Невского повелевал страной той великий князь Миндовг[93]. Был он велик славой и богатством и не пренебрегал никакими желаниями плотскими, но хвалился всеми быстро увядающими доблестями мирскими, душевною нищетою целиком был объят и подчинен соблазну богомерзких идолов. Литовский вождь всегда пребывал в этом соблазне и злом прельщении, и было у него два сына: имя старшему – Войшелк, а младшему – Довмонт, о котором и будет рассказ.

Эти княжичи сперва по традиции отцов были языческой веры, потом же благочестия лучами, точно светила, воссияли. Сперва же старший брат удостоился принять свыше некое божественное откровение и понял нечестие идольского

соблазна, жизни бунтующей. Простился он с суетной, увлекающей в пропасть славой и пищей, оставил отечество свое, ушел на гору Синайскую[94] и к неложной вере присоединился. Руки святителей приняли его, крещением он присоединился ко Христу и назван был Давидом. Он возрастал в вышней славе, преуспевал в непорочной вере и прилежно учился божественным писаниям. Потом пришел на Святую гору[95] и принял монашеский образ, став пришельцем в пустынях. Постами, бодрствованием и прилежным учением божественным словам он окончательно очистил и чувства и освободил душу от всяких посторонних привязанностей, бесстрастия светом ее просветив.

Рассказывают о нем, что однажды, оставив келью, он пришел в отечество свое и предстал перед отцом своим, с благой дерзостью исповедуя Спасителя Христа, Творца всех; идолов же много обличал и умолял своего отца оставить их соблазны и крещением отдаться Христу. Открыто говорил перед всеми о святом и нетленном пребывании в будущей жизни, но никто не принял слова о скрытой во Христе жизни, которая приводит к Богу. Помянутый же князь Довмонт, младший брат его, воспринял от него сладкое это учение и уверовал; коснулась тогда сердца его благодать Утешителя[96], и с тех пор искал подходящей минуты, чтобы освободиться от прельщения, как и было потом. Тот же божественный муж долго молил отца своего отойти от идольской мерзости, но не был услышан. Дьявол ожесточил сердце отца: не только не послушал, но ругал и укорял его, едва не замучил, но Бог не допустил этого. Он же, приняв это за имя Христово, возвратился на Святую гору, где смог в смертном теле принять жизнь ангельскую.

После ухода его минуло некоторое время, и был мятеж великий в стране Литовской: восстали друг на друга князья литовские, убивая друг друга. Убили же владыку своего и родственника, помянутого князя Миндовга. Вскоре известие об убийстве его дошло во многие страны, даже до Святой горы. Помянутый же монах Давид, сын убитого князя Миндовга, который там проходил путь монашеского борения, услыхав об убийстве отца, поведал мысль свою игумену и благословение

принял от него. Снял с себя иноческие ризы, но обета иноческого не бросил, облекся в воинский образ, собрал воинов многих и друзей отца своего и бояр и, помолясь Христу, пошел войной на языческую Литву. И с Божьей помощью победил убийц, и многих князей литовских разбил, а после такой сокрушительной победы вновь вернулся на Святую гору, где, неуклонно монашествуя, жизни конец принял. Говорится же о нем в одном писании, что он не хотел сотворить убийства, потому что это не иноческое дело, но Бог допустил, чтобы он отомстил за кровь христианскую: ибо тогда триста литовских язычников с женами и детьми бежали в Псков и крестились во имя Пресвятой Троицы.

Благородный же князь Довмонт, о котором рассказывает повесть эта, увидев происходящий мятеж и убийство отца, сокрушался в печали и слезах, точно тростник, ветром колеблемый, колебался, размышляя; и, не зная, что делать, говорил про себя: «В отечестве ли жить или в чужие страны переселиться?» Вразумил же его Промысел Всевышнего: возненавидел идольский соблазн, решил переселиться в страны христианские и одновременно через крещение отдаться Христу. Поняв, что это будет правильно, он оставил отечество свое и со всем домом своим, с боярами и слугами, в 1266 году прибыл в богохранимый город Псков, где горожане с почестями встретили его.

Пробыв некоторое время в городе и узнав каноны православия, проникся желанием божественной любви и захотел немедленно просветиться крещением. Весь к Богу устремился, разгоревшись жаждой источника бессмертия, точно олень к воде. Что же потом? Горькую тьму соблазнов оставил и присоединился к сладостному свету истины, сменив прежнее нечестие на благочестие, и просветился божественным крещением во имя Пресвятой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, и имя ему во святом крещении было дано Тимофей, то есть благочестивый». Родившись же водою и духом, радовался он радостью невыразимой, ибо удостоился быть сыном света. Как сказано, разорван был сердца его греховный покров, от древних времен омраченный, ушло помрачение души,

происходящее от закоснелости тела. И познал заповеди Создателя, отступил от прежнего нечестия, изменился добрым изменением, ведущим на путь добродетели, чтобы превзойти благочестием многих.

От просвещения его и благого нрава радость великая была жителям города Пскова.

Что же старейшины города? После доброго совета о нем, с подобающей честью на престол княжения его возводят и во всем, как владыке, почтительное повиновение приносят ему. Блаженный же и благородный князь Довмонт, хоть и принял среди людей власть княжескую и ото всех был почитаем и прославляем, но еще больше смирения и кротости проявлял ко всем, как воистину верный и кроткий раб Сказавшего: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим»[97]. Следуя этому учению, блаженный украшался смирением, не гордясь и не возносясь из-за быстротекущей славы этого века. Знал он сущность человеческую: если кто и всему миру будет владыка, все же не сравнится ни с кем из меньших, кто обрел покой душе, прекратив грешить.

Поэтому во всем старался делать угодное Богу; благочестием сиял, как светило, удалил душу от мглы греховной и, от злых помышлений омыв, сделал ее чистой, словно только что изготовленное зеркало; украсил ее благоуханием добродетели и соделал храмом Святой Троицы. К созерцанию Троицы всю силу своего ума направил, любовью теплой и сердцем чистым молился, вещей временных и вниз увлекающих удалялся. Богу предстоял словно лицом к лицу, со страхом и трепетом молитвы Ему принося. Если же днем и осквернялся беседой о мирских вещах, ночью исправлял дневные недостатки, в молитвах и слезах призывая Бога, один с Единым Вездесущим беседуя, прося у Него прощения согрешений. Такой человек приближается к Богу вплотную и словно лицом к лицу беседует с Ним. Ибо благой Бог, наш владыка, приходит, слушая поистине чисто молящихся ему, как сказал пророк: «Очи Господни обращены на праведников, и уши Его – к молитве их»[98]. Такое начало созидания добродетели в Боге положил

новопросвещенный Довмонт, а потому мир Божий был с ним, просвещая его и вразумляя на путь истинный, всякое желание злое отгоняя от ума его, запечатывая душу крестным знамением, чтобы ничего не приблизилось к ней из злых соблазнов, чтобы сподобился он, украсившись добродетелями, получить будущее бесконечное и вечное Царство и облечься в свет Божественной Живоначальной Троицы, которую в Отце, и Сыне, и Святом Духе славим.

Блаженный, приняв эту благодать, всякую правду сотворил: сиротам и вдовам был кормитель и заступник, нагих одевал, печальных утешал, обиженным помогал; много любил и почитал весь монашеский чин, ради которого Бог милует этот мир, и весь причт церковный, как слуг Божьих. И власть княжения своего праведно осуществлял: никогда не обижал нищего на суде, не уступал могущественным, но всех учил своим поведением благим и словами тихими; будучи умудрен духом благодати, светом разума просвещал души их и от бури вражды приводил их в тишину мира. Ибо он был в почете и уважении не из-за гордости властелина и величия сана, но из-за смирения и кротости, которыми всех привлекал к себе. Дела же его были удивительны, кроткие и смиренные в мудрости, как сказано было выше; о таких Писание говорит: «Князь страны благ и кроток – подобен Богу»[99].

Часто же вспоминал он с плачем об убиении отца своего, о котором говорилось прежде, а еще более – о том, что не сподобился тот божественного крещения, соблазну вражьему подчинился и принужден был из века этого уйти в страну тьмы, где навечно замкнуты ворота и запоры, откуда никто не возвратился. Молил Бога со слезами спасти погибшего душою и телом, из-за родственной же связи яростью к убийцам разжигался и не мог терпеть, молился еще Всевышнему, победу на врагов прося. Укрепившись же надеждой на силу Его и знамением драгоценного креста вооружившись, вскоре после крещения берет с собою двести семьдесят избранных воинов. И, Бога в помощь призвав, выступил из славного города Пскова и вскоре неожиданно в отечество свое пришел, свирепо

ополчась на безбожных супостатов, и начал безжалостно истреблять их оружием.

Властитель же литовский, князь Гердень, в то время не был там, и потому все жители были охвачены страхом внезапного нашествия воинов: некоторые из них убегали, преследуемые лютым гонением и беспощадно изрубаемые мечами, некоторые же в крепостях запирались, охваченные трепетом и не надеясь спастись. Те же, кто считал себя искусным в войне, вооружались против войска, друг друга воодушевляли, отчаянно кричали, сражаясь, но ничего не добивались, только обагряли своей кровью блистающее оружие христиан, падали, пораженные ими, так что кровавые источники текли по долинам. Дома же их и жилища грозный воитель повелел до основания разрушать и сжигать, и все богатство их и сокровища забрал, а кроме того, и княгиню нечестивого их князя Герденя и детей его взял в плен.

Так с помощью Пресвятой Троицы он одолел врагов своих и ушел, невредим, со многими пленными как славный победитель врагов. Придя к реке, называемой Двина, он переправился через нее и, пройдя пять верст, встал в шатрах у густого бора. Сто восемьдесят воинов он отпустил с пленными к городу Пскову, прочих же девяносто с собою оставил, из которых двух стражей поставил у переправы через реку, приказав им оповестить его о преследовании язычниками. Они же были бдительны.

Помянутый же князь Гердень, узнав о разорении земли своей и пленении княгини и детей, глубоко опечален был и поспешно пришел в разоренный край. Увидев же плач и смятение народа, распалился лютой яростью, приготовился к войне вместе с братьями и родичами. И собрал восемьсот воинов, и сели на быстрых коней, помчались за князем Довмонтом с великой яростью, хвалясь погубить его, а к тому же и разорить город Псков. Не знал же он, окаянный, что Господь благочестивых от напасти избавляет, неправедных же и грешных вместо них предает погибели. Вскоре же подошли к реке и стали на другую ее сторону переправляться.

Помянутые же стражи, увидев множество приближающихся, подняли тревогу, поднявшись, бежали к блаженному князю Довмонту и известили его об ополчении язычников, гонящихся за ним. Блаженный же, услыхав эту весть, сказал: «Бог да спасет вас, братья, за то, что бдительно подстерегли приход воинов. Теперь же слезайте с коней, ибо совершили порученную вам работу». Они же сказали: «Не оставим тебя, о благородный князь наш, но хотим с тобой вместе за дом Пресвятой Троицы мужественно пострадать даже и до смерти». Он же услышав это, благодарность высказал им, потом же, от глубины сердца вздохнув и слезы пролив, преклонил колени и от души воззвал, молясь в Троице славимому Богу нашему, Творцу и Создателю всего, воистину сущему и вечносущему, безначальному и бесконечному, грозному и всемогущему, благому и милосердному владыке Христу, говоря так: «О милостивая, пресвятая, живоначальная, божественная, нераздельная Троица, предвечный Боже наш! поступи с нами по великой Твоей милости, помоги нам грешным в час этот. Покажи, Милосердный, извечную Твою милость, не отдай нас на уничтожение врагам, да не скажут нечестивые: «Где же Бог их?!» Ибо Ты наше прибежище и сладчайшая надежда, Ты укрепляешь – и бессильные получают силы, Ты один борец непобедимый и Бог милости, прославленный вовеки, Которого благословляет все творение».

Так помолившись, божественное ощутил он утешение в сердце своем, пришел и, дерзостью воодушевясь, сказал дружине своей: «Сейчас нам, отцы и братья, предстоят жизнь и смерть. Не побоимся же, о воины, встанем за дом Пресвятой Троицы и за православную христианскую веру, чтобы не стать добычей язычников». И сказав это, храбрости исполнился, с воинами своими в единое сердце соединившись, с благой дерзостью быстро пошли они на полки нечестивых. Призвал же святой на помощь Христова воина страстотерпца Леонтия Трепольского, память которого была в тот лень, и благоверного князя Гавриила, называемого Всеволодом[100], псковского знамени носителя. Призвав же их на помощь, нимало не испугался множества язычников, но как на мух и на прах

смотрел на них, страх же всяческий отринув. И храбро вскричав, с малой дружиной напал на них и бил их столько храбро и мужественно, что и противники дивились храбрости его, и, доставая кого мечом, того надвое рассекал.

Увидели же язычники силу его и мужество, вооружились же звероподобным рвением; как дикие звери рыкающие набежали и оружие и стрелы тысячами обратили на них. Но, как сказано, победа в бою и падение царей без золи Божией не бывают, и оружие их и стрелы попусту падали. Христианское же воинство, гак же громко крича, с ними крепко билось. Блаженный же князь Тимофей одобрительно взывал к ним, укрепляя и поощряя, подавая им надежду Божию, моля не слабеть в деле, но крепко биться с врагами. Многими такими словами учил и наставлял воинов своих, потому что сам в ратном деле весьма искусен был, поэтому люди с любовью слушали его и еще более в Боге укреплялись, с усердным рвением полки противников сокрушали. Была же сеча страшная и ужасная, ибо падали тела врагов как деревья, стук же и шум страшны были, как гром, от вопля и крика воинов и треска оружия их.

Видя же злочестивый Гердень страшное воинов своих поражение, устремился в бегство с оставшимися с ним, ибо славных и храбрых ратников его всех побили. Многие же другие в реке потонули, и семьдесят человек потом вынесла река на один из островов посреди нее, другие же быстринами были унесены вдаль. Славный же и победоносный князь Тимофей помощью Пресвятой Троицы и молитвами святых угодников страшную победу и славное одоление одержал над горделивыми литовцами, убив их до шестисот и трупы их сделав пищей зверям. И после битвы с дружиною своей благодарил Бога, Который гордых Своей силой низложил. И так пошли к городу Пскову с великой радостью; слыша, как он идет, горожане вышли навстречу, как в древности к Давиду, победившему Голиафа, выходили, и приняли его с великой честью, о победе радуясь.

В то же время пришел князь Ярослав Ярославович в великий Новгород с большим войском и, гордостью побеждаем, хотел идти на богохранимый город Псков и на блаженного князя

Тимофея. Новгородцы же, вразумленные Богом, умолили его не воевать с Псковом, и отослал князь свое воинство обратно.

Благоверный же князь Тимофей поставил церковь во имя святого мученика Тимофея, в честь которого дано было имя ему, и украсил ее чудесно и великолепно красотою и росписями. И до сего дня видна она всем во славу Божию.

Вскоре же вновь пошел с воинами новгородскими и псковскими на язычников-литовцев и долго воевал с ними. Тогда же и Герденя, князя помянутого, убил и возвратился к себе здоров со всем войском своим.

Прошло немного времени, и князья русские: Святослав Ярославович и Дмитрий, сын великого князя Александра Невского, и еще четыре князя, – соединились в великом Новгороде; с ними же был и этот благородный князь Тимофей с войском своим, потому что подобает благочестивым князьям помогать друг другу в войне с врагами, чтобы люди во владениях их в тишине и благоденствии жили. Соединившись же, благородные князья с множеством воинов пошли к городу в немецкой земле, называемому Ракобор. Дойдя января в 23 день до войска немецкого и мужественно вскричав, все множество их напало на язычников и, с помощью Божией, изничтожили их всех острием меча. Такое было множество язычников, что на семь верст не было нагой земли, где бы конь ступил, всюду трупы немцев лежали, потому что соединилась в войске вся земля их. Пробыли же князья на трупах мертвых три дня и возвратились в великий Новгород.

Благородный же князь Довмонт остался с воинами своими, и перешли горы непроходимые, называемые Вируян, и всех живших там разогнал и поразил рукою крепкою, и все богатство и сокровища у них отобрал. Одновременно и жилища демонов, то есть кумирницы, разорил, божественною ревностью разжигаем, сонмы идолослужителей, словно стада, разогнал до самого моря и в плен взял; также все Поморье захватил в плен. И возвратился к городу Пскову со множеством пленных.

Когда же прошла зима и просияло лето, вновь пришли язычники-немцы с тяжелой силой на богохранимый город Псков в неделю всех святых, но ничего не смогли: только разбиты

были мужеством блаженного князя Тимофея, оставшиеся же бежали, ужасом одержимы. И вскоре слава о храбрости Довмонта разошлась в народах.

Когда же прошло два года после упомянутой победы над поморянами, вновь собрался остаток язычников-латинов и, придя тайно, взяли несколько сел псковских и жителей их убивали острием меча. Благородный же князь Тимофей, узнав об этом, не стерпел обиды от язычников. Что же, если бы и испугался чернейших воронов? Но даже начала страха не допустил, взял слуг своих и еще некоторых из горожан и вооружил их всех. Было же всего мужей около шестидесяти, и вышел с ними на пяти кораблях «и настиг врагов на реке, называемой Мираповна.

Была же в тот день память страстотерпца Христова Георгия Каппадокийского[101], которому благочестивый князь со слезами помолился, чтобы тот помог ему против врагов и стал помощью его. Мужественно воскликнули, сурово тела язычников сокрушали: того на части оружием раздробили, другому голову рассекали, иного же незаживающими ранами поразили. И светлое их оружие стало багряным. Остаток же язычников, объятый страхом, бежать устремился, гонимый гневом Божиим, с места на место перебегая, подобно тому, как ястреб гонит слабую птицу, перелетающую по пустыням и деревьям, потом на горы, и в пещеры каменные, в расщелины горные, нигде же пристанища надежного не находящую... Сам же благородный князь наш и войско его невредимые были, великое благодарение воздали сохранявшему их всесильному Богу, врагов истребившему, и Его угоднику, великому страстотерпцу Георгию. И затем возвратились в Псков с победой великою.

И вскоре победоносный князь Тимофей создал церковь во имя страстотерпца Христова Георгия, которая и доныне стоит молитвами его.

В то время услышал магистр рижский о мужестве и храбрости благочестивого князя Тимофея, собрав множество воинов и ополчившись с силою тяжелой, тоже решился на войну: воду покрыл множеством кораблей и сушу – конями с вооруженными всадниками и таранами. И все это подготовив,

выходит на путь с великой гордостью и сильной яростью, неудержимо стремясь на город и народ, дерзко хвалясь разорить дом Пресвятой Троицы и раба ее, благочестивого князя Тимофея, взять в плен. Но не знал окаянный, что должно случиться с ним.

Услышал же блаженный князь Тимофей об ополчении его и о гордыне безумной, идущего со множеством сил, без Божьей помощи. И тогда вошел в церковь Пресвятой Троицы и положил меч свой перед алтарем. И пал на пол, молясь со слезами и говоря: «Господи и Боже сил, мы – люди твои и овцы пастбища Твоего, Имя Твое призываем. Обратись, Владыка, к кротким людям Твоим и гордецов высокие замыслы разрушь, да не опустеет ограда, в которой овцы Твои». Так окончилась молитва, и затем Исидор, игумен Мирожского монастыря[102], и все священники подняли меч его с земли и опоясали его мечом. Потом же молитву сотворили о нем, и осенили его живоносным крестом, и святою водою окропили, и отпустили, Божию помощь призвав.

Блаженный же князь еще раньше распустил множество воинов своих и теперь, не дождавшись большого полка новгородских воинов, кого нашел, тех и взял с собою. Вышел против язычников, вооружившись силою животворящего креста и в молитве призвав себе на помощь святого страстотерпца Христова Феодора Стратилата[103], память которого была в тот день. Затем же вынул меч свой и решительно напал с малой дружиной на язычников. Преславный же Вседержитель, в Троице славимый, единственный Царь царствующих и Господь господствующих, владыка Христос, явил святую помощь Свою: предал противников страшного Своего имени в руки верному Своему слуге, благочестивому князю нашему. И пали перед ним на острие меча, и самого магистра в лицо сильно ранил сам. Оставшиеся же немцы подобрали убитых своих и корабли наполнили свои; страхом великим объяты, бежать устремились восвояси. Благочестивый же князь Тимофей с войском, светлую победу одержав над язычниками, возвратился в город Псков с радостью великою. И хвалил и благодарил Бога о всем, что сотворил с ними, потом же благочестивый князь создал церковь

во имя святого мученика Христова Феодора Стратилата, молитвами которого победил иноплеменников полки и город Псков от разорения спас.

Вскоре же вновь язычники-латине стали нападать на села, насилием, принуждением и всякими злыми делами пытаясь, словно звери дикие, разогнать и ввергнуть в горе овец Божиих, искупленных драгоценной Его кровью. Они же, потерпев такое от язычников, к городу Пскову приходят и о нападении злых змей с плачем возвещают. Христолюбивый же князь Тимофей, это услышав, не потерпел обиды от язычников, но стремительно собрался против них, взял войско свое и вышел на язычников с яростью величайшею. Придя же туда, и землю их завоевал, и села чудские сжег, и жизнь их со смертью сопряг, и, взяв множество пленных, возвратился к городу Пскову.

Более же битв не было: в молитвах и в посте пребывал блаженный, царскую свою душу поистине воцаряя над страстями, проходя мысленный путь добродетелей к небу, зла и суеты отвергаясь, хлеб свой раздавая алчущим, многую милостыню творя, – и так жил, благо творя.

Времени же прошло много, и вновь попущением Божиим за грехи наши собралось множество немцев-язычников и с дерзостью пришли к городу, как дикие звери рыкающие, пытаясь поток лютого своего гнева на христиан излить. Что же потом? Бесовскую свою мысль исполняют, обители иноческие сжигают и множество их без милости убивают, разными пытками тела постников мучают. Тогда же убит был преподобный игумен Иоасаф из монастыря Святой горы, и Василий, игумен Мирожского монастыря, и Иосиф пресвитер, – тесный и скорбный путь этой жизни проходя, приняли в конце его мучение и бесконечное получили блаженство. Также и нищих, женщин и детей множество убито было язычниками. Видя это, благочестивый князь Тимофей вновь на молитву о них устремляется к Богу, плачем и рыданием сокрушая себя, победы на язычников прося, которую и получил.

На утро следующего дня язычники осадили город, желая окончательно его разорить. Но всеблагой Бог наш, хоть и поразил нас гневом Своим, но милость Свою не отобрал у нас,

не забыл душ нищих Своих, не отдал на окончательное уничтожение. врагам, воюющим с нами, но по благости Своей и многой милости беду, которую послал на нас, обратил вспять, как сказано, семикратно – на врагов, и поразил их окончательно рукою раба Своего, позор вечный дав им. Ибо тогда благочестия защитник вышел на битву с малой дружиной и с мужем неким Иваном, называемым Дорогомиловым: вышел, как лев на стада овечьи, и, помощью Всесвятой Троицы укрепившись, разбил полки их рукою крепчайшей. Положил трупы храбрецов пищей для зверей земных и плоть сильных для птиц небесных, пролил кровь их, как воду, многих же неизлечимыми ранами поразил, также и самого военачальника их, называемого командир, тяжело в голову ранил. Многие же другие утонули в воде, некоторые же из них, называемые вильянцами, в плен взяты были. Прочие же, уцелев, стыдом великим облеклись и, оружие бросив, поспешно устремились бежать от страха и от храбрости благочестивого князя Тимофея-Довмонта. Была же эта славная победа в год 1299 марта в 4 день. Тогда видел благочестивый князь, что дал ему Бог такую победу над язычниками, радости великой исполнился, со многими слезами благодарение о том воздал.

Ибо был день, в который совершилось все это, днем скорби и радости.. Скорби, ибо допустил Бог нам такое искушение за бесчисленные грехи наши; веселья же, ибо со славою спасены были от врагов наших. За это исповедуем Тебя, Боже, в веках, в родах возвестим хвалу Тебе. Кто же расскажет о силе Твоей, Христос, опишет всю славу Твою? В смирении нашем вспомнил Ты нас, Господи, спас от нападающих на нас, и за то хвалим Тебя более всяких слов, благословим, поклоняемся, поем и превозносим невыразимое Твое милосердие. Пресвятой царь всего видимого и невидимого, даруй силу и власть верным рабам Своим, благочестивым князьям нашим.

Ибо в древности, братья, блаженным великим князем Александром Ярославичем и сыном его князем Дмитрием, также и зятем его, здесь вспоминаемым блаженным князем Довмонтом, много раз спасаемы были города наши – великий Новгород и Псков – от нашествий язычников и безбожных

иноплеменников. О них же говорит Писание: «Если князья праведные бывают в стране, многие согрешения прощаются земле той»[104]. Как и в древности было в дни Исайи-пророка: разве не ради одного Езекии огражден был Иерусалим от нападения Сеннахирима, царя Ассирийского? Так и здесь сохранил Господь город наш Псков от разорения язычниками по молитвам раба Своего, блаженного князя Гавриила чудотворца и заступничеством благочестивого князя Тимофея-Довмонта, который всегда в молитвах своих призывал на помощь от нападений безбожных латинов святого князя Гавриила. О них же говорит Исайя-пророк: «От лица Господня поставлю тебя в завет для народа, во свет для язычников[105], чтобы быть тебе святым во всех концах земли». Так говорит Господь, Искупитель Израиля, Святый Его, презираемому всеми, поносимому народом, рабу властелинов: «Цари увидят и встанут; князья поклонятся ради Господа, Который верен, ради Святого Израилева, Который избрал Тебя. Так говорит Господь: во время благоприятное Я услышал Тебя и в день спасения помог Тебе»[106]. Бог великий и вечный, Который «ниспроверг живших на высоте, высоко стоявший город; поверг его, поверг на землю, бросил его в прах. И попрут их ноги кротких и смиренных, и путь благочестивых прям, и ровна стезя праведника, путь Господня суда[107]». Так и этот благочестивый князь Тимофей решил идти путем прямым в Господе, что и совершил. Многие и другие победы одержал над язычниками, которые не записаны здесь. Это же было написано, чтобы не забылись дела Божий славные, которые сотворил Он рабам Своим.

Блаженный же князь проходил временную эту жизнь в благой вере и чистоте до дня смерти, и все почитали и любили его не из-за великого сана, но ради благого нрава: ибо никого никогда не упрекнул, не обидел, не оклеветал, не завидовал никому, не гневался, не пренебрегал церквами Божьими, но многие церкви построил и украсил; не прогонял нищих, не оставлял странников, в темницах находящихся посещал, печальных утешал, пленных на свободу отпускал, монахов, и сирот, и вдов накормил, для язычников же страшным явился воителем, как свидетельствует написанное. И во всяком

благочинии и чистоте, в православной вере прожил в Господе много лет и достиг старости, не оставив добродетелей; насколько старился годами, настолько же возрастал в усердии и укреплялся духом, и не побежден был старостью этот великий подвижник, благочестивейший верою, бдительный наш хранитель, моря житейского светильник, желанное имя, в благочестие вошедший князь. Затем же недугом телесным был охвачен и начал изнемогать и, видя, что окончательно уходит ко Господу, чтобы природе отдать долг, дух же желанному Христу предать, призывает старейшин города и домочадцев своих и полезную беседу предлагает им, уча твердо в православии пребывать, единомыслие же и любовь друг ко другу иметь, и всякими добрыми делами украшаться, и во всем мир хранить. Говорил с ними и в день смерти, когда, собираясь расторгнуть связь с телом, причастился Тела и Крови Владыки на путь жизни вечной. И так предал Господу святую свою душу в год 1299, месяца мая в 20-й день. Собрался весь священный чин: игумены, и священники, и черноризцы, – и все множество народа города Пскова: мужчины и женщины, старики и юноши. Все сокрушались с плачем и рыданием, и в гроб драгоценное тело положили, во красоте святой; с пением псалмов надгробным его провожали, последнее целование отдавая. Потоки слез проливали, лишившись кормчего, отдав заступника, разлучившись с отцом, сирот и вдов кормившего и помогавшего им, печальных утешавшего. Плакали и рыдали, а совершив слезное это пение, положили драгоценное тело его в храме Живоначальной Троицы с гимнами, с пением и песнями духовными. Боевое же его оружие положили на гробе его на славу и утверждение городу Пскову.

Какие же после кончины его чудные дела были? Ангелы первыми пришли после преставления, повелителей клеветы и пребывания горестных мытарств добродетелями его и чистым покаянием превозмогая, врата отверзая райския, в желанное блаженство вводя: в покой праведных, в свет праведных незаходящий, которого он всегда желал. И Всесвятой Троицы озарение принял, как и подобает праведнику и украшению Царя.

Таковы явления блаженного, таковы дары его и чудеса, о которых стало известно много лет спустя по преставлении его.

В год 1538, в день Пятидесятницы, когда совершается светозарное празднество Пресвятой Живоначальной Троицы, в Ее божественном храме было множество людей, молящихся во время Божественной литургии. Среди них была жена некая слепая, ничего не видящая, стоявшая близ раки блаженного князя Тимофея, плакавшая из-за слепоты своей и святого на помощь для прозрения призывавшая. И пока стояла, плача, прозрела и увидела все, что было в церкви; поняв, о даре исцеления всем ясно рассказала, целовала же раку святого и благодарными слезами окропила ее. Возвратилась в дом свой, прославляя Святую Троицу и угодника ее, блаженного князя Довмонта.

После же этого и еще двое человек, один из которых имел руку недвижимую, другой же был слеп глазами, услышав о женщине, прозревшей от раки святого, надеждой укрепились и, один за другим, ко гробу святого пришли и исцеления святого сподобились. Благодарение же воздали они всесильному Богу, чудеса творящему рабами Своими, и со многой любовью целовали раку святого, уйдя к себе с радостью величайшею.

Исходит же от драгоценных мощей блаженного князя Довмонта вместо мирра некая благовонная теплота, и видна бывает зимой, когда в окошке гроба замерзает и претворяется в иней белый, – и так бывает каждый год. Подается же и доныне благодать исцеления с верою приходящим осенением Святого Духа от драгоценного гроба его. Оба вместе – то есть благоверный великий князь Гавриил-Всеволод чудотворец и блаженный князь Тимофей-Довмонт – молитвами своими достояние свое, город Псков, сохраняют от нашествия врагов, препятствуя им, оберегают его.

Достойно же ныне к похвале чудесам Пресвятой Богородицы и блаженных князей Гавриила и Тимофея присоединить такую повесть. В царствование благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, самодержца всей Руси, попущением Божиим за грехи наши пришел безбожный

король Стефан Польский[108] с множеством воинов к городу Пскову, гордясь и пытаясь уничтожить православную веру.

Был же в городе муж некий, Дорофей именем, благочестивый и боящийся Бога, о котором говорят некоторые, что повреждены у него были глаза. Но хоть плотские глаза и повреждены были, показал ему Бог страшное видение о Матери Своей, как в древности удивительнейшему Андрею с учеником его Епифаном во Влахернской церкви[109] даровал видеть Пречистую Свою Матерь со множеством святых, молящихся за народ и светозарным своим омофором закрывающую их от всякой нужды и печали. Так и здесь показал рабу Своему тайну страшную.

Сидел он однажды в келье небольшой своей и горевал о нужде, обступившей город. И вдруг увидел глазами прозрачный яркий свет, сияющий больше солнца и зарю ярчайшую повсюду разливающий, размером же, как столп огненный, до неба достающий. Появился же чудный этот свет у Печерской обители и, пройдя Мирожский монастырь, пошел во Псков. И в нем видел он шествующей Пресвятую Богородицу, справа же от нее был преподобный Антоний, наставник Киевской пещеры, а слева Корнилий, игумен помянутого монастыря, созданной Богом пещеры, которая находится в псковской земле. И прошла вместе с ними Пресвятая Богородица через стену города в церковь драгоценного и славного Ее Покрова, которая была в монастыре в углу города, в котором была келья этого Дорофея, сподобившегося видеть то страшное видение, о котором здесь говорится.

Святая же Богородица вошла в церковь эту, освятив ее пришествием Своим, вышла из нее вместе с преподобными, невыразимым светом сияющими, и потом взошла на городскую стену и встала там. Открыв же непорочные свои уста, вопросила бывших с нею, говоря так: «Где строитель Мирожа Нифонт, епископ Новгородский?» И вдруг в это время встал перед нею епископ Нифонт и, упав, поклонился ей до земли и сказал так: «Унываю, госпожа Пресвятая Владычица, в этом году в монастыре моем не было ни одной литургии». Она же, отвечая, сказала ему: «Нифонт, Сын Мой и Бог так захотел».

И затем вновь воззвала, говоря: «Где избранники Божий, которые в храме Святой Троицы лежат?» И вскоре предстали здесь благоверный великий князь Владимир Киевский, и благоверный князь Гавриил-Всеволод чудотворец, и благочестивый князь Тимофей-Довмонт. И за ними стал поодаль, в полусажени, блаженный Николай, Христа ради юродивый, который пророческим даром украшен был от Бога. И они все вместе со страхом поклонились царице, всех их Владычице. Она же подняла очи Свои на город и как бы с гневом сказала так: «О злые люди города этого, прогневали вы Сына моего, осодомили город этот скверными своими делами. И теперь, когда пришла к вам нужда и беда великая, вы Сына Моего, Господа Бога, и меня почти не знаете». Слыша же это, преподобный игумен Корнилий и блаженный Николай юродивый, вновь прослезились и отвечали ей, говоря: «Госпожа Пресвятая владычица Богородица, есть грех этот и люди согрешают». Потом же преподобный Антоний со святителем Нифонтом и благоверными великими князьями также заплакал, умоляя ее просить Сына своего Христа, Бога нашего, чтобы избавил город от этой предстоящей беды.

Она же вновь открыла непорочные Свои уста и позвала из кельи помянутого Дорофея, который Ее явлению свидетелем был. И оказался муж тот прямо у той стены, где стояла в сиянии непорочная Матерь Божия, и слышал, как Она говорит ему: «Старец, быстро иди к боголюбивым воеводам города этого и к игумену печерскому и скажи им, чтобы усердно молили Господа Бога за город и принесли бы образ Мой древний Печерский и хоругвь на стену, где Я стою». И потом сказал: «Да поставят две пушки – одну на стене этой, вторую же внизу стены, и да бьют из них непрестанно по шатрам королевским». И указывала на них драгоценной Своею рукою. И вновь говорила ему: «Засвидетельствуй же всем людям, чтобы оплакивали грехи свои, молясь усердно со слезами Богу. Буду же и Я готова молить Бога, и когда Сын мой и Бог услышит молитву и слезы рабов Своих, тогда этому королю помутит ум и сделает его как бы сумасшедшим». И, сказав это, невидима стала вместе со святыми.

Дорофей же оказался сидящим в своей келье, как и прежде, страхом и трепетом одержим после видения. И с благоговением пошел и рассказал о милостивом явлении Пресвятой Богородицы благородным воеводам и всему собранию. Они же, услышав это, радости невыразимой исполнились, благодарение воздали Царю веков нетленному и невидимому, единому премудрому Богу и Пречистой Его Матери, Владычице нашей, заступнице, укрепились надеждой на Нее и на святых блаженных князей и, надеясь на молитвы преподобных отцов, твердо стояли против язычников.

Злочестивый же король долго осаждал город и ничего не добился, потому что Господь наш Иисус Христос по сказанному пророчеству Матери Своей помутил его ум и сделал неразумным. Лишившись же разума, окаянный ушел от города посрамленный, пораженный силой Избранной Непобедимой Военачальницы, Пресвятой владычицы нашей Богородицы и молитвами и заступлением святых благоверных великих князей Гавриила и Тимофея, чудеса и исцеления подающих с верою и любовью к ним приходящим, – славными ибо чудесами и знамениями дивных Своих святых прославляет Бог.

К ним же и мы ныне со смирением припадаем всегда, молимся, возвышая голос, достойное их говорим: «О блаженная и драгоценная вершина, украшенная добродетелями, о двоица богоизбранная, святая же и чудно боголюбивая! князья Гавриил и Тимофей! В свете незаходящем ныне вместе живущие, и нетленными венцами небесного Царства празднично украшенные, и с избранниками всегда радостно ликующие, – заботьтесь оттуда, свыше, о нас, не забудьте о нас, людях своих, благое творя. Не вспоминайте же зла, которым вас в гнев вводим, не стыдитесь нечистоты нашей, которой перед Богом согрешаем, и потому далеко от Него отстоим, но как к любящему Отцу, от этого покаянием нас омыв, чистых к Нему подводите, и всегда благие дары, нам у Него испросив, подавайте, от язычников нападения и всякого ущерба молитвами своими спасайте. Знаете ведь, как много беззаконных дел, скверною вас оскорбляющих, мы, унылые, творим, но не оставляйте и не прогоняйте, не отрекайтесь от

нас, как чужеродных, ибо мы вашей части достояние, и перед Богом дел ваших не таим, ради нас совершенных многих трудов ваших. Славим на благо и возвещаем благие дела ваши: в православную веру истинное крещение, церквей воздвижение, нищих прокормление, к несчастным милость, на врагов победы и после преставления чудеса дивные, заступничество перед Богом молитвами и в сражениях помощь, отеческую милость и вечную милость, – все благо ваше, бывшее ради нас и среди нас, не забывали и не забудем. Требуем же вновь всегда помощи, и благодати, и заступничества вашего, просим о нас молитвы и ходатайства, и, припадая, молимся: не перестаньте молитву творить человеколюбцу Богу и Пречистой Его Матери о стаде вашем, которое от души возлюбили и ради которого до смерти подвизались, – да избавимся от тьмы греховных страстей, от всякой подвластности злым бесам, от людей льстивых и лести. И как в быстропреходящей и соблазнительной этой жизни с нами оба учили нас и сохраняли души наши и тела, так, говорим, и еще более ныне, пребывая у Христа, о нас к Нему молитесь, да в мире и тишине с покаянием жизнь нашу проживем и после кончины своей милостивым и утешающим увидим Его. И в день Страшного суда и воздаяния да ответит нам добром и даст нам благо, ибо мы Его творение и, кроме Него, иного бога не знаем. Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, хвала и величие, вместе со безначальным Его Отцом, и всесвятым, благим животворящим Его Духом ныне и всегда, и во веки веков, аминь».

Житие митрополита Киевского и всея Руси Петра [110]

Святой Петр, митрополит Киевской и всея Руси, родился в Волынской земле. Чудное видение было его матери, когда носила она во чреве своего сына: видела она во сне, будто держит в руках своих ягненка, у которого на голове растет пышное дерево, с плодами и цветами, украшенное множеством свечей, источающих свет и благоухание. Недоумевала женщина о чудном видении, но впоследствии оно оправдалось – Господь обогатил чудесными дарами духовными ее сына.

Семи лет от рождения Петр был отдан в учение, но учился плохо, и очень скорбели об этом его родители. Однако не от людей, а от Бога суждено было получить Петру книжную премудрость. Однажды увидел Петр чудесный сон – что пришел к нему некий муж в одеждах святительских и сказал ему: «Чадо, отверзи уста твои!» Повиновался отрок, и коснулся чудный муж правой рукой языка его, и благословил, и исполнилась гортань его сладости. Проснулся отрок, но никого с ним не было, а сердце его было исполнено сладости и веселия. С этого времени Петр стал преуспевать в учении книжном, скоро изучил Священное писание и превзошел успехами своих сверстников.

Когда исполнилось ему двадцать лет, он ушел в монастырь, поблизости от родных мест, и был принят в число братии. Усердно исполнял он монастырское послушание: носил воду и дрова в поварню, стирал власяницы[111] для братии и никогда не оставлял своего молитвенного правила. Прежде всех приходил он к церковной службе, а уходил последним; в церкви стоял благоговейно, слушал со вниманием божественную службу, никогда не прислонялся к стене. Всегда с готовностью исполнял послушание, кротко покорялся наставнику, служил братии в смирении и молчании. По воле настоятеля был произведен в диаконы, а потом и во пресвитеры. Умел он и иконы писать. Когда писал иконы, всегда умом удалялся от земного, исполняясь богомыслия. По добродетельному его житию, по глубокой вере и молитве дал ему Господь этот чудесный дар.

Долгое время пребывал святой Петр в своем монастыре, но потом, по благословению настоятеля, удалился в пустынное место на реке Рате и устроил там себе обитель; построил церковь во имя Спаса нашего Иисуса Христа, и в короткое время собралось сюда много братии. Добр и незлоблив был святой Петр, в глубоком смирении пребывал, помогал всем нуждающимся, одарял нищих, с кротостью поучал всех о божественном учении и богоугодной жизни. Слух о его добродетельном житии широко распространился, все его почитали и просили у него наставления и молитвы. Когда приехал на Русь из Константинополя митрополит Максим, пришел к нему за благословением святый Петр с братией, и принес ему икону Божией Матери, которую сам написал. Благословил его митрополит, принял святую икону и берег ее у себя с великим почтением.

После смерти митрополита Максима некий Геронтий, игумен из Владимира, самовольно взяв святительские ризы, и пастырский жезл, и икону письма Петрова, отправился в Константинополь, желая сделаться митрополитом всея Руси. Галицко-Волынский князь предложил блаженному Петру поехать в Константинополь и просить посвящения в епископы на Киевский престол, потому что никто не хотел, чтобы митрополитом был Геронтий, ибо все осудили его самовольство и дерзость. Блаженный Петр долго отказывался, но князь и собор святительский его упросили, и поехал он. А князь послал патриарху послание, выражая желание видеть Петра на святительском престоле.

Геронтий на пути в Константинополь встретил немало препятствий – на море была буря, страшный ветер навстречу, путешествие затянулось. Петр же ехал по тихому морю, и ветер был попутный, и он, как во сне, переплыл море.

Во время путешествия явилась Геронтию во сне святая икона Божией Матери, та, которую он самовольно взял из митрополичьей ризницы, и сказала ему: «Напрасно ты, старец, стараешься, не достанется тебе святительский сан. Тот, кто написал меня, ратский игумен Петр, служитель Сына Моего и Мой, будет возведен на престол святительский и будет

праведно пасти людей своих, за которых Сын Мой пролил кровь Свою. Богоугодно проживет он до глубокой старости и с радостью отойдет ко Владыке всех». Геронтий в страхе проснулся и рассказал всем о своем видении.

А тем временем Петр достиг Константинополя и пришел к патриарху. Патриархом тогда был Афанасий, муж дивный и исполненный добродетелей. Когда Петр пришел к патриарху, храм исполнился благоухания. Просвещенный свыше патриарх Афанасий понял, что это благоухание связано с пришествием Петра. С радостью благословил он его. Потом был созван сбор и состоялось обычное рассмотрение дела. Петр был признан достойным епископского сана. Во время божественной службы патриарх посвятил дивного Петра во святительское служение. Во время рукоположения лицо угодника Божия так просияло, что все дивились и говорили: «Воистину сей человек пришел по воле Божией!» И исполнились духовной радости.

Спустя несколько дней прибыл и Геронтий, и рассказал он все, что с ним случилось. Патриарх взял у него святительские ризы, пастырский жезл, честную икону и церковную утварь и передал все это святителю Петру. В течение многих дней патриарх наставлял блаженного Петра, затем благословил его и отпустил в его митрополию. Прибыв на Русь, святитель Петр благословил родную землю и принял на себя со всем усердием заботу о вверенном ему Господом стаде. Он объехал ряд епархий, чтобы благословить их и увидеть своими глазами, как там творится дело Божие.

Но лукавый враг не стерпел великих добродетелей и трудов святителя и внушил некоторым сомнения, и не все признали Петра святителем. Многие потом раскаялись и получили от него прощение. Особенно же преуспел враг в своих кознях, совращая епископа тверского Андрея. Сей стал распространять о святом Петре клеветы и наветы и послал патриарху Афанасию хульные и ложные известия. Удивился патриарх и счел эти наветы неправдоподобными, однако послал одного из своих клириков[112] на Русь. И был созван собор в городе Переяславле. На том соборе присутствовал епископ Симеон и преподобный Прохор, игумен Печерский, а также князь, бояре, священники,

иноки и великое множество народу. И был призван на собор епископ Андрей, и стали расследовать дело. Когда выступили против Петра лжесвидетели, произошло великое смятение, и не утаился виновник зла, и была обнаружена клевета, и был посрамлен Андрей и унижен. Святитель Петр простил его и отпустил с миром. «Мир тебе, чадо, – сказал он, – не ты сие сотворил, а диавол». И разошелся собор. И благословил святый Петр всех. И сам продолжал умножать добродетель, прилагая к трудам труды.

Появился также некий еретик по прозванию Сеит, проповедовавший неприемлемое для Православной Церкви учение; святитель Петр предал его отлучению, и тот вскоре погиб злой смертью. Вскоре прибыл угодник божий Петр в Москву, которая в то время была во владении князя Ивана Даниловича[113]. Князь сей был боголюбив, милостив к нищим и прилежен к священным книгам. Полюбил его святитель Петр и стал жить в Москве больше, чем в других городах. И советовал он князю Ивану Даниловичу построить в Москве каменную церковь в честь Успения Божией Матери[114]. «Если создашь ты храм Пресвятой Богородицы, – говорил владыка, – то и сам прославишься, и город твой будет больше других прославлен, и святители поживут в нем, и руки твои взыдут на врагов, и Бог в нем будет прославлен, и кости мои тут положены будут». И послушал его Иван Данилович, и начал строительство церкви. И сам святитель ежедневно наблюдал, как идут работы.

Незадолго до кончины святителя Петра, благоверный князь Иван Данилович видел во сне высокую гору со снегом на вершине: внезапно снег растаял и исчез. Сон этот поразил князя, и он рассказал о нем митрополиту Петру. И сказал святитель: «Высокая гора – это ты, князь, а снег – я, смиренный; скоро должен отойти я из сей жизни в жизнь вечную».

Провидя по божественному откровению свою кончину, святой Петр своими руками устроил себе гробницу близ жертвенника в созидаемом храме. А когда гробница была готова, снова было ему откровение от Бога о кончине. Исполнившись радости, пошел он в церковь, совершил божественную службу, помолился за князя и всех благочестивых

христиан земли Русской, сотворил поминовение усопших и причастился Святых Тайн. Возвратившись из церкви, он призвал весь причт, по обычаю преподал им наставление. Все эти дни он раздавал много милостыни нищим, пожертвования монастырям и храмам. Он быстро слабел телом, и наконец настал час его кончины. Призвал он тысяцкого (князя тогда в городе не было и управлял городом тысяцкий Вельяминов) и сказал ему: «Вот, чадо, я отхожу от жития сего. Сыну моему возлюбленному, великому князю Ивану Даниловичу, и его потомству оставляю милость, мир и Божье благословение». Затем вручил ему мешок с деньгами на окончание постройки церкви, благословил присутствующих и стал служить вечерню. Когда молитва еще была на устах его, он воздел руки к Богу и душа его отошла ко Господу. Это было 21 декабря 1326 года.

Князь, услышав о кончине святителя Петра, стал сильно скорбеть; в глубокой печали поспешил он вернуться в Москву. Весь народ плакал. И положили тело святителя на одре, и понесли в церковь. Один человек, одержимый неверием, подошел близко ко гробу святителя Петра и подумал: «Кто такой, этот мертвец, которого сам князь провожает, и за что ему такая почесть?» И тотчас увидел он, что святитель сидит на одре и благословляет народ справа и слева. И так было, пока не принесли его в гробницу. Человек тот уверовал в святость угодника Божия и рассказал народу о своем видении.

Святые мощи митрополита Петра были принесены в храм и положены в им самим приготовленную каменную гробницу. Там они и доныне почивают, источая различные чудеса с верою приходящим ко святым мощам. Один юноша, у которого от рождения были расслабленные руки – так что он не мог поднести их к устам, – пришел к гробнице и со слезами молился и руки его стали здоровы. Исцелил святой Петр одного скрюченного, и даровал слух глухому, и молящемуся слепому очи отверз. И много иных благодеяний, чудес и исцелений произошло у раки святителя Петра, в честь и славу в Троице славимому Богу, во веки веков, аминь.

Житие митрополита Московского Алексия
115

Святый Алексий, чудотворец московский, происходил из боярского рода. Родился в Москве при великом князе Даниле Александровиче[116]. Отец его – черниговский боярин Феодор Бяконт, а восприемником во святом крещении был сын великого князя Иван Данилович[117]. При крещении отрок был назван Елевферием. Когда ему было двенадцать лет, случилось с ним чудесное происшествие. Расставлял он в поле сети для ловли птиц и вдруг внезапно уснул и слышит голос: «Зачем, Алексий, напрасно трудишься? Я сделаю тебя ловцом людей». Пробудился отрок, но вокруг никого не увидел и сильно дивился. С тех пор стал отрок Елевферий размышлять о том, что означал этот призыв. С юных лет любил он Бога и вот принял решение – оставить родителей, отказаться от жизни в миру, постричься в монахи, чтобы служить одному Богу. Пришел в Богоявленский монастырь в Москве и принял там постриг. И дали ему при пострижении имя Алексий. Игуменом был тогда святой Стефан[118], брат великого чудотворца Сергия Радонежского. Он сам постриг во иноки Елевферия-Алексия, а тому было тогда девятнадцать лет. Двадцать лет провел святой Алексий в посте и трудах, усердно молился и совершал монашеские подвиги. Многие дивились его усердию и ревности. Он снискал всеобщее уважение и почитание своей богоугодной жизнью. Великий князь Симеон Иванович и митрополит Феогност его любили и почитали. И был он поставлен епископом города Владимира.

После смерти митрополита Феогноста по соборному постановлению избран был митрополитом епископ Алексий. Это было при великом князе Иоанне Иоанновиче[119]. И послан был святой Алексий в Константинополь к патриарху Филофею для поставления в митрополиты. И поставил патриарх Филофей Алексия митрополитом Киевским.и всея Руси. Вернувшись из Царьграда, принял святитель Алексий правление Русской Церковью, и усугубил свои иноческие подвиги, и был

светильником для всех, и всем был примером – словом, и делом, и жизнью, и верой, и духом, и любовию.

Слава о святителе Алексии широко распространилась, и даже язычники, не знающие Христа, почитали его как чудотворца. Татарский хан Джанибек, слыша, что Бог творит чудеса по молитвам святого Алексия, обратился с просьбой к великому князю Московскому прислать ему человека Божия, чтобы он помолился о царице Тайдуле, три года назад ослепшей. В противном случае грозил Джанибек войной и разорением. Святый Алексий исполнился скорби, ибо не думал он, что ему по силам такое дело. Но по просьбе великого князя он все-таки поехал к хану Джанибеку. Перед отъездом совершил молебен в Успенском соборе со всем духовенством. Во время молебствования свеча у гроба святого чудотворца Петра зажглась сама собой, и все видели это чудо. И было это добрым знамением святому Алексию – что Господь благоволит ему и благословляет его на путь.

Взял с собой святитель Алексий немного воска от той свечи, изготовил малую свечку. И отправился в путь со всем клиром, уповая на милость Божью. Еще до прибытия блаженного Алексия в ханскую столицу царица Тайдула видела сон – увидела она святителя Алексия в архиерейском облачении в сопровождении иереев. И повелела царица приготовить для святого Алексия и священников драгоценные облачения. Вышел хан Джанибек навстречу святителю, встретил его с великой честью. И начал святитель Алексий молебствование, зажегши малую свечку свою от гроба святого Петра, а после продолжительных молитв окропил освященной водой царицу Тайдулу, и она тотчас прозрела. Все дивились славному и дивному чуду и восхваляли Бога. Хан Джанибек с великой честью и щедрыми дарами проводил святителя Алексия и его спутников на родину.

Через некоторое время снова пришлось митрополиту Алексию идти в Орду. После смерти Джанибека власть захватил его сын Бердибек, жестокий и кровожадный. Он убил двенадцать братьев, чтобы захватить власть, и готовился идти на Русь. И тогда, по просьбе великого князя Московского,

отправился в Орду митрополит Алексий и кроткой и мудрой беседой укротил ханскую ярость.

Вскоре скончался великий князь Иван Иванович, и унаследовал власть его девятилетний сын Дмитрий Иванович[120]. Все заботы о малолетнем князе взял на себя святитель Алексий. В то время великое княжение перешло к суздальскому князю Дмитрию Константиновичу, который сумел выпросить себе в Орде ярлык на великое княжение. Митрополит Алексий, несмотря на желание великого князя Дмитрия Константиновича, не стал жить во Владимире, а остался в Москве при молодом князе Дмитрии Ивановиче. В Орде в это время была великая междоусобица, ханы убивали друг друга, борясь за власть. В 1362 году ярлык на великое княжение получил снова московский князь Дмитрий Иванович, молитвами и трудами святителя Алексия. Мудрость его, дипломатический талант и неустанная молитва много способствовали процветанию Московского княжества. Он был истинной опорой молодому князю Дмитрию Ивановичу.

Труды и заботы о благе Отечества, помощь князю в управлении государством – все это не заслонило от внимания святителя главного его дела – окормления Церкви Российской[121]. Многое попечение имел он о жизни иноческой, о строительстве монастырей и храмов. Построил на берегу реки Яузы храм во имя Нерукотворенного образа Христова, а при храме устроил монастырь с общежительным уставом и вручил игуменство в нем преподобному Андронику, ученику святого Сергия Радонежского. А другой монастырь – в честь чуда святителя святого архистратига Михаила в Хонех[122] – построил он в Москве; в Чудовом монастыре завещал святитель Алексий положить свое тело. И другие церкви и монастыри построил святитель, и много дел славных совершил он во славу Божию, и был добрым пастырем духовных своих овец до самой кончины своей.

Святитель Алексий отошел ко Господу 12 февраля 1378 года. Время своей кончины он предвидел; совершив Божественную литургию и причастившись Святых Тайн, мирно простился с людьми и предал Господу свою душу. Тело его с

великой честью было погребено в созданном им храме архистратига Михаила. Всех лет жизни его было 85, а на святительском престоле пребывал он 24 года.

Спустя много лет обретены были нетленными его святые мощи. Даже ризы на нем были совершенно целы. Мощи были перенесены в церковь, построенную в честь великого угодника Божия[123]. От них источаются многие исцеления и подается помощь всем, с верою припадающим к ним, по великому милосердию Божию.

Житие преподобного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, нового чудотворца [124]

Преподобный и богоносный отец наш Сергий родился в городе Ростове, от благоверных родителей Кирилла и Марии. Избрал же его Бог на Свое служение еще от утробы матери. Ибо она пошла, будучи беременной, как обычно, в церковь на святую литургию, и когда начали читать Святое Евангелие, вскричал младенец во чреве, и все стоящие около нее услышали крик. Также и во время Херувимской песни вторично он вскричал. А когда священник возгласил: «Святая Святым»[125], – в третий раз голос младенца послышался из утробы матери. И все уразумели, что будет он великим светильником миру и явится служителем Святой Троицы. Точно так же как святой Иоанн Предтеча радостно взыграл во чреве перед Матерью Господа[126], так этот младенец взыграл перед Господом в святой Его церкви. Объята же была мать его ужасом и страхом из-за этого чуда, и все, кто слышал, весьма удивлялись. Пришли дни рождения, и родила она сына, и нарекли имя ему – Варфоломей. И родившийся ребенок не брал грудь матери в среду и пятницу и никакого иного молока в эти дни не вкушал. Это же было начало великого его воздержания и пощения, которые он позже в совершенстве показал[127].

Когда же ему исполнилось семь лет, отдан был в учение, но плохо учился, отличаясь плохой памятью. И хотя прилежно обучали его учителя, он мало успевал. Это же происходило по смотрению Божию, чтобы потом от Духа Божия, а не от людей, дано было отроку разумение книжное. Возлюбив от юности безмолвие, как-то бродил он в дубраве в безлюдных местах. Увидел же некоего инока, или, точнее, ангела в образе иноческом, от Бога посланного[128]. Стоял он в дубраве и молился. Отрок приблизился к нему и, низко поклонившись, стоял, ожидая окончания молитвы. Инок же спросил: «Чего хочешь, чадо?» Отвечал же отрок: «Отец, отдали меня учиться читать, и никак не могу уразуметь ничего из того, чему учит меня

учитель мой. И из-за этого скорблю и не знаю, что мне делать. Но молю твою честную святыню, помолись ко Господу обо мне, чтобы вразумил Он меня святыми твоими молитвами». Инок же, сотворив молитву, благословил его и сказал: «Отныне, чадо, дарует тебе Бог разумение, о котором просишь, чтобы мог и других учить». С этого времени блаженный отрок, подобно плодоносной земле, напоенной дождем, приняв благословение от святого того инока, но скорее всего от ангела, изучал книжные премудрости без труда. Бог отверз ему разум, чтобы познать Писание. И рос отрок, возрастая разумом и добродетелями: любил пост и воздержание, от детских обычных игр уклонялся, прилежал же чтению Божественных книг, учась той премудрости, начало которой страх Господень[129]. И так, от силы в силу возрастая, вырос мужем совершенным.

Родители его переселились из прежденареченного города Ростова в место, называемое Радонеж, не то чтобы место это было славно или знаменито, но так Бог благоизволил – да прославит угодника Своего на этом месте, о нем же расскажу вам. Переселились туда родители блаженного[130], а вскоре переселились и от жизни этой в места светлые и прохладные, оставив все наследство свое наследнику Варфоломею[131]. Он же, смерть родителей своих видя, размышлял, так говоря: «И я человек смертный, и всякий умрет, как умерли родители мои». Так благоразумный отрок, рассудив о краткой нашей жизни, раздал оставшееся после родителей наследство, не оставив себе даже на пропитание, поскольку уповал на Бога, дающего пищу алчущим. После этого ушел в пустыню и срубил там хижину и пребывал в ней, подвизаясь и молясь Богу непрестанно. Спустя некоторое время пришел к нему некий священноинок, по имени Митрофан, и от него блаженный Варфоломей принял иноческий постриг. Исполнилось ему тогда двадцать три года, и было наречено имя ему Сергий[132].

Пробыл же тот священноинок с Сергием несколько дней, а уходя, сказал: «Чадо, я ухожу, тебя же предаю в руки Божий». И пророк: Распространит Бог на месте этом обитель заликую и преславную!» Помолившись же, ушел, а святой Сергий остался на этом месте. И трудился, плоть свою умерщвляя бдением,

постом и многоразличными трудами. Во время зимнее расседалась земля от мороза, он же только в легкой одежде переносил холода, словно бесплотный. Не потерпели же бесы таких его подвигов, пытались согнать с этого места, представая перед ним иногда в виде зверей, иногда в виде змей. Пугали святого, устремляясь на него со свирепостью. Он же молитвою, словно оружием, прогонял их и страхования ах, словно паутину, раздирал своим великодушием. Однажды ночью полк бесовский напал на него, словно некое воинство, и с великою яростью вопили: «Уходи отсюда, уходи, да не умрешь злою смертью!» И когда кричали, сильное пламя исходило из их уст. Он же, молитвою вооружившись, прогнал бесовское полчище и пребывал без боязни, поя и славя Бога. Слава о нем начала распространяться повсюду, и стекались к нему ради спасения люди из окрестных городов. Иные хотели жить рядом с ним, чтобы наставлял их на путь спасения. Он же любезно принимал приходящих к нему. И выстроил сначала небольшую церковь, которая повелением архиерея Феогноста была освящена во имя Святой Троицы. Также и монастырь честной воздвиг, который и доныне стоит благодатию Христовой. Будучи умоляем братиею, принял он священство от епископа Афанасия и хорошо пас вверенное ему словесное стадо, наставляя его на пажитях духовных, волков же мысленных молитвою прогоняя.

Прошло немного времени, и восстал диавол, не терпя тех обид, которые приходилось ему переносить от святого. Превратившись в змею, вполз в келью его, и наполнилась келия змеями. Святой же быстро встал на молитву, и все бесы с мечтаниями своими исчезли, словно дым[133]. С того времени даровал ему Бог власть над нечистыми духами, а они не дерзали даже приблизиться к нему. Распространялась же слава о нем повсюду, и многие со всех сторон приходили к нему. Пришел же архимандрит Симон из Смоленска и принес многие богатства и отдал их в руки святого, чтобы воздвигнуть большую церковь, сам же себя отдал в полное подчинение святому. И с помощью Божией преподобный Сергий вскоре на те деньги большую церковь построил и монастырь расширил. И жили они, словно ангелы на небе, с братиями, днем и ночью прославляя

Бога. Случилось же как-то в монастыре оскудение запасов пищи, и пребывали братья в скорби великой, не вкушая ничего в течение трех дней. Устав же преподобного гласил: да не исходят иноки из монастыря, чтобы просить у мирян хлеба, но возлагают надежду на Бога, питающего всякое дыхание, и у Него с верою просят все необходимое. Но тогда еще не был введен общежительный устав[134] в монастыре.

Братья же, страдая от голода, начали роптать на святого, говоря: «Доколе будешь возбранять нам ходить в мир и просить подаяние? Потерпим еще эту ночь, а завтра уйдем отсюда, чтобы не умереть нам с голода». Святой же утешал их, рассказывая о жизни святых отцов. О том, как они многие скорби, голод, и жажду, и наготу ради Господа претерпевали. А напомнил им слова Христа: «Посмотрите на птиц небесных, которые не сеют, не жнут, ни в житницы не собирают, но Отец Небесный питает их. Если же Он птиц питает, неужели нас не может прокормить? и Необходимо потерпеть, а мы нетерпеливы. Не хотим претерпеть небольшого искушения, приключившегося с нами. Если бы с благодарностью приняли его, то великую пользу принесло оно вам. Ведь золото обязательно огнем испытывается».[135] И добавил: «Сегодня ненадолго претерпели оскудение, завтра же настанет преизобилование всех благ». И сбылось то, что он предрек, – наутро в монастырь принесли множество свежеиспеченных хлебов, и много рыбы, и множество других приготовленных блюд от какого-то незнакомого человека. Сказали же принесшие все это: «Это христолюбец прислал авве Сергию и живущим с ним братиям». Умоляли же братья принесших, чтобы вкусили с ними пищи. Они же не захотели, сказав, что велено им поскорее возвратиться, и поспешно покинули обитель. Братия же, видя множество принесенной пищи, уразумели, что это – знак посещения Божьего, и сотворили молитву, благодаря Бога. Хватило же братии пищи той на много дней, и говорил им преподобный: «Смотрите, братья, и удивляйтесь, как подает Бог тем, кто терпит. Он не забудет убогих Своих до конца[136], и никогда не презрит этого святого места и живущих в нем рабов Своих, служащих Ему день и ночь».

Воспомянуть подобает еще и это – как преподобный отец наш Сергий в самом начале своей жизни в пустыне выбрал место безводное и, чтобы потрудиться, издалека носил воду, утруждая тело. Когда же, по изволению Божию, умножилось число братии и возник монастырь, обнаружилась великая надобность в воде, которую с большим трудом приходилось носить издалека. И из-за этого роптали некоторые братья на святого, говоря: «Зачем, не подумав, выбрал это место? Зачем здесь, а не близ воды, устроил обитель?» Святой же отвечал: «Я, братья, один хотел на этом месте безмолвствовать, а поскольку благоизволил Бог такой обители возникнуть, то Он силен и воду неоскудно нам подать. Только не изнемогайте, но молитесь с верою. Если Он людям непокорным источил воду из камня в пустыне[137], то конечно же вас, трудящихся ради Него, не презрит». После этого, тайно взяв одного брата, пошел в чащу, что близ монастыря – не было же никогда в этой чаще ручья – как свидетельствовали старые люди. Святой же, найдя во рву немного дождевой воды, приклонил колени и помолился прилежно Богу. И внезапно великий источник пробился, который и доныне всем известен. И черпают из него воду на всякую монастырскую потребу. Многие же исцеления случаются от этой воды с теми, кто с верою ее почерпывает.

Творил же преподобный отец наш Сергий и иные различные чудеса: такую принял от Бога силу чудотворения, что даже мертвого воскресил. У некоего человека, преданного обители, был сын единородный, одержимый болезнью. И он принес его к преподобному, чтобы тот его исцелил. Отрок же по пути умер, и рыдал безутешно отец над ним. Преподобный же Сергий, видя рыдания этого человека, умилосердствовался и помолился и, воскресив отрока, отдал его живого отцу. И возвратился человек с радостию в дом свой с живым и здоровым сыном. Приходили же к нему одержимые духом нечистым, но, еще не доходя до святого, бывали изгоняемы из них нечистые духи. И прокаженные очищались и слепые прозревали. И прямо скажу: все, кто различными недугами одержимы бывали и с верою к святому приходили, не только телесное здоровье, но и пользу душевную обретали. И с двойным исцелением[138] в дома свои

возвращались. И все почитали и славили преподобного Сергия. И многие, желая увидеть честное лицо его и желая насладиться сладкой беседою его, из различных городов и стран стекались к нему. И многие иноки оставляли монастыри свои и к нему приходили, желая жить вместе с ним и получать наставления от него. Князья же и бояре и простые люди с усердием стремились к блаженному отцу: все его весьма почитали, словно одного из древних отцов или как одного из пророков.

Некий же поселянин, земледелец из дальней стороны, услышав о святом Сергии, пожелал увидеть его. И пришел в обитель преподобного и расспрашивал, как увидеть его. Случилось же тогда преподобному копать землю на огороде.Сказали об этом поселянину. Пошел поселянин к огороду и, увидев святого в худой одежде, разодранной и много раз заплатанной, копающего землю, решил, что пославшие решили над ним посмеяться. Он надеялся увидеть святого в великой славе. И, возвратившись в монастырь, снова начал расспрашивать: «Где святой Сергий? Покажите мне его, ведь я издалека пришел, чтобы повидать его». Они же отвечали: «Воистину тот самый, кого ты хотел увидеть». Вскоре подошел святой, но увидел его поселянин и возгнушался, отвернулся и не хотел даже взглянуть на блаженного. Сам же в себе поносил его: «Сколько трудов предпринял я впустую! Пришел, чтобы увидеть великого пророка, о котором столько слышал. Надеялся увидеть его в великой чести и славе, и вот вижу какого-то нищего и нечестного старца».

Святой же, уразумев эти помышления, стал благодарить его, ибо как гордый о похвалах и почитании, так смиренномудрый о бесчестии и уничижении своем радуется. И, пригласив поселянина с собою, поставил перед ним еду и стал угощать его. И сказал ему: «Не скорби, а того, кого хочешь, вскоре увидишь». Только он эти слова произнес, как примчался вестник, возвещая о прибытии в монастырь великого князя. И встав, святой отправился навстречу князю, который приехал со множеством своих слуг. Увидев же святого, князь поспешил к нему и, поклонившись до земли, попросил благословения у преподобного. Он же благословил его и ввел в обитель с

подобающей честью. И сев, оба, и князь и старец, беседовали, остальные же все стояли. А этот поселянин слугами был отогнан подальше, и старца, которым гнушался, старался издалека, приникнув, увидеть и не мог. Спросил же шепотом одного из предстоящих: «Господин, кто этот старец, который сидит с князем?» И ответил ему тот: «Святой Сергий».

Начал же поселянин поносить и укорять сам себя: «Как это я ослеп и не поверил тем, кто указывал мне отца святого? Как не воздал ему достойных почестей? Заслуженно называют нас поселянами и невеждами! Как явлюсь теперь стыдом одержимый перед лицом святого?» Когда же покинул князь обитель, поселянин прибежал к преподобному и, стыдясь взглянуть на него, припал к ногам, прося прощения, поскольку от неразумия согрешил. Святой же любезно утешал его, говоря: «Не скорби, чадо, только ты один истинно познал меня, не найдя ничего особенного. Прочие же все соблазнились, называя меня великим». Из этого случая явно, насколько смиренным был преподобный отец Сергий, поскольку гнушающегося им земледельца больше возлюбил, нежели ту честь, которая оказана была ему князем.

Как-то блаженный, по обычаю, глубоким вечером стоял на молитве и прилежно о учениках своих Богу молился и вдруг услышал голос: «Сергий!» Он же удивился тому, что кто-то ночью зовет его. Прочел молитву и отворил оконце келий, надеясь увидеть того, кто позвал его. И увидел свет великий, сияющий с небес, так что ночь стала ярче светлого дня. Услышал же он голос вторично, зовущий: «Сергий! Ты молишься о чадах твоих – услышано моление твое! Посмотри же, сколько иноков во имя Святой Троицы собирается в твою обитель». Святой же посмотрел и увидел множество прекрасных птиц, не только в монастыре, но и вокруг монастыря сидящих и поющих песни ангельские, несказанной сладости. И вновь услышал голос: «Так же, как ты видишь этих птиц, так умножится число учеников твоих, и после твоей смерти обитель не оскудеет. И так чудесно и различно будут они украшены добродетелями, во всем желая следовать тебе». Святой же удивлялся чудесному тому видению. Желая же иметь общника и свидетеля этого

видения, позвал прежде упомянутого Симона, а тот находился неподалеку. Симон же, удивившись необычному призыву старца, быстро прибежал к нему, но не сподобился всего видеть. Только часть того небесного света узрел. Рассказал же ему святой все, что видел и слышал, и радовались, вместе прославляя Бога.

Как-то пришли греки из Константинополя, присланные ко святому от святейшего патриарха Филофея[139]. Принесли от патриарха благословение и дары: крест, параман, и схиму, и послание[140]. В нем же было начертано: «Милостию Божией архиепископ Константина града, вселенский патриарх Кир-Филофей, о Святом Духе сыну и сослужебнику нашего смирения Сергию. Благодать, мир и наше благословение да будет с вами. Слышали о весьма добродетельном житии вашем в Боге, и похвалы вознесли и прославили Бога. Однако вершина еще не достигнута – поскольку нет у вас общежития. Но знаешь, преподобный, что и сам Бого-отец, пророк Давид, который все познал, ничего так не хвалил: «То, что добро, то, что прекрасно, так это жить братиям вместе»[141]. Поэтому и мы совет благой даем вам, чтобы вы ввели общежитие, и милость Бога и наше благословение да будет с вами».

Это патриаршее послание преподобный принял и отправился к преосвященному всея России блаженному митрополиту Алексию и, показав ему послание, спросил: «Как ты повелеваешь, святой владыко?» Митрополит же отвечал старцу: «Ты, преподобный, стольких благ сподобился, ибо прославляет Бог прославляющих Его[142], что даже до дальних стран достиг слух о тебе и о житии твоем. Поскольку так великий вселенский патриарх советует тебе, то и мы советуем это же и хвалим». И с этого времени преподобный Сергий ввел общежительный устав в своей обители, повелев твердо соблюдать его. Ничего для себя не собирать, не называть ничего своим, но все иметь только общее, по заповедям святых отцов. После установления общежительного устава, захотел он убежать от славы человеческой и в незнакомых поселиться местах, чтобы безмолвно наедине трудиться для Бога. И однажды, никому ничего не сказав, ушел тайно из своей обители

и направился в пустыню[143]. Пройдя же около сорока поприщ, нашел благоугодное место близ реки Киржач и там поселился. Братия же, увидев себя оставленной, пребывали в великой скорби и смущении, словно овцы без пастыря, и прилежно искали его повсюду.

По прошествии же некоторого времени разведали, где он живет, и пришли к нему. И умоляли святого со слезами, чтобы возвратился в обитель, но он не захотел, возлюбив безмолвие и уединение. Из-за этого многие его ученики оставили лавру и с ним в пустыни той поселились. И вскоре монастырь и церковь во имя Пресвятой Богородицы воздвигли[144]. Но братия великой лавры не мыслила жизни без отца и умоляли его, чтобы он возвратился к ним. А когда он отказался, пошли к преосвященному митрополиту Алексию, чтобы он послал к преподобному и повелел ему возвратиться. Блаженный же Алексий послал к нему двух архимандритов, моля его, чтобы он послушался и утешил братию возвращением своим, чтобы отяготившись без него, не разошлись и чтобы не опустело место святое. Преподобный же Сергий не мог ослушаться и возвратился в лавру на прежнее место. И утешилась братия.

Епископ Пермский, святой Стефан, великую любовь испытывал к преподобному. Как-то шел он из своей епископии в Москву по дороге, которая отстоит от Сергиева монастыря на пять поприщ или чуть больше. Поскольку он спешил попасть в город, то решил не заходить в обитель святого, но зайти к нему на обратном пути. Находясь же напротив монастыря, встал на колени и прочел молитвы: «Достойно есть» и обычную молитву. Поклонился преподобному Сергию и сказал: «Мир тебе, духовный брат». В этот момент преподобный Сергий находился на общей трапезе. Уразумев духом поклонение епископа, тотчас же встал из-за стола и, немного постояв и молитву сотворив, поклонился также епископу, вдалеке от обители отстоявшему, и сказал: «Радуйся и ты, пастырь Христова стада, и мир Божий да пребывает с тобою». Братья же чрезвычайно удивились и решили некоторые, что преподобный увидел видение. По окончании же трапезы спросили его, а он рассказал им: «В тот час епископ Стефан, идущий ко граду Москве, встал напротив

нашего монастыря и поклонился Святой Троице и нас грешных благословил». Позже некоторым из его учеников стало известно, что именно так и было. И дивились дару прозорливости их отца, данному ему от Бога.

Процветала же обитель преподобного весьма добродетельными мужами, и многие из них из-за своих великих добродетелей были взяты в другие монастыри на игуменство, а иные даже на святительские престолы возведены. Все же они преуспели в добродетелях благодаря наставлениям и руководству совершенного учителя и искусного исполнителя заповедей Господних преподобного Сергия, который явился образцом для своего стада, равноангельское проходя житие. Еще живя во плоти, сподобился общению с бесплотными духами, ибо когда служил он Божественную литургию, ангел Господень сослужил ему, как свидетельствуют о том его ученики, Исаакий молчальник и Макарий, достоверные и в добродетелях совершенные мужи. Ибо они видели ангела Божия с преподобным Сергием в алтаре служащего, сияющего подобно солнцу, и ужасались, видя неизреченное величие его.

Блаженный митрополит Алексий, изнемогая от старости, видя приближающийся конец, призвал к себе преподобного Сергия и, взяв крест своей архиерейский, который на груди носил, золотом и каменьями драгоценными украшенный, подал преподобному. Он же, со смирением поклонившись, сказал: «Прости меня, владыко, ибо от юности не был златоносцем, в старости же еще более хочу в нищете пребывать». Архиерей же сказал: «Знаю, возлюбленный, что это так, но сотвори послушание и приими от нас подаваемое тебе благословение». И так своими руками крест на святого, словно некое обручение, возложил. И сказал: «Да будет известно тебе, блаженный, ради чего призвал тебя и что хочу устроить. Управлял я Богом врученной мне Российской митрополиею, как Он хотел, а ныне вижу себя приближающимся к концу. Так как не знаю дня смерти моей, то желаю еще при жизни моей обрести мужа, который мог бы после смерти моей пасти стадо Христово. Не нахожу же никого, кроме тебя одного. Знаю же, что и великодержавные князья, и все люди мирские и духовные, все, до последнего,

любят тебя и никого, кроме тебя, на митрополичий престол не потребуют поставить, поскольку ты достоин его. Сегодня же, преподобный приими сан епископский, а после моей кончины и престол приимешь». Преподобный же, услышав эти слова, весьма оскорбился, поскольку считал себя недостойным такого сана. Но архиерею отвечал: «Прости меня, владыко, ибо выше моих сил хочешь возложить на меня бремя. Но этого не случится никогда. Кто я такой, грешный и худейший среди людей? Разве дерзну такого сана коснуться?» Блаженный же Алексий многократно убеждал святого, приводя примеры из Божественных Писаний, стараясь преклонить его волю, но любитель смирения не преклонился. Наконец отвечал: «Владыко святой, если не хочешь изгнать худость мою из этих пределов и от слуха твоего, никогда больше не говори мне об этом и не разрешай никому, да не постыдят меня такими словами, поскольку никто никогда не сможет обрести во мне на это изволения». Архиерей же, видя непреклонность святого, перестал говорить ему об этом, боясь, что устыдит преподобного, да не уйдет он в дальние страны и пустыни и да не лишится Москва такого светильника. Утешив же словами духовными, отпустил его с миром в монастырь.

Спустя некоторое время отошел от жизни святой митрополит Алексий, и снова блаженный Сергий был принуждаем с мольбою великодержавными князьями и всеми людьми воспринять престол митрополии Российской. Святой же, словно твердый адамант, пребывал непреклонным. Взошел же на престол некий архимандрит, именем Михаил[145], и дерзнул прежде посвящения облечься в одежду святительскую и белый клобук[146] возложить на себя. Начал же на святого Сергия и на обитель его вооружаться, возомнил, что Сергий хочет пресечь его дерзновение, ища себе митрополии. Блаженный же, услышав похвальбу Михаила, сказал ученикам своим: «Михаил похваляется относительно обители нашей и нашей худости, но не получит желаемого, поскольку гордостью побежден, и не увидит города царского». И сбылось пророчество святого: когда плыл на корабле Михаил к Царюграду, впал в недуг телесный и скончался, а на престол был возведен Киприан.

В тот год попущением Божиим за грехи наши случилось нашествие нечестивого царя татарского Мамая на Российскую землю. И поэтому великого князя Димитрия, скорбящего, святой Сергий молитвою вооружил и о победе пророчествовал, сказав: «Иди против варваров, великое отвергши сомнение, и Бог поможет тебе. Врагов победишь и здоровым в свое отечество возвратишься». Великий же князь, на помощь Божию и на молитвы святого надеясь, пошел и, вступив в битву с татарами, победил их. Так что Мамай с малою дружиной едва убежал. Преподобный же, будучи прозорлив, видел то, что совершалось вдали. И, стоя с братиею на молитве в обители своей в то время, когда битва разразилась между христианами и татарами, возвестил, что в этот самый момент великий князь Дмитрий татар победил и тех христиан, которые во время битвы убиты были, по имени называл и приношение о них Богу приносил: все ему Богом открыто было. Князь же с торжеством с поля боя возвратившись, пришел в обитель к преподобному и благодарил святого, ибо он помог ему своими прилежными молитвами к Богу.

Стоял однажды блаженный отец ночью во время обычного своего правила перед иконою Пречистой Богоматери и, часто на икону взирая, говорил: «Пречистая Мать Христа моего, заступница и крепкая помощница рода человеческого, будь за нас недостойных ходатаицей, всегда моля Сына Своего и Бога нашего, да призрит Он на место святое, которое заложено в похвалу и честь Святого Имени Его во веки. Тебе, Мать Сладчайшего Христа, молитвеннице к Нему, как многое дерзновение стяжавшей, отдаем себя, рабы Твои, Ты всем нам спасение, упование и пристанище». Так молился и благодарственный канон, то есть акафист[147], Пречистой отпев, присел, чтобы немного отдохнуть. Ученику же своему Михею сказал: «Чадо, трезвись и бодрствуй, поскольку чудное и ужасное посещение в этот час должно произойти». Только святой промолвил это, как внезапно раздался голос: «Се Пречистая грядет!» Святой же, услышав голос, быстро вышел из келий в сени, и вот свет великий, ярче солнечного, осиял святого, и увидели они Пречистую с двумя апостолами, Петром

и Иоанном, блистающих неизреченною светлостью. И увидев их, святой упал ниц, не в силах видеть зари этой нестерпимой. Пречистая же Своими руками коснулась святого, сказав: «Не ужасайся, избранник Мой, Я пришла посетить тебя. Услышана молитва твоя об учениках твоих, о которых ты молился, и об обители твоей. Не скорби, ибо отныне она всем будет изобиловать. Не только при жизни твоей, но и по смерти твоей неотступно буду заботиться об обители, все необходимое подавая ей неоскудно и сохраняя ее и покрывая». Сказав это, стала невидимой.

Святой же, словно в исступлении, был страхом великим и трепетом охвачен. И через некоторое время придя в чувство, нашел ученика своего лежащим от страха, словно мертвого, и поднял его. Он же, упав в ноги старцу, спросил: «Скажи мне, отче, ради Господа, что означает это чудесное видение? Поскольку дух мой едва не разлучился с плотью из-за этого блистающего видения». Святой же, радуясь душою, так что просияло лицо его от неизглаголанной той радости, не мог ничего другого сказать: «Потерпи, чадо, поскольку дух мой во мне трепещет от чудного видения». И стоял молча и дивился. Через некоторое же время сказал ученику своему: «Чадо, позови Исаакия и Симона». И когда они пришли, рассказал им по порядку, как видел Пречистую Богородицу с апостолами и что Она сказала ему. Услышав же это, исполнились они радости и веселия, и все вместе отпели молебен Богородице. Святой же всю ночь пребывал без сна, размышляя над милостивым посещением Пречистой Владычицы.

Служил как-то преподобный Божественную литургию, а ученик его Симон, о нем же мы прежде упоминали, совершенный в житии, был экклесиархом[148]. И видел он огонь, ходящий по жертвеннику[149], и окружающий алтарь и служащего Сергия. И стоял святой, объятый огнем с головы до ног. Когда же наступило время причащения, огонь этот Божественный свился, словно плащаница[150], и вошел в святую чашу и им причастился достойный служитель, святой Сергий.

Всю свою долгую жизнь прожил преподобный в великом воздержании и трудах и много чудес сотворил и к глубокой

старости подошел: исполнилось ему семьдесят восемь лет. Предуведав за полгода свое преставление к Богу, призвал братию и вручил старейшинство своему ученику Никону, который был еще довольно молод, но ум его сединою процвел, и всем своим житием подражал он учителю и наставнику своему Сергию. Этого Никона Сергий игуменом поставил, а сам начал безмолвствовать, в сентябре же впал в недуг телесный и, уразумев, что настало время окончательного к Богу отшествия, призвал и поучил братию. Благословение и прощение всем подал, а в самый час исхода причастился Святых Тайн. Так святую свою душу предал он в руки Божий. Было же лицо его светлым, не как у мертвеца, а как у спящего человека, а это известное знамение его душевной светлости и мздовоздаяния от Бога[151]. И положено честное тело его в обители, в которой он добро подвизался. После прошествия тридцати лет были обретены мощи его целыми и нетленными, и к одеждам его не прикоснулось тление: благоухание же неизреченное исходило и многие исцеления болящим подавались. Но и доныне от честного его ковчега, словно от источника, истекают исцеления всем с верою притекающим. Как при жизни, так и после преставления, великий этот чудотворец великие и неисчетные творит чудеса во славу Христа нашего Бога, ему же честь и благодарение вовеки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Кирилла, игумена обители Пречистой Богородицы, которая на Белом озере [152]

Преподобный отец наш Кирилл был рожден и воспитан в преименитом городе Москве, в семье благородной и благочестивой, наречен же во святом крещении Косьмою. С юных лет отдан был изучению книг святых. Отрок отличался остротою ума, вскоре изучил Божественное Писание и, прилежа чтению книжному, возрастал в деле спасения. Рос в воздержании и чистоте, преуспевая в делах Божиих. Не достиг он и совершенного возраста, как родители от временной этой жизни отошли. Умирая же, вручили отрока Косьму, сына своего, сроднику Тимофею. А он был одним из вельмож великого князя Димитрия[153], управлял округом. Блаженный же отрок в сердце своем Божественное хранил желание, желая в иноческий чин облечься. Испытывал же места, и образы, и жилища иноческие, где бы можно было удобно спасаться, но никто не осмеливался постричь его, боясь вельможи Тимофея. В миру Косьма жил подобно иноку: всегда посещал церковь, соблюдал чистоту и целомудрие, умерщвлял плоть постом и воздержанием и во всяких добродетелях упражнялся. Все это наблюдая, радовался Тимофей и весьма любил его.

Когда же достиг Косьма возмужания, доверил ему Тимофей управление домом своим, как человеку верному, как сроднику, боящемуся Бога. Но Косьма в сердце своем думал лишь о том, как бы ему стать иноком: Божественною любовью, словно огнем, изнутри распаляем. Тайну же эту никому не раскрывал, чтобы, уведав ее, не стал господин его Тимофей чинить преград на избранном пути. Печалился часто Косьма блаженный, наблюдая, как обременен мирскими делами. И не знал, как их избежать. И молился о том прилежно Богу, дабы каким-либо образом избавил его от житейской суеты и к иноческому привел безмолвию. Господь, благоприятствуя намерению его, устроил так, что пришел в Москву игумен Махрищского монастыря, блаженный Стефан[154], человек добродетельный и совершенный,

которого все знали и почитали ради богоугодной его жизни. Узнав о его прибытии, Косьма с радостью устремился к нему: от многих людей слыша о нем, жаждал увидеть его. И припав к честным ногам его, проливая слезы, рассказал о желании своем и умолял его, да возложит иноческий образ на него. «Тебя, – говорил, – освященная глава, давно хотел повидать, ныне же сподобил меня Бог видеть честную твою святыню. Молю же тебя, ради Бога, не отринь меня грешного, как и Христос не отринул мытаря и блудного сына».

Преподобный же Стефан, видя его слезы и доброе желание, понял, какой это будет сосуд Святого Духа, и начал размышлять, как бы сотворить из него инока, поскольку знал, что вельможа Тимофей ни за что не захочет отпустить его в иночество. «Если расскажем ему, то не допустит этому совершиться: если начнем молить его, не послушает нас». Тогда придумал – просто возложил на Косьму одежды иноческие, без пострижения и подобающих обетов и молитв, и нарек имя ему Кирилл. И, оставив его в доме, где сам остановился, пошел к вельможе Тимофею. И когда возвестили тому о приходе игумена Стефана, тот обрадовался, поскольку весьма почитал его, и, встав, поклонился ему и принял благословение. Преподобный же, благословение подав, сказал: «Богомолец ваш Кирилл благословляет вас». Тимофей же спросил: «Какой Кирилл?» Отвечал игумен: «Косьма, бывший слуга ваш, ныне изводилось быть ему во иночестве и Господу поработать, а о вас Бога молить». Тимофей же, когда услышал это, великого гнева и скорби исполнился и начал яростно нелепыми словами игумену Стефану досаждать. Преподобный же сказал: «Повелено Христом Спасителем, – если где примут вас и послушают, там пребывайте. А если не примут вас, если не послушают вас – уходя оттуда, отрясите прах, который на ногах ваших во свидетельство»[155]. Так сказал Стефан преподобный, уходя от него.

Жена же Тимофея, Ирина, была благочестива и боялась Бога. Услышав же слова Стефана, но более слова Христа, устрашилась сердцем, и начала увещевать мужа своего, укоряя, что он преподобного оскорбил. «Страшно, – говорила она, – да

не найдет внезапно гнев Божий на дом наш за бесчестие угодника Божьего. Слышал ты слова Христа, произнесенные им, слова страшные и ужасные? А что за ними следует? Вспомни написанное в Евангелии – отраднее будет Содому и Гоморре в день судный». Муж же ее Тимофей, раскаиваясь во грехе своем, вскоре послал ко святому Стефану, умоляя того возвратиться к нему. Когда же возвратился святой, пал к ногам его Тимофей, прощения прося и примиряясь с преподобным. И в тот момент вельможа под влиянием Бога умилился сердцем, уступил просьбе преподобного, разрешил Косьме, нареченному Кириллом, жить по своей воле. Кирилл же, все, что имел, раздал убогим, ничего себе не оставив. Блаженного же Стефана молил, чтобы сотворил над ним иноческий чин пострижения.

Преподобный же игумен Стефан, усмотряя в том пользу для новоначального, привел его в Симонов монастырь[156] и отдал для пострижения архимандриту Феодору, который был сродником великому среди отцов Сергию и учеником его был. Феодор же тот был муж добродетельный и рассудительный в делах духовных, искусен и начитан, добрый наставник ищущих Бога. Постриг он Косьму окончательно и нарек его Кириллом, как и преднарек его преподобный Стефан. Жил же тогда в Симоновом монастыре некий инок, именем Михаил, который позже стал епископом города Смоленска. Дивное житие в Боге он проходил: в молитвах, постах и бдениях и во всяком воздержаний. Ему и вручил архимандрит Феодор новоначального инока Кирилла, чтобы наставил он его на путь, ведущий в Царство Небесное. Кирилл же, видя постнические подвиги своего старца, стал подражать доброму его житию, с усердием повинуясь ему. Старался же делать все, что видел, – вменяя себе пост, словно насыщение; труды, словно покой, а наготу в зимнее время, словно тепло; спал же совсем немного. Так томил плоть свою, подчиняя ее духу. Ничего же не дерзал делать без благословения и повеления старца, но умолял его: да повелит ему больше иных братии поститься – через два, а то и через три дня есть. Старец же не разрешил, но повелел с братьями хлеб есть, но только не до сытости. Когда же старец

ночью Псалтырь читал, повелел ученику поклоны класть. И так проводили ночь до самого клепания[157] на заутреню.

Бывало, что в келий на всенощном стоянии, Кириллу блаженному многообразные страшилища и привидения бесовские являлись, а чаще всего, когда случалось старцу вне келий находиться, но он Иисусовою молитвою и крестным знамением, словно грозным оружием, невидимых врагов прогонял. Рассказывал же о том святому старцу своему, а тот, укрепляя его, велел не бояться бесовских страшилищ, как несуществующих. Пребывал же у великого того подвижника немалое время в истинном повиновении, не имея своей воли. Повелением же архимандрита ходил на общее послушание[158] трудиться в хлебню. Там же начал более воздерживаться, труды к трудам прилагая со смирением, сам же более иных трудился, творя надлежащие дела. Всенощных же молитв, которым у старца обучился, не оставлял, многие ночи без сна проводя. На утреннее же пение соборное в церковь раньше всех приходил, а после службы позже всех уходил. Пищи же принимал ровно столько, чтобы от голода не изнемочь телу и не упасть на землю. Иногда же ел, чтобы братия не узнала о его воздержании. Питием же ему служила только вода, и то пил лишь тогда, когда жаждал. Таким был он по отношению к своей плоти немилостивым томителем. И все дивились этому. Он же любим был всеми: какой только в нем не было добродетели – безропотное послушание, молчаливая кротость, глубокое смирение, любовь же ко всем нелицемерная.

В те времена преподобный отец наш Сергий Радонежский, чудотворец среди живых, приходил иногда в Симонов монастырь, посещая архимандрита Феодора, сродника своего, и прочих братии. И сначала шел в хлебню к блаженному Кириллу и наедине в течение многих часов беседовал с ним о пользе душевной. И видели обоих, возделывающих душевную борозду, сеющих семена добродетели, напояющих ее слезами, дабы радостная в будущем веке обреталась жатва. Когда же они подолгу беседовали, архимандрит, уведав о пришествии преподобного Сергия, с братиею приходил к нему и любовное о Христе принимал целование. Удивлялись же все они, что святой

Сергий всех оставлял, в том числе и самого архимандрита, и к одному приходил Кириллу. Известна святому жизнь святого, преподобному открыта святыня преподобного.

Пробыв же в хлебне время немалое, святой Кирилл послан был настоятелем на другую службу, в поварню, и там, как в хлебне, подвизался. Глядя же на огонь в поварне, вспоминал геенскии огонь вечного мучения и говорил сам себе: «Терпи, Кирилл, огонь этот, чтобы вечного огня избежать». И от этого многое давал ему Бог умиление: без слез[159] не мог даже хлеба вкусить, иногда же ни одного слова не мог промолвить. Такое его житие видели братья, имея среди себя не человека, но словно ангела Божия. Он же, видя, что братья его почитают и хвалят, желая утаить добродетель свою, притворился юродивым и начал глумиться и смеяться, чтобы не почитали и не хвалили его, считая, что пусть лучше бесчестят и ругают его: возлюбив бесчестие больше чести; и досаждения более похвалы – все это за любовь Христову; ради Него все остальное почитая за отбросы. Увидев юродство его, братия засомневались. Иные считали, что он в уме повредился, иные считали, что он от такой жизни развратился. Он же, под видом буйства, великую духовную в сердце его обитающую премудрость утаить пытался. Архимандрит же на него, словно бесчинного и развращенного, налагал епитимью[160]: пост и воздержание, чтобы он только хлеб и воду вкушал в течение сорока дней или даже дольше. Он же с усердием воспринял и исполнил все это: этого и добивался, чтобы свободное свое, к которому привык, пощение, под видом епитимьи совершать. Словно он не по своей воле, но по воле настоятеля пост совершает. Когда же истекли дни положенного поста, блаженный Кирилл новое сотворил юродство, чтобы большее запрещение и епитимью от настоятеля принять. И случалось порой, что повелением отца в течение шести месяцев только сухой хлеб с водою, да и то через два дня на третий, вкушал.

Такие запрещения и досаждения многие принимая, радовался он духом. Поскольку гордые о славе и чести своей радуются, а смиренномудрые – о бесчестии и уничижении своем веселятся. Прибегал же святой к притворному юродству до тех

пор, пока не разгадали его умысел, что ради смирения он все это делает. Когда же разузнал настоятель об этом, то перестал налагать на него запрещения, даже если он и юродство какое совершал. Как-то подумал преподобный Кирилл, что хорошо бы ему освободиться от службы в поварне, а находиться в келий своей безмолвно[161], чтобы от безмолвия большее умиление стяжать. Не хотел же об этом просить настоятеля, чтобы не искать своей воли, но положился на волю Пресвятой Богоматери, к Ней великую питая любовь и веру, и всю надежду свою возложил на Нее. Помолился, чтобы Она все устроила. Захотел архимандрит некую книгу переписать, знал же он, что блаженный Кирилл хорошо умеет писать. Повелел ему отложить послушание на поварне, сесть в келье и переписывать книгу. И узнал Кирилл, что Пречистая Матерь Божия услышала молитву его, и возблагодарил Ее. И принял, радуясь, келейное безмолвие. Переписывая же повеленную ему книгу не переставал совершать обычного своего правила: молился помногу и ночи проводил без сна в псалмопении и коленопреклонении.

Но по прошествии некоторого времени, рассмотрев свое пребывание в келий, понял, что не приобрел большего умиления, нежели когда работал в хлебне и в поварне. Тогда начал умолять Пречистую Богородицу, да подаст ему то умиление, которое прежде испытывал. А спустя некоторое время настоятель вновь послал его в поварню на служение братиям. Радовался этому святой Кирилл и великие подвиги совершал и большее, чем прежде, умиление стяжал. Пребывал же он в этом служении девять лет, во многих трудах и злостраданиях, днем огнем опаляем, а ночью от холода замерзал, но никогда в эти годы овчина не покрывала тело его. По истечении же этих лет архимандрит взял его из поварни и отвел к архиерею и хиротонисан[162] был, как ни сопротивлялся святой Кирилл, во священство. Служение священническое согласно череде проходил, но по-прежнему принимал участие в монастырских работах. Когда было время свободное – шел в поварню или в хлебню и трудился смиренно, подчиняясь тем,

кто был ниже его чином, по слову Господню: «Если кто из вас хочет быть большим, да будет всем раб»[163].

Вскоре архимандрит Симонова монастыря, блаженный Феодор, муж достойный почитания, Божиим изволением избран был в пречестнейший сан архиерейский на престол Ростовской архиепископии. А на его место в Симоновом монастыре возвели архимандритом преподобного Кирилла. Не послушав многократных его отказов и слез, убедили принять настоятельство. Преподобный же, приняв начальство, начал трудиться еще больше, зная Писание: «Кому дано будет много, много и взыщется от него»[164]. И еще: «Так да просветится свет ваш пред людьми: если увидят ваши добрые дела, то прославят Отца вашего, Который на небесах»[165]. Управляя же обителью, никогда не возносился мыслию из-за сана своего, ни воздержания не прекратил, но жил, как и прежде, блюдя смирение своего любомудрия. Ко всем же, великим и малым, нелицемерную проявляя любовь, всех радостно принимал; старых, как братьев, а иных же как детей. И сам он всеми был любим, почитаем и славим. И многие вельможи и князья приходили к ему ради пользы. Видя же, что от этого пресекается безмолвие, начал он скорбеть и тужить. И помышлял о том, как бы ему оставить начальство и в келий предаться безмолвию. И спустя некоторое время он так и поступил: оставил сан архимандрита и ушел в прежнюю келью, затворился в ней, не откликаясь на мольбы. Многие из братии, приходя, молили его со слезами – да не оставит управления святой обителью. Но он даже не хотел их слушать. А поскольку обитель без настоятеля существовать не может, возвели в сан архимандрита некоего иеромонаха Сергия, прозванием Азакова, который впоследствии стал епископом в Рязани. А святой Кирилл начал в келье своей безмолвствовать. Но не может укрыться город, на верху горы стоящий, ни светильник утаиться под спудом: насколько от славы людской он убегал, настолько прославлял его Бог, говорящий: «Прославляющего Меня – прославлю»[166].

Из различных городов и стран приходили к нему духовные и мирские люди: было же слово его растворено солью разума, и

благодать Божия изливалась из уст его, и все, слушая его, испытывали сладость. Увидел же, что вместо него поставленный архимандрит Сергий Азаков начал завистью побеждаться. Возомнил, что презирают его приходящие к блаженному Кириллу, и негодовал сильно: зависть не ведает, что надо предпочесть полезное. Преподобный же Кирилл, узнав о негодовании архимандрита, не оскорбился, не стал пререкаться. Будучи прав сердцем, он дал место гневу, а сам ушел в монастырь Рождества Богородицы, который прозывался «старым», и поселился там. Помышлял же о том, чтобы удалиться подальше от мира в пустыню. И всегда о том молился Богу и Пречистой Богородице и, взирая на икону Пречистой Богоматери, говорил: «Пречистая Мать Христа Бога моего. Ты знаешь, что всю мою надежду на Тебя возложил от юности. Сама Ты, наставь меня, покажи мне путь, которым пойду, покажи мне место, удобное для спасения». Так часто со слезами молил и скоро получил просимое. Господь волю боящихся Его исполняет, и молитвы их вместе с Пречистою Матерью Своею слышит.

Был же у преподобного Кирилла обычай – в течение всей ночи петь Пречистой Деве перед образом Ее Пречестным акафист. Так в одну из ночей пел он по обычаю акафист, в сердце же своем хранил желание пустынной жизни и о том с воздыханием молился. Когда же дошел до написанного в акафисте места: «Странное Рождество видев, устранимся от мира, ум на небо вознеся», умилился сердцем от этих слов и, перестав читать, размышлял, насколько велик в Божестве Христос Господь, явившийся на землю во плоти смиренным человеком. И о том, чтобы устраниться и ему от мира ради Его любви, чтобы к высоте Боговидения вознестись. И разгорелось в нем горячее желание уйти от мира в пустыню ради любви Божией. И начал еще прилежнее молиться Господу и госпоже Деве Богородице: да наставят его, как ему спастись. И вдруг услышал голос дивный из-за стен келий, издалека, с высоты говорящий: «Кирилл, уйди отсюда. Иди на Белое озеро и покой там найдешь, там тебе уготовано место, в котором спасешься». Преподобный же быстро отворил оконце келий и увидел свет

великий, сияющий с неба, к северу, туда, где Белое озеро, и лучом указывая ему, словно перстом, место его поселения. И так глядя, святой застыл в ужасе и увидел то место, находящееся в далекой стороне, словно оно находилось неподалеку. Глядел же на это, пока чудный тот свет небесный не исчез. После этого, как закончилось это дивное видение, почувствовал он, что сердце его исполнилось мира и радости и разумения, поскольку Пречистая Богоматерь не презрела молений его. И с великой благодарностью продолжал акафистное пение и всю ту ночь без сна провел, молясь в теплоте духа, и со удивлением размышлял о бывшем ему видении, веселился и славил Бога.

Был же у него духовный брат, звали его Ферапонтом, верный и любезный ему: был же он вместе со святым пострижен во иночество. Бывал же Ферапонт на Белом озере. Святой спросил Ферапонта, есть ли на Белом озере место, где можно было бы иноку предаться безмолвию? Ферапонт же отвечал, что там немало удобных мест для уединения. Договорились они уйти из монастыря и пойти к Белому озеру, положившись на Бога. Через много дней достигли Белоозерской стороны, обошли немало пустынных мест, пока не нашли то, которое искали – указанное ему в видении место, где ныне монастырь стоит. Туда прийдя, узнал это место и сильно возлюбил его и сотворил молитву: «Это покой мой, здесь поселюсь, как изволила Пречистая Матерь! Благословен Господь Бог отныне и до века, поскольку услышал моление мое!» И водрузил крест на месте том и благодарственный канон отпел в похвалу Пречистой Богородице. И лишь тогда рассказал Ферапонту о бывшем ему в монастыре видении об этом месте. Они возблагодарили Бога и Пречистую Богоматерь, поселились там и сначала выкопали себе в земле небольшую келию и некоторое время жили вместе. Но посоветовавшись, разлучились, поскольку блаженный Кирилл жаждал полного безмолвия. Кирилл на этом месте остался, а Ферапонт недалеко оттуда отошел, поприщ на пятнадцать, и обрел место угодное, поселился там, где потом выстроен монастырь собравшимися к нему братиями. Устроили и создали там

церковь во имя Рождества Пречистой Богородицы. И ныне тот монастырь, благодатию Божией распространенный и умноженный и изрядно устроенный, называется Ферапонтов[167].

Место же, где преподобный Кирилл поселился, заросло густым лесом и не было поблизости селений. Прекрасно же и округло было это место, водами, словно стеною ограждаемое. И жил там отец святой в келий, в земле выкопанной, постнические и пустынные проходя подвиги и ополчаяся на невидимого супостата. Как-то некие два христианина, по пустыне той проходя, нашли святого и удивились пустынному его, столь жестокому пребыванию и слушали Богодухновенные слова его. И потом начали часто приходить к нему, желая святолепное лицо его видеть, сподобляясь от него принять благословение на пользу душевную. И приносили все необходимое старцу, вот их имена: Авксентий, по прозвищу Ворон, и Матфей, по прозвищу Кукос, который позже стал пономарем в этой обители. Рассказывали же эти люди следующее: задолго до описываемых событий, некий земледелец, по имени Исайя, жил около этого места, где поселился святой Кирилл. Тот Исайя и те, кто жили с ним, часто слышали звуки колокола и голоса, которые дивно пели на этом самом месте, а чаще всего в дни воскресные и праздничные. И не только Исайя, но и другие люди, проходя около того места, звуки колокола и голоса певцов слышали. Не раз, заслышав звуки, приходили на то место, надеясь кого-то увидеть, стараясь понять, откуда пение доносится. Голоса слышали, но никого не видели. Изумлялись и ужасались, уходя – не просто все это осознать.

С теми же двумя, Авксентием и Матфеем, как-то обходил преподобный пустыню. Враг же, ненавидящий добро, зная, что будет изгнан преподобным Кириллом, не мог ни привидениями, ни мечтаниями устрашить его: поскольку все это преподобный воспринимал, как паутину. Тогда враг изобрел такую кознь: навел попущением Божиим тяжелый сон на него. И не мог идти святой, смариваемый сном, но захотел лечь и поспать. И сказал спутникам: «Вы посидите, пока я немного посплю». Они же ему отвечали: «Отче, иди в келию и там поспи». Он же не мог идти, побеждаемый сном. Увидев же место приятное для сна, возлег,

чтобы поспать. Когда же уснул, страшный голос разбудил его: «Беги, Кирилл, беги». Он же, пробужденный этим необычным голосом, ужаснулся и отбежал от места. И тот же час упало огромное дерево и ударило по тому месту, на котором святой лежал. И уразумел преподобный, что был то вражеский навет, и начал с того времени бодрствовать и соблюдать предосторожность. И молился Богу и Пречистой Его Матери, чтобы отняли от него тяжесть сна. И сбылось по прошению его – многие дни и ночи без сна проводил, даже не задремывая. Ночью на молитве стоял, а днем трудился, вырубая лес и очищая место, которое зарастало лесом. Расчищал землю, желая посеять семена, чтобы в поте лица своего и от трудов рук своих питаться. Как-то, собрав много хвороста около того места, зажег его. Диавол же воздвиг ветер сильный, и дым с пламенем окружил преподобного отовсюду, и не знал, куда бежать, потому что дым все застилал. Святой же в такой нечаянной беде, предчувствуя скорую смерть, возвал к Скорой Помощнице – Пречистой Деве Богородице. И явился ему некто и, взяв его за руку, сказал: «Иди за мной». И вывел его из огня невредимым, тут же став невидимым. Так помощь Пресвятой Богородицы помогла избавиться рабу своему от беды нечаянной.

Пришли к нему два брата из Симонова монастыря, любезные и единомышленники: Зеведей и Дионисий. Увидев их, обрадовался преподобный и принял их. Также пришел некто именем Нафанаил, впоследствии ставший келарем обители, и другие братья начали приходить к святому ради созидания духовного. Сердце его глубоко было возделано благодатью Духа Святого, сладкие плоды учения преподавал он. Из-за того пришедшие просили его стать отцом духовным. Видели они житие его чудное и слово Богодухновенное. Он же отказался стать наставником, недостойным и грешным себя именуя. Побеждаемый же братолюбием и желая спасти души человеческие, начал принимать братию. Те же срубили себе небольшие кельи и жили близ него ради Бога. Человек же некий, именем Андрей, живя неподалеку от той пустыни, возненавидел преподобного Кирилла и тех иноков, которые поселились с ним. Наущаемый же диаволом, пришел ночью и хотел поджечь келью

святого. И когда приблизился к келье, напал на него ужас и убежал от страха. Пришел другой ночью и, зажегши огонь под стеной, отбежал, чтобы не поймали его. Стоя вдалеке, ждал, когда загорится келья с живущим в ней отцом. Но огонь, к деревянной стене, словно к камню или ко льду поднесенный, погас. Все это Андрей повторял несколько раз, в разное время глубокой ночью приходя, но ничего не мог поделать; страх и ужас нападали на него оттого, что огонь, подложенный под стену, погасал. Пречистая же Матерь Божия не только раба Своего Кирилла блаженного, но и труды рук его берегла от огня неповрежденными.

Тогда человек этот пришел в себя и, познав грех свой, убоялся, да не найдет на него внезапно какая-нибудь месть Божия, то пришел с покаянием к преподобному и подробно исповедал грех свой, обливаясь слезами. Святой же, словами душеспасительными наказав его, чтобы впредь не слушал вражеского лукавого совета, простил его и отпустил с миром. Сам же начал петь благодарственный канон, покровительнице своей Пречистой Деве Богородице. Спустя же некоторое время этот Андрей вновь пришел к святому и умолял, чтобы он принял его к себе и постриг в иночество – все это исполнил преподобный. Он же, сподобившись иноческого чина, пребывал в послушании, всегда каясь о прежних грехах своих и всем братьям исповедал свой грех – как он хотел поджечь обитель. Умножалось же число братии день ото дня: многие отовсюду приходили к преподобному, одни ради спасения, другие же ради того, чтобы поселиться с ним. Преподобный же, подражая Господу, сказавшему: «Приходящего ко Мне не изгоню»[168], – принимал тех, кто хотел потрудиться и терпеть невзгоды пустынного житья ради Бога. Строились кельи, и созидался монастырь, и устанавливалось общежитие[169]; все вместе трудились и от трудов своих собирали все, необходимое для пропитания. Хотели же братья срубить церковь, но не нашлось среди них искусных мастеров, а место отстояло далеко от селений, и печалились они об этом. Преподобный же Кирилл, имея обычай сначала во всех своих нуждах и потребностях полагаться на волю и промысел Пречистой Девы Богородицы,

всегда получая просимое, и здесь возложил надежду на Богоматерь, помолился к Ней с упованием, и вскоре пришли мастера, никем не званные, и срубили церковь во имя Пречистой Девы Богородицы, в честь Ее Успения[170].

Узнали и рядом живущие люди стороны той, что в Белозерской пустыне иноки собираются и монастырь строится и уже церковь создана, и удивлялись: помышляли же, что, наверное, Кирилл многие богатства принес с собою, а наиболее, когда узнали, что был он архимандритом в Симоновой обители. Вообразили, что там он богатства многие стяжал. Некий боярин, именем Феодор, наущаемый диаволом, послал разбойников, чтобы напали на обитель ночью, сотворили пакости и озлобления Кириллу и забрали богатства его. Разбойники отправились и, будучи неподалеку от монастыря, дожидались ночи, чтобы на спящих напасть нечаянно. Увидели же вокруг монастыря множество людей: иные из них стреляли из луков, другие что-то делали. Стояли разбойники в густом лесу, смотрели на людей тех издали и ожидали, пока те от монастыря отойдут. Ждали же разбойники до полуночи, но люди, которых они видели, не отходили никуда, не спали, но словно стерегли монастырь. Ушли разбойники восвояси. В следующую ночь также пришли и опять видели людей, гораздо больше, чем в первый раз: некие из них были словно вооруженные воины и стреляли; испугались разбойники и ушли.

Рассказали же боярину своему, а тот решил, что это кто-то из вельмож со множеством слуг пришел к преподобному за благословением и помолиться и, замедлив, заночевал у того в монастыре. И послал Феодор незнакомого человека в монастырь, чтобы разведать, кто был в монастыре вчера и третьего дня. И узнал посланный, что никого не было в монастыре и уже более недели никто не приходил. И возвестил это пославшему его боярину. Услышав это, боярин удивился и ужаснулся, познав, как Бог покрывает раба Своего. Боясь же, как бы суд Божий не настиг его, поскольку хотел оскорбить угодника Божьего, поспешил к святому и каялся со слезами, исповедуя грех свой, и рассказал ему то, что видели посланные им разбойники. Преподобный же Кирилл, божественными

словами Божественного Писания наказав его и простив, сказал: «Верь мне, чадо Феодоре, ничего не имею в жизни этой, кроме этой изодранной одежды, которую видишь на мне, и немного книжиц». Феодор же удивился нестяжанию мужа и его добронравию и пошел в дом свой, благодаря Бога, что не попустил ему оскорбить угодника Своего и впасть в такой грех и в руки врага-губителя. С того времени Феодор великую стяжал любовь и веру ко святому и относился к нему не как к человеку, но как к ангелу Божию. И приходил к нему за благословением, принося все необходимое, и никогда с пустыми руками к нему не приходил.

Разносилась же о преподобном Кирилле слава повсюду, и многие к нему приходили. Пришел же к нему в обитель некий инок, именем Игнатий, великий в добродетелях, и жестокое, более, чем кто-либо, проходивший житие, и являл он при преподобном Кирилле во всем иной образец братиям. Сказано же было о том Игнатии, что за тридцать лет своего иночества он никогда не спал лежа, но или просто стоя или присев, краткою дремою сон отгонял. Таков был этот муж и иные ему подобные подвижники, соизволившие сожительствовать с преподобным Кириллом, ради совершенного в Богоугождении жития его.

Устав же и чин жития иноческого был в обители преподобного Кирилла следующим: в церкви никто ни с кем не разговаривал, никто не выходил прежде окончания правила. Каждому повелевал в одном и том же установленном месте и чине стоять со страхом, внимая пению. Так же и в поклонении святому Евангелию и святым иконам соблюдалось благочиние по старшинству, чтобы не было никакого замешательства. Сам же блаженный настоятель в церкви стоял, никогда не прислоняясь к стене, никогда не ко времени не приседая, ноги его от постоянного стояния были словно столбы. Также и на трапезе подобный чин строго соблюдался: каждый сидел на своем месте с кротостию и молчанием, и никого никогда не было слышно, только чтеца[171]. Братиям всегда три блюда предлагалось, кроме постных дней[172], в которые поется «аллилуйя»: в те дни воздерживались по собственной воле и возможности, – иные только хлеб вкушали, иные же день без

пищи проводили. Настоятелю та же пища предлагалась, что и братии, и равный с прочими удел, но преподобный ничего до сытости не вкушал. Восставши же от трапезы, после благодарения каждый молча уходил в свою келью, не уклоняясь ни на какую беседу, не принимая в свою келью брата, кроме разве неотложной необходимости.

Как-то случилось одному брату, именем Мартиниан, вышедшему с трапезы, пойти к другому брату ради некоей потребности. Увидев его, преподобный призвал к себе и спросил: «Куда направился?» Он же отвечал: «Имею нужду ко брату и из-за этого хотел зайти к нему». Святой же, словно понося его, сказал: «Так ли хранишь чин монастырский? Не мог ли ты пойти сначала в келью свою и должную молитву сотворить, а уже потом, если тебе так необходимо, пойти ко брату?» Мартиниан, словно усмехаясь, отвечал: «Отче, когда прихожу в келью свою, уже не могу выйти». Святой же отвечал ему: «Так твори всегда: сначала в келью иди, и келья всему доброму тебя научит». Хранился же в обители и такой чин: если кто из приходящих принесет от кого грамоту или некое приношение, тот брат, грамоту не распечатывая, приносит настоятелю. Так же и то, что принесли ему, ко отцу нес. Так же, если кто хотел от себя кому вне монастыря письмо послать, никто не дерзал без повеления настоятеля этого делать. В келий же не разрешалось никому иметь что-либо, кроме самых необходимых вещей, не разрешалось ничего называть своим, но, по слову апостола, все было общим. Серебра вообще не было у братии, кроме общего монастырского хранилища, из него же монахи все необходимое брали. Даже куска хлеба не разрешалось иметь в келий, ни какого-либо пития. Если кто хотел пить, тот шел в трапезную и там с благословения утолял жажду свою. И если кому случилось войти в келию какого-либо брата, то видел не что иное в ней, как иконы, книги и сосуд с водою, чтобы руки помыть. Так от всяких пристрастий пребывали свободными, одно попечение имея – Богу угодить, и друг ко другу смирение и любовь сохранить, и ради общих нужд трудиться. А на церковное пение, как и на монастырское послушание, всякий с усердием спешил, друг друга обгоняя,

чтобы придти первым. И всякий неленостно, по силе своей трудился; не как для людей, но словно для Бога работая.

Во всяком же общем деле и следующее правило соблюдали, чтобы не было ни пререканий, ни праздных слов: каждый молча трудился, соблюдая духовное любомудрие. И каждый словно перед очами Всевидящего Бога стоял и трудился. А если кто поговорить хотел, то разве что-то рассказывал из книг на пользу братиям, и наиболее для тех, кто не знал Писания. И иные многоразличные устроения были в их богоугодном житии. Каждому образ и меру правила давал преподобный отец. И не замечалось среди них ни одного, в ком бы проявлялась своя воля и свое мудрование. Но все волю настоятеля, словно Божие повеление, совершали без прекословия и ропота. Те, кто занимался рукоделием, все относили в общехранилище: ничего себе без благословения не оставляли. Никто ничего необходимого себе не брал, поскольку все необходимое: одежду, обувь и что-либо требуемое, – из общего брали. Сам же преподобный не любил облачаться в красивые одежды, но ветхое, много раз чиненное одеяние носил. Был же у преподобного следующий обычай: после утреннего пения и совершения обычного правила в келий, приходил в поварню посмотреть, какие блюда готовятся братиям. Умолял же и наказывал служителям в поварне, чтобы старались приготовлять пищу к упокоению их. Иногда же и сам помогал им готовить пищу, какая бывает выращена в пустыне руками своими: какая учреждена для пребывающих в нищете и нестяжании. Пьянства же никогда не наблюдалось, поскольку устав крепко законоположил преподобный Кирилл, чтобы не только при его жизни, но более после его смерти никто не дерзал пьянственное питие даже вносить в монастырь.

Великую заботу имел преподобный о монастырских уставах, да не будут они разорены, а наиболее древних святых преданий и постнических законоположений да не преступят. Как-то святым Великим постом пришла княгиня Агриппина, супруга благочестивого князя Андрея, в обитель помолиться, поскольку место, на котором возникла обитель, находилось в землях князя. Была же княгиня весьма благочестива и христолюбива, и

иноческий чин почитала, и по отношению к преподобному отцу Кириллу проявляла усердие. Захотела же в день воскресный накормить братию рыбными блюдами, но святой не попустил этого. Много же раз умоляла преподобного отца, да разрешит братиям вкусить рыбы. Отвечал же ей святой: «Если это разрешу, то сам разорю монастырский устав. И скажут после моей кончины, что это Кирилл повелел в Великий пост вкушать рыбу»[173]. Княгиня же снабдила братию постными продуктами и отбыла домой, хваля крепость святого в хранении преданий святых отцов. Вот устав и чин монастырский. Теперь же расскажем о иных добродетелях святого отца.

Вспомним изначально дарованный ему от Бога дар умиления и слез. Когда он служил Божественную литургию или читал что-либо, или читающего слушал, или стоял на правиле, или братию поучал, никогда не мог слез удержать, и это свидетельствовало о пребывании в нем теплоты Божественной любви[174]. Хранил же и веру великую к Богу со упованием: когда в обители случалась нехватка необходимого, и говорили братья ему, чтобы послал к неким христолюбцам попросить у них потребного, он никогда не соглашался на это. Говорил же: «Если Бог и Пречистая Богоматерь забудут нас на месте этом, то тщетно подвизаемся в жизни этой». И утешал братию, уча их надеяться на Бога, а у мирских не просить милостыни, чтобы не уходили братья из монастыря в мир ради милостыни, да не уловит их враг своими соблазнами.

Бог же, видя раба Своего, так на Него уповающего, преклонял сердца многих вельмож, так что они сами присылали обильные от богатств своих милостыни. Он же с братией как от Бога посланное это принимал и благодаря Владыку Христа и Пречистую Его Матерь утешал малодушие братии. Да не умолчим же о прозорливости преподобного, поскольку имел он этот дар от Духа Святого, ради душевной своей чистоты. Некий брат, именем Феодот, в той же стороне, в пустыне когда-то жительствовавший, услышав о святом, пришел в его обитель и, возлюбив отца и обитель, умолял, да причтен будет к братьям. И был принят, и жил с ними. По прошествии некоторого времени вложил ему диавол ненависть ко святому отцу. И если сначала

возлюбил его и верил ему, то теперь начал ненавидеть: не мог ни видеть его, ни даже слышать голоса его. И вложил ему лукавый такой помысел – выйти из обители. И боролся он с этим помыслом. И пришел к прежде упомянутому старцу Игнатию, богодухновенному мужу, и исповедал ему помысел свой. Старец же утешал его, говоря: «Терпи, брат, ради Бога! Обет дал Владыке Христу нашему, что будешь все ради Его любви терпеть. Да будет известно тебе, что помысел этот пришел от врага. Что ты видишь во отце достойного ненависти? Он словно ангел Божий. Говорю тебе, если помысла своего лукавого послушаешь и отсюда уйдешь, отступишь от спасения своего и врагу радость доставишь». Феодот же немного утешился, сказав: «Подожду еще этот год, может быть, изменит отец ко мне отношение».

И продолжал тем же помыслом смущаться, не переставал враг ему внушать ненависть ко святому. Пребывал же брат весь год в обители, борясь с помыслом и не имея покоя. Замыслил же к самому отцу придти и исповедать смущение мыслей своих. Войдя же к отцу в келию и воззрев на преподобное его лицо, устыдился святолепных седин его и из-за стыда не мог ничего сказать. Хотел же выйти, но удержал его старец и сказал: «Брат Феодот, поскольку ты сам не хочешь исповедать мне помышлений твоих, вот что я скажу тебе…» И начал святой рассказывать брату все, что он хранил в тайне сердца своего. Услышав это, брат ужаснулся и удивился прозорливости святого и, упав в ноги, просил прощения. Святой же, утешая его, говорил: «Не скорби, брат Феодот, все соблазняются на мой счет, почитая меня добрым. Ты один увидел истину, познав меня, как человека злого и грешного. Кто я такой, грешный и непотребный?» Брат же, видя отца так смиряющимся, сокрушался и плакал, и исповедал, что напрасно возненавидел ненавидением неправедным преподобного.

Преподобный же, видя покаяние Феодота, простил его и отпустил, сказав: «Иди, брат, с миром в келию свою, да не подступится к тебе более такая брань»[175]. С этого времени обрел Феодот сердечный покой, начал большую любовь и веру испытывать ко отцу святому более, чем вначале. И не только

одного Феодота помышления видел преподобный прозорливым оком своим, но многих. Приходящих в его монастырь он познавал издалека, кто с каким намерением приходит, и при нем находившимся братиям говорил: «Этот брат хочет с нами жительствовать, а тот намерен уйти». И иные тайны сердца человеческого были открываемы ему от Бога. Не подобает же умолчать и о чудесах преподобного, но к прославлению Бога, дивного во святых, необходимо и об этом поведать. Приведен был как-то к преподобному Кириллу человек, одержимый бесом, по имени Феодор, весьма страждущий от нечистого духа: лютый бес в нем обитал. Преподобный же, сотворив молитву, изгнал беса, и исцелился Феодор, но не захотел уйти из обители, умоляя святого, да причтет его к лику иночествующих. Постриг Феодора отец во иночество и нарек имя ему Феофан.

Как-то не хватило вина для совершения церковной службы, и возвестили об этом преподобному, что не будет совершена в дни субботний и воскресный святая литургия. Преподобный же, призвав пономаря Нифонта, спросил его о вине, есть ли хотя бы чуть-чуть. Нифонт же ответил, что даже сосуд, в котором вино содержится, сух. И повелел святой принести к себе сосуд. Пошел пономарь, чтобы принести сосуд тот, и нашел его полным вина, так что даже через край переливалось, и весьма дивился этому. Ибо прекрасно знал, что ни капли вина не оставалось в сосуде и что был он сухим. Молитвами же святого в одно мгновение наполнился вином. Узнали же о том все братия и дивились чуду и славили Бога. Вино же долгое время не оскудевало в сосуде, до тех пор, пока неким христолюбцем не было доставлено в обитель новое. Случился как-то голод великий, и начали голодающие приходить к обители преподобного. Он же велел подавать им хлеб, хотя небогата была обитель: не было тогда у нее ни сел, ни имений, но сами братья трудились и, если кто из христолюбцев милостыню присылал, тем питались. И в то голодное время не оставалось в обители излишков пищи, только на пропитание братиям. Прошел же слух по окрестным селам, что в Кирилловом монастыре питают голодающих. Начали нищие и убогие стекаться к монастырю. Преподобный же игумен велел всех

кормить, и, сколько ни подавали пищи, она по молитвам преподобного умножалась в обители, и питалось в то голодное время множество народа в монастыре святого Кирилла.

Случилось как-то загореться монастырским келиям, и не могли братья угасить пламени, которое постепенно все охватило. Казалось – вот-вот вспыхнет весь монастырь. Святой же, взяв крест, побежал к огню. В то время из города пришедший мирянин, увидев святого, бегущего с крестом, посмеялся над святым: поскольку видел, как неугасимо полыхало все охватившее пламя. Встал же святой со крестом напротив пламени и начал молиться Богу и Пречистой Богородице. И огонь, словно устыдившись святого, начал угасать и вскоре погас, опалив, но не сжегши монастырь. Посмеявшегося же человека Божие наказание постигло: нашла на него нечаянная болезнь и разбил его паралич. Познав же мирянин свое согрешение, начал исповедаться святому с покаянием. Святой же простил его, и помолился о нем, и, ознаменовав святым крестом, исцелил его. Тот же пошел к себе, проповедуя всем чудесные те дела.

Услышал же о бывших чудесах преподобного отца нашего Кирилла, не только в стороне той, но и в других, князь Михаил, прозываемый Белевским, проживший с княгиней своею Марией восемь лет и не имевший детей. Печалился он о бесчадии, но, услышав, что преподобный Кирилл все, что просит у Бога, получает, послал бояр своих ко святому с просьбой – да помолится о нем и о княгине, чтобы разрешилось неплодие ее. Пришли же посланные к преподобному и еще послания не вручили, сказал им блаженный: «Поскольку великий путь, о чада, вы совершили, верую Богу моему и Пречистой Его Богоматери, что труд ваш не тщетным останется, И даст Бог князю вашему плод чадородия». Они же дивились, как это старец узнал о том, ради чего они пришли. И познали в нем великого угодника Божия, и отдали ему послание князя. Святой же повелел их разместить. Тою же ночью во сне было видение князю Михаилу: видел старца честного, светоносного, украшенного сединами, держащего в руках три неких сосуда, и говорил он ему – приими то, что просил у меня. То же самое

видение в тот же час было и княгине его Марии. Пробудившись же ото сна, князь начал пересказывать княгине видение свое – она же, предвосхищая его, сказала: «И мне тот же старец явился и дал три неких сосуда, сказав, приими то, что просила у меня». Увидев одно и то же видение, удивлялись и запомнили эту дату.

Преподобный же Кирилл три дня угощал присланных к нему бояр со слугами их и отпустил их с благословением князю. Отпуская же, повелел келарю, чтобы дал им хлеб, и полхлеба, и немного рыбы. Отвечали они: «Отче, повели дать нам побольше хлеба и рыб, поскольку далек наш путь. Места же безлюдные и негде будет нам купить хлеба и рыбы». Святой же сказал: «Идите с миром, хватит вам выданного даже до дома». Они же не смели более святому докучать, пошли и размышляли, где бы купить хлеба на дорогу. Ибо двадцать или даже более дней предстояло им путешествовать. А то, что дал им святой, могло хватить им и слугам лишь на день. Достигшие первого ночлега, начали варить рыбу. Ее немного выдали в обители, но когда варилась рыба, ее стало много. Сели же есть, положив полхлеба, и ели и насытились, а полнеба превратилось как бы в полный хлеб, сколько от него и не отламывали. Так же и рыбу многократно ели, а ее не уменьшалось. Тогда познали они, что истину говорил им отец преподобный: «Хватит вам этого даже до дому. Не печальтесь о пище».

На все время пути, пока не пришли домой, хватило им полхлеба. Целый же хлеб с принесенным благословением отдали князю и все подробно рассказали. Князь же с радостью принял и благословение и хлеб, удивляясь о рассказанных чудесах. И раздробив хлеб на части, всем, кто был в княжьем дому, раздал по куску. И вкушали все, словно великую святыню. И те, кто каким-либо недугом был одержим, выздоровели после вкушения этого хлеба. Спросил же князь посланных бояр, в который день они s преподобному пришли. И сравнив, понял, что пришли они к святому в то самое число, в которое князь с княгиней одно и то же видение узрели. С того времени родились у князя два сына и дочь. И уразумели они, что это и были три сосуда, данные им преподобным в видении. И питали великую

любовь к преподобному, а многие милостыни посылали в обитель его. Житие и чудеса преподобного отца нашего Кирилла описаны в книге, созданной в обители его, а также в Великих Четьих-Минеях блаженного Макария, митрополита Московского, которые хранятся в соборной церкви Пресвятой Богородицы в Москве[176]. Мы же здесь не будем продолжать описание, но вкратце прочие чудеса вспомним. Некий Афанасий, живший далеко от обители, заболел и уже был при смерти, но послал к нему преподобный Священной воды, и он выздоровел. Белое озеро, огромное, разбушевавшееся, усмирил отец и рыболовов от потопления спас. Княгине, супруге князя Иоанна Карголомкского, ослепнувшей, молитвою и окроплением святой воды даровал прозрение. Брата некоего Далмата, болевшего и без причащения Святых Тайн (священник в служении святой литургии промедлил) умершего, воскресил из мертвых, чтобы он причастился Святых Тайн. И причастившись, умер. Некий боярин, именем Роман Александрович, далеко жил от обители преподобного. Преподобного же Кирилла никогда не видел, только слышал о нем. В болезни, лютой смертью грозящей, помолился ко Пресвятой Богородице, – да облегчит ему болезнь. И увидел явившуюся ему Пречистую Божию Матерь с честным старцем, с преподобным Кириллом. Она же сказала больному: «Пошли к этому старцу и даст тебе освященую воду и, когда выпьешь ее, станешь здоров». Больной же после видения послал к преподобному, моля о святой воде. И когда принесли воду от преподобного, выпил больной и выздоровел в тот же час. Спешно направился в обитель и, увидев преподобного, узнал, что он и есть тот самый старец, которого он видел вместе с Пречистою Богородицею, и, пав ему в ноги, возблагодарил его.

Жене некоей слепой молитвою и святой водой прозрение даровал. И иных слепых таким же образом врачевал. От мора великого, случившегося в тех краях, около Белого озера, никто в обители не умер. Один только брат Сосипатр болел, но и он выздоровел по молитвам преподобного отца. И сказал одному из братии святой: «Имей веру, брат Христофор. Никто из вас прежде меня не умрет, а после смерти многие умрут вместе со

мною». И сбылось это предсказание отца. Некий человек, именем Иаков, страждущий лютою болезнью, привезен был в обитель ради исцеления. Преподобный тому не только не хотел подать исцеления, но и в монастырь не хотел пускать. И лежал больной перед монастырем, из уст же его и ноздрей текла кровавая пена. И умоляли преподобного о больном, чтобы сменил гнев на милость. Пришел же в обитель муж, любезный святому. Увидев страдание больного, пожалел его и обратился к преподобному отцу с мольбой – да помилует болящего и испросит ему от Бога исцеление, как и для многих испросил. И сказал преподобный: «Верь мне, чадо, что эта болезнь не случайность – за грех любодеяния он страждет, но если обещает покаяться и прекратить грешить, верую Богу Моему и Пречистой Богоматери, что исцелится. Если же не покается, то еще больше пострадает». Пошел же этот человек и возвестил то, что услышал из уст преподобного, больному. Тот же устрашился, услышав свои грехи обличаемыми, а они только Богу были известны, и со слезами каялся и обещал перестать грешить. Тогда сам преподобный Кирилл пришел к больному, чтобы помилосердствовать о нем, и, приняв исповедание грехов, помолился о нем и исцелил его благодатию Божией.

После всего преподобный отец наш Кирилл ото многих своих трудов и старости изнемог и, болезнями телесными объят, приблизился к блаженной кончине своей. И, призвав братию, а было их тогда пятьдесят три человека, завещал им, чтобы после исхода его никто не дерзал общежительного устава разрушить. И, поучив их довольно, нарек им игуменом Иннокентия, мужа добродетельного. Причастившись Божественных

Тайн, благословение же всем и последнее целование каждому преподав, с молитвой на устах, честную и святую душу свою предал в руки Божий месяца июня в 9 день, в день памяти тезоименитого себе святого Кирилла Александрийского, в понедельник Святой Троицы, после воскресенья Пятидесятницы[177]. Просветилось же его святолепное лицо, и благоухание от мощей его изошло. И плакали над ним ученики его и честно погребли. Случилось же преставление его в год бытия мира 6935, воплощения же Бога Слова 1427, прожил же

он всего девяносто лет. Пришел же в Белозерскую пустыню шестидесяти лет, а в ней прожил тридцать лет. И в жизни своей благодатию Божией и с помощью Пречистой Богоматери многие чудеса сотворил, так и после преставления своего не переставал чудодействовать, бесов от людей отгоняя и всякие болезни у тех, кто с верою к нему притекает, исцеляя. Как, впрочем, в более подробной истории о нем пишется. Мы же, сократив ее, славим Бога, который угодника Своего прославил во славу Пресвятого Имени Своего, от всей твари славимого, ныне, всегда и во веки веков, аминь.

Сказание о жизни и о некоторых из чудес преподобного отца нашего Саввы, создавшего обитель Пресвятой Богородицы близ Звенигорода на месте, называемом Сторожи [178]

Благослови, отче! Как царская утварь, украшенная золотом с драгоценными камнями, веселит глаза глядящих на нее, так же и больше этого праздники, творимые в память святых, духовной красотой веселят верных сердца и души освящают, Все человеколюбец Бог на пользу нам творит, и потому древние имели обычай описывать жизнь выдающихся мужей ради бывающей от этих описаний пользы. Нам же теперь, когда приблизился конец времен, еще более нужно это. И вот ныне настал пресветлый новый праздник предивной и драгоценной памяти преподобного отца нашего Саввы, о жизни которого теперь обязаны написать для славы Сына Божьего, избравшего Своего раба и подарившего ему дар исцеления душевных и телесных страданий. Не о витиеватости слов заботясь, но просто написали, призывая этого святого о молитве к Богу, боголюбивым и благонравным на послушание и пользу, повинуясь повелению великого отца и первосвятителя великой и апостольской Церкви, преосвященного русской митрополии, – говорю о Макарии, митрополите всея Руси[179]. Отцы этой обители умолили его об этом, и он охотно об этом позаботился и меня, убогого, заставил написать, чтобы все знали о святом этом и навсегда памятном муже: как, и откуда, и в какое время такой светильник воссиял нам. О рождении же его и о воспитании мы не нашли ничего, но только о пребывании его в монашестве, поискав, написали кратко, а начало рассказа такое.

Этот преподобный отец наш Савва был одним из учеников блаженного Сергия чудотворца[180]. Он пребывал в его обители в совершенном послушании, обучаясь монашеской жизни и ее нраву, воздержанию и бдению, чистоту во всем соблюдая, как

украшение всей монашеской жизни, всегда имея работу в руках, неустанно молясь в пении, никогда ни с кем не беседуя, но уединяясь и пребывая в молчании. Перед всеми он вел себя как ничего не знающий простолюдин, но превосходил разумом многих витий, считающих себя пребывающими в мудрости, ибо искал не внешней мудрости, а горней, и ради нее подвизался. Он принял от этого святого старца все благие наставления ради Христа, прежде всех входил в церковь и последним уходил, со страхом Божиим стоял, выполняя предписанное пение. Такое умиление было у него, что он не мог удерживаться от великого плача и рыдания во время божественной службы. Дивились отцы обители той, видя такое умиление и плач, и прославляли за это благодатного Бога.

В то время благоверный великий князь Димитрий Иоаннович победил безбожного царя Мамая со всем его войском и с великой радостью возвратился в свое отечество. И пришел в обитель, к блаженному Сергию принять от него благословение и молитву и вот что рассказал ему: «Когда, святой Божий, я хотел выступить против безбожных агарян, то обет дал устроить монастырь во имя пресвятой Богородицы и ввести в нем общежитие. И ныне, честной отче, с помощью всесильного Бога и пречистой Богоматери и по твоим святым молитвами желание наше исполнилось, враги наши побеждены. И я молю твое преподобие – с усердием постарайся, Господа ради, чтобы обет наш быстро исполнился». Это сказал он святому, умоляя.

Блаженный же Сергий принял просьбу самодержца с усердием и, обходя многие пустынные места, смотрел, где хорошо устроить монастырь. И пришел на реку, называемую Дубенка, нашел такое место и очень полюбил его и создал церковь во имя честного успения Пресвятой Богородицы. И пришли к нему некоторые из братьев, он же с радостью принял их, и быстро составилось общежитие. И он избрал из стада учеников своих того блаженного Савву, о котором рассказывает эта повесть, видя совершенство жизни его, и честность нрава, и тихость поведения – всю благость его воли, и вручил ему старейшинство, чтобы заботился об этом месте. Тогда

помолился о нем святой и благословил его. «Бог, – сказал он, – да поможет тебе, чадо, и усердию твоему да подаст силу, и руководит тобою на пути к лучшему и совершеннейшему».

Блаженный же Савва, приняв благословение старца, остался в том месте, проводя жизнь духовную и ангельскую, смиряя себя постом и бдением, причащаясь трав пустыни и ими питая плоть свою, сытной же пищи и мягкой одежды совсем избегая. Вместе с этим он всегда плакал, и часто стонал, и непрестанно простирался ниц, и томил себя. Когда же число братии стало расти, он всех с любовью учил и служил каждому со смирением и кротостью. Так, добрыми подвигами украшая свою жизнь, он пробыл несколько лет на месте том.

Когда же захотел блаженный Сергий от жизни этой уйти, то вручил паству великой лавры[181] ученику своему, блаженному Никону. Он же, после кончины святого, немного лет был игуменом, вновь оставил паству и пожелал в безмолвии пребывать. Братья же, не желая быть без настоятеля, после многих просьб возвели на игуменство в великую лавру блаженного Савву. Он же, приняв паству, хорошо пас порученное ему стадо, – насколько мог и сколько отца его, блаженного Сергия, молитвы помогали ему. На шестой же год он оставил паству. Они же вновь возвели на игуменство преподобного Никона, как и в житии его поведано. Мы же, оставив это, возвратимся к рассказу.

После этого пришел в обитель святой Троицы благоверный князь Георгий, сын великого князя Димитрия, и усердную просьбу обратил к блаженному Савве, чтобы тот пошел с ним в город Дмитров и дал благословение и молитву дому его (ибо Савва был его духовным отцом). Он же, не уклонившись от просьбы его, пошел с ним, желая исполнить прошение его и думая вскоре вновь в обитель возвратиться. Христолюбивый же этот князь, более того, молит преподобного старца, чтобы тот никогда не разлучался с ним, но пребыл у него, и чтобы создал монастырь в отечестве его – близ Звенигорода, где есть место, называемое Сторожи. Усердный же в послушании Савва, видя душевное желание князя, и от этого не отказался, но все возложил на всемогущего Бога и, любя труд, пошел в названное

место. И увидел, что оно, словно небесный рай, благоухающими насаждено цветами, и очень полюбил его. И припал к пречестной иконе пресвятой Богородицы, которую носил с собой, и с умилением сказал, проливая из глаз неустанно теплые слезы:

– Владычица мира, пресвятая Богородица, на Тебя возлагаю надежду о спасении моем, не отринь меня, убогого своего раба, ты ведь знаешь немощь души моей, и теперь, Владычица, посмотри на место это и огради его от нападения врагов, и будь мне наставницей и окормительницей до самого конца жизни моей, ибо другой надежды не имеем, кроме Тебя.

Так помолившись, он всю надежду возложил на Богоматерь и поселился на месте том и воздвиг деревянную церковь во имя пресвятой Богородицы, – честного и славного ее Рождества. Для себя же он устроил маленькую келийку, удобную для добродетелей, так сказать, мастерскую, и устремился к большим болезням, к подвигам постным, сияя, как теплейший поборник безмолвия[182]. И сошлось к нему несколько братьев, составя общежитие, какое есть и доныне.

Князь же Георгий много радовался, и великое доверие оказывал ему, и очень почитал его. И повелел воздвигнуть церковь каменную, искусно украшенную, что и исполнилось. И дал блаженному сел много и денег, сколько нужно было на строительство монастыря. Святой же очень об этом заботился и молился Богу, что это место еще более возросло. Благодатью же Божией братство умножалось, и обитель возрастала. О трудолюбивой же его жизни было известно повсюду, и многие стекались к нему из городов и областей, решая, что полезнее быть с ним и учиться добродетели. Чадолюбивый же отец всех с любовью принимал и руководил, как отец, наставляя полезными поучениями. Они же, болея любовью Божией, наставления его во всем исполняли и словно сладкой водой поили свои души: как сказал бы Давид, возрастая и расцветая словно сад, посаженный у водных источников, который плод сладкий приносит в нужное время[183].

О победе князя Георгия

Однажды благоверный князь Георгий решил пойти войной против болгар и пришел во обитель пресвятой Богородицы, моля преподобного игумена Савву о молитвах за него всемилостивому Богу, чтобы дал ему силу на противостоящих врагов. Святой же, помолясь, взял драгоценный крест, благословил его и пророчески сказал ему: «Иди, благоверный князь, Господь да будет с тобою, помогая тебе. Врагов своих одолеешь и, по благодати Христовой, здоров возвратишься в свое отечество». Он же, взяв благословение у святого старца, собрал воинов своих и пошел на болгар. И войною прошел по многим городам и областям, и город Казань до основания разорил, и многие страны татарские сжег и пленных там взял. И с великою победою и славою в свое отечество возвратился, как предрек святой старец. После возвращения же с победой он вновь пришел во обитель пресвятой Богородицы и великую благодарность воздал всемилостивому Богу и пречистой Богоматери. Когда же преподобный осенял его драгоценным крестом, князь поклонился с любовью и, целуя святую руку его, слезами ее омочил, говоря: «В тебе, честный отче, нашел я великого молитвенника к Владыке и могучего помощника в сражениях, ибо знаю, что твоими молитвами победил врагов моих». Преподобный же старец со смирением ответил ему: «Благой и милосердный Бог, видя твое благочестивое княжение, и смирение сердца твоего, и любовь, которую оказываешь бедным, ради них дал тебе такую победу над неверными, чтобы отомстилась кровь рабов Его, прославляющих имя Его. Пусть же Он утвердит твое сердце во всем пребывать в любви Его. Ибо мы ни в чем не приближаемся настолько к Богу, как в милости к нищим. Если ты будешь милостив к ним до конца, то и эту жизнь доброй сделаешь и будешь наследником вечных благ». И еще более других поучительных слов из божественных писаний говорил ему. Князь же все это слушал радостно, влагая в сердце свое, и дал милостыню монастырю, достаточно обеспечив братию, и ушел к себе. И с этих пор стал еще более, чем раньше, доверять ему.

Блаженный же Савва несколько лет пробыл на месте том и достиг глубокой старости, никогда не изменяя своего

молитвенного правила. Лишь в отношении к миру и пребывающему в нем он изменился, заботясь не о мирском и суетном, не о лишней пище, не красуясь в мягких одеждах, не ища телесного покоя, но предпочитал узкий и страдальческий путь, не широкий, и нищету больше богатства возлюбил, и бесславие больше мирской славы, и терпение страданий больше радости о бесполезном. И, всеми добродетелями просветившись, конец здешних трудов он принял, драгоценную и блаженную душу свою предав в руки Господа месяца декабря в 3 день.

Братья же, собравшись на погребение отца своего и видя его ушедшим ко Господу, многие слезы проливали и стонами горькими терзались, лишившись учителя и как бы кормчего. И, взяв святое тело его, они положили его на ложе и проводили достойно с надгробными песнями, предав земле в созданном им монастыре, где и доныне память его празднуется. Возлюбленные! Приходя ко святой его раке, мы молимся, припадая со страхом и любовью, говоря:

– О драгоценная глава, преподобный и блаженный в Боге отец наш Савва! Не переставай молитву творить человеколюбцу Богу о стаде твоем, которое от души возлюбил, ради которого много трудов и болезней вытерпел, ведь ты знаешь отовсюду осаждающий нас страх, знаешь и непрекращающуюся бесовскую войну против нас, знаешь ожесточение и напасти плоти, знаешь бессилие нашего усердия. Из-за этого молим тебя: как в этой трудной и многострадальной жизни любил нас, наставник и вождь ко спасению был, более того ныне, предстоя перед престолом Бога, всех Царя, вспоминай нас, детей своих, да избавит нас Господь от тысяч страданий и от всех нападок лукавых бесов и злых людей.

Вспомни, преподобный отец, и меня, убогого и многогрешного инока Маркелла, слабо потрудившегося написать о равноангельской жизни твоей, чтобы молитвами твоими в день Страшного Суда я нашел Господа нашего Иисуса Христа милостивым. Ему же слава и царство с Отцом и с Пресвятым Духом, ныне, всегда, и во веки веков. Аминь.

Об явлении преподобного Саввы

Когда прошло много лет после кончины преподобного Саввы, игумен той обители по имени Дионисий молился ночью. И после обычного своего правила лег спать и в видении видит представшего перед ним мужа благообразного, сединами украшенного, говорящего ему: «Дионисий, поднявшись, поторопись написать образ мой на иконе». Тот же спросил: «Кто ты, господин, и как твое имя?» Благолепный же старец сказал: «Я – Савва, основатель места этого». Игумен же, проснувшись, призвал старца некоего, одного из учеников блаженного Саввы по имени Аввакум, и стал спрашивать его о блаженном Савве – как тот выглядел. Тот же рассказал об облике его и росте, игумен же сказал ему: «Воистину, брат, в этом образе он явился ко мне в ночь эту и повелел мне образ свой написать на иконе». И с усердием образ его написал, ибо был тот игумен сам живописец-иконник. И с тех пор стали многие и различные исцеления происходить от драгоценного гроба его.

Об исцелении бесноватого

Некогда привели в обитель Пресвятой Богородицы одного человека по имени Иуда, давно мучимого бесом. Он сокрушал железные оковы и много пакостей причинял людям. И пробыл он в обители некоторое время.

В один же день игумен Дионисий пел молебен о нем и начал больного осенять крестом, тот же с болью закричал: «Горе мне, ибо сгораю». И с тех пор выздоровел и начал осмысленно говорить. Стоявшие же там спрашивали его: «Из-за чего ты закричал?» Он же отвечал: «Когда хотел игумен осенить меня драгоценным крестом, я увидел старца благолепного, стоящего на гробнице, крест в руке держащего и осеняющего меня. И огромный пламень от креста его вышел и всего меня опалил, и с того времени выздоровел, как вы видите». И поняли все, что благолепный старец был блаженный Савва, и прославили Бога, такую благодать дарующего Своим служителям.

О братиях, роптавших на игумена Дионисия

Однажды братья этой обители возроптали на игумена Дионисия и много нелепого и ложного наговорили на него самодержцу, великому князю Иоанну б. Он же поверил словам

их и велел скорее предстать игумену на суд перед собой. Игумен же в скорби великой был, и явился ему во сне блаженный Савва, укрепляя его и говоря: «Что скорбишь, брат? Иди скорее и говори смело, не боясь, и Господь да будет с тобою, помогая тебе». Игумен же, проснувшись тут же от видения, всю ночь пробыл без сна, со слезами Богу молясь. В ту же ночь некоторые из роптавших на него видели мужа благолепного, говорившего им: «Для того ли ушли из мира, чтобы с ропотом совершать подвиг монашества вашего? Вы ропщете, а игумен о вас со слезами молится и бдит. Что одолеет: ваш ли ропот или отца вашего молитва? Понимайте и то, чада, что в строптивых сердцах не почивают ни смирение, ни оправдание Божие». Они же, проснувшись, поведали это и прочим. И когда предстали перед самодержцем, ничего не могли отвечать, но все посрамлены были, игумена же Дионисия с великой честью вернули в монастырь по молитвам преподобного отца нашего игумена Саввы.

Об исцелении бесноватого

После же этого привели бесноватого человека, подобного первому, который страшно кричал, бессмысленные слова произнося. Он вырвался от водивших его и сбежал из обители, устремился в лес и влез на огромное дерево,. и едва насильно смогли снять его. И вновь привели ко гробу блаженного Саввы. Игумен же Каллист отслужил молебен о нем.

Больной начал становиться кротким и вскоре выздоровел и прославил Бога и служителя его, блаженного Савву.

Об исцелении слепого

Один инок этой обители был долго болен глазами, так что не мог вообще видеть свет. И в один день пришел ко гробу святого и припал со слезами, прося исцеления, и протер глаза свои покровом, который находится на гробе святого. Один же из братии стал ругать его, говоря: «Не исцеление получишь, а скорее глаза свои пылью забьешь». Прикоснувшийся же с верою ко гробу исцеление получил, а ругавший его брат был объят слепотою. И послышалось ему, будто кто-то говорит: «Ты нашел, чего искал, чтобы другие на тебе поучились, не хулить и не смеяться над чудесами, бывающими от Божьего служителя».

Он же, придя в себя, с покаянием ко гробу святого припал, много слез из глаз изливал, прося прощения в своем согрешении. Щедрый же милостью Савва, во всем подражая своему Владыке, и этому вскоре исцеление даровал. И, видя такое славное чудо, все прославили Бога и служителя его блаженного Савву.

Об исцелении больного

Один человек пришел в обитель одержимый тяжелым недугом и, ко гробу святого часто приходя, с умилением кланялся, молясь, чтобы избавлен был от этой болезни. Благодатью же Божией и молитвами святого исцеление получил и к себе возвратился и тем же недугом заболел. Он же опять пришел в обитель и принял исцеление и вновь восвояси ушел. И так много раз он делал и тяжелее, чем сперва, стал страдать, и понял тот человек, что это судьба и воля Божия о нем. И обещался не уходить из обители и принять ангельский образ. И вскоре пришел в монастырь и постригся. Стал иноком и прожил оставшиеся годы в покаянии, служа братьям со всем смирением. Болезнь же его больше не приходила.

О хотевших обокрасть церковь

Некоторые люди, придя, рассказали о чуде, происшедшем в той обители. Однажды воры хотели обокрасть церковь святой Богородицы. И, когда устремились к окну, находящемуся у гроба святого Саввы, увидели огромную гору, на которую никак не могли подняться.

И напал на них страх и трепет, и ушли ни с чем. Потом эти воры и сами исповедовались в этом и прожили остальное время в покаянии.

Об исцелении больного

Инок той обители по имени Вениамин, ученик старца Варсонофия, пришел с головной болью и лицом, распухшим так, что он не мог глядеть глазами, и припал ко гробу святого, много слез из глаз проливая. И после совершения молебного пения умыл он лицо свое священною водою, и в тот же час болезнь его ушла, и с лица его как бы чешуя спала. И прославил Бога и служителя его блаженного Савву.

Об Александре Белом

После этого привезли некоего сына боярского, именем Александр, по прозванию Белый. Он болел так, что и в жизни отчаялся. И принесли его ко гробу блаженного Саввы и сотворили молебен о нем. Благодатью же Божией и молитвами святого он получил здоровье и ушел к себе.

О келаре Савве

Той же обители келарь именем Савва не мог даже поднять руку к губам, – так она отяжелела. И припал со слезами ко гробу святого и вскоре исцеление получил. После же игуменом был той обители.

Об исцелении женщины

Когда настал праздник честного Рождества Пресвятой Богородицы, привели некую женщину, именем Анну, мучимую бесом. И поставили ее вне церкви, напротив гроба блаженного Саввы. И во время литургии, когда начал диакон читать святое Евангелие, закричала женщина громким голосом: «Преподобный отец Савва здоровье подарил мне». И с того времени начала разумно говорить, и вошла в церковь, и припала к целительному тому гробу, великую благодарность воздавая Богу и служителю Его блаженному отцу Савве.

Об исцелении в доме Иоанна Ртищева

После же этого пришел сын боярский Иоанн Ртищев, принеся на ложе сына своего Георгия – больного и не могущего языком пошевелить. И сотворили молебен о нем, и влили в уста его квас преподобного Саввы. И было чудо славное: в тот же час больной заговорил и излечился от недуга своего, и вкусил хлеба обители святого Саввы, и выздоровел. Видев же это, Божие милосердие и быстрое выздоровление сына, помянутый Иоанн от великой радости много слез из глаз изливал и великое благодарение угоднику воссылал, как к живому говоря: «Имею, святой Божий, в дому моем рабов и рабынь, больных разными недугами. Знаю, преподобный отец, что, если захочешь, можешь и их исцелить». И попросил у игумена кваса этого для освящения рабов своих. И, когда пришел в дом свой, повелел позвать одну из рабынь своих, именем Ирину, которая была глуха и слепа, и повелел влить этого кваса в ее уши, а также и глаза ей помазать. И молитвами преподобного отца Саввы

раскрылся слух ее и просветились глаза ее. И всех, бывших в доме его, объял трепет и ужас, и все прославляли благодетеля Бога, прославляющего Своих служителей. Иоанн же повелел позвать одного из своих рабов, именем Артемия, который семь лет как оглох, и в его ухо влили квас. И в то время начал слышать. Также привели девицу, именем Киликию, слепую, и влили квас. И прозрела, и стала явно видеть всех, бывших в доме. И все от радости душевной прославили Бога и служителя Его, блаженного Савву чудотворца.

Об исцелении игумена Мисаила

Той же обители игумен, именем Мисаил, впал в недуг телесный, и болезнь была тяжела, угрожая смертью. И в то время пономарь Гурий хотел звонить к заутрене, и случилось так, что, когда был он напротив дверей церковных, встретил его старец благолепный и стал спрашивать его: «Как здоровье игумена вашего?» Он же рассказал о его болезни. Благолепный же старец сказал: «Иди и скажи ему, чтобы призвал на помощь святую Богородицу и основателя места этого старца Савву – и здоровье получит. Мне же открой двери церковные, чтобы я вошел в храм». Пономарь же засомневался и не хотел открыть, потому что не узнал его. И осмелился спросить его: «Кто ты, господин, и как твое имя?» Увиденный же им святой старец не ответил ничего, но пошел к дверям церкви, и они сами открылись, и вошел внутрь. Пономарь же позвал друга своего и стал пенять ему, говоря: «Зачем вечером не запер дверей церкви, сегодня я видел, как неизвестный муж вошел туда». И скорее пошли со светильниками к церкви и увидели, что она заперта и все, что надо, закрыто. По окончании же утрени пономарь рассказал это игумену и всей братии, и все поняли, что благолепный старец был преподобный Савва. Игумен же Мисаил повелел себя скорее нести ко гробу святого, и долго молился и плакал около него. И вскоре исцеление получил и прославил Бога и преподобного отца нашего Савву чудотворца.

Об исцелении Иоанна Ртищева

Однажды привезли упоминавшегося Иоанна Ртищева больным, так что никого он не узнавал и говорить не мог. И отслужили молебен о нем и влили в рот ему от кваса

блаженного Саввы. И тогда заговорил, и облегчилась болезнь его, и вскоре выздоровел.

Об исцелении казначея Геронтия

Той же обители дохиар, то есть казначей, по имени Геронтий, заболел глазами. И, припадая ко гробу святого, много плакал, чтобы больные глаза его выздоровели. Быстрый же в помощи, услышав молитву его, вскоре подарил ему здоровье.

Чудо о Данииле Болотникове

После этого некий сын боярский Даниил Болотников ехал из города Коломны и простудился. И пришел ко гробу блаженного Саввы, и отслужили о нем молебен. Тогда он получил исцеление и пошел к себе, радуясь.

Об умножении в сосуде масла по молитвам святого

Наступил день памяти преподобного отца нашего Саввы, и келарь Геронтий по благословлению игумена хотел устроить трапезу для удовольствия братии ради памяти святого. И внесли большой глиняный горшок с маслом, и с крыши упал кусок дерева, и горшок разбился. Келарь же сразу сказал об этом игумену Афанасию. Игумен же спросил его: «Есть ли масло в другом горшке?» Он же ответил, что мало осталось, из-за этого нельзя устроить трапезу, потому что масла не хватит. Игумен же сказал ему: «Все это, брат, следует нам возлагать на Господа Бога и на его служителя великого чудотворца Савву, который может и малое умножить. Ты же только вели все готовить, и сколько Бог даст – столько для насыщения братии предложим». Келарь же сразу пошел и велел готовить, и столько сготовили, что хватило и для насыщения братии, и много осталось. Масло же в сосуде не оскудело прежде всего по молитвам преподобного Саввы чудотворца. И все ели, радуясь и прославляя Бога.

О Домнике Михайлове дочери, жене Гусева

Пришел в обитель некий сын боярский, именем Семен, и рассказал игумену, что мать его Домника тяжело болеет: опухло все тело ее с головы до ног, говорить не может. Игумен же отслужил молебен о ней и послал святой воды и от кваса блаженного. Когда же пришли в дом ее, покропили ее святою

водой и от кваса того дали ей пить – сразу здоровье получила и прославила Бога и служителя Его преподобного Савву.

О Долмате Федорове сыне Карпове

Один из вельмож, Долмат Федоров сын Карпов, был одержим той же простудой. И пришел в обитель пресвятой Богородицы и припал ко гробу блаженного Саввы, молясь с умилением. Благодатью же Божией и молитвами святого выздоровел и ушел в дом свой, славя Бога.

Об исцелении бесноватого

Из одного села той обители привели человека по имени Савва, одержимого тяжелым недугом. И, пробыв несколько дней в обители той, здоровье получил.

О Григории Тоболине

Другой сын боярский, именем Григорий, заболел и был у дверей смертных. И когда принесли святую воду от гроба преподобного Саввы и окропили его, полегчала его болезнь и вскоре выздоровел.

О сытнике Семене

После этого привезли сытника[184] великого князя, именем Семена, которого мучил бес: бил людей и говорил нелепые слова, а кого зубами кусал. И молитвами преподобного Саввы исцеление получил.

Об исцелении бесноватого

Другой человек, именем Федор, подобно предыдущему, был мучим бесом, так же страдал и родных своих не узнавал. И пробыл несколько дней в обители святого, и исцеление получил.

О женщине, убитой громом

Некая женщина была убита громом и лежала семь дней, не видя глазами и не ощущая человеческого присутствия. Только по слабому дыханию понимали, что дух ее пребывает в ней. И окропили ее святой водою, и выздоровела.

Об исцелении игумена Афанасия.

Той же обители игумен Афанасий однажды впал в человекоугодие, осмелившись ради некоего князя в Великий пост рыбу свежую есть. И волею Божией отнялись у него рука, и нога, и язык.

И привели его к гробу преподобного Саввы, и многие слезы из глаз изливал, прося прощения в своем согрешении. Милосердный же Бог ради Своего служителя даровал ему здоровье: заговорил, рука же и нога стали крепки, как и прежде. И прославил Бога и служителя Его преподобного Савву и обещался более так не делать.

Об исцелении бесноватого

Привели сына боярского, именем Василия, которого мучил бес: он страшно напрягался и на людей бросался, как зверь, или падал на землю и извергал пену. И пробыл несколько дней в обители, и благодатью Божией исцеление получил, и ушел в дом свой, радуясь и славя Бога и служителя Его Савву чудотворца во все дни жизни своей.

Богу нашему слава теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, епископа Пермского [185]

Преподобный отец наш Стефан родом был русин, из славянского народа, из северной страны, называемой Двинской, из города Устюг. Сыном был одного христолюбца, верного христианина, по имени Симеон, клирика великой соборной церкви Святой Богородицы, что на Устюге. Мать его была тоже христианкой, по имени Мария. Еще ребенком, с малолетства отдан он был учиться грамоте, и скоро всю грамоту изучил так, что через год читал каноны и стал чтецом в соборной церкви. Он превосходил многих сверстников хорошей памятью, остроумием и быстротой мысли, в учении преуспевал, рос отроком благоразумным, возрастая разумом душевным, телом и благодатью. К играющим детям не подходил. Тех, кто суетным занимался и за тщетным гнался, не слушал, и не играл с ними. От детских обычаев и игр, нравов отворачивался, и упражнялся только в славословии Бога, и грамотой занимался, а также изучением всяких книг. И так скоро с Божьей помощью многое постиг, благодаря природной остроте ума.

Научился в городе Устюге всей грамматической премудрости и книжной силе. Когда же вырос в девственности, и чистоте, и целомудрии, и много книг прочитал Ветхого и Нового Завета, то через них взглянул на жизнь этого света, кратковременную и мимо проходящую, скороминующую, как речная стремнина или как цветение трав. Как говорит апостол: «Всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек»[186]; и как во святых Евангелиях Господь говорит: «Если кто оставит отца и матерь, жену и детей, братьев и сестер, дома и имущество, Имени ради Моего, сторицею примет и вечную жизнь наследует»[187]. Пришла к нему Божия любовь, и он оставил Отечество и все имущество; отрок этот был украшен всеми добродетелями, и рос в страхе Божьем. И еще молодым посвятил свою юность Богу, еще в отроческом возрасте постригся в чернецы в городе Ростове, в монастыре

святого Григория Богослова, прозванного «в затворе», возле епископии, потому что там было много собрано книг для чтения при епископе ростовском Парфении.

Постриг его один старец, просвитер, саном священник, по имени Максим, игумен, по прозвищу Калина. От него облекся Стефан в монашеский чин и добро потрудился в иноческом житии. И подвизался в добродетели постом и частою молитвою, и смирением, воздержанием и трезвостью, терпением и беззлобием, послушанием и любовью, а больше всего вниманием к Божественным Писаниям. Много и часто читал святые книги и благодаря им всякую добродетель приобретал, и плоды спасения выращивал.

У него был обычай прилежно читать книги, сильно замедляя чтение, чтобы правильно уяснить смысл каждого слова в стихе, то есть о чем говорится; и так с молитвою сподоблен был разума. И если видел человека мудрого и книжного, и старца разумного и духовного, то его расспрашивал и беседовал с ним, пребывая с ним ночью и днем, расспрашивая тщательно о непонятном. Разумная притча не ускользала от него, и трудно понимаемое толкование он отыскивал и уяснял смысл, всякое божественное повествование стремился услышать. От слов и речей и поучений старцев не отступал, всегда подражая житиям святых отцов, и от этого большего разума набирался.

Когда он иночествовал, его доброму о Христе житию дивились многие, не только иноки, но и простые люди. Он подвизался день за днем, как земля плодородная, на которой поднимают борозды разума, и она приносит многообразные плоды благоизволения Богу. Он прежде всех приходил в церковь на молитву и после всех выходил. Слушал разумно чистые повествования и учительные слова и ими просвещался, возводимый к новому знанию любовью к мудрости.

Он никогда не бывал празден, всегда любовно трудился, святые книги переписывая искусно и умело и быстро.. И об этом до сих пор свидетельствуют его книги, те, что он своими руками написал, трудолюбиво составил, те, что были его работой. За многую свою добродетель он был поставлен в дьяконы князем Арсением и епископом Ростовским. После преставления

митрополита Алексия[188] повелением митрополичьего наместника Михаила, прозванного Митяем, был поставлен Стефан в пресвитеры от Герасима, епископа Коломенского.

Желая большего разума, научился он любомудрию, то есть философии, и греческой грамоте и книги греческие изучил, и хорошо читал их и постоянно хранил у себя. Говорил на трех языках и три грамоты знал: русскую, греческую и пермскую. Тут сбылись известные слова, как говорится: «И на новых языках заговорят»[189], и еще: «На других языках заговорить заставил». Им овладела мысль пойти в пермскую землю и просветить ее. Ради этого он собрался изучить пермский язык и ради этого грамоту пермскую создал, потому что очень хотел идти в Пермь и учить людей некрещеных и обращать неверных людей, приводя их ко Христу Богу, к вере христианской. Не только подумал, но и сделал. Услышал преподобный о пермской земле, что живут в ней идолослужители, что действо дьявольское царствует в ней. Потому что в Перми люди приносили жертвы глухим идолам-кумирам и бесам молились, волховованием одержимы были, верили в бесование, и в чарование, и в дела кудесников – кудесы.

И об этом жалел раб Божий и очень печалился об их обольщении. И начал говорить: «Какие народы живут рядом в прилежащих северных странах, имею в виду части Хамовы?[190] Ведь земля Пермская осталась в первоначальном идольском обольщении, не просвещенной святым крещением, не наученной вере христианской. Ни от кого они не слышали, чтобы им кто-нибудь проповедовал Господа нашего Иисуса Христа. Ни апостолы не заходили к ним, ни учителя, ни проповедники, и никто не благовестил им слова Божьего. Но скажет кто-нибудь: «Как это не заходили апостолы в пермскую землю, а пророк Давид говорит: «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их»?» – «Я же скажу: не обленились апостолы, не пренебрегали проповедью, а много потрудился каждый из них до последнего вздоха своего. Окончили путь свой, беспрестанно во всех народах проповедуя Христа. Из них один Павел 14 народов научил. Также и другие апостолы, ученики Господни, хотя и в Перми не были, по

многим другим землям проходили, и во многих странах проповедовали слово Божие, и многие народы были крещены и научены ими. Потому что не один пермский народ на земле в поднебесной, но и многие другие, кроме Перми, их и крестили апостолы. Но когда Сам небесный владыка, Господь Бог наш, Своей благодатью захотел призреть Свое творение, то не дал им до конца погибнуть в обольщении идольском, а после многих лет помилосердовал о Своем создании».

Поистине весь день, то есть все дни своей жизни, все годы пребывали в неверии пермяки, в идолослужении, потому что не приходил к ним никто, кто бы благовестил слово Божие. Но когда благословил Спаситель наш в последние дни, в окончание лет, в последние времена – на исходе седьмой тысячи лет[191] помилосердовал о них Господь наш, не дал им погибнуть в обольщении идольском, но воздвиг угодника Своего Стефана, в те времена и сделал его проповедником и служителем Слова Истинного, строителем Его тайн и учителем Перми. Как в древности в Израиле Веселеила[192], наполнил его мудростью, и разумом, и искусством. Ими исполнился и сильным желанием, и теплотой веры Христовой разгорелся, загорелся пойти в пермскую землю и научить их православной вере христианской.

И задумав это, пришел к вышеупомянутому владыке Герасиму, епископу Коломенскому, когда тот был наместником в Москве, старцу долголетнему и прекрасному, святителю, поставившему его в священники. Стефан хотел у него благословиться, чтобы его благословил на благой этот путь и на доброе проповедание, потому что в это время в Москве не было никакого митрополита, Алексий уже отошел к Богу, а другой еще не пришел д. Ему же подобало с должным доброчестием испросить благословения, и молитв, и грамот, и отпущения у старейшин святительских. И однажды, войдя к Герасиму, он сказал: «О епископе, отче, господине! Благослови меня, владыко, пойти в языческую землю, называемую Пермь, к народам заблудшим, к людям неверным, некрещеным. Хочу научить и крестить их, если Бог поспособствует мне, и поможет, и посодействует, и твои молитвы помогут мне».

Преподобный старец, епископ Герасим, боголюбивый святитель, это видя и слыша, весьма удивился и сильно изумился, слыша его благочестивое предложение и добрую смелость. И, побеседовав с ним много о душеспасительном, собираясь же его отпустить, повел в святую церковь и, сотворив молитву и осенив честным крестом напрестольным, благословил. Отпуская же, сказал: «Чадо мое, Стефан, о Святом Духе сын нашего смирения, сослужитель наш и сопресвитер! Иди, чадо, с миром. И сохранит тебя Божия благодать. И да будет благодать Господа нашего Иисуса Христа, сына Божия, которого благовестить собираешься, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа пребудет с тобою ныне, и всегда и во веки веков. Аминь!» Преподобный раб Божий Стефан отвечал епископу: «Ныне отпускаешь раба Твоего, владыко! Пусть будет мне по слову Твоему с миром!»[193]

И после этих слов вышел преподобный от епископа, радуясь, как подарку, получив то, что хотел, Давид говорит: «Ты дал ему, чего желало сердце его»[194]. Взял с собой мощи святых, и антиминсы[195], и остальное необходимое, что нужно для освящения святой церкви, и святое миро, и священное масло[196] и отправился. Смело устремился в путь и обратился к земле Пермской. И как восхотел, пошел к вышеупомянутой земле, к земле забвенной, непроходимой, безвременной, к земле пустой, голодом охваченной. Голод – не голод хлебный, но голод, когда не слышат слова Божия, как и Давид говорил: «И во дни голода будут сытны»[197]. И прежде, чем войти в эту землю, помолился ко Господу Богу.

Помолившись Богу и по молитве смелости исполнившись, преданный Господу Вседержителю, дерзая по вере и по благочестию борясь, усердием божественным разгорелся, крепко препоясал бедра свои, осмелившись, вошел в нее, как овца посреди волков. И начал учить их познавать Бога и вере христианской, чтобы познали Творца своего, истинного Бога Вседержитиля, который сотворил небо и землю и всю тварь, видимую и невидимую. И другие многие слова им говорил из Божественного писания, приводя из святых книг, вразумляя, чтобы веровали и крестились. А одни, услышав проповедь веры

христианской, хотели веровать и креститься, а другие не хотели и тем, хотевшим, запрещали веровать. А те немногие, что уверовали сразу и были им крещены, часто приходили к нему и постоянно сидели с ним, беседуя и спрашивая, и всегда держались его и очень любили. А те, что не веровали, не любили его и избегали, и даже убить хотели.

Сперва Стефан много зла перенес от неверных пермяков, от некрещеных: озлобление, роптание, поругание, хулу, укоры, унижение, досаждение, поношение и пакость, иногда смертью грозили ему. Иногда убить его хотели, иногда обступали его со всех сторон с палицами и с большими дубинами, смерти его предать задумав. В другой раз собралась толпа крамольников и принесли множество охапок сухой соломы. И когда огонь принесли и солома вокруг него была сложена, хотели уже запалить ее и этим огнем жестоко убить намеревались раба Божия. И когда это совершалось, раб Божий, видя приближающуюся смерть, вспомнил слово Давида, гласящее: «Обступили меня, окружили меня; но именем Господним я низложил их. Окружили меня, как пчелы, и угасли, как огонь в терне; именем Господним я низложил их»[198].

В печали, словно в мучении огненном и словно посреди нестерпимого пламени стоя, Бога призывал, говоря: «Поспеши, щедрый, и прийди на помощь, милостивый, да будет воля Твоя… Господи! пред Тобою все желания мои»[199], а все делание мое – обратить этот народ пермский из обольщения идольского, потому что «обрушились народы в яму, которую выкопали; в сети, которую скрыли они, запуталась нога их…»[200]. Господи, Всемогущий человеколюбче, увидь немощь мою, пошли помощь Свою в помощь мне, помоги мне, Господи Боже мой, и спаси меня милости Твоей ради! Господи, спаси же, Господи, помоги в благовествовании, помоги мне, Господи, и пособи обратить людей и привести их к Тебе. Собери, Господи, людей Своих разбросанных, и призови овец Своих заблудших, ибо Сам сказал, Господи: «И других овец имею, что не от двора Моего, и тех мне подобает привести. И голос Мой услышат и будет одно стадо и один пастух»[201]. Ты – истинный пастырь душ наших, Ты Один без греха, не презирай дела рук Твоих, освободи рабов

Твоих от уз дьявольских, от идолослужения, просвети им очи ума и дай им разум, чтобы ощутили и познали Тебя, единого истинного Бога! И нет Бога, кроме Тебя, и другого Бога не знаем, имя Твое призываем, да прославится имя Твое во веки веков. Аминь!»

Раб божий Стефан, помолясь Богу, решил заложить святую церковь Божию. Когда же была основана и поставлена, то вознес ее премногою верою и теплотой избытка любви: воздвиг ее чистой совестью, украсил ее всякими украшениями, как невесту прекрасную. Она поистине дивна, поэтому и Давид свидетельствует, говоря: «Свята церковь Твоя и дивна воистину». Дивна же премногих ради похвал, а многими похвалами хвалят ее не ради того, что человеческим искусством создана или ухищрениями мастеров, и замыслами, и знанием приукрашена, но прекрасна Божией славой и добродетелями, и Божественными славословиями возвышена, и спасением людей преисполнена, и православной красотой приодета.

Поставил эту церковь на месте, названном Усть-вымь, там где Вым-река впадает в Вычегу-реку, где впоследствии была создана обитель его большая, где потом основана его епископия. Когда освятил церковь, то назвал ее во имя Пресвятой Пречистой Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и вечной девы Марии во имя честного ее Благовещения[202].

Стефан не переставал, согласно заповеди апостола, учить и наставлять, молить и запрещать[203], указывать пермякам путь истинный и наставлять на стезю правую, а суету кумирскую обличать и обольщение идольское посрамлять, желая их привлечь в разум Божественный. Но люди, прежде омраченные, народ, не понимающий Божьей благодати, как лишенное смысла принимали то, что было им на пользу; не только не веровали и не слушались, что им говорил, но и гневались на благодетеля, и ненавидели делающего им добро, и роптали на учителя неблагодарные люди. Однажды нашли раба Божия уединившимся, и пришло множество перми, неверной и некрещеной, и нападали на него с яростью, с гневом и воплем.

Убить и погубить хотели, ополчились на него единодушно и, как хор став вокруг него, натягивая, натянули луки, и стрелы смертоносные были в луках, и прямонаправленными стрелами своими застрелить его жаждали, и так смерти предать хотели. А Божий страстотерпец нисколько не побоялся нападающих на него и их устремлений, не побоялся их выстрелов, как сказано: «Не убоишься ужасов в ночи стрелы, летящей днем»[204]. И когда стреляли, не побоялся и как на детские стрельбы смотрел на их выстрелы. Раб Божий обратился к людям пермским и сказал им: «Мне ваших стрел не велено опасаться Владыкою моим, так пишется в Святом Евангелии: «Идите, вот я посылаю вас как овец посреди волков»[205]. «Не бойтесь тех, кто убивает тело, а душу погубить не может, не бойтесь больше того, кто может и душу, и тело погубить и по убийнии в геенну огненную ввергнуть: ей, говорю вам, Того, бойтесь»[206]. Смерть, стрелами наносимая, – кратковременная, и малозначительная, и скоропреходящая, даже не смерть, но начало жизни. А горе и зло – умереть человеку душевной смертью. Смерть, как сказано, грешников люта, то есть душевная смерть, потому что смерть души – мука вечная».

Однажды преподобный раб Божий, помолясь Богу, сотворил молитву и вошел в некое место, где была их знаменитая кумирница, иначе капище, и собрался разорить идолов. И опрокинул жертвенники, и богов сравнял с землей, и с Божьей помощью знаменитую их кумирницу поджег, огнем запалил ее. Все это сделал один, когда идолослужители не знали и кумирников не было, и не было ни спасающих, ни защищающих. Одержав эту победу, он не убежал тут же с этого места, никуда не ушел, а сидел на том месте, как будто ничего не ожидая надвигающегося на него, и укреплялся Божьей благодатью. Вдруг узнали об этом, рассказали друг другу, и тогда сбежалось целое сборище. И когда они примчались с яростью, с великим гневом и воплями, то, как дикие звери, устремились на него, одни с дрекольем, другие похватали топоры в руки и обступили его отовсюду. И жестоко острием топоров хотели его сечь, крича и непристойное выкрикивая и бесчинственные крики испуская. И, окружив его, стали вокруг и замахнулись своими секирами, а

он находился меж ними, как овца среди волков. Не ругался, не бился с ними, а с кротостью проповедовал им слово Божие, уча их вере Христовой и наставляя во всякой добродетели. И, воздев руки, словно к смерти приготовившись, со слезами говорил Богу: «Владыко, в руки Твои предаю дух мой…» И так, молясь Богу, остался цел, и никто не поднял на него руки, никто не ударил, не ранил его, Божией благодатью был сохранен, остался цел и невредим. И так прошел среди них, потому что Бог сохранил своего угодника и служителя, как сказал Давид-пророк: «Ибо не оставит Господь жезла нечестивых над жребием праведных»[207].

Тогда раб Божий помолился Богу и собрался опять учить их. И, став на ровном и приметном месте, начал учить о царствии Божьем и обратился к ним с апостольскими словами: «О люди, что вы делаете! И я такой же человек, но благовествую вам слово Божие и велю вам, говоря – отступитесь от этого пустого идольского служения, оставьте обольщение кумирское, и тогда избегнете суда и огня вечного! Ради чего поклоняетесь идолам и почитаете их, и статуи, высеченные, вырубленные, богами называете? Ваши кумиры – дерево бездушное, дело рук человеческих. Губы имеют, а не говорят, уши имеют, а не слышат, глаза имеют, а не видят, ноздри имеют – а не чувствуют запаха, руки имеют – а не осязают, ноги имеют – а не идут. И не ходят, и не сойдут с места, и не заговорят, и не обоняют, ни жертв, приносимых не принимают, не пьют, не едят. Такими же будут и творцы их и все, надеющиеся на них. А Тот, в Кого веруют христиане, и чтут, и славят, Того и я вам проповедую, Тот – истинный Бог, и нет иного бога, кроме Него. Люди пермские, братья, отцы и дети мои, послушайте меня, добра вам желающего, веруйте в Господа нашего Иисуса Христа, которого я вам сейчас проповедую: это Христос, истинный Бог наш, это Спаситель всем христианам, верующим в него».

И неоднократно учил, и многих уговорил оставить пустое пермское обольщение идольское и веровать в Господа нашего Иисуса Христа. Хотя с яростью и гневом раньше бросались на него, но обычно смирялись перед его кротостью. Хотя с

оружием и с дрекольем раньше нападали на него, но обычно, благодаря благим его словам и святому учению, делались кроткими и становились тихими и мирно говорили, расходясь, не делали ему никакого зла. И многие крестились. И так понемногу увеличивалось стадо Христово, постепенно прибывало христиан: не сразу, говорят, строится город. А прочие оставались некрещеными.

И был у них обычай собираться вместе и сходиться в одно место. Шли пермяки к нему к новопоставленной церкви, или он к ним, в какое-нибудь назначенное место для вопросов и состязаний. Но обычно, с тех пор, как была построена церковь, каждодневно приходили пермяки и некрещеные тоже. Не на молитву приходили, и не как жаждущие спасения, и не ради молитвы прибегали, но чтобы увидеть красоту и величие церковного строения, и так сидели, наслаждаясь видом, а потом уходили. А расходясь, неверные между собой говорили друг другу: «Действительно велик этот Бог христианский».

Кумирники ненавидели христиан и не переставали хулить и бранить преподобного и новопросвещенных христиан, ругаясь, и передразнивая, и пакостя. Узнавая, что христиан становится все больше, свирепели и не давали им жить спокойно, но причиняли беды и немалые обиды. И это видя, преподобный не мог терпеть, как христианам досаждают, и из-за этого печалился и часто о том со слезами молил человеколюбца Бога день и ночь, чтобы обратил их от кумирского обольщения в Свою истину.

И еще много раз собирались некоторые из пермяков, суровейшие мужи, неверные люди и еще не крещенные. Одни из них волхвы, другие кудесники, иные чаротворцы и прочие старцы, которые стояли за веру пермскую и старые обычаи и хотели уничтожить веру христианскую; сильно смущая, люто спорили с ним, хваля свою веру, хуля и укоряя веру христианскую. И часто досаждали ему, сопротивляясь в вере. А Стефан Божией благодатью и своим умением всех их переспорил.

Когда восхотел Бог Своею благодатью просветить пермскую землю святым крещением, услышал Он молитву и слезы

угодника Своего Стефана и не забыл обращения его. Услышал Господь плач его и не презрел моление и просьбу его. Тогда захотели креститься еще не крещенные пермяки, и собралось к нему много народа, мужчины, и женщины, и дети, как на поучение. А он, видя, что они идут на крещение, обрадовался их обращению и с веселым сердцем и с усердием принял их, и опять учил их как обычно, и много говорил им о Боге и о законе Его. И все били Стефану челом, припадая к его ногам, прося святого крещения и знамения Христова крестного. Он же, ознаменовав их, каждого своей рукой перекрестил, и огласив[208], и молитву сотворив, и благословив, отпустил их с миром восвояси. Заповедовал же им каждый день приходить в святую церковь Божию, особенно оглашенным. И каждый день молитву творил над ними и, в назначенное время помолившись о них, научил их преславной вере христианской; и с женами, и с детьми крестил их во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. И научил их грамоте пермской, которую до того впервые сложил, и всем их новокрещеным мужчинам, и юношам, и мальчикам, и маленьким детям велел учить грамоту, часословец, и восьмигласник, и песни царя Давида[209], и все остальные книги. Среди учившихся грамоте выбирал тех, кто изучил святые книги, одних для поставления в священники, других в диаконы, других в иподиаконы, чтецы и певцы. Песнопения им напевал и переводил, и научил их писать пермские книги: и сам, помогая им, переводил с русских книг на пермский, а книги отдавал им. И так с тех пор учили друг друга грамоте, и с книг сами книги переписывали.

Видя это, преподобный радовался душой и не переставал благодарственно молиться день и ночь за спасение и за обращение людей. Всегда учил, чтобы стадо Христово росло и умножалось каждый день, а стадо неверных умалялось, убывало и оскудело. И так с Божьей помощью, Его благоволением и содействием поставил другую святую церковь, хорошую и чудную, по образу вышеупомянутой церкви, и для нее иконы и книги написал. И даже третью церковь поставил. И так довелось ему не одну церковь поставить, а много, потому что люди пермские, которых крестили, не в одном месте жили, а

здесь и там, одни близко, а другие далеко. Потому и следовало разные церкви в разных местах ставить – по рекам и погостам, где какой подобает, как он сам считал. И так святые церкви ставились в Перми, а идолы сокрушались.

Какое рвение было у преподобного против статуй, которых называли кумирами, как возненавидел он их из-за непомерной мерзости! И совершенной ненавистью возненавидел их. и до конца их ниспроверг, и идолов попрал, и кумиров сокрушил, богов с землей сравнял. Те статуи, высеченные, изваянные, выдолбленные, вырезанные, ниспроверг, и топором посек, и огнем испепелил, и пламенем пожег, и без остатка их истребил. Неленосто сам со своими учениками по лесам обходя, и по погостам выспрашивая, и в домах ища, и в лесу находил, и здесь и там всюду находил, пока все кумирницы не уничтожил и до основания их не искоренил, и ни одной из них не осталось. А то, что было повешено возле идолов, или как кровля над ними, или как приношение, или как украшение: соболя, или куницы, или горностаи, или ласки, или бобры, или лисицы, или медведи, или рыси, или белки, то, все это собрав, в одну кучу складывал и огню предавал. А кумира сначала обухом в лоб бил, а потом топором сек на маленькие полена и, разведя огонь, обоих сжигал, – и кумира, и кучу с куницами. А себе этого богатства не брал, но огнем сжигал, говоря, что это имущество дьявола. И этому очень удивлялись пермяки, говоря: «Как он не берет все это как добычу, не ищет в этом прибыли, как он отверг и презрел столько имущества, как бросил и потоптал ногами столько богатства?» И сказали друг другу: «Поистине он – раб Божий! Это – Божий угодник, он поистине для нашего спасения Богом послан, и все это делает ради него и нашего ради спасения, а не ради своей прибыли или приобретения сокровищ».

Пришел однажды волхв, чародей-старец, лукавый внушитель наваждений, знаменитый кудесник, волхвам начальник, знахарям старейшина, который в волшебных искусствах всегда упражнялся, в кудесном чаровании усердный был помощник, имя ему – Пам сотник. А его раньше некрещеные пермяки чтили больше всех прочих чародеев, наставником и учителем своим называли и говорили о нем, что

его волхованием держится пермская земля, что его учением утверждается идольская вера. Он и тогда не был верным, некрещеный, ненавидел христианскую веру и не любил христиан.

Кудесник, часто приходя иногда тайно, иногда явно, развращал новокрещеных людей, говоря: «Братья пермяки, отеческих богов не оставляйте, а жертв им и треб не забывайте, а старый исконный обычай не покидайте, давней веры не отметайте. Как делали отцы наши, так и вы делайте, меня слушайте, а не слушайте Стефана, который пришел от Москвы. А от Москвы может ли добро придти? Не оттуда ли к нам тягости приходят, дани тяжкие и насилие, тиуны, и доводчики, и приставы?[210] Поэтому не слушайте его, но меня слушайте, – добра хочу вам. Я ведь вашего рода и одной земли с вами, один род и единоплеменник, и одно колено, и один язык. Лучше вам меня слушать, потому что я ваш давний учитель, и подобает вам меня слушать, старца, как отца. А этот русин, пришедший к тому же из Москвы, младше меня, малолетний и юный телом, по годам мне годится в сыновья или внуки. Поэтому не слушайте его, но меня слушайте, и моего предания держитесь, и крепитесь, чтобы не вас победили, а вы бы победили его».

А люди новокрещеные отвечали: «Не можем бороться со Стефаном против его разума. Когда он с нами крепко боролся словами евангельскими, апостольскими, пророческими, а больше всего отеческими и учительными, побеждены были словами его, и пленены учением его, и как будто ранены любовью его. И как стрелы вонзились в нас, и утешением его, как сладкой стрелой ранены, и потому не можем, не хотим ни слушать, ни сопротивляться, потому что не можем преступить истины, но желаем жить согласно истине».

И был этот кудесник лютым противником преподобного, и злым ратоборцем, великим неукротимым супостатом и борцом, хотевшим разрушить веру христианскую. И люто возмущал верных, постоянно спорил со Стефаном, часто возражал ему, как в древности Анний и Замврий в Египте спорили с Моисеем[211]. Кудесник, хотя и много поучений слышал, но ни

одному не верил, и не слушал, что ему говорили, и не принимал сказанного, но спорил и отвечал, говоря: «Это все представляется мне баснями, и ложью, и кощунством, вами выдуманными, и я не поверю, пока не испытаю веры». И вышло по этим словам. Когда кончились все разговоры после многих споров и возражений, решили они оба, и избрали вдвоем, и захотели предпринять испытание веры. И сказали друг другу: «Прийдем и зажжем огонь, и войдем в него, и сквозь огонь пламенный пройдем посреди пламени горящего. Вместе, вдвоем пройдем, ты и я, и тут примем испытание, и здесь увидим проявление веры: кто выйдет цел и невредим, того вера правая и тому все последуем. И в другой раз другой искус примем таким же образом: прийдем оба, взявшись за руки, и войдем вместе в одну прорубь, и спустимся в глубину реки Вычегды, и пустимся вниз подо льдом. После ниже из одной проруби оба опять вынырнем. Тот, чья вера правой будет, цел выйдет и невредим, и тому все прочие подчинятся». Всему народу понравилась эта речь, и сказали люди: «Поистине, это хорошие слова сказали вы сегодня».

Когда сошлось множество людей, Стефан сам посреди них стал и обратился к людям, сказав: «Благословен Господь! Возьмите огонь и принесите его сюда и зажгите эту крайнюю постройку, которую открыли. И подожгите как следует, пока не разгорится». И когда это было сделано, преподобный сотворил молитву. И сотворив молитву, сказал «аминь!» – и после этого сказал людям: «Мир вам, спасайтесь!

Простите и молитесь обо мне, потому что мы с терпением идем на предстоящий подвиг, взирая на основателя веры свершителя Иисуса». И так собирался смело войти в огонь, и обратился к волхву, и сказал ему: «Пойдем оба вместе, взявшись за руки, как обещались». А он не пошел, устрашившись шума огненного, испугавшись, туда не вошел. Народ в это время стоял, люди собрались, и видели воочию свидетели, как огонь горел и пламя распалялось. Преподобный же опять устремился, схватил его, принуждая, рукой взяв волхва за одежду и крепко сжав ее, силой волок в огонь, чародей же все время назад пятился. И сколько раз это

происходило, столько раз он, когда его быстро тащили, вопил, говоря: «Не трогайте меня, оставьте в покое». После третьего принуждения преподобный обратился к нему, говоря: «Пошли, войдем в огонь, как ты сказал, по решению твоему, как ты хотел». А он не хотел идти, и сказал ему Стефан: «Не твои ли это слова, которые раньше говорил, не сам ли ты выбрал это и так захотел испытать Бога живого? Как же сейчас сделать этого не хочешь?» А он, бросившись, бил челом, и, припадая к его ногам, объявлял свою вину и говорил о своей немощи, пустоту и обман свой обличая. Преподобный Стефан, победив волхва в этом деле, еще раз другим образом одержал над ним победу.

И привел его к реке, и сделали две большие проруби, одну выше, а другую ниже. В ту, которая была верхней, должны были оба вместе нырнуть, взявшись за руки, а из нижней, дойдя до нее подо льдом, вынырнуть. Чародеец-волхв и там побежал, осрамился. Но и там три раза его заставляли, и много раз отказывался, говоря: «Не могу это сделать, хоть и тысячу раз виноватым меня считайте». А люди спросили: «Злой старик, теперь пришла на тебя беда, говори, окаянный, почему не вошел ни в огонь, ни в воду, но совершенно осрамился?» Отвечая, волхв сказал: «Я не научился преодолевать огонь и воду, а дидаскал, учитель ваш Стефан, в детстве, в юности научился у своего отца волхвованием и чарованием заговаривать огонь и воду. Потому его ни огонь не жжет, ни вода не топит, что научен он этому искусству. А я многие злокозненные хитрости в своей жизни изучил и умею чары творить, волхвования и кудесы, заговоры и колдовство и прочие многие наваждения, а одного не умею – заговаривать огонь и воду». Люди же сказали ему: «Всюду, окаянный, приговорил сам себя на погибель. Ты доказываешь, что Стефан чарами тебя победил, но это не так, не обманывайся пустыми вещами этого света, он этого не учил совсем. Но Стефан смолоду изучил святые книги, которые помогли ему узнать, как угодить Богу. И обрел три вещи: веру, любовь и надежт ду. А надежда не посрамит, вера же святого угасила силу огненную, а любовь – перед ней ничто не устоит. Потому что сказано, кто нас отлучит от любви Божьей? Ни смерть, ни жизнь, ни меч, ни огонь»[212]. И

еще о верующих Спаситель сказал: «Для верующего все возможно»[213]. Ты же человек, если поверишь, тогда, и больше этого увидишь. Хочешь ли веровать и креститься, потому что тебя переспорили?» Околдованный нечестивый волхв не захотел познать истину, и так, не уклоняясь, сказал: «Не хочу веровать и креститься».

Преподобный обратился к народу и сказал: «Вы свидетели всему этому, скажите мне, что вы думаете?» Они сказали: «Подлежит казни». Тогда мужи пермские подошли и взяли его, а взяв, отдали Стефану, говоря: «Возьми его и казни, потому что он подлежит казни и по нашему старому обычаю должен умереть, потому что слова Божьего не слушает, Евангелие хулит, проповедь ангельскую укоряет. И как же он не подлежит казни, как же не должен умереть? Ведь если отпустишь его живым, не оскорбленным и не казненным, то еще больше будет пакостить». А Стефан отвечал им и сказал: «Да не будет так, не поднимется рука наша на врага. Ни руки не подниму на него, ни казню, ни смерти не предам. Потому что послал меня Христос не бить, а благовестить, и повелел мне не мучить, а учить с кротостью и увещевать с тихостью, повелел не казнить, а учить с милостью». Потом обратился к волхву и сказал: «Слышал ли все это, обольститель?» Он же отвечал: «Да, честный отче, все сказанное слышал и твердо запомнил». И еще его спросили: «Не будешь больше пакостить или развращать народ?» Он отвечал: «Нет, честный отче, если же буду пакостить или веру твою развращать, пусть тогда умру у твоих ног». Преподобный опять сказал ему: «Перед многими свидетелями свидетельствую и запрещением запрещаю тебе, чтобы ты никогда ни в чем подобном не провинился. Если же окажется, что спустя несколько дней после запрещения ты преступил эти слова, тогда канонической эпитимье[214] подлежишь и казни городского закона будешь подлежать. Теперь приказываю отпустить тебя: уходи от нас цел и невредим, только берегись, чтобы потом не пострадать». И когда сказал это, люди, державшие волхва, отпустили его, он выскочил от них, как олень, и ушел от собрания, радуясь, что не убит.

И когда умножились ученики, ставшие христианами, также и церкви святые там строились в разных местах, и на разных реках и на погостах, здесь и понадобилось Стефану найти, и поставить, и привести епископа. Проще говоря, всячески требовала земля епископа, так как до митрополита и до Москвы далеко. Как далеко отстоит Царьград от Москвы, так далека от Москвы дальняя Пермь. И как можно без епископа жить, и кто может так далеко и надолго постоянно отлучаться по епископским делам и для церковного управления или священников ставить, попов и дьяконов и игуменов, или благословение брать для основания церкви, или на ее освящение и на многое другое, где случается необходимость в епископе. И об этом всем посоветовался преподобный со старшими своими чиноначальниками и по этой причине отправился от земли дальней, то есть от Перми, в Москву к великому князю Дмитрию Ивановичу и к Пимену, который тогда был митрополитом. И причину эту поведал им, по которой от дальних мест пришел в Москву. Услышав это, великий князь и митрополит удивились, похвалили его и понравились им его слова, и пообещали, что исполнится его просьба. Митрополит печалился и пекся постоянно о мире, о городах и о странах и прочих епархиях, бывших в его митрополии, о множестве словесных овец, особенно новокрещеных. И прилежно думал и гадал, искал и спрашивал, кого найти, отыскать и избрать, поставить и послать епископом в Пермь, и каким должен быть епископ, и каким должно быть его достоинство. Одни этого поминали, другие же другого предлагали, а иные иного имя называли. Митрополит же сказал: «Нет, да не будет так. Поистине хороши и те, но ни один из них не подходит, но уже нахожу в Ветхом Завете сказанное слово: «Нашел Давида, сына Иесеева, мужа по сердцу моему»[215]. Так и я нашел Стефана, мужа доброго, мудрого, разумного, мыслящего, умного и искусного и всячески добродетелями украшенного и такого дара достойного среди многих достойных. Думаю, что он подходит, и надеюсь, что он настоящий труженик. Еще к тому же имеет благодать, данную ему от Бога, и дар учительства и талант, врученный ему, и слово мудрости и разума. А еще грамоту знает

и на других языках может обратиться к людям и чувствами душевными и телесными наделен».

Услышав это, архиереи, старцы, и книжники, и клирики все вместе как одними устами воскликнули: «Поистине прекрасный человек достоин такой благодати». Особенно великому князю было приятно его поставление, потому что знал его хорошо и любил давно. Так митрополит Божией благодатью и соизволением великого князя и своим избранием и желанием всего причта поставил его епископом в Пермскую землю, которую он просветил святым крещением, которую научил вере христианской. В ней исповедовал имя Божие перед нечестивыми, в ней проповедовал святое Евангелие Христово, в ней совершил дела удивительные, потрясающие и славные, которых раньше там никто не творил. Там он идолов попрал, святые церкви построил и богомолье устроил, и святые иконы поставил, и людей Богу поклоняться научил. К этим людям, которых от обольщения избавил, от бесов увел и к Богу привел, поставлен был святителем и законодателем, как Давид говорил: «Поставь, Господи, его законодателем над ними, чтобы поняли народы, что они люди»[216]. Поставлен же он был после Тохтамышевой рати[217] на другую зиму, когда и Михаил епископ Смоленский был поставлен, тогда, и этот с ним, они одновременно были поставлены.

Когда после своего поставления после многих дней отпущен был великим князем и митрополитом, отправился в свою землю, получив подарки от князя, и от митрополита, и от бояр, и от прочих христоименитых людей, и пошел своей дорогой, радуясь, благодаря Бога, все благоустроившего. И приехав в свою епископию, держался опять по-прежнему, и делал обычное дело, и слово Божие проповедовал со смелостью, и постоянно учил. Где сколько осталось некрещеных, отыскивая здесь и там, и если в какой стороне находил язычников, то в православную веру обращал и крестил. Всех же крещеных учил в вере пребывать и вперед спешить, как говорит апостол: «Прошлое забывая и простираясь вперед»[218].

И грамоте пермской учил их, и книги писал, и церкви святые ставил и освящал, иконами украшал и книгами наполнял, и монастыри основывал, и в чернецы постригал, и игуменов назначал, и священников и попов и дьяконов сам поставлял, и анагностов[219] и иподьяконов посвящал. И священники на пермском языке служили обедню, заутреню и вечерню, пели на пермском языке, и каноны по пермским книгам читали, и чтецы читали на пермском наречии, певцы же всякое пение пермское возглашали. И совершилось чудо в земле той, где прежде были идолослужители-бесомольцы, теперь богомольцы появились, где храмы идольские стояли, кумирские жертвенники и капища, церкви святые устроялись и монастыри и богомолия учинялись.

Бог, милостивый человеколюбец, все устраивающий на пользу людей, и не оставляя рода человеческого без разума, но приводящий к разуму и к спасению, который пощадил и помиловал людей пермских, воздвиг и дал им, как в древности в Израиле Веселеила, полного мудрости и искусства, так и Стефана, мужа доброго и благословенного, послал к ним. Он же дал им новую грамоту, пермскую азбуку, сложив, составил. И когда произошло все это, многие люди, видя и слыша это, изумлялись: не только бывшие в Перми, но и по другим городам и землям. Особенно в Москве удивлялись, говоря: «Как он умеет пермские книги писать, откуда дана ему премудрость?» Другие говорили: «Это воистину новый философ. Тот был Константин, прозываемый Кириллом[220], философ, который дал славянскую азбуку в 38 букв, а этот сложил числом в 24 буквы, по числу букв в греческой азбуке, одни буквы греческого письма, а другие из пермского языка».

И если спросишь пермяка: «Кто вас избавил от рабства идолослужения, кто вам грамоту составил и книги перевел?», то с жалостью, и радостью, и с большой охотой, и с усердием отвечают: «Добрый наш дидаскал Стефан. Господь один вразумлял его, Господь один водил его, и не был Бог ему чужим». Когда же это случилось? Недавно, думаю, что от создания мира в год 6883 (1375), в царство Иоанна, царя греческого, в Царьграде царствовавшего, при архиепископе Филофее, патриархе Константина града. А в Орде, и в Сарае

над татарами тогда Мамай царствовал, которого сейчас уже нет. На Руси же это было при великом князе Дмитрии Ивановиче. Ни архиепископа, ни митрополита на Руси не было в те дни, но ожидали прихода митрополита из Царьграда, его же Бог дал.

Епископ Стефан был искусен в книгах и, так как был украшен этой добродетелью, словом и делом мог противостоять идолослужителям и спорящих с ним обличать. В книгах прекрасно разбирался и все, что почитается нужным и непонятным в Святом писании, легко мог истолковать и разрешить. Добрый дар имел от Святого Духа, и удивлялись многие люди и изумлялись такой Божьей благодати, данной ему. Ведь он был один среди неверных, один такой в наше время, искусный рассказчик, и один дидаскал слов апостольских и пророческих. И только один из многих мог хорошо толковать речи пророков и предсказания.

И милостыню подавать любил, странников и нищих кормить, и гостей принимать. Сколько раз на многих ладьях привозил жито из Вологды в Пермь и все это тратил не на свои дела, но только на потребу странникам и приходящим и всем другим, кто нуждался. Не только физическая пища всем предлагалась, но и духовная подавалась и поучение божественное постоянно. И до еды и во время еды, и после еды читался псалом, а после питья – пение. Много принимал странников и купцов, и пришельцев, приплывающих и отплывающих. И не позволял им уйти просто так, но получалось, что всякий приходящий сначала у него гостил, и у него благословлялся, и у него же ел и пил, и от него принимал увещевание, и учение, и благословение, и утешение, и только после этого шел своим путем, потому что Бог наставлял Стефана на спасение многих душ.

Когда приблизилось время его преставления, за два месяца или чуть больше до смерти, созвал людей новокрещеных пермских и, собрав их вместе, поучение им сказал обычное, последнее поучение. Собираясь отойти к Богу, постарался сделать все как следует, поэтому и за людей помолился: «Благодарю Тебя, Отче святой, Вседержитель, и единочадного Сына Твоего, и пресвятого, благого, животворящего Духа

Твоего. Взгляни на людей этих новокрещеных и на Своих словесных овец, которые мною, недостойным, приведены к вере. И очисти им души и тела Своею благодатью, и посети сад Свой, насажденный Твоей рукой! Дай же им всячески творить Твою правду, и укрепи их в православной вере христианской, обнаруживая в них Свой завет! Избавь их от старого идолослужения, и от всякого обольщения диавольского, и от всякой ереси пагубной, и научи их творить волю Твою! И помощи Своей не отними от них, и здесь, на земле, сподоби их прожить в преподобии и в правде, и там в будущей жизни, сподоби их наследниками благ быть, ибо Ты благословен вовеки! Аминь».

Поучив людей, и благословив, и молитву сотворив, ушел. Когда он входил первый раз в эту землю, начиная учить, молитву сотворил и, уходя, опять молитву сотворил. И начиная, и заканчивая, и совершая, все молитвою заключил и запечатлел, и так ушел из земли Пермской в Москву. Когда же пришел конец жизни, и время ухода его настало, и подошел час преставления, случилось ему в то время быть в Москве у митрополита Киприана, который его очень любил. И тогда случилось ему в Москве, несколько дней поболев, преставиться. Подобает тому, кто по апостольским словам трудами воздержания хорошо потрудился, общему естеству долг отдать. Но до своего преставления, когда лежал на одре болезни, братия часто посещала его, одни стояли вокруг него, другие сидели у него, и даже сам великий князь приходил его посетить, и многие бояре навещали его. Так он болел.

Однажды он призвал своих клириков, и ризничих, и дьяконов, и всех бывших с ним, сколько их приехало из земли Пермской, и сказал им: «Теперь отпускаю вас обратно в землю Пермскую. После моей смерти идите и скажите им, новокрещеным людям пермским и всем ближним и дальним, возвестите им мои слова, то, что им завещаю. Последнее слово хочу сказать, после этого уже больше не буду говорить: «Постигнет меня кончина. И пришел день, и приблизился час, и приспела година. Но так как должно держаться доброго исповедания до последнего вздоха, скажите от меня людям:

«Вот я отхожу от вас и больше не буду с вами. Я иду путем отцов моих, которым все пошли. Я умираю, как и все живущие на земле. Слушайтесь, люди мои, закона Божьего! Слушайтесь дети, – бдите и молитесь, стойте в вере неколебимо, мужайтесь, да укрепится сердце ваше. Будьте в вере тверды, опасайтесь еретиков, остерегайтесь развращающих веру, берегитесь приходящих церковных раскольников и ищущих раздора, хоронитесь от всякой ереси пагубной, опасайтесь давнего кумирослужения, чтобы никто не прельстил вас злыми словами. Вы знаете, братья, какую скорбь я принял, какую тяжесть поднял в пермской земле и сколько пострадал в стране той, утверждая веру, устраивая крещение, закон устанавливая. Всегда пекся, день и ночь моля Бога, чтобы открыл мне дверь милосердия, принял молитву мою, чтобы спас людей Своих. Бог же, человеколюбец, не презрел молитвы моей, но исполнил мою просьбу, привел людей в веру. И вы сейчас совершенны в крещении, и теперь, братия, предаю вас Богу и слову благодати Его, которое может вас оградить, сохранить и спасти. Дальше, братия, стойте в вере крепко, непоколебимо, держитесь Завета, который завещал вам, и веры, которую от меня приняли, – не добавляйте, не умаляйте ничего сверх установленного закона. Слушайтесь закона Божьего и всего, что заповедал Бог во всем Своем законе. Слушайте святое Евангелие Христово и святых Его божественных ангелов. Слушайтесь заповедей святых отцов, которые установлены на семи Великих Вселенских соборах, святых преподобных и богоносных отцов наших, как правила их повелевают. После моего отшествия, если кто придет к вам, или еретик, или идолослужитель, или совратитель, или же церковный раскольник, или хулитель веры христианской, или кудесник, или зловредный, не принимайте такого. С такими не ешьте, не пейте, не дружите, не соединяйтесь, но во всем избегайте их. И учения его не слушайте, и словам его не внимайте, и установлений его не принимайте. Сказал Павел апостол Титу: «Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден»[221].

Если кто начнет учить вас учению, противному святой Православной вере христианской, против святой соборной апостольской Церкви, даже если покажется мудрым, если подвиги какие-то начнет совершать, не слушайте его. Сказал божественный апостол Павел: «Если и ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема»[222]. Вы же, как я вам проповедовал, так и пребывайте, какое я вам передал учение, такое и храните; что от меня приняли, того и держитесь, как от меня слышали и научились, так и делайте, то и сохраняйте. И Бог мира да будет с вами. Аминь!»

И немного побеседовав с ними о душеполезном, и все распределив и управив, и все приготовив и устроив, протянул ноги на ложе своем. И когда братия стояла, и канон обычный пела, и славословила, он сам с братьями немного беседовал. Одному из священников кадилом велел покадить с фимиамом, другому молитву отходную произнести, другим канон на исход души прочитать. И еще было благодарение на устах его, и молитва исходила от уст его, и он, как будто спать захотел или дремать начинал сладким сном – тихо и безмятежно испустил дух. Преставился ко Господу на четвертой неделе после Пасхи, когда отмечался праздник преполовления Пасхи[223], в середине Пятидесятницы вечером в среду, 26 апреля, в день памяти святого отца Василия, епископа Амасийского. Индикта четвертого, а от сотворения мира, то есть от Адама в год 6094 (1396)[224] в царство правоверного греческого царя Мануила, который в Царьграде царствовал, при патриархе Антонии, архиепископе Константинопольском, при патриархе иерусалимском Дорофее, при патриархе александрийском Марке, при патриархе антиохийском Ниле, при благоверном великом князе Василии Дмитриевиче, в седьмой год княжения его, при архиепископе Киприане, митрополите всея Руси, когда он был в Киеве, при прочих князьях благочестивых и христолюбивых. Всей литовской землей в те дни владел князь великий Витовт Кестутьевич. Это произошло во дни христолюбца великого князя тверского Михаила Александровича, и Олега Рязанского, и Андрея Ростовского, и

Иоанна Ярославского, в шестнадцатый год владычества Тохтамыша, он владел тогда Мамаевой Ордой. Заволжское царство держал второй царь по имени Темиркутлуй, который той страной владел. В те дни он преставился.

Когда он умер, собралось провожать его множество народа: князья, бояре, игумены, попы, горожане и другие люди. И проводили его честно. Пропев над ним обычное надгробное пение, предали гробу честное тело его. Положили его в славном городе Москве, в монастыре святого Спаса, в церкви каменной, на левой стороне от входа. И многие скорбящие тужили по нему, вспоминая добродетельное его житие и душеполезное учение его, и благонравные обычаи его. Особенно стадо его тужило по нему, новокрещеный народ пермский.

Повесть о житии Михаила Клопского [225]

Явление Михаилы. Чудо первое юродивого Христа ради из Клопска, что на реке Веряже. Приход Михаилы, юродивого Христа ради, в монастырь святой Троицы на Клопске при Феодосии[226], избранном на владычество.

Чудо первое. А пришел ночью, в канун Иванова дня[227]. Поп[228] Макарий, покадив церковь на девятой песне, пошел в келью, а она открыта. Вошел в келью, а там сидит на стуле старец, а перед ним свеча горит, и переписывает он «Деяния», святого апостола Павла плавание[229]. И поп, переполошившись, вернулся в церковь да рассказал об этом Феодосию-игумену и чернецам.

И игумен, взяв крест и кадило, пришел с чернецами к келье, а сенцы в келью уже заперты. И посмотрел игумен в окно в келию, а там сидит старец и пишет. Тогда игумен сотворил молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас, грешных!» И старец в ответ тоже сотворил молитву. И игумен трижды творил эту молитву, и он в ответ игумену тоже трижды творил эту молитву.

И Феодосии говорит ему: «Кто ты есть – человек ли или бес? Как твое имя?» А он ему отвечает теми же словами: «Человек ли ты или бес? Как твое имя?» И Феодосии спросил его во второй и третий раз. А он в ответ трижды повторил те же слова.

И повелел игумен Феодосии в сенцах крышу содрать, а в келье дверь выломать. И, войдя в келью, начал игумен келью фимиамом кадить и старца стал кадить. И тот от фимиама прикрывается, а сам осеняет себя крестным знамением. И еще спросил его игумен Феодосии: «Как ты пришел к нам? Откуда ты? Что ты за человек? Как имя твое?» И старец отвечал ему теми же словами: «Как ты к нам пришел? Откуда ты? Как имя твое?» И не могли допытаться у него о его имени. И Феодосии молвил старцам такие слова: «Не бойтесь, старцы, Бог нам послал этого старца».

И потом позвонили к обедне, и поп Макарий пошел в церковь. И начали служить обедню. И когда пришло время петь «Единородный»[230], то старец вошел в церковь и тоже начал петь «Единородный», пропел и «Блаженны»[231], и «Апостол»[232], и всю службу пропел до конца. И поп, отслужив обедню, дал Феодосию просвиру, а Феодосии дал ее старцу и молвил: «Иди к нам в трапезную хлеб есть!» И он со всеми пошел в трапезную. И когда поели, то Феодосии говорит ему: «Оставайся у нас, старец, живи с нами». И сам Феодосии ввел его в келью.

Чудо второе, о разбойниках. Спустя немного времени как то Феодосий-игумен и старец, после того как окончилась обедня, вышли с обедни из церкви, а у церкви стоят трое неизвестных. И Феодосий-игумен дал им просвиру, и двое из них взяли просвиру, а один не взял. И старец говорит Феодосию: «Зови их хлеб есть, ведь они издалека пришли».

Сели в трапезной за стол, да не едят. Тогда спрашивает их старец: «Почему, детки, не едите?» А они говорят: «Есть, господин, у нас еще товарищи». И он одного послал: «Позови товарищей». И тот пошел и позвал их. А их идет, к тем троим, еще двенадцать человек с оружием. И стал старец понуждать их поесть хлеба – не хотели есть. И некоторые из них поели, а один, старший среди них, и хлеба не захотел попробовать, и охватил его сердечный недуг. И те, которые поели, пошли прочь, а двое из них разболелись. И одному из них старец сказал: «Постригись – тогда выздоровеешь!», а другому сказал: «Иди, скажи своим друзьям: с этих пор больше не крадите, не разбойничайте, отступитесь от своих грехов». А товарища их постригли и дали ему имя Дорофей.

Чудо третье о Михаиле. Как узнал его князь Константин. Вскоре после этого, на Преображение Господне, приехал князь Константин Дмитриевич со своей княгиней, чтобы причаститься и монастырь накормить. И за обедом заставили старца читать Книгу Иова праведного[233]. И князь, услышав голос его, посмотрел ему в лицо и узнал его. И говорит ему: «А ведь это Михаила, Максимов сын». И он в ответ молвил князю: «Бог знает!» И Феодосий-игумен ему сказал: «Почему, сынок, имени

своего нам не назовешь?» И он молвил в ответ: «Бог знает!» И с тех пор назвал свое имя – Михаила. И начали его звать Михаилом.

И князь сказал игумену и старцам: «Бережно относитесь к нему – этот человек наш свойственник!» С тех пор игумен и братья начали оберегать его.

Чудо об источнике. Как-то в Веряже вся вода высохла. Пошел пономарь за водой для церкви и увидел, что Михаила пишет на песке: «Чашу спасения приму, имя Господне призову[234]. Тут будет источник неисчерпаемый». И как обедню отпели, пономарь сказал об этом игумену. И пошли игумен и Михаила на берег, и посмотрел игумен, что написано на песке. И спросил игумен у Михаилы: «Что, Михаила, написано на песке?» И Михаила говорит: «Чашу спасения приму, имя Господне призову. Тут будет источник неисчерпаемый». И сотворили игумен и Михаила молитву. И покопали немного, и истекла вода ключом. И забил источник неисчерпаемый, и течет до нынешнего дня.

По прошествии немалого времени пришел в Троицкий святой монастырь на Клопске князь Константин Дмитриевич[235], чтобы благословиться на поездку в Москву у игумена Феодосия и у Михаилы. И так говорит князь: «Зовут меня братья». И Михаила сказал ему: «Будешь в Москве у своих братьев. А нынче построй в монастыре, пока ты здесь, каменную церковь святой Троицы, а Бог тебе, чадо, устроит за это каменные невидимые палаты на небесах».

И говорит князь Феодосию: «Есть ли у вас для этого мастера?» И Феодосии ответил ему: «Есть, княже». И послал игумен Феодосии за мастерами Александром, Иваном и Елисеем. И спросил князь у мастеров: «Можете ли мне в этом году построить церковь каменную?» И отвечали мастера: «Можем, господин, такую же, как церковь святого Николы на Лятке»[236].

И договорился князь с мастерами: дал им в задаток тридцать рублей, а потом им получить сто рублей да по однорядке[237]. А кормиться им, без работников, в монастырской трапезной.

И заложили церковь в день памяти царя Константина[238]. И, когда возвели церковное строение в рост человека, окончился камень. И не было возможности нигде ничего достать – стояла непогода великая две недели.

И мастера решили прочь уйти. А князь начал горевать, что церковь не достроена, а ему уже в Москву пора ехать. И Михаила говорит князю: «Князь, не тужи! Бог даст наутро тишину». И утром стало тихо. И послали за камнем в ладьях. И дул попутный ветер, когда и туда ехали и обратно с камнем. А завершили храм святой Троицы на Дмитриев день[239].

И князь решил ехать в Москву, а Михаила говорит ему: «Жди подходящего времени – прибудут тебя звать, княже, честные люди. А ты, князь, не забудь свой монастырь и нас, нищих. А мы, доколе свет стоит, будем за тебя Бога молить». И поехал князь в Москву к братии, и приняли его с честью.

А в то время болел владыка Иван[240] три года, и избрали на владычество честного мужа из Спасского Хутынского монастыря Семиона[241]. Возвели его на владычный престол, и три года владычествовал без поставления, а потом поставил его митрополит[242], и владычествовал еще три года, и после этого свели его со владычества. И возвели на владычный престол, по пророчеству Михаилы и по жребию, Феодосия, мужа честна. И пробыл на владычестве три года, и потом свели его с владычного престола бояре и отослали назад в монастырь. И после этого прожил он еще два года в монастыре при владыке Евфимии: после Феодосия на владычный престол возвели владыкой мужа честного Емельяна, нареченного на владычестве Евфимием.

Разгневался однажды на монастырь посадник Григорий Кириллович. Пришел Григорий в монастырь в Великий день[243] на обедню в церковь святой Троицы. И игумен, отпев обедню, вышел из церкви. А посадник удержал игумена и чернецов на монастырском дворе. И сказал посадник игумену такие слова: «Не пускай ни коней, ни коров на жары[244] – то моя земля. И ни по реке Веряже, ни по болотам, ни около двора моего не ловите рыбы. А начнете ловить, – прикажу я рыболовам вашим руки и

ноги переломать». И Михаила сказал посаднику: «Сам будешь без рук и без ног, и в воде едва не утонешь!»

И послали игумен и Михаила рыболовов на реку и на болота ловить рыбу. И вышел посадник, а рыболовы тянут сети. И он пошел к ним, к реке, да и в реку сам за ними погнался, ударил кого-то рукою да хотел в другой раз ударить, но промахнулся да упал в воду и едва не утонул. Подоспевшие слуги подняли его да повели, а у него, по пророчеству Михаилы, руки и ноги отнялись.

И рано утром привезли его в монастырь. А Михаила не велел его в монастырь пускать, ни принимать от него ни кануна[245], ни свечей, ни просвир. И поехали они прочь с угрозами: «Мы пожалуемся влыдке и Великому Новгороду, что вы не хотите за посадника молебен служить и ни просвир, ни кануна не принимаете». И пошли Яков Андреанов сын, Феофилакт, Захарьин сын, Иван Васильев жаловаться владыке и Новгороду. И послал владыка своего протопопа да протодьякона к Михаиле и к игумену: «Отслужите за посадника молебен и обедню». А Михаила говорит протопопу и протодьякону: «Молим мы Бога о всех людях, не только о Григории. Пусть поездит по монастырям, попросит у Бога милости!»

И поехал посадник по монастырям и начал давать милостыню, и целый год и полтора месяца ездил он по всем новгородским монастырям и нигде, ни в одном из монастырей, милости Бога не обрел. Вернувшись домой, послал посадник сказать владыке: «Не обрел я себе помощи в монастырях». И владыка говорит ему: «Теперь поезжай в монастырь святой Троицы да проси прощения у святой Троицы да у старца у Михаилы».

И послал владыка в монастырь своих попов с посадником. И когда приехали, то велел Михаила молебен петь и обедню служить. Посадника внесли в церковь на ковре, а он и перекреститься не может. И начали петь молебен святой Троице. И когда дошли до конца – начал он рукой двигать, а ведь целый год и полтора месяца ни рукою, ни ногою не мог пошевелить. Когда пошли с Евангелием на выход – он

перекрестился да сел. А когда дошли до переноса – он встал на ноги и стоял до конца службы.

И, отпев обедню, пошли в трапезную, где был приготовлен обед. И посадник сказал: «Святая братия, хлеб да соль вам, отцы!» А Михаила в ответ: «Вот что уготовил Бог любящим Его и заповеди Его соблюдающим, а того, кто зачинает рать, – Бог накажет!» И был так посадник Посахно научен Михайлой и с тех пор стал добр и к Михаиле, и к монастырю.

Хватились раз старцы Михаилы на Святой неделе, а его в монастыре не оказалось. Он же в это время появился в городе, у святой Софии[246], в притворе. И узнал его Посахно Григорий Кириллович. И говорит ему, как кончилась заутреня: «Разговейся вместе с нами». А он в ответ: «Бог знает!» И велел посадник своему человеку присмотреть за ним. Хватились, а Михаилы как не бывало. А в это время из церкви на Клопске пошел поп и видит – стоит Михаила в церковном притворе. И немного поели, а Посахно прислал человека узнать – не в монастыре ли Михаила, а он уже в монастыре.Поспорили из-за земли Олферий Иванович с Иваном Семеновичем Лошинским. И предсказал Михаила Олферию Ивановичу: «Отнимутся у тебя руки и ноги и онемеешь!» Вот пришел Олферий к церкви святой Богородицы в Курецке[247] и говорит: «Брат Иван, здесь моя земля!» Ударил он по рукам с Иваном Семеновичем Лошинским и рукавицею оземь. Наклонился поднять рукавицу, и отнялись у него рука и нога, и язык отнялся, так что и говорить не может.

В те же годы возвели на владычный престол владыку Евфимия Второго. И владычествовал он три года избранным, но не поставленным. Как-то приехал владыка в Клопский монастырь братию кормить. Вот, сидя за столом, владыка и говорит: «Михайлушка, моли Бога за меня, чтобы было от великого князя согласие на поставление». А в руках у владыки платок. И Михаила выхватил платок из рук владыки да возложил его на голову владыке: «Поедешь в Смоленск, и там тебя поставят во владыки». И ездил владыка в Смоленск и был поставлен владыкой. И поехал владыка опять к Михаиле и говорит ему: «Бог меня поставил и митрополит зовут меня в Москву». И Михаила сказал владыке: «В Москву тебе ехать и

бить челом великому князю и митрополиту». И ездил владыка к князю и бил челом митрополиту, как предсказал Михаила.

Приехал в ту пору в Новгород князь Дмитрий Юрьевич[248] и пришел в Клопский монастырь благословиться у Михаилы. И говорит он: «Михайлушка, скитаюсь вдали от своей вотчины – согнали меня с великого княжения!» А Михаила в ответ: «Всякая власть дается от Бога!» И князь попросил: «Михайлушка, моли Бога, чтобы мне добиться своей вотчины – великого княжения». И Михаила говорит ему: «Князь, добьешься трехлокотного гроба!» Князь же, не вняв этому, поехал добиваться великого княжения. И Михаила сказал: «Всуе стараешься, князь, – не получишь, чего Бог не даст». И не было Божьей помощи князю.

И в то время спросили у Михаилы: «Пособил Бог князю Дмитрию?» И Михаила сказал: «Впустую проплутали наши!» Записали день, в который это было сказано. И так оно и оказалось. Опять прибежал князь в Великий Новгород. И опять приехал он в Клопский монастырь братию кормить и у Михаилы благословиться. Накормил и напоил старцев, а Михайле дал шубу, с себя сняв. Когда стали князя провожать из монастыря, то Михаила погладил князя по голове да промолвил: «Князь, земля по тебе стонет!» И трижды повторил это. Так и случилось – накануне Ильина дня[249] князь преставился.

Раз исчез из монастыря олень и Михаила с ним. И три недели неведомо где пропадали и Михаила и олень. А накануне Покрова дня преставился Феодосии. И послали за владыкой Евфимием, чтобы проводил Феодосия, а тот не поехал. И три дня лежал Феодосии непохороненным. И собрались люди добрые из города, игумены честные и попы и понесли Феодосия к могиле, хоронить; смотрят, идет Михаила, а олень за ним, ничем не привязан: только у Михаилы клочок мха в руке, и олень за клочком мха идет. И положили Феодосия в могилу, и честно погребли его.

В декабре месяце на Саввин день[250] разболелся Михаила, но в церковь ходил. А стоял справа у церкви, на дворе, против могилы Феодосия. И стали спрашивать его игумен и старцы: «Почему, Михаила, не стоишь в церкви, а стоишь на дворе?» И он им ответил: «Тут я хочу полежать». И до преставления

своего прожил он в монастыре пятьдесят лет и шесть месяцев. А постели и ничего другого не требовал себе, а спал на песке, а келью топил мусором и конским навозом.

На Феодосиев день Михаила сам принял святые дары и, взяв с собою кадильницу и фимиам, пошел в келью. Послал игумен ему от трапезы еды и питья. И когда пришли к нему, то келья была закрыта. Открыли, и фимиам еще курился, а его уже не было в живых.

И стали искать место, где его положить, и везде земля была мерзлая. И надумали чернецы и игумен проверить то место, где стоял Михаила. Попробовали они копать в этом месте, и оказалась земля тут талой. И погребли они его здесь честно.

Некий христолюбивый купец, Михаила Марков, глубоко чтил святого старца Михаилу. Когда однажды пошел он торговать за море и, пробыв за морем год, возвращался назад, то поднялась сильная буря, вздымались волны великие, било корабль о дно моря, наступила великая беда. Начал купец плакать и призывать Бога на помощь и его угодника Михаилу. Взывает купец к Михаиле: «Господин Михаила, был ты мне помощником при жизни своей, теперь о мне, грешном, Богу помолись!» И явился Михаила купцу без промедления на море, удерживая корабль за нос, и сразу исчез. И наступила полная тишина. Избавился корабль от потопления. И когда вернулся купец в дом свой, то прославил Бога и угодника его Михаилу. И взял на себя обет чтить память святого до своей смерти. Так и было.

А вот другое пророчество Михаилы – Никифору-попу. Украл тот панагию[251], и он, Михайла, говорит Никифору-попу: «Ума лишишься!» И после этих слов у попа ни ума, ни памяти. И велел Михаила печь разобрать, а панагия в печи.

И еще. Стал владыка Евфимий Первый притеснять монастырь – захотел деньги с монастыря получить. И взял из монастыря коня вороного. И Михаила владыке говорит: «Мало тебе жить, останется все!» И с тех пор разболелся владыка и преставился.

Приехал посадник Иван Васильевич Немир в монастырь, а Михаила по монастырю ходит. И Михаила спросил посадника: «Что ездишь?» И посадник отвечает ему: «Был я у пратещи

своей, у Ефросиний, да приехал к тебе благословиться». И Михаила сказал ему: «Что это, чадо, за совет у тебя такой – ездишь да с бабами совещаешься?» И посадник в ответ ему: «Летом придет на нас князь великий – хочет подчинить себе землю нашу, а у нас уже есть князь – Михаил Литовский».

И ответил ему Михаила: «То у вас не князь – грязь! Пошлите послов к великому князю и бейте ему челом. А не умолите князя, придет он со своим войском к Новгороду и не будет вам Божьей помощи. Станет князь великий в Бурегах, и пошлет силу свою по Шелоне, и попленит новгородцев многих, иных в Москву уведет, а иных – казнит, а у иных выкуп потребует. А Михаил-князь за вас не встанет, помощи вам от него не будет. И придется посылать вам преподобного отца владыку до посадников да бить великому князю челом, и он челобитье ваше примет, и много денег с вас потребует. Да в скором времени после того князь великий опять придет и город возьмет да все по своей воле установит, и Бог поможет ему». Так все и сбылось.

Богу нашему слава и ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Житие Прокопия Устюжского, Христа ради юродивого [252]

Издавна Божественное писание глаголет о святых мужах, блаженных и юродивых[253], достойных вечной памяти, ибо святые эти прожили на земле во плоти богоугодную и преподобную жизнь непорочную и честно подвиг свершили о Христе, и сего ради уподоблены были ангелам. И так как пребывали в посте, молитвах и подвиге духовном, просияли в жизни сей как звезды небесные и победу великую одержали над вражьей силой, красоту мира сего суетного от себя отринули и славу света сего прелестного ни во что не ставили, но всегда своими пречистыми душами жаждали нескончаемого века будущей жизни и услаждения с Господом Богом и со святыми его ангелами, с пророками и апостолами, и мучениками, что уготовано было им от сотворения мира. Ради этого, братия, благо нам и полезно тех святых мужей, блаженных Христа ради юродивых, чистое их житие и подвиги и бывающие от них преславные чудеса и слушать, и переписывать, ибо за то бывает нам от Господа Бога великое благо и немалое воздаяние. Слушателям же и сведущим толкователям известно, что лучше оседает и укореняется в сердцах наших то, чего боишься, и на добрые дела направляет и побуждает последовать житию этих святых. Если же не будут описаны благодеяния их, достойные запоминания, то из памяти нашей уйдут и обречены на забвение.

В нынешнем же последнем роду нашем кто сможет святых блаженных, Христа ради юродивых мужей по достоинству восхвалить и о них поведать?! Их житию и терпению и сами ангелы Божий удивлялись и их восхваляли, ибо имена тех святых мужей и добродетели их записаны на небесах, как эти святые силою Пресвятого Духа взяли крест Христов на плечи свои и последовали Ему, а за это открыл им Господь двери райского блаженства, чтобы вкусили радость и насладились вечной жизнью. Об этих святых в Поучении своем Василий Великий, епископ Кесарии Каппадокийской пишет так: «Братия,

будьте ревнителями праведно живущим на земле людям: осознанно обращайте внимание на знамения и имена, деяния и подвиги их и впишите в сердца свои».

Я же, худый, не достоин жития тех святых и блаженных и не мог достичь их совершенства, но надеялся лишь на Бога, уповая на помощь Его, как сказал воистину Христос: «И ничего не можете творить без Меня»[254]. Коли Бог нам помогает и наше усердие распаляет, поддерживает нас в нашем желании, тогда и мы можем делать добро, ибо все свершаем для Бога, и кроме Его никто ничего не может сотворить. Потому и я, худый, надеясь на Его праведную волю и на угодника Его, предивного и блаженного Прокопия, Христа ради юродивого, на молитвы его, дерзнул описать его житие и духовный его о Боге подвиг и напомнить будущему поколению небольшую часть его чудес, да незабвенны будут и память его, святая и преславная, и дивное его чудотворство, и добрые деяния. Дерзнул же изложить эти немногие заповеди преподобного Прокопия не на скрижалях сердечных, а на письменах, чтобы напоминать слушателям на пользу душам их.

Прийдите, братия, в церковь преподобного и блаженного Прокопия Устюжского, нового чудотворца, и все вместе воспомянем, говоря так: «О превеликое чудотворство святого предивного Прокопия, светоча пресветлого, который с детского возраста вел в своих неверных странах добродетельное житие, будучи христианином, странствуя по городам Христа ради, претерпевая многие страдания, творил по землям и рекам свои чудеса до самой кончины. А где ныне почивает его многострадальное и терпеливое тело, на том месте по преставлении его чудесами воздается ему великая хвала, и неоскудевающая благодать исходит постоянно и поныне от его святого гроба на многих людей, приходящих с верою. И все это подобает нам воедино собрать и описать на пользу душам людским. Кое-что я слышал от людей, иные же божественные явления и сам видел своими глазами, как молитвами его свершаются великие чудеса от его целительного гроба. О том же, возлюбленные мои братья, помолимся все прилежно Господу и попросим у Него великую и щедрую милость открыть

уста для изречения Слова похвального блаженному Прокопию. Выпросим у Господа милости, и помолимся ему, и припадем, и восплачемся ко Господу, и воскликнем с Давидом: «Господи, уста мои отверзи, и уста мои возвестят хвалу Твою!»[255] И как очистить, Господи, Душу мою от грехов моих, исцелить мучения плоти моей и сердце мое, о Боже, сделать чистым, чтобы я смог восхвалить доброго наставника и всемирного учителя, преподобного и блаженного Прокопия, Христа ради юродивого, страстотерпца Христова, и описать подробно пречистое житие его и преславные его чудеса? На Господа Бога уповает душа моя и на преподобного, благодаря его молитвам произнесем начальные слова жития. Блаженный и вечно поминаемый Прокопий, как о нем искони сказывают некоторые из жителей Великого Новгорода, родом был из западных стран, латинского языка, из немецких земель. Рожден же и воспитан был в большом богатстве, а о вере родителей и родственников его никто не знает, лишь одному Богу это известно. Когда достиг он совершеннолетия, снарядили из его отечества корабль с имуществом, и отбыл он из дома и родной земли.

И после долгого пути, по Божьей воле, прибыл он на корабле, груженном очень большим богатством, в Великий Новгород с остальными своими спутниками-латинянами (по купеческому обычаю приезжали они сюда каждый год; с ними же – и святой Прокопий). И видит он в Великом Новгороде истинную христианскую православную веру, ибо сияет она в мире, как солнце, множество прекрасных церквей, поклонение святым иконам, слышит великий звон и святое пение и чтение святых книг, множество монастырей, построенных около Новгорода и весьма обилующих монашеским чином. И после того, что увидел, он и понял, снизошла на него Божья благодать. И с тех пор всей душой и сердцем своим устремился к истинной Христовой вере и начал печься о ней и радеть всем существом своим день и ночь, как бы ему свершить истинный подвиг Бога ради.

Возлюбив землю Новгородскую и веру православную, возненавидел веру отеческую, в которой был воспитан родителями. Затем ушел от спутников своих, утаившись и

спрятавшись от них. Потом начал ходить по городу и монастырям, искать себе учителя, мудрого и разумного, истинного наставника в вере Христовой. И пришел в один из монастырей, именуемый «на Хутыни» (от Великого Новгорода на расстоянии семи поприщ)[256]. Тогда игуменом в нем был преподобный отец наш Варлаам. И вошел он в тот монастырь и припал к ногам преподобного Варлаама и начал его молить слезно, чтобы научил его Господнему Евангельскому слову и заповедям Его, и православной непорочной вере Христовой. И поведал о себе, что он пришелец из Северной страны латинского языка, и о большом своем богатстве, и о помысле своем сердечном, о христианской вере. Преподобный же Варлаам, видя его умиление и выслушав от него такие слова, стал подозревать сердцем и умом своим, что неправду говорит ему Прокопий. Тот же умолял и припадал к преподобному Варлааму с плачем и сильным рыданием, чтобы преподобный научил и наставил его заповедям Господним и направил бы его по спасительному евангельскому пути. И преподобный Варлаам мудрым оком своим рассмотрел неукротимый его помысел и сердечную твердость в служении Богу и понял душой, что избран он святым сосудом духовным. А Прокопий неотступно был возле преподобного Варлаама. И затем преподобный Варлаам раскрыл свои уста, начал излагать ему Господне Евангельское слово: «Если кто захочет идти за Мной, пусть откажется от себя и возьмет крест свой, каждый день последуя Мне. Тот же, кто хочет душу свою спасти, погубит ее напастями и бедами и большим терпением, а тот, кто смирит свою душу ради меня и Евангелия, тот спасет ее. А какая же польза человеку, если он сбережет для себя богатство, а душу свою погубит?!»[257] Когда блаженный Прокопий услышал эти Евангельские слова от преподобного Варлаама, как бы из уст Божьих, воспринял их сердцем своим радостно и твердо усвоил умом. И затем взял имущество у попутчиков своих и ушел от них. И стал постоянно жить в монастыре у преподобного Варлаама, внимая Божьим словесам и наслаждаясь заветами Христовыми день и ночь. Преподобный же Варлаам всегда поучал его спасительному пути и насыщал его душу, как

медовые соты, Божественным учением и святыми книгами. И здесь же он оставляет латинское мудрствование и, по повелению преподобного отца Варлаама, учителя и наставника своего, начинает пост и великое о Боге терпение, а затем принимает святое крещение и раздает все свое имущество нищим и неимущим, Христа ради, и в монастырь преподобного Варлаама на церковное строительство храма боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

С той поры он принял житие юродствующего Христа ради, перешел в буйство, по апостолу, глаголющему: «Братия, Бог избрал житие простодушных в мире этом, чтобы посрамить власть сильных и рассудочных мира сего, и для этого выбрал людей покорных и неимущих, дабы изничтожить имущих людей»[258]. Многие люди Новгорода стали восхвалять его за житие и стойкость, говоря, что человек этот велик перед Богом, ибо пришел с Северной страны, из немецкой земли кораблем с большим богатством, а здесь все свое имущество роздал нищим и сиротам и в монастырь Христа ради, сам же превратился в юродивого и облекся в разодранные и непотребные одежды, став блаженным Христа ради. Блаженный Прокопий всегда слышал эти слова от людей, обращающихся к нему и весьма восхваляющих его. Но когда блаженный приходил к преподобному Варлааму, он передавал ему все похвальные слова, сказанные людьми, и затем говорил преподобному: «Я, отче, совсем не требую этого и не хочу тленной этой славы видеть и слышать от людей, ибо хочу будущей вечной жизнью наслаждаться и твоим великим учением и назиданием. И поэтому хочу, отче, отсюда удалиться и отправиться в путешествие в Восточные страны, где повелевает мне быть Господь». Преподобный же Варлаам, слыша от Прокопия такие слова, стал говорить ему: «Чадо Прокопий, не подобает тебе исходить из монастыря в мир, пока не прекратится о тебе людская молва, но побудь здесь хотя бы в течение одного года в затворничестве». И блаженный Прокопий ответил ему: «Я, отче святой, не нуждаюсь в этом и не хочу здесь оставаться. Сотвори обо мне, грешном, молитву ко Господу Богу и благослови меня на путешествие».

Преподобный же Варлаам, слыша от Прокопия такие слова, понял, что он непоколебим и непреклонен в помыслах о подвиге. И встал преподобный Варлаам, и сотворил молитву о нем, и благословил его на путешествие в восточные страны, где Святой Дух укажет ему пребывать. И долго наставлял его на спасительный путь, и отпустил искать достойное место, где Господь повелит быть упокоению тела его. И блаженный Прокопий, по благословению преподобного отца Варлаама, отправился из Великого Новгорода в путешествие в восточные страны. И проходил блаженный многие города, и села, и страны, и непроходимые леса, и топи, и болота непроходимые, и все это с радостью терпел святой Христа ради, желая отыскать прежде потерянное небесное отечество. В пройденных городах и окрестных землях блаженный Прокопий перенес много оскорблений и позора, и побоев, и тычков от неразумных людей. Святой представлялся им юродивым или безумным и ничего не отвечал, а только говорил про себя: «Господи, помилуй!» – и молился за них: «Господи, не поставь им это во грех, ибо не ведают, что творят!» Великое свое терпение явил: от зимнего мороза замерзал, а в летнее время сгорал от солнечного зноя; днем ходил как юродивый, а ночью пребывал без сна и молился непрестанно Господу Богу, оплакивая грехи свои, а про себя говорил, утешая свою душу: «О Прокопий, подобает тебе, претерпев многие муки, войти в Царствие Небесное, ибо только прилагающие усилия достигают его»[259]. И утешая себя такими милосердными словами, блаженный Прокопий переходил из города в город, из страны в страну и пришел к достойному месту, которое было ему уготовлено.

И дошел блаженный Прокопий до Великого и славного града Устюга и вошел в него. И опочил после своего путешествия в верхнем конце города в. ветхой часовне. Затем встав, пошел по городу и увидел в городе красоту церковную, и пожелал блаженный Прокопий тут жительствовать. Тогда все горожане увидели его и, вообразив, что он юродивый и убогий умом, вознаградили градом ударов, тычков, оскорблений, обид и ранили его. Блаженный же Прокопий, как будто чужим телом, воспринимал с благодарностью и переносил все эти

оскорбления от них, неразумных людей, взирая и уповая на предстоящий подвиг, на главу веры и свершителя, Иисуса. А досаждающим ему людям не хотел причинить никакого зла и лишь мысленно молился за них, говоря: «Владыка, Царь Небесный, не посчитай им это за грех, ибо не сознают, что творят».

Когда он молился Господу Богу, то был невидим людям; Божьей помощью и благодатью был прикрываем. Житие блаженного Прокопия было таково. Славу мира суетного и мимотекущего он ни во что не ставил. Днем оскорбляемый и избиваемый людьми был истязаем многими обидами, а ночью не давал себе никакого покоя, а ходил по городу и по всем божьим церквям и молился Господу с обильными слезами, стоя на коленях, прося у Бога помощи городу и людям. С утра же опять весь день блаженный Прокопий ходил по городским улицам, пребывая в юродстве. Когда же святой хотел обрести покой от многих своих трудов или немного уснуть, тогда он ложился на улице, на помойке, или на куче мусора, или в ветхой некрытой часовне, не прикрывая свое нагое тело. И зимний мороз, и снег, и летний солнечный жар, и зной и дождь – все это переносил блаженный Прокопий с радостью и благодарностью Бога ради. И так проходили дни его жизни. И как блаженный Прокопий возлюбил Бога всей своей душою и телом, так и Бог его возлюбил и прославил в мире с юного возраста не только в наш век, но и в будущем царствии, сторицею воздав ему превеликую Свою благодать. И принял от Него блаженный Прокопий пророческий дар, а также дар чудотворения.

Затем блаженный Прокопий изволил жительствовать на паперти у соборной апостольской церкви пресвятой Богородицы, честного и преславного Ее Успения. Соборная же церковь тогда была деревянной и весьма высокой. Здесь, при церкви Пресвятой Богородицы, блаженный Прокопий бывал постоянно: зимой и летом, днем и ночью, тут же, не входя ни к кому в дом и не беспокоясь о пище и одежде, принимал немного пищи от богобоязненных прихожан и тем питал свое тело (и то не всякий день); от богатых же не принимал никакой

пищи. Вот такой была жизнь этого блаженного. Следует вспомнить важнейшие из множества чудес святого преподобного и блаженного Прокопия; о некоторых из них составлено мною такое слово.

Блаженный Прокопий провидел божественное явление страшного чуда и необычайное зрелище и мог как бы проникать духовным оком в чувства слушающих и говорящих людей. Но обо всем этом мы, братья, с трепетом боимся вспоминать. (Божьего праведного гнева не могут вместить книги всего мира, имеющиеся в наши времена.) Мы же, братья, трудолюбиво, с Божьей помощью, опишем на память будущему поколению это Божье устрашение и некие другие прославленные удивительные чудеса из жития блаженного, всегда поминаемого преподобного Прокопия, и все это передадим церквям.

Было это утром воскресного дня, после заутрени, когда пресвитеры и дьяконы начали воздвигать кресты в святой соборной апостольской церкви Пресвятой Богородицы, где собралось много народа. И когда иереи и дьяконы начали петь молитвы Господу Богу и Пречистой Богородице, пришел в церковь молиться и блаженный Прокопий. И после молебна начал святой так говорить во всеуслышанье всему священному собору и прихожанам о бывшем ему явлении Божьей благодати: «Братия, покайтесь во многих своих грехах, а если не покаетесь и не отстанете от своих грехов и за свои беззаконные дела не вымолите прощения у Господа Бога и Пречистой Его Матери; постом, молитвой и покаянием не очиститесь, то вы, за многие грехи и беззаконные недостойные дела, и весь город ваш будете погублены огнем и водой». Они слышали все сказанное, но не поверили его словам. Блаженный же предрекал им вместо пророка явление ангела и призывал всех к покаянию. Они же не послушали его и не вняли его словам, ибо у всех жителей города огрубели сердца от злого бесовского наваждения и потому с трудом слышали ушами и закрыли глаза на свои прежние недостойные дела, говоря: «Так как этот человек юродивый, он никогда не скажет разумного».

Блаженный Прокопий, видя непослушание людей, опечалился. После литургии святой вышел на паперть великой

соборной церкви Пресвятой Богородицы и начал плакать и рыдать непрестанно о гибели града того. Тогда многие люди приходили на паперть церкви Пресвятой Богородицы, видя его все дни непрестанно плачущим, спрашивали: «Почему ты, юродивый, непрестанно плачешь великим плачем, какое горе и печаль в сердце твоем?» Блаженный же Прокопий им отвечал: «Братья мои, бдите и молитесь Господу Богу и Пречистой Его Богоматери, чтобы всем не попасть вскоре в беду». Но прихожане думали, что он обезумел, и уходили в свои дома.

На третий день этой же недели блаженный Прокопий ушел с паперти церкви Пресвятой Богородицы, пошел по всему городу Устюгу и начал предрекать явление Божье народу с горькими слезами и громким плачем, чтобы они молились Господу Богу и Пречистой Его Богоматери, чтобы покаялись в своих грехах, дабы Господь Бог умилосердился и отвратил от них гнев Свой и не погубил бы города за беззакония, как Содом и Гоморру. Они же и этого второго его предсказания не послушали, спеша к своим прежним темным делам, как псы на падаль. После этого блаженный, как и прежде, пошел к церкви Пречистой Богородицы на паперть и начал со слезами молиться Господу за город и живущих в нем людей.

Во вторую же неделю по полудню на город Устюг внезапно нашло темное облако, и стало темно как ночью. А люди этого города, видя такое необычайное, величайшее сверхъестественное явление, недоумевали, что бы это могло быть. Затем со всех четырех сторон появились огромные тучи, из которых непрестанно блистали молнии, и такой страшной силы был над городом Устюгом гром, что не слышно было, о чем говорят друг другу. И земля от этой страшной бури колебалась и сотрясалась. Когда же огненные тучи сталкивались вместе, от вспышек молний и от страшного огненного треска исходил сильнейший жар. Народ же, видя это непостижимое, неведомое, страшное явление, заволновался и очень испугался: поняли они свою погибель и гибель всего города.И тогда вспомнили предсказание блаженного Прокопия. Быстро собрался в святой соборной апостольской церкви Пресвятой Богородицы весь народ города, мужи и жены,

богатые и бедные, рабы и свободные, даже грудных младенцев принесли с собой и велели иереям и дьяконам, и всему священному собору церкви петь молебны и читать каноны Богородице. И сами начали молиться с обильными слезами.

А потом встали пред иконой Пресвятой Богородицы и, умильно со слезами припадая к Ней, так взывали: «О Пресвятая Госпожа-Дева, Владычица Богородица, Ты выше ангелов и архангелов, честнейшая всех созданий, спаси, Госпожа, превеликой Своей милостью и помилуй недостойных Твоих рабов, избавь, Госпожа, нас и город сохрани от нашедшего землетрясения, огненных молний, внезапной смерти и всякого зла. Даруй нам, Госпожа, доброе здравие и полный покой. Дай нам Свое благословение и благодать и помолись Сыну Своему, Христу Богу нашему, чтобы избавил нас от Своего чудодейственного наказания!» И преподобный Прокопий с народом припадал ниц пред честным Ее образом и слезно молился Господу и Пречистой Богоматери за город Устюг и живущих в нем людей такими словами: «Спаси, Господи, и помилуй Своих грешных людей и посети, Владыко, это место и отврати Свой праведный гнев. Владыко, молю Тебя, Господи, пресвятой Царь Небесный, пощади и помилуй, ибо ради меня, странного пришельца на эту землю, был этот Твой праведный гнев на город и на этих людей. О Владыке, за что таким гневом явил людям Свое назидание!» И потом блаженный Прокопий начал молиться образу Пресвятой Богородицы Одигитрии[260] и Благовещения Ее.

И когда кончил блаженный Прокопий свои молитвы Господу Богу и Пречистой Его Матери, в тот же час произошло великое и преславное чудо от иконы Пресвятой Богородицы, честного и славного ее Благовещения: весь народ, стоящий тут и молящийся ее образу, увидел, как брызнул от образа благовонный источник мирра и потек по земле и полил многих стоящих тут людей, а многие люди взяли сосуды и наполнили их тем мирром. В то же время в воздухе все переменилось, и наступила полная тишина; не было ни молний, ни грома, и разошлись огненные облака во все стороны. И пошли к пустынному месту, и там, в пустыни, повалило много леса и

бесчисленным градом камней побило лес и засыпало ущелье; некоторые деревья вырвало с корнем, а другие наполовину пригнуло. (Отстоит от Великого Устюга эта пустынь за двадцать поприщ и называется Котовальская весь, на землю ее из той тучи нападало множество камней; поваленный же лес и поныне видят многие в уверение и устрашение будущему поколению.) И при этом страшном потрясении никого не убило ни из людей, ни из скота, а мирром, истекшим от образа Пресвятой Богородицы, знаменовались многие больные люди и стали, здоровы: хромые начали ходить, слепым даровалось прозрение, бесноватым и всяким другим недужным – здоровье.

После того в город Устюг пришла великая радость. Люди веселились от души и за это чудо воздали хвалу Господу Богу и Пресвятой Его Богоматери, что избавил их Господь от внезапной погибели. Явил Господь свою целительную милость и преславное великое чудо: ниспослал на них, грешных, свой праведный гнев, желая покарать их этим наказанием за грехи, но молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии и святого преподобного и блаженного Христа ради юродивого Прокопия тот Божий гнев превратился и щедроты обратил Господь Свой праведный гнев в милость и произвел от образа Пресвятой Своей Матери, из сухого дерева великий источник мирра для уверения будущих поколений в истинных чудесах и во спасение душ наших...

Слава Господу Богу, явившему нам удивительные, достойные похвалы, невыразимые чудеса за то, что прославили угодника Его и раба, блаженного Прокопия. Братья, воздайте Богу, создателю всего, за Его несказанные дары, а более всего за то, что одарил нас, недостойных, явив нам такого великого светоча: говорю о преподобном блаженном Прокопий, просиявшем в русской земле, в восточных странах, в городе Великом Устюге, в последние годы нашей жизни, так житие его и чудеса происходили пред нашими глазами, когда он был еще жив.

В то время, на восьмой год после прихода в Великий Устюг блаженного Прокопия, наступила суровая зима, и были лютые морозы и сильные ветра, наносившие огромные снежные

сугробы. Тогда в городе Устюге все дома были засыпаны снегом. Всякий человек, даже тепло одетый, не мог вытерпеть этого сильного мороза и ветра. Тогда и в городе, и в селах, и на дорогах замерзало много людей и скота. А нищие города Устюга и странники Христа ради терпели великие муки, стенали и вопили из глубины души своей, и горько плакали, постоянно трясясь, умирали от голода и замерзали от лютого мороза. Их собирали в городе, по селам и на перепутье и заполняли ими дома для убогих на горе, у монастыря святого пророка Иоанна Предтечи. Остальные же страждущие задыхались и умирали под снегом.

Тогда от этого сильного мороза стал погибать и блаженный Прокопий, живущий на паперти церкви Пресвятой Богородицы, ведь тогда и птицы, не имея пищи, умирали на лету. Милосердный же Господь Бог, видя создание Свое, погибающее от лютого холода, и усердное терпение раба Своего, блаженного Прокопия, как он днем и ночью переносил лютый мороз нагим телом, не имея ни дома, ни теплой одежды, ни мягкой постели, ни рогожной подстилки, чтоб отдохнуло его тело, а только одна разодранная хламида была на теле его, для прикрытия срамных уд. Но иного ничего и не требовалось святому от живущих в миру людей, постоянно находившемуся в углу на паперти церкви пресвятой Богородицы. А тогда блаженный Прокопий задумался, куда бы ему деться от этого лютого зимнего мороза, по какой стороне города ходить, чтобы хождением согреться. Но ничего не вышло из этого замысла. Зимняя стужа стояла много дней; никто из старых людей и не помнил таких сильных морозов и метелей: две недели не прекращался ветер.

Божий угодник, блаженный Прокопий сошел с паперти и пошел на угольный двор за церковью Пресвятой Богородицы к рабу Божьему Симеону, отцу великого Стефана, епископа Пермского[261], с просветленным лицом и усладительной улыбкой, ибо лик его освещала радость, как солнце сиянием. Раб Божий Симеон, увидев пришедшего блаженного Прокопия, удивился, ибо думал, что святой Прокопий умер от лютого мороза, и пожалел его от всей души. Раб Божий Симеон встал

и, обняв блаженного Прокопия за шею, облобызал его с любовью; потом они сели и многие часы провели в усердии, подобающем христианину. Затем блаженный Прокопий стал душевно говорить рабу Божьему Симеону так: «Почему, раб Божий, ты обо мне так горько сетуешь? Оставь, брат, слезы, ибо хочу сказать тебе что-то важное». И раб божий Симеон ответил святому: «Выскажи мне, господин, скорей, что хочешь!» И блаженный Прокопий ему сказал: «Брат Симеон, развеселись и не унывай, приготовь сначала трапезу с едой и питьем, чтобы нам поесть».

Слыша эти слова, раб Божий Симеон с радостью велел своему отроку скорее приготовить пищу. А блаженный Прокопий сказал Симеону: «Почтеннейший господин и брат, скажи мне правду, почему ты пожалел меня, чужестранца, в помыслах, будто я уже замерз и умер от лютого мороза? (Братии моей, нищим и странникам, всем тогда было не сладко.) Но хранит Господь Бог любящих его, бывает рядом и спасает павших духом и смиренных Своим Пресвятым Духом». Слыша от блаженного Прокопия эти речи, раб Божий Симеон подумал, что блаженному в эти сильные морозы было какое-то от Бога явление, чудо (по дарованной ему Богом благодати). И Симеон начал расспрашивать блаженного Прокопия о зимнем морозе и как он его перенес: «Молю тебя, раб Божий, преподобный Прокопий, заклинаю Богом, сотворившим небо и землю, поведай мне всю правду о том, где находился, светоч Божий, в эти сильные морозы. Не утаи от меня, грешного, как твое нагое тело смогло переносить днем и ночью ту зимнюю лютую стужу: давно вижу сошедшую на тебя Божью благодать».

Услышав эти слова, блаженный Прокопий вздохнул из глубины души и сказал: «Брат Симеон, как можешь ты ждать от меня толковых речей, ведь ты же видишь, что я юродивый… Я все дни на улицах города, валяюсь на помойках и мусорных кучах: лишен Бога и в этом лишении Бога грешен, брат мой. Только большая любовь и милосердие твое вынуждают (вопреки моей воле) открыть тебе мою тайну… Я, брат Симеон, как увидел студеный мороз и сильный снежный буран, сначала не мог вытерпеть сильного мороза и уже отрекся от жизни. Ты

же видишь меня и теперь нагим и не одетым в теплые одежды, босым и не имеющим теплого угла, где бы главу преклонить. И я ночью сошел с паперти церкви Пресвятой Богородицы и пошел к нищим, живущим напротив соборной церкви в малых часовенках, желая, чтобы тело мое хоть немного отдохнуло от зимней стужи. Они же, услышав о моем приходе, не дали мне войти внутрь, а вышли с палками и отогнали меня, как пса, брезгуя мной и крича на меня: «Уйди ты, юродивый, прочь отсюда!» Я отбежал от них и не нашел себе места, где бы мне можно было хоть немного передохнуть от лютого зимнего холода. Не надеясь уже остаться в живых, сказал себе: «Да будет имя Господне благословенно отныне и вовеки! Если я умру, Господа ради, то это для меня будет лучше, чем лживый суетный свет».

Потом я зашел в пустую часовню и в одном из ее углов увидел лежащих псов и лег рядом с ними, чтобы от них согреться. Псы же, увидев меня, быстро вскочили и убежали из часовни. И я сказал себе, что я лишен не только Бога и людей, но и псы гнушаются мной и убегают. Видишь, господин и честной отец Симеон, какой я грешный человек, что даже нищие и псы брезгуют и гнушаются мной, выступают против меня и гонят меня. Что же я могу сделать?

И те нищие говорили мне: «Иди и умри, лживый юродивый, ибо здесь из-за тебя нам не будет спасения».

Потом мне на ум пришла мысль о спасительном пути. Я пришел на паперть к церкви Пресвятой Богородицы и сел тут, скорчившись от сильной зимней стужи, горько плакал и молился Господу, постоянно взирая на образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Богоматери, и мне уже казалось, что все мое грязное, смердящее и посиневшее тело замерзает. А затем я вдруг почувствовал какое-то тепло, открыл глаза и увидел стоящего рядом со мной прекрасного юношу. Лицо его светилось, как солнечный луч, а в руках была ветвь, сверкающая багряным и белым цветом. Прекрасный юноша посмотрел на меня и сказал: «Прокопий, где ты ныне пребываешь?» А я ему: «Сижу во тьме, окован цепями, в смертной сени». И юноша тот ударил меня цветной ветвью по

лицу и сказал мне: «Прокопий, прими неодолимую жизнь своему телу, очищение и освобождение от мучительного сильного зимнего мороза». И в это время я ощутил благоухание цветов. А благообразный юноша, как светлая молния, исчез, стал невидим. С тех пор я ожил».

Блаженный Прокопий, окончив свой душеполезный рассказ рабу Божьему Симеону, встал и пошел из его дома к церкви Пресвятой Богородицы, вернувшись к жизни на паперти, в обычных своих молитвах, коленопреклонении и духовном чудотворстве.

Раб божий Симеон очень дивился рассказанному святым, прославил Бога за то, что Господь показал ему такого святого мужа, и никому не говорил о житии святого Прокопия и о великом его терпении до той поры, пока тот не ушел из жизни. А после преставления святого все описал по порядку, что видел и слышал от святого, для пользы душевной будущим нашим поколениям.

А вот, братья, послушаем другую дивную повесть престарелых мужей о втором пророчестве блаженного Прокопия. Было это тоже в годы, когда еще был жив блаженный Прокопий. Случилось идти со своими родителями дочери некоего посадского человека Марии (трех лет от роду) во время вечерни мимо церкви Пречистой Богородицы честного и славного Ее Успения. Тогда множество людей стояло у соборной церкви, слушая вечернее пение. В это время блаженный Прокопий встал и сошел с церковной паперти. По обыкновению, святой являлся людям как безумный и юродствующий, а в этот раз, вопреки обычаю, блаженный Прокопий отдал той девочке земной поклон и сказал во всеуслышанье людям, что это идет девица Мария, будущая мать Великого отца святого Стефана, архиепископа и учителя Пермского. Тогда на церковной паперти это видели и слышали многие люди, и они стали дивиться тем словам и пророчеству блаженного Прокопия: в то время еще не было в пермской земле ни единого верующего во Христа, ибо все живущие там были помрачены сатанинской прелестью, поклонялись болванам и приносили жертвы бесам и идолам.

У блаженного Прокопия был такой обычай: зимой и летом ходил он по городу в одной и той же разодранной одежде, спускающейся с плеч, в единственных разорванных, ветхих и неподшитых сапогах и часто в течение всей ночи ходил по святым Божьим церквам, молясь Господу. И ничего другого не было у него, только носил он в левой руке три кочерги.

Многие люди города Великого Устюга дивились предсказаниям и долготерпению блаженного Прокопия. Когда кочерги святого бывали расположены прямо, это означало, что летом будет обильный урожай хлеба и изобилие других земных плодов, а когда его кочерги не были обращены главами вверх, означало, что ожидается хлебный неурожай и скудость других всяких плодов, и случался большой голод.

Блаженный Прокопий часто приходил на берег реки Сухоны и сидел на камне, следя глазами за людьми, проплывающими в маленьких лодках через реку Сухону, и за плавающими и молился за них Господу, чтобы дал им благополучное плавание. И полюбил он это место и камень, на котором сидел при жизни, и потом обратился к людям с великой просьбой: «Положите мои кости на этом месте, а камень этот, на котором я ныне сижу, – на моей могиле. За это Бог подаст вам благость в день Его праведного суда, и воспримете от него великое воздаяние». Блаженный встал с камня и, по своему обычаю, пошел на паперть церкви Пресвятой Богородицы к ночной молитве. И пожил блаженный Прокопий у церкви Пресвятой Богородицы честного и славного Ее Успения долгое время.

Спустя несколько дней ангел Господень известил блаженного Прокопия о преставлении, освобождении от телесных уз и об окончательном его восхождении ко Господу Богу. После этого блаженный Прокопий ушел ночью с церковной паперти и пришел в монастырь Пресвятой Богородицы честного и славного Ее Введения и к собору великого Божьего архистратига, архангела Михаила[262] и прочих небесных сил и стал той же ночью у святых монастырских ворот коленопреклоненно молиться Господу такими речами: «Владыко Господи Иисусе Христе, сыне Божий, Вседержитель, Творец всей видимой и невидимой твари! Ныне я, грешный и

недостойный Твой раб, отдаю мою душу в руки Твои. Ты, Господи, посеял в сердце моем величайшую любовь к истинной вере и вывел из латинской нечистой земли и веры, из отечества моего. Ты, Господи, избрал меня из Твоих рабов, не оставил меня погибать с законными во тьме отечества моего: увел меня от мира суетного и алчного богатства. Ты, Господи, с юных лет дал мне терпение в делах и бедах; Ты, Господи, даровал мне пребывание в юродстве и многочисленных странствиях нагим, чтобы быть для людей укором. Ты, Господи, даровал мне величайшее Свое проявление над городом Устюгом. Ты, Господи, наградил меня даром перенесения лютого зимнего мороза. Ты, Господи, даровал мне жизнь, выведя меня из тлена, и сделал мое тело неуязвимым для мороза. Ты, Господи, не отвернись от меня до исхода из тела души моей. Исполни, Владыка, просьбу мою – до конца желаю пребывать в величайшей благости и безмятежно пройти начала и власти темных сил»[263]. Так, испуская обильные слезы, блаженный Прокопий окончил свою молитву ко Господу на исход своей души. Отошел от святых ворот монастыря на конец помоста и тут лег, сложив крестообразно руки на теле, и с теми словами испустил дух в руки Божьи в год 1303, месяца июля в 8 день. И святая его непорочная душа была взята и с радостью отнесена святыми ангелами на небеса к престолу Вседержителя. А блаженное его многострадальное тело осталось на земле.

Этой же ночью тело блаженного Прокопия лежало, никем из людей не охраняемым, и стало невидимым. В тот час внезапно поднялась сильнейшая буря с обильным снегом: за ту ночь нападало снегу на две пяди в городе Устюге и во всех селах около города на все овощные огороды и хлебные нивы. Когда утром люди встали и своими глазами увидели такой обильный снегопад, то ужаснулись и стали дивиться такому Божьему чуду. А когда тот снег растаял, ни овощам, ни хлебным нивам ничего не стало.

Тогда на заутрени в соборной церкви Пресвятой Богородицы впервые не было блаженного Прокопия. После пения заутрени из церкви вышли все иереи и дьяконы и стали расспрашивать горожан о юродивом Христа ради Прокопий, почему не было его

на утреннем пении: раньше никогда не случалось, чтобы его не было на вечернем и утреннем пении и на литургии. Но что с ним случилось, никто ничего о нем не знал. Затем они опросили всех по всем святым церквам города и непрестанно искали его три дня, а на четвертый день нашли его мертвое тело, лежащее на голой земле близ монастыря Пресвятой Владычицы честного и славного Ее Введения и святого великого архистратига Божьего Михаила и прочих небесных бесплотных сил, у святых ворот в конце помоста. И увидели тогда иереи и дьяконы над телом преподобного блаженного Прокопия нанесенный снежной бурей огромный сугроб высотою около двух сажень. (Всем людям на удивление явил Господь такое величайшее чудо в городе Устюге.) Затем взяли его святое, честное, многострадальное тело, закутали и положили во гроб. И понесли на головах всем священным собором с псалмопением и с многими почестями, с кадилами; за ними пошло много народа до соборной церкви Пресвятой Богородицы. Принесши тело его, поставили в соборной церкви, пока соберутся все люди города на погребение.

Когда в святую соборную и апостольскую церковь Пресвятой Богородицы сошлось много народа с женами и детьми, начали иереи и дьяконы всем священным собором петь над телом блаженного Прокопия надгробные песни. И многие стоявшие здесь люди плакали о нем, вспоминая прежние его пророчества и явление ему гнева Божьего, огненной тучи, и избавление всех его молитвами, и многие другие его чудеса вспоминали. После надгробного отпевания его погребли с почестями близ берега реки Сухоны, около церкви Пресвятой Богородицы, где он при жизни сидел на своем камне.

Прошло немало времени после преставления и погребения блаженного Прокопия, а житие и деяния его все еще оставались без поминовения. Милосердный же и милостивый Господь Бог, обретающийся на небесах и наблюдающий землю, захотел прославить Своего угодника на этом месте несказанными своими чудесами.

Шел 1458 год. Пришел из Московского государства, из Российской державы, в Великий Устюг человек в облике

нищенствующего именем Иоанн. И услышал он от горожан о житии святого и о предсказании явления Божьего и о терпении праведного Прокопия и загорелся желанием написать образ праведного Прокопия и поставить небольшую часовню там, где он был погребен. Туда принесли и написанный образ и поставили его в часовне для поклонения прихожанам. Но у иереев и дьяконов великой соборной церкви пресвятой Богородицы появился лукавый замысел: не захотели они видеть, слушать и совершать поминовение блаженному Прокопию. И мужа Иоанна изгнали из новой построенной часовни, часовню разорили, сломали и разметали, а написанный образ вынесли оттуда.

Наступил 1471 год. Повелением благоверного и христолюбивого великого князя Иоанна Васильевича[264], самодержца всея Руси, собрали с города Великого Устюга и со всего уезда ратных людей и послали их в Нижний Новгород. Прийдя туда, они стали заставою, охраняя город от неверных казанских татар. И в это время в Нижнем Новгороде за наши грехи великим Божьим попущением праведного гнева напала на тех служилых устюжан очень тяжкая болезнь, желудочная лихорадка. Благой и всемилостивый Господь Бог этим чудом прежде всего желал прославить Своего угодника и богомольца нашего, блаженного Прокопия. И начал блаженный Прокопий являться в Нижнем Новгороде многим тем ратным людям в том образе, как на иконе написан был мужем Иоанном Москвитянином. И говорил им блаженный Прокопий: «Дайте обет молиться Господу Богу и Пречистой Богородице, чтобы вам поставить в Великом Устюге церковь во имя святого преподобного Прокопия, Христа ради юродивого, тогда вскоре избавитесь от болезни». И те ратные люди, встав утром, поведали друг другу свое ночное видение. От них же и многие другие поверили явлению святого и дали обет, по его предсказанию, чтобы, прийдя в Великий Устюг, поставить церковь во имя святого блаженного Прокопия, Христа ради юродивого, над мощами его, где он был погребен. И те вскоре от болезни той исцелились и стали здоровы. А другие из них, оказавшиеся жестокосердными и не захотевшими дать такого

обещания Господу Богу и его угоднику, святому преподобному Прокопию, те от этой болезни все скоро умерли.

Спустя немного времени повелением благоверного и великого князя Иоанна Васильевича, самодержца всея Руси, все те ратные люди были отпущены из Нижнего Новгорода. И пошли они с миром в путь в летнее время. А когда дошли до реки Сухоны, вспомнили свое обещание о создани церкви святому преподобному Прокопию. Остановились они в некоем селе и повалили здесь множество деревьев, построили много плотов и на них поплыли и пристали под городом Устюгом.

Прийдя в святую соборную и апостольскую церковь Пресвятой Богородицы и помолившись, начали они рассказывать всему священному собору, иереям, дьяконам и прочим людям, все подробно о бывшем им явлении блаженного Прокопия, об обещании построить церковь и о выздоровлении от болезни, обо всех бывших чудесах, как об этом поведано выше. Иереи же и дьяконы и прочие люди, слышавшие эти речи служилых людей, воздали хвалу Господу Богу и Его угоднику, блаженному Прокопию, а затем начали созидание церкви во имя святого, где было погребено его честное и многострадальное тело. До этого времени церковь была заложена около того камня, на котором блаженный Прокопий часто сидел при жизни. С Божьей помощью церковь эта вскоре была построена; обустроили также и гробницу, написали образ и положили его на гробе, покрыли дорогими покровами и освятили церковь во славу и хвалу Христа, Бог нашего, и Его угодника, блаженного Прокопия. С этого времени и поныне стали торжественно и с почестями отмечать праздник святого преподобного и блаженного Прокопия 8 июля.

У гроба его приходящим с верою были многие исцеления и чудеса.

Житие и духовные подвиги преподобного отца нашего Димитрия, вологодского чудотворца [265]

О рождении святого

В славном городе Переславле от доброго корня произросла добрая ветвь: от славных и богатых родителей, занимающихся торговлей, родился чудный святой отрок Димитрий, вскормленный нетленным молоком Божественного Писания, усердный подражатель святому отцу нашему Иоанну Златоустому. Не слушая пустых слов, не играя с детьми, не ища почестей и высокого сана, юный отрок читал лишь святые книги, с детства возлюбив Бога, и Бог его возлюбил. Во всем повинуясь родителям своим по закону Божию, он пренебрегал лишь торговлей, которую вел отец, ибо естественно богатому искать тленное, земное богатство. Он же одного лишь Бога искал; видя суету этого света и скоропреходящее, соблазнительное, тленное, земное житие, вспоминал слова Христа в Святом Евангелии: «Если кто оставит отца и мать, жену и детей, братьев и сестер, дома и богатство свое имени Моего ради, – во сто крат получит и унаследует жизнь вечную». И еще говорил Господь: «Если не отрешишься всего, что имеешь, – не можешь быть Моим учеником»[266], и иные слова, подобные этим, находящиеся в Святом Писании.

С юных лет отроку предначертано было Богом идти тесным и скорбным путем, взять крест Господень на плечи свои, понести благое иго и легкий ярем, обретя покой душе своей. Обратив в грязь и тлен все красоты мира сего, он, не оглядываясь назад, оставил их и тем достиг Царствия Божия.

О пострижении его

По своей воле пришел Димитрий в переяславский монастырь святой Богородицы, именуемый Горицким, и принял в нем постриг, обрезая не только волосы со своей главы, но и всю суету, соблазны, пристрастия и преходящие удовольствия отрезая от себя, к единому Христу устремляясь и Его стопам следуя. Отметая свою волю, служил он монастырской братии с

послушанием и смирением, пребывая в молитве день и ночь. И стал святой столь чудным постником, что многие дивились его терпению, смиренномудрию и простоте.

За многие его добродетели, более же всего промыслом Всевышнего, желающего видеть эти добродетели в нем, все провидя, сподобил его Бог принять сан священства. Он же, как преданный раб, получивший от господина своего деньги и вернувший их с большой прибылью, принял великий дар от Господа, приумножил его и стал подобен крепости на вершине горы, видимой всем издалека.

Тотчас после этого задумал преподобный основать в Переславле новый общежительный монастырь на месте, называемом «на Болоте» у озера, и церковь поставил во имя святого Николая-чудотворца, не только отечество свое освящая устроением обители, но и сам являя собой образ Христов, с любовию поучая всех добродетельному житию. Многих же монахов и мирян, чающих Царствия Небесного и пришедших к нему с желанием спастись, преподобный оставлял в монастыре и постригал в монашеский чин, принимая их с любовью, подобно отцу чадолюбивому. Братия обители отвечала ему тем же, повинуясь блаженному, как ангелу Божию.

Бывал преподобный собеседником дивному в чудесах и великому всея Руси светильнику – преподобному Сергию-чудотворцу, пасущему свое стадо духовное, к нему приходил Димитрий в монастырь святой Живоначальной Троицы, где оба с любовию подавали друг другу благословение и духовное поучение, – слуги единого Господа во Святом Духе. И возвращаясь в свою обитель, блаженный долго обдумывал сказанное о себе и пасомом стаде своем, по заповеди Господней.

Говорят еще, что долгое время ходили среди людей рассказы о том, что в миру преподобный Димитрий был красив лицом как, древний Иосиф Прекрасный, сын Иакова из праведного рода Авраамова. Как Иосифу, так и блаженному Димитрию была дарована не только телесная, но и душевная красота и чистота, и Божия благодать всегда почивала на нем. Именно поэтому святой избрал еще более суровое,

постническое житие, плотскую красоту свою и суетные помыслы о ней иссушая и умерщвляя. Но чем более он усугублял воздержание, труд и молитву, тем более просветлялось его лицо, расцветая от сугубого поста.

Был у блаженного обычай не только за разговором, но и на улице всегда прикрывать свое лицо куколем[267] по обычаю иноческому, почти не беседуя с мирскими, и никогда – с женщинами, разве кому это духовно необходимо. И все люди дивились тому, какую красоту телесную погубил святой Бога ради постом, терпением, молитвою и трудами.

О расслабленной жене

Обитель святого была расположена недалеко от города, и обычно во время службы миряне – мужчины, женщины и дети – приходили в церковь на молитву. Приходила в монастырь на молитву и жена некоего известного в городе мужа, но никогда не могла увидеть лица преподобного, так как, мы помним, блаженный скрывал его. Жена же, слышавшая рассказы о его прежней красоте и целомудрии, как-то к несчастью своему просто увидела святого в задней келье его, готовящегося к божественной службе. Святой же, видя бесстыжую, опечалился. Но лишь только ослепил ее свет от ангельского лица его, постом цветущего, тотчас напал на жену некий ужас, и она расслабла всем телом, не понимая – для чего хотела его видеть.

И привели ее братия к дверям кельи святого еле живую, и умоляли преподобного простить невежественную, искусившую Духа Святого, почивающего на избранниках Его. Смиренномудрый же и незлобивый Божий человек, видя ее, кающуюся со слезами о грехах своих, вышел и спросил: «Зачем хотела видеть грешное и мертвое мое тело, отвергшееся мира?» И наставил ее в добродетели, поучая, по слову апостола, что в церковь приходят не тело украшать тленное, но душу просвещать молитвою, милостынею и всяческим воздержанием, имея молчание и стыд. И тут же осенил ее крестным знамением, благословив и дав ей прощение. Жена же тотчас выздоровела, встала и пошла в дом свой со страхом и радостию, славя Бога и преподобного чудотворца и укоряя себя

во всем случившемся. Об этом чуде все слышали и радовались, славя Бога, давшего миру такого святого, врача болящим.

Слава о нем достигла не только Переславля, но и самого правящего Русским царством достохвального и в победах предивного, соименного преподобному, благоверного и христолюбивого великого князя Димитрия, одержавшего великую победу за Доном над погаными татарами за православную веру и за святые церкви молитвами всех русских святых[268]. И тот, услышав о преподобном Димитрии, с радостью призвал его к себе, чтобы испросить благословения своему дому, и почитал его так же, как другого столпа Руси – великого Сергия. Умолив Димитрия крестить детей его, великий князь, как и подобает, почтил его святость царскими дарами и большие почести воздал ему.

Но блаженный, видя себя в великой славе, людьми преумножаемой, еще более к Божией любви склонился, сочтя все сие за тщету и не желая суеты тленного света. Об этом Господь в Евангелии говорит: «Блаженны нищие духом, ибо тех есть Царство Небесное; блаженны смиряющиеся, ибо те сынами Божиими нарекутся»[269].

И от такого восхваления бежал святой, как птица от сети, как серна от силков, и, оставив свою родину, ушел из Переславля, взяв с собой одного лишь ученика своего – Пахомия, преданного ему во всем и подобного ему в смиренной его жизни, который потом много нам рассказывал о житии и чудесах преподобного, будучи его последователем в добродетелях. Свято, терпеливо, просто и твердо проходил он жизнь свою и стал настоятелем обители по преставлении блаженного Димитрия.

Но возвратимся к прежнему. Когда святой ушел из своей обители, он направился на север, в сторону холодного моря, где ему хотелось в безмолвии Богу угодить. Пройдя непроходимые леса и дебри, прилегающие к граду Вологде, он решил остановиться в тех малолюдных местах. Но как Господу угодно, так и будет, если пожелает кого где спасти, то спасет. Учитель и ученик нашли место в устье реки Лежи и поставили

здесь церковь во имя святого Воскресения Христова. Диавол же, ненавидящий род человеческий, наущал людей неблагодарных из ближнего селения Авнега роптать на святого. И говорили они: «Отче, неугодно и тебе, и нам твое пребывание здесь», – размышляя про себя: – «Если этот великий старец близ нас поселится, то овладеет и нами и нашими селами». Услышав эти слова, исполненные ненависти, ничего не сказал против святой, но уклонился от зла их, творя лишь добро. И как когда-то ушел, отказавшись от богатств земных, так и ныне удалился от них, не пожелавших благословения этим местам, и тем самым одолел лукавого и коварного диавола.

О приходе его на Вологду

Промысел Божий будто на аркане тянул святого в Вологду для благословения недавно приобщенных к христианству жителей ее; и место, где будут лежать многотрудные мощи блаженного, словно ждало его, чтобы до конца истребил преподобный козни диавольские, не только при жизни, но и после смерти бесов прогонял, что и происходило его молитвами. Вспомнив о его смирении, кто не удивится, о христолюбцы!? Какой же похвалы достоин человек, который все привязанности мира сего оставил Бога ради и от человеческой славы бежал, не принимая даров и чести князя и вельмож его; сам ненавидим был, но ни на кого злобы и гнева не имел. Не то что мы, нынешние лицемеры, любящие славословие и почитающие себя за честных людей, стремящиеся к славе тленной… Блаженный же не был грешен в этом, любя более всего Христа.

Но вернемся к прежнему. Скоро поднявшись, святой покинул Авнегу, скитаясь по чужой земле и не зная, где голову приклонить, как сказано в Святом Писании: «Прекрасны ноги, благовествующие мир!»[270] И когда пришел он в Вологду, то увидел город, украшенный многими церквами, но не было здесь церкви Всемилостивого Спаса нашего Иисуса Христа, выстроенного в честь Происхождения Честного Креста[271], и не было общежительного монастыря у иноков земли той от великой Волги и до края моря. Полюбилось преподобному место в трех верстах от города на излучине реки, и тамошние

христолюбивые жители – муж именитый, именем Илья, и его друг и сосед Исидор, по прозвищу Выпряг, – подарили по его просьбе столько земли, сколько требовалось на устроение обители. Ради любви к нему и ради благословения пренебрегли они и засеянным полем с уже взошедшими озимыми, позволив вытоптать ниву, чтобы поставить церковь Божию. Здесь же установили крест на месте, где благословил святой. Тот крест и доныне хранится в монастыре.

Какой же радости и удивления были исполнены горожане и жители ближних селений, когда услышали о приходе блаженного, будто сам Господь посетил людей Своих, дав им такого святого чудотворца, чтобы его благословением и молитвами возрастала их вера в Господа.

Тогда все: большие и малые, богатые и убогие, – всяк возраст, – опережая друг друга, стремились в обитель, будто бесценный жемчуг приобрести – благословение взять у святого и свою мзду ему вручить, принося по возможности кто – деньги, кто – строительный лес, необходимые монастырю. И вскоре была поставлена большая церковь во имя Спаса нашего Иисуса Христа, Пречистой Богоматери и в честь Креста Христова, в первый день августа на освящение вод[272]. И по сей день в этот праздник тем, кто с верою приходит, молитвами чудотворца Димитрия много исцелений подается и от воды святой, и от мощей блаженного.

Это был первый на Вологде большой общежительный монастырь, устроенный преподобным. И здесь постоянно начал жить святой вместе с братиею. Приходили к нему многие иноки и из прежней его обители в Переславле, узнав о святости жития его. А вседержавный и благоверный великий князь Димитрий, узнав о том, где пребывает преподобный его старец, с радостною душой прислал ему большую мзду на устроение монастыря. Хоть и велико было расстояние до обители, но духовная любовь и вера все делают близким.

Сердце преподобный имел простое и бесхитростное. Когда кто-то из братии напомнил игумену, что, дескать, мало книг в обители, он ответил, по обыкновению своему творя непрестанную молитву: «Достаточно у нас, братья,

утешительных для души обычных уставных книг; если без лености хвалим Бога, то как сыны Божий взываем к Нему во все дни и ночи с чистым сердцем, духовною любовию и смирением».

По его же повелению было устроено в церкви особое место, огражденное досками, близ алтаря с левой стороны, чтобы там тайно от всех он мог со слезами и сокрушенным сердцем свои привычные молитвы к Богу воссылать без суеты.

О пророчестве святого

Стоит помянуть и то, что имел блаженный дар пророчества. Как-то братия занималась церковным благоустройством, он же, стоя здесь, с воздыханием сердечным промолвил: «Мы, братия, устраиваем земные вещи тленные, а благоверный великий князь Димитрий Иванович уже не заботится с нами о суетной сей жизни». И тут же начал игумен просить у Бога упокоения тому с праведными. Братия, которой случилось быть при этом, слышала все и не понимала, не ведала, что говорит святой, но только запомнила те слова, сохранив их в сердце своем. А через несколько дней из царствующего града Москвы пришла весть о том, что великий князь Димитрий преставился в тот самый день, когда предвозвестил святой, что «уже не заботится о суете сего света с нами». И в тот час вспомнились братии слова блаженного, молившегося Богу обо всем этом.

Достойно воспоминания еще одно пророчество святого. Был у него в Переславле родной брат, занимающийся торговлей. И, сильно обнищав, пришел он к преподобному, прося благословения идти торговать с язычниками, зовущимися Югра и Печера, в те места, где живут Чудь и Самоядь[273]. Преподобный же старец из-за обнищания его благословил идти туда. Он же, взяв свое и чужое, пошел с данниками великого князя и, вернувшись домой с прибытком, здрав и невредим, избавился от долгов. В следующее же лето вновь пришел к блаженному брат его, прося благословения идти туда же, как и прежде. Святой же ради его нужд домашних опять благословил идти, и тот здрав вернулся, принеся большое богатство. Но всегда ненасытны глаза человеческие, собирающие злато и не ведающие, для чего его собирают. Пришел брат и в третий раз

просить благословения. Блаженный же не допустил тому быть и наставлял, говоря: «Довольно тебе, брат, и на своей земле пищи и одежды, чтобы прожить без нужды, превыше же всего душу свою спасти. Не ходи к язычникам звероподобным!» Брат же, обуян желанием приобрести еще больше, пошел в третий раз без благословения святого, там, у язычников, и погиб, ибо говорится в Писании: «Никто не может быть спасен, ослушавшись родителей, ибо на добрые дела поучают чад своих»[274].

Но расскажем далее о житии преподобного. Никогда блаженный не изменил своего молитвенного правила, но приумножал труды, соединяя пост с милостынею, питая просящих и принимая проходящих мимо странников. Обитель же его была на перекрестке многих дорог и от нее можно было добраться даже до великого моря-океана. Был преподобный одеждой нагим, утешением печальным, бедным помогал, избавляя их от беды, больных молитвою исцелял, долги других выплачивал и сам их отпускал, бедствующих от притеснения злых судей одним словом своим избавлял, грешным был на покаяние учитель, желающий всем спасения. Иногда же блаженный тайно от братии милостыню подавал нищим, чтобы те не роптали, погубив ропотом своим воздаяние будущего века.

Сам же святой такую убогость в одежде любил, что был подобен одному из нищих.И зимой, и летом носил он одеяние из твердой овечьей кожи, зимой – холод терпя, а летом – обливаясь потом. И часто в той же одежде ходил пешком на свое убогое поле в двух верстах от монастыря посмотреть на своего работника Григория, сеющего хлеб его малый, которого молитвами святого хватало братии с избытком.

Так блаженный удручал свою плоть и так смиренно постился, что, если в какой праздник и была разрешена братии не столь строгая пища во время трапезы, он ел лишь поставленное ему келарем в небольшом глиняном сосуде – теплую или горячую воду с малою просфорою. Видящим же пар из глиняной чашки казалось, что перед игуменом какое-то изысканное яство.

Святой Димитрий был истинным учителем покаяния на пользу многим. Как-то один из ближних жителей, известный христолюбец, уже названный выше, принес в монастырь братии необходимые пищу и питие Бога ради. Преподобный же не велел их брать, не пищу хуля, но Илью наставляя, чтобы был истинным милостивцем ко всем. Всякий отец чадолюбивый, если и бьет своего сына, то и милует его и, вновь наказав – утешает. Так и того блаженный кротко увещал, говоря: «Отнеси в дом свой все, что нам принес, и накорми работников и сирот в твоем дому, чтобы не погибли от голода, жажды и холода по Божественному Писанию; а то, что останется, нашей нищете принеси, тогда будешь настоящий милостивец, и лишь это сочтет Господь Бог истинным». Христолюбец, выслушав наставление, обещал впредь исполнять все сказанное игуменом, чтобы не был сердит господин на раба своего. И едва умолил святого, чтобы взяла братия ныне принесенное на трапезу во славу Божию, а ему в награду и укрепление. Много еще добра сделал христолюбцу святой, как-то раз своим благословением от большой беды уберег его. Привычно было преподобному всякому человеку благо творить.

И так прожив много лет, идя скорбным и узким путем, достиг блаженный честной и почтенной старости, украсившись достойными своего возраста постническими сединами (малая же часть бороды его не до конца была бела), и стал совсем немощным. Когда же услышал пророческий голос, предвещающий ему конец жития, обратился игумен к братии: «Я изнемогаю и по моим делам худым ухожу из жизни, ибо самый грешный из всех людей», – в обычае блаженного было смирять себя. – «Вам же, братия, благословляю вместо себя игуменом быть моему брату и сыну духовному Пахомию, тому повинуйтесь в добрых делах, как отцу своему» (о Пахомии мы уже упоминали, что был сей муж смиренный учеником Димитрия и пришел с ним из первой его обители, из Переславля).

О преставлении святого

О премудрый промысел и непостижимое предначертание Божие! Из какого источника взращено Господом и Спасом нашим Иисусом Христом это дивное несеяное благовоние?! Как-

то ночью один из братии, стоя на молитве, ощутил растекающийся по всему монастырю запах благоуханного ладана, и, когда собралась братия, обрели святого Димитрия преставившегося. Келья его была полна божественного невидимого благоухания, сам же святой, казалось, уснул, и тело его было озарено дивным светом.

Горько рыдала братия о своем лишении, оставшись без доброго отца и кроткого пастыря, и вспомнили они тогда печальные слова его, сказанные еще при жизни. Когда спросили преподобного о том, где положить его тело, он в последнем смирении ответил: «Мое грешное тело стащите в болото и ногами потопчите». С умиленным плачем и в уповании на Господа, дерзновенно молясь о своем игумене, взяла братия честное тело и с псалмами и песнопениями положила его в церкви, которую поставил сам святой и где до последних дней подвизался.

Неисчислимые и несказанные чудеса и исцеление недугов исходят от гроба преподобного отца нашего Димитрия-чудотворца и до нынешнего дня.

О болезни корчете[275]

Через несколько лет по преставлении преподобного промыслом Божиим распространился в людях тяжких недуг, именуемый корчетой. И многих больных со скрюченными руками и ногами привозили ко гробу святого и оставляли здесь, вложив им в руки палки, чтобы ногтями не поранили рук от сильных корч. И так сильно они катались по земле, крича и прося прощения грехов своих, исцеления от болезни или хоть малого облегчения страданий, что невозможно было стоящим здесь видеть их мучения. О горе нам по грехам нашим! Но Господь милосердный, не желая смерти грешникам, лишь покаяния нашего ожидает: молитвами преподобного вскоре исцелели больные, прикоснувшиеся с верою и покаянием ко гробу его, и, побросав от радости палки, отправились здравы в дома свои, славя Бога и преподобного отца нашего Димитрия-чудотворца. А братия обители, когда прошла болезнь, собрав целый воз этих палок, выбросила их из церкви.**Страшное чудо о вятчанах**

В те же годы по Божию попущению пришла на Вологду рать вятчан[276] грехов ради наших. Все это случилось оттого, что не исполняли заповедей Господних, ни закона Христова, ни страха Божия не имели, ни любви между собою. Много было тогда зла в русской земле: смуты среди князей и междоусобные войны, разбой и воровство умножились, – великая беда всем христианам. Сами вятичи отделились от московской державы и хоть в единой вере крещены были, но приняли обычай чужеземцев: пришли, разорили город и ближние селения (еще тогда не было стены у Вологды), разграбили и обитель святого Димитрия. Некоторые из маловерных воинов вошли в церковь, чтобы поживиться чем-нибудь, но не добро обрели на пользу себе, а лишь зло: пошли войска из тех мест на Заволочие неустроенными дорогами, и мало кто из них вернулся здрав в свою землю.

Но вернемся к рассказу о церкви святого. Один из воинов, невежа безрассудный, начал сдирать пелены со святых икон, схватил и покров с чудотворного гроба святого, не убоявшись суда Божия над собой. И в тот же самый час невидимою божественною силой был ударен о пол церковный, оцепенел и лишился силы, одним словом, всем телом скорчен и безгласен лежал. И напал страх великий на всех видевших и слышавших это, как и в Иерусалиме, когда было чудо на Успение святой Богородицы, и ангел Господень отсек руку архиерею Афонию, с неверием прикоснувшемуся к одру, на котором лежало тело Пречистой Девы Марии. Но Афония покаялся и уверовал, получив исцеление от апостолов[277].

Такое же страшное чудо было в Суроже. Из русского города пришел князь с ратью и вязал Сурож, захватив в плен не только людей, но и сосуды священные. С гроба же святого Стефана, нового чудотворца, сам князь начал стягивать покрывавшие его драгоценные ткани, и тотчас невидимо ударен был по лицу так, что лицо его вывернулось назад. Тогда раскаялся князь, принял крещение, уверовал во Христа и, отпустив пленных, получил исцеление молитвами святого Стефана и здрав вернулся в свое отечество[278].Нашему же ратнику хуже двух предыдущих было: и хоть крещеный, но злыми делами хуже язычника явил себя.

Едва вынесли его из церкви уже мертвого; здесь, в монастыре, и похоронили. Воеводы же их, услышав о чуде, преисполнились великого страха пред Богом, всех монастырских пленных повелели отпустить и, никому не сотворив зла, ушли из обители. Много лет спустя случилось быть в земле вятской иноку Закхею, клирику обители святого Димитрия, и те вятчане, великую веру имея к чудотворцу Димитрию, большую милостыню послали в монастырь его, вспоминая страшные чудеса преподобного.

О жене

Однажды из города в обитель была приведена жена одного именитого мужа, именем София, которая однажды от видения бесовского умом помешалась и дурное выкрикивала. Приложили ее ко гробу чудотворца, молясь перед мощами, и понемногу вновь разум вернулся к ней. И исцелела, и возвратилась София в дом свой, благодаря Бога и преподобного Димитрия.

О бесноватом

Был человек в городе, именем Симеон, сильно мучимый бесом и бессмысленно говорящий. Родственники связали его прутьями железными, привезли в монастырь и едва с силою ввели в церковь, громко вопиющего, лающего, злого видом, издающего скотские звуки и свесившего язык изо рта более пяди. Приложили и его ко гробу чудотворцеву, и по молитве, благодатию Божией бес вышел из него, и стал Симеон здоров, целомудрен и благочестив, до конца жизни своей славя Бога и огромную веру имея к чудотворцу. Только Господу угодно было, чтобы тот принял конец житию своему уже через несколько дней по исцелении.

О бесноватом

Случилось так, что отрок Харитон из ближнего селения потерял рассудок от зависти бесовской. Шел он однажды из дома своего обучаться грамоте книжной, и внезапно напало на него бесчисленное множество бесов с остроконечными головами, пугая его, запрещая молиться Богу, творить крестное знамение и говорить кому-либо о происшедшем. Он же устрашился их и упал на землю, лишившись речи. И нашли его, лежащего на перекрестке, еле живого, подняли и спрашивали,

что было с ним. Он же с плачем начал рассказывать, как пострадал от бесов. В ближайшее время должен был быть престольный праздник в обители преподобного с освящением воды, в те дни всегда много исцелений бывало. Приведен был и отрок на праздник божественный, приложился ко гробу чудотворному, а потом в святую воду погружен был и с тех пор исцелел, грамоте и Писанию научившись молитвами преподобного Димитрия.

О вдовице

Слух о преславных чудесах преподобного Димитрия разошелся по всему краю. Знала о них и некая богобоязненная жена Антонида, живущая близ Вологды в селении, и часто в молитвах призывала святого. Была она бедна, слепа на один глаз, так как в сильной болезни вспухло лицо ее, и рукой одной немощна. Как-то приснился ей сон, будто видит она старца благолепного, обращающегося к ней: «Если хочешь здрава быть, прийди на праздник Спасов, приложись ко гробу старца Димитрия, и Господь исцелит тебя». Она же отвечала: «Господи, мне же нечего принести». А он ей говорит: «Собери ягоды, продай на одну серебряную монетку и ту принеси с верой». Очнувшись от видения, Антонида со страхом и радостию побежала собирать ягоды. И по промыслу Божию той же дорогой мимо шел человек, он и купил ягоды за одну серебряную монетку, ибо от Бога был послан ей для этого. И еще более уверовала женщина.

Пришел день праздника, и, как обычно, множество людей сошлось в обители – мужчины, женщины и дети, – обретая здесь неиссякаемые очищения и исцеления, кто – тайно, кто – явно, молитвами преподобного. Пришла и та вдовица, о которой мы говорим, положила серебряную монетку на гроб, припала к нему и молилась, говоря про себя: «О святой Димитрий, кажется мне, будто сам ты обещал исцелить меня; если так, то хотя бы око мое сделай здоровым». И тотчас почувствовала, что видит, и рука ее с того времени понемногу выздоровела. От страха же и радости утаила чудо, желая, чтобы до конца укрепилась цельба. Только одному иноку поведала о всем, от него же мы слышали

и записали. Она же, исцеленная, вернулась домой, славя Бога и чудотворца Димитрия.

Не умолчим и еще об одном удивительном чуде, но, уяснив в молитве тайну Божественного Домостроительства, слышим, как дерзостно молит преподобный Димитрий Бога Спаса нашего о граде Вологде и жителях его. Как-то зимой напал на Вологду князь Дмитрий Юрьевич Шемяка[279] с большим войском. В первый же день рать подступила к городским стенам так близко, что горожане устрашились, ведь в городе тогда не было ни ратных людей, ни воеводы. Монастырь преподобного Димитрия по приказу князя почти не пострадал: благодать Божия и молитвы блаженного хранили и град, и обитель.

В наступившую ночь один из братии лавры, иеромонах Евфимий, по совершении вечернего правила задремал и в тонком сне увидел перед собой седого, почтенного старца, осиянного чудным светом и обращающегося к нему: «Помолимся, брат, Спасу нашему Иисусу Христу за город и безвинных жителей его, да помилует их Господь и поможет им». И, сказав это, исчез. Священник же радостно дивился сам себе, как ему, ни разу не видевшему преподобного при жизни, удалось узнать его. И когда совсем очнулся от видения, тут же поднялся, славя Бога и чудотворца, и стал молиться с твердой верой в сердце что все просимое в молитве исполнится.

Этому видению были очевидцы и в самом городе. В ту же ночь в самом городе некая монахиня, жившая на окраине города, видела яркий свет, озаривший весь город, и почтенного старца, шедшего со стороны обители Димитрия. Из дома, где погребают путников[280], вышли навстречу ему два мужа в ослепительно белых ризах с огромными бревнами в руках. Городские стены так колебались, что уже чуть не падали. Старец с белоризцами выпрямили их, укрепили и, лишь только сделали это, исчезли.

В ту же ночь другой очевидец, мирянин, живший на посаде у Троицкого монастыря, видел во сне, будто стоял он перед монастырскими воротами, а некий старец, весь сиявший светом неизреченным, шел с двумя белоризцами к городу. Крепкими

бревнами выпрямляли они городские стены, старца же Димитрием называли.

На следующий день, укрепленные Господом и молитвами святых отцов, горожане забросали приблизившихся к стенам ратников кусками глины, и те вновь отступили. Так простояв много дней, ушла, наконец, княжеская рать в Галич, где все побиты были гневом божиим за то, что безвинно губили христиан, Русь свою разоряя.Случилось как-то проезжать через Вологду воеводе, князю Андрею Ржевскому. Говорили, что от безмерного пьянства впал он в тяжкий недуг и совсем обессилел. Невменяемого, привезли его слуги в обитель преподобного и внесли в церковь, положив прямо на постели у гроба святого. Воевода же, лишенный речи, ничего не понимал и был уже почти при смерти.

Иегумен с братией начали петь молебен о здравии и читать канон чудотворцу Димитрию. И когда начали четвертую песню канона, он приподнялся и сел, а по совершении молитв – в полном здравии сам встал на ноги и поклонился гробу чудотворца. Получив исцеление, отправился он в прежний путь – воевать на Каму, и, разорив землю татарскую, возвратился домой молитвами святого Димитрия-чудотворца.

О слуге

Некий слуга, именем Иван, сам нам рассказывал, будто видел в душевном смятении до тысячи входящих и выходящих из него бесов и надолго потерял сон. Молитвами же преподобного у гроба его прощение получил.

О слуге

В том же году другой слуга, именем Кондрат, был искушаем от бесов, страдал от бессонницы и паралича половины тела, не имея силы даже крестным знамением осенить себя. И явился тому старец, сединами украшенный, похожий на Димитрия-чудотворца, написанного на иконе, и сказал: «Молись от всей души Спасу нашему Иисусу Христу, перестань лгать и покайся в содеянном, – тогда исцелишься». И тотчас пришел в себя Кондрат и так рыдал, каясь во грехах своих, что видевшие его дивились обилию слез. Получив сугубое здравие, пошел он,

славя Бога и благодаря святого Димитрия, исцелившего его явлением своим и молитвами.

О церкви святого

И вновь вспомним достойные похвалы чудеса, которые творит Господь ради своего праведника, – расскажем о великой церкви в монастыре святого Димитрия. Это была уже третья церковь на том месте, где лежат чудотворные мощи преподобного, так как первые две погорели из-за грехов наших.

И когда только начали ставить храм, игумен с братией были озабочены не только тем, где достать лес и прочее на постройку, но и тем, как прокормить всех работников. Впрочем, на все Божья воля. Тот, кто насытил в пустыне израильтян и из камня дал им воду, Тот и ныне умножил малые хлебы молитв ради своего праведника, нашего чудотворца, и сподобил во время строительства прокормить в монастыре множество народа: еды хватило на всех с избытком.

В это время один из братии лежал больной, в жару, в своей келье. И почудилось ему, что стоит он с иными монахами перед монастырскими воротами и видит какого-то почтенного старца, волокущего под мышкой большие бревна вверх от реки к церкви. Стоящие же у ворот говорили между собой: «Смотрите, это же сам Димитрий несет бревна!» И тотчас инок очнулся от видения, будто ничего и не было. С того дня ему полегчало, и работа в монастыре ускорилась молитвами чудотворца.

Когда церковь была совсем завершена, тот же инок, как наяву, видел, будто внутри ее у стен и кругом на земле стояли озаренные светом иноки и старцы. Инок же, озирая их, думал: «Хорошо бы здесь быть и Димитрию-чудотворцу!» И тотчас из алтаря, сзади, где стоит гроб блаженного, услышал голос, подобный грому: «Димитрия ищешь? Ныне чудотворец Димитрий в Казани». И, очнувшись от видения, инок почувствовал себя совсем здоровым.

В это самое время, летом, ходили русские с войском к Казани[281] на татар, живущих по Волге. Тогда и пришла в монастырь весть, что в день, когда иноку было видение молитвами преподобного, явилась Руси великая помощь над погаными в Казани.

О болящем

Не будем медлить и вновь почтим похвалами имя преподобного, всегда на помощь его призывая. Некий горожанин, именем Поликарп, долго болел и видел в болезни, будто множество бесов с остроконечными головами обступило его. Он же, испугавшись, молился про себя: «О святой Димитрий, помоги мне, великий чудотворец, помилуй меня!» И внезапно лукавые бесы подобно бесчисленным дождевым каплям, просачивающимся сквозь землю, просочились сквозь стены городские и, убегая, завопили: «О, он имя Димитрия вспоминает и тем гонит нас от себя!» Больной же, придя в себя, велел поскорее вести его в обитель преподобного, приложился ко гробу чудотворца и, помолившись сколько было сил, освободился от болезни, славя Бога и прославляя святое имя преподобного Димитрия.

О онемевшем

Расскажем и о другом человеке, именем Иван, живущем в Вологде. Говорили, будто овладел им лукавый бес пьянства по неразумению его. В тот день, когда был праздник Иоанна Богослова, он с утра до обеда пил. И внезапно от воздействия диавольского онемел и потерял рассудок, ведя себя непристойно. Родные, видя и понимая, что все это за грехи его и по попущению Божию, вспомнили о чудесах преподобного Димитрия, привезли его в монастырь и приложили ко гробу блаженного. Тогда увидел немой не видимого никому Димитрия, тихо ударившего его рукой по щеке и сказавшего: «Почему, человече, не говоришь?» В тот самый час воскликнул немой: «О святой Димитрий, помилуй меня!» – и начал молиться Богу, корить себя за грехи свои и каяться, призывая на помощь преподобного. Всячески стращали его бесы, являясь в разных видах, но в конце концов отошли молитвами преподобного.

О бесноватом

Один мирянин, именем Стефан, из селения, называемого Лоскомжа, был так сильно мучим бесами, что даже железные путы разрывал. И привели его, связанного, в обитель, он же, всех устрашая, метался по монастырю и вопил. Самые дюжие монахи едва могли удержать его и, взяв за волосы, приклонили

ко гробу чудотворца, творя молитву о нем ко Господу. И в скором времени, получив исцеление, Стефан вернулся домой, славя Бога и преподобного чудотворца Димитрия.

Похвальное слово Димитрию-чудотворцу

Но кончим писание словес, ибо неисчислимы чудеса, которые дарует Господь молитвами святого чудотворца Димитрия всем приходящим ко гробу его с верою вплоть до сегодняшнего дня. Ныне же всячески устремимся к похвале его, подобно некоторым умелым ловцам, прыгающим с корабля в море и ищущим на дне жемчуг. Насколько же важнее тленного жемчуга сегодняшнее – нетленное духовное торжество, добрыми трудами обновляемое.

Сегодня празднуется светлая и чудная память преподобного Димитрия, исполняя благочестивые сердца радостью и веселием, очищая душу каждого от прежнего мрака духовного, озаряя верою светлою и любовию, устремляя к жизни вечной. О твердый алмаз веры, водой духовной напоивший души, жаждущие добродетели! Подобно лилии, рассветшей на скорбной земле и источающей свет, служишь ты святой Троице. И вся вселенная, озарившись блистающими лучами в светлый день памяти нового русского чудотворца, радостно ликует: ныне Димитрий пречудный сияет на земле как солнце, обильными чудесами и знамениями освещая множество иноков. О трисолнечный Троицы угодник! О святые мощи, дарующие болящим исцеления! О неистощимый поток чудес! О небесной красоты подобие, о котором, славословя, говорит пророк: «Праведнику возрадуются люди!»[282] Ныне же не только люди, но и небо, и земля радуются престольному празднику, и церковь Всемилостливого Спаса, где освящение водам в день памяти преподобного. Сегодня небесные силы славословят и преподобные ликуют, праведники и постники веселятся, от Господа воздаяние трудов своих приемля – Царство Небесное. Вознесем же и мы славословие и увенчаем похвалами честную главу преподобного, говоря: «Радуйся, солнце лучезарное, Димитрий-чудотворец, освещающий покаянием озлобившихся зимою греховной; согревающий, исправляющий и исцеляющий их, подобно отцу чадолюбивому!

Радуйся, луна пресветлая, ночь нашего неразумия разгоняющая смиренномудрым учением!

Радуйся, звезда светлейшая, звезда утренняя, стараниями своими преобразующая нам свет вечности!

Радуйся, светоносная заря, освещающая христиан благочестием!

Радуйся, желанная весна, взрастившая нам Божественную любовь – дивный цветок духовных добродетелей!

Радуйся, источник пресладкий, слаще сотового меда, неистощимый для черплющих исцеления от гроба твоего!

Радуйся, ибо весь мир дивится божественным чудесам твоим!

Радуйся, инокам трудолюбивым укрепление, ленивых обличитель и явлением своим одному из братии повелевающий в тайных молитвах земные поклоны творить Господу Богу!

Радуйся, учитель истинный, данный на спасение нам!

Радуйся, постников украшение, собою пример показавший!

Радуйся, хранитель смирения и гордости обличитель, как иногда бывало!

Радуйся, Церкви похвала и украшение!

Радуйся, ангелов сопричастник и бесов прогонитель!

Радуйся, врачующий родник живой воды, на него же Христова благодать сошла; приходом твоим возвеселил Господь град наш более, чем древнюю самарянку!

Радуйся, истинный проповедник!

Радуйся, добродетелям наставник!

Радуйся, великому Сергию-чудотворцу собеседник и устроитель обителей своих!

Радуйся, милостыни учитель и пороков обличитель!

Радуйся, прекрасная лилия, любящим взором всех ко Христу влекущая!

Радуйся, селений небесных обитатель и ангельским житием украшенный!

Радуйся, твердое основание граду нашему и от врагов видимых и невидимых ревностный защитник!

Радуйся, не только именем, но и чудесами подобный великомученику Христову Димитрию, Солунскому чудотворцу:

он молитвою своей ко Христу свой город от чужеземцев освободил – ты же молитвою и явлением своим Вологду от междоусобной брани избавил; он плененных всегда на праздник свой освобождал – ты же умом плененных и мучимых бесами всегда прощал; от его гроба благовонное масло источается по всей вселенной на просвещение душе и телу – ты же от гроба своего бесчисленные исцеления подаешь недужным, с верою приходящим; он в бою страшен бывал и православным помогал – ты же нечестивых воинов силою Божией невидимо губил, а христолюбцев в битве с врагом укреплял; он гордыню воина Лия уничтожил и молитвою своей Нестора, мученика Христова[283]на подвиги вдохновил – ты же диавольскую гордыню и бесов постом и молитвами победил и иноков своих поучал в молитве не лениться; он за Христа кровь свою пролил, мученическим венцом украсившись – ты же самовольным мучением тело свое Христа ради мучил постом и трудами, всеми добродетелями к преподобным причислен, об этом ныне божественные чудеса сами вопиют!»

И вновь обратимся к похвале, вспомним житие святого и воскликнем:

Радуйся, пастырь наш добрый, полагающий в молитвах ко Христу душу свою за малое свое стадо христолюбивое!

Радуйся, целомудренное сокровище чистоты, не имеющий никакого плотского желания!

Радуйся, ум свой ко Господу возносящий и сердце свое пригвождающий к молитве день и ночь!

Радуйся, болящим скорый помощник и врач!

Радуйся, вдовицам покровитель, сиротам, нищим, странникам и не имеющим крова тихое пристанище!

Радуйся, скорый защитник в беде находящимся и печальных утешитель!

Радуйся, лишь именем своим бесов прогоняющий от христиан!

О наш заступник и помощник во всем! О преподобный Димитрий, наша сладость и утешение, и доброта неизреченная, и любовь ненасытимая! Твоими молитвами удостой и нас, недостойных, наслаждаться красотой Христовой и духовными

очами видеть уготованное Господом для любящих Его претворение силы телесной – в силу духовную, мирских благ – в благодеяния Господни, мирской памяти – в память вечную, и нынешней суеты – в будущую бесконечную радость и веселие.

Нам же ныне дерзостно говорить это, но, подобно винограду, скрытому листьями и оставленному после сбора, откройся, о чудотворче, почитателям твоим и, уповая на Христа Бога спаса нашего, молись о нас, грешных, чтобы даровал Господь отпущение прегрешений наших и милость в день праведного Его страшного суда, избавил от вечных мук, сподобил достигнуть жизни праведников, с верою и любовию память твою совершающих, и удостоил стоять по правую руку Иисуса Христа Господа нашего, Его же всегда слава, суд и владычество вместе со Пресвятым, благим, единосущным и животворящим Духом и ныне и во веки веков. Аминь.

Житие преподобного Мартиниана Белозерского [284]

Преподобный отец наш Мартиниан родился от благочестивых родителей и при крещении получил имя Михаил. Вырос мальчик благоговейным и чистым, разумным и послушным своим родителям. Когда пришло время учиться грамоте, не оказалось никого, кто бы мог его обучать. Совсем маленьким родственники привели его к Кириллу Белозерскому. Мальчик стоял, глядя на святого как на ангела, рассматривающего его, и не знал, что сказать, только с умилением припал к ногам Кирилла и стал просить: «Возьми меня, господин, к себе». Блаженный же, видя мальчика, с умилением стоящего, смилостивился и пожалел его как добрый отец. Почувствовала благородство душа его, и он принял отрока как Богом ему данного.

В те времена жил близ обители святого человек по имени Олеш Павлов, дьяк монастырский.[285] Он переписывал книги и учил детей грамоте. И делал он это очень искусно. Кирилл позвал его и попросил: «Друг, сделай по-божески: научи этого отрока грамоте. И прошу тебя перед Богом: храни его как зеницу ока от всякой грязи». Тот, с благословением взяв мальчика, стал усердно его обучать и вскоре с Божией помощью научил его грамоте.

Михаил выучился хорошо и так быстро, что все удивлялись: «Как во сне прошла учеба молитвами святого». Учитель привел мальчика и передал в руки преподобного. Святой взял отрока и благословил обоих. Когда Михаил был еще маленьким, Кирилл наблюдал за ним и размышлял, какое бы дать ему испытание. И велел святой учиться мальчику книгам. Осторожно расспросив о Михаиле (ведь мальчик пришел к Кириллу не из дальних стран, а из ближних владений святого, называемых Сяма), видя кротость и смирение, особенную душевную чистоту и незлобие, полюбил его святой и постриг в иноки, дав имя Мартиниан. И сделал его блаженный своим учеником, и велел жить в своей келье. И стал Мартиниан его любимым учеником.

Видя преподобного отца, Мартиниан возревновал о его праведности и всем умом повиновался ему, с пристрастием наблюдая ангельскую его жизнь, безгневную и мудрую, в молитвах протекающую и трудолюбии. Видя его безмерные труды, даже в такой старости напрягающегося, юноша старался ему подражать. И повиновался он старцу, как ангел Христу, и радовался душою, благодаря Бога, что дал ему Господь Бог в наставники такого святого мужа.

И был пост ему как наслаждение, и нагота как праздничные одежды. И так воздержанием томил он плоть свою, как говорится в Апостоле[286], плоть изнуряя, душу же просвещая. Молил он и о том святого, чтобы тот установил ему пост суровей обычного. Из-за юности преподобный не разрешил ему, а велел с братией хлеб есть, но не до сытости. Когда блаженный Кирилл проводил службу в своей келий, то ему велел поклоны творить. И это не единожды бывало. А до рассвета давал ему немного сна причаститься, чтобы дать телу отдых.

В соборе же блаженный Мартиниан старался быть на пении самым первым, а уходил после всех. Когда юноше приходили мысли, расхолаживающие его, или одолевала лень, он обо всем со страхом исповедовался старцу, и силою животворящего креста и молитвами святого все бесследно исчезало. И так он служил старцу и охранял его келью, что сам Кирилл с радостью благодарил Бога и Пречистую Богоматерь, говоря братии: «Он хочет быть искусным иноком». Так и случилось святыми его молитвами.

Прожил тот великий подвижник Мартиниан немалое время в послушании беспрекословном и воли своей не имея. Посылал его Кирилл проверить себя в хлебню и в поварню. Он и там стал воздерживаться, сохраняя добрый нрав без укоров совести. Со смирением всех слушал, воду носил, дрова рубил, хлебы братии приносил, от всех принимая молитвы и благословления, припадая смиренно с просьбой молить о нем Бога и Пречисту Его Богоматерь. А в келью блаженного Кирилла уходил с молитвою и молчанием. И верил святому, словно это был не человек, а ангел Божий. Не то чтобы грубое или глупое слово говорил при нем, но всегда с благоговением уходил и

также приходил в келью. Блаженный же Кирилл полюбил его и только ему разрешал жить с ним в келье, пока он еще юн.

Когда Кирилл понял, что на юношу снизошла Божия благодать и он может один жить в келье, то отпустил его с молитвой и благословлением на жительство с братией. Блаженный Мартиниан молитвами святого и там жил достойно, соблюдая со страхом все, поведанное ему старцем.

После этого преподобный причислил его к клиру, а вскоре поставил дьяконом в соборной церкви служить вместе с ним. Он все службы церковные с подобающим смирением изучал и исполнял прилежно и с благоговением. Видит, как отец его делает, так и он старается выполнять. Хоть он и был молод, а многие из братии, видя его смирение и терпение, подражали ему, говоря: «Блажен брат этот, если сподобился быть учеником такого подвижника». И вскоре это подтвердилось милостию Божию, молитвами и учением преподобного Кирилла.

Одни любили Мартиниана и молили Бога о нем, другие, подстрекаемые завистью, осуждали его (часто у людей встречается этот недостаток). Он все терпел, наученный святым все претерпевать ради Бога, и только на праведных смотрел и у них учился. Одинаково ко всем относясь и одинаково всех почитая, со смирением и любовью всем покорялся блаженный и с любовью всем отвечал.

Что же после этого? Как все люди подвластны общему суду Божию, так и святой Кирилл преставился по воле Божией и отошел ко Господу Богу в вечный покой, усердно послужив ему и желаемое получив от Господа Бога, спасителя душ. Блаженный Мартиниан, достойно проводив отца своего и помолившись Богу, благодарил Его и Пречистую Богоматерь за то, что получил желаемое от Бога благодаря испытанию, наложенному старцем. Хоть был он преисполнен жалостью к доброму отцу и учителю, оставляя и провожая ко гробу святые и честные его мощи, но с еще большим рвением стал служить в монастыре. Призывая и поминая в молитвах святого отца, как на бумаге начертанную, хранил в сердце своем праведную его жизнь. И как по лестнице поднимался он все выше.

Прожил он немалое время в этом монасты ре. Однажды пришла ему мысль основать свою обитель и там безмолвствовать. Помолившись Богу и Пречистой Его Богоматери, благословясь у гроба преподобного Кирилла, он ушел в далекий безлюдный край, примерно за сто поприщ, называемый Вожь-озеро. На озере том есть большой остров, очень удобное место для уединения от мирских людей. Там блаженный Мартиниан и стал жить, пустынно и безмолвно.

Прошло немного времени, и пришли к нему монахи и стали просить, чтобы Мартиниан построил церковь. Он их послушался, очень уж они умоляли его. И поставили церковь во имя Преображения Господа нашего и Спаса Иисуса Христа и, по обычаю освятив, украсили храм иконами и книгами, как подобает церковному чину, и пение в нем установили, как положено безмолвствующим инокам. Храм и до сего дня стоит во славу Божию.

И захотел однажды блаженный пойти помолиться Пречистой Богородице в Ферапонтов монастырь. Игумен и братия стали звать его, чтобы он жил с ними. Мартиниан, видя их веру и истинную любовь, сказал: «Если Господь Бог изволит и Пречистая Богородица не оттолкнет меня, грешного, то я буду жить с вами. Что Бог даст – увидим». И ушел в свою пустынь, и прожил там еще некоторое время.

Стала к нему собираться братия. По-разному ведь начинают люди, но Бог все знает и приводит к полезному. Блаженный, видя их прилежание, оставил их тут монашествовать и сказал: «Как сами захотели»[287]. Заповедав им заботиться о церкви, помолившись Спасу и Пречистой Богородице, ушел в Ферапонтов монастырь. Игумен и братия приняли его с великой честью и очень радовались: обещал прийти к ним, так и сделал с великой любовью. Блаженный Мартиниан стал с усердием и прилежанием трудиться с ними, ведь он хорошо знал службу и монашеский устав. Всем его облик был хорош. И братия полюбила святого, как своего, истинно заботящегося об их доме.

Вскоре волею Божией игумен того монастыря оставил игуменство. Братия недоумевала, что делать. Стали просить

Мартиниана, чтобы он стал игуменом. Он со смирением сказал: «Недостоин я этого, и дело это выше моих сил, ведь всякая власть великую беду душе наносит, Я человек грубый и немощный», – отказался. Братия через некоторое время, вновь собравшись, с любовью начала умолять святого принять игуменство и с трудом упросила. И нарекли его игуменом Пречистой Богородицы Ферапонтова монастыря.

И пошли о нем бить челом князю Михаилу Андреевичу и его родственникам, поскольку это была их вотчина и они благоволили Ферапонтову монастырю, как и отец их, князь Андрей Дмитриевич. Они по милости Божией возлюбили блаженного Мартиниана, так как и прежде его хорошо знали и в тот же час поставили его игуменом Ферапонтова монастыря, обещая заботиться об обители. Дав о том грамоту, одарив его, отпустили в монастырь Пречистой Богородицы. Некоторые говорят, что будто бы сам князь Андрей поставил Мартиниана игуменом Ферапонтова монастыря. Мы же об этом не спорим, потому что одинаковая власть у отца и у сына его, князя Михаилы.

Блаженный Мартиниан, вернувшись в монастырь, стал с еще большим рвением подвизаться, труды к трудам прилагая через пост и молитву и воздержание, как научен был преподобным Кириллом. И говорил себе: «Если кому дано будет много, много и взыщется с него»[288]. И стал заботиться о монастыре еще больше и о церкви Божией, и келейном управлении, и о соблюдении трапез. Он все устроил по Кириллову уставу: «Общежитие, также и ядение, незавидное и благочинное, всем одинаковое, смиренное и молчаливое».

Услышав про добродетельную и ангелоподобную жизнь этого блаженного мужа, о котором наше слово, многие стали собираться, как пчелы, почуяв цвет медовый: одни ради пользы, другие хотели жить с ним, мирские же приходили и умоляли святого помочь им сподобиться ангельского образа. А блаженный, поразмыслив, принимал долго просивших его и постригал в иноки, давая им суровое испытание, как и сам был научен добродетельному делу.

Много добра сделал тому монастырю блаженный Мартиниан: увеличил и укрепил его во славу Божию. И ныне доброе и блаженное начало его другим спасающимся передалось: Богу жертва приносится, ведь никакое другое приношение так не любит Бог, как прилежание и заботу о спасающихся. Узнав об этом, князь Михайло Андреевич и родственники его, вотчинники этому месту, благодарили Бога и Пречистую Его Богоматерь. Как земля плодородная радовались они, часто посылая дары и грамоты с печатями, давая земли вотчинные в дом Пречистой Богородицы. Да продлятся в наши дни милости их во славу Божию! Немало времени прожил в монастыре том ревностный подвижник игумен Мартиниан, более двадцати лет, моля Бога день и ночь и Пречистую Богоматерь.

Что же дальше? Случилось так, что великий князь всея Руси Василий Васильевич поехал помолиться Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Позавидовав его великокняжеству, как некий Каин-братоубийца, князь Дмитрий Шемяка собрался со многими людьми, поймал великого князя и поступил с ним немилосердно: привел его в Москву со своими близкими помощниками, на третий день выколол очи его и, увы мне, света сего лишив, сослал в Углич с великой княгиней и с детьми[289]. Мать же его, великую княгиню Софью, в Чухлому сослал. Сам же пришел и сел в Москве на великокняжеском престоле самовольно, и никто не противился ему. Об этом пророк говорит духом святым: «Если не Господь созидает дом – напрасно трудятся строители»[290].

Прогневался Бог на того князя Дмитрия Шемяку и отвернул лицо Свое Святое. И был князь в большом смятении и страхе великом из-за проступка своего: из-за измены великому князю Василию Васильевичу в крестном целовании. Принуждаемый многими святителями Московскими и своими ближними советниками, поехал он с владыками, князьями и боярами в Углич, к великому князю Василию Темному. Выпустил его и великую княгиню Марию и детей их да бил челом и, помирившись с ним, отпустил в Вологду, в дальние страны от

Московского царства. И дал те земли в вотчину и ему, и его великой княгине, и детям.

О беды и неправды! Что сотворил над родственником своим ближним! Такому великому господину и самодержавцу Русской земли и только один город дал в управление! А ведь прежде ему мало было всей Русской земли! Но Господь не захотел и не позволил этому случиться, ибо милостив Он к кротким и смиренным сердцем, им же дает царство и власть. И ему дал. Послав ему на помощь не только православных людей, витязей и бояр, но из иных многих стран бесчисленное воинство: даже враги душам нашим, варвары, называемые татары, из Черкас пришли с двумя царевичами на помощь к великому князю Василию Васильевичу Темному.

Но если не поверишь, я тебе истинного свидетеля представлю: возьми Книгу Летописную Русской земли, там и найдешь дополнения к моему рассказу. Нельзя, нельзя самодержцу Русской Великой земли в такой дальней пустыни быть заточенному, да еще с детьми, благородными великими князьями!

Великий князь Василий Васильевич, видя милосердие Божие и помощь Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, приобрел уверенность и, исполнившись радости, всех к себе призвал и укрепил словом Божиим. И увидел около себя бесчисленное множество готового к бою войска и многие слезы, изливающиеся о невзгоде господина своего, отряс уныние печали своей. Как орел некий почувствовал быстроту крыльев своих, так и он стольким народом обогатился внезапно!

Помолившись Богу и Пречистой Богородице, с великой княгиней и с детьми своими и со многими бесчисленными воинами, послал в тот же час за великим князем тверским Борисом Александровичем, чтобы шел он к нему на помощь против князя Дмитрия Шемяки. Тот же отвечал его посланнику: «Если возьмет дочь мою за сына своего, великого князя Ивана, то я готов идти на помощь против недруга его». Посланник же, возвратившись к великому князю Василию, господину своему, сказывает все, что слышал от великого князя Тверского.

Великий князь Василий Васильевич Темный, дав ему слово, послал своего сына для обручения, и договорились между собой. После этого князь Василий пошел из Вологды помолиться Пречистой Богородице в Кириллов монастырь. Также ив Ферапонтов пришел со всеми воинами своими тамошнюю братию накормить и благословиться от них. Встретил его игумен Мартиниан со всей братией у монастыря с великой честью и радостью и благословил его честным и животворящим крестом, отслужил молебен и пригласил на трапезу, успокоил его и утешил, благословил и велел идти на супостата, который причинил ему такое зло. Ведь знают все, что не Божьей волей сел на великом княжении князь Дмитрий Шемяка, но понадеявшись на гордыню свою, смущен был врагом рода человеческого ум его. Великий князь Василий Васильевич взял благословение от святого и, выслушав слова душеполезные, полюбил его и сказал: «Отче Мартиниане, если будет ко мне Божие милосердие и заступничество Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев и твоими молитвами сяду на престоле своем, на великом княжении, если даст Бог, о монастыре твоем позабочусь и тебя устрою близ себя». Так оно и случилось.

Одарив монастырь Пресвятой Богородицы как мог, взяв благословение святого, вскоре пошел со всем воинством на недруга своего и, встретившись с тверским великим князем, двинулись они вместе на Шемяку. А князь Дмитрий Шемяка со своим воинством против них на Волоке стоит. И уже многие люди от него перебежали к великому князю Василию Темному. Он же, услышав со страхом об их приходе, со срамом и стыдом убежал из Москвы в Галич, а оттуда – в Новгород Великий. Там, говорят о нем некоторые, был отравлен поваром своим и умер, познав бесславную смерть. А положен был в Юрьеве монастыре.

Великий князь Василий, как и прежде говорилось, пришел в Москву со многими людьми, сел на своем великом княжении, а великого князя Тверского, одарив, с великой честью отпустил в свое отечество. В 1452 году он женил сына своего, великого князя Ивана, на дочери великого князя Бориса Марии. И на этом о них закончим.

В то время у Живоначальной Троицы в Сергиеве монастыре преставился игумен, пятый после Сергия-чудотворца. Великий князь, вспомнив свой обет преподобному Мартиниану, в тот же час послал за ним на Белое озеро, в Ферапонтов монастырь. Мартиниан не хотел ехать, но его упросили и привезли в Москву, и поставил его великий князь игуменом Живоначальной Троицы в Сергиеве монастыре. А на его место в Ферапонтове поставил игумена их же постриженника, по имени Филофей. После этого он, говорят, тридцать лет был владыкой Великой Перми и Вологды.

Что же подробно писать или говорить о преподобном Мартиниане? И там, у Живоначальной Троицы, он много послужил и много потрудился. Был он духовным отцом великому князю Василию, и очень любил его князь и честь оказывал. Нельзя предать забвению и такую историю. Вот что случилось с блаженным Мартинианом.

Один боярин уехал от великого князя Василия Темного к Тверскому великому князю. Князь Василий очень горевал об этом и не знал, что делать, как возвратить его назад, ведь тот был ему ближайшим советником. Послал он с просьбой к преподобному Мартиниану в Сергиев монастырь, чтобы возвратил боярина, обещая приблизить к себе и наградить. Святой же, понадеявшись на духовное сыновство, послушался и возвратил беглеца. Великий князь, в ярости не удержавшись от гнева, повелел заковать виновного. Родные боярина известили преподобного Мартиниана. Услышав про обман, святой оскорбился и опечалился. Сел на коня и поехал к великому князю. Приехав, сначала помолился святым церквам. И неожиданно вошел в княжеские палаты, хотя никто и не думал о его приходе. Постучался в двери. Придверники не доложили о нем великому князю. Тот вскоре велел пустить его к себе. Блаженный, войдя и помолившись Богу, сказал: «Так ли ты, самодержавный князь, праведно научился судить? Почто душу мою грешную продал и послал в ад? Почто боярина, душою моею призванного, повелел заковать и слово свое нарушил? Не будет моего благословения ни на тебе, ни на твоем великом княжении!» И в гневе быстро вышел из палат.

Сев на коня, возвратился к Троице в Сергиев монастырь, не задержавшись в Москве.

Посмотрите, Господа ради, как мудр и рассудителен этот муж! Не побоялся ни величества, ни казни, ни заточения, ни лишения имущества и власти! Пошел, чтобы обличить, но не только обличил, но и запрет наложил!

Что же государь тот чудный? Поистине, имея великую премудрость, рассудительность и смиренномудрие, побоявшись суда Божьего, князь подумал: «И я человек, и я судим Богом. Правда всегда обнаружится. Хоть и царскую власть я принял и могу судить самовластно, но перед очами Бога весь наг и обнажен: ведь Он судит и царя, как и простого человека». И осознав, что он не прав, не прогневался, не возмутился, а подумал: «Виноват я перед Богом, согрешил, нарушил слово свое». Вскоре пришли к нему бояре. Он же сказал, будто гневаясь: «Бояре, посмотрите на этого чернеца болотного! Что сделал! Прийдя ко мне, напрасно обличил и Божие благословение снял, и без великого княжения меня оставил!» Бояре недоумевали, что и отвечать. Тогда он и говорит им: «Я, братья, виноват перед Богом и перед чернецом тем, что забыл слово свое и причинил зло. Пойдем к Живоначальной Троице, та нас рассудит! И к преподобному Сергию, и к игумену тому, помолимся вместе, прощение, может, и получим». А с боярина в тот же час опалу снял, и вотчину ему дал, и приблизил к себе, и жалованье дал.

Вскоре поехал с боярами к Живоначальной Троице в Сергиев монастырь. Игумен Мартиниан, узнав о княжеском приходе, с радостью встретил его у монастыря со всей братией. И благодарил Бога, видя доброе обращение князя, великое смирение и покаяние его перед Богом. Дивный же самодержец, великий князь Василий Васильевич, не помянул гнева, не возмущался и не досадовал. Быстро подойдя, пал на колени у Живоначальной Троицы, приняв прощение покаянием своим, и со смирением помолился у гроба чудотворца Сергия. У игумена же Мартиниана прощение испросил и взял благословение, а Мартиниан сам свято просил у князя прощение о дерзновении своем. Истинный христолюбец князь Василий, отслужив

молебен, накормив братию и монастырь одарив, ушел в радости на стол свой в славный град Москву благословен и прощен навеки.

Видите, господа, праведное смирение боголюбца великого князя, рассудительное и безгневное! Кто не удивится и кто не ублажит, и не прославит, видя такого праведного и смиренного царя?! Поистине и вправду говорят о нем некоторые из древних: «Великую от Бога милость и награду получил государь тот. Много пострадал и много претерпел бед в плену и в сражениях, с неверными царями и в междоусобицах. Хоть и наказание от Бога принял, но был благодарен Ему и храбр, и верою многою утвержден к Богу». Как в Писании сказано: «Если кого любит Бог, того и наказывает. Бьет сына своего, его же и ласкает»[291].

Мы же вновь вернемся к повествованию о преподобном Мартиниане. После того случая святой прожил еще немало времени. Государь же тот, великий князь, полюбил блаженного Мартиниана и не только не оскорблял его, но всем слушался и почитал. И много лет он царствовал в Москве, многих великих князей породил и уделами наделил, и многих великих воевод, князей и бояр к себе привлек любовью и милосердием, и много добра принес русской земле милостью и щедротами Живоначальной Троицы и молением Пречистой Богородицы и великих чудотворцев русской земли. Старшего же своего сына, великого князя Ивана, при своей жизни еще сделал своим наследником, благословил и передал ему скипетр Русской державы. И на этом закончим о них.

С большим усердием и старанием многими трудами и подвигами послужил Мартиниан игуменом Живоначальной Троицы в Сергиевом монастыре, пася стадо Христово словесных овец. Когда прожил там восемь лет, то стал задумываться о жизни своей, потому что и старость уже начала подходить и многие недуги приближаться стали, и от подвигов, и от переживаний многих бед, приходящих из царствующего града, и от монастырского нахождения. Вот поэтому святой захотел игуменство оставить. Братия же умоляла его, говоря: «Потерпи, отче, Господа ради, и еще на месте этом, заботясь о стаде Живоначальной Троицы и достоянии преподобного

Сергия». Он же, выслушав их ради любви, потому что вспоминал блаженный и всегда держал в уме слова учителя своего, преподобного отца Кирилла, чудотворца, о том, что «подобает иноку молчание и нестяжание хранить и избегать вредных для души помыслов». Немало праведный скорбел и об обители Пречистой Ферапонтова монастыря. «Начал там игуменить, и ничем не помогаю им», – говорил. И много думал блаженный о том, как бы им помочь. «Потому что не совсем еще место то всем необходимым удовлетворено», – говорил. И как копьем колола его совесть, что он не позаботился об обители той.

Что же было потом? Созвав всю братию, Богом избранное стадо, блаженный произнес последнее поучение, как обычно. Сдав монастырское хозяйство, вошел в соборную церковь, помолился у Живоначальной Троицы и у гроба преподобного Сергия, поцеловал мощи его и отдал обет своего послушания. Перецеловавшись с братиею всею и дав благословение и последнее прощение, а также и у них взяв, оставил стадо на великого пастыря Христа. И пошел в страны Белозерские миром храним.

Когда же блаженный пришел в наследствие свое, обитель Пречистой Богородицы, Ферапонтов монастырь, игумен и вся братия, узнав об этом, с великой радостью встретили святого и приняли его как отца истинного. С великим усердием и честно упокоили они старость его, но об этом речь впереди. Он же всех любезно целовал, дарами и благословением одарил. И была радость великая для братии, что вернулся святой. И устроили праздник в честь его возвращения. Игумен же, как отец, передал ему игуменство и отступил от места своего и попечение все с Богом возложил на него, как на пастыря великого, и назвал его кормчим и наставником душ ко спасению.

Вскоре игумен и вся братия стала умолять святого, чтобы он взял заботу об обители Пречистой Богородицы. Блаженный, видя их веру и расположенность к нему, отвечал им со смирением: «Я, братие и отцы, недостоин такое попечение взять на себя. Ведь потому и ушел из обители Сергиева монастыря,

чтобы плакаться о грехах своих, покой обрести и безмолвие на старости лет». Игумен и братия упрашивали его. Блаженный отвечал им с умилением: «Если Господь Бог и Пречистая Его Богоматерь и любовь ваша позволит, то я ради послушания готов умереть в обители Пречистой за брата моего и господина, блаженного Ферапонта». Игумен же и братия пали на колени и поклонились ему, благодаря, что послушал их и согласился заботиться о монастыре. И так блаженный потрудился и подвиги явил в старости, что все удивлялись прилежанию его и усердию. Как от сокровища черпал из недр своих – то из устава Кириллова монастыря, то из устава Живоначальной Троицы Сергиева монастыря. Как купец или победитель, вернувшись из дальних земель, приносит сокровища по Апостолу, Ветхому и Новому Заветам[292], насыщал он и передавал душам жаждущих и желающих питаться от духовной трапезы.

Все бывало: игумен и братия обители той, как к некоему кладезю неисчерпаемому приходили за полезными советами, словно покупая бисер многоценный, который есть Христос[293]. Также и о телесных заботах советы и указания о нуждах монастырских – все получали от преподобного Мартиниана до последних дней его жизни и отшествия к Богу души его.

Знаю и верного свидетеля праведной жизни преподобного и блаженного отца Мартиниана. Это священноинок Святой горы Пахомий Серб[294], творец житиям преподобных Сергия и Кирилла, так писавший: «Когда я пришел в обитель святого Кирилла, то встретил там настоятеля того монастыря, по имени Кассиан, достойного зваться игуменом, мужа, за многие годы в постнических трудах состарившегося. Он мне много рассказывал, что написать о святом Кирилле, потому что большую веру имел святому и своими глазами видел блаженного и о многих чудесах, сотворенных им, рассказывал. Нашел я там и многих других учеников его, как столпов непоколебимых, пребывающих в истине, много лет проживших со святым, в посте и молитвах и в бдениях безмолвствуя. Видя, как отец их подвизался, так и они старались исполнять. Видя праведный образ их жития, расспросил я их о святом, хотя уже было написано о добродетелях Кирилла. Начали они

рассказывать о жизни блаженного и о чудесах, творимых им, – эти, и другие, подобные, и по частям были поведаны деяния святого». А как встретил Пахомий блаженного Мартиниана, то записал: «Я слышал от достовернейшего очевидца жизни преподобного Кирилла, от самого ученика Кирилла по имени Мартиниан, бывшего игумена тезоименитого монастыря, Сергиевым называемого, с малых лет жившего со святым и много знавшего о нем. Он все по порядку рассказывал о преподобном, и со его слов я стал писать о жизни преподобного. Отцом ему был Кирилл. Видя, что Мартиниан был искренним его учеником, очень верил Богу и исполнен желания стать добродетельным, святой не пренебрег им, ничего не скрыл, но как чадолюбивый отец все поведал и открыл сыну своему». Рассказавший это Пахомий, приехав и встретив блаженного Мартиниана, получил правдивые сведения и поделился с нами.

Мы же вернемся к повествованию о приснопамятном отце Мартиниане. Не приукрашивая говорю и не ради похвалы: не нуждаются святые ни в наших похвалах, ни в словесных украшениях, потому что предостаточно им небесной красоты и наслаждения пребывать с Богом и лицезреть Его. Как пророк говорит: «Похвала праведнику от Господа бывает и строение его от Вышнего»[295].

Знаю я, что многие отцы и братья, ученики его, были прозорливы, многие Божьей благодати исполнены и райской пищи сподобились. И вот что я расскажу об их жизни, чтобы ты поверил. Один брат, ученик блаженного Мартиниана по имени Галактион, носивший его из-за старости и многих недугов на соборное пение, пришел однажды с братией в новую трапезную. Братия же стала хвалить ее, что мол, хороша и очень красива. Он же, будто юродивый, так сказал: «Хороша, хороша, да недолговечна». Они же не придали этому значения, ведь считали его юродивым. А он оказался мудрым! На другой день загорелась келья одного брата, а огонь охватил и другие кельи. И ничего нельзя было спасти из них. Иоасаф, бывший владыка ростовской земли, стал горевать о какой-то вещи, отложенной для монастырского строения. Юродивый же, подойдя, начал

ему пенять, говоря: «Что делаешь, отче? Бога прогневишь, скорбя». А он ему: «Я, брат, не ради себя удержал, а ради нужды монастырской». Галактион сказал: «Коли так говоришь, то где, в каком месте лежит сокровище это?» Он же указал ему место в келье. Блаженный юродивый отошел, устремился к келье и вытащил сокровище. Принес, поставил его перед владыкой Иоасафом, говоря: «Вот, не тужи, о худом деле скорбишь». Братия удивилась и прославила Бога о непостыдном дерзновении брата. А те кельи охватил огонь, и трапезную тоже уничтожил до основания. Люди сбежались быстро и начали звонницу рубить, чтобы не сгорели колокола. Он же, приснопамятный, прибежал, оттолкнул людей, говоря: «Этому не гореть», – встал у звонницы. Огонь же совсем не коснулся ни его, ни одного строения вокруг него. И сбылось пророчество брата Галактиона, поистине дивного.

Все службы исполнял он с братией весьма старательно, покоя телесного особенно не требовал, а на соборном пении дольше всех находился. Увидев это и рассудив, блаженный Мартиниан благословил его на чудное и блаженное дело.

Предвидел он свое преставление за много дней. Пришел его навестить один брат, собеседник преподобного, постриженник Симонова монастыря (он просфоры пек). И начал скорбеть о том, что заболел блаженный. А тот ему отвечал: «Не скорби, брат, обо мне. Я хочу от вас уйти, в восьмой же день и ты уйдешь за мной». Брат Савва (таково было имя его), недоумевая, передал братии эти слова. И преставился блаженный к Богу. Разболелся и брат Савва, а на восьмой день отошла его душа от тела, как и пророчествовал юродивый тот блаженный.

И много иных знаю чудес. Поведал мне другой брат, ныне старец, бывший игуменом более тридцати лет. «Впал, – говорит, – я однажды в уныние, хотел уйти из обители Пречистой. Учитель же мой сел на пороге кельи и говорит мне: «Что это ты, брат, задумал? Врага слушаешь, не можешь избежать его козней. Если нас оставишь, от тех же сетей и лукавства нигде не сможешь уйти». Я же, слушая старца, удивился прозорливости его, потому что все мои сердечные помыслы перед лицом моим

явил. Знаю пророчества и других братьев, да время велит мне сократить. Об этом мы рассказывать закончим и вернемся к нашему повествованию.

Блаженный же Мартиниан, как говорилось, хорошо послужил Богу. Видит он, что старость уже стала приближаться да частые недуги одолевают. Ничего не ожидал, кроме смерти и последнего часа. Но имея усердие, веру и желание неуклонно служить Богу, до самых последних дней не отступал от соборного пения, о келейном правиле что и говорить! Также и постился, наученный отцом своим, преподобным Кириллом. На соборное пение братиею был возим, а иногда его под руки поддерживали из-за старости и немощи многой.

Слышу, некоторые говорят с презрением: «Святитель немощен – не живет, потому что сокрушен». А не святым ли называете Афанасия Афонского[296], убитого в церкви и смерть победную принявшего, или Симеона Столпника[297], одну ногу имеющего, а другую, червями съеденную? Много у тех святых великих телесных повреждений найдешь, душевная же их крепость тверже любого железа и камня. Кто может Господнюю судьбу предвидеть? Все святые в трудах и болезнях жизнь свою окончили. В Писании святых Отцов говорится: «По мере добродетели Бог каждому воздает и дарования».

Но об этом довольно. Видит блаженный, что совсем изнемог от старости и к концу приближается, призывает к себе всех, с кем служил Богу в этой обители. И перед всеми игумену завещает предание и чин обители той хранить, и чтобы никто чин и устав монастырский не нарушал. «Как нами, – говорил, – заведено в обители, свидетели тому Бог и Пречистая Богородица, и как видите у нас, отцы и братия, так и творите. Да будет с вами Божия любовь и милость Пресвятой Богородицы». Благословение и прощение преподав игумену и братии, также и у них взяв, последнее целование Пречистого Тела и честной Крови Христа, Бога нашего, совершив, в последние дни причастился. Жил в чернечестве более семидесяти лет преподобный и преблаженный отец наш Мартиниан. И преставился к Богу он в воскресенье, в год 1483, 12 января, в

старости глубокой в совершенном образе. И ушел к отцам своим в жизнь вечную.

Игумен и братия собрались с плачем, обернули мощи святого и погребли у большой церкви Пречистой Богородицы, на правой стороне алтаря. И сотворили память ему честно. Да не соблазнятся некоторые, говорящие так: «Почему великий святитель Макарий, митрополит Русской земли, в грамотах, посланных по городам и великим монастырям от имени царя Всея Руси, великого князя Иоанна Васильевича, указал петь и праздновать память Святых Отцов по всем церквам великой России, избранных на Соборе в год 1547, а этих, Ферапонта и Мартиниана, оставил?»[298] Но не из-за пренебрежения святой митрополит поступил так, а просто случилось вот что.

Когда много дней спустя после Собора игумен той обители приехал и привез с собой Жития святых Ферапонта и Мартиниана, чтобы просить повеления и благословения Господского, то отдал их в руки святителя. Великий же, рассмотрев их, повелел снова Собору быть и собраться всем святителям первого Собора: Алексею, архиепископу Ростовскому, да Ионе епископу Суздальскому, да Ионе же, епископу Рязанскому, да Акакию, епископу Тверскому, да Феодосию, епископу Коломенскому, да Савве, епископу Сарскому, да Киприану, епископу Пермскому, и с честными архимандритами, и с честными игуменами великих монастырей, и старцам избранным, и всему священному Собору. И, взяв книги те, велел прочитать ему Жития святых и чудеса их. И решили всем тем Собором, что правильно будет праздновать память тех святых. Он благословил и повелел игумену той обители петь и праздновать память святых отцов с предреченными святыми преподобными Ферапонтом и Мартинианом и жития их читать на Соборе во славу Отца и Сына и Святого Духа Вседержителя Бога.

Но пусть не говорят некоторые, думающие: «Повелел святой митрополит в одной церкви только той обители праздновать память святых». Смотри и запомни: святые книги пишут: «Одно стадо – и один пастырь, Христос. У одной церкви

– одна вера. Дал одной церкви – и иным дал, не дал – и никакой не дал»[299].

Святой митрополит сделал хорошо и полезно, что повелел праздновать память святых отцов и благословил, как будто утварь царскую церкви Божией придал. Мы же, поминая блаженных отцов и добрые их предания, говорим: «О преблаженные отцы, Ферапонт и Мартиниан! Смотрите за нами и заботьтесь по-отечески!»

Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего игумена Зосимы, основателя Соловецкого монастыря [300]

Прошел год после кончины преподобного Савватия, и пожелал Человеколюбец Бог возродить то место, на котором преподобный провел в подвигах многие годы, чтобы труды угодника Божьего не остались в забвении. И захотел Бог еще больше прославить остров Соловецкий, как предсказано было ангелами той женщине карельской: «Это место благоволил Бог избрать для устроения иноческого жительства». И Божьей волей и молитвами Пречистой Богородицы сбылось это предначертание.

В одной деревне, называемой Шунга, у богатых и благочестивых родителей был сын по имени Зосима. С юных лет имея ангельский нрав, избегал он детских забав. Прежде родители его жили в Великом Новгороде, а потом поселились в деревне ближе к морю. Ибо на море хотел Бог прославить угодника своего. Отрекся Зосима от мира и жил отшельником. И как олень стремится на источник вод, так желал он найти место пустынное, чтобы уединиться и в молитвах наедине с Богом беседовать. И размышлял он так: «Я лишь наполовину отрекся от мира, только словами. В Писании же сказано: «Не за слова дается награда, но за дела» и «Не слушающие закон спасаются, но исполняющие его»[301]. А я постоянно вижу перед глазами своими родителей и родственников, и друзей, и знакомых, и нахожусь среди них – в чем же тогда отказ мой от мира? Написано ведь: «Не любите мира, ни того, что в нем»[302]. Ведь невозможно одним оком смотреть на небо, а другим – на землю, и одному рабу служить двум господам: либо одного возлюбит, а другого возненавидит, либо одному станет усердствовать, а о другом не радеть, то есть нельзя служить и Богу, и мамоне»[303]. Об этом размышлял постоянно раб Божий Зосима в сердце своем и разгорался любовью к Богу во все дни и ночи, желая от мира уйти. И искал помощника себе в духовном подвиге.

И в скором времени, по Божиему промыслу, встретил Зосима старца по имени Герман, который прежде с блаженным Савватием жил на острове Соловецком. И Герман в духовной беседе поведал ему об острове и о том, как блаженный Савватий на нем подвизался. И слушая его, возрадовался духом Зосима и просил Господа, возводя очи к небу: «Господи Владыко Человеколюбие! Наставь меня на путь, которым спасусь, Всемилостивый!» И тогда просветились его очи сердечные, и просил он у Германа разрешения идти вместе с ним на остров Соловецкий. Обратился же к нему с такими словами: «Говорит Давид Богоотец в песнях: «Спроси отца твоего и старцев твоих – и они скажут тебе»[304], – и открыл Герману сокровенное желание сердца своего.

И начал Зосима тщательно готовиться к плаванию. И призвав Германа, собрал все необходимое для уединенного жительства. И в то время разболелся отец его сильной горячкой и к Богу отошел. А мать вдовой осталась. Со многими слезами и псалмопениями похоронил он достойно отца своего. И пришел в дом отчий к родительнице своей и молвил: «Мать моя, Бог так изволил взять супруга твоего и моего отца. Божья на то воля. Не все ли мы прах и не все ли пепел?» Она же ему отвечала: «Что ни повелишь мне, дитя мое, ни в чем тебя не ослушаюсь». И Зосима советовал ей оставить свой дом и имение и уйти в монастырь, и принять там монашеский постриг. Мать же, исполнив его волю, ушла в бывший неподалеку женский монастырь. Зосима же раздал все свое богатство убогим и нищим, и слуг отпустил, и большую часть имения им отдал. А сам к иноческому подвигу возвратился и второе отречение от мира совершил. Прежде он родителей и родственников своих оставил, отказался от мирской пищи и ото всех радостей мира, теперь же землю и отечество свое покинул и ото всего, что было знакомо, удалился.

Возвратился Зосима к Герману и, все, приготовив к плаванию, отправились в путь. И Божиим устроением дул попутный ветер, и на второй день достигли они острова Соловецкого. Поставили в бухте судно, и начал Зосима осматривать остров и искать место для устроения монастыря. И

нашел пригодное место, просторное и весьма красивое. Располагалось там озеро поблизости от моря, на расстоянии полета стрелы. А в море бухта тихая и безветренная, и можно было в ней рыбу ловить. И устроили они шалаш на том месте, и провели в нем ночь в бдении и молитвах и пении псалмов. Когда же наступило утро, блаженный Зосима вышел из шалаша, и явлено было ему некое божественное видение: всего его пресветлый луч просветил и божественное сияние место то осветило. И ужас объял его от такого видения. И видит он с восточной стороны огромный и прекрасный храм, возвышающийся над землей. От этого зрелища переменился в лице Зосима. Пришел он к Герману и рассказал ему о видении. Герман же разгорелся духом и говорит: «Дерзай, брат любимый, ибо Божье благоволение на месте этом! Рассказывал я тебе прежде о чуде, которое здесь случилось при блаженном Савватии. С этого места ангелы Божий рыбака изгнали и жену его наказали прутьями. «Уходите, – говорили, – скорее отсюда, а не то злою смертью умрете! Место же это иноки унаследуют!» И вот теперь время исполниться этому предсказанию. Ведь сам Владыка Христос говорит: «И небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»[305]. Показал ведь Бог в древности образ скинии Моисею в пустыне[306], так и тебе здесь явил страшное это видение. Ибо хочет твоими трудами место это устроить». И от этих слов укрепился блаженный Зосима и исполнился дерзновения. Устремился на подвиг телесный и духовный, вооружась постом и молитвами. И укреплялся от Германа, а более всего от Бога, подающего помощь рабам своим, чтобы могли они побеждать невидимых врагов.

И выстроили они кельи себе. И преподобный Зосима начал труды к трудам прилагать, радуясь духом и ум свой к небесному устремляя, тело же духу покоряя. Проводил все ночи, стоя на молитве, всегда в псалмах и пении духовном поучаясь и поя Господу в сердце своем: «На Тебя, Господи, уповаю, спаси меня по милости Твоей! Будь нам помощник на противника нашего дьявола, ибо благословен Ты во веки веков! Аминь». И жили они так с Германом, возделывая землю мотыгами и питаясь от трудов рук своих. Как сказано, «в поте лица ели хлеб

свой»[307] – и питал их Господь. И через некоторое время пришлось Герману отплыть на другой берег к христолюбивым людям ради некоей надобности для строительства монастыря. И получив от Зосимы напутственную молитву, отправился в путь. Старец же Зосима один остался на острове. И задержался Герман на побережье. А когда вернулся к морю, желая плыть на остров Соловецкий, то настала осень и дул студеный ветер, шел снег и неукротимое волнение было на море. И плавало в нем множество льдин. Томился он поневоле, желая добраться до острова, но не мог. И пришлось Герману зимовать на побережье.

А блаженный Зосима один на острове оставался. И сначала грустил по Герману, потом же возложил надежды свои на Господа, говоря: «Господи Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня! Ибо предан Тебе от юности моей и от чрева матери моей! И ныне, Человеколюбец, утвердил меня «на камне веры», ибо Тебе предал душу мою! Никогда не отступаешь от рабов Своих, но всегда в них пребываешь, Христе Свете Истинный! Не оставь же меня, раба своего, уповающего на Тебя!» И начал он еще усерднее подвизаться, слезами каждую ночь ложе свое омывая, постом и добровольными страданиями плоть угнетая и непрестанные молитвы вознося к Богу.

Видели же бесы себя поруганными и с острова изгоняемыми молитвами преподобного Зосимы и ополчились на него, и страшный грохот учинили, и двинулись на блаженного всею силою своею. Ибо никогда прежде, с тех пор как солнце светит в поднебесье и до прихода Савватия и Зосимы, не жили на том острове люди. И, скрежеща зубами, пришли нечистые духи к Зосиме. Одни из них в змей обратились, другие – в различных зверей, ящериц и скорпионов и прочих гадов, ползающих по земле. И все вместе на него устремились. Раб же божий Зосима нисколько их не испугался и не устрашился наглости их и коварства, но сказал им: «О злая вражья немощь, если имеете на меня власть от Бога, делайте что хотите! Если же нет, то напрасно трудитесь, ибо ничем от любви Христовой меня отлучить не сможете!» И, осенив себя непобедимым оружием – знамением животворящего креста, начал читать: «Да

воскреснет Бог и расточатся враги Его и да бежат от лица Его все ненавидящие Его! Так, как исчезает дым, да исчезнут!»[308] – и вся вражия сила исчезла. Святой же, воздев к небу руки, возгласил: «Боже вечный, Царь безначальный, Создатель всего мира! Молю Тебя, раб Твой, избавь меня из уст пагубного змея, алчущего пожрать меня и заживо в ад свести, и сохрани от всякого коварства человекоубийцы-дьявола! И заступлением святых Твоих направь меня по пути, которым достигну единения веры и разумения Единосущной Троицы – Отца и Сына и Святого Духа, ныне и всегда и во веки веков! Аминь». И с тех пор преподобный Зосима получил власть над нечистыми духами.

Прошло немного времени, и стал он испытывать нужду в пище. Это его немного заботило, но потом возложил он упование на Господа Бога, говоря в сердце своем: «Возложи на Господа печаль твою, и Он тебя напитает во веки»[309]. И в скором времени, когда молился он в келье своей, пришли к нему два мужа, светлые образом, и влачили за собой сани, полные хлеба, муки и масла. И сотворив молитву, и получив у преподобного благословение, сказали ему: «Возьми у нас, господине отче, хлеб, и муку, и масло и оставь у себя. А мы, если Бог повелит, через некоторое время вернемся к тебе».

Старец же голодал в течение долгого времени, ожидая мужей тех. Но они так и не пришли. И тогда понял он милосердие Божие, пославшего ему пропитание. И прославил он Человеколюбца Бога за всю милость Его, что не презрел раба своего, на Него уповающего. Когда же наступила весна, приплыл старец Герман, а с ним человек по имени Марк. Был он в рыбной ловле искусен. И привез с собой много рыболовных снастей и другого снаряжения, нужного для устроения монастыря. Был он для этого весьма пригоден. В скором времени приплыли еще люди на остров. Был среди них инок по имени Феодосии. Пришел он к преподобному Зосиме, желая жить с ним в обители. Имел же он священнический сан. Святой с великой радостью принял его и прославил Бога, удостоившего его жить вместе с братией. И повелением преподобного постриг Феодосии Марка в иноческий образ и дал ему имя Макарий. И

потом многие иноки стали приходить на остров, желая вместе с Зосимой подвизаться. Святой же принимал их с радостным сердцем, говоря: «Владыко Господи, призри с неба, увидь и посети место это, которое сотворила десница Твоя!»

И начали они деревья рубить и келий строить. Потом же и небольшую церковь воздвигли и трапезную к ней пристроили на том самом месте, где старец увидел сияние невыразимого света и храм, высившийся над землей. Поставили же они церковь во имя Святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа. Потом, посоветовавшись с братиею, посылает он одного из иноков в Великий Новгород архиепископу Ионе, чтобы получить у него благословение и испросить священную утварь и антиминс для освящения храма и прислать игумена, чтобы тот освятил церковь и пекся о братии. И тот скоро снарядился, по благословению святого, и в путь отправился. И молитвами преподобного благополучным было его плавание до самого Новгорода.И придя к архиепископу, испросил инок у него благословения. Архиерей же благословил его и спрашивает: «Откуда ты, инок, и ради чего к нам пришел?» Отвечал же ему монах: «Владыка святой, новый храм построен на острове морском во владениях твоих. Благослови же освятить храм во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа и дай нам антиминс! И поставь нам игумена твоим благословением!» Архиепископ же сказал: «Брат, но кто может жить там, вдали от людей? Близко там земли иноверцев – Мурманская и Каянская, как же будет там церковь стоять?» Потом, поразмыслив немного, говорит: «Невозможно это для людей, но все возможно для Бога. Если Бог захочет, то все свершится. Наше дело начать, а Божие совершить. Да будет имя Господне благословенно отныне и до века!»

И повелел дать антиминс для освящения церкви. И избрал некоего инока по имени Павел, саном священства постоянно украшенного, и дал им в игумены. И поучил его Богодухновенными словами, как пасти Христово стадо словесных овец и иметь прилежное попечение о душах их. И, повелев дать им все необходимое в дорогу, отпустил их с миром. Они же, получив благословение, вскоре в путь

отправились и через небольшое время, всего дней за сорок, достигли, молитвами преподобного, острова Соловецкого. И передали блаженному Зосиме святительское благословение. Он же радостною душою прославил Бога, ибо получил исполнение желания своего.

Игумен же Павел освятил церковь во имя Святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа. И возрадовался преподобный духом о величии Божием и вместе с игуменом и братией непрестанные молитвы воссылал Господу и Пречистой Его Матери. И подвизались они постом и молитвами, а также трудами многими: возделывали землю, рубили деревья для устроения монастыря, а иногда кололи множество дров и, приготовив морской рассол, соль варили. Отдавали ее купцам, приплывающим к острову, а взамен получали различные орудия для нужд монастырских. Выполняли они и другие работы. Также и рыбу ловили на море и на озерах. Много же озер было на острове – семьдесят, а то и более. Благоугодное это было место для монастыря!

Всей же братии вместе с игуменом и блаженным Зосимой было в обители 22 инока. И каждый с таким усердием нес свое послушание, словно это была одна душа, в разных телах подвизающаяся. Видели же бесы себя в таком поругании и уничижении от преподобного и от всей братии и начали сеять смуту: досаждали всякими кознями и хулою, призраками и прельстительными видениями. Но досадить им ничем не могли. Тогда они напустили на иноков неких людей неразумных, на погибель их душам. И сильно те люди братию притесняли и не давали рыбу ловить. Угрожали они и святому, говоря: «Зачем, монах, ты селишься здесь? Это отцовское наследство наших бояр!» Также и карельские люди на озерах и вокруг рыбу ловили и много инокам досаждали, говоря: «Это наша отчина, карельская земля!»

Святой же в ответ только молился: «Господи Владыко Человеколюбец, как говорит пророк Давид в третьем псалме: «Господи, что умножились притесняющие меня? Многие восстали на меня и говорят душе моей: нет Тебе спасения! И многие скорби наносят рабам Твоим, уповающим на Тебя»[310]. И

говорил он Герману: «Это, брат, бесовские козни против нас злых людей возбуждают». Герман же отвечал: «Отче святой, необходимо хранить терпение и пребывать в молитве, и знаю, что не оставит Господь моления рабов Своих, боящихся Его». И крепко святой вооружился терпением и молитвами против невидимых врагов. Нечистые же духи, видя погибель свою, не могли приблизиться к нему и причинить вреда. И тем сильнее подстрекали они против него злых людей, ибо надеялись, лукавые, что не вытерпит он человеческих оскорблений и уйдет с острова. Но сбылось сказанное в псалмах: «Те повержены были и пали» и, – крепкого же столпа поколебать не смогли.

Раб же Божий Зосима, как непобедимый воин, еще крепче сражался с врагами благодатью Христовой, днем и ночью всегда пребывая в пении псалмов и песен духовных, поя Господу в сердце своем: «На Тебя, Господи, уповаю, да не буду посрамлен во веки!» И прибывала ему помощь Божия. Собиралась же братия Христова, и обитель разрасталась. И следовали иноки во всем своему пастырю, преподобному Зосиме: в смирении и в терпении, в постах и в беспрестанных молитвах, и во многих трудах. А игумен Павел, присланный архиепископом, не смог вынести тягот пустынножительства и, прожив там несколько лет, ушел восвояси. И по совету преподобного избрали они другого игумена, по имени Феодосии. Но и он немного лет подвизался пустынным подвигом и тоже покинул монастырь и ушел, куда глаза глядят.

Тогда решили преподобный Зосима с братией, что игумен должен быть поставлен из числа иноков, постоянно живущих в обители. Был среди них старец Игнатий, усердно подвизавшийся и умудренный годами, здесь же принявший постриг и имевший сан диакона.

Его-то и хотел преподобный видеть игуменом или же того, кого изберет братия. Но никто из иноков, подражая смиренномудрию своего духовного отца, не осмеливался принять этот сан. И, посоветовавшись, обратилась вся братия к Герману, говоря: «Господине отче, ты первым пришел с Зосимою на место это святое, и нет у нас другого поручителя, кроме тебя. Скажи ему, что все мы пришли сюда с любовью к

истинному целомудрию, услышав о добродетельном его житии, чтобы его святостью руководиться спасению. И то, что видим теперь, убеждает нас еще больше, чем то, о чем слышали. Так скажем ему об этом, что никто из нас не может управлять на этом месте святом, кроме того, кому это предназначено Богом, а не людьми».

Герман же пришел к преподобному и передал ему все, что услышал от братии. Но Зосима из-за своей кротости и смирения никак не хотел принимать рукоположения. Братия же сильно настаивала и понуждала его, говоря: «Если не хочешь быть рукоположен, то все мы разойдемся отсюда, и ты воздашь ответ Богу в День Судный о душах наших!» И против своей воли преподобный повиновался их желанию. Они же возрадовались единодушно о согласии святого. И некоторые из братии заторопились в Великий Новгород к архиепископу просить Зосиму себе на игуменство. И испросив у святого благословение, отправились в путь. И в скором времени пришли в Новгород к архиепископу Ионе и, получив благословение, сказали ему: «Владыко святой, монастырь наш впервые устраивается, а игумена нет». И говорит им архиепископ: «Какой же это монастырь, если игумена нет? Сколько же братии в вашем монастыре?» И отвечали ему: «Господин наш владыко, нас сорок иноков». И спросил он: «А нет ли среди братии такого, кого желали бы себе в игумены?» Они же отвечали ему с готовностью: «Владыко святой, есть у нас таковой – основатель обители нашей. Зовут его Зосима. Много просили мы его, но не внимал он прошениям нашим. Если изволит твое святительство, пошли за ним! И когда придет он к тебе, сам скажи ему свое повеление!» Архиепископ на это ответил: «Возвращайтесь и передайте ему, чтобы шел ко мне немедля». И дал им письмо для Зосимы. И вернулись они вскоре в монастырь и передали преподобному послание от святителя вместе с его благословением. Написано же в нем было следующее: «Сыну нашего смирения и старцу Зосиме. По получении нашего послания приходи к нам без промедления, по нашему благословению. Имеем к тебе дело».

Святой же сказал об этом Герману и братии и прочитал им святительское послание. Потом, помолившись и положившись на волю Господню, отправился в путь. И взял он с собою некоторых из братии. Было же их плавание по морю, по рекам и по озерам благополучным. И приплыли они вскоре в Великий Новгород. Приходит же преподобный Зосима к архиепископу. Святитель его благословил и, повелев сесть, начал подробно расспрашивать о Божественном Писании и о доступности острова Соловецкого, и об устроении монастыря. И Зосима поведал все о себе и о своем пришествии на остров. Архиепископ и прежде слышал о преподобном, но теперь по виду блаженного и по разумности его ответов понял, что он воистину святой. И освятил его священническим саном и поставил игуменом Спасского Соловецкого монастыря, сказав пришедшей с ним братии: «Вот вам игумен. Примите его как образ Христов – с полным послушанием и повиновением!» И дал он игумену Зосиме на устроение монастыря золота и серебра, церковные сосуды и ризы, и все, что нужно в дорогу. И, благословив, отпустил их с миром.

И многие из новгородских бояр дали блаженному в монастырь немало всякого добра, сосудов и одежд церковных, серебра и жита. Иные же обещали помогать его монастырю, ибо прошел слух о добродетельном его житии, и имя его всем стало известным. Ведь сказал Господь: «Славящих Меня прославлю». Также и псалмопевец Давид говорит: «Волю боящихся Его Господь исполняет»[311]. И помолился преподобный в соборной церкви святой Софии и всем святым церквям поклонился и отправился в свой монастырь. И Божией благодатью благополучно на Соловки возвратился.

Герман же и вся братия вышли на берег встречать преподобного. И приветствовал их Зосима Христовым целованием и всех благословил. И вошли они в церковь святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа, и дьякон сотворил ектению за православных князей и архиепископа и за всех православных христиан. Потом вошли в трапезную и передали послание архиепископа братии. И был возведен Зосима на игуменское место. И поучил он братию довольно, и

все в свои келий разошлись. Когда же наступил вечер, повелел игумен Зосима священникам и дьякону готовиться к Божественной литургии, ибо хотел он и сам причаститься Пречистого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа и совершить божественную службу, как говорит Владыка Христов: «Ядый мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Я в нем»[312].

Повелел же он келарю перенести из ладьи все, что подарили им в Новгороде христолюбцы для нужд монастырских и для устроения церковного. И после заутрени пошел он вместе с другими священниками в святую церковь, и начали они Божественную литургию. И когда преподобный Зосима причащал их Божественных Тайн, увидели священники и братия, что лицо его, как у ангела, просветилось, и вся церковь наполнилась благоуханием. Братия же возрадовалась этому чудесному видению и восславила Бога, прославляющего своих святых.

И когда закончилась божественная служба, пришли в церковь некие торговые люди. Игумен Зосима благословил их и дал им просфору и пригласил на общую с братией трапезу. Они же, приняв просфору, пошли к своей ладье за некоей надобностью. И неведомо как выпала просфора у них из-за пазухи. Искали они ее и, не найдя, весьма опечалились. Зосима же, придя в трапезную и воссев на игуменском месте, увидел, что нет приглашенных мужей, и повелел келарю послать за ними. Послал же инока по имени Макарий. И быстро пошел он к лодке, а с ним выбежал пес из монастыря. Пробежал пес немного вперед и вдруг поднял там сильный лай. Пытался он что-то схватить на дороге зубами – и не мог. Видел Макарий, как пес бросился вперед, отскочил, бросился опять. Поспешил инок к тому месту и, приблизившись, увидел огонь, из земли исходящий. А пес, обернувшись к нему, с большей яростью метнулся, стремясь ухватить что-то зубами, но сильное пламя отогнало его. Подбежал Макарий и нашел на том месте просфору, которую дал преподобный купцам в благословение. Подобрав, он спрятал ее, но не покидал его ужас от этого огненного видения.

Придя же к ладье, передал он купцам приглашение, а потом их спросил: «Что вы потеряли, возвращаясь из монастыря?» Они же ответили: «Просфору – благословение игумена вашего». Макарий вынул ее и говорит: «Эту ли?» Они же отвечают: «Да, эта и есть». И спрашивают инока: «Скажи, нам, отче, видели мы, как что-то тебя на пути задержало и как пес, разъяряясь, хватал пламя зубами, пока ты не пришел». Макарий же рассказал им все, что увидел.

И пришли они в трапезную, неся все необходимое для братии. Благословил их игумен и спрашивает: «Что же, о чада, вы так задержались?» И спросил у инока: «Макарий, отчего промедлили столько?» Макарий, пав, поклонился ему до земли и все рассказал преподобному, что видел своими глазами. То же и купцы повторили. Сказали тогда блаженный и братия: «Верен Господь во всех словах Своих и праведен во всех делах Своих – один, чудеса творящий!» И словно одними устами они прославили Бога.

Преподобный же Зосима, движимый Божией благодатию, с еще большим усердием труды к трудам прилагал, радуясь духом и к вышнему ум устремляя. И повелел он строить большую церковь – святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа – на том месте, где было ему видение божественного луча.

Заложили церковь и начали строить. И налетели на строящих комары и мошки и сильно их донимали. Они же развели небольшой костер для дыма, чтобы отгонять мошкару. И сделав сруб уже до порога церковных дверей, решили отдохнуть во время полуденное. И неведомо как приблизился к церкви огонь, разгорелся и сжег всю до основания. Смутились строившие ее иноки и говорили: «То Бог не велит нам возводить большую церковь». Но ответил им преподобный Зосима: «О чада, эта напасть от лукавого, он нам пакости творит. Мы же не перестанем ради Христа подвизаться». И повелел ударить в било. Собралась вся братия, и начал он петь молебен Господу и Пречистой Его Матери. После молебна освятил воду и окропил место и строителей будущей церкви. И, благословив их знамением Животворящего Креста, сам положил ей начало.

Так, сделав все по обычаю, мастера приступили к работе. И через небольшое время, когда в полдень они отдыхали, многие из братии слышали стук строящих церковь, как будто рубят и тешут невидимо. Слышали это не раз и не два, но множество раз, ибо посылалась им Божия помощь молитвами преподобного Зосимы. И, благодатью Христовою, в скором времени построили они церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

Потом начали строить большую трапезную, так как братия умножалась и не могли уже в старой помещаться. С восточной же стороны от трапезной стали возводить церковь во имя Честного Успения Пречистой Владычицы нашей Богородицы. Так, с помощью Божией и Пречистой Его Матери и молитвами угодника, преподобного игумена Зосимы, обитель распространялась и место заселялось, и умножалась во Христе братия. Приходили священники, и дьяконы, и клирики и божественные службы здесь совершали. Строились келий многие, и поварня, и пекарня, чтобы не было ни в чем им нужды. Все это совершалось благодатию Христовою и поспешением Святого Духа.

Блаженный же Зосима еще более предавался духовному деланию, труды к трудам прилагая и к вышнему устремляясь. Как в Писании сказано: «Стремился и нашел путь, радуясь и шествуя без преткновения по стопам Владыки своего, вышних ища и ум к небесам устремляя, и предупреждением помыслов страстных сердце всегда очищая»[313]. И проводил все ночи, стоя на молитве. Казался же для всех, из-за добродетельного жития, подобным ангелу, сущему во плоти. Разнеслась о нем слава повсюду, и многие приходили к нему из разных мест, желая жить вместе с ним и слышать из уст его слово спасения. Как олень стремится на источники вод, так стремились к нему любящие Бога и ищущие спасения душам своим[314]. И святой не только учил их, но и во всех делах был примером для паствы, исполняя сказанное в Евангелии: «Блажен, кто сотворит и научит, тот большим наречется в Царствии Небесном»[315].

Порядок в своем монастыре Зосима установил по иерусалимскому уставу[316]. И учил братию хранить все заповеди

по Божественному Писанию и Предание святых апостолов, и святых отцов семи Вселенских Соборов непреложно блюсти, и устав иноческого жития соблюдать неизменно, переданный Антонием Великим, Евфимием, Саввой, Феодосием, Пахомием и другими преподобными отцами, за ними следовавшими. Этому же и преподобный Зосима учил, во всяком деле показывая пример стремления к вышнему. Братия, как благоплодная земля, семена принимающая, повиновалась святому во всем и послушания исполняли, видя чудное его житие – терпение и смирение нелицемерное, пост и беспрестанные молитвы с умилением. И так они жили, своими трудами пищу себе добывая, и доныне живут так, благодатию Христовой и Пречистой Его Матери, в мире и благополучии. Мы же к прежнему возвратимся.

Через несколько лет вспомнил преподобный Зосима о блаженном Савватии, который прежде здесь подвизался в трудах и в посте, и в терпении, и во многих добродетелях, а теперь его мощи лежат в пустынном месте. И созвал он на совет братию и сказал ей: «О братия, как же прельстились мы в этом деле по неразумию!» И когда говорил он, пришли иноки, посланные на службу в Новгород, и принесли послание с Белого озера – из дома Пречистой Богородицы Кириллова монастыря, написанное игуменом и братиею. Говорилось в нем следующее:

«Возлюбленному во Христе – благодать и милость от Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа – духовному настоятелю боголюбивому игумену Зосиме со всею во Христе братиею радоватися.

Слышали мы от людей, приходящих из вашей стороны, о том острове Соловецком, что недоступен он из-за морских бед и лишений для человеческого жительства с тех древних пор, как солнце светит в небе. Ныне же слышим от многих очевидцев, что Божиим изволением и молитвами Пречистой Богородицы и вашим о Господе усердием создана на острове обитель и собралось множество братии. И построен честной монастырь и воздвигнуты храмы Преображения Господа нашего Иисуса Христа и Успения Пречистой Его Матери. Все вы достойно устроили, но лишены одного дара – праведника того, что

прежде вас подвизался и житие свое кончил в молитвах, трудах и посте, исполненного всяческих добродетелей. Как преподобные отцы в древности, так и этот блаженный Савватий удалился от мира и, всею душою Христа возлюбив, блаженную кончину свою принял в радости. Слышали об этом некоторые из нашей братии, бывшие в Великом Новгороде. Вот что поведал о нем некий христолюбивый муж по имени Иван: «Однажды, плывя к морю по Выге-реке, встретил я на берегу старца по имени Савватий, жившего отшельником на Соловецком острове. И удостоил меня Бог похоронить вместе с игуменом Нафанаилом святое его тело у часовни близ Выга-реки. И его молитвами творит Бог предивные чудеса». Рассказал он и о своем брате Феодоре, который лишь поклонился гробу преподобного Савватия и был его молитвами от страшной смерти в море спасен. Много же и других чудес и знамений происходит у гроба святого.

Пишем же вашему преподобию то, что мы о нем слышали, потому что и сами были свидетелями добродетельного его жития, ибо прежде блаженный Савватий жил в Доме Пречистой Богородицы Кириллова монастыря. Ныне же даем вашей святости духовный совет: не лишайте себя такого дара, уготованного вам от Бога, но скорее идите и перенесите мощи святого в свой монастырь. Там, где он многие годы телесно трудился, пусть и святые мощи его лежат.

Здравствуйте во Иисусе Христе в вечную жизнь и поминайте нас в ваших молитвах, как боголюбцы! Пусть освободит и нас Господь Бог от всех напастей молитвами своего угодника, преподобного Савватия!»

Игумен же Зосима, прочтя послание из Кириллова монастыря, возрадовался душою и вместе со всею во Христе братиею возблагодарил Господа. Сказали же все они, словно одними устами: «Не от людей, это послание, а от самого Бога, прославляющего Своих святых!» И тотчас со множеством братии стал он готовить суда к морскому плаванию. И велел ударить в било и начал служить молебен Господу и Пречистой Его Матери, чтобы Человеколюбец Бог помог им обрести желаемое по милости Своей. И, совершив молебен, обратился

ко братии, говоря: «Благословите меня, святые отцы, и молитесь все вместе, да устроит Господь нам путь по Своему милосердию!» И подул попутный ветер. Отплывая, поручил он оставшейся братии: «Если в пути не замедлим и скоро назад возвратимся, – значит, обрели искомое. Вы же поставьте наблюдателя и внимательно за морем следите. Когда по его сигналу увидите паруса, тогда все, священники и братия, выходите навстречу со свечами и ладаном». Сказав это, Зосима пошел к лодке и отправился в путь. И молитвами того, кого он искал, было его плавание благополучным.

На второй день пути приплыли они к месту, где был похоронен блаженный Савватий. Выбрав удобное время, когда им никто не мешал, раскопали могилу и обрели гроб с мощами святого. Увиденное же их изумило! Воздух наполнился несказанного благоухания, словно от мирра драгоценного. В полном недоумении открыли они гроб и обрели тело блаженного Савватия целым и невредимым, ибо хранил Бог угодника Своего. Но и ризы его были будто вчера надеты! О дивное чудо, братия! Столько лет в земле пролежал – и даже риз его тление не коснулось!

Преподобный Зосима, видя такое Божие человеколюбие, воскликнул со слезами умиления: «Велик Ты, Господи, и дивен в делах Твоих, Премудростию все сотворив!» 17 И, припадая, целовал мощи святого и молил его: «Избранник Божий, святой Савватий, великое имеешь к Богу дерзновение! Даруй нам перенести святые твои мощи к ожидающему тебя словесному стаду Христовых овец на место, где ты много лет потрудился!»

И молитвами преподобных Савватия и Зосимы подул попутный ветер. Возрадовался духом раб Божий Зосима, видя, что помогают ему молитвы святого Савватия. И, взяв гроб с честными мощами святого, перенес его на судно. Подняли паруса и с Божией помощью вскоре достигли обители, за один только день. Когда они подплывали к острову, увидели их из монастыря – и вся братия Соловецкая со свечами и кадилами вышла встречать честные мощи святого. Вынесли их из судна с почетом, положили на ложе и с псалмопениями внесли в святую церковь Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

И до утра молился Зосима мощам преподобного старца. Утром же они совершили погребальное пение – и многие страдавшие различными недугами, приходя с верою, целовали мощи святого и получали исцеление. И возвращались к себе в здравии, радуясь и благодаря Христа Бога и Пречистую Его Матерь, таким даром почтивших угодника Своего. Братия же, видя многие чудеса, совершающиеся от гроба преподобного, радовалась обретению такого «бисера многоценного», приносящего плод душевного спасения. Выкопали могилу за алтарем церкви Успения Пречистой Богородицы и с псалмами и песнопениями достойно похоронили святые мощи преподобного Савватия, где лежат они и до сего дня, подавая исцеления всем, с верою приступающим.

Раб же Божий Зосима стал еще большим подвигам предаваться, «Всевышнего избрав прибежищем своим» и жизнь ведя весьма суровую. Соорудил гробницу над мощами преподобного Савватия и поставил в ней иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы для приходящей на поклонение братии. И повелел свечу над гробом поставить. И договорился с братией заказать образ преподобного Савватия и поставить в гробнице его. И в скором времени привезли икону из Новгорода от известного купца Ивана и брата его Федора. Имели они к Соловкам большую веру с тех пор, как Иван вместе с игуменом Нафанаилом похоронил на Выге честное тело святого…

И после этого раб Божий Зосима немало лет пребывал во многих трудах и строгом посте. А злые люди, подстрекаемые дьяволом, много вреда причиняли его обители, думая оскорблениями и насилием прогнать его с этого места святого. И решил блаженный, по совету братии, идти в Великий Новгород и просить у архиепископа помощи от обижающих и притесняющих его монастырь. И стал он готовиться к плаванию. Повелел ударить в било и, когда собралась братия, отслужил молебен Господу и Пречистой Его Матери, призывая на помощь и блаженного Савватия, чтобы способствовал своими молитвами. Взяв с собою некоторых из братии, Зосима отправился в путь. И благополучным было его плавание по морю, по рекам и по озерам.

Приплыл он вскоре в Великий Новгород и пришел к архиепископу. Святитель благословил его и стал расспрашивать о братии и о монастырском устроении. Поведал же Зосима обо всем и, поднявшись с места, поклонился архиепископу до земли и просил его: «Господин мой и владыко святой, будь к нам милостив! Заступи от оскорблений злых людей, сильно нас притесняющих! Приплывают к нам слуги боярские и многие обиды чинят. Не дают нам рыбу ловить вокруг острова и другое совершают насилие, желая разорить это место и изгнать нас». Отвечал ему архиепископ: «Отче, готов я, с Божией помощью, помогать твоему монастырю. И расскажу об этом первым боярам, что правят городом». Зосима, поклонившись владыке, вышел. И, приходя к боярам, просил их о том же. И все они с большим усердием обещали помогать его монастырю.

И пришел он к боярыне по имени Марфа просить защиты от ее людей, приходящих на остров и много зла приносящих его монастырю. Хотел рассказать ей Зосима о тех обидах, которые творят ее слуги, но Марфа, узнав, зачем пришел святой, разгневалась и приказала прогнать его из дома и не пожелала принять его благословения.

Ушел раб Божий, нимало не смутившись перед лицом неправды, вспоминая сказанное в Евангелии: «Если где войдете в дом, говорите: мир дому сему; и если достоин будет мира, то мир ваш пребудет на нем; если же нет, то снова к вам возвратится, – выходя же оттуда и прах от ваших ног отрясите во свидетельство им»[317]. И, покачав головою, сказал бывшим с ним инокам: «Вот, приближаются дни, когда не ступят более жители во двор дома сего и затворятся двери его и более не отверзутся – и будет двор их пуст». Сказав же это, замолчал. И сбылось сказанное угодником Божиим во время свое. Но мы к прежнему возвратимся.

Игумен Зосима, снова придя к архиепископу, напомнил ему об обидах от боярских людей. Архиепископ же созвал к себе бояр и рассказал, как досаждают преподобному их слуги. И все бояре обещали помогать его монастырю и дали Зосиме грамоту на владение островом Соловецким и островом Анзером, лежащим в десяти верстах от Соловков, и островом Муксомой,

лежащим в трех верстах. И приложили к грамоте восемь оловянных печатей: первую – владыки, вторую – посадника, третью – тысяцкого и пять печатей – от пяти концов Новгорода. И, запечатав, дали блаженному для подтверждения его прав. Архиепископ же всячески одарил преподобного и отпустил его с миром. И многие бояре дали его монастырю немало имущества, церковной утвари, одежд и хлеба. И обещали все с большим усердием и верою, что будут помогать монастырю.

Боярыня же Марфа раскаялась, что оскорбила преподобного, ибо слышала, что имеют к нему люди большую веру и делают в его монастырь немалые вклады. Узнала она, что этот муж весьма боголюбив и украшен добродетельным житием, и захотела у него принять благословение и иметь свою часть в приношении в дом святого Преображения

Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Его Матери. И послала к нему Марфа со многими просьбами, чтобы пришел и благословил ее. Была же она одной из самых знатных в Новгороде. В первый раз прогневалась Марфа на преподобного, говоря, что «он вотчину нашу отнимает». Но потом, поразмыслив, решила: «А что, если надолго прогневала раба Божия? Получу же у него благословение и молитвы – и пусть отпустит мне Бог прегрешение, которым в гневе согрешила перед угодником Его». И звала его со многими просьбами.

Пришел к ней Зосима, и получила у него Марфа со своими детьми благословение. И просила простить ей, в чем по неведению перед ним согрешила. И позвала преподобного на обед, и устроила пиршество. Возрадовались все приходу святого, ибо слышали о его богоугодном житии и о воздержании и очень ему дивились. Он же, с обычным смирением и кротостью, лишь немного к еде прикоснулся, ибо с детства любил безмолвие – не только за трапезою, но и везде. И, посмотрев на сидящих, Зосима вдруг удивился и опустил глаза, не говоря ни слова. И снова взглянул, но прежнее увидел и взором поник. И в третий раз поднял глаза, но видит все то же: сидят некоторые из пирующих на первых местах, а голов не имеют. Ужаснулся блаженный Зосима от такого видения и,

вздохнув из глубины сердца, прослезился. И ничего не вкушал больше за трапезой, пока все не встали…

И обратился к нему Герман, тот старец, что пришел вместе с ним на остров Соловецкий: «Отче, не прогневайся на меня за то, о чем я тебя спрошу». Отвечал же Зосима: «Спрашивай о полезном». И сказал ему Герман: «Отче, почему ты во время обеда, посмотрев на сидящих, сразу взором поник и, взглянув на них снова, вновь глаза опустил и в третий раз то же сделал – и, покачав головой и вздохнув, прослезился и к еде не притронулся больше, хотя многое тебе предлагали?» Ответил ему блаженный: «Чадо, «трудного просишь», но если дал тебе Бог дерзновение об этом спросить, то и я от тебя не скрою непостижимых судеб Его, которые сбудутся во время свое. Но никому не говори об этом, пока не исполнится Божия воля. Видел я шестерых мужей, сидевших во главе этой трапезы, без голов. Видел это и сильно был изумлен и не мог ни пить, ни есть от такого ужасного зрелища. Никому же не говори о том, что я тебе рассказал!»

…Слышал я это от учеников святого. Но, желая узнать обо всем достоверно, расспросил еще старца Пахомия. И рассказал он все так же, как и ученики говорили, а я все точно записал.

Вернулись же Зосима с братией в свой монастырь на Соловки. А через несколько лет пристали купцы к острову и рассказали блаженному, как пришел к Новгороду благоверный великий князь Иван Васильевич[318], самодержец всея Руси, со всею своею братиею и служащими ему царями и князьями татарскими и со всею силою. Собрал он на Великий Новгород войско неисчислимое и стал с ним в Руссе. И послал, по совету братии, двух воевод на Шелонь. Встретили их новгородцы со многою силою и дали сражение воеводам великого князя. И разбили те новгородцев, и взяли шестерых их старших бояр, а множество иных привели к великому князю. Он же одних в Москву отослал, а других покарал, чтобы и все прочие его страшились. А шестерым боярам: Дмитрию Исакову, Губе-Селезневу, Киприану Арзубьеву и иным трем – великий князь повелел отрубить головы. И возвратился в Москву. А через несколько лет снова пришел в Новгород «для осмотра». И

забрал все, что с давних пор было вложено в великую церковь Святой Софии еще великим князем Ярославом Владимировичем и даже прежде его правления. И взял сокровища из всех городских церквей и казны из боярских домов. Владыку Феофила и всех знатных новгородцев с их женами и детьми в Москву свел, а боярыню Марфу и сына Феодора, с дочерьми и внуками, отослал в Нижний Новгород.

Вспомнили же тогда о видении игумена Зосимы за трапезою у боярыни Марфы, видевшего, что сидят мужи за столом, а голов не имеют, и пророчество преподобного о запустении дома ее, когда прогнала его Марфа. Так все и совершилось, как предсказал блаженный. Мы же к прежнему возвратимся. Преподобный Зосима, во многих трудах и посте пребывая, желая всегда помнить о смерти и о Суде Божием и, скорбя, понуждал себя на духовное делание. Сделал он себе гроб и поставил его в сенях келий. И могилу себе выкопал своими руками. И каждую ночь выходил он из келий и до утреннего звона оплакивал свою душу, как умершую, над могилою. Ибо сказано: «Печали и скорби души взывают ко Господу и слезы страха Божия прилежно молят Господа»[319].

И так проводил Зосима все дни иноческого жития в воздержании, не пожелав ни на один день и ни на одну минуту отрешиться от трудов и от славословия Божия, но предал всего себя Господу и образец всех добродетелей оставил живущим там инокам. Потом же понял блаженный, что пришло время идти ему ко Господу, и, призвав братию, сказал им: «Вот, дети и братия, время моей кончины приходит. Вас же оставляю Всемилостивому Богу и Его Пречистой Матери. Изберите себе, кого хотите, игуменом после меня». И вся братия ответила, словно одними устами: «О, если бы могли мы умереть с тобою, отче, нежели разлучиться! Но Божия на то воля. И если сообщил тебе Всезнающий Бог об уходе в обители вечные, то ради тебя может и нам дать пастырем и учителем того, кого Он захочет. И пусть тот будет нам наставник и вождь ко спасению. И да будут возноситься твои к Богу молитвы о нас, грешных! Господине отче, в нынешнем веке имеешь ты попечение о душах наших. Но молим тебя, не оставь нас, сирых, и после

ухода твоего ко Господу, ибо имеешь дерзновение к Нему!» И говорили они со многим плачем и рыданием, слезами землю орошая. Блаженный же им отвечал: «Не скорбите, о чада, уже передаю вас Богу и Пречистой Его Матери. И если будут угодны дела мои Богу, то не оскудеет эта святая обитель до скончания века и еще более увеличится». Но только имейте друг к другу любовь и смирение нелицемерное, о странниках заботьтесь и о милостыни усердствуйте, без нее же никто не увидит Господа. А об игумене возложите заботу на Господа и на Пречистую Богородицу и на наше смирение. И пусть вам наставником вместо меня будет Арсений».

И сказал ему Зосима, вверяя монастырь и братию: «Брат Арсений, оставляю тебя настоятелем святой этой обители и наставником всей собранной во Христе братии. Но следи, брат, более всего, чтобы не нарушить устава монастырского, который имеет церковь Божия по правилам святых апостолов и святых отцов семи Вселенских Соборов! Да будет у вас соборное пение и чтение без суеты и со вниманием. За трапезою ешьте молча, благодаря Господа и слушая Божественные Писания. И соблюдай весь монастырский порядок, установленный нашим о Господе смирением, – и Господь Бог да направит стопы ваши к деланию заповедей Его, молитвами Пречистой Богородицы и всех святых, и преподобного старца, отца нашего Савватия. И Господь да сохранит вас и утвердит в Любви Своей! Я же, хотя ухожу от вас телом, но духом неотступно с вами пребуду. И пусть будет вам ведомо: если обрету от Господа благодать, то после моего ухода эта обитель весьма увеличится, и в любви духовной соберется здесь множество братии, и в телесных потребностях никаких не будет забот». Так, поучив их довольно и всех поцеловав Христовым целованием, отпустил их Зосима, каждого в свою келию. И одарил их молитвами и благословением запечатлел. Сам же, непрестанно славя Господа, в вечный путь готовился. И простер он руки, и осенил себя крестным знамением, и, перекрестившись и всех благословив, молвил: «Владыко Человеколюбче, сподоби меня стать справа от Тебя в последний день, когда приидешь во славе судить живых и мертвых и воздать каждому по делам

его»[320]. Сказав же это, опустился на ложе – и предал честную свою душу в руки Божий. Скончался блаженный игумен Зосима, основатель Соловецкого монастыря, в год 1479 месяца апреля в 17-й день в день памяти преподобного отца нашего Симеона Персидского. И спеленали честное и трудолюбивое тело его. И с честью погребла его братия со свечами, кадилами и надгробным пением. И положили его в могилу, которую выкопал своими руками за алтарем церкви святого Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

О явлении преподобного Зосимы

В девятый день после своего погребения явился блаженный одному из его учеников – старцу по имени Даниил. Стоял он на обычном своем правиле – и вдруг видит посреди монастыря целое полчище духов нечистых, темных бесов. И в воздухе их огромное множество, словно черного дыма. Долго наблюдал он, и пришел к нему наяву преподобный Зосима и сказал Даниилу: «Видишь, избежал я этих нечистых духов и злокозненных бесов. Много дьявольских сетей распростерто по воздуху, но помиловал меня Бог и к лику преподобных причислил. Вы же остерегайтесь их козней!» И, сказав это, сделался невидимым. Мы же слышали это от старца Даниила и прославили Господа за посещение святого. Как обещал он духом неотступно в обители пребывать, так и исполнял свое обещание.

О поставлении гробницы над гробом преподобного

На третий год после кончины святого построили ученики гробницу над его могилой. И поставили в ней образ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицы для поклонения братии и зажгли перед образами свечу. И приходили они каждый день ко гробу пастыря своего, молясь Владыке Христу и Пречистой Его Матери и к преподобному, как к живому, взывая.

Чудо святого, как явился он страждущим на море

Был некий старец по имени Митрофан. Принял он постриг в Муромском монастыре на Онежском озере и жил там. И вот что он мне рассказал: «В то время я жил еще в миру и заботился о делах житейских. Однажды пошел я на весенний лов и много рыбы поймал, но заплыл очень далеко в море. Тридцать дней носили меня волны, и не видел я ни берега, ни острова. И

поднялась страшная буря на море: ветер и грохот и лютые волны на нас устремлялись. И уже отчаялись мы в спасении из-за волн, обрушивавшихся на судно, и начали молить Господа Бога и Пречистую Богородицу и призывать на помощь разных святых. Но волны не прекращались. Тогда пришло мне на ум позвать на помощь блаженного Зосиму, основателя Соловецкого. И обещали мы дать на молебен и на обедню в храм Спаса на Соловках. И в ту же минуту вдруг оказался в нашей лодке старец, сидящий на корме. Набегали морские волны, стремясь накрыть наше судно. Но старец распростер подол своей мантии, прикрыв им обе стороны лодки, – и волны утихали перед ней. И так плавали мы много дней и ночей, носимые ветром. Старец же все это время сидел на корме, оберегая нас от волн и направляя до самого берега. А потом стал невидим. Мы же достигли тихой пристани, вышли на берег и рассказали друг другу о видении старца, ибо не все его видели, а лишь трое. И долго мы удивлялись, и прославили Бога, творящего предивные чудеса через своего угодника».

А это поведали нам жители деревни, называемой Шуя-река, лежащей близ моря. Некоторые из них, плывя по морю, попали в бурю. И, оказавшись в такой беде, начали молиться Всемилостивому Богу и Пречистой Его Матери и призывать на помощь начальников соловецких Зосиму и Савватия. И сразу же волны прекратились и море утихло.

И многим они являются на море и на суше, скорые в бедах помощники. Поэтому все живущие около моря и в других землях большую имеют к ним веру. И всех страдающих различными недугами и страждущих от духов нечистых приводят в монастырь и прикладывают к гробам, и вскоре они получают исцеление и возвращаются домой здоровыми. И все живущие вблизи моря большую веру имеют к монастырю Соловецкому, потому что видели от их начальников многие чудеса. И стали писать их иконы: и держали их у себя в домах и приносили в церкви Божий для поклонения всех православных христиан. Мы же, иноки, тридцать лет со дня их кончины не смели писать икон угодников Божиих. И не имели у себя образа преподобных, а Бог, ради них, творил такие предивные чудеса! Мирские же

люди, православные христиане, большую веру к святым имея и молясь Христу Богу, святых его угодников на помощь призывая, невредимы пребывают от всех вражеских напастей, славу и благодарение воссылая Христу Богу.

О явлении столпов огненных

Другой старец по имени Иосиф поведал нам следующее: «Однажды мне, плавая по морю, случилось пристать к острову, называемому Кузова, в тридцати верстах от Соловецкого острова. И стоял я в своем укрытии несколько дней из-за встречного ветра и волнения на море. В одну из ночей вышел из своего шалаша, поднялся на высокую гору и смотрел на море. И вижу: над Соловецким островом, прямо над тем монастырем светятся два огненных столпа, достигая до неба. Долго смотрел я и дивился. Спустившись с горы, рассказал об этом бывшей со мною братии. Они же так рассудили: «Это основатели монастыря, просветившиеся духовным светом, сияют из своих гробов. Это – столпы духовные, сурово подвизавшиеся во временной этой жизни молитвами и трудами, бдениями и постом, а ныне как светила сияют, предстоя вместе с ангелами Святой Троице». И начали молить Всесильного Бога и Пречистую Богородицу, и угодников их, преподобных Зосиму и Савватия, на помощь призывая: «О блаженные светильники, вы же непрестанно Христа славословите и несказанную славу Его ясно зрите! Но и чад своих не забудьте, получив от Бога награду за труд свой! Просветите наши сердца омраченные, с верою к вам приступающих! Да будем молитвами вашими хранимы, и да избавит нас от всех зол Христос, истинный Бог наш!»

Когда утром мы встали, тишина была на море. И, сев в лодки, за три часа добрались до острова Соловецкого. И прославили Бога и угодников его Зосиму и Савватия.

Чудо преподобного Германа Соловецкого о том, как явился он в Старой Тотьме священнику Григорию

В год 1613, 17 февраля в субботу, после пения вечернего правила священник Григорий возлег на ложе своем и читал молитву Иисусову. И пришел к нему старец и, став рядом с ним, говорит ему: «Встань и напиши мне тропарь, я Герман Соловецкий». Но тот, усомнившись, читал молитву Иисусову. И

снова говорит ему явившийся: «И образ мой напиши! Встань, не поленись!» И сказав это, стал невидим.

В недоумении встал он с постели и читал Псалтырь. Потом сел и, взяв бумагу и чернила, начал писать – и, сам не ведая как, написал тропарь. И положил его на аналой, прочитал каноны и лег отдохнуть. И когда читал он молитву Иисусову, во второй раз пришел к нему тот же старец и, взяв написанный им тропарь, посмотрел и сказал: «Так и надлежит тому быть». И говорит ему: «И образ мой напиши!» Тот же, недоумевая, не отвечал ничего, но только молитву Иисусову читал беспрестанно.

Старец же отворил двери дома его и указал рукой на место между церквами Благовещения Пречистой Богородицы и святых страстотерпцев Бориса и Глеба и говорит ему: «На месте этом поставь церковь во имя преподобных отцов Зосимы, Савватия и меня, Германа Соловецкого. Надлежит мне здесь проявить многие чудеса». И сказав это, ушел от него.

Священник же тот, встав утром, был в сильном смятении. И отслужив заутреню и литургию, принес тот тропарь к отцу своему духовному, священнику Досифею, и поведал ему о том все подробно. Тот же, услышав это и прочитав тропарь, говорит ему: «Держи веру к преподобному Герману».

И пришел священник Григорий к иконописцу по имени Симеон и попросил его написать иконы преподобных Зосимы, Савватия и Германа, соловецких чудотворцев. И рассказал ему, каким он видел Германа – подобного образом Александру Свирскому[321]. И написал тот иконы по воле его. Взял он изображение святых и поставил у себя в доме. И большую веру имел к преподобным Зосиме, Савватию и Герману, каждый день тропарь прибавляя к канону преподобным отцам.

В том же селении у некоего человека был сын по имени Иван, и занемог он болезнью сердечной. Пришел он к образу преподобного Германа, помолился и приложился – и получил исцеление. И после этого чуда многие люди стали иметь веру к преподобному Герману.

У иного человека был сын по имени Максим, одержимый лютым бесом. И привел он его к образу преподобного Германа,

помолился и приложил его – и выздоровел тот от недуга своего. Тогда перенес священник Григорий образ преподобного Германа в Церковь, и многие люди приходили к нему и молились ему с верою.

Некая женщина по имени Феодосия, страдающая глазною болезнью, пришла к образу преподобного Германа, помолилась и приложилась – и получила исцеление.

У некоего человека по имени Марк отнялась левая рука и распространился отек по всему телу. И страдал он той болезнью полгода, много лечился, но не получил никакой пользы. И привели его к образу преподобного Германа, приложился к нему – и выздоровел.

Другой человек по имени Максим, сильно страдавший от головных болей, пришел к образу преподобного Германа, помолился, приложился – и получил исцеление.

У другого человека по имени Феодор выросла бородавка у левого глаза и закрыла ему весь глаз. Пришел он с верою к образу преподобного Германа, помолился, приложился – и исцелел.

И когда приходит кто к нему с верою, от многих скорбей, бед и болезней избавляет преподобный Герман святыми своими молитвами.

Житие и подвиги преподобного Савватия Соловецкого [322]

Было это в дни благочестивого великого князя Василия Васильевича Владимирского и Московского и великого князя Бориса Александровича Тверского и великого князя Федора Ольговича Рязанского в год 1436. На Архиерейском престоле тогда правил митрополит Фотий[323], по происхождению грек, а престолом в Новгороде владел архиепископ Евфимий Брадатый. В одном из Белозерских монастырей, в Кирилловом, жил инок по имени Савватий. А из какого он был города или селения и кто были его родители, этого мы не знаем точно. Ведь много лет прошло до нынешнего написания. И не смогли узнать, в каком возрасте он принял иноческий образ. Немногое нам удалось узнать от мужей боголюбивых и из бесед духовных от иноков, приходящих к нам с острова того. Вот то, о чем поведали они, для душевной пользы всех, кто хочет спасения душе и пожелает последовать добродетельному житию угодников Божиих.

Савватий, живя в Кирилловой обители и преодолевая все послушанием игумену и всей во Христе братии во всякой возложенной на него службе, еще и многим воздержанием и постом изнурял свое тело и побеждал страсти. Этим он всему воинству бесовскому и самому дьяволу много досадил. Был же Савватий любим и почитаем иноками всеми и самим игуменом обители той за многое его послушание, кротость и смирение. И был он для них примером во всех добродетелях и правилах иноческого жития. И начал стыдиться этого, говоря: «От людей славу принимаете, а славы, которая от Единого Бога, не ищете»[324]. Ибо, много лет живя в монастыре том, всегда стремился блаженный Савватий к Небесному жительству, как сказано пророком: «Блажен человек, которого сила в Тебе и у которого в сердце стези направлены к Тебе. Проходя долиною плача, они открывают в ней источники»[325].

И начал просить игумена сам и молитв братии, чтобы отпустил его с благословением. Ибо слышал он от странников

такой рассказ: «Есть в Новгородской земле озеро, называемое Ладожским. Лежит на том озере остров, именуемый Валаам. А на острове том стоит монастырь во имя Преображения Господа нашего Иисуса Христа. И пребывают в нем иноки в трудах неустанных. И от трудов своих рук пищу себе добывают, песнопения же и молитвы беспрестанные принося Богу».

От этого известия уверился раб Божий Савватий в своем желании там поселиться. И в скором времени исполнилось боголюбивое желание его. Пришел он, по промыслу Божьему, в названный тот монастырь, Святого Спаса на Валааме, и был принят игуменом в братиею. И прожил в нем Савватий немало времени, с братиею в трудах пребывая и к трудам труды прилагая. И тоже любим был всеми за многое смирение, терпение и кротость. И изнурял он тело, чтобы плоть поработить духу, – и недостаточно было ему этого подвига. Но когда усмирил ее до конца, явился жилищем Святого Духа.

Видели же его в таком делании игумен и братия обители той, столько времени неуклонно в трудах пребывающего, и дивились и говорили друг другу: «Что же нам делать? Видим, как муж этот подвизается и с большим усердием работает здесь без всякого прекословия, словно некий раб, не имеющий выкупа. Воистину он раб Божий и великий делатель заповедей Его».

Услышал же разговоры эти блаженный Савватий и тяжко ими опечалился. Ибо всего более ненавидел похвалы человеческие. И говорил себе: «Что мне делать? Ведь за свои грехи предал себя тому же осуждению, что и прародители в раю. Но сам Владыка Христос нам путь показал и заповеди оставил. Будучи богат, ради нас обнищал, чтобы мы его нищетою обогатились. Подобает же нам хранить повеления и заповеди Его как можно крепче. Говорит Он пречистыми Своими устами: «Если хочет кто за Мною идти, пусть возьмет свой крест и следует за Мной»[326]. Лучше уйти мне отсюда, чем принимать почет и похвалы и душе успокоение от мне же подобных людей. Ибо напрасен тогда труд мой будет, если, изнурив тело, награды лишусь». Но как же может укрыться город, на вершине горы стоящий, но всем бывает виден, так же добродетельных мужей

богоугодное житие не может утаиться. Ибо они взывают ко Господу втайне, а Бог их делает явными. Ведь Он говорит: «Прославляющих меня – прославлю»[327].

Видя почитание от игумена и от всей братии, скорбел душою блаженный Савватий и помышлял о подвиге безмолвия. Слышал же он от местных жителей о том, что в море-океане есть остров, называемый Соловки. От земли удален он двумя днями плаванья. В окружности, говорили, имеет верст сто или более, а в длину верст около тридцати. Много озер на том острове, а в них водится рыбы великое множество. Приплывают туда с берега местные жители, ловят рыбу и на морского зверя охотятся и с добычей домой возвращаются. Вершины гор его покрыты бором, а долины – различными породами деревьев и ягодой многообразной. Растет на нем немало огромных сосен. Для жительства всем тот остров благоугоден. Преподобный Савватий, услышав об этом, проникся любовью к безмолвию в сердце своем и решил идти туда, вспоминая изречения псаломские: «Далеко удалился бы я и оставался бы в пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня»[328]. И начал просить с молитвой игумена и всю братию, чтобы отпустили его с благословением на поиски острова того. Они же не вняли его просьбам и не захотели отпустить старца из-за добродетельного его жития. Ибо они понимали, что он истинный «раб Божий». В облике и делах его видели они для себя образ Божий и потому большой утратой считали уход праведного. А в нем сильнее сердце разгоралось желанием уйти на остров и обрести там Богом дарованный покой, чтобы сказать с Давидом вместе: «Вот покой мой, здесь поселюсь. Возвратись, душа моя, в покой твой, ибо благоволил тебе Господь»[329].

И пребывал в монастыре еще недолго и размышлял, как бы ему добраться до острова того. Но поскольку не смог умолить игумена и братию, чтобы отпустили его с молитвою и благословением, то положился на Божью волю. Сказал он: «Как угодно Богу, пусть так и будет! Благословенно Имя Господне отныне и до века!» И осенил себя крестным знамением, говоря: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий и Слово Отчее! Не пришел спасти праведных, но призвать грешных на покаяние.

Настави меня, Господи, на путь, им же пойду! Ибо Тебе отдал душу мою, и спаси меня, на Тебя уповающего!»[330] И утаившись от всех и в молитвах к Отцу Небесному пребывая, положившись на волю Божью, вышел из монастыря. И в путь к морю отправился, разгораясь любовью к безмолвию.

Было же от Валаамского монастыря до моря верст семьсот или более. И сопутствовала ему Божья помощь, и храним был действием Святого Духа, и до самого моря направляем благодатью Христовой. И стал он расспрашивать поморских жителей о Соловецком острове и насколько удален он от берега. Поведали же ему местные жители, напротив острова того жившие, что лежит этот остров неблизко, но что, плывя при попутном ветре, за два дня его достигают. А блаженный Савватий со многим усердием их подробно расспрашивал. И те жители поняли, что хочет он там поселиться. И сказали ему: «О старче, велик тот остров и пригоден во всем для обитания людей. Многие годы пытались там люди селиться, но жить не смогли из-за опасности мореплаванья». И другие ему говорили: «Если здесь тебя видим, монах, в совершенном убожестве и нищете, то откуда там ты будешь получать пищу и одежду? В таковых сединах многолетних ты ведь ничего не можешь делать, чтобы там жить. А в нашем крае сильные холода!» Отвечал же преподобный Савватий: «Я ведь, о чада, такого имею владыку, Христа – Сына Божия, меня укрепляющего, естество мое юношеским сотворяющего, и младенцам прежде старости зрелый возраст подающего, убогих обогащающего, голодных насыщающего, нагих одевающего. Ибо Всеведущ Он и все устраивает на пользу всем боящимся Его и хранящими заповеди Его. Однажды пятью хлебами Он насытил пять тысяч человек, не считая женщин, и оставшихся кусков двенадцать полных коробов собрали ученики Его. Потом же снова семью хлебами четыре тысячи насытил, и семь корзин собрали. В другой раз из воды вино Он сделал»[331].

И, слушая речи святого, люди, имевшие разум, дивились Божьему человеколюбию и мудрости учения его. Другие же, не имевшие и помысла благого, над ним насмехались и оскорбляли его за мнимое неразумие. А он продолжал им

рассказывать о Божьих чудесах. Потом же вспомнил, что сказал Давид: «Возложи на Господа печаль твою, и Тот укрепит тебя вовеки»[332]. И, сотворив молитву и благословив их, простился и пошел дорогою своей, радуясь, что обрел желаемое. И пришел на реку Выгу в селение, называемое Сорока. Была же в нем часовня. И встретил в ней Савватий монаха, по имени Герман, родом из корелов.

И сотворили они молитву, и, когда сели, начал блаженный Савватий расспрашивать его с кротостью об острове и о пути к нему. Герман же рассказал ему все подробно, так как сам бывал на острове том. И предложил он Савватию не только сопроводить его на остров Соловецкий, но и жить там вместе с ним. И в скором времени отправились они в путь по морю на малом судне. И охранял Господь рабов своих – и было плавание их благополучным. На третий день достигли они острова Соловецкого.

Возрадовался блаженный Савватий радостью великою, что не презрел Бог моления его. Вышли они на сушу, устроили шалаш и, сотворив молитву, установили крест на месте том, где к берегу пристали. И начали искать, где хижину себе поставить. На берегу озера, всего в одной версте от моря, нашли они место удобное. Была над тем озером большая гора. И начали раб Божий Савватий с другом его Германом строить келий себе невдалеке от моря и от озера. И, благодатью Христовой, вскоре их завершили. И снова начал преподобный усердно к трудам труды прилагать. Разгорелся он теплотою духа оттого, что исполнилось желание сердца его. Радуясь и к небесному ум устремляя и духу плоть повинуя, предавался он всенощным бдениям и молитвам беспрестанным, всегда же в псалмах и пении духовном поучаясь и поя Господу в сердце своем: «На Тебя, Господи, уповала душа моя и Ты помощник мне был»[333]. И работали они вместе с Германом, землю копая мотыгами, и этим трудом пищу себе добывали. И, как сказано, «в поте лица ели хлеб свой», и питал их Бог с многим обилием.

Узнавали же люди, живущие на побережье, что поселились иноки на острове Соловецком. И стали завидовать им некоторые, напротив острова того жившие, и захотели изгнать

их с острова, так рассуждая: «В корельской земле мы ближайшие наследники этого острова. Возьмем же его в отчину себе и детям нашим и для последующих родов наших, а этих пришельцев прогоним с него». И, посовещавшись, послали на остров одного из корельских жителей с женою и детьми. И, придя туда по совету соседей, начали они дома себе строить и рыбу ловить по озерам. Не знали же преподобный Савватий и друг его Герман о пришествии их на остров. В один из воскресных дней на рассвете пел святой заутреню. И когда вышел из келий покадить у Честного Креста, который поставил рядом с келией для поклонов, услыхал он мольбы и громкие вопли. Испугался и пришел в ужас от возгласов этих и, позвав из келий Германа, говорит ему:"Слышу вопли человеческие». Отвечает же тот: «Откуда мог быть этот вопль, ведь никто не живет здесь, кроме нас?» И, осенив себя крестным знаменьем, пошли они в келью, удивляясь и говоря: «Что это было? Откуда слышался этот вопль?» И, помолившись, закончили утреню. И снова услышали вопль. Тогда Герман получил от святого благословение и пошел в ту сторону, откуда слышался плач.

Придя же, нашел женщину, лежащую и громко плачущую. И спросил ее Герман, почему она плачет. Она же со слезами рассказала ему следующее: «Господине отче! Когда шла я на озеро к мужу своему, встретили меня двое юношей со светлыми ликами и начали бить прутьями, говоря: «Уходите скорее с этого острова! Ибо не должно вам жить здесь! Но Бог благоволил устроить это место для жизни иноков! Вы же уходите скорей отсюда, чтобы не умереть здесь злою смертью! На этом месте будет обитель иноческая. Отныне здесь соберется множество монахов, и Имя Божие делами их пусть прославляется на месте этом и храм во имя Иисуса Христа будет воздвигнут!» И так сказав, невидимыми стали».

Услышав это, Герман ее оставил и скорее возвратился к старцу и рассказал ему все по порядку, что услышал. И так они узнали, какой дар уготован Богом для острова того. И с той поры уже никто из мирян не смел на нем селиться. Через несколько лет, как обычно, испросил Герман благословение у святого и отправился ради какой-то нужды на морское

побережье и на Онегу-реку. Ушел и там задержался. А старец Савватий один остался на острове и жил в одиночестве долгое время. Сначала грустил он об уходе Германа, но потом еще усерднее стал подвизаться. И покаянными слезами каждый день омывая ложе свое, псалмы повторял: «Господи Боже мой, на Тебя уповаю, спаси меня! Ибо Тебе отдал душу мою от юности моей, и не лиши меня места сего святого, вожделенного многие лета!»[334]

Увидели же нечистые духи, как теснит их подвижник, утвердившийся крепко оружием крестным, и стали досаждать ему всячески и устрашать его и двинулись на него всею силою. Приходили одни в образе змей, другие – диких зверей, хотевших пожрать его. Но святой ограждал себя крестным знамением и пел: «Да воскреснет Бог и расточатся враги его», – и когда заканчивал пение, то исчезали все козни бесовские. И так оставался святой невредим, днем и ночью в молитвах всегда пребывая.

А осенью пришел на побережье с Онеги Герман, желая плыть на остров Соловецкий, но не смог, так как наступили холода и дул встречный ветер, шел снег и было сильное волнение на море. И возвратился зимовать на Онегу. На следующее лето хотел идти в путь, чтобы вернуться к старцу, но заболел и не смог к нему придти.

Преподобный же Савватий, исполняя обычное свое правило и в молитвах с Богом наедине беседуя, получил весть от Бога, что надлежит ему освободиться от уз телесных и ко Господу идти, к Которому от юности стремился. И начал он молиться, говоря: «Господи Боже Вседержителю! услыши мя! Человеколюбче, не презри молитву недостойного раба Своего! Сподоби мя быти причастником Пречистых и Животворящих Тайн Пречистого Твоего Тела и в Всечестной Крови Твоея, Господа моего Иисуса Христа, которую нас ради пролил! Потому что долгое время лишен я был этого сладкого просвещения – с тех пор как с Валаама ушел и пребывал на этом острове!» После же молитвы – святой пошел на берег к морю. И нашел на берегу судно с полным снаряжением, готовое к плаванью. И усмотрев в этом Божье попеченье, не

возвратился в келью, но сел в судно и в путь отправился по морю, веря, что Бог его направит, чтобы обрести желаемое.

И было легким плаванье: на море стояла тишина и веял тихий ветер. Блаженный же молился, говоря: «О Владыка! Ты сотворил море силою Твоею и волн его возмущение Ты укрощаешь!» И так, хранимый Божьей благодатью, вскоре он переплыл морскую ширь – всего лишь за день и приплыл на Выгу. И встретил там на волоке у часовни игумена по имени Нафанаил, который приходил туда для посещенья православных христиан. И когда увидел его блаженный Савватий, возрадовался духом и говорит: «Величит душа моя Господа, ибо не презрел моления моего Благой!»[335] И, сотворив молитву, приветствовали они друг друга святым целованием, испросив благословения.

И увидел игумен Нафанаил в старце избранника Божия и спрашивает его: «Кто ты, отче? Откуда и куда идешь?» И отвечает ему блаженный: «Меня, отче святой, зовут многогрешный Савватий, живу на одном из островов в этом краю уже несколько лет, служа Господу. И был со мной другой брат, по имени Герман, и вот уже второй год, как он ушел с острова, и не знаю, что с ним случилось. Я же, грешный, молил Господа Бога о том, чтобы сподобил меня причастия Пречистых Своих Тайн. Ибо уход мой близок, но не знаю дня кончины своей. И вот Божия благодать меня к тебе направила. И ныне молю твою святость, разреши меня от грехов моих, приняв исповедание мое. И сподоби меня быть причастником Святых и Животворящих Тайн Пречистого Тела и Честныя Крови Владыки Христа и Бога моего». И отвечал игумен преподобному Савватию: «Бог да простит тебя, отче святой, через меня, недостойного раба Своего». И к небу свой взор устремив, молвил: «О, сколько же имеет Господь безвестных служителей Своих, которых не стоит и целый мир!»

И долго стоял в изумлении, глядя на преподобного, и говорил со слезами: «О если бы мне иметь грехи твои, отче, во очищение моего недостоинства!» И возрадовался игумен, что удостоен видеть блаженного Савватия и Богодухновенные слова его слышать. Ведь о добродетельной жизни его шла

многая слава. И сказал тогда преподобный игумену: «Отче святой, уже приблизилась кончина моя. Молю твое священство, подай мне причастие Пречистого Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа! Не медли нисколько!» Игумен же отвечал ему: «Ступай, господин мой Савватий, к часовне и там подожди меня. Я же утром возвращусь к тебе вскоре». Ибо пришел тогда за игуменом один из местных жителей от тяжелобольного, зовущего к себе отца духовного. И говорил ему блаженный Савватий: «Не откладывай, отче духовный, до утра причащения Божественных Тайн! Ведь не знаем того, обновится ли наш дух дыханием утра. Теперь же иду я, как ты мне велишь, на Выгу к часовне. А что потом случится, того не знаю, потому что сила Божия в немощи совершается». Увидел же тогда игумен в нем угодника Божьего. И, услышав от него весть о разлучении с телом, тотчас же причастил его Пречистых и животворящих Тайн Тела и Крови Христа Бога нашего. И, простившись с ним, отпустил. И сказал: «Молю тебя, раб Божий, подожди меня на Выге при часовне!» Отвечал же святой: «Если повелит Бог, тогда в любом случае буду ждать тебя там». И отправился игумен к больному, желая скорее к блаженному вернуться. Савватий же пришел к часовне и возрадовался радостию великою, что удостоился причастия Пречистых Тайн.

А в то время пристал к берегу некий купец из Новгорода, по имени Иоанн. И выйдя из судна, пришел в часовню, чтобы поклониться святым иконам. И пришел в келию блаженного Савватия, желая получить от него благословение, и старец принял его. Человек же тот был боголюбив и богатство имел большое и хотел принести милостыню. Старец же не пожелал ее взять. А купец снова просил старца, чтобы тот взял от него пищу или одежду или серебряную монету, но отказался блаженный. Одно лишь сказал: «Если хочешь творить милостыню, то сотворил ее нуждающимся». И поучил его как следует о милостыни, о любви и целомудрии, о милосердии к домочадцам, и о заступлении вдовиц и сирот, и о прочем для пользы душевной и, благословив, отпустил. Иоанн же ушел, весьма огорченный тем, что не принял ничего святой. А блаженный, увидев причину его скорби, призвал его, сказав:

«Не скорби, чадо Иоанн, но послушай меня. Передохни на берегу до утра – и увидишь благодать Божию. А утром безопасно отправишься в путь свой».

И в скором времени началась сильная буря, и гром, и молния, и страшный ураган всю ночь бушевал на море и на реке. Иоанн же, увидев перемену погоды и волнение на море и на реке, в ужас пришел: ведь он же плыть собирался! Святой же всю ночь молился и беспрестанно воспевал молитвы на исход души, воссылая их ко владыке Христу. Потом кадильницу взял и ладан на уголья положил и направился в часовню. И довольно там помолившись, пошел в келью. И покадил святым иконам, и, молитвы Господу совершив, сел на обычном месте. Кадильницу же рядом с собой поставил, И, возздев руки, сказал: «Господи, в руки Твои предаю дух мой»[336]. И так предал блаженную свою душу Богу.

Когда же настало утро и ветер утих, взошло солнце. Вновь пришел Иоанн в часовню поклониться святым иконам. А потом пошел к келий преподобного, желая на дорогу получить благословение. Обратился к старцу с молитвой и не услышал ответа. И повторил он просьбу, но старец не отозвался. Толкнул тогда дверь – и она отворилась. Произнеся молитву, вошел в келию. И коснулось его дивное благоухание, и увидел святого сидящего и затрепетал, говоря: «Прости меня, отче честный, что дерзко вошел к тебе. Большую веру имею ко твоей святости и не смею отправиться в путь без твоего благословения». И стоял он перед святым, но никакого ответа от него не услышал. Сидел же блаженный в мантии и куколе, и кадильница рядом с ним стояла. Келия же была наполнена несказанного благоухания. И, приблизившись, говорит он святому: «Благослови, отче Савватий, в путь раба своего». Потом склонился и увидел, что старец к Богу отошел. И стоял Иоанн в раздумий, ко Господу обращаясь: «О Владыко, как поступить, вразуми меня! О Всемилостивый, боюсь без погребения оставить мощи преподобного и прикоснуться не смею ко святому телу недостойными руками своими». И, вспомнив слова Господа к жене кровоточивой: «Вера твоя спасет тебя»[337], – дерзнул и, с верою приступив, взял тело святого на плечи. И, как легкое

бремя Христово, отнес его в часовню и положил посреди нее и облобызал его со слезами.

В это же время пришел к часовне игумен Нафанаил. И целовал со слезами честные мощи и расспрашивал купца о преставлении святого. И тот все подробно рассказал о себе и блаженном. Игумен же, вздохнув из глубины сердца, сказал: «Слава Тебе, Боже, прославляющему святых своих!» И со псалмами и песнопениями достойно погребли они мощи святые, прах земле предав и славя Христа Бога.

И совершилось это в сентябре месяце в 27-й день.

Житие преподобного Дионисия Глушицкого [338]

Полагая несправедливым утаивать в молчании то, что способно принести пользу слушающим, и боясь подвергнуться, как раб, закопавший в землю талант, осуждению и смерти, опасаясь за ослушание, я изо всех сил постарался разузнать о преподобном Дионисии, о его трудах и хождениях, и мне рассказали о нем отцы мои, многие лета жившие со святым, – я имею в виду Амфилохия и Михаила, долго наблюдавших его жизнь, а сверх того и о чудесах, происходивших у гроба святого: некоторые своими глазами я видел и удивлялся и, помощи у Бога испросив и на могилу святого понадеявшись, дерзнул записать все, что слышал: да не будет предано забвению житие святого, которое прошел он, истинным и немятежным путем шествуя, с помощью Божественного писания направляя свою жизнь.

Я очень старался разыскать сведения о рождении и детстве святого, но не смог найти ничего, все оказалось позабытым. Узнал лишь, что рассказали мне его ученики о его постнической жизни, – малое из многого.

Преподобный этот отец наш Дионисий обходил многие святые места вокруг большого озера, называемого Кубенским[339], к северу от матери городов Москвы, в сорока поприщах от города Вологды, стараясь найти спокойное место, где бы ему возможно было поработать Богу. Наконец пришел он, руководимый Богом, на место, называемое Святая Лучица, и полюбил его. С ним был брат, по имени Пахомий. На том месте не было тогда церкви. И сотворили они молитву, и сначала построили для себя келейку, чтобы покой находить от трудов, а потом начали строить церковь во имя святого Николы[340]. И, приняв благословение от епископа города Ростова Григория, в 1393 году они освятили алтарь.

И начал преподобный совершать подвиги, изнуряя свое тело постом, жаждой и трудами, хлеб принимая единожды в день, и воду пия помалу. И по тому узнали люди о его величии,

и стали все его восхвалять. Он же, ненавидя славу от людей, почитал ее за грех и стыд, и возымел желание бежать от славы, предпочтя работать Богу в пустыни. Всевидящее же Око, видя, что святой готов быть сосудом Святого Духа и способен управлять стадом Христовым, вложило ему помысел создать в пустыни общежительный монастырь, чтобы там было прославляемо имя Христа Бога вовеки, и многие души сделались невестами Христовыми.

Через несколько лет пребывания на том месте святой принял священнический чин и жил, чисто принося жертву Богу.

В посте, молитвах и смирении преподобный отец наш Дионисий воспринял помышление создать общежительный монастырь. И прежде всего он сказал самому себе: «Если будет на то воля Господня, то может замысел и в дело перейти». И Пречистой Богородице он помолился: «О Всемилостивая и Милосердная Помощница уповающим на Тебя! Ты имеешь великую свободу, какой ни у кого другого нет, обращаться к родившемуся из тебя Богу. Будучи Матерью Божией, Ты можешь все, поддерживая тварь. Помилуй и посети, сохрани и соблюди, и избавь от всего постыдного народ и князя, воинов и простых людей, мужчин и женщин всякого возраста, чтобы, со страхом служа Тебе, обрели мы многое Твое милосердие. Нет ведь для Тебя ничего невозможного, стоит лишь Тебе захотеть. Я задумал создать общежительный монастырь. Но без Твоей помощи, Владычица Богородица, мать Христа Бога нашего, невозможно мне грешному об этом и помыслить, разве только Ты сама направишь меня к исполнению моего желания».

Брат Пахомий, глядя, что стал он так молиться, и видя труды его и подвиги, начал его стесняться и избегать. Заметил Дионисий, что Пахомий его стыдится, и сказал ему: «Брат Пахомий, я вот о чем думаю: хочу и помышляю, если изволят Бог и Пречистая Богородица, создать общежительный монастырь.

Слышал я от некоего христолюбивого человека, что в поприщах пятнадцати к востоку от этого большого озера, на реке Глушице, есть подходящая пустыня, Я хочу туда пойти. А ты, брат Пахомий, оставайся здесь, вместе с другим братом.

Бог да будет вам помощником, прибежищем и силой против врагов».

Встав, они сотворили общую молитву и поцеловали друг друга. И Дионисий ушел от них и устремился в пустынь, молясь в себе: «Пречистая Владычица Богородица, будь уповающему на Тебя скорой Помощницей».

Не дойдя до пустыни, он остановился на ночлег и в молитве уснул легким сном. И во сне он услышал как будто звон в пустынь на реке Глушице. Быстро встав, он начал воссылать молитвы ко всемилостивому Богу: «Христос Царь, Боже наш! Прими мольбу мою, недостойного раба Твоего: удостой меня достичь места, на котором будет прославляемо имя Твое и Пречистой Твоей Матери. Ниспошли, Человеколюбец, милость и благодать Твою на то место!»

И пришел он, будто Богом наставляемый, на место, подходящее, как он усмотрел, для устроения лавры. Поставил там крест, который носил с собой, и, преклонив колени, помолился: «Господи Иисусе Христе, Сын Бога живого, упование всех концов земли! Призри с небес, взгляни на это место и благослови его и меня, недостойного, и удостой меня создать на этом месте храм Пречистой Твоей Матери в честь славного Ее Покрова и основать общежительный монастырь. Но не по моему желанию да будет, но как Ты, Христос, изволишь. И Ты, всемилостивая Мать Христа Бога, Владычица Богородица, услышь мои молитвы, грешного раба Твоего. На Тебя уповает душа моя. Ты сама наставь и сохрани меня от зияющей пасти всепагубного змея, старающегося меня проглотить. Сохрани, Владычица! Сохрани и тех, кто будет трудиться на этом месте Бога ради, кто будет молитвы всещедрому Богу воссылать о благоверных христолюбивых князьях и за всех христиан об их спасении и утверждении, потому что их спасение и укрепление – залог нашего покоя и беспечалия. Дай нам жить здесь тихим и безмятежным житием, преисполненным благой верой. Бог ведь хочет, чтобы все люди спаслись и в разум истины пришли»[341]. И, встав от молитвы, он сказал «Аминь», обошел место и разметил его для устроения лавры.

Первым делом он построил маленькую келейку и начал жить в ней в трудах и бдении, со слезами молясь Богу. Та маленькая келейка находилась около некоего дерева – дерево то стоит внутри монастыря и по сей день, ягоды у него черные, называются черемухой. У одного человека болели зубы, и он с верою поел ягод с того дерева и тут же выздоровел.

Поселившись под тем деревом, преподобный отец наш Дионисий, крепкий душой, как алмаз, зажил постнической жизнью, прилежа строгому воздержанию, всенощному бдению, посту и молитве. Кто может поведать, сколько этот добрый муж усердия проявил и как много напастей от бесов претерпел! Труды его, хождения и поты, пролитые ради создания монастыря, неисчислимы. Своими руками он делал все необходимое для монастыря.

По прошествии небольшого времени пришел к нему некий старец. Преподобный, увидев его, обрадовался, принял как Божьего посланца и умолял с ним остаться. Старец, посмотрев, как святой старается и усердствует ради него, остался с ним жить. Начали и другие к нему приходить то по одному, то по два, а то и по три.

Пробыл с ними преподобный небольшое время, а потом сказал им: «Братия, в моем уме есть помысел, и я возлагаю надежду на Бога, потому что если это будет угодно Богу и Пречистой Его Матери, то сможет и в дело перейти: я хочу устроить на этом месте монастырь». Они ответили ему: «Достойный отец, да будет воля Господня, чтобы на этом месте прославлялось имя Его и Пречистой Его Матери отныне и до конца веков».

О князе Димитрии, что на Устье

В 1400 году преподобный послал одного из братии к князю Димитрию, владевшему землей вокруг большого озера, называемого Кубанским, с такой просьбой: «О христолюбивый князь! Молит тебя грешный Дионисий: прошу тебя, пришли мне работников, чтобы убрать деревья в той пустыни на реке Глушице, где создается обитель Пречистой». Услышав это, христолюбивый князь Димитрий возрадовался сердцем тому, что близ его резиденции Бог хочет воздвигнуть обитель

Пречистой, и сказал в ответ: «Как, честной отец, твое преподобие хочет, так без всяких помех тебе и будет, раз ты просишь». И послал он работников. И работники деревья повалили и предали огню.

Тогда преподобный сказал: «Братия, настало время сотворить молитву Богу и Пречистой Его Матери. И затем возьмемся за дело». Они ответили: «Благословен Бог, изволивший так». И, сотворив общую молитву, они начали дело. Прежде всего они построили маленькие келейки для отдыха от трудов.

В 1402 году, когда на апостольском престоле в городе Ростове правил епископ Григорий, пришел к нему преподобный Дионисий, чтобы принять благословение на создание обители во имя Пречистой Богородицы. Епископ же Григорий сказал ему: «С хорошим ты делом пришел, духовный сын». И, поучив его духовно, сказал ему после душеполезной беседы: «О Святом Духе сын и сослужебник нашего смирения Дионисий! Мир и милость Божия и наше благословение да пребудет с вами». И, дав ему целование о Христе, отпустил его. В 1403 году начали с Божьей помощью строить монастырь. Первой выстроили маленькую церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, в честь славного ее Покрова[342], а затем поставили трапезу, и кельи по порядку, и прочее, что необходимо братии.

Заповедал тогда преподобный, чтобы никто ничего потребного не держал у себя и не звал ничего своим, но чтобы все было общим. Сам преподобный труды к трудам прилагал, беспрестанно Богу молясь, отгоняя сонную тягость внешним трудолюбием. Долго перед тем как уснуть, он молился и книги читал, тем самым душу воздержанием смиряя, а тело трудом. Все время святого было наполнено молитвой непрестанной, просвещенной смирением, цветущей братолюбием. Необыкновенное нищелюбие он приобрел, кротость великую, смирение истинное. И начал он принимать всех приходивших к нему, имена же их записаны в книге жизни. И благодатью Божией достигла дружина его числа пятнадцати братии.

И прославлялось житие его повсюду, и видя его ангельскую жизнь, стали люди, приходя к нему, многое приносить. Но

прежде всех Бог ему помогал. Преподобный же приносимое принимал, говоря в себе: «Если бы не было воли Господней, то не приносили бы сюда». С благодарностью он принимал и Богу молитву возносил о всех приносящих.

И вот завершили они устройство монастыря, и никто из бывших с ним не смел при этом в чем-либо противиться ему.

Через несколько лет братия его умножилась так, что в церкви уже не умещались. Преподобный тогда сказал им: «Братия, молите Бога и Пречистую Его Мать: как Он захочет, так и будет». Они же сказали: «Благословен Бог, который так захочет».

О создании святым большей церкви

В одну из ночей, когда святой по обычному своему правилу молился, погрузившись в легкий сон, он увидел некоего очень красивого юношу, и тот сказал ему: «Подобает тебе другую церковь, большую этой построить, потому что братия твоя множится. И ты будешь иметь заступницей и помощницей Пречистую отныне и до конца веков». Тут же святой проснулся, стал молитву воссылать и пребыл в молитве до утреннего пения. После заутрени преподобный сказал: «Братия, надо нам то, о чем мы говорили, совершить, призывая на помощь Бога и Пречистую Богородицу: Она подаст нам помощь».

Сотворили они молитву и принялись за работу. С Божьей помощью в 1412 году возвели они большую прекрасную церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы, в честь славного Ее Покрова, и чудесно украсили ее иконами и словами святых отцов.

И поставил преподобный братию по службам: первым делом в церкви канонарха и прочих, потом одного в поварню, другого в хлебню. Обо всем ведь этом сам распорядился чудный наш отец. И устав монастырский дал он каждому чину. Всю жизнь свою любовь и все старание вкладывал преподобный в занятия, требующие продолжительного воздержания. Своими руками делал он работу живописца, писал иконы, и как кузнец работал, и рипиды[343] изготовлял, вспоминая апостола, трудившегося своими руками[344], всем подавая образец смирения и терпения. И, первым приходя на

пение, каждого учил: «Братия, за что беретесь, в том подвизайтесь и о своем спасении не забывайте. Каждую минуту подобает нам быть бодрыми, ибо сказано: «Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение»[345]. Постоянно ждите и пекитесь о часе смертном и бойтесь наказания огнем вечным». И утешал их, говоря: «Дети, да не устрашит вас мысль, что места эти пустынны и трудны для жизни. Знаете ведь, что подобает нам перенести многие скорби, прежде чем войти в Царство Небесное: «Трудом достигается Царство Небесное и употребляющие усилие восхищают его»[346]. А усилия эти: пост, молитва от чистого сердца, смирение во всем, потому что Христос говорит: «Блаженны смиряющиеся, блаженны алчущие»[347], – и любовь нелицемерная, потому что пишется: «Бог есть любовь»[348], – и Иоанн Богослов говорит: «Любящий брата любит и Бога»[349]. И далее поучал – «милостыня нищим», ибо «блаженны милостивые», и посещение странствующих братии, ибо и это Христос сказал: «В темнице был, и вы пришли ко Мне»[350]. Так говорил им преподобный и понуждал их к богоразумию. Они же все повиновались ему, подражая каждый по силе своей.

Слыша о житии, терпении и смирении святого, большое число людей начало постригаться. И таким образом братия умножалась в числе и преуспевала благостию Божиею.

Ненавидящий же добро дьявол, задумав устрашить блаженного, сам был тут же святым посрамлен. Однажды преподобный собирался пойти в церковь на литургию и вдруг увидел множество полков бесовских; скрежеща зубами, они напали на него и били и, подняв пол, бросили под него, так сказав святому: «Попробуй-ка отсюда выбраться, если не хочешь умереть мучительной смертью!» Святой нисколько не испугался, не устрашился их козней, ибо видел некрепость их силы. Заметили братия, что святого нет в церкви на обычном месте, пришли в его келию и, увидав отца придавленным, подняли пол. Он же сказал им: «Братия, видите врагов наших: супостат борется с нами. Но не устрашимся, не убоимся. Господь мне помощник». И так благодатью Христовою был он от них сохранен.

О создании пустыни

Поскольку много людей к нему приходило и безмолвие его нарушало, он огорчался и помышлял наедине с собою безмолвствовать, что и осуществил: выйдя тайком из обители так, что никто об этом не знал, кроме Ведающего тайные сердечные помышления, он устремился в пустынь к югу от большой лавры, ибо в той пустыни были болото и непроходимая чаща. Отойдя примерно четыре поприща и исходив многие места в той пустыни, он нашел, скорее всего, я думаю, будучи Богом руководим, место на самом берегу реки Глушицы – очень красивое и возвышающееся над окружающей местностью. На том месте росло дерево, под названием певг, то есть сосна. Оно имело в окружности две меры, и потому то место называлось Сосновец. Вокруг же того места повсюду были болота и дебри непроходимые. Преподобный полюбил это место и начал на нем трудиться и подвиги продолжать, беспрестанно Богу молясь.

Преподобный регулярно навещал монастырь. Однажды он был замечен братией; подойдя к нему, они умоляли его не покидать их и жить с ними, потому что не хотели разлучаться с отцом. Как чадолюбивый отец, он не презрел их моления и сказал им: «Братия, я хочу в той пустыни, если Бог изволит, поставить церковь». И еще сказал преподобный: «В том месте будет положено мое тело». И начал строить церковь во имя святого Крестителя Иоанна и, благодатью Христовой, вскоре ее создал. И, взяв благословение у епископа города Ростова Дионисия, он освятил там алтарь и церковь. И выстроил кельи по порядку и некоторых из братии поместил там жить, распорядившись, чтобы они получали все потребное из большой лавры. Они же, приняв отеческие устав и заповедь, соблюдают их вплоть до наших дней, равно как и в монастыре.

О пустыннике Павле

В 1393 году пришел старец-пустынножитель по имени Павел и стал вести постническую жизнь поблизости от той пустыни, на расстоянии около двух поприщ. Он поставил себе келью, прожил одно лето в той пустыни и захотел поставить церковь. Преподобный же послал к нему одного из братии, сказав ему:

«Пойди скажи Павлу: молит тебя друг твой о Христе Боге, грешный Дионисий, и говорит: огорчаюсь и печалюсь я, духовный отец, тому, что ты хочешь создать монастырь поблизости от нашей пустыни. Не подобает этому быть, потому что слишком близко. Следует тебе, отец, на этом месте жить в одиночестве и иметь любовь к нашей нищете, поскольку написано: «Бог есть любовь». Помяни меня, духовный отец, перед Богом в молитвах своих».

Старец Павел, услышав это, как будто преисполнился слезами и сказал: «Благо да прибудет тебе, честной отец! Как ты мне повелел, так я по твоей воле и поступлю. А ты на Господа Иисуса Христа все упование свое возложи. Нас же ничто да не отлучит от любви твоей». Сказав так, старец Павел передал поклон и пожелание мира своему другу о Христе и ушел оттуда. Об этом восклицает божественный Павел: «Любовь не гордится, любовь не бесчинствует, не для себя ищет»[351], но для блаженного». Мы же возвратимся к нашему рассказу.

Оба монастыря преподобный посещал постоянно, днем и ночью. И говорил им: «Братия, я вместе с Богом забочусь о ваших потребностях телесных, вы же пекитесь о своих душах». Сам он подвизался в той пустыни жесточайшим образом: бодрствовал столько, что мог всю ночь без сна пробыть, ел раз в день, и были его едою хлеб да соль, а пил одну воду, да и то в меру. Но каждый день, как и в начале подвижничества, он часто вспоминал слова апостола и, следуя им, «забывая заднее, простирался вперед»[352]. Он старался, представ пред Богом, оказаться человеком с чистым сердцем и готовым выслушать повеления.

О Макарии

Однажды преподобный был в городе Ростове у некоего христолюбивого человека, по имени Агафон, владевшего домом. А брат того человека по плоти имел сына Матфея двенадцати лет от роду. Дионисий сказал тому: «Чадо Матфей, Христос говорит в Евангелии: «Кто любит отца или мать больше, нежели Меня, недостоин Меня, и кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостоин Меня»[353] и «Не мир

пришел Я принести на землю[354] – мир родителей с сыновьями, соизволившими Мне работать, – но рать и нож, отрезающий тех, кто любит блаженство, от тех, кто любит мирские вещи». «Выйдите из среды их и отделитесь, и нечисто к миру не прикасайтесь», – говорит Господь[355]. Благой же учитель Господь часто родителей по плоти оставлял и, услышав, как некто сказал: «Вот Мать Твоя и братья Твои ищут Тебя»[356], тут же добрый наш Господь-учитель выказал легкое к ним отвращение: «Мать Моя и братья Мои суть те, кто исполняет волю Отца Моего небесного»[357]. Тем самым нам Он пример показал. Да будет тебе отцом тот, кто может и хочет потрудиться с тобой, чтобы избавиться от бремени греховного; матерью же – способный отмыть тебя от скверны, когда ты испачкаешься; братом же – кто поможет тебе беседой стремиться к горнему. Приобрести себе и сожительницу неотлучную – памятование об исходе. Детьми же твоими любимыми да будут вздохи сердечные. В раба обрати свою плоть, а друзьями сделай святые силы, которые во время исхода смогут тебе помочь, если будут с тобой дружить».

В ответ отрок сказал преподобному: «Я хочу, чтобы ты был моим учителем, соответствующим твоим словам». «А я хочу, – ответил ему преподобный, – чтобы ты был моим учеником». И отрок послушался Евангелия, поощряющего и хвалящего ненавидящих мир, а Бога любящих, оставил родителей и все имение и последовал за Христом.

Взяв его, преподобный привел его в монастырь, сподобил его иноческой жизни и нарек ему имя Макарий. Он поселил его у себя во внутренней келье, и тот жил в послушании у отца, и жизнь чернеца[358] оказалась ему по нраву, и прочие монастырские правила он усвоил, размышляя о евангельских словах: «Никто, возложивший руки на плут и озирающийся назад, неблагонадежен для Царствия Небесного»[359]. Также и святой отец очень его любил за добрую волю и цветущие в нем добродетели. Потому отец молил Бога о нем, чтобы пошел тот добрым путем, и поучал его стремиться к высшему благонравию. И освятил его архиепископ Дионисий Ростовский

рукоположением в священство, и отпустил его обратно в монастырь, и стал он впоследствии игуменом большой лавры.

О князе Юрии Бохтюжском

Прослышал о блаженном Дионисии князь Юрий Бохтюжский; через несколько дней после этого он призвал преподобного к себе и сказал ему: «Слышал я, отец, что ты монастыри строишь в пустыни. Что только хочешь, отец, проси необходимое, и я дам тебе, чтобы ты молился и о нашей жизни». В ответ преподобный сказал: «О вашем благоверии, боголюбивый князь, достойно есть молиться. А в золоте и серебре мы не нуждаемся. Благой наш учитель Господь сказал своим ученикам: «Не собирайте ни золота, ни серебра»[360]. Увидел боголюбивый князь Юрий смирение преподобного и начал его умолять, чтобы хоть что-нибудь от него принял и благословил бы его. Оценил преподобный веру боголюбивого князя и сказал ему в ответ: «Как хочет твоя державность». И с этого дня тот начал заботиться о монастыре, подавая ему необходимое и имея духовную любовь к преподобному, стал называть его своим отцом и учителем. Часто приходил к нему, чтобы повидать его, и заповедал сыновьям своим ни в чем не ущемлять монастырь.

Расскажу и об одном уроке, данном святым.

Когда преподобный находился во внутренней пустыни, некий старец по имени Онуфрий, не взяв благословения от отца, дерзнул ловить рыбу. Поймал много и думал, что похвалит его отец. Вернувшись, сказал преподобному: «Много мы рыбы поймали». Преподобный же, услышав это, повелел бросить рыбу псам на съедение и сказал: «Это смертельная отрава, плод ослушания. Адам, преступив заповедь Творца, был изгнан из рая. И апостол говорит: «Всякое дело огнем будет испытано: у кого сгорит, тот потерпит урон, а сам спасется»[361]. Пусть и этот ослушник получит плату за ослушание». И связал его эпитимией, отлучил его от церкви и сказал: «Сеющий в благословении в благословении и пожнет». Видевшие это братия стали просить отца за него. Преподобный же сказал: «Послушания Бог хочет, а не жертвы». Припал к его ногам Онуфрий, каялся и умолял даровать ему прощение за

ослушание. Кроткий же отец поучил его тихо, сказав: «Следи за собой, чадо, и отныне впредь этого не делай». И, помолившись за него, отпустил.

Когда я прилежно расспрашивал о житии нашего отца, некий человек, старый годами, большой христолюбец, увидев, что я так горячо и прилежно расспрашиваю о святом, поведал мне следующее, что хочу рассказать вам.

Однажды пришли некие люди, звавшиеся Василий Тяжелов и Иван Чюрчин, похитили у святого семь коней и бежали. Пришел к преподобному кто-то из братии и сказал: «Честный отец, какие-то люди похитили семь коней и бежали». Он же, улыбнувшись, сказал тому: «Брат, мы ведь странники-пришельцы на этой земле, через малое время уйдем отсюда туда, где наше житье вовеки. Не беспокойся, брат, о земном. Подобает беспокоиться только о том, как нам отвечать в оный день о том, что сделал каждый из нас. И ты, брат, уповай на Бога: Он наш помощник и заступник от супостатов наших, видимых и невидимых врагов. Говорит Господь: «Благословляйте проклинающих вас, молитесь за творящих вам обиду и делающих пакости»[362]. Скажу тебе, брат: «Если бы я нашел их, то дал бы им и еще добра и принял бы их с любовью».

А те бежали в одно село, называвшееся Мольское, и остановились в том месте, где собираются, сушатся ветром и очищаются колосья. В полдень, когда они спали, внезапно запылал огонь, опалил их, и они бежали. А похищенных коней и все прочее, что у них было, огонь сжег, только сами они спаслись. Некие люди рассказали преподобному, что похитителей попалил огонь. Преподобный сказал: «Бог помогает нам и печется о нас, не дает спуску творящим зло. А наказал Он их за то бесчисленное зло, что они причинили, грабя убогих». И еще сказал преподобный: «Братия, послушайте меня, дающего вам совет правой совести: молите Бога за творящих пакости. Господь говорит: «Молитесь за творящих вам обиду»[363].

Братия в ответ сказали ему: «Честной отец, раз ты Христу подражаешь и так живешь, а своими словами и нас

наставляешь, и к добру возводишь чад своих, мы будем поступать так, как ты повелел нам».

И вот что еще да не будет утаено из поступков отца.

Отец заповедал никакого имущества в кельях не держать, но некий инок, наученный дьяволом, отнесся к этому с презрением и удержал у себя десять ногат[364]. Искусник зла сотворил это, желая ввергнуть того в ров ослушания, чтобы тот принял плату за ослушание. Прожив несколько лет, инок преставился. И обнаружилась у него сумма в десять ногат. Преподобный повелел бросить деньги с ним в могилу во свидетельство ему. Братия, увидев такое странное дело, припали к ногам преподобного, прося простить брата за то, что тот сделал. Он сказал им: «Чада, ослушание навлекает смерть. Послушания Бог хочет, а не жертвы». Чудная его голова замыслила вот что: посрамлением этого срама предотвратить следующие ослушания: чтобы братия видели это и не поступали так. Едва умолили его братия, и он простил того. Но заповедал никому не прикасаться к ногатам, повелел выбросить их вон из монастыря.

Через небольшое время вновь восстал дьявол, не терпя и боясь, что понемногу пустынь наполнится людьми воздержанными, и, придя однажды ночью, напал на святого и бил его так, что тот от ран не мог встать. Божьим промыслом пришел тогда ученик его Макарий и спросил его: «Что с тобой, отец?» Преподобный сказал: «Чадо, если этого не сможем стерпеть, то как сможем вытерпеть тамошнее мучение?» С тех пор даровал ему Бог власть над нечистыми духами, так что они не смели приближаться к нему. Преподобный же начал еще больше подвизаться в посте и бдении, труды к трудам прилагая.

В 1419 году, когда апостольским престолом города Ростова правил архиепископ Дионисий, пришел к нему преподобный принять благословение. Архиепископ поучил его духовно, и после духовной беседы благословил его, и дал ему икону, образ Пречистой, державшей на руках Сына Своего, Христа Бога нашего, – эта икона и ныне нами видима – и иную утварь, необходимую церкви, и отпустили его с миром, сказав ему: «О Святом Духе возлюбленному сыну и сослужебнику нашего

смирения: мир и благословение да будет с вами». Преподобный же, приняв благословение, ушел.

О Григории Лопоте

Пришел некий человек из города Галича, бывший архимандрит в городе Ростове, Григорий именем, добродетелью исполненный. Он умолял преподобного дать ему келью. Увидел преподобный, что это делатель Христовых заповедей, и дал ему келью в том месте к югу от большой лавры, в пустыни, называемой Сосновец, где он создал церковь. И Григорий пребывал там в послушании у святого. Рассмотрел рассудительнейший пастырь добродетели мужа, и они полюбили друг друга так, что можно сказать двое одну волю имели благодаря духовной любви. Сказал ему преподобный: «Особенно, отец Григорий, обращай внимание на то, чтобы совершенно не иметь в душе никакого возношения. А помыслы, с корнем выкапывая, очищай, со страхом, трепетом и умилением служа Господу, зная, что поучающийся в законе Господнем день и ночь будет, как дерево, посаженное у источника вод, каковое даст плод свой во время свое, и лист его не опадет»[365]. Преподобный сказал это, провидя, что тот будет пастырем словесного стада в пустыни, что и произошло.

Григорий ответил: «Я без сомнения верую Богу и твоему, отец, преподобию, так что ничуть не презираю того, что ты мне говоришь, но, напротив, с верой благоговейно воспринимаю и запомню это, и в сердце моем все это пребудет. Подай же мне разум своего совета и сладость духовную, ибо в тебе сокровенный разум, а все мои душевные и умственные чувства радуются такому поучению».

Преподобный сказал ему: «Заставь свой ум изо всех сил искать одного только Бога и прилежать к молитве. И давай постараемся еще больше помогать нищим, сиротам и вдовицам. Пока имеешь время, делай добро, воистину славь Бога и волю Его исполняй, и Бог даст тебе то, что просишь, и поможет тебе о высшем помышлять, к высшему стремиться – туда, где Христос сидит по правую руку Отца на небесах».

Григорий же открыл преподобному свой помысел, желание, которое он имел. И тот благословил его и отпустил. И пройдя на

восток от той пустыни более двадцати восьми поприщ, он нашел подходящее место на реке Пельшме и воздвиг там церковь во имя Пречистой Владычицы нашей Богородицы в честь славного ее Собора, и создал в 1426 году общежительный монастырь, доныне благодатию Христовой существующий.

Пришел преподобный посетить друга своего и похвалил место. И дал ему преподобный иконы и книги, называемые Пролог[366], каковые и ныне можно видеть. И они жили, друг друга почитая.

Прожив много лет, Григорий отошел ко Господу. И положили мощи его в основанном им монастыре. И по представлении своем он исцелил бесноватого.

О создании святым гроба

Затем блаженный отец наш в той пустыни, где построил церковь Иоанна Крестителя, выкопал себе гроб. За семь лет до своего преставления он стал думать, как отойдет отсюда. Каждый день напоминая себе, что он в него вселится, святой еще больше начинал подвизаться в посте, молитвах и бдении, часто всю ночь стоя на морозе, трясясь, обжигаемый морозом, стараясь тамошнего избежать мороза, чтобы там получать радости и райскую пищу. Он распялся по отношению к миру, чтобы стать по правую руку от Распявшегося[367].

И вот что еще говорил преподобный: «Если тело мое не будет положено здесь, тогда люди не станут здесь жить, потому что места эти пустынны и трудны для житья. Если же будет положено, тогда Бога ради не должны будут презирать они ни место это, ни меня. А кто будет здесь жить с верой, тот примет награду от Бога и обретет помощницей в страшный день оный Владычицу Богородицу, потому что в обители Ее трудился».

Но мы возвратимся к нашему рассказу.

Однажды некоторые из братии, зная, что святой милостив, решили искусить блаженного и послали к нему некоего юношу в образе нищей странницы. И тот, придя к святому, умолял его со слезами о помощи, говоря ему: «Помилуй меня, честной отец, ибо я раба одного человека. Дай денег мне и детям моим на выкуп!» Преподобный понял, какая это странница, но вспомнил Бога, говорящего: «Просящему у тебя дай»[368], и спросил:

«Сколько ты хочешь?» Мнимая же странница эта ответила: «Для выкупа мне нужно сто сребреницъ». И он открыл оконце келий и подал ей сто сребреницъ.

Обманщик посмотрел на деньги и принес их к искусителям. А те сказали: «Что это он бессмысленно раздает!» И вот пришел блаженный на вечернее пение, и эти искусители, принесши серебро, положили его перед святым. Преподобный спросил их: «Что это, чада?» Они ответили: «Честной отец! Некий кривляка приходил к тебе, прося, а ты не уразумел и подал ему серебро. Мы же его у него взяли. Это оно».

Святой сказал им: «Братия, Господь говорит: «Будьте милостивы и щедры»[369], почему же вы не запечатлели этого в сердцах ваших?» И добавил: «Позовите его ко мне». Тот пришел, ожидая, что будет наказан. А преподобный сказал ему: «Возьми свой выкуп». Тот поклонился святому, взял серебро и ушел, радуясь. Преподобный же сказал им: «Верьте, братия, что если против моей воли возьмете что-нибудь у него, то две заповеди нарушите. Вы оказываетесь нетерпеливыми в тратах, это для вас соблазн. А во-вторых, не слушаете Владыки, сказавшего: «У берущего не требуй назад»[370]. Хорошо, братия, всякому просящему давать, а еще выше и большей чести достойно – и непросящему. Господь наш повелевает творить благо ближнему и говорит: «Сотвори добро брату твоему, сколько имеет рука твоя». И сказал им: «Перестаньте искушать меня, побуждая к немилосердию!» Они же, упав ему в ноги, так и сделали и, прося прощения, сказали: «Честной отец! Мы согрешили, прости нас!» Вспомнил преподобный Господа, сказавшего: «Если согрешит перед тобой брат твой, обличи его и, если покается, прости его»[371], – и сказал им: «Бог да простит вас, братия мои». И они обещали больше этого не делать.

О создании святым церкви

Через некоторое время начали умножаться поблизости от монастыря деревни. И создал преподобный на расстоянии более двух поприщ к северу от большой лавры церковь во имя святителя Христова Леонтия епископа Ростовского[372], чтобы туда на молитву приходили люди из деревень. И устроил там инокиням место для пребывания, каковые постницы и ныне там

пребывают. И поставил им преподобный мужа благоговейного, сединами славного, цветущего духовными словесами, возводящего к большему рвению. И назначил им потребное от деревень.

В те годы голод случился в той стороне. Люди, уже приходившие в монастырь к преподобному, брали у него, как из неисчерпаемого источника. Ибо он неоскудно подавал милостыню просившим. И они в большем числе начали приходить. Преподобный же никак им не препятствовал, но больше раздавал.

И однажды пришел к преподобному эконом и сказал ему: «Совсем немного, честной отец, осталось для раздачи просящим». Преподобный же сердито сказал: «Что ты, эконом, говоришь, что мало осталось пригодного для раздачи! Истину ведь сказал Сказавший: «Не заботьтесь о завтрашнем, «что нам есть», или «что нам пить», или «во что одеться», ибо знает Отец наш Небесный, что вы нуждаетесь во всем этом. Ищите же прежде Царствия Небесного, и все это приложится вам»[373]. Он говорит: «Будьте милостивы и щедры, как щедр Отец ваш Небесный»[374]. Ведь немилосердие по отношению к нищим ненавидимо Господом, и мы не слышали, чтобы кроткий Судия Бог говорил о каком-нибудь другом согрешении с такою яростью и гневом, как о немилосердии: «Отойдите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его!»[375] Слыша это, братия, поверим словам: «Суд без милости не оказавшему милости»[376]. Насколько возможно бежим от немилосердия, жестокости и лени в делании добра. Ибо ничто не помогает нам так, как милостыня. Милующий нищего дает взаймы Богу». Так он думал и учил.

Эконом же, выслушав это, припал к ногам преподобного, прося благословения. Преподобный благословил его и сказал: «Никогда не отчаивайся, но всю печаль возлагай на Бога, ибо Тот печется о нас». Бог молитвами святого все потребное подавал, как оно и до сих пор происходит.

О создании святым церкви

И другую церковь создал преподобный, подражая вселенским учителям и апостолам, проповедуя покаяние, – от

большой лавры более восемнадцати поприщ в южном направлении, во имя Воскресения Господа нашего Иисуса Христа, вниз по реке Глушице, вблизи большой реки Сухоны, на берегу, чтобы приходили православные христиане – и чудесно украсил ее иконами, и она и ныне благодатию Христовой твердо стоит.

Пришли некогда из села, называемого Двинцы, христолюбивые люди и просили святого построить им церковь во имя святого Николы. Преподобный прислушался к их просьбе и создал им церковь и украсил ее иконами, и она и ныне благодатию Христовою сияет, эта церковь.

В то время люди воспринимали святого как светильник, сияющий в той стране.

Об архиепископе города Ростова Ефреме

Державший апостольский престол города Ростова архиепископ Ефрем, пустившись как-то в путь, чтобы посетить управляемые им земли поблизости от Поморья, в город Устюг, направил свои стопы в монастырь святого, чтобы посетить и его. Преподобный, услышав, что архиеписком Ефрем идет в монастырь к Пречистой, выйдя из монастыря, а с ним и вся братия, встретил его. Архиепископ же, сотворив молитву, благословил святого и братию, поклонившихся ему в ноги, и они вошли в монастырь.

Затем, войдя в церковь с подобающей честью, они сотворили молебное пение Пречистой, и после обычного благословения и беседы архиепископ дал в монастырь щедрую милостыню, чем весьма поддержал святого и братию. Наутро архиепископ призвал святого и братию и сказал им поучительное слово.

У братии, когда они слушали слова духовного наставления архиепископа Ефрема, глаза наполнялись слезами.

Потом архиепископ произнес наставление преподобному. А затем преподобный сделал ему подарок, приличествующий чести сана того, сказав: «Прими это, владыко, от рабов своих». Архиепископ же, приняв, благословил святого и братию и возвратился в свой город.

Об Амфилохии

Спустя некоторое время, в 1417 году, пришел с востока некий инок из близкой к Поморью земли, из города Устюга, имеющий священнический сан, именем Амфилохии, и, войдя в монастырь, поклонился преподобному и молил его: «Отец, спаси меня!» Дионисий спросил его: «Что ты, брат, такой труд взял на себя?» Амфилохии ответил: «Я пришел сюда поклониться, честной отец, во-первых, Пречистой Богородице, а во-вторых – стопам твоим и живущих здесь братиям, чтобы вы за меня молились». Преподобный ответил ему: «Хорошо, брат, заходи в монастырь к Пречистой и к моему недостоинству». И добавил: «Иди в келью». Вошли они в келью, воздали Богу общую молитву и сели. В это время у преподобного был один из учеников, по имени Макарий. Преподобный сказал тому: «Послушник Макарий! К нам в монастырь к Пречистой пришел Богом вразумленный человек по имени Амфилохии, и хочет с нами пребывать и молитвы Богу воссылать». Макарий ему ответил: «Прости меня, честной отец, невежу: не знаю я, что сказать». Преподобный сказал: «Говори, послушник, что Бог в разум тебе вложит». Встав, Макарий произнес: «Благословен Бог, желающий, чтобы все люди спаслись и в разум истинны пришли». Преподобный ему сказал: «Бог дает тебе разум говорить то, что полезно».

Встав, Амфилохий припал к ногам преподобного со словами: «Знаю я, отец, твои подвиги и что ты, поистине ненавидя славу человеческую, ищешь славы у Бога». Преподобный ответил: «Что ты, брат, тяжесть возлагаешь на грешного человека! Встань! Береги ноги для поклонения одному Богу и Его образу». И Макарий сказал, обильные слезы проливая из очей: «Встань от ног моих, встань!» Преподобный сказал: «Благословен Бог, направивший твои стопы сюда. Он может и тебя и меня спасти». Амфилохий ответил: «Знай, честной отец, что Бог, все разумевающий, повелевая мне спастись, привел в твои святые руки. Потому, что ты повелишь делать мне, буду с Божьей помощью делать».

Понял преподобный, что тот будет ему сподвижником в посте, и дал ему особо суровое правило жизни, не оставляющее никакого телесного покоя. Амфилохий сказал:

«Честной отец! Божественный Павел повелевает и всех научает повиноваться старейшинам своим и покоряться, ибо те «пекутся о душах ваших»[377]. И поверила, отец, ему моя худость, и принял я эту заповедь, словно от Бога». Сказал ему преподобный: «Поскольку ты поверил, что дана эта благодать от Бога и хочешь впредь здесь пребывать, пойдем, заключим договор не отлучаться нам друг от друга, пока пребудем в нынешнем житии». И обоим была приятна эта речь, и они так и сделали.

И начал Амфилохий подвизаться, следуя уставу и подвигу иноческого жития: одежду имел скромную и доблестно, радуясь, терпел все ради будущего, ожидающего на небесах блаженства. Преподобный же, видя, как тот подвизается и вспоминая, как обещал ему, что они оба спасутся, радовался духом.

Тогда преподобный начал с этим братом, а лучше сказать с чадом, распространять обитель: захотел расширить для нее место и сделать ее большей. А тот с большим усердием старался всякие закон и правило иноческого жития соблюдать, ибо нравом был незлобив, душою смирен, подражал кротости отца, очень почитал правило церковное, в посте пребывал и, имея и желание к этому и разум, говорил: «Всякое управление лучше давать душе, нежели телу. Вот что значат слова Спасителя «не заботьтесь о пище и одежде, но о душах заботьтесь»[378]. Трудов его и хождений много было с братией, вне монастыря они работали и вновь на пение возвращались. И начали славиться повсюду житие, терпение и кротость смиренного Амфилохия. «Прославляющих Меня, – сказано, – прославлю»[379].

О Тарасии, пермском игумене

В 1427 году из Великой Перми пришел игумен Тарасий, оставив священнический чин. Услышав о смирении и терпении преподобного, он отправился к Пречистой в монастырь, неся с собой и некоторое имущество. И когда он приблизился к монастырю, преподобному сказали: «Игумен Тарасий Пермский пришел к Пречистой в монастырь из дальней земли». Услышав это, преподобный встретил его перед монастырскими воротами. После того как они сотворили общую молитву, тот поклонился

святому и сказал преподобному: «Честной отец, давно я жаждал видеть твое честное лицо. Много молил я об этом Бога – направить меня святой волей Его ко спасению моему».

Преподобный сказал ему: «Господь Бог благословит тебя. Он послал к нам недостойным мужа благоговейного и наделенного доброй волей. Я сам не могу сотворить ничего, но все возможно для Бога».

В ответ Тарасий сказал преподобному: «Бог почтил и возвысил тебя за твои добрые дела, духовный отец. Допусти меня выполнять все, что повелит твое преподобие, я не откажусь выполнять. И это вот, что у меня есть, возьми. И сопричти меня к своему словесному стаду».

Преподобный же благословил его, ввел в монастырь и дал ему келью в большой лавре. И сказал преподобный: «Отец смиреннейший, да наречешься ты по своему смирению сыном дня. Послушав голос Христова Евангелия, ты оставил мир, ни во что вменив богатство и славу по сравнению с любовью Его. Потому ждет тебя у Господа награда на небесах».

И начал Тарасий проводить суровую жизнь, придерживаясь труда постного, и обрел обильные слезы, смирение и терпение, повинуясь преподобному во всем и покоряясь. Пожил Тарасий при жизни отца и наставника десять лет, проводил ко Христу своего отца и учителя как ходатая и молитвенника, а сам после этого прожил немного лет и в глубокой старости отошел ко Господу. И сотворили братия пение по обычаю и положили его мощи в большой лавре, где он и трудился, уже при игумене смиреннейшем Амфилохии.

Мы же возвратимся к прежнему рассказу.

Прожил преподобный Дионисий с Амфилохием, во Христе возлюбленном им, вместе несколько лет. Доброй ревностью ревновали они друг друга и вели дивную жизнь, всякому виду добродетели обучаясь, плотские потребности покорив Христу, как раба хозяину. Пищи и покоя совершенно отвращаясь, Амфилохии с огромным смирением повиновался преподобному, как отцу и наставнику, так что сам преподобный удивлялся его смирению и его любви.

Вот какому правилу истинного монашеского чина следовал преподобный с тех пор, как поселился в пустыни: никогда не оставаться без духовного делания. Что ему и удавалось. Небесным путем постоянно и успешно шел он и хранил неугасимый свой жар от начала и до конца, к тщанию постоянно добавляя тщание, к желанию – желание, и постоянно совершал в сердце восхождение, пока не достиг того, на что надеялся и чего желал.

Пищу он принимал жесткую и не дающую утешения, чтобы только быть живу. Весь год не ел молока и сыра, лишь в самый день Воскресения Христова вкушал молоко и сыр, и то понемногу.

Однажды призвал преподобный своего духовного сына Амфилохия и сказал ему: «О возлюбленный Амфилохии! Я вижу, что время моего ухода теперь при дверях. Ты – чадо, друг и советник мой в желании моем. Сколько Бог повелел, мы жили вместе. Ты и тело мое покрой землей, отдав прах праху. Пребывай, чадо духовное, и дальше на этом месте, держась духовной жизни и поминая мое смирение.

И не изнемогай, чадо, в горести и воздыханиях, потому что каждый день надо ожидать расставания со всем здешним».

Когда услышал Амфилохии эти слова от преподобного, глаза его потоками слез наполнились, и, плача и рыдая о разлуке со своим духовным отцом и искусным учителем, он сказал: «О духовный отец! Сам ты в покой отходишь, а меня в скорби и страстях оставляешь. Помолись Господу, умоляю тебя, чтобы ты меня взял спутником из этой жизни». Это и больше того Амфилохии со слезами говорил, преподобный же кротко ответил ему: «Я, духовное чадо, много молил об этом Господа, чтобы нам не разлучаться друг с другом. Но узнал Его благодатью, что тебе еще не время, недостаточно ты еще подвизался по сравнению с уготованной тебе наградой. Подобает тебе еще потрудиться на этом месте по моем преставлении. Ты ведь видел мое тщание и подвижничество об избранном Христом стаде. И ты потрудись, насколько продлится твоя жизнь по Божьему изволению, пася и наблюдая, уча и наставляя, возводя к разуму Божию словесное стадо Христово,

ибо приближается к тебе награда за дела твои и Награждающий уже предстоит, уже пришел, чтобы увидеть виноград, который ты возделал[380]. Щедрую Он даст тебе плату за труд».

Так до самого вечера и всю ночь Амфилохии с преподобным беседовал, плача неудержимыми слезами, не в силах стерпеть разлуку со своим отцом. И, заканчивая беседу, преподобный сказал: «Уходи, чадо, в свою келью». Тот, взяв благословение, вышел. Но тайком Амфилохии стал смотреть через скважину, как преподобный молится, и другого брата позвал, Макария.

Преподобный же, встав и подняв руки и очи к небу, сотворил молитву к Господу Богу. Затем, преклонив колени, со слезами помолился Пречистой.

Помолившись, он сел и хотел немного поспать, и тут же погрузился в легкий сон, и сразу услышал голос, как к Корнилию, говорящий: «Услышана молитва твоя о братиях, о которых ты молился. И Я неотступна буду от этой обители, заботясь о ней и защищая ее от всех бед, и не будет в ней оскудения вовеки». И тут же проснулся святой, и сердце его затрепетало радостно от этого голоса Пречистой Богородицы, обещающего помощь, заступничество, пристанище и спасение. И он всю ночь без сна пребывал в слезах и в радости сердечной. И позвал он одного из вышеупомянутых братии, духовного деятеля Амфилохия, и сказал ему, что слышал. Тот же, услышав, радостью в душе исполнился, и они вместе прославили Бога.

И призвав братию, преподобный произнес подобающее полезное им поучение. Выслушав его, братия со слезами в глазах сказали: «О духовный отец! Кому ты поручаешь заботиться о душах наших?» Преподобный кротко ответил им: «Богу и Пречистой Его Матери. А после них вручаю старейшинство своему верному ученику, в добродетелях совершенному, во всем равному своему отцу, смиренному Амфилохию. Ему я повелел пасти стадо, называющее себя Христовым именем, внимательно и справедливо. И мир Божий да будет с вами, просвещая вас и наставляя. И я вам преподаю мир и благословение. Будьте послушны, согласно слову

Господа, обращенному к апостолам: «Слушающий вас Меня слушает, а отвергающийся вас, Меня отвергает»[381]. Убоимся, чада, этого страшного голоса, говорящего: «Отойдите от Меня, проклятые клятвопреступники и братоненавидцы». Вот, чада, я сказал кое-что, направляя ваш разум к истине, чтобы вы были во всем совершенными и сиял бы вам свет Божественной и Живоначальной Троицы вовеки».

Ученики же, слезы потоками лия, отходили, скорбя о том, что лишаются отца своего. Узнал преподобный, что через три дня отойдет он к Богу, и начал безмолвствовать месяца мая в 29-й день, в четверг. Впал он в телесный недуг и видел, что окончательно ко Господу отходит и естества отдает долг, дух же предает желанному Христу.

И призывает он все священное собрание полностью. Братия же всем собранием рыдали, сокрушаясь, лицо же святого светилось как снег. И повелел он верному своему ученику Макарию совершить Божественную службу в самый момент его отхода. И перед тем, как разрешиться телесному союзу, он причастился Владычнего тела и крови, Христа Бога нашего, и сказал: «Чада! Вот, я уже отхожу от вас. Погребите тело мое в той пустыни, где я сам выкопал себе гроб за семь лет до этого, чтобы там были жители: если будет положено мое тело там, то не будут люди презирать место то Бога ради. А если не будет положено там тело мое, то должно то место оскудеть, и не будет там жителей. А в том месте должно быть жителей много. Я повелеваю, чтобы был единый игумен обители Пречистой и той пустыни, где тело мое будет положено. И пусть там все необходимое берут из большой лавры».

И вот что еще сказал преподобный: «Братия, если будет мне милость от Бога, то не отступлю я от этого места и буду молить Бога и Пречистую Его Мать, чтобы оно не оскудело». Он осенил себя крестным знамением, воздвиг руки к небу, сотворил молитву и, преподав благословение о Христе братии, с молитвою предал священную и чистую душу свою Богу.

В это время Амфилохий видел на голове его венец, как солнце сияющий, а лицо его будто снег осветилось.

Всего же преподобный прожил семьдесят четыре года и шесть месяцев. Внешне он был телом мал и излишне сух, а голову имел немалую, брови округлые, лицо длинное, щеки впалые, глаза спокойные. Борода у него была до груди, не густая, тонкая. Волосы светло-русые, наполовину седые.

Преставился он в 1437 году месяца июня в первый день. Излилось тогда благоухание от тела святого. На одре положили чтимое трудолюбивое тело и достойно с надгробным псалмопением провожали его в ту пустыню, положив на мула. Но тот не потянул.

У преподобного же был любимый мул. Амфилохий сказал: «Любимого мула приведите!» Его привели, и повез мул, и, не останавливаясь, весело шел до той пустыни.

И положили его честное тело в той пустыни, которую он сам создал в четырех поприщах на юг от большой лавры, на второй день, в вечный покой, в то место, где ныне у гроба святого больные здоровье получают. Слепым он прозренье дает, от бесов освобождает, расслабленных укрепляет, скорченные руки выпрямляет, и от всех болезней подает выздоровление не только при приближении к его раке: где только ни призовут его имя с верою, получают здоровье.

Хоть и не хотел святой славы при жизни и по смерти, но крепкая сила Божия его прославила. «Прославляющих Меня, – сказано , – прославлю».

Если же мы вспомним житие и мудрость людей, просиявших в древности, то увидим, что воистину ничем Дионисий им не уступает: незлобие он приобрел Иаковлево, а страннолюбие Авраамово[382]. Савва Освященный[383] был рассудительным правителем общежития, но Дионисий не такой же ли добрый смысл стяжал, общее житие составив в пустыни и многие церкви воздвигнув? И не имел ли он дара чудотворения, как и прежде него прославленные святые? Потому Бог и прославил его и сделал знаменитым по всей земле. И мы не похвалим ли того, кого Бог прославил? Богу нашему слава и ныне, и всегда, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Нила Сорского [384]

Преподобный Нил Сорский родился в Москве около 1433 года в правление великого князя Василия II Васильевича Темного. Фамилия его была Майков. Мирского имени преподобного мы не знаем. У него был старший брат Андрей, по всей вероятности, известный дьяк великих князей московских – Андрей Федорович Майков, в иночестве Арсений, скончавшийся в конце 1502 или в начале 1503 года, на пять лет раньше преподобного Нила. Он вел канцелярию московских князей, писал от их имени грамоты в северные монастыри и неоднократно туда по их поручениям ездил. В конце XV – начале XVI века Андрей Майков занимался внешней политикой Московского государства. Наверное, и отец Нила принадлежал к высшей служилой знати Москвы. Будущий преподобный был выучен грамоте в молодости и тоже служил в Москве – скорописцем или подъячим в суде как судейский секретарь. Наверное, и перед ним, как перед его братом, открывалась возможность возвышения на службе земным владыкам, но он оставил этот путь, предпочтя служить только Владыке Небесному.

Когда Нил взрослел, шла борьба за великокняжеский московский престол между Василием Темным и Дмитрием Шемякой[385]. Сосланный Шемякой в Вологду, Василий Темный нашел духовную поддержку у северного монашества и, вернувшись победителем в Москву, призвал туда старцев, которые в трудный момент его поддержали. Среди них, по всей вероятности, был старец Паисий Ярославов[386], ставший учителем Нила Майкова на пути к Богу. Паисий написал впоследствии «Сказание о Спасо-Каменном монастыре», откуда он, скорее всего, и вышел и куда в конце концов возвратился.

Спасо-Преображенский монастырь расположен на маленьком Каменном островке в Кубенском озере, неподалеку от Вологды. Основанный в середине XIII века белозерским князем Глебом Васильевичем, он был обновлен и переустроен в

конце XIV века по принципу афонских монашеских общежитий игуменом Дионисием, выходцем с Афона. Старец Паисий Ярославов, как ученик учеников Дионисия, воспитывался в афонских традициях безмолвия, молчальничества – исихазма[387]. Эти традиции требовали от подвижников контроля за своими стремлениями, постоянной сердечной молитвы.

Нил Майков постригся в монахи в Кирилло-Белозерском монастыре. Когда, в точности мы не знаем, но это произошло до 1460 года, потому что начиная с этого года грамоты называют Нила среди старцев этого монастыря. Прежде чем стать старцем, он должен был пройти послушание у тамошнего старца. Возможно, Паисий Ярославов какое-то время жил как старец в Кирилло-Белозерском монастыре, а Нил проходил у него послушание. Со временем у Нила появился ученик – монах Иннокентий, из московского рода князей Охлябининых. Вместе с ним Нил отправился на Балканы и посетил те места, откуда лет на сто раньше вышел игумен Дионисий, – Афон и окрестности Царьграда. Они провели там немало времени, знакомясь с жизнью греческих монахов-созерцателей, обитавших в скитах с одним, двумя или тремя учениками и в определенное время встречавшихся с живущими поблизости монахами для совместной церковной службы и бесед на духовные темы.

Вернувшись на Русь, Нил и Иннокентий покинули показавшийся им слишком суетным Кирилло-Белозерский монастырь. Этот богатый монастырь уже владел земельными наделами и вел большое хозяйство. Сюда во множестве приходили связанные с хозяйством мирские люди, нарушая покой монахов, желавших уединения. Сначала Нил построил себе келью неподалеку от монастыря и жил там, но соседство многолюдного и шумного монастыря мешало уединению.

Он, отойдя дальше на Север, поселился среди глухого болотистого леса, на берегу неширокой речки Соры[388]. «Потому что, – писал он, – благодатью Божией нашел я место, отвечающее моему разумению, как труднодоступное для мирских людей». Туда с ним ушел Иннокентий Охлябинин, а вскоре стали к нему приходить и другие, искавшие его духовного руководства монахи. Так собралось несколько

человек, и образовался скит. В 1515 году, спустя семь лет после смерти Нила, там жило 14 человек; при жизни преподобного Нила их там навряд ли насчитывалось больше.

Организуя жизнь в своем скиту, преподобный Нил использовал опыт, приобретенный им во время путешествия по балканским скитам. Несомненно, что он использовал «Правило» скитской жизни, древнейшие списки которого сохранились в рукописях начала XV века, принадлежавших основателю Кирилло-Белозерского монастыря, преподобному Кириллу Белозерскому. Сохранился список этого «Правила», сделанный рукой самого преподобного Нила. «Правило» касается главным образом распорядка церковной жизни. Встречаться обитателям скита полагалось два раза в неделю, собираясь в церковь для всенощной в среду вечером и по воскресеньям; если же на неделе случался праздник, требующий всенощной, бдение в среду отменяли, чтобы число всенощных в неделю не превышало двух.

Условия жизни в скиту определил, по-видимому, сам преподобный Нил. Братия скита должна была жить в избушках-кельях по одному. Лес на территории скита рубить запрещалось, чтобы из одной кельи было видно не более одной. Расстояние между ними не должно было быть достаточно значительным, чтобы иноки слышали, что происходит у соседа. В кельях нельзя было держать ничего, кроме книг, икон и самого необходимого, скромного, используемого каждый день. Слуг и скота не держали – это было запрещено. Питаться монахи должны, согласно «Правилу», от трудов рук своих; трудом же могли заниматься только таким, чтобы не покидать своей кельи. Пользоваться прибылью, получаемой насильственно от других, запрещалось. Милостыню преподобный Нил разрешал принимать лишь в крайних случаях и только умеренную. Помогать в беде другим монахи его скита должны были не материальными благами, а богатством духовным, ибо нестяжание, считал преподобный Нил, выше материальных подаяний.

От монастырского правила преподобного Кирилла Белозерского преподобный Нил отступил, он ограничил процесс

перерастания скита в киновию, то есть в общежитие, ограничив прием в свой скит условием, чтобы человек предварительно прошел выучку в общежительном монастыре (в скиту никого не постригали), а также неизменным требованием грамотности. В согласии с «Лествицей» Иоанна Синайского[389], которую преподобный Нил часто цитировал, он осознавал свое направление как «средний путь» – средний между отшельничеством и общежитием. Преподобный Нил не порывал с традиционным монашеским подвижничеством, не противопоставлял скит общежительному монастырю. Он считал, что духовную нестяжательную жизнь возможно вести и в общежительном монастыре, но тогдашний монастырь, ведущий большое хозяйство и использующий чужой подневольный труд, рассеивает внимание и порождает губительные страсти. В своих сочинениях преподобный Нил постоянно напоминает о недопустимости для монахов жить вопреки Священному Писанию и не по преданиям святых отцов. Он считал, что стремление к приобретению сел и стяжанию богатства – отступничество от заветов Христа. В 1503 году на Соборе в Москве преподобный старец Нил поднял вопрос о монастырских владениях, начал говорить, чтобы монастыри не владели селами, а жили бы монахи по пустыням и кормились от трудов рук своих. Преподобного Нила поддержали белозерские пустынники, но победы на Соборе они одержать не смогли.

Путь борьбы за исправление пороков общества, даже монашеского, был чужд преподобному Нилу. К земному светлому будущему он ни в коей мере не устремлялся ни сердцем, ни духом. Своему ученику Гурию Тушину он советовал просто удаляться от тех, кто мыслит по-мирскому и озабочен «бессловесными» попечениями – приумножением богатств и стяжанием владений. Старец утверждал, что не подобает на таковых людей ни словом нападать, ни поносить их, ни укорять, но следует предоставлять возможность их исправления Богу: «Тот достаточно силен, чтобы это сделать».

Избежать «бессловесных попечений» помогает, считал преподобный Нил, грамотность. Поэтому он требовал от своих последователей быть грамотными, а неграмотных в скит не

принимал. Эта традиция сохранялась в его скиту на протяжении веков. Одна из главных тем в сочинениях преподобного Нила – необходимость жить согласно Божественным Писаниям и преданиям святых отцов. Он считал, что все вопросы следует решать, ища и находя ответы на них в Божественных Писаниях, постоянно поучаясь и перечитывая их. «В том, – писал он, – состоят жизнь и дыхание мои». При том к Писаниям он считал необходимым относиться разборчиво, ибо добавлял: «Писаний много, но не все они божественные».

Для постоянной братии, людей его нрава, преподобный Нил составил «Предание», повествующее о том, как подобает жить в скиту. Он убеждал своих учеников соблюдать Божьи заповеди, следовать святоотеческим преданиям, без надобности за пределы обители не выходить, быть умеренными в пище и нестяжательными, питаясь от выручки за рукоделие и ни в кельях, ни в церкви не допуская драгоценной утвари и украшений. Самое большое сочинение, написанное преподобным Нилом Сорским, это так называемый «Устав», в рукописях носящий название «Из писаний святых отцов о мысленном труде, зачем он нужен и как подобает стараться его делать». Здесь речь идет главным образом о внутренней жизни подвижника, о борьбе со страстями, о том, что преподобный называет «мысленным деланием», «деланием сердечным», «наблюдением за мыслями», «охранением ума», «охранением сердца», «умственной молитвой». Святой Нил говорит о том, как проникает страсть в сердце человека и о видах страстей. Он ссылается при этом на целый ряд византийских аскетов-писателей. Особенно же часто вспоминает и цитирует преподобный Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Григория Синаита и Иоанна Лествичника.

«Развитию страсти, – пишет преподобный Нил, – предшествует «прилог» – когда простой домысел, или образ, или какая-либо мысль приходят человеку на ум. Человек не волен сделать так, чтобы они к нему не приходили, но волен ими распорядиться». «Сочетание» – это приятие помысла; «сложение» – сладострастное склонение души к явившемуся помыслу или образу; «пленение» – когда ум оказывается

плененным помыслами; это уже преддверие страсти. «Страсть» – состояние, когда человек постоянно обуреваем влекущими его помыслами.

Страстных помыслов преподобный Нил различает восемь: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордыня. Преподобный рекомендует в самом начале пришедший помысел отсекать и беспрестанно молиться, чтобы в сердце царил покой, не возмущаемый помыслами, а ум «молчал мыслью». Награда за этот нелегкий труд – неизреченная радость, пребывание в непостижимом, в исступлении, когда в сердце царит некая сладость, когда человек уверен, что на сердце низошло Царство Небесное. Побывавший в этом состоянии человек никогда не захочет выходить из кельи.

Конечно, преподобный Нил прошел школу молитвенного «безмолвия»[390] во время пребывания на Афоне, но главным руководителем, как он пишет, были книги. Отсутствие опытных наставников, напоминает он, требует от желающих достигнуть Небесного Царства постоянного изучения Божественных Писаний.

Слава преподобного Нила распространилась еще при его жизни далеко за пределы лесного Заволжья. Известно, что великий князь московский относился к нему и к его учителю – Паисию Ярославову, с великим почтением. В то время людей смущали слухи о близящемся конце света, который ожидали в 7000 (1492) году. Появились на Руси еретики – люди, не верящие в божественность Иисуса Христа. Это учение, получившее название ереси «жидовствующих», распространилось в Новгороде, а затем в Москве, причем в кругах, близких к правительству. В 1449 году новгородский архиепископ Геннадий, обеспокоенный распространением ереси, советовал ростовскому архиепископу Иоасафу обратиться и по поводу слухов о конце света, и по поводу ереси к старцам Паисию и Нилу. Архиепископ Геннадий был сторонником жестокой расправы с еретиками, но Собор 1490 года, в котором старцы Паисий и Нил приняли участие, обошелся с еретиками сравнительно мягко.

Преподобный Нил написал несколько посланий своим ученикам. В послании к брату, вопросившему его о помыслах, князю Вассиану Патрикееву, он утешает и наставляет его, недавно и поневоле простившегося с миром, постриженного в монахи. В послании другому монаху, Гурию Тушину, «О пользе», преподобный Нил отвечает на вопросы о борьбе с «блудным» и «хульным» помыслами. и о том, как отступить от мира и не сойти с истинного пути. В послании к брату, вопросившему, что полезно душе, Герману Подольному, святой Нил говорит о своем важнейшем правиле, глубже вникать в Божественные Писания. Небольшое четвертое послание к «брату с восточной стороны на пользу душе» написано преподобным в ожидании встречи, когда «пространней будет беседа обо всем и про все»; но и тут в нескольких строках святой не упускает случая отметить главные, по его мнению, дела подвижника: поучаться, читая Божественные Писания, учиться рукоделию и возлюбить безмолвие.

В 80–90-х годах XV века преподобный Нил составил, отредактировал и собственноручно переписал трехтомный «Соборник» – собрание переведенных с греческого языка житий святых. Жития расположены по дням празднования, начиная с сентября и кончая августом. Преподобный постарался создать наиболее исправный текст житий, сверяя различные их списки, в спорных случаях предлагая на полях варианты чтении и приглашая к продолжению этой работы над текстом своих читателей. Об этом он пишет в предисловии к «Соборнику»: «Божиею благодатию и с помощью Пречистой Богородицы переписал я жития святых преподобных отцов. Писал же с разных списков, стараясь найти правильный. И обнаружил много неисправностей в этих списках. И сколько возможно было моему худому разуму, я исправлял, а что невозможно было исправить, то оставлял для имеющих разум больший моего, чтобы те исправили неисправленное и дополнили недостаточное». Он просит критически относиться ко всем его сочинениям: «И не только то, что я здесь написал, но и другое, что писал и говорил, – если найдете там что-нибудь неугодное Богу и неполезное для души из-за моего неразумия и

невежества, молю поступать не так, как я пишу, а лучшим образом, благоугодным Богу и полезным для души».

Просит он читателей и помолиться о нем, чтобы и он был помилован Богом, потому что немало потрудился, составляя этот «Соборник», исполнив тем самым заповедь любить Бога и ближнего, «ибо это и есть истинная любовь к ближним – подвигнуть их совесть к любви Божией и исполнению заповедей Его». В послесловии к «Соборнику» святой Нил говорит о себе и о своей работе: «Бога Преблагого прогневал я злыми моими делами, словами и мыслями, умиления же и слез не стяжал, чтобы оплакать и смыть скверну моих грехов. Потому-то, собрав, переписал я слова и рассказы о подвигах и страданиях святых – для обличения грешной моей души, ибо не совершил я из этого хорошего ничего, – чтобы этими напоминаниями воздвигнуть омраченный мой ум из тьмы страстей и обрести плод покаяния. С разных списков писал я. И обнаружил в них несогласия в чтениях. И сколько было возможно, следуя своему разуму, вносил я исправления. А что было написано невразумительно, я, упрощая речь, делал осмысленным, – да все читающие уразумеют и пользу обретут. А если что-нибудь не исправил я от немощи и неразумия, о том прощения прошу. И молю пользующихся этими писаниями помянуть мое окаянство в молитвах своих, чтобы и я обрел милость перед Господом Богом».

В происходящей из Кирилло-Белозерского монастыря рукописи XVI века сохраняется молитва об усопших, надписанная как «Творение Нила старца». Перечень усопших начинается здесь с Адама и Евы и включает православных царей и цариц, патриархов, великих князей и княгинь, митрополитов и прочих членов церковного клира; монахов; людей, подвизавшихся за святые церкви, пострадавших за православную веру христианскую и за весь мир жизнь свою положивших; побитых на рати и умерших от ран; сожженных в городах и селах и иным способом погубленных руками безбожников; благочестивых людей, принявших смерть в междоусобных бранях, избиенных татарами и иноязычниками на путях и распутьях и от разбоя и всяческого насилия умерших; в

лесах и болотах заблудшихся и погибших; от зверей, змей и птиц пострадавших и скончавшихся, утонувших в море; уведенных в плен и осквернённых погаными; за дело и не за, дело на смерть осужденных; от голода, жажды и холода скончавшихся.

Сохранилась также молитва преподобного. Ее покаянный характер и содержание заимствованы из молитв перед причащением. Преподобный говорит о своей телесной слабости и об ожидании смерти: «Ум и тело мое изнемогли, время жизни моей оканчивается, и конец смертный приближается».

В небольшом завещании преподобный Нил обращается вновь к своим постоянным ученикам, братии одного с ним нрава, и просит их бросить его тело в лесной глуши, чтобы его съели звери и птицы, потому, что, пишет он, много грешило оно перед Богом и недостойно погребения. Если же те этого не сделают, то пусть, просит он, погребут его со всяким бесчестием, выкопав глубокую яму в самом скиту. Принадлежащий ему большой крест с камнем Страстей Господних (привезенный им, вероятно, с Балкан) и книги, которые он сам написал, преподобный Нил завещает братьям, которые станут «терпеть» на этом месте. Несколько же книг, взятых им из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря и из других мест, он просит возвратить.

Преподобный Нил покинул свою братию и отошел к возлюбленному им Господу, к словам которого он был так внимателен, 7 мая 1508 года. Ученики похоронили его под полом стоявшей посреди скита церкви Иоанна Предтечи.

Святых преподобных подвижников святая Церковь воспевает как наставников монашествующих и собеседников ангелов. С полным правом принадлежит к их лику святой преподобный Нил Сорский. А своими писаниями он являет наставника для всех людей его нрава, желающих путем изучения книги сердечной молитвой создать в своих душах благодатные мир и покой. Написаны в XVII веке слова «Повести о ските Нила Сорского» говорят: «Хотя отец наш Нил и отошел от нас телом, но духом он всегда с нами, и помогает нам в напастях всегда, и радуется, как постоянный отец, и малому

нашему исправлению, видя, как каждый из нас тщится спасти свою душу. Аминь».

Житие и бытие преподобного отца нашего Иосифа, игумена города Волоколамска [391]

Село это не из знаменитых в пределах уезда города Волока Дамского, называемое Язвище, в котором храм драгоценного Покрова Пречистой Богородицы и потому зовется оно Покровское. В нем жили родители этого преподобного. То была вотчина прадеда его, прозывавшегося Саня, который приехал из Литовской земли, и великий князь дал ему вотчину. И у Сани был сын Григорий, а у Григория был сын Иван, и этот Иван был отцом сына, о котором мы говорим. Он имел жену, любящую Бога, жившую в благоговении, и в воздержании, и в молитвах, именем Марину. И молились они о детях Богу, чтобы дал им детей для наследования роду своему. И услышал Бог молитву их: родила сына и назвали Иваном (именем отца его), о котором следует рассказ. И когда было мальчику семь лет, родители его отдали на обучение грамоте в обитель Воздвижения Драгоценного Креста Господня, старцу почтенному, по имени Арсений, по прозвищу Леженко. Этот же мальчик, не достигнув полноты возраста плотского, божественным возрос страхом, учился с разумом и всех сверстников превзошел: за один год изучил псалмы Давидовы и за второй год все Божественное Писание прошел, и во святой церкви чтец был и певец. Люди же, видя как он молод и какой совершенный разум имеет в таком возрасте, не присоединяясь к сверстникам, когда они, по обычаю детского возраста, играют, но со вниманием учась Божественному Писанию, говорили: «Кем будет этот ребенок?!» – ибо благодать Божия была на нем. И пребывал в обители Пречистой Богородицы на Возьмище[392], не уклоняясь и не избегая Божественной церкви, но прежде всех приходил на службу, также и после окончания Божественной службы после всех уходил в хижину свою. Там он пребывал в тишине и в молчании, молясь и не соблазняясь сладкой пищей и питьем вина, но со страхом Божиим исполняя церковное правило. И, размышляя о суете мира сего, говорил себе: «Что такое кратковременное, и быстропреходящее, и шаткое

существование земное, как не вместилище многих скорбей?» И знал из Божественного Писания, что некоторые святые называли суетную эту жизнь дымом, некоторые же сном, иные же тенью. Он же, зная это и видя, что жизнь такова, как святые назвали ее, был ранен сердечно и глубоко печалился, вспоминая исход жизни земной и противоположное этой жизни в будущем и нескончаемом веке воздаяние каждому по делам его, без всякой помощи от кого-либо, но только каждому по делам его. И об этом он глубоко опечалился и сбылось на нем пророческое слово: «Стрелы Твои пронзили меня» и «Поднял на меня руку Твою», и «Нет исцеления плоти моей»[393]. И пребывал в особом помещении в полной тишине, в безмолвии и в молитвах.

И вновь видит в Божественном Писании, что подобна слава мира сего пламени огненному, которое сперва горело ярко, потом превратилось в уголь, а затем в пепел, и ветер развеет его, и нигде не найдут его. И говорил себе: «Какая польза от рода моего, когда буду нисходить я в нетление?» И пришла ему мысль бежать от мира и облечься в святой иноческий образ. И вновь себе говорил: «Как начать такое великое дело, и кто меня поставит на путь этот, чтобы начать и окончить?» И об этом помышлении молился со слезами и недоумевал, откуда получить наставника и руководителя.

И увидел его, изменившегося лицом, некий отрок. Отрока же имя Борис, по прозванию Кутузов. Был же тот отрок боярского рода и, увидев изменение лица его, а более того – пребывание в целомудрии, и чистоте, и во всяком духовном порядке, возревновал ему духовной ревностью и прилепился к нему Божественной любовью. Ибо и он размышлял о суете мира сего и хотел уйти в монастырь и рассказал о своих помышлениях.

Иван же расспрашивал об обителях и о старцах, в них живущих, и узнал, что в тверских монастырях, в обители святого Саввы есть старец, именем Варсонофий, по прозванию Неумой. И, став пред Богом, помолился и дал завет никогда не нарушать слова святого старца, если что-либо прикажет ему. И быстро пришел в обитель святого Саввы и, когда пришел к игумену,

игумен послал его в трапезную, как и прочих гостей, чтобы поел. Он же вошел в трапезную и, услышав от мирян сквернословие, побежал из трапезной не евши, ибо ненавидел от младых ногтей сквернословие, и кощунство, и неуместный смех. И пришел к старцу Варсонофию и поклонился, прося у него благословения. Старец же благословил его и спросил о приходе его. Иван же вновь поклонился до земли и сказал:

– Скажи мне, отче святой, как спастись.

Желаю святого иноческого образа и пришел к святыне твоей. И скажи мне, отче, Бога ради, что мне полезно, потому что дал завет Богу, дабы то, что скажешь мне, будет мне как от Бога сказано.

Старец же, посмотрев на него и видя его юность, сказал:

– Доброго дела, чадо, желаешь, если пройдешь до конца. Но неудобно тебе в здешних монастырях жить. Но иди, Богом возлюбленное чадо, к преподобному игумену Пафнутию в Боровск, ибо слышал, о нем от многих, что живет богоугодной жизнью, во всем согласно с Богом. Там получишь желаемое.

И поучил его от Божественного Писания. Иван же, слыша Божие слово от святого старца не как от человека, но как от Бога произнесенное, поклонился до земли, прося молитв и благословения. Преподобный же старец благословил его и сказал: «Бог с тобою, чадо, и наше благословение да пребудет во веки веков». Иван же, с земли встав, быстро пошел, радуясь и веселясь духом, веруя, что не грешного желает. И когда пришел в обитель преподобного игумена Пафнутия, то начал расспрашивать о жизни его и узнал, что она такая, как старец Варсонофий сказал ему. И возрадовался с духовной радостью, что достиг спасительного пристанища.

А когда он ушел, не сказавшись, из дома своего, родители его и родственники великой скорбью были объяты, везде расспрашивая о нем, и сердца их как стрелами печаль пронзила и о нем, и о его безвестном уходе. А когда Иван пришел к преподобному игумену Пафнутию и пал к ногам его, то сказал:

– Отче святой, присоедини меня, заблудшую овцу, к святому твоему избранному стаду.

Преподобный же спросил его, кто он и откуда. Он же, лежа на земле, сказал: «Пришел, отче, к твоей святыне, хочу быть иноком». И поведал ему все о себе. И увидел преподобный, что он юн возрастом, и, желая немного узнать о нем, спросил, от нужды ли какой или от опасности и скорби идет в иноки. И понял из ответа, что он велик разумом, хотя и юн возрастом, как сказал Экклезиаст: «Мудрость – вот седина человека и жизнь чистая – мера старости его»[394]. Преподобный увидел в нем это, ибо сподобился от Бога дара прозорливости, и любовно приветствовал его, и благословил. И, видя благую волю и усердие в полном разуме, постриг его и облек в святой иноческий образ. И нарек ему имя Иосиф, в год 1459 (1460), в день памяти отца нашего Мартиниана.

И взял его к себе в келью, и учил, и наставлял иноческой жизни. Он же, как земля добрая и плодоносная, все посеянное сторицею отдавал. Так старец словом учил и наставлял, он же делом все исполнял. Более же всего во всем имел послушание без рассуждения и повиновение, и простоту. И сказанное старцем как от Бога принимал и через короткое время стал иноком опытным.

И пришла ему мысль, что отец остался в старости и в тяжелой болезни, как и мать. И сказал об этом преподобному игумену Пафнутию. И посмотрел на него преподобный и увидел его великое к Богу усердие и сильный, и непоколебимый ум, которому не опасна материнская любовь, в то время как малосильным, особенно же юным, свойственно от материнской любви в забвение приходить. И повелел ему о них заботиться из-за их старости и немощи, отца же велел в монастырь к себе взять.

Иосиф же, по повелению преподобного взяв отца к себе, к матери послал грамоту. И когда принесли матери грамоту, она прочла со слезами, сказав: «Чадо мое возлюбленное, сделаю то, что ты повелел». И постриглась во обители святого Власия на Волоке, и нарекли ей имя Мария. И, услышав про пострижение матери, Иосиф воздал славу Богу, взял же и отца своего к себе в келью и одел его во святой иноческий образ, и дал ему имя Иоанникий, и во всем нужду его исполнял, и

кормил своими руками, ибо был он в великой болезни, ослабел руками и ногами. Иосиф же во всем был ему и старец, и учитель, и слуга, и опора и, утешая от уныния, читал божественные писания. Отец же, видя своего сына в таких о нем заботах и трудах, слезами обливался и говорил: «Чем тебе воздам, чадо? Бог, тебе воздаст мзду за труды твои: не я тебе отец, но ты мне отец и в телесных делах, и в духовных». И явилось Божией любви исполнение: сын трудился, а отец слезами и молитвою помогал. И так прожил лет 15, отцу служа и старцева слова не нарушая ни в чем. Когда же отпустил отца своего с миром к Богу, сам по-прежнему пребывал в послушании у преподобного. Когда же однажды он был уставщиком, преподобный игумен Пафнутий предсказал о нем: «Этот после нас свой монастырь поставит, не меньше нашего». Иосиф же этого не слышал.

И пробыл Иосиф у преподобного игумена Пафнутия в повиновении и в послушании лет 18. Когда же узнал преподобный игумен Пафнутий об отшествии своем ко Господу, призвал священников и братию и сказал им: «Ко мне старость приблизилась и болезнь настигла меня, и ни о чем ином возвещают мне, но о смерти и страшном Спасителеве суде. Вам же говорю – изберите себе игумена из этой обители». Они же со слезами сказали: «Ты – наш пастырь, и отец, и учитель, к тебе пришли, и ныне будет воля твоя». Он же отпустил их. И призвал к себе старца Иосифа, принуждал его занять свое место после ухода ко Господу. И это услышав, Иосиф со слезами отвечал: «Довольно с меня, отче и господин, о своей душе заботиться, ты же налагаешь на меня груз неподъемный, выше моих сил». Преподобный же игумен Пафнутий сказал об этом всей братии и повелел им после своего ухода ко Господу у державного государя просить старца Иосифа на игуменство. Братья же, все это услышав от преподобного, поклонились старцу Иосифу, говоря: «Будь нам, господин, на месте отца нашего преподобного игумена Пафнутия».

Преподобный же тяжело изнемогал, и некоторые из достойных старцев вопросили его, говоря: «Как тебя, отче, Бог сохраняет?» И отвечал преподобный, и сказал: «Четверг

покажет, увидите, что Бог хочет». И когда пришел четверг, в последний, пятый час предал дух Господу, ушел туда, где праведные почивают. Старец Иосиф об уходе преподобного горько заплакал, также и все братья велким плачем заплакали, говоря: «Почему мы, отче и господин, раньше тебя из этой жизни не ушли!» И так они плакали, и проводили его, и положили у южных ворот справа, в пятницу в первый час дня. Мирян же ни одного человека тогда не было, только один священник, именем Никита, духовник князя Андрея Меньшого.

И возвестили великому князю Ивану Васильевичу, что Пафнутий отошел ко Господу. Он же весьма опечалился о кончине такого великого преподобного старца и спросил, не благословил ли тот кого на свое место, на игуменство. И отвечали ему старцы: «Как повелит держава твоя, православный царь, а отец наш велел у тебя, православного государя всея Руси, просить на игуменство старца Иосифа». И это слышав, православный царь воздал хвалу преподобному, что избрал такого старца, ибо знал его по добродетельной жизни. И повелел воле их быть по приказу преподобного. И когда пришел старец Иосиф к державному, принял его державный с великой любовью и угостил и сказал ему:

– Слышал, что старец Пафнутий избрал тебя на свое место, на игуменство, ты же не ослушайся и нашего слова. И отвечал ему Иосиф старец: – Да будет Божия воля и твоя, царя православного всея Руси.

И отвели его к преосвященному Геронтию, митрополиту всея Руси. И когда митрополит поставил его в священники и благословил на игуменство, на место старца его, преподобного игумена Пафнутия, в Боровск, православный царь всея Руси, князь великий Иван Васильевич отпустил его с великой честью. И когда пришел к обители преподобного Пафнутия, и услышали братия, и воздали ему честь по обычаю, подобающую для почитания начальника: все, от мала и до велика, с радостью навстречу ему шли.

И когда пришел игумен Иосиф во святую Божию церковь, начал учить братию по Божественному Писанию, как о душах своих заботиться, иметь ко всем любовь нелицемерную,

воздержание и смиренную мудрость, и память о смерти, и чего ради ушли из мира, оставив то, что в мире, и о том, какое нам воздаяние от Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа уготовано любящим Его – какого и глаз не видел, и ухо не слыхало, и сердце человеческое не угадает, также и о муке, не имеющей конца, ожидающей нерадивых и не заботящихся о своем спасении.

Братья же, точно от сна, от великой скорби по преподобном игумене Пафнутий проснулись благодаря поучению игумена Иосифа и к радости духовной от печали обратились и сказали себе: «Благодарим Господа и преподобного игумена Пафнутия, отца нашего, что и ныне не оставил нас и молит о нас Господа Бога Вседержителя и свою обитель блюдет и пасет». И стали игумена Иосифа иметь, как преподобного игумена Пафнутия, во всем волю его творя. И все были в повиновении и в послушании без рассуждения. И через некоторое время захотел Иосиф, чтобы единство было и общее для всех, своего же не имели ничего, они же ему согласия отнюдь не дали[395].

Иосиф же им о том ничего не сказал, видя их несогласие, начал молиться Господу Богу и Пречистой Его Богоматери, обещая, чтобы все было общим и ничего своего не имелось, как когда-то у апостолов, ничего не имевших, и чтобы все нужное находилось у эконома, и еда, и питье, как было при основателе общежития преподобного Феодосия[396], а после него при великом Афанасии Афонском[397]. И, об этом молясь, говорил: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, если это помышление мне от Твоей благодати, дай мне, Господи, помощников». И так он молился и вопрошал, помышление же нимало не уходило и неотступно пребывало. Иосиф же, увидя старца сильной жизни, пребывающего в посте и в молитвах, а более того в безмолвии, призвал его и собщил ему помышление свое. Старцу же имя Герасим, прозываемый Черный. И отвечал ему старец Герасим: «От Бога тебе, отче, помышление это, – дерзай – и я с тобою». И присоединились к их согласию иные старцы: брат Иосифов Акакий и Кассиан, прозываемый Босой, и другой брат Вассиан, который был архиепископом в Ростове, и иные почтенные старцы, и было семь их. И советовали Иосифу начать Божие

дело с того, чтобы идти Иосифу во все русские монастыри, выбирая в них то, что на пользу. Игумен же Иосиф возлюбил совет их, и, забрал себе старцем Герасима, и отдался ему в ученики, и вышел тайно из монастыря, так что никто не знал об этом, только его советники. И в который монастырь приходил Иосиф, представлялся простым, как необразованный простец, и ходил в низших служках, то в хлебне, то в поварне, то в других, еще меньших службах. И так они ходили по многим монастырям и пришли в Кириллов монастырь на Белоозере. Был же тот монастырь не названием общий, но делом, со службой кроткой и с молчаливым вниманием Божественной службе, и каждый из братии стоял на своем месте, которое было дано ему от игумена, и на иное место не смел перейти. В трапезной же сидели благоговейно, и благочинно, и кротко, и безмолвно, внимательно слушая Божественное чтение. Были же и в трапезной всем равные еда и питье, и все с благословением. По кельям же ели только из-за большой нужды или по болезни и старости, а так никто не ел. И из одежды и обуви никто ничего своего не имел, но всем все было общее. Видя же эту чудесную жизнь, игумен Иосиф, советуясь во всем со старцем Герасимом, святого чудотворца Кирилла похвалял и ублажал, и, за все воздавая славу Господу Богу и Пречистой Его Матери, святого чудотворца Кирилла уставу дивился и восхвалял его.И вновь пошли в тверские монастыри, в те времена еще было в Твери свое великое княжение[398]. И пришли в обитель святого преподобного Саввы, – было же и в той обители благоговение и благочиние великие. Иосиф же вновь притворился простым монахом. О милостивый Христос, Бог наш, как не удивимся Твоему промыслу: он скрывался, Ты же его, как светило на подсвечнике поставил и зримо всем явил! Со всенощной разошлись крилошане по своему обычаю отдохнуть в час чтения. Была же книга на аналое, а чтеца не было. Игумен же, глядя туда и сюда, от стыда не мог ничего сказать. Старец Герасим сказал Иосифу, «Встань и читай». Иосиф, делая знак рукой, об обете напомнил. Старец же вновь сказал: «Встань и читай». Взял же Иосиф книгу и начал читать, словно новичок, впервые видящий азбуку. И сказал ему Герасим: «Читай, как

умеешь». Это же сказал ему с яростью, желая будто бы и ударить. Иосиф же, не став спорить, начал читать. Были же у Иосифа язык чистый, и глаза быстрые, и в голосе сладость, и в чтении умиление, достойные удивления великого, ибо никто в те времена нигде таким не был. Игумен же, видя это, словно удивился и решил послать к великому князю, чтобы тот такого умельца не велел из своей вотчины выпускать. Иосиф же, узнав об этом помышлении игумена, сказал старцу Герасиму: «Не будем медлить нимало, да не пойманы будем». И скоротеком бежали за границу. И услышал это князь великий и заботливо прислал посланника и повелел их задержать. Посланный же быстро пригнал, но не нашел их, возвратясь ни с чем.

Когда Иосиф ходил по монастырям, братья много о нем скорбели. Из-за внезапного ухода его разгорелся большой мятеж: одни говорили, что его убили, другие же иначе, и все братья от скорби засомневались. И возвестили об этом великому князю всея Руси Ивану Васильевичу. И услышав это, державный весьма оскорбился и сказал: «Или я чем оскорбил его?» И повелел старцам о нем расспрашивать и, когда найдут его, чтобы сообщили ему. Они же искали и спрашивали по монастырям и ничего не добились, остались безуспешны, потому что был он скрыт Божиим промыслом. И вновь возвестили державному и просили игумена. И отвечал им: «Нет вам игумена, кроме Иосифа. Узнайте, жив ли или умер, и вновь возвестите мне». Они же ушли, оскорбившись, и один из них дерзнул оскорбительно сказать: «Или убили, или где-то бродит, а нам скорби». И, придя на подворье, повредился умом и пребывал в сумасшествии, пока не пришел игумен Иосиф.

И когда пришел Иосиф в монастырь, братья радостью великой обрадовались, от радости все прослезились, упав на землю, поклонились и не знали, о чем спросить, только от радости слезы роняли. Оскорбивший же его инок, упав к ногам, прощения просил. Он же простил и благословил, и вновь тот здоров стал, словно ни от чего не страдал.

Игумен же Иосиф, немногое время побыв в монастыре, не мог терпеть от помышления, ибо возгорелось сердце его огнем Святого Духа. И взял советников своих, и тайно от всех ушел в

лес города Волоколамска. И поселился в пустыни в год 1478. Владетелем был тогда на Волоке князь Борис Васильевич. И узнал, что пришел игумен Иосиф в лес его вотчины, и возрадовался от всей души, ибо давно его хотел видеть у себя. И вскоре сам пришел к нему и поклонился до земли, сказав ему: «Всем, что нужно, я тебе помогу, только молю твою святыню – облюбуй себе место в моей вотчине где хочешь». И дал ему зверолова и приказал показывать ему пути, которые знает. Иосиф же послал его и приказал место искать, которое будет угодно, и когда найдет приказанное, да возвестит ему. И когда пошел ловец тот в лес, внезапно встал перед ним вихрь страшный, даже лес ломающий. Зверолов же был в великом страхе из-за внезапного вихря и спрятался. Когда же перестал' вихрь, он пошел по тому месту, где был вихрь. И когда стоял на том месте, где ныне обитель стоит, внезапно блеснула молния, затмив солнечный свет, воздух же был чист и солнце сияло. И был человек тот словно не в своем уме, и страх напал на него, и никому не рассказал об этом, только про себя удивлялся. И когда игумен Иосиф пришел на то место и полюбил его весьма, то он многим начал рассказывать, как блеснула молния ярче солнечных лучей. И послал Иосиф к святителю, чтобы благословил церковь и антиминс[399]. И когда благословил святитель их, то прислал антиминс. И на память преподобного Иллариона Далматского и преподобного отца Виссариона заложили церковь во имя Пречистой Богородицы, драгоценного Ее Успения[400]. И, узнав об этом, князь Борис Васильевич пришел со всеми боярами и со многими благородными слугами. Сам князь прежде всех с игуменом Иосифом взяли бревно на плечи и положили в основание. И увидели это князья, и бояре, и благородные слуги, все от велика и до мала возрадовались духовной радостью, что князь так Бога ради трудится. И все они ради Бога стали как земледельцы и носили бревна. И вскоре церковь была построена и освящена в том же году 15 августа в день памяти Пречистой Богородицы, драгоценного Ее Успения.И стали устраивать кельи. И братья множились: одни постригались, другие же приходили. И многие князья и бояре приходили к игумену Иосифу на покаяние, некоторые же

постригались и, не достигнув взрослых лет, в юности и без рассуждения отдавали себя на послушание, и повиновение полное, и на труды и воздержание.

Преподобный же игумен Иосиф днем с братией трудился, ставя кельи, а ночью в молитвах пребывал и не давал себе никакого отдыха. И, услышав это, что Иосиф с братьями в великих трудах пребывает, князь Борис Васильевич начал часто ездить в обитель Пречистой Богородицы, привозил с собой еду и питье, и облегчал жизнь братии, ибо во всем еще в обители была нехватка, не только в масле, но и хлеба не хватало. Было же явлено Божией любви исполнение: князь хотел даровать братии еду сладкую в облегчение от великих трудов, они же стояли за воздержание ради Бога и питались хлебом и простыми злаками. И князь, видя, что не заботятся о масле, дивился их воздержанию и трудам.

Игумен же Иосиф, видя собравшееся во Христе стадо в таком воздержании и трудах, славя Бога и Пречистую Его Богоматерь, радовался духом. Ибо еще не было у них жесткого устава, но они по своей воле жили так, как он вначале обещался. Вначале ведь было обещание преподобного никому ничего своего не иметь, но все общее, и в еде, и в питье всем равно, так же и в одежде, и в обуви, и по кельям ни есть, ни пить, кроме болезни или старости, так же и хмельного питья не держать.

И в год 1484 основал преподобный церковь каменную. В год 1486 построили ее и расписали искусные живописцы русской земли: Дионисий и его дети, Владимир и Феодосии[401], и старец Паисий, и с ними два родственника Иосифа – старец Досифей и старец Вассиан, который потом стал епископом Коломенским.

И видел игумен Иосиф братию во Христе умножающуюся, и в любви общей пребывающую, в воздержании, и труде, и молитве. И каждый из них заботился о спасении души своей, вспоминая во всякий час, зачем ушли от мира, и исход души своей, говоря себе: «Век мой оканчивается, и страшный престол готовится. Суд меня ждет, грозя мне огненным мучением и пламенем неугасимым». И говорили: «О Христос, Царь Святой, нас ради кровь Свою пролил, вытерпел смерть на кресте и рану

в ребрах! Мы же, грешные, что сотворим или что воздадим Твоему человеколюбию? Каково же еще о нас попечение Твое, что не пощадил Себя ради создания Своего?» И так они мыслили, и так жили, и молитва Иисусова беспрестанно из уст исходила, и к каждой службе к началу спешили. И видели, как эти чудные Христовы страдальцы своей волей сами себя мучили: ночью на молитве стояли, а днем на дело спешили, друг с другом состязаясь. Не как земледельцы-наемники, которых понукают работать, не так, но обгоняя друг друга. И когда кто-нибудь из них на работе поднимал тяжесть, другие запрещали ему, а сами подымали вдвое, заботясь о том, чтобы больше других трудиться. Работа же их шла по наставлению и учению Иосифову – с молчанием и с молитвой, и не было среди них никакого празднословия. Какому же и быть среди них празднословию, когда друг другу в лицо никогда не глядели? Слезы же из глаз их исходили, не из-за людей, но от ежечасного размышления о смерти, как душа от тела разлучается и как отходит, – образы эти о покаянии напоминают и слезы вызывают. Все были в обуви из лыка и заплатанных одеждах: из вельмож кто, из князей или из бояр, – на всех равная одежда и обувь, ветхие и со многими заплатами. Сам же преподобный так же ходил. Никто не смог бы отличить его среди братии, он был как один из нищих и таким оставался до кончины своей. Келейное же правило у добровольных тех Христовых страдальцев было у каждого по силе, но у всех – с благословения и по совету отца Иосифа. И от великого усердия к Богу один панцирь носил на голом теле под свиткою, а другой – железа тяжелые. И поклоны клали один – тысячу, другой – две тысячи, а третий три, а иной, только сидя, сон вкушал. Так же и во всех службах трудились – сколько кто может – все с благословением и советом отца Иосифа. И поведал мне один из почтенных старцев, от начала тут живущих, говоря: «Истину говорю тебе, еще была трапезная деревянная[402] и, церкви теплой не было, и у обедни стояли эти ревностные Христовы страдальцы в одной ризе, шубы же не было ни у кого. И была однажды зима очень студеная и морозная, так что птицы мерзли, – они же так же стояли, как и летом, и каждый

вспоминал о бесконечном огне адском, так и терпели до конца Божественной литургии». На службе стоял каждый на своем месте, которое было дано игуменом с молчанием, с молитвою. К службе же ко всякой спешили к началу. В трапезной же сидели кротко и молча, внимая Божественному чтению. Еда же и питье перед всеми стояли одинаковые, как перед игуменом, так и перед всеми братьями. И, встав от трапезы, шли с молчанием в кельи свои. Ведь был и надзиратель над ними: если кого видел говорящим или смеющимся бесчинно, посылал того в келью.Некоторые же, непокорностью и непослушанием одержимые, своеволию подчинившиеся и гордостью побежденные, отступали, как когда-то от самого Господа нашего Иисуса Христа уходили, говоря: «Жестоко слово Его, кто может его исполнить?» Так и здесь – оскорбляли преподобного отца, уходили из монастыря и говорили: «Жестока такая жизнь, в нынешнем поколении кто может такую вынести». Отходили с ропотом, укоряя и понося. Отец же о них молился, говоря: «Не вмени, Господи, в грех слово их». И так жил с единонравными.

И был некий инок из простолюдинов, именем Виссарион. И братия, видя его внешнюю простоту, назвали его Селафоном, ибо прост был внешне, внутри же от рождения имел чистоту и целомудрие. Еще когда он был новичком, на заутрени в великую субботу по обычаю православной веры, отец Иосиф со священниками и с дьяконами несли плащаницу. И этот инок видит на плащанице над головою отца Иосифа голубя белого и говорит себе: «На что это Иосиф в церкви голубя держит?» И никто иной из братии этого не видел. И вокруг него братия стояла и смотрела на него и говорили: «Удивляется чернец этот, что мы этого не видим». Он же не смел с ними разговаривать, ибо был новичком. И когда вышли со службы и спросили его: «Что ты говорил, когда плащаницу несли?» Отвечал им он: «Или вы этого не видели, что голуби в церкви – над головой Иосифа сел голубок бел». Они же рассказали об этом Иосифу. Призвал их его отец Иосиф и приказал ему никому этого не рассказывать. Сам же Иосиф радовался духом в надежде, что не оставит Бог места этого. Инок же пребывал в молчании и послушании у отца Иосифа. И однажды он видел умирающего

брата и душу его видел – белую как снег, исходящую из уст его. Когда же сам впал в болезнь, повелел на камне сделать надпись и на своем гробе положить: того месяца в девятое число[403]. И положил на себя святую схиму[404], и причастился Божественных Тайн, и в девятое число того месяца отошел ко Господу.

И видел это отец Иосиф – во Христе собранное свое стадо, живущее так, как вначале он обещался Пречистой. Радовался духом и обо всем нужном заботился, ибо еще сел не имели. Князь же Борис Васильевич часто ездил ко всенощной и видел, что братия умножается и пребывает в великах трудах, и очень удивлялся их жизни и великому воздержанию. И, видя скудость и недостаток во всем, дал монастырю Пречистой село Отчищево, а княгиня его Ульяна дала село Успенское[405].

И однажды мать преподобного отца Иосифа захотела его видеть, ибо от пострига не видела его. И пришла, остановившись в двух верстах от обители. И, узнав об этом, отец Иосиф очень возмутился и повелел ей возвратиться в келью свою. «Меня, – сказал он, – не увидишь в здешней жизни и молись обо мне, чтобы Господь Бог сподобил нас в том веке, где преподобные отдыхают, видеться, если Бог захочет». Она же возвратилась в келью свою, плача и говоря: «Здесь не привелось мне любимого сына увидеть – Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, дай мне сына моего увидеть в радости святых, где праведные почивают». И так она молилась, ибо была уже стара и больна. Пришел сын ее Елизар посетить ее, она же начала просить о пострижении в мантию. И сказал сын: «На что тебе, госпожа, мантия – разве ты недомогаешь?» Она же отвечала: «Пришли за мной Мария Магдалина, и Мария Иаковлева, и Мария Египетская, не видишь ли этого? Все стоят около меня». И сказала: «Уже, Мария, госпожа, иду с вами». И начала подыматься, словно желая подняться, и обнял ее сын, стремясь помочь. Она же предала дух свой Господу и ушла с Мариями, открыв тайну, что ушла в жизнь вечную. И услышав это, преподобный воздал славу Богу и добавил к слезам слезы и к трудам труды, ночью в молитвах пребывая, а днем с братией кельи ставя.

И однажды поздно вечером ходил тайно по кельям и где слышал после повечерия беседу братии, ударял по окну, являя приход свой, и вновь отходил. И когда он так ходил, увидел человека, крадущего жито (сначала еще у Водяных ворот житницы стояли со всяким житом). И подошел молча, и тот человек увидел его и хотел бежать. Иосиф, помахав рукою, велел ему не бояться и насыпал сосуд, и поднял на плечи ему, и приказал не красть более. «И в чем у тебя, – сказал он, – недостаток, скажи мне, я тебе восполню». Так же приказал ему никому об этом не рассказывать. И много времени спустя человек тот не мог вытерпеть и рассказал это многим. И в те времена в таком покое жили братья, что не было у них замков у келий, и, когда стирали свитки или иное что, там, на реке, и вешали. Иногда и через день, и спустя ночь никто не смел прикоснуться.

И когда умер благородный и милостивый, христолюбивый и нищелюбивый князь Борис Васильевич, осталось у него два сына: князь Феодор да князь Иван, которые видели, какую веру держал отец их у обители Пречистой и к игумену Иосифу. Они же более отца своего держали заботу великую об игумене Иосифе и, часто приезжая в обитель Пречистой, снабжали братию. Был же князь Иван сын крестный отцу Иосифу, который воспринял его от святой купели.И вскоре после отца своего разболелся князь Иван Борисович. Когда изнемог, повелел себя отнести в обитель Пречистой Богородицы к отцу своему крестному, игумену Иосифу. И, услышав это, князья и бояре учинили между собой договор, чтобы князю не дать воли и не вести его в обитель Пречистой к отцу Иосифу. И возвестили об этом державному, великому князю всей Руси Ивану Васильевичу, спрашивая, как он повелит. И державный повелел волю его исполнить, только приказал, чтобы, если захочет принять иноческий образ, ни в коем случае этого не допускали. И игумену Иосифу запретил это царским своим повелением, ибо князь еще юн. Князья же и бояре были в великой скорби и все заплакали плачем великим. Ибо все за него хотели умереть, чтобы он был здоров, любим ведь был он всеми, от мала до велика. Как ведь его и не любить: всем был всем – и государь, и

правитель, больным – посещение и скорбным – утешение, нагим – одеяние, старым – честь и молодым – приветствие.

И когда привезли его в обитель Пречистой Богородицы, отнесли в келью, изнемог весьма и начал отходить…

И пришел игумен Иосиф и, видя князя бездыханна, спросил: «Покаялся ли и причастился ли?» И отвечали ему все: «Ни покаялся, ни причастился». И об этом Иосиф весьма огорчился, с сокрушением слезы проливал, ибо князь был ему, как и раньше я сказал, как сын крестный. И выслал всех вон, оставив одного старца Кассиана, прозываемого Босой. И помолился Господу Богу и Пречистой Его Богоматери. И вдруг князь словно от сна проснулся, откинул одеяло и начал звать громким голосом отца Иосифа, просить исповеди. Услышав же голос его, князья и бояре от скорби сразу к радости перешли. И сказал им Иосиф: «Почему же вы смущались? Князь немного задремал. Смотрите, он жив». Они же удивлены были: ибо видели, как он умер, и вновь видят его – живым. Воздали славу Богу все и начали хвалу воздавать Иосифу: «Молитвой, – говорят, – твоей князь оживлен».

Он же повелел им этого не говорить, и исповедал князя, и дал ему Святых причаститься Животворящих Христовых Тайн. И князь тоже воздал славу Богу и Пречистой Его Богоматери и радостью духовной возрадовался…

И первый источник зла, враг и ненавистник рода христианского привел иудея Схарию в Новгород. И после ученики его возмутили весь город иудейством. Было же это зло при архиепископе Геннадии[406].

И возвестил архиепископ об этом зле игумену Иосифу и просил помощи. «Чтобы, – сказал он, – злая эта ересь не умножилась среди неразумных людей». И это слышав, отец Иосиф глубоко опечалился. И, весьма ревнуя о православной вере во всю жизнь свою, хоть телом и отдален был от архиепископа, а духом едино с ним готов был за православную веру страдать, не только через поучение и писание, но и на муки приготовился себя отдать за православную Христову веру. И начал отец Иосиф и поучением, и писанием помогать архиепископу. И о том весьма заботился, чтобы не вошло это

еретическое злое учение в неразумных людей из царского окружения, не знающих Божественных правил. Ибо ведал отец Иосиф из Божественных Писаний, как от неразумных людей, от вельмож царских и православные цари через еретическое учение в погибель пошли, и многие царства через еретические учения отступили от православной христианской веры. И об этом показано явно в его сочинении против новгородских еретиков[407].

И архиепископ Геннадий сообщил о злом умысле еретическом державному самодержцу, государю, великому князю всей Руси Ивану Васильевичу, ибо была посеяна злая и скверная ересь во многих неразумных людей: в архимандритов, и в протопопов, и в дьяков царского дворца. И державный царь всей Руси повелел быть собору: преосвященному митрополиту, и архиепископу, и епископам, и архимандритам, и почтенным игуменам, старцам почтенным. И когда созван был собор, державный послал на собор сына своего великого князя Василия, который в то время был назначен в Великий Новгород. И был тот суд первый из Новгорода. И вопросили еретиков, они же произнесли ненавистную Богу, скверную и пагубную для душ ересь. И, слышав это, преосвященный Зосима, митрополит всей Руси, и архиепископы, и епископы, и весь священный собор, с ними же и благородные многие бояре и князья из дворца державного, – за Святую Троицу поборники, духовным вооруженные мечом святых отцов, которые на семи соборах утвердили православную христианскую веру, быстро посекли и посрамили богоборцев-еретиков, и скверные их учения иудейские раздавлены были. Окаянные же и безбожные ученики Схарии-иудея стали как мертвые рыбы безгласными…

Православные же поборники за Святую Троицу очистили православную веру христианскую более солнца и великою радостью обрадовались. И державный Святым Духом и царской властью был подвигнут: как лев возгласил и повелел иным еретикам языки отрезать, иных огню предавать, а иных повелел казнить в Новгороде. И, это видев, безбожные еретики устрашились мук. И некоторые из них начали каяться лживо из страха, а неискренним своим и злым коварством умоляли

князей, бояр и старцев почтенных, чтобы их отпустили на покаяние. И некоторые из епископов тоже решились просить дать им возможность покаяться[408]. И когда пришли к великому князю всей Руси Василию Ивановичу и начали просить отпустить их на покаяние, что же державный? Исполнился Духа Святого и отвечал им с яростью, сказав: «Владыки, печалитесь о волках христианской веры! Когда волки овец съедят, а сами разбегутся, как тогда волков поймаете?» Они же, слышав это от державного, ушли с пустыми руками. Игумен же Иосиф, отец наш, непрестанно посылал к державному писания, чтобы их покаянию не верил. «Такое, – говорил он, – лживое покаяние в древности многие царства погубило». И приказано было им в темницах пребывать безысходно. И, узнав это, владыки, и старцы, и все, кто о еретиках печаловался, начали Иосифа многими хулами и поношениями укорять, говоря: «Иосиф не велит кающихся на покаяние принимать!» И многое другое в укоризну говорили, что не стоит бумаге предавать.

И в то же время игумену Иосифу сказал некий живописец, по имени Феодосии, сын живописца Дионисия Мудрого, о чуде славном. Некто из тех еретиков покаялся, и поверили его покаянию, даже и в священники его поставили. И в некий день, отслужив литургию, пришел в дом свой с потиром в руке своей. Печь тогда горела, и, вылив из потира в печь, ушел. А сожительница его варила еду и увидела в печи, в огне отрока юного, и голос его услыхала: «Ты Меня здесь огню предал, а Я тебя предам вечному огню». И вдруг раскрылся верх избы, и прилетели две птицы большие, и взяли отрока, и полетели на небо. А верх стал, как и прежде. И женщина, видя это, пришла в великий страх, и ужас охватил ее, и рассказала это близ живущим соседям. И, слышав это, отец игумен Иосиф еще более стал писать, повелевая державному, чтобы не верил еретическому лживому покаянию. Державный же всей Руси государь, князь великий Василий Иванович повелел еретиков всех в темницу сажать без освобождения до конца жизни их. И, слышав это, отец игумен Иосиф воздал славу Богу Отцу, и Сыну, и Святому Духу.

Однажды же было Божие наказание, вернее же – милость, ибо Ему свойственно, праведных любя, а грешных милуя, своим промыслом приводить к покаянию: был голод сильный у малоимущих. Многие и дома свои оставили, и разошлись в разные города, а многие иные пришли к врагам монастыря отца

Иосифа: мужчины и женщины от голода кричали. Привратники же монастыря поведали преподобному, он же призвал к себе келаря и повелел их кормить. Было же их семь тысяч, кроме малых детей. Он же повелел детей малых брать в гостиницу и велел их кормить – было же их по пятидесяти и больше. Некоторые же были очень малы, даже и двух с половиной лет. И вскоре пришел келарь к отцу Иосифу, сказал, что ржи нет. «И братьев, – сказал, – нечем кормить». Он же призвал казначея и велел ему ржи купить. Казначей же сказал, что нет денег. Преподобный же отец Иосиф повелел занять денег и дать расписку, и рожь купить, и голодных кормить. Был же с самого начала, как пришел на это место, приказ келарю и казначею, чтобы никто не ушел из монастыря, не поев, хотя бы и из окрестных деревень. И, видев это, некоторые из братии начали роптать, говоря: «Как столько народа прокормить, покупая еду? Безрассудная такая милость: нас переморит, а их не прокормит».

В то время в трапезной братьям калачей и квасу медового никогда не было. Если же христолюбец некий и кормил братьев, калачей и квасу медового не бывало, только хлебом и рыбой, и квасом житным. И в обычные дни ели семена и пили воду. Некоторые же не могли терпеть и приходили к отцу Иосифу и говорили: «Не могу терпеть». Это же слышав, отец говорил: «Писано, братья, в Божественном Писании, что всякому, любящему Бога и чающему воздаяния будущих благ, подобает с радующимися радоваться и с плачущими плакать. И ныне, братья, пришло посещение Божие, вернее же – милость, приводящая к покаянию заблудших. Смотрите, сколько народа не разнообразной еды желают, а лишь куска хлеба, чтобы немного облегчить свой голод, и ради этого оставили дома свои и скитаются по чужим сторонам с женами и с детьми. Мы же обещались всякую скорбь терпеть Царства ради Небесного, а в

этом ныне являемся нетерпеливыми. И ныне молю вас об этом: потерпим немного и в чем согрешили, покаемся, и Бог не оставит нас». И братья, слышав это, восприняли не как от человека, но как от Бога. И каждый из них, придя в келью, со слезами припадал, молясь, ко Господу Богу и Пречистой Его Богоматери, чтобы укротил Бог гнев Свой и призрел нищих и алчущих. Сам же преподобный, видя такую скорбь, что невозможно было терпеть ее, также молился со слезами, чтобы Создатель не оставил создания Своего и показал милость Свою.

И внезапно приехал в обитель Пречистой державный и милостивый всей Руси царь, князь великий Василий Иванович с великой любовью и верой. И братьям привез много царских снедей своих, с собою привезенных, ибо изнемогли весьма братья от великой нужды, и узнал державный, что Иосиф кормит столько народа, беря взаймы деньги и покупая. И быстро повелел из села своего привезти, сколько нужно, ржи и овса, и сказал отцу Иосифу: «Если этого не хватит, вели брать из села моего, сколько тебе нужно». И узнали князья удельные: князь Юрий Иванович прислал великую милостыню и приказал, чтобы не переставал Иосиф кормить нищих, также и князь Дмитрий, и князь Семен Иванович, помогая, так же приказали. И другие христолюбцы многие отовсюду помогали. Один же христолюбец, живший в Пскове и услышавший это, поспешно прислал 30 рублей и, недолго еще пожив в миру, постригся во святой той обители и в иноках наречен был Арсений (а по прозванию Терпигорев). И Божией милостью и Пречистой Его Богоматери было всего в изобилии. Наступила же осень и, Божьей милостью, изобилие во всем. И голодные разошлись в свои земли и в своих домах поселились, благодаря Бога и отца Иосифа. Преподобный же воздал славу Богу Отцу, и Сыну, и Святому Духу и повелел в трапезной ставить еду, как и прежде.

И, видев это, братья благодарили преподобного отца Иосифа, что укрепил их малодушие. И потому не смели против него что-либо говорить, но во всем повиновались, трепеща перед его словами, не смея ни в чем их преступить. И так,

Божией милостью и Пречистой Его Богоматери, все во Христе братья в тишине молились и без напастей пребывали.

Было же с самого начала, как пришел отец Иосиф, заведено: ближние окрестные земледельцы, если кто сломает орудие пахотное, косу или еще что, приходили к преподобному и получали цену сломанного; или, если у кого украдут лошадь или корову дойную, тот со скорбью своей приходил к отцу, говоря о скорби своей, он же им платил цену их. И однажды я спросил человека, земледельца, прозываемого Жук, много лет здесь живущего: «Какими были эти места до прихода Иосифова?» Он же отвечал, что были здесь большие леса, и сказал мне и вот что: «Слышал я с отцом своим до прихода Иосифова за год в лесу звон, как к заутрене и как к обедне, и решили, это услышав, что некто церковь поставил. И мы с отцом ходили и искали не раз, целый день ходили и чуть сами не заблудились. И вновь утром по-прежнему слышали звон к заутрене и к обедне, и потому не смели искать, решив, что нам почудилось. Мы же спрашивали соседей, вокруг нас живущих, и они то же поведали, а сами не знали, откуда звон тот».

О князе Юрии

Первый источник зла, злодей, враг, противник Бога и ненавистник всякого добра, видев державного царя и государя, великого князя всея Руси Василия Ивановича с своими братьями в мире, позавидовал этому. И возбудил через наветы злых людей и через мнительность у державного великого князя всей Руси Василия Ивановича вражду к брату его, князю Юрию Ивановичу, и захотел его заточить. И, узнав это, князь Юрий поспешно пришел в обитель Пречистой и, придя к игумену Иосифу, поклонился ему до земли и сказал:

– Господин, отец, скажи мне, что мне делать? Дошел до меня слух, что хочет меня князь великий заточить. А я, отче, истинно говорю тебе, как стоя перед Богом, – не вижу вины своей перёд ним, Бог свидетель, что понаговору злых людей и от мнительности хочет меня погубить, а не по истине.

И так говорил он, а слезы из глаз его текли. И сказал: – Ныне, отче, пришел я к твоей святыне сообщить об этом и, как отцу моему родному, всю печаль и скорбь возлагаю на тебя,

перед Богом, и душу и тело. Что ты мне велишь, то мне сказано от Бога, потому что, отче, я могу против него обороняться ради правды, по договору между нами и благословению отца моего, но страшусь Бога Вседержителя: много крови прольется между нами, и советуют мне люди отступить подальше. И ты, господин, отче, как повелишь?

И, это слышав от князя, отец Иосиф прослезился и сказал: – Я тебе велю державному брату своему не сопротивляться, и совет отступать тоже не могу дать. Если отступить, все равно кровь прольется, а тебя навеки ославят изменником. Я же ныне умоляю тебя, и на твое вопрошание совет даю: «Преклони с вестью о себе голову свою перед помазанником Божиим и покорись ему. Верую Господу Богу, что Он сообщит сердцу его правду твою, ибо сердце помазанника Божия в руке Его»[409].

И, слышав это, князь сказал ему со слезами: – Вот чего ради, отче, к тебе я пришел бить челом: будь мне вместо отца родного, и по твоему поучению не буду против государя, но предамся воле его. Волен Бог да государь, готов от него все претерпеть, хотя бы и смерти предал меня. Только тебя молю: поезжай к государю и передай ему, что я тебе сказал.

И, слышав это, отец Иосиф вздохнул и сказал: – Поверь, господин, что очень у меня голова болит, не могу и через монастырский двор перейти.

И сказал ему князь:

– Если сам не расскажешь обо мне государю, взыщет Бог кровь мою с руки твоей.

Так ему сказал князь, и слезы из глаз его текли. И, видя что князь со слезами говорит, Иосиф забыл про болезнь свою и поехал сам. И князь вперед поехал, на две версты вперед. И проехал отец Иосиф немного и изнемог от головной боли и вернулся. И, услышав об этом, князь весьма оскорбился, решив, что не хочет Иосиф говорить о нем с великим князем. И скорее сам вновь вернулся в монастырь и, увидев, что Иосиф возвратился ради болезни, а не притворством, просил послать старцев почтенных, старца Кассиана Босого и ученика его старца Иону Голову. И по княжескому слову и просьбе послал Иосиф старцев, которых тот просил.

И в то время было смятение в Москве, многие говорили, что князь Юрий бежал. И когда поехали старцы, князь перед ними, невдалеке от них, поехал. Игумен же Иосиф повелел всем братиям о князе молиться, кто сколько может, чтобы Господь Бог избавил державного от греха, а князя от незаслуженной смерти, и укротил бы междоусобную вражду. И, это слышав, все братья с радостью обещались. Князь же не доехал до Москвы пяти верст, ибо не смел в Москву въехать.

Когда приехали старцы в город Москву, была у князей и бояр радость и говорили: «Такие старцы ради князя приехали от игумена Иосифа – будет любовь между наших государей». И когда пришли они к великому князю Всей Руси Василию Ивановичу, он, посмотрев на них гневно, сказал:

– Зачем пришли, в чем дело?

И, это услышав, старец Кассиан нимало не поколебался, но сказал: – Не так подобает державному спрашивать – гневно, не услышав из уст посланных речей их, но подобает державному сперва с кротостью и с смирением узнать, что скажут уста. И если будем виновны делами нашими, тогда мы перед тобою, в твоей державной власти.

И князь великий встал и улыбнулся, сказав:

– Простите, старцы, что я поглумился над вами.

И, сняв царский венец, поклонился. И спросил о здоровье отца Иосифа, они же ответили, как подобало, и рассказали постепенно обо всем, с чем были присланы. И, выслушав, державный князь великий обрадовался и начал благодарить Иосифа, говоря:

– Большое зло он укротил.

И старцам великое угощение учинил, и за братом своим князем Юрием в тот же час послал с великой любовью.

И поспешно приехал князь Юрий, и пришел к великому князю, и припал к ногам его, прося милости. И у обоих от радости слезы текли, один плакал, потому что государевы очи увидел, другой же – ибо смирился безмятежно. И все бояре радовались весьма, воздавая благодарение Иосифу…

И державный государь всея Руси, князь великий Василий Иванович отпустил старцев с великой честью, и по своему

царскому смирению приказал отцу игумену Иосифу поклониться, и приказал молить Господа Бога и Пречистую Богородицу обо всех православных христианах, и так сказал: «О том весьма благодарю тебя, что укротил такую бурю. И в будущем нас также береги». И, сняв царский венец с головы своей, поклонился.

Послание к великому князю Василию Ивановичу всея Руси

«Благородному и христолюбивому самодержцу, царю и государю всея Руси, великому князю Василию Ивановичу грешный чернец Иосиф, нищий твой, челом бью. Божия, государь, воля свершилась надо мною, грешным: послал Бог болезнь, уже, государь, с постели встать не могу, ни в церковь дойти не могу. А братиями, государь, ни духом, ни телами их, ни монастырскими делами не могу управлять.

И ты бы, государь, Бога ради и Пречистой Богородицы пожаловал. Как и прежде того, государь, жаловал, сколько ни били челом тебе, государю, чтобы ты, государь, Бога ради и Пречистой Богородицы пожаловал, взял монастырь Пречистой в свое правление, – и ты, государь, пожаловал, взял. И награждал, государь, выше нашего достоинства. А ныне, государь, тебе о том челом бью со слезами, чтобы ты, государь, Бога ради и Пречистой Богородицы, и после моей кончины свой монастырь жаловал, как тебе, государю, Бог на сердце положит.

Да приказал бы ты, государь, свой монастырь (в управление) братьям старшим, которые, государь, и этого дела достойны, как тебе, государю, Бог на сердце положит. А по моему, государь, плохому уму, достойны к тому делу: старец Кассиан, Иона Голова, Арсений Голенин, Каллист, бывший игумен, Гурий, бывший келарь, Горонтий Рокитин, Галасей Суколенов, Варлаам Старый, Селиван-келарь, Тихон Ленков. Да пожаловал бы ты, государь, Бога ради и Пречистой Богородицы игумена им, не прислал бы из других монастырей чернецов, неугодных им.

А я, нищий, монастырь Пречистой, да и твой, этим же братьям завещаю ныне, и после смерти моей, чтобы жили по моему велению, как я им написал. Об этом тебе, государю, челом бию и со слезами молюсь: не позволь быть дурному, но

не желающих по моему велению жить, пусть из монастыря изгонят, чтобы прочие братья страх имели. Милость же Божия и Пречистой Богородицы всегда с тобою и с твоею благочестивою великою княгиней, сохраняя и блюдя державу твою и царство в мире и в правде, передавая от поколения к поколению, и небесного Царства тебя сподобит».

И державный, когда принял послание и прочел, опечалился несколько, что уже старец в такой немощи и скорби, и себе сказал: «Великое дело поручил мне старец Иосиф». И с тех пор князь великий стал заботиться, и при жизни преподобного, и после его преставления, так, что нельзя словом описать, до конца жизни своей.

Когда же изнемог преподобный и узнал, что отходит к Богу, написал он эту духовную.

Грамота духовная преподобного игумена Иосифа

«Во имя Святой, Единосущной и Живоначальной Троицы, говорю же об Отце, и Сыне, и Святом Духе, Едином нераздельном и триипостасном Божестве, Которым все сотворено, и мы тоже.

Вот я, грешный и недостойный игумен Иосиф, пишу эту духовную грамоту в целости своего ума, ибо вижу, что года уже к старости приблизились, впал я в частые и разные болезни, возвещающие мне не что иное, как смерть и Страшный Спасов Суд. Поэтому моим писанием монастырь, созданный моими трудами и моих братьев, поручаю Господу Богу Вседержителю и Пречистой Его Матери, и благородному, и христолюбивому самодержцу, и государю всей Русской земли, великому князю Василию Ивановичу. И ты бы, государь, князь великий Василий Иванович всея Руси, Бога ради и Пречистой Богородицы пожаловал бы, смиловался, поберег монастырь Пречистой. И кого, государь, пожалуешь после меня – велишь быть игуменом, и тот бы игумен и братья жили бы по моему уставу, как я им писал, и к игумену повиновение бы имели. А игумен или братья, которые не захотят по моему уставу в монастыре жить и что-либо из порядка общежития станут разорять, прошу тебя, государя, челом бью и со слезами молюсь – не дай этому быть. Не хотящих по моему уставу жить, пусть из монастыря изгонят,

чтобы прочие братья страх имели. Милость же Божия и Пречистой Богородицы всегда с тобою и с твоею благочестивою великою княгинею, соблюдая и сохраняя державу твою и правление в мире и в правде, передавая его из поколения в поколения, и небесное Царство дарует тебе».

И узнал преподобный о кончине своей, что вскоре отойти ему ко Господу. Призвал к себе первых старцев и сказал им:

– Господа мои и братья во Христе, болезнь мою сами видите. Года мои проходят, и день клонится к вечеру, и возвещает мне это не о чем ином, как о смерти. И теперь вам говорю: изберите себе игумена по мнению своему, а более того по обычаю монастырскому.

Они же, это слышав, заплакали все, едва смогли ответить: – Ты, господин, отец наш и пастырь и духовный отец всем во Христе братьям и святой обители этой. Ты, господин, знаешь, кто к такому великому делу годится, кому такому братству отцом быть и иметь заботу о душах и телах. Ты, господин, всех знаешь, и разум, и способности, лучше же сказать – достоинство.

И сказал им преподобный: – Так и есть, как вы говорите, но не хочу без вашего мнения поставить игумена, чтобы не стали вы говорить: «Не по нашему мнению поставил игумена» или чтобы он не начал пререкаться с вами, говоря: «Меня поставил Иосиф». Но вновь вам говорю: изберите себе игумена по обычаю монастыря этого и по мнению своему, чтобы вам безмятежно жить и в согласии, и обителью управлять.

Они же к нему выводили одного и другого, говоря: этого или этого. И отвечал им преподобный: – Я всех знаю, но вы себе сами изберите из этих, кого хотите.

И повелел им без него между собой совещаться. Они же без него, советуясь, предлагали один того, другой же иного. И полюбили, советуясь, старца, любящего нищету и пребывающего в трудах, и в постах, и в молитвах и не любящего празднословия, по имени Даниила, по прозванию Рязанца, о котором знали, что хочет в другой монастырь на игуменство. И сообщили о нем преподобному. Он же одобрил, чтобы так было.

И призвал его и сказал:

– Видишь, сын, немощь мою, вернее, уже и старость. И ныне тебе говорю, избрали тебя братья на мое место игуменом, и я тебя благословляю. Ты же, не нарушая обычая монасты ря этого, как братья живут, знаешь и потому советуйся с братьями во всем, как видел, что и я делаю. И заботься о душах и телах братьев, и храни обычай монастыря этого. И у других монастырей обычаев не перенимайте. Как я на писал и завещал вам, так и пребывайте. И если я получу от Бога милость, вам знамение будет: обитель эта ничем не оскудеет. Это же говорил не прямо от лица своего, но словно загадками, приводя в пример святого Кирилла и иных святых. Слышав это, старец Даниил не смел что-либо возражать, но сказал:

– Будь, господин, Божия воля и твоя, отца нашего. Я перед тобою.

Преподобный же благословил его и повелел возвестить всем братьям, что по мнению первых старцев избрал старца Даниила на игуменство. Все же знали, что преподобный в великой болезни. И по совету и повелению державного царя, великого князя всея Руси Василия Ивановича поставил его преосвященный Варлаам, митрополит всея Руси. Преподобный же часто его к себе призывал, и учил, и советовал, как о братьях заботиться. И всем братьям приказал приходить как к духовному отцу к игумену Даниилу.

И сам возложил на себя святую схиму и причастился святых Христовых Тайн, Животворящего Тела и Крови Христовых. И к себе не велел пускать, разве что по большой нужде. И начал тяжело болеть и вновь причастился Божественных Тайн. Братья же неотступно у него пребывали и к каждой службе его носили и клали в скрытом месте, чтобы мог слышать святую службу: пение и чтение, – ибо он и сидеть уже не мог.

И месяца сентября 9-го, в утро Рождества Пречистой, в воскресенье, отпели у него заутреню в келье. На память святых преподобных богоотцов Иоакима и Анны в 10 часов ночи, когда братия все пели в святой церкви песнь исхода «Святой Боже», преподобный игумен Иосиф, перекрестив лицо свое, предал дух

тремя вздохами, исповедуя Святую Троицу, Отца и Сына, и Святого Духа. Отошел ко Господу, которого возлюбил с младых ногтей, в год 1516, а прожил с рождения своего в послушании в миру – 20 лет, постригся преподобный и был в послушании у преподобного игумена Пафнутия 18 лет, и после Пафнутия был игуменом 2 года. И во святой своей обители 36 лет, и всех лет жизни его 76.

И положили его против алтаря, где и гробница над ним каменная. Державный же государь, великий князь всея Руси Василий Иванович, стал в обитель часто ездить и всячески берег и питал братьев и говорил им часто: «Храните данный вам устав, который дал вам старец игумен Иосиф, а из других монастырей обычаев не перенимайте. Я же у вас – тоже уставщик, если не будете соблюдать устава, я исправлю вас, и вам будет не очень сладко».

И Божией милостью, и Пречистой Богородицы, и молитвами преподобного отца игумена Иосифа, и державного всея Руси заботой и доныне обитель Пречистой ни в чем никем не обижаема. И пребывают братья в покое, молясь за державного и за все православное христианство Христу Богу нашему, Ему же слава и теперь, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Житие и подвиги во святых отца нашего и исповедника Филиппа, митрополита Московского и всея России [410]

Во время пресветлого правления, великого княжения российского, увенчанного христолюбца и миролюбца, благоверного и смиренномудрого великого государя Василия Ивановича, всей России самодержца, в благо державном, в преславном, в царствующем городе Москве сидел в палате царской некий муж благочестивый и знатный, мужественный и украшенный многими добродетелями, исполненный ратного духа, исполнявший божественные заповеди и царские повеления, и великим князем много любимый. Его, государевой, благородной чести справедливо удостоен, высотою сана всюду сиял, радость творя непоколебимо, злой же путь во всем отметая, по имени Стефан, по фамилии Колычев[411], рождением из великого Новгорода. Имел он супругу свою, цветущую и плодовитую лозу, именем Варвару (которой дал Бог в ангельском чине быть инокиней Варсонофией). И жили оба в законе Господнем и по Его святой евангельской заповеди.

Источник, полный света, излили они от своих добродетелей, цветок славы и плод благородный: родили незабываемого отрока Феодора, о котором нам ныне предстоит поведать. Он, по благой воле Всевышнего, в бане бытия омылся, то есть иереем Господним во святой купели был крещен во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, в единосущного Бога, всех Творца. И Его, Всесильного, благодатью стер искусительную тьму, трехглавого проклятого змия голову. После же благородными своими родителями с великой заботой воспитывался. Через некоторое же время родители повелели его отдать на обучение художеству, то есть чтению Божественного Писания. Он же сердцем и со всякою правдою во все дни в благом том училище возрастал, как «дерево у источника вод». На игры же пустяшные, какие обычны для детей, никогда не устремлялся, но добрую часть избрал. Его же благодать Божия осеняла, и он с ясностью вразумлялся книжному учению.Через некоторе

время воспринял царский скипетр, отчее наследие преславный князь Иван Васильевич. Но и тогда Феодор за многую его добродетель боговенчанным царем и самодержцем любим был. И с прочими благородными юношами для служения царского взят был, как говорит Писание: «Мягкую одежду носящие – в домах царя находятся»[412]. Хотя этого мира он был почтен славою, но еще более смиренной мудростью украшался, благой свой нрав нимало не изменяя. Царь же, видя его мудрое благочестие и верное служение, еще более начал его любить. Феодор же, как верный раб, сохранял две вещи: Божий заповеди соблюдал всегда и царское повеление точно исполнял.

Однажды вошел он в церковь, и Божественная некая воля позаботилась о нем, – во время божественной службы читал иерей на литургии святое Евангелие: «Невозможно человеку одним глазом на землю глядеть, а другим на небо, ни двум господам работать, либо одного возлюбит, а другого возненавидит, или одному будет служить, а о другом начнет нерадеть»[413]. Уязвился сердцем премудрый Феодор, будто ему это сказано, и начал усердно размышлять в уме своем, как бы не лишиться вечной радости и святое осенение вечных тех Христовых слов в мысли своей утвердить[414]. И вспомнил о лавре преподобных и богоносных отцов наших Зосимы и Савватия, ибо слышал от многих истинных свидетелей о Соловецком острове, находящемся в удалении от людей, в северной стороне на краю вселенной, в океанской пучине.

И оставил светлое царское окружение, родителей же и всех родственников, и, попросту говоря, всю земную мудрость ревностно отвергнув и скрывшись ото всех, только одевшись необходимой одеждой, один к единому Пастырю своему – Христу – уединяется. Из-за долгого расстояния до места не знал он точно пути и пришел в область великого Новгорода. Есть там озеро большое, называемое Онего, по краям его деревни многие. И там пришел в одно село, называемое Кижи, и остановился у одного из жителей того села, по имени Субота. Родители же его розыск великий учинили, искали его в царствующем городе всюду и по окрестным городам и селам и

не нашли и плакали, как по мертвому. Доблестный же отрок, Богом соблюдаем, к желаемому стремился и вскоре получил его: благополучно прошел землю и море и достиг благообразной красоты, островного селения вселенских молитвенников и чудотворцев Зосимы и Савватия.

Принят же был игуменом монастыря того и иноками. И многие скорби и труды поднял, работая полтора года и более. И было удивительно видеть, как благородный и славный отпрыск таких родителей, в мягкости и покое воспитанный, такому трудному делу себя отдал: дрова рубил и землю копал на огороде, камни носил и на рыбной ловле все тяготы поднимал, и прочее, подобное этому, тщательно трудясь. Много раз неразумные люди унижали и били его, но он, нравом во всем подражая Владыке своему, Христу, унижаем – не гневался, били его – радовался, со смиренной мудростью все терпел. И никто не знал, кто он и откуда. Но более того, он, удивительный юноша, смотрел на монастырь тот, как в нем иноки живут и как заботятся о единородных и бессмертных своих душах, целомудрием одеваются и правдою опоясываются, совершают постнический путь, веселятся, умерщвляя плотскую свою похоть, с великой любовью пьют Чашу – Святую Кровь Христову, от которой вечную жизнь принимают. И вот, преумного мужа этого достоверное зрение более слуха уверило, в неизреченное удивление ввело. И, ревнуя, восхотел духовными чернилами одежды свои обагрить, более же того – душу свою просветить. И разжегся он Божественным огнем Утешителя[415], которым насытиться невозможно. И с радостной душою, с духовными слезами припадает к ногам пастыря пречестной той лавры и молит его, а с ним и во Христе находящуюся братию, чтобы и он был присоединен к богоизбранной их ограде. Всечестной же той лавры настоятель Алексей и все во Христе братья возрадовались этому благому желанию, видя мужественное и трудолюбивое его усердие.

Постригли его в ангельский образ. Он, с отрезанием волос с головы, отрезает и плотскую мудрость и все, что в мире, и вместо Феодора дали имя ему – Филипп. И на исправление предается в послушание учиться иночеству и благочинию

монастырскому одному дивному мужу, для одного Бога живущего, иеромонаху Ионе, который вторым правил тем монастырем и был сопричастник преподобному отцу Александру Свирскому[416]. Богомудрый же Филипп жил у того честного старца в благочинии многом. От него же в смирении души всем заповедям и всем добродетелям на деле научился, днем в трудах и постах, ночью же, часто без сна пребывая, молился. Предсказал же о нем от Бога дарованным пророчеством старец его: «Этот будет, – сказал, – настоятель во святой обители этой». Так и было. Вновь же в поварню Филиппа пастырь посылает, и там с молчанием он в послушании для братии трудился.

Увидел же игумен Алексей, как он превосходит всех в подвигах и удивителен разумом, рассудителен и смирением украшен многим, мужествен в делах добродетели, и радовался о нем весьма, и помощником, и соработником сделал его во многих служениях, и заботиться о службах послушников ему повелел. Он же, страхом Господним ограждаясь, теплою к нему любовью разгорался, повеления его исполняя усердно. И, поскольку, как сказали, во всем имел Алексей помощником блаженного Филиппа, стал он для отца настоящей рукою, посохом, старость его поддерживающим, болезнь облегчал и всякую злую печаль от него прогонял. Тело свое отягчал церковными трудами и службами, душу же умащал учением – вниманием к Божественным словам, удобрял и украшал себя прилежно благим нравом. Служил же так Филипп благоразумно и богоугодно девять лет, молитвами и благословениями отеческими насыщаясь.

Но Алексей, видя его совершенства, дивился и понимал, что жизнь его – некая вещь великая. И начал ему говорить и другим многим о том, что достойно и похвально ему вместо себя игуменство принять и наставлять братии. И словами убеждал его и умолял, сам же из-за старости и трудов многих игуменство отложить хотел и уединенно жить. Видел же, что много братьев собирается, и потому заботился, чтобы более достойного наставника они избрали. Но дивный Филипп во всем смирением украшался, не хотел начальство принять, от власти

отказывался, как от тяжести великой, и хотел повиноваться, а не наставлять иных. Знал блаженный, что легче и удобнее для спасения наставляться иными, нежели самому наставлять.

Но, хотя и не хотел чести, а последним желал быть, по Божией благодати и без желания его предана была власть ему. Алексей иноков созвал и поведал им, что старостью согнут и недугами одержим, и спросил их, кого хотят себе в настоятели после него и кто их жизнью правильно руководит. Ибо знал добрый муж, что ни на кого иного, но на

Филиппа сан возложат. И словно одним голосом все сказали: «Нет лучше Филиппа для наставления; и жизнью, и разумом он богаче, и во всех вещах искусен».

Он же не мог ослушаться молений их и, не желая, повинуется и по святительскому благословению начальствование принимает. Начальствование дивный муж принял и большие подвиги показал, всем образцом себя являя, к большим и совершеннейшим добродетелям восшел. Постом вооружился, чтобы страсти плотские духу покорить молитвою. Каждый день собеседником Богу был. Более же всего смирение стяжал. Добродетели и многое трудолюбие каждый день являл. Иноки же, видя его таким, радовались и великую хвалу Христу Богу воссылали, что такого благодатного пастыря им даровал. Богомудрый же Филипп, так правя, немало лет провел.

Также совещается с иноками о деле благом, чтобы поставить церковь каменную драгоценного Успения Пречистой Богородицы. Прекрасную воздвиг церковь в похвалу Божией Матери, рядом же с ней и святому Иоанну Предтече храм присоединил же и трапезу огромную, имеющую внутри 12 сажень и одностолпную, особо же и другие многие строения. О его трудах если мы умолчим, то дела его объявят о себе: ибо горы великие прокопал, долины избороздил, воду из озера в озеро направил, к двадцати озерам пятьдесят озер и два источника присоединил, и под монастырь в озеро привел от озера же, воду внутрь обители провел, жернова и мельницу для удобства братьев устроил.

Хотя оскудение было в казне, но на милость Божию уповал и Пречистую Его Матерь призывал с основателями Зосимою и

Савватием, чтобы помогли делу – воздвигнуть величайшую церковь из кирпича во имя Преображения Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа там, где видел луч светлого сияния Божества руководитель и отец, наставник и чудотворец, преподобный Зосима. И открыл братьям мысль свою к Богу о построении церкви. Они же, услышав, в недоумении пребывали, но не смели препятствовать доброй его заботе, тихо беседовали и кротко говорили, приводя слово из самого Писания: «Если кто, желая построить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно для совершения ее, дабы, когда положит основание и не возможет совершить, все видящие не стали смеяться»[417]. «О отче, в обители мало средств и оскудение великое, городов рядом нет, откуда возьмешь золото для сооружения великой церкви?» Он же, отвечая, сказал: «О братья! Надежно уповать на Бога, если угодно

Ему будет дело это, невидимо подаст нам от неисчерпаемых Своих сокровищ для построения дома Святого имени Своего». Они же, хотя и не желали, но покорились наставнику своему и просили прощения за возражения свои и говорили: «Все, что не попросишь у Бога, дает тебе Бог». Он же вновь обратился к делу, мастеров собрал искусных, и сам руководил и руками своими здание строил, братьям во всем пример показывая и дела искусные сотворяя. Красивый храм во славу Христа Бога нашего воздвигнул, присоединил и иную церковь – во имя преподобных отцов Зосимы и Савватия и архистратига Михаила с одной стороны, и еще иных четыре на высоте храма соорудил – двенадцати и семидесяти апостолам посвященные. Храмы же преподобному Иоанну Лествичнику и Феодору Стратилату иконами украсил и книгами, словно невесту, ризами и паволоками и дорогими сосудами, и подсвечниками златокованными.

Вскоре же правящему престолом русской патриархии, блаженному и приснопоминаемому митрополиту Макарию, достигшему маститой старости, случилось преложиться ко отцам своим в вечное блаженство. Благочестивый царь о нем жалостно плакал и весь народ с ним, а на его место с Божией

помощью возвели митрополитом всея Руси Афанасия и заповедали ему пасти и блюсти церковь по Христовым заповедям и правилам святых отцов. Он же правил лишь один год и оставил епископство[418]. Поэтому благородный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич немало разыскивал, чтобы в такое великое начальство на апостольский престол возвести архиерея непорочного и праведного. И не могли обрести такового, а если некоторые и покушались на это место, то не благоволил им Бог.

Благодатию же Агнца Божия, который соблаговолил Церковь Свою утвердить и немятежну соблюсти, такого благодатного пастыря дарует. Вразумляется православный царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, поскольку в дальних местах на краю вселенной, в предреченной соловецкой обители блаженного и приснопамятного игумена Филиппа обретает. Благой совет держит со всем освященным собором и со своим царским синклитом и всем угодно было такое царское избрание, но более Божие изволение, как говорит Божественное Писание: «Сердце царя в руке Божией»[419]. Подвизаемый Богом, благоразумный совет свой царь украшает и вскоре на Соловки посылает свое царское писание с великим утешительством. Игумену Филиппу повелевает прибыть ко своему царствующему граду, ради духовного совета ко исправлению. И как только блаженный принял послание, собрал всех иноков и поведал им царское писание и о своем к царствующему граду отшествии. Братия же, услышав все это, пребывали в великой скорби, поскольку внезапно лишались пастыря и благодатного питателя. Он же утешал их, жалостию снедаем, не желая разлучаться с ними. Но и царского повеления не в силах преступить, сказал: «Возверзите на Господа печаль свою и на Пречистую Богородицу – Те препитают вас. И на помощь призывайте преподобных и богоносных отцов наших, Зосиму и Савватия». И поучив их довольно о душевном спасении и о монастырском предании, отслужив божественную службу и причастившись тела и крови Христа Бога нашего, также и всю братию причастив, после трапезного насыщения отправился ко царствующему граду Москве.

Благочестивый же царь вскоре повелел царские Писания по всем городам разослать, чтобы собрались епископы в царствующий город Москву на поставление первопрестольника. По истечении некоторого времени сошедшиеся святители в день, избранный царем и епископами и всем освященным собором и синклитом, собрались в соборной церкви Пречистой Богородицы честного и славного Ее Успения[420]. И так поставление воспринял божественный Филипп, первопрестольник русской митрополии, рукою паствы своей. И совершил с ними Божественную службу, таинственную жертву хваления Христу Богу принеся за православного царя и за благородных его детей и за все православное христианство.

Когда же Божественное закончилось таинство, вышел Филипп богоносный и, обильно исполнившись благодатью Духа Святого, поучает же благородного царя из Божественного Писания и его царских детей и говорит: «О благой веры Богом сотворенное Тело Царя Святого! Поскольку великого сподобился от Бога блага, тем большим ты должен воздать Ему. Отдавай Благодателю долг благохваления, приемлющему долг как дар, не благодатью за благодать воздавая – поскольку Он вечно дарами владеет, как должный благодать воздавать. Благохваления же просит Он от нас; не слов благой беседы, но приношения делами благими неизменно. Ради высоты земного царствия будь кроток к требующим удела, ради горней власти, и отверзай уши к страждущим в нищете. Как кормчий бодрствует всегда, так и царский ум многоочитый – держись твердо доброго закона, крепко иссушая потоки беззакония, да корабль всемирной жизни не погрязнет в волнах неправды. Приемли благих, желающих совет дать, а не ласкание творить, таковые всегда воистину стремятся пользу соблюсти, а другие лишь на угождение владеющим взирают. Более всей славы царствия венец доброчестия царя украшает, да обрящешь Божий слух отверстым для твоих прошений, поскольку сбиты бываем с истинного пути слугами нашими. Такого для нас обрящем владыку, царство которого честное, который непокорным являет силу, покорным же дарует человеколюбие и побеждает не силою оружия, но сам любовию побеждается. Если же не возбранять

согрешающим, то, если кто живет по закону, пристает к живущим беззаконно, содельник же злому Богом осуждается. Если же хочешь крепко обоих испытать, то творящих добро почитай, а творящим зло – запрещай. За православную веру стой твердо и непоколебимо. Еретических же гнилых учений отвращайся. Апостолы и божественные отцы учат, чего нам держаться и как подобает мудрствовать. В том же истинном мудровании наставляй и своих подчиненных. Ничто же такого тщания и прилежания не похитит».

Благочестивый царь, приняв от святителя такое благоутешительное поучение с правотою душевною, во всем повиновался ему. Так же поучил и Богом дарованное ему стадо и все православное христианство. На царской же светлой трапезе, сотворенной блаженным царем, благочестно принят был и на трапезе учинился собеседником, как и все благородные архиереи и бояре. И радовались, хвалу Христу Богу воссылая о таком отце и учителе, изволившем словесное пасти стадо. По насыщении же на трапезе в патриархию возвратился.

Исконному же злодею, началопагубному змею, лукавому хищнику, древнему завистнику, лукавому шепотнику, сатане проклятому, мало ему со своими угодниками бесами тьмообразной своей погибели. Но, еще льстя, жаждет, желает вселенную злобою погубить, беспрестанно воюя против христианской веры и благородных людей. Наиболее же всего вооружаясь на благопоспешных духовных правителей, наводит на них смертоносные скорби: самих же себя окаянных, на горшую муку. Они же, велехвальные страстотерпцы, с Божией помощью все с благодарением переносят и ото всех Царя и Содетеля победными вечными венцами украшаются и к Нему приходят в вечный покой, пока не пройдут назначенные семь тысяч лет всегоршей муки[421], к предыдущей славе. Ныне же злокозненного его враждования слово изречем и тайную его часть ныне откроем, поскольку и в нас многие его многоплетения действуют. Не только в простых людях осуществляются те вражьи наветы, но и до самых советных царевых палат доходят. И вельможи между собою воздают

ненавистью за любовь, гордостью над смирением возносятся и злыми своими гнусными умышлениями друг на друга словно змеи шипят и всякие злые вещи соплетают.

Неудобно писанию предать, но и самого благочестивого царя сильно возмутили на гнев и ярость сами на себя воздвигли. И от тех советов верных своих слуг и известных сродников восприняв елей, нагоняет страх на бояр своих и неукротимо гневается. И из-за таких злых соблазнов собирает совет и весь освященный собор во царствующем городе своем Москве. И вызывает Новгородского архиепископа Пимена, Казанского Германа, Ростовского Корнилия, Крутицкого Германа, Суздальского Пафнутия, Рязанского Филофея, Смоленского Феофила, Тверского Варсонофия, Вологодского Макария и прочих епископов и архимандритов, и игуменов, и всех бояр своих. И возвещает им свою царскую мысль: решил он царство свое разделить, а царский двор перенести в Александровскую слободу и хочет, чтобы они эту мысль благословили. Блаженный же Филипп и другие епископы решили, укрепившись между собою, против такового начинания крепко стоять. Но один из них, славолюбивый, облеченный епископским саном, донес царю об их общем совете, и многие отказались от общего решения[422]. И не только царева страха убоялись, но и на блаженного Филиппа иные из них восстали, если он об их решении объявит.

Царь начал свой совет, все же от страха не смели ничего сказать. Иные же, желающие славы мира сего, молчали, и никто не смел говорить что-либо против царя или его умолить, или тем, кто его возмущает, запретить. Блаженный же Филипп приступил к царю и сказал: «Знаем тебя, как хранителя благочестия и истинного поборника, и православия снабдителя, и своей державы осмотрительного правителя. Никто ничего на державу твою злого не советует – свидетель тому Всевидящее Око. О царь! Мы от отцов наших приняли обычай почитать царя, но прежде всего благоразумие в нем чтить. Прекрати такое неугодное начинание, держись, прежде чем пожелать, разума; встань крепко на камени веры, он же крепко Господом заложен. Подражай добродетелям, которыми и отец твой, царь и великий

князь Василий, возвысился. Возвысься благочестием, сияй смирением и просветись любовию Божественного Духа. Желанием добродетели назидайся в правой вере. Благие деяния и честное житие – это не дрова, не сено, не стебли, мгновенно сжигаемые грехом, годные только к сожжению и более ни к чему не годные, но золото и серебро.Для того ли собрались мы, отцы и братия, чтобы молчать? Почему боитесь правду сказать? Ваше молчание грех влагает в душу цареву, а своей душе оно на горшую погибель. Православную веру в скорбь и смущение повергает. Почему желаете тленной славы мира сего? Ни высокий сан мира сего не избавит от муки вечной преступающих заповеди Христовы, но наше истинное должное стремление – иметь духовное попечение о благочестии, благоверии, смирении всего православного христианства. На то ли взираете, что молчит царский синклит – все они связаны куплями житейскими. Нас же Господь Бог ото всего этого освободил, да знают ваши преподобия, что для этого поставлены – исполнять всякую истину. Исполнившие же этот завет, венцом небесным будут увенчаны, если душу свою полагаете за порученное стадо. Но если об истине умолчите, сами знаете, что в день судный истязаны будете за все, что вам поручено Духом Святым».

Они же смиреннообразно стояли, пособники предательства и злобы, творящие угодное царю – Пимен Новогородский, Пафнутий Суздальский, Филофей Рязанский. А также сингел благовещенский Евстафий – тогда он пребывал в запрещении согласно правилам. Он же был духовником царю и непрестанно, явно и тайно, возводил напраслину на страстотерпца Филиппа. Прочие же не встали ни на сторону Филиппа, ни на сторону других, но поступали, как царь захочет. Как сказал пророк: «Там убоятся страха, где нет страха»[423]. Царь понял, что никто не смеет противостоять ему, но все его воле повинуются и благословляют, кроме одного блаженного Филиппа, выступавшего против него, говорящего ему о благочестии и убеждающего, чтобы не разделял царства. И никто не поддержал блаженного Филиппа – все вместе уклонились, сделались равно непотребными, не делающими добра[424]. И

разгневался царь на святого и начал по воле своей и по их совету дела свои творить. Тех князей и бояр и прочих вельмож, которые ему угодны были, называли опричниками, то есть дворовыми людьми; других же князей и бояр и прочих вельмож называл земскими. Также и все земли державы своей разделил.

Прошло немало времени после того совета. Царь находился во своем любимом доме, в прежде упоминаемой слободе: моими слезными словами называемая слобода, а на деле ставшей древним египетским обольщением. Там первородных губили, а здесь, словно колосья, православных пожинали. Отовсюду лютейшим огнем горячей золы попалило землю – не варваров нашествие, не градобитие виноградники наши погубило, но самоизволенный мрак страха и тьма дерзновения покрыли, неминуемо губя первенцев наших. Хотя не помазывались кровию дома наши, но бедствовало благочестие и убивались души первенцев[425]. Хоругви увидев, внезапно поняли, что окружен царствующий город, и услышали, что явился страшный царь со всем своим воинством вооруженным. Все вооружены, все на одно лицо и едины нравом, как и делами, зачав грех, порождая беззаконие. Все как один в черных одеждах, а иное неудобно предать писанию.

Входит же царь в соборную церковь Пречистой Богородицы. Он же – Нового Завета проповедник, великий Христов архиерей Филипп, если и не того Стефана сын, но сыном ему ставший своими благими делами, ревностию последовавший равноапостольному мученику Стефану[426]. Он не устрашился такового свирепства и, видя в православных великое возмущение неудобоносимыми бесчестными скорбями и ранами, просветился душою и, укрепившись сердцем, приступил к самодержцу и сказал: «О державный царь, ты выше всего имеющий сан, почитай более всего Бога, сподобившего тебя этого сана, потому что по подобию небесной власти дан тебе скипетр земной силы, чтобы ты научил людей хранить правду. Подобает тебе, смертному, не возноситься, но подражая Богу, не гневаться, поскольку почтен ты образом Божиим, но в то же время и пыли земной причастен, этим же всегда научайся. Тот воистину наречется властелином, который сам собою

владеет и нелепым похотям не потворствует, но имея помощника – непобедимого самодержца, благоверный ум, который самовольных похотей всетомительное хотение побеждает оружием любви и целомудрия. С древних времен не слыхано, чтобы благочестивые цари свою державу возмущали! Ни при твоих праотцах такого не случалось, ни среди иных народов такого не помышлялось».

Услышал царь обличения святителя и, не стерпев, в ярости сказал: «Какое тебе, чернецу, до наших царских советов дело? Не знаешь того, что меня мои же хотят поглотить?» Святой же отвечал: «Я, как ты спрашиваешь, по данной нам благодати Пресвятого и Животворящего Духа и по избранию священного собора, и по вашему изволению, – пастырь Церкви Христовой. Вместе с тобою должен попечение иметь о благочестии и о смирении всего православного христианства». Царь же сказал: «Одно, тебе, честной отче, говорю: молчи, а нас на это благослови по нашему изволению». Блаженный же отвечал: «Благочестивый царь! Наше молчание грех на твою душу налагает и всенародную приносит смерть, как и о мореплавателях говорится: когда капитан корабля соблазнится, то небольшой вред приносит плавающим с ним, но когда соблазнится кормчий, то всему кораблю приносит погибель. Если же и мы воле человеческой будем последовать, как произнесем в день пришествия Господа: «Вот я и дети, которых дал мне Господь?»[427] Ибо Господь сказал в святом Евангелии: «Сия есть заповедь Моя – да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, если кто положит душу свою за друзей своих»[428]. И еще: «Весь закон и пророки в двух заповедях: возлюби Господа Бога всем сердцем своим и ближнего, как самого себя»[429]. И наставляя учеников, сказал: «Если в любви Моей пребудете, воистину учениками Моими будете»[430]. Так и мы мыслим и держимся этого крепко».

Царь же сказал: «Владыко святой! Восстали на меня, как и Давид в скорби говорил: «Друзья мои искренние отступили от язвы моей и ближний мои стоят вдали. Ищущие же души моей ставят сети»[431]. Святой же отвечал: «Господин мой царь, это говорят тебе лукавые и льстивые, приими тех, которые подадут

благой совет, тех, кто не будет постоянно творить дела зависти, но только воистину пользу соблюдают. Другие же лишь на угождение власть имущим взирают. Но не разделяй единую державу: ты поставлен от Бога повелевать людьми Божьими в правде, а не мучительски. Доброчестие царя словно венцом украшает, богатство же уходит и власть проходит и слава исчезает. Но жизнь с Богом бессмертные века продолжается. Никто из живших в мире из того, что собрал, с собой после смерти не берет, но все оставляет на земле. Нагим отчитывается о жизни своей. Ты же неправо говорящих обличи и отстрани от себя, словно гнилой член, а людей своих в единении устрой, чтобы в нелицемерной Божественной любви пребывали».

Царь же сказал: «Филипп, не прекословь власти нашей! Не чудных и лживых принимай, но лишь дающих благие советы, не льстивых. Всегда достигнет гнев мой тебя или этот сан оставь». Святой же отвечал: «Благочестивый царь! Я не умолял ни тебя, ни ходатаев к тебе не посылал, ни богатством твои руки не наполнял, чтобы власть эту воспринять. Зачем лишил меня пустыни отцов, если смело каноны преступаешь по своему желанию? Не подобает начатому подвигу ослабевать». Царь же ушел к себе в палаты в великом раздумий и на святого гневаясь. Того же начинания советники злобные, Малюта Скуратов да Василий Грязной со своими единомышленниками, непрестанно строили ковы против блаженного. Увещевали царя, чтобы он не отступался от своего решения, после же и сами претерпели горшее от этого. Православной же вере от той опричнины великое возмущение случилось в мире: и кровопролитие, и суд не по правде. И от этой обступившей скорби возненавидели люди друг друга. Некие же благоразумные правители, истинные и искусные мужи, и первые вельможи, и весь народ пришли к пастырю своему с великим рыданием, чтобы заступился за них. Постоянно видя смерть, слова не могли вымолвить, только показывали ему свои раны различные. Чадолюбивый же отец, любовью утешая их, говорил: «Не скорбите, о чада! Верен Господь, не позволит вам искуситься сверх силы и не попустит до конца пребывать этой

лжи. Если и воздвиг враг на нас рать, но постепенно все на голову его обрушится». Они же, питаемые истинными словами, расходились по домам.

Как-то в день воскресный совершал блаженный Филипп Божественную службу, предстоя в алтаре по чину Захарии и Аарона[432], кадило добровонно со угождением вознося горе, укрощая ярость Божию пречестными молитвами. Пришел же в соборную церковь Пречистой Богородицы царь к соборному пению, облеченный в черные ризы, так же и прочий были одеты. А на головах высокие шлыки, подобные одеяниям, словно одежды халдеев. Все бояре и синклит – в единых одеяниях. Филипп же, все по молебному чину совершив, возрадовался о приходе царя и, исполнившись Божественного света, всю надежду на Бога возложил, надеясь достойно христоподражательно подъять ярем в кротости душевной. Воистину разжегся огнем Божественной любви и словно адамант непоколебимый стоял на уготованном месте. Царь же к этому месту приблизился, трижды испрашивая благословения. Святитель же не отвечал ему ничего.

Бояре же говорили: «Владыко святой, благочестивый государь всея России, Иван Васильевич, пришел ко твоей святости и требует благословения от тебя». Блаженный же посмотрел и сказал: «Царь благой, кому поревновал, что таким образом красоту свою изменил и неподоболепно преобразился? С тех пор, как солнце в небесах пребывает, не слыхано, чтобы благочестивый царь свою державу возмущал. Убойся, о царь, Божьего суда! Мы, царь, приносим жертву Господу чистую и бескровную за спасение мира, а за алтарем неповинно льется кровь христиан и люди напрасно умирают. Ты, царь, хотя и образом Божиим почтен, но и праху земному причастен, и ты прощения грехов требуешь. Прощай и тех, кто против тебя согрешает, поскольку тому, кто прощает, даруется прощение». Царь же возгорелся яростию и сказал: «О Филипп, наше ли решение хочешь изменить? Не лучше ли тебе хранить с нами единомыслие?» Святой же отвечал: «О царь, тщетна будет вера наша, тщетно и проповедание апостольское и не принесет пользы нам Божественное предание, которое нам святые отцы

передали, и все доброделание христианского учения. И даже само вочеловечение Владыки, совершенное ради нашего спасения. Он все нам даровал, чтобы непорочно соблюдали мы дарованное, а ныне мы сами все рассыпаем – да не случится с нами этого! Взыщет Господь за всех, кто погиб от твоего царственного разделения. Но не о тех скорблю, кто кровь свою неповинно пролил и мученически скончал жизнь свою, поскольку ничтожны нынешние страдания для тех, кто желает, чтобы в Царстве Небесном им воздалось благом за то, что они претерпели. Но пекусь и беспокоюсь о твоем спасении».

Царь же ни апостольского обличения, ни запрещения, ни учения не воспринял, но разгневался на него сильно и, руками размахивая, угрожал ему изгнанием и различными муками и смертными угрозами. И сказал Филипп: «Нашей ли власти сопротивляешься? Видя крепость твою, долготерпеливый пастырь не убоится ни запрещения, ни предреченных мук. Как и все отцы мои, за истину благочестия подвизаюсь, даже если и сана лишат или лютейше надлежит пострадать – не смирюсь». Услышав это, царь исполнился ярости. Служители злобы на блаженного Филиппа стали клеветать, что он ложно говорит о царской власти, насмехается, поскольку от лукавого в сердце принял заповедание – болезнь душевную раскрыл и сокровенно обнажил лукавство. Отовсюду наветы доносили царю, стремясь изгнать Филиппа не только с престола, но и из города – мужа достойного вечных селений. Но он пребывал непоколебим, воспевая с Давидом: «Если и ополчится на меня полк, не устрашится сердце мое»[433].

Царь же решил не просто его низвергнуть, чтобы не возмутился народ. Вскоре после известий от лжесвидетелей посылает он на Соловки суздальского владыку Пафнутия, да архимандрита Феодосия, да князя Василия Темкина, а с ним множество воинов, чтобы дознать о блаженном, каковым было его прежнее житие. Придя в Соловецкий монастырь, покушались они неправду творить: склоняли на угождение царю живущих там иноков, иных ласканием и мздоимством, иных сановными почестями умягчая. Они же по образу благочестия и нрав имея, словно добрые страдальцы всякие скорби с

радостию принимали за своего пастыря. Все, словно едиными устами, наполняемыми Святым Духом, вопияли: «Непорочно его житие и в Боге попечение о святом месте этом и о братском спасении». Те же не желали слышать о святом благих свидетельств и, возвратившись в Москву, взяли с собою игумена Паисия, таково имя легкоумного, более же безумного, с иными клеветниками. И представили перед царем лжесвидетелей и лживые и многосмутные свитки свои положили.

Царь же, услышав про эти книги, что они угодны ему, повелел их перед собою и перед боярами прочесть. И поскорее гнев свой исполнить желая, не убоялся суда Божия, поскольку не подобает царям вину святителей расследовать, но епископы их согласно правилам судят[434]. Если он вины достоин, то тогда и царь власть свою употребляет. Здесь же царь все самовластно сотворил – послал боярина своего Александра Басманова со многими воинами и повелел блаженного Филиппа изгнать из церкви. Пришел же боярин в соборную церковь Пречистой Богородицы и изрек пастырю царевы слова: «Недостоин ты святительского сана!» И повелел перед ним и перед всем народом прочесть лживо составленные книги. Пришедшие же с ним напали на святого, как свирепые звери, и совлекли с него святительские одежды. Он же обратился к служителям и сказал: «О чада, печально наше разлучение. Но радуюсь, поскольку ради Церкви все это принимаю. Настанет время, когда овдовеет Церковь. Пастыри же, словно наемники, будут презираемы, и никто в совершенстве седалище не сможет удержать и во святой этой церкви Божией Матери никто погребен не будет»[435].

Эти слова, произнесенные им, многих в удивление привели. Возложили на него ризы иноческие, ветхие и разодранные, и изгнали его из церкви. Посадили в повозку и повезли за пределы города. Иные же ругались над ним, и метлами били, и тьмами злодейственных укоризн осыпали. Филипп же, поруганные ризы на себе видя и досаждения слыша, веселился, укрепляясь надеждою на будущие блага, словно мученик. Царь же, узнав об этом, по прошествию восьми дней повелел

блаженного привести в монастырь святого чудотворца Николая, прозываемого старым. После же этого отломил ветвь от прекрасного корня родства трудолюбивого пастыря, сорвал плод, чтобы преломить душу крепкого. Повелел брата казнить родного – Михаила Ивановича Колычева и голову послал к нему. Святой же Филипп встал благочестиво и, со всякой честию восприняв ее, поклонился до земли и благословил и любезно целовал ее и сказал: «Блаженны те, кого избрал и принял Господь, память их из рода в род»[436]. И возвратил ее принесшему.

Увидев же терпение твердого адаманта и непоколебимое настроение и то, что он не отступает от своего решения, осуждает крепкого в Отрочь монастырь близ города Твери. Через некоторое же время неблагодарного надзирателя приставляет. Находился блаженный в заточении почти год, скорбями стесняем и досаждениями приставников. В это время царь отправился в Великий Новгород, свое начинание желая осуществить. Еще не дошел царь до Твери, близ которой блаженный был заточен, а злобный подстрекатель против святого, Малюта Скуратов, внезапно, без опасения, входит в келию святого. Блаженный же Филипп за три дня до его пришествия бывшим с ним сказал: «Приспело время завершить мой подвиг». Они же не уразумели, что он говорит, до тех пор, пока он не скончался. А он просветлялся лицом, говоря: «Скоро мое отшествие». Принял же причастие – пречистое Тело Христа, Бога нашего, и дивоточную Кровь, и преобильно исполнился Пресвятого Духа, и стал тайноведцем сокровенных вещей. Малюта же, исполненный лукавства властолюбивого раба, умильно припадая к блаженному, сказал: «Подай благословение царю, владыко святой, чтобы идти ему в Великий Новгород». Блаженный же отвечал: «Пусть будет так, как ты хочешь, о любезный. Напрасно меня искушаешь и дар Божий лестью похитить желаешь…»

И начал молиться: «Владыко, Господи Вседержитель! Приими с миром дух мой и пошли ангела мирного от Пресвятой Славы Твоей, чтобы усердно наставлял меня Трисолнечному Твоему Божеству. Да не возбранен мне будет исход

начальником тьмы с падшими его силами. И не посрами меня перед ангелами Твоими, и к лику избранных Твоих причти. Яко благословен вовеки. Аминь». Каменосердный муж зажал ему подушкою уста, обличающие неистовство суеумных. Так святой предал душу свою в руки Божий – увенчался мученическим венцом 23 декабря 1570 года. Жизнь окончил и подвиг совершил. Малюта Скуратов, свершив то, что хотел, вышел из келий и с пронырством начал говорить настоятелю обители и приставникам, что из-за их небрежения митрополит Филипп умер от печного угара. Они же, одержимые страхом, ничего не могли отвечать. Малюта велел вырыть глубокую яму и повелел погрести многострадальное тело блаженного Филиппа за алтарем великой церкви Пресвятой Богородицы[437].

Житие святой Улиании Лазаревской – муромской чудотворицы

Во дни благоверного царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича при царском дворе был муж благоверный и нищелюбивый, по имени Иустин, по прозвищу Недюрев, саном ключник. Имел он жену столь же боголюбивую и нищелюбивую, по имени Стефанида Григориева, дочь Лукина, из города Мурома. И жили они во всяческом благоверии и чистоте, и имели сынов и дочерей, и много богатства, и слуг множество. От них и родилась блаженная Улиания.

Когда же было ей 6 лет, умерла мать. И взяла ее к себе в пределы муромские бабка, мать ее матери, вдова Анастасия, дочь Никифора Дубенского. И воспитывала во всяческом благоверии и чистоте еще 6 лет. И умерла бабка ее. И по завещанию Улианию взяла к себе тетка Наталия, жена Путилы Арапова. Блаженная же Улиания, с младых ногтей Бога возлюбив и Пречистую Его Матерь, весьма почитала тетку свою и дочерей ее, имея во всем послушание и смирение, молитву и пост прилежно соблюдая. И из-за того от тетки своей Улиания часто бранима была и от дочерей ее насмешки терпела. И говорили они ей: «О безумная! Зачем в такой молодости ты плоть свою изнуряешь и красоту девственную губишь?» И принуждали ее есть и пить с утра. Она же не поддавалась воле их, но все с благодарением выслушивала и в молчании уходила, потому что послушна была всякому человеку.

Была Улиания с раннего детства кротка и молчалива, незаносчива и негорда, смеха и различных игр сторонилась. Хотя и вынуждали часто ее сверстницы на игры и песни пустые, но она не поддавалась совету их и притворялась неумеющей, желая так утаить свои добродетели. В прядении же и вышивании была Улиания усердна и искусна, и не угасала свеча ее все ночи. А если сироты и вдовы немощные были в селе том, она всех их обшивала, и больных всяким добром снабжала – и все дивились разуму ее и благоверию. И вселился в нее страх Божий – оттого, что не было в том селе церкви близко, но только

в двух верстах. И не случалось ей в девическом возрасте ни в церковь приходить, ни слышать чтения словес Божественных, ни учителя, учащего о спасении, никогда не имела она. Но смыслом благим была она наставляема нраву добродетельному.

Когда же исполнилось ей 16 лет, выдали ее замуж за человека добродетельного и богатого, по имени Георгий, по прозвищу Осорьин. И обвенчал их в церкви праведного Лазаря, что в селе мужа, поп именем Потапий. Священник тот наставлял их по правилам Святых Отцов закону Божию. Она же, послушав со вниманием его учение и наставления, все делом исполняла. Свекор же и свекровь ее были тогда еще живы. И, видя ее, всякою добротою исполненную и разумную, повелели ей управлять всем домашним хозяйством. Она же, со смирением подчиняясь им, ни в чем не ослушалась, ни слова вопреки не сказала, но почитала их и все повеленное ими безотказно выполняла, – так, что все дивились ей. И многие искушали ее в речах и в вопросах, она же на всякий вопрос благочинный и смышленый ответ давала – и все дивились разуму ее и славили Бога. Она же каждый вечер усердно Богу молилась и коленопреклонения совершала по 100 раз и более и, вставая рано, каждое утро то же совершала и с мужем своим.

Когда же муж ее на царских службах бывал по году или два, иногда же по 3 года в Астрахани, она в те времена все ночи без сна проводила, в молитвах и в рукоделии – в прядении и вышивании. И, продав то, что наработала, вырученные деньги нищим раздавала и отдавала на церковные строения. Ночью часто милостыню тайно раздавала, днем же домашнее хозяйство вела. О вдовах и сиротах, как истинная мать, пеклась, своими руками их омывая, и кормя, и напояя. Слуг же и служанок пищею и одеждою снабжала и дело им по силе полагала. И никого неполным именем не звала и не требовала себе даже воды для омовения рук подавать, ни сапоги снимать, но все делала только сама. А неразумных слуг и служанок смирением и кротостью наказывала и исправляла, их вину на себя возлагая. И никого же не оклеветала. Только всю надежду

на Бога и на Пречистую возлагала и великого чудотворца Николу на помощь призывала – и помощь от него принимала.

Однажды ночью встала она, как обычно, на молитву, а мужа не было тогда дома. Бесы же страх и ужас напустили на нее великий. Она же, молодая еще и неискушенная, испугалась того и легла спать на постель и уснула крепко. И видит множество бесов, идущих на нее с оружием, желающих убить ее и говорящих: «Если не оставишь своих занятий, тотчас погубим тебя!» Она же помолилась Богу, и Пречистой .Богородице, и святому Николе чудотворцу. И явился ей святой Никола, держа книгу великую, и разогнал бесов – те как дым рассеялись. И воздел он десницу свою и благословил ее, говоря: «Дочь моя, мужайся и крепись, и не бойся запрета бесовского. Ведь Христос повелел мне оберегать тебя от бесов и злых людей. Она, тотчас ото сна пробудившись, увидела въяве мужа святого, из дверей комнаты выходящего стремительно, как молния. Быстро поднялась она и пошла вслед за ним, но он тотчас невидим стал, а сени дома того крепко запертыми оказались. Она же, эту весть приняв, с тех пор возрадовалась, славя Бога, и более прежнего добрым делам прилежала.

Вскоре Божий гнев постиг землю Русскую за грехи наши: страшный голод настал – и многие от голода того умирали. Она же многую милостыню тайно творила: брала пищу у свекрови якобы на завтрак и на полдник, а сама все это нищим голодным раздавала. Свекровь же и говорит ей: «Как ты свой нрав переменила! Когда хлеба было изобильно, тогда я не могла ни к утренней, ни к полуденной еде тебя принудить. А теперь же, когда настало оскудение, ты и раннюю, и полуденную еду берешь». Она же, желая утаиться, отвечала: «Когда не рожала я детей, не хотелось мне есть, а когда начала детей рожать, обессилела – и не могу наесться. Не только днем, но и ночью часто хочется есть, но стыжусь у тебя просить». Свекровь же, услышав это, обрадовалась и стала посылать ей пищу обильную не только днем, но и ночью, оттого, что было у них в дому всего обильно – и хлеба, и всех продуктов. Она же, от свекрови пищу принимая, сама не ела, а голодным все раздавала. И когда кто умирал, она нанимала людей омывать и

погребальные одежды давала и на погребение давала сребреники. А когда в селе их погребали кого-нибудь, она за каждого молилась об отпущении грехов его.

Вскоре же мор напал на людей сильный, и многие умирали от моровой язвы. И оттого многие в домах своих запирались, и зараженных не пускали, и к одеждам не прикасались. Она же тайно от свекра и свекрови многих больных своими руками в бане мыла, лечила и об их исцелении Бога молила. А если кто умирал, она многих сирот своими руками обмывала, и в погребальные одежды обряжала, и погребать нанимала, и сорокоуст[438] заказывала.

Когда же свекор и свекровь ее во глубокой старости, постригшись во иночество, умерли, она погребла их честно, многую милостыню раздала и сорокоусты по них заказала и велела отслужить литургию. И в дому своем приют монахам и нищим открыла и принимала их в течение всех 40 дней, и в тюрьму милостыню посылала. Муж ее в это время был на службе в Астрахани уже более 3 лет. Она же большую часть имущества на милостыню раздавала, не только в те дни, но и во все последующие годы творя память по умершим.

И так пожила она с мужем своим многие годы во всей добродетели и чистоте по закону Божию, и родила сыновей и дочерей. Дьявол же, ненавидящий добро, стремился ей препоны сотворить, частые брани устраивая среди детей ее и слуг. Она же, обо всем разумно рассуждая, мирила их. Дьявол же подговорил слугу их – и тот убил сына ее старшего. Потом и другого сына ее на службе убили. Она же, хотя и скорбела, но разве о душах их, а не о смерти, – и почтила их пением, и молитвою, и милостынею. Потом молила мужа своего, чтобы отпустил ее в монастырь. Он же не отпустил. И решили они жить вместе, а плотского общения не иметь. И после того застилала она ему обычную постель, а сама же с вечера, после долгой молитвы, ложилась на печи безо всякой постели. Только дрова острыми углами под тело свое подкладывала, и ключи железные под ребра себе клала, и на них совсем немного спала, пока слуги не засыпали. Потом же становилась на молитву на всю ночь до света. Потом же в церковь шла к

заутрени и к литургии, занималась рукоделием и дом свой богоугодно вела. Слуг своих заботливо кормила и одевала и дело каждому по силе его определяла. О вдовах и сиротах пеклась и бедным всем помогала.

И пожили они с мужем 10 лет после плотского разлучения, и муж ее скончался. Она же погребла его честно и почтила пением и молитвами, и сорокоустами, и милостынею. Отвергнув все мирское, стала она печься о душе и думать, как угодить Богу: постилась и милостыню безмерную творила – так, что часто не оставалось у нее ни одной монеты. Но, занимая, она снова давала милостыню и в церковь каждый день ходила к пению. Когда же наступала зима, она у детей своих брала деньги, чтобы сшить себе теплую одежду, но и те раздавала нищим. А сама всю зиму без теплой одежды ходила. Сапоги же на босые ноги обувала, только под ступни себе ореховые скорлупы и черепки острые вместо стелек подкладывала и тело томила.

Как-то зима была такой студеной, что земля трескалась от мороза. Она же некоторое время в церковь не ходила, но дома молилась Богу. Однажды рано утром священник той церкви пришел один в храм, и был ему глас от иконы Богородицы: «Иди и скажи милостивой Улиании, почему она в церковь не ходит на молитву? И домовная ее молитва приятна Богу, но все же не так, как церковная. Вы же почитайте ее, потому что ей уже шестьдесят лет и Дух Святой на ней почиет». Священник же в великом ужасе тотчас пришел к ней, упал перед нею и, прося прощения, рассказал о видении. Она же с опасением все то выслушала, что он поведал перед многими, и сказала: «Ошибся гы, если о себе так говоришь. Кто есть я, грешница? Да буду достойна этого имени!» И взяла с него клятву не рассказывать об этом никому. Сама же пошла в церковь, с теплыми слезами молебен совершила и целовала икону Пречистой Богородицы. И с того времени еще более подвизалась о Боге, ходя в церковь.

Ежевечерне молилась она Богу в уединенной хоромине. Была же тут икона Богородицы и святого Николы. Однажды вечером вошла она в нее, как обычно, на молитву – и тотчас хоромина наполнилась бесами со всяческим оружием. И хотели

они убить ее. Она же помолилась Богу со слезами, и явился ей святой Николай, держа палицу, и прогнал бесов от нее, – и они как дым исчезли. Одного же беса поймав, стал мучить. Святую же благословил крестом и тотчас невидим сделался. Бес же, плача, возопил: «Многие преграды творил я тебе во все дни: раздувал ссоры среди детей и слуг. К тебе же самой не смел приблизиться из-за милостыни твоей, смирения и молитвы». Ведь она беспрестанно, держа в руках четки, произносила молитву Иисусову. Даже когда ела и пила или что другое делала, непрестанно молитву читала. Даже когда спала, уста ее двигались и сердце устремлялось на славословие Божие. Часто видел я ее спящей, а рука ее четки передвигала. Бес же бежал от нее, вопия:"Большую беду принял я ныне из-за тебя, но сотворю тебе преграду под старость: начнешь сама от голода умирать, а не то чтобы чужих кормить». Она же ознаменовалась крестом – и исчез бес от нее. Она же пришла к нам в сильном смятении, в лице переменившись. Мы же, видя ее смущение, стали расспрашивать, но она не рассказала ничего. Вскоре однако, рассказала нам тайно о произошедшем и повелела никому не говорить.

И пожив во вдовстве девять лет, была она добродетельна ко всем и много имущества как милостыню раздала. Только самое необходимое она в дому оставляла и пищу ровно на год рассчитывала, а весь остаток нуждающимся раздавала. И дожила она до времен царя Бориса. В те времена случился голод страшный во всей Русской земле, – такой, что многие поедали скверных животных и человеческое мясо. И без счета людей от голода того поумирало. В доме же Улании великая скудность пищи и всех припасов настала: не пророс в тот год из земли посеянный хлеб. Лошади же и весь скот издохли. Она же умоляла детей своих и слуг, чтобы они ничего чужого не коснулись и воровству не предались. А сама весь оставшийся скот, и одежду, и утварь – все распродала на хлеб и тем челядь свою кормила, и милостыню щедрую давала. И в нищете она своей' обычной милостыни не оставила и ни одного из просящих не отпустила с пустыми руками. Когда же впала в крайнюю

нищету и ни одного зерна не осталось в дому ее, – и тогда она смятению не поддалась, но все упование на Бога возложила.

В то лето переселилась Улиания в другое село в пределы нижегородские. И не было там церкви, но только за две версты. Она же из-за старости своей и нищеты не ходила в церковь, но в дому молилась. И о том немало печалилась, но вспоминала святого Корнилия, – ведь не вредила и ему домовная молитва, – и других святых великих. Скудость же все увеличивалась в дому ее. Она же распустила слуг своих на волю, чтобы не изнурились они от голода. Из них же самые доброрассудные обещали с нею вместе терпеть, а другие ушли. Она же с благословением и молитвою отпустила их, нисколько не гневаясь. И повелела оставшимся слугам собирать лебеду и кору древесную – и из того хлеб печь. И тем хлебом сама, и дети ее, и слуги кормились. И по молитвам ее был тот хлеб сладок. Его она и нищим подавала, никого пустым не отпустив, а ведь в то время нищим числа не было. Соседи же говорили нищим: «Чего ради вы в Улианин дом ходите? Она ведь и сама с голоду умирает!» Они же отвечали: «Многие села мы обошли, и чистый хлеб подавали нам, но никогда так в сладость не ели, потому сладок хлеб у вдовы сей». Многие ведь даже имени ее не знали. Соседи же, у которых хлеба было вдоволь, и те посылали в дом ее просить хлеба, искушая ее, уж очень сладок был этот хлеб. И, дивясь, говорили сами себе: «Горазды слуги ее печь хлебы!» А не понимали, что по молитвам ее хлеб сладок. И так претерпела она в нищете два года, и не опечалилась, ни на что не возроптав, и не согрешила даже в мыслях своих, и не возроптала в безумии на Бога. И не изнемогла от той нищеты, но более прежнего весела была.

Когда же приблизилось честное ее преставление, разболелась она декабря в 26-й день и пролежала в болезни шесть дней. Днем лежа молилась, ночью же вставала на молитву Богу. Сама стояла, никем не поддерживаемая, объясняя это так: «И от больного Бог требует молитвы духовной».

Января во 2-й день на рассвете призвала она отца своего духовного и причастилась Святых Тайн. И, сев, призвала детей

и слуг своих и поучала их о любви, и о молитве, и о милостыни, и о других добродетелях. Сказала же еще: «Хотела я очень принять ангельский образ иноческий, но не сподобилась из-за грехов моих и нищеты, потому что недостойна была – грешница и убогая. Но Бог так повелел – и слава праведному суду Его». И велела приготовить кадило и фимиам положить. И поцеловала всех бывших там, и всем мир и прощение дала, и легла, и перекрестилась трижды, обвив четки вокруг руки своей, и последнее слово сказала: «Слава богу! В руки Твои, Господи, предаю дух мой! Аминь». И предала душу свою в руки Божий; Его же с младенчества возлюбила. И все видели около головы ее круг золотой, какой на иконах вокруг голов святых пишется. И, омыв, положили ее в клети, и в ту ночь видели люди там свет и свечу горящую, и благоухание чудное доносилось из клети той. И, положив тело в гроб дубовый, перевезли ее в пределы муромские и погребли у церкви праведного Лазаря возле мужа ее в год 1604-й января в 10-й день. А до церкви Лазаревской четыре версты от города.

Потом поставили над могилой ее церковь, отапливаемую во имя архистратига Михаила. Над гробом же ее выложили печь. Земля же нарастала над могилою каждый год. В лето 1615-е августа в 8-й день преставился сын ее Георгий. И начали в церкви копать ему могилу в притворе между церковью и печью (а был тот притвор без настила) – обрели гроб ее поверх земли целый, ничем не поврежденный. И недоумевали, чей бы это мог гроб быть, ведь многие годы здесь никого не хоронили. Того же месяца в 10-й день погребли сына ее Георгия подле гроба ее и пошли в дом, чтобы накормить могильщиков. Женщины же, бывшие на погребении, открыли гроб и увидели, что он полон мирра благовонного, и тогда от ужаса не поведали ничего. Когда же гости разошлись, они рассказали, что произошло. Мы же, услышав, удивились и, открыв гроб, увидели все так, как женщины и рассказывали в ужасе. И начерпали небольшой сосуд мирра того и отвезли в город Муром в соборную церковь. И было мирро то днем по виду как квас свекольный, ночью же сгущалось, как масло багряновидное. Тела же ее всего не посмели от ужаса осмотреть. Видели только ноги ее и бедра

целые, головы же ее не видели из-за того, что на конце гроба бревно печное лежало. От гроба же под печь шла скважина. По ней гроб тот из-под печи стал двигаться на восток, пока, пройдя сажень, не встал, дойдя до стены церковной. В ту ночь многие слышали звон в той церкви. И думали, что это пожар, но, прибежав, не увидели ничего, только благоухание исходило. И многие, услышав об этом, приходили и мазались мирром тем и облегчение от различных недугов принимали. Когда же мирро то все раздали, начала подле гроба исходить пыль, будто песок. И приходят больные различными недугами, и обтираются песком тем, и облегчение получают и до сего дня. Мы же не осмеливаемся о том писать, так как не было освидетельствования того.

Чудеса и исцеления

И пришел из града Мурома человек по имени Иеремей Червев с женою. И привел с собой двоих детей: сына Андрея и дочь девицу. Оба больны были: из рук и ног кровь текла, – из голеней и локтей. И пели молебен, и панихиду служили, и от гроба святой песком отерлись – ив тот же час облегчилась болезнь их. Когда же отец принес их в дом свой, одолел их сон. И спали весь день и еще ночь, проснувшись же стали руками своими креститься, а прежде не могли руку и к устам поднести больше двух лет. Язвы же их исчезли в одну неделю. И другие многие исцелялись, но таят чудеса, боясь осуждения. Более же всего от лихорадки исцеление получают.

И оградили гроб ее досками со всех сторон на расстоянии меньше пяди. Потом же стали замечать, что иногда верх гроба того к правой стороне приклоняется, иногда – к левой, и удивлялись тому. Потом же поняли, что нарастала земля под гробом тем. И так мало-помалу стала вода подступать к гробу ее. Мы ужасались тому, ведь место то было высоко. И явилась блаженная в граде Муроме в монастыре дочери своей инокине Феодосии и повелела вынуть гроб из земли. Она же, придя, подняла гроб ее немного и подложила под него доску дубовую. И с тех пор и доныне вода не приходит.

Человек именем Иосиф из деревни Макаровы страдал болью зубною многие дни, так, что не мог ни есть, ни пить. И

хотел он от болезни этой тяжкой удавиться. Жена же его сказала ему: «Иди к раке блаженной Улиании». Он послушал совета ее и пришел один в полдень ко гробу и отер песком болевшие зубы, – и тотчас ощутил облегчение. И придя домой, уснул – и проснулся совсем здоровым. И пошел сено косить.

Однажды ночью загорелось село то – объял огонь четыре двора посредине, те, что соломой были крыты. И поднялась буря великая, и огонь уже стал приближаться к церкви. Я же едва сумел в страшном зное вбежать в церковь и схватить земли от гроба ее обеими руками. И явилась в руках моих будто вода – и вверг ее огонь против ветра, и с другой стороны пожара так же. И тотчас ветер обратился вспять и начал свиваться кругами. И два дома крайние угасили водой. А по обе стороны по четыре двора, тоже крытых соломой, сберег Бог от огня – невредимы остались молитвою святой Улиании.

Соборной церкви священника Михаила попадья лежала в болезни пять месяцев. И отпели молебен, и панихиду отслужили, и, воду освятив, дали ей испить. И отерлась она песком от гроба святой, – и тотчас стала здрава, будто и не болела никогда.

В деревне Пансырево человек по имени Иосиф разболелся: заболело у него горло так, что перестал он говорить, а едва лишь пальцем указывал. И дали ему воды с мощей святой Улиании, – и тотчас здрав стал и начал говорить ясно, будто и не болел никогда.

Села Лазарева крестьянка Фекла была бесом одержима долгое время, – и привели ее к раке святой, и молебен спели. И стала она здоровой и в полном уме.

В деревне Горохово некая жена была слепа многие годы: не видела нимало, ничуть. И привели ее к раке святой и пели молебен. И в тот же час она прозрела, будто не болела никогда. И пошла в дом свой, славя Бога.

В деревне Коледино человек именем Климент заболел, была у него на ноге язва, называемая пострел (моровая язва), от которой многие умирали. Было в то время сильное поветрие на скот, и был тот недуг смертным. Он отчаялся выздороветь, но услышал о чудесах преподобной Улиании и повелел вести

себя ко гробу ее. И, отслужив молебен, отерся песком – и вскоре здравие получил и очистился от язвы.

Села Карачарова человек именем Селивестр был расслаблен три года, – и привезли его в село Лазареве и молебное пение совершили. Он же отерся песком – и вскоре исцеление получил. И ушел радуясь.

Деревни Подболотья человек именем Андрей был расслаблен и горбат и не мог наклоняться два года. И пришел к праведной Улиании, и, совершив молебен, отерся песком и святою водою окропился. Вскоре же исцеление получил и восславил Бога.

Града Мурома, посадского человека Матфея Черкасова, раба именем Мария, была слепа. И привел ее к раке святой Улиании, совершив молебен и панихиду. И она тотчас исцеление получила, и пошла в дом свой, радуясь о себе, и по пути стала ягоды и грибы собирать – будто и не болела никогда.

Некий отрок десяти лет от роду был слеп и расслаблен, так, что не мог сам даже с одного бока на другой перевернуться. И принесли его родные к церкви Архангела Михаила и молебен совершили. И тотчас отрок прозрел и увидел свечи горящие. Болезнь же его облегчилась – и через несколько дней он встал на ноги, здоровый, и прославил Бога и святую.

У клирика церкви Архангела Михаила по имени Федор заболела жена Агафья: отнялась у нее правая рука и не могла она даже двинуть ею. И явилась ей во сне блаженная Улиания и сказала: «Иди в церковь Архангела Михаила и приложись к иконе праведной Улиании. Есть у тебя две сребреницы». И показала место, где они лежали. И повелела отдать их священнику, чтобы тот приложил их к образу ее. Она же сделала все так, как было сказано. И отпели молебен и панихиду, она же испила святую воду и отерлась песком – и тотчас исцелилась, и прославила Бога и святую Улианию, и ушла радуясь.

Села Лазарева некая жена именем Фекла, жена Артемия Мартьянова, страдала глазной болезнью. И привели ее в церковь и совершили молебен. Она же омылась святою водою

– и вскоре исцеление получила. И возблагодарила Бога и святую Улианию.

Сын боярский по имени Федор, прозвищем Пансырев, лежал более года в водяной болезни, животом мучаясь и поносом исходя беспрестанно. И привезли ему песка от гроба святой Улании и святой воды. И когда он испил воды той и песком отерся, тотчас отек спал и понос закрепился.

Сын же его, именем Симеон, безумен был долгое время. И привели его в церковь, заказав молебен. И тотчас он в ум свой возвратился и здрав стал – и до сего дня.

Града Мурома дворянин Стефан Скрыпин долгое время болен был: отнялись у него обе руки, и не мог владеть ими. И приехал к мощам святой Улании, и молебен совершили. Когда же священник прочел Евангелие, он приложился к мощам святой – и исцеление получил. И начал креститься, радуясь, и ушел здоровым, славя Бога и святую Улианию.

Московский дворянин Иосиф Кровков разболелся страшною болезнью, так, что и жизни отчаялся. И прислал слугу своего Аникия, чтобы взял тот святой воды и песку от раки Улании. И пели ей молебен. Иосиф же испил святой воды и омылся ею и песком отерся – и тотчас выздоровел. И получив исцеление, пришел сам, своими ногами, и сделал вклад в церковь ту, приложил облачение священническое, славя Бога.

1645 года, сентября в 1-й день, исцелил Бог Михаила Яковлева сына Мельникова, одержимого недугом беснования.

В 1646 году, октября в 19-й день, украли воры прикладные копейки позолоченные от образа святой Улании, но на улице их выронили, и остались все копейки целы. Только не объявил Бог, кто крал.

1649 года мая в 8-й день. Жена некая именем Елена, по прозванию Васильевна, из Вязниковской области, в молодости ослепла и была слепа год. И приходила она молиться ко многим святым местам. И подумалось ей о святой Улании, – чтобы пойти в село Лазарево приложиться ко гробу ее и молебен совершить. И в тот же час сама начала она видеть. И пришла к преподобной уже здоровой, будто и не болела

никогда. И пробыла в Муроме два года, приходя в день памяти святой Улиании ко гробу ее и молебны совершая.

Жизнеописание святейшего патриарха Московского и всея Руси Гермогена [439]

Предание не сохранило сведений о детских годах патриарха Гермогена. Историки предполагают, что родом он был из Вятки, а по происхождению принадлежал к посадским людям. Мирское имя его было Ермолай, как, впрочем, святейший и сам порой подписывался. Один из московских священников – современников святейшего патриарха свидетельствовал, что в молодые годы Ермолай пребывал «в казаках донских, а после – попом в Казани». Впервые в письменных источниках мы встречаем имя Ермолая в связи с его священническим служением в Казани. Священнический сан он принял довольно поздно – годам к пятидесяти. Он был настоятелем Гостинодворской Никольской церкви города Казани. В среде духовенства пользовался большим уважением и почитанием за свои литературные и книжные дарования. Именно ему выпала честь поднять на свои руки новоявленную икону Божией Матери Казанской, найденную после пожара в городе в 1579 году на месте сгоревшего дома стрельца Данилы Онучина. Казанский митрополит Иеремия избрал для этой цели именно гостинодворского священника. Позже он, по поручению царя Иоанна Грозного, составил описание, достаточно обстоятельное и красноречивое, этого торжества.

Вскоре после этого события он овдовел. Избрав монашество, принял постриг в Спасо-Преображенской Казанской обители и довольно скоро стал ее настоятелем. Наследство получил тяжелое – обитель сильно пострадала во время пожара 1579 года. Будущий святитель ревностно трудился, восстанавливая монастырь. А спустя еще несколько лет, в 1589 году, был хиротонисан в Москве во епископа на кафедру митрополита Казанского и Астраханского. Его опыт пастырского служения в Казани помог и в святительской деятельности. Этот край, недавно присоединенный к Москве, требовал духовного просвещения.

Окруженный мусульманами, часто враждебно относившимися к христианам, святитель начинает трудиться в деле просвещения края.

Годы святительства ознаменовались возведением новых храмов – на месте обретения чудотворной иконы Казанской Божией Матери, а также в Спасо-Преображенском монастыре. Ревностно заботился святитель и о прославлении местных святых. В 1592 году он переносит из Москвы в Свияжск в Успенский монастырь мощи казанского святителя Германа – просветителя инородцев[440]. А спустя четыре года открывает мощи казанских святителей-миссионеров Гурия и Варсонофия[441]. А затем сам, со слов старожилов, описывает их труды и подвиги среди казанских жителей. Именно ему мы обязаны тем, что до наших времен дошли сведения и о первых мучениках среди новообращенной казанской паствы – Иоанне, Стефане и Петре[442]. Мученики Стефан и Петр были обращены в христианство из мусульман. По благословению патриарха Иова в 1592 году митрополит Гермоген устанавливает ежегодную панихиду по новым мученикам и записывает их имена в синодик. В этом же году он велит совершать по всем церквам в первую субботу после Покрова память всех русских воинов, погибших при взятии Казани.

Будучи рачительным хозяином и понимая, сколько трудов необходимо положить для просвещения края, митрополит Гермоген ходатайствует перед патриархом Иовом о разделении епархии на две – Казанскую и Астраханскую. Астраханскую епархию он препоручает архиепископу Феодосию, которого хорошо знал. В те времена епископов весьма часто вызывали в Москву для участия в освященном соборе при патриархе. Приходилось епископам заседать и в боярской думе, присутствовать на торжественных приемах в царском дворце. Неоднократно вызывали в Москву и митрополита Гермогена. В начале семнадцатого века Русскую Церковь возглавлял патриарх Иов, уже тогда находившийся в преклонных годах. На царском престоле восседал Борис Годунов, человек властолюбивый и сильный. Митрополит Гермоген часто

возвышал голос в защиту интересов Русской Церкви, не боялся высказывать свое мнение перед лицом царя.

На Русское государство надвигались тяжелые времена, получившие впоследствии название Смуты, или Смутного времени. После смерти Бориса Годунова престол занял его малолетний сын Феодор. Но сама династия Годуновых была крайне непопулярна в России. Самому Борису приписывали множество преступлений, в том числе убиение малолетнего сына Иоанна Грозного – царевича Димитрия в Угличе. Еще при жизни Бориса появился Самозванец, утверждавший, что он и есть спасшийся царевич Димитрий. В Польше он собрал войска, к нему присоединились донские казаки, и войско Самозванца двигалось на Москву. В разгар военных действий скончался царь Борис. В Москве произошел переворот. Во время народного восстания были арестованы царица Мария, мать царевича Феодора, и сам царевич. Наступил период междуцарствия. Самозванец приближался к Москве. Современник этих событий оставил дошедшую до нас «Новую повесть о преславном Российском царстве». В ней он описывает события этого времени: «…ибо за некую провинность перед Творцом, место то (Россия) стало колебаться, а живущие в нем – смущаться и головами своими глупиться, а оттого – и великой крови литься»[443]. Страна, обессиленная и обескровленная в годы правления царя Иоанна Грозного, не смогла противостать ни боярским распрям, ни нашествию Самозванца.

Летом 1605 года войска Самозванца находились в Туле. Туда и прибыла делегация бояр. Самозванец приказал расправиться с семьей Годуновых и приготовить столицу к торжественному въезду нового царя. Бояре исполнили указания Самозванца, и Годуновы были казнены. Но Самозванцу противостал патриарх Иов. Он отказался признать в нем законного царя. Боярская дума поспешила исполнить еще одно указание Самозванца – в Успенском соборе, при стечении народа, боярин П. Ф. Басманов проклял патриарха. С него содрали святительское облачение и возложили черные одежды.

Престарелого, слепнувшего патриарха заточили в Успенском монастыре в Старице, в котором он когда-то был игуменом.

Стремясь придать своему воцарению законную форму, Лжедимитрий I созвал в Москве епископский собор, который утвердил смещение патриарха Иова, поскольку тот был стар и слеп. Патриархом был избран архиепископ Рязанский Игнатий, родом грек с острова Кипр. В свое время благодаря заступничеству Бориса Годунова он стал архиепископом Рязанским и первым из епископов предал семейство Годуновых. Никто из епископов не дерзнул поднять голоса против Игнатия. Одним из замыслов Лжедимитрия I было введение Унии[444]. Женившись на католичке Марине Мнишек и заручившись согласием патриарха Игнатия, Лжедимитрий принялся было проводить в жизнь свой замысел. И вот тогда прозвучал голос митрополита Казанского Гермогена. Он первым выступил против того, чтобы Лжедимитрий женился на католичке, чем вызвал гнев нового царя. Митрополит Гермоген был удален из Москвы, исключен из членов освященного собора и, как полагают, был лишен сана и заточен в одном из казанских монастырей. Его примеру последовал лишь епископ Коломенский Иосиф и некоторые протоиереи. Духовенство было также деморализовано во время кровавого правления царя Иоанна Грозного.

Но Лжедимитрий I продержался на царском престоле менее года. В начале мая 1606 года Самозванец был убит. Игнатий лишен патриаршества и заточен в Чудовом монастыре в Кремле «на покаяние». По воле московских бояр и освященного собора царский престол занял престарелый князь Василий Иванович Шуйский. Новый царь, ища поддержки, вызвал из Казани мужественного митрополита. 3 июня 1606 года Поместный Собор Русской Православной Церкви избирает его патриархом Московским и всея Руси. В это время патриарху исполнилось семьдесят лет. Он прекрасно понимал, в каком тяжелом состоянии находится и русское общество, и православное духовенство. Вот как описывает современник тогдашнее состояние духовенства и борьбу с ними патриарха Гермогена: «Крамольников, которые из духовенства вместе с

мирскими людьми прельстились и которых согласно правилам святых апостолов и святых отцов по достоинству, а не напрасно смирял. Поскольку взбесились тогда многие церковные люди, не только мирские, чтецы, певцы, но священники и диаконы и иноки, – много крови христианской пролили и, чин священства с себя свергши, радовались всякому злодейству. И этих крамольников, иных Божественным Писанием наказывая, иных умоляя, иных же запрещая, скверных же, проливающих кровь и не желающих обратиться к покаянию, тех предавал проклятию. А истинно кающихся, тех любезно принимал и многих от смерти избавлял ходатайством своим. Терпению же его можно было только удивляться, каким он благодетелем представал перед злодеями»[445].

Естественно, что богослужение, пение и благочиние церковное – все пришло в упадок. Патриарх обратился к христианам с посланием, в котором призывал исправлять бесчиние в служении. Стремясь повысить моральный и нравственный уровень, патриарх Гермоген поручил в 1610 году крыл Ошанину Сергиева монастыря «черному» Логгину издать «Око церковное», или Церковный устав, который до этого никогда не издавался печатно. В нем даются указания об исправлении церковного пения, об установлении во время богослужения благочиния. В домашней жизни патриарх Гермоген отличался необыкновенной скромностью и нищелюбием, полной нестяжательностью. Важно привести строки Хронографа 1617 года, которые рисуют облик патриарха: «Был же у него обычай – был суров на словах и во взгляде, но в делах и милостях ко всем был благосердым. И кормил всех во время трапезы своей, и доброхота, и злодея, наделяя их пищею и питием неоскудно. И подавал многую милостыню и нищим и ратным людям, подавая одежду и обувь многим ограбленным, творя милостыню во всякое время, и на исцеление от ран подавая много серебра и золота. И не уставал творить милостыню, так что и сам впал в крайнюю нищету»[446].

Время патриаршества было крайне тяжелым – вскоре появился в пределах России второй самозванец. Вместо того чтобы заняться церковными делами, употребить свой опыт на

приведение в порядок церковных дел, изрядно пострадавших во время правления первого самозванца, патриарх Гермоген вынужден был много времени отдавать делам государственным. Лжедимитрий II расположился со своими войсками под Москвою, в Тушине. К нему примкнули не только казаки, но и многие знатные русские бояре. Вдова Лжедимитрия I Марина Мнишек и ее отец, воевода Сандомирский, заявили, что Лжедимитрий I спасся во время московского бунта, и признали во втором самозванце спасшегося царя. В это же время любимец Лжедимитрия – князь Григорий Шаховской возмутил против Шуйского Северную Украину, Ляпунов – Рязань, а Пашков – Тулу. Василий Иванович Шуйский, запятнавший себя в царствование Бориса Годунова, а также во время правления первого самозванца, чувствовал, что трон под ним колеблется. Большую роль в его непопулярности среди народа сыграли его двусмысленные показания в деле гибели царевича Димитрия. Стремясь поддержать Шуйского, патриарх Гермоген разослал по российским городам грамоты, в которых доводил до сведения прихожан, что царевич Димитрий действительно был убит в Угличе. В этих грамотах патриарх сообщал, что Лжедимитрий – не царевич, а «враг Божий и наш губитель и веры христианской разоритель», что «скаредное его тело предано огню, так что праха от скверного его тела на земле не осталось». А «тушинский царик» – вор и злодей.

Патриарх в одной из своих грамот писал митрополиту Ростовскому Филарету: «А ее, сын мой, грамоту эту, вели читать на соборе не поодиночке, а чтобы ведомо было всем православным христианам, и в монастырских селах, по всем святым церквам. А с нашей грамоты списки посылай к священникам и призывай их к поучению, наставляй Божественным Писанием, чтобы отпавших от христианской веры разбойников и губителей христианских не слушали ни в чем»[447]. Эти грамоты, которые патриарх рассылал по всем епархиям, действовали отрезвляюще на людей, потерявших нравственные ориентиры, сбиваемых с толку противоречащими друг другу свидетельствами.

Желая поддержать Василия Шуйского, патриарх Гермоген направил посольство к опальному патриарху Иову в Старицкий монастырь. Престарелый и слепой патриарх откликнулся на просьбу патриарха Гермогена и прибыл в Москву «для государева и земского великого дела». 20 февраля 1607 года представители русского народа получили разрешение от всех клятв, которые они приносили самозванцу Лжедимитрию I. Обряд прощения состоялся в Успенском соборе при сослужении двух патриархов. После молебна, который был совершен патриархом Гермогеном, представители мирян подали в руки патриарху Иову покаянную челобитную, в которой были перечислены измены и клятвопреступления русских людей. В ней же содержалась просьба о прощении не только их, но и тех, кто живет вне Москвы, а также о прощении уже умерших христиан. Патриархи повелели архидиакону Олимпию прочитать громко и эту челобитную, и разрешительную грамоту патриарха Иова, который был участником событий времен царя Бориса. В разрешительной грамоте патриарх Иов еще раз подтверждал, что царевич Димитрий был убит в Угличе. Тогда он заклинал народ быть верным царю Борису, теперь же разрешает народ от этих клятв и сам просит у народа прощения за них. Обряду предшествовал строгий всенародный пост. Москвичи плакали и целовали десницу патриарха Иова.

Но Смута продолжала развиваться. Вспыхнуло восстание Болотникова, и 15 000 царского войска перешло под Калугой к восставшим. Второй самозванец к 1 августа 1608 года утвердил свою ставку под Москвой, в Тушине.

Духовенство противостояло новой измене, и многие архиереи пострадали. Псковский епископ Геннадий, видя вокруг сплошные измены, «умер от горести». Суздальский епископ Галактион был изгнан тушинцами и умер в изгнании. Коломенского епископа Иосифа воины Лисовского захватили в плен, влачили за собой, мучили, пытали, привязывая его к жерлу пушки и грозя выстрелами. Московскому войску удалось отбить его и вернуть в Москву. Одного из ярых противников измены, тверского архиепископа Феоктиста, тушинцы захватили

и привезли в свой лагерь. Здесь его мучили и убили якобы при попытке к бегству. Тело его было найдено объеденным зверями.

11 октября 1608 года отряды польского воеводы Сапеги подступили к Ростову. Жители Ростова бежали в Ярославль, но митрополит Ростовский Филарет вместе с верными жителями заперся в соборной церкви. Люди исповедались, причастились и решились пострадать от бунтовщиков. Поляки взяли город, начали резню, захватили собор. Филарета, раздев, в одной рубашке, босого, увезли в Тушино, где он находился в плену, терпя постоянные искушения и издевательства со стороны бунтовщиков. Его силой заставили именоваться «нареченным патриархом», что было незаконно, поскольку был жив патриарх Гермоген.

Одной из самых славных страниц русской истории стала шестнадцатимесячная осада Троице-Сергиевой лавры войсками поляков и казаков. 23 сентября 1608 года началась осада. У поляков было около 15 000 войска, осажденных в монастыре – не более двух с половиной тысяч. Но уже к концу осады в живых из защитников оставалось не более двухсот человек. Обороной руководил келарь монастыря – Авраамий (Палицын). Дух осажденных, поддерживаемых неоднократными видениями преподобных Сергия и Никона, был неизмеримо выше, нежели у поляков, в лагере которых царили разврат и дух грабительства. 12 января 1609 года войска осаждавших бежали, поскольку к монастырю подходили войска князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. На неоднократные предложения польских военачальников сдаться осаждаемые гордо отвечали: «Да ведает ваше темное державство, гордые начальники, Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, – напрасно нас прельщаете, Христово стадо православных христиан... – как вечную нам оставить святую, истинную, свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым отпадшим от христианской веры, тем, которые были прокляты четырьмя вселенскими патриархами?.. Но не желаем всех богатств мира за отказ от своего крестного целования»[448]. Троице-Сергиева лавра явила высокий образец духа и верности присяге. Именно

поэтому к лавре начал стекаться православный люд, постепенно опоминающийся от хмеля грабежей и бесчинств.

В Москве тем временем разворачивались события, поколебавшие трон. Тушинцы свободно приходили на городские окраины, продолжая возмущать народ. Первая попытка свержения царя Василия Шуйского произошла 17 февраля 1609 года. Однако она завершилась неудачей, поскольку на его защиту встал патриарх Гермоген. Возмущенная толпа потребовала, чтобы царь и патриарх вышли на Лобное место. Но патриарх своей речью сумел убедить народ в верности данной присяге и рассеял клевету тушинцев. Зачинщики заговора бежали в Тушино. С этого момента патриарх начал действовать на тушинцев обращенными к ним посланиями.

Текст первого послания достоин того, чтобы его привести целиком. Недаром современники называли патриарха Гермогена «вторым Златоустом»: «Ко всем прежде бывшим господам и братиям и всему священническому и иноческому чину, и боярам и окольничим, и дворянам и дьякам, и детям боярским, и купцам, и приказным людям, и стрельцам, и казакам, и всяким ратным и торговым и пашенным людям, бывшим православным христианам всякого чина и возраста же и сана, ныне же из-за грехов ваших против нас обретающихся, не знаю как вас и назвать – недостает мне слов, болезнует моя душа, болезнует сердце мое и все внутри у меня терзается и все суставы мои содрогаются. И плачу, и говорю, и рыдаю: помилуйте, помилуйте, братья и чада единородные, отпадшие от своих душ и родительских, от жен своих и чад, от сродников и друзей, появитесь, вразумитесь и вернитесь!

Узрите отечество свое, расхищаемое чужаками и разоряемое, и святые иконы и церкви поругаемые, и неповинную кровь проливаемую, которая вопиет к Богу, словно кровь праведного Авеля, прося отмщения. Вспомните, на кого воздвигаете оружие? Не на Бога ли, сотворившего вас, не на жребий ли великих чудотворцев и Пречистой Богородицы, не на свою ли единоплеменную братию? Не свое ли отечество разоряете, перед которым многие орды иноплеменных изумлялись, а ныне вами же ругаемое и попираемое?..

Не бойся, малое мое стадо, поскольку благоизволил Отец Мой дать вам царство. Если и среди многих волн люто потопление, но не бойтесь погрязновения, поскольку стоим на камени веры и правды. Пусть пенится и бесится море, но Иисусова корабля не может потопить, и не отдаст Господь на поношение уповающих, ни жезла на жребий Свой, ни зубам вражиим рабов Своих, но сохранит нас, как хочет святая воля Его!

Заклинаю же вас именем Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа отстать от такого начинания, пока еще есть время к познанию, да не до конца погибнете душами вашими и телами. А мы, по данной нам благодати Святого Духа, обращающихся и кающихся восприимем и о прощении вашего согрешения, вольного и невольного, общим советом, соборно, с возлюбленными единомысленными нашими российскими митрополитами и архиепископами и епископами и со всем освященным причтом молить должны Бога и о провинностях ваших. И у Государя прощения испросим: милостив он и не памятозлобив и знает, что не все по своей воле все это творят.

И те из ваших братьев, которые в субботу сыропустную восстали на государя и ложные и грубые слова изрекали, так же как и вы, тем вину простил, и ныне они у нас невредимы пребывают, и жены ваши и дети так же на свободе в своих домах пребывают. Это ли не милость и невоздаяние зла за зло? А если и было кому малое наказание за такую провинность, то это малость. И если в ком душа льва некроткого, то благодеяние преодолеет его. И еще чины и имения раздает вам самозванец, лжец он – раздает чужие, а не свои. И если захочет Бог и вы исправитесь, и того не лишены будете, только помилуйте души свои»[449].

«В уме нашем не вмещается сотворенное вами, – говорит патриарх Гермоген в другом послании в Тушино, – ни по слухам таких никогда не принимали, не видели в летописаниях, то, что невместимо для человеческого ума, то, что сотворено вами. Кто об этом не удивится, кто не восплачет? Оставя веру, в которой родились, в ней же и крестились, в ней же и воспитаны были, воистину исполнение чуда, в таком разуме и хитрейшей и

крепчайшей верою к Богу всех языков, ныне безумнее всех явились. Оставили свет и во тьму отпали, оставили жизнь, а к смерти припряглись, оставили надежду будущих благ и бесконечной блаженной жизни и царства небесного и в ров отчаяния сами себя ввергли, и если еще и живы, то отвержением веры, более же всего от Бога, уже мертвы. К тому же и в удивление приводит нас то, что кто и когда так немилосерд был к своим родителям и сам к себе, и к женам своим, и к детям, и к домочадцам, разве те, кто по собственному желанию от славы Божией и от веры отпали, от своих близких разлучились и дома свои разорили, более же самих себя?»[450]

Но события лишь приостановили падение царя, не пользовавшегося народной любовью. Успехи молодого воеводы князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, разбившего войска самозванца и прогнавшего его из Тушино, на время прекратили недовольство царем. Лжедимитрий II бежал в Калугу. Но неожиданная и загадочная смерть молодого воеводы, народного любимца, вину за которую народная молва возлагала на царя, вновь всколыхнула народные массы. Враги Шуйского – Захар Ляпунов и Петр Засекин потребовали от царя отречения от престола. Со слезами умолял патриарх Гермоген крамольников не чинить беззакония, но мятежники настояли на постриге и силою постригли царя и царицу в иноческий чин. 17 июня 1610 года состоялось отречение от престола.

Державная власть в Москве перешла в руки семи московских бояр. Но семибоярщина не смогла более двух месяцев удержать власть в своих руках. Вновь начались смуты. Современник пишет: «…а земля наша за великие грехи наши, без них, государей, овдовевшая, в великую скорбь поверглась. А горше всего, в ней произошел разлад: из-за гордости и вражды не захотели многие из рода христианского царя избрать и ему служить, но пожелали среди иноверных и безбожных царя изыскать и ему служить. А те, прежденазванные его доброхоты, а наши злодеи – об именах их нет здесь речи – растлились умами своими и захотели соблазнам мира сего служить и в

великой славе быть, а иные, нелюди – не своему достоинству чина почетного достичь»[451].

В это время Россия находилась в состоянии войны с Польшей. Войска короля польского осаждали Смоленск, который под водительством воеводы Шеина и архиепископа смоленского Сергия мужественно сопротивлялся осаде. Узнав о низложении царя Василия Шуйского, Сигизмунд III двинул войска на Москву. Одновременно к Москве двинулся и «тушинский царик». В Москве воцарилось уныние. И вновь взоры русских людей обратились к патриарху Гермогену, который для многих в это страшное время стал опорой и вдохновителем. Патриарх видел единственный выход в избрании нового царя, непременно русской боярской крови. И здесь сказалось еще одно качество патриарха – его прозорливость. Он предложил в качестве кандидата на престол четырнадцатилетнего Михаила Романова, сына Ростовского митрополита Филарета Романова. Он приходился родственником царице Анастасии, супруге покойного государя Иоанна Грозного, отличаясь добрым нравом и хорошим воспитанием. Патриарх открыто назвал боярам его имя. Но временщики, обласканные обещаниями польских воевод, выставили в качестве кандидата на русский престол сына короля Сигизмунда III, молодого королевича Владислава. За королевича высказались влиятельные бояре – князья Ф. Мстиславский, В. Голицын, Ф. Шереметев. Именно они отвергли кандидатуру, предложенную патриархом, и сказали: «Твое дело, святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские дела тебе не следует мешаться».

Патриарх вынужден был уступить, но выставил свои требования – чтобы королевич Владислав венчался по православному обряду и принял православие. Во главе посольства, отправившегося в Польшу, стояли митрополит Филарет, «муж духовный и многорассудный», князь Василий Васильевич Голицын, «муж великого рассуждения и изящный, в посольственных уставах искусный». Но король Сигизмунд медлил дать послам решительный ответ, держа их в своем стане под Смоленском как пленников. Тем временем король

отдал приказ польским войскам занять Москву. Поляки начали хозяйничать в столице. Оказалось, что русские снова попали в ловушку. И вновь патриарх Гермоген возвысил голос и стал призывать русских бояр и воинов к борьбе за освобождение.

Автор «Новой повести о преславном российском царстве» пишет: «Еще более почтим да подивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцам отцу, и святителю! (имя же его всем ведомо). Словно столп непоколебимо стоит он посреди нашей великой земли, посреди нашего великого государства, и православную веру защищает, а всех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит один против всех них, как муж-исполин, без оружия и без воинского ополчения, только учение, как палицу, держа в своей руке против великих агарянских полчищ и побеждая всех, Так и он, государь, вместо оружия, только словом Божиим всем врагам нашим затворяет уста и, в лицо их посрамляя, ни с чем отсылает от себя. А нас всех укрепляет, и поучает устрашения их и угроз не бояться и душами своими от Бога не отступаться, а стоять бы крепко и единодушно за дарованную нам Христом веру и за свои души…

…Во всеуслышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас немало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла, а великое бы наше море без колыхания и волнения стояло. А ныне один уединенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит. И иному некому пособить ни словом, ни делом: кроме Бога, Пречистой Его Матери и великих чудотворцев никаких других пособников не имеет. Те же, кто были его сынами и богомольцами и принадлежат тому же духовному сану, – те славою мира сего тленного прельстились, проще сказать, подавились, и на сторону врагов склонились, и творят их волю»[452].

11 декабря 1611 года погиб второй самозванец. Гонсевский, польский воевода, стоявший во главе польских войск в Москве, а также бояре Салтыков, Масальский и Андронов написали королю «веряющие грамоты» с повторною просьбой дать

королевича Владислава в цари. Когда патриарху Гермогену предложили подписать эти грамоты, он с негодованием отверг это предложение. Сохранился и письменный ответ патриарха: «В том случае стану писать королю грамоты и руку свою приложу и властям всем повелю руки свои приложить и вас благословлю писать, если король даст сына своего на Московское государство и крестит в православную христианскую веру, и литовских людей из Москвы выведет, и вас Бог благословляет такие грамоты писать и королю посылать. А если вы будете писать такие грамоты, что во всем нам положиться на королевскую волю и послам о том королю бить челом и класться на его волю, и то ведомое стало дело, что нам целовать крест самому королю, а не королевичу, то вот таких грамот не только что мне руку не приложить, но и вам не благословляю писать, но проклинаю, кто такие грамоты учит писать»[453]. Когда Салтыков увидел, что их замысел не удался и патриарх разгадал его, он в раздражении поднял на него нож, словно желая его зарезать. Но патриарх спокойно перекрестился и ответил: «Это крестное знамение против твоего окаянного ножа. Да будешь ты проклят в этом веке и в будущем».

После этого столкновения с боярами патриарх Гермоген понял, что опору необходимо искать среди тех, кто еще оставался верным своему отечеству. Встречаясь с верными людьми, которые приезжали в Москву, а также в своих посланиях патриарх рисовал картины польского разгула в русской столице и призывал русских людей встать на защиту отечества. Свои послания он также рассылал через епархиальных архиереев и верных ему «протопопов, попов и диаконов». Одна из таких патриарших грамот, рисовавшая тяжелое положение осажденных смольнян и бесчинства захватчиков в русской столице, попала в Нижний Новгород и произвела на жителей неизгладимое впечатление. Козьма Минин, «от христианского народа муж, рода не славного, но человек мудрый», произнес патриотическую речь перед согражданами.

Быстро было собрано нижегородское ополчение под предводительством князя Димитрия Пожарского и направилось к Москве. По дороге к ним присоединились казанцы, неся перед собой, по указанию патриарха Гермогена, список с чудотворной иконы Казанской Божией Матери. Эти полки привлекали ополчения и из других русских городов: Ярославля, Владимира, Костромы. К ним присоединились позже полки Прокопия Ляпунова и Заруцкого. Вскоре Москву, захваченную поляками, обложила рать более чем в сто тысяч человек. Изменники из русских бояр и поляки пришли к патриарху Гермогену и стали угрожать ему расправой, если он не обратится к полкам, осадившим Москву, с призывом разойтись по домам. Патриарх бесстрашно ответил: «Что вы мне угрожаете? Одного Бога боюсь. Если вы и все литовские люди уйдут из Москвы, тогда благословлю войска отойти прочь, а если останетесь в Московском государстве, тогда я их всех благословляю против вас стоять и умереть за православную христианскую веру».

Тогда бояре постановили взять патриарха под надзор. У него отняли письменные принадлежности и лишили возможности общаться с людьми. Был разграблен патриарший двор, а все слуги взяты в заключение. Сам патриарх был заключен на подворье Кирилло-Белозерского монастыря в Кремле. Здесь он был постепенно уморен голодной смертью. Патриарх скончался 17 января 1612 года. В стане русских войск под Москвой начались раздоры. Прокопий Ляпунов был убит. Казачий вождь Заруцкий поднял опять знамя самозванчества, провозгласив царем сына Лжедимитрия I и Марины Мнишек. Но дело патриарха Гермогена не умерло. Борьбу за освобождение отечества продолжили его последователи – архимандрит Дионисий, настоятель Троице-Сергиевой лавры, и Авраамий Палицын, ее келарь. Они рассылали патриотические послания по всей России. 22 октября 1612 года был взят Китай-город, а осажденный Кремль сдался месяц спустя. С этих пор празднуется Русской Православной Церковью праздник иконы Казанской Божией Матери – 22 октября, в память освобождения Москвы от иноземных захватчиков. Насильственная смерть от рук изменников-бояр и польских захватчиков патриарха

Гермогена сумела поднять дух русских людей. Шло освобождение России и восстановление русской государственности. Спустя год после смерти патриарха был избран собором на царский престол Михаил Романов. А спустя восемь лет, когда вернулся из польского плена его отец, митрополит Ростовский Филарет, было восстановлено и патриаршество. Подвиг патриарха Гермогена, его мужественное противостояние насилию и измене стали образцом для подражания. Тело его было торжественно погребено в Чудовом монастыре в Кремле. В 1913 году, когда праздновалось трехсотлетие дома Романовых, был причислен к лику святых патриарх Гермоген. Несмотря на столь позднюю канонизацию, память о его подвиге всегда жила в сердцах русских людей. И до наших дней он являет собой образец «пастыря доброго, который полагает душу свою за овец своих».

Жизнеописание святого Димитрия Ростовского [454]

Святой Димитрий Ростовский родился в декабре 1651 года в городке Макарове, недалеко от Киева. Мальчика назвали Даниилом; ни новорожденный, ни его родители не помышляли даже о Ростове, который для них был городом заграничным и чужим. Русские биографы святого умалчивали или, по крайней мере, не подчеркивали того обстоятельства, что великий русский святой родился на Украине, в украинской семье и был украинцем. Со времен монгольского завоевания Киевская Русь жила своей, особой от Московской, жизнью, и в XVII веке, когда она вновь встретилась с Россией, оба народа оказались непохожи друг на друга, на общего предка, говорили на разных языках и нуждались для общения в переводчиках. Их объединяла вера и язык богослужения, но церкви Киева и Москвы были независимы друг от друга.

Отец святого – Савва Туптало – в год рождения сына был рядовым казаком Киевского полка, но вскоре стал офицером – сотником, и даже обзавелся гербом (подражая не русскому, а польскому дворянству). Постоянной фамилией семья еще не обзавелась; сын сотника Саввы всю жизнь подписывался как «Саввич», и только раз его назвали «Тупталенко».

Слишком разрушительно было нашествие монголов, и когда Украина очнулась, она сразу стала добычей сильнейшего соседа – Литвы, потом объединившейся с другим соседом – Польшей. Даниил родился гражданином единственной тогда в мире Республики (на Руси ее, во избежании соблазнов, называли без перевода с польского – Речью Посполитой), возглавлявшейся, впрочем, польским королем. В этой Польско-Литовской Республике Украина была бесправна.

Но если у Украины не было своих прав и своего правительства, то у нее была своя армия – казаки. Глава этой армии – гетман – был и лидером страны, а ее офицеры – администрацией. Армия решала судьбу Украины. За исключением одного вопроса: самостоятельности.

Даниил Саввич следил за политикой. Когда в 20 лет он начал вести дневник, то занес туда прежде всего политические перипетии времени своего детства, и даже год своего рождения, точной даты не помня, отнес к походу поляков на Киев. Действительно, в 1651 году, за два месяца до рождения Даниила, поляки нанесли поражение украинской армии и отобрали права, которые предоставили несколькими годами раньше, потерпев поражение от казаков. Но война продолжалась. В 1654 году Савва Туптало, уже сотник, присутствует на Переяславской раде, где казаки присягнули московскому царю. В Москве это событие стали называть «воссоединение Украины с Россией». Но до полного воссоединения было далеко, и в 1658 г. Украина возвращается к Польше; в 1659-м – опять отходит к Москве, в 1660-м – возвращается к Польше. В этом же 1660 году семья Туптало поселяется в Киеве, купив собственный дом; впрочем, Киев уже постоянно находится под властью московского воеводы. Не случайно, видимо, все потомство сотника Саввы ушло по монастырям, не только три дочери, но и единственный сын. Даниил не пошел по стопам отца.

Украина чем-то напоминала Палестину времен Христа – не только горестной политической судьбой и Днепром – русским Иорданом. Как во время оно Иудея, Украина была единственной территорией Европы, где сходились представители самых разных культурных традиций. Украинцы были открыты всем культурам – и греческой ортодоксии, и русскому православию, и польскому католицизму, хотя столицы этих культур были не в ладу друг с другом. Открытость границ создавала редкую открытость духа.

Этой духовной открытости Даниил научился в Киевской духовной школе – Коллегиуме, крупнейшем, пожалуй, учебном заведении православного мира. Полный курс был рассчитан на одиннадцать лет, но достоверно известно, что Даниил прошел лишь начальные классы – с 1662 по 1665 год, когда ректором академии был архимандрит Иоанникий Голятовский[455]. Быть может, Даниил учился здесь и в 1667–1669 годах, когда Голятовского временно заменил игумен Мелетий Дзек. Даниил

знал польский – на нем он вел дневник и писал письма, латынь – она открывала ему мир западного богословия, а также греческий язык. Наконец, церковнославянский был своеобразным ключом к сокровищнице вековой святыни Руси – и Малой, и Белой, и Великой.

Но мало иметь ключи. Ключом можно открыть дом, чтобы его разорить. Выпускники киевской Академии становились подчас ярыми католиками или протестантствующими антилатинистами, а то перенимали русское неприятие всех и вся, в том числе неприятие византийской учености. В эпоху, когда «Бога превратили в оружие», ученый подчас очень походил на невежду.

9 июля 1668 года Даниил Саввич приносит Богу монашеские обеты целомудрия, бедности, послушания. Постриг его игумен Киевского Кирилловского монастыря и – тогда – глава Академии Мелетий Дзек. Даниил стал Димитрием. Под духовным водительством своего учителя и игумена Димитрий пробыл четырнадцать лет.

Через девять месяцев игумен посылает Димитрия во владения Дорошенко, и там, в Каневе, митрополит Киевский Иосиф посвящает восемнадцатилетнего монаха в первый духовный сан – дьякона. Приняв посвящение в диаконы у митрополита Иосифа, Димитрий вернулся – жил в Кирилловском монастыре, как и игумен Мелетий.

В 1670 году отец Димитрия попал в плен к полякам, в шести верстах от Киева. Из этого плена был послан Яном Собесским к гетману Дорошенке и митрополиту Иосифу. Когда Савва Туптало вернулся в Киев, его обвинили в измене, но старик (ему было 74 года) отговорился тем, что не знал о содержании посланий к противникам России. Более ясным положение стало в 1675 году, когда митрополит Иосиф умер и Дзек не возражал, когда 23 мая, в день Святого Духа, именно архиепископ Лазарь (Баранович)[456], а не умиравший митрополит, рукоположил Димитрия в священники. После этого два года Димитрий, теперь иеромонах, был проповедником в Чернигове при архиепископской кафедре.

Архиепископ Лазарь был человек пишущий, искушенный в политике, а в быту, по отзывам современника, «брюзгливый, скупой, ворчливый». Мнение Димитрия было иным.

Великим постом 1676 года Димитрий во сне увидел себя в алтаре перед архиепископом. «Владыка вдруг прогневался на меня и сильно начал меня истязывать. …Я низко кланялся преосвященному и, обещая учинить исправление (коего и поныне еще не делаю, – скрупулезно добавлял Димитрий несколько лет спустя), просил прощения… Думаю, что в видении оном чрез особу преосвященного отца архиепископа сам Создатель мой наказывал меня».

Игумен Дзек считал, что Димитрию при архиепископе пребывать долго не следует. Таланты Димитрия к тому времени вполне определились – широчайшие знания, проповеднический дар, искусство писателя: вышла первая книга, посвященная чудесам Божией Матери. В июле 1677 года, очевидно с благословения духовного отца, Димитрий испросил увольнение и уехал в Республику – благо, границы Киевской митрополии отнюдь не совпадали пока с границами России. Он отправился в Белоруссию, под Пинск, в Новодворский Успенский монастырь.'Так Димитрий оказался во владениях епископа Слуцкого Феодосия – противника Москвы, ставленника покойного митрополита Иосифа. Оттуда – в Вильно, в Святодуховский монастырь, Димитрий здесь произнес две проповеди, а затем с епископом Феодосием отправился в центр его епархии – Слуцк, где на два года поселился в Преображенском монастыре.

Архиепископ Лазарь словно забыл о Димитрии, его звали обратно украинский гетман и Дзек. Но когда белорусы попросили оставить Димитрия, Дзек охотно согласился, оговорив, чтобы самому Димитрию «сие угодно было». Два года пробыл Димитрий в Белоруссии и лишь в начале 1679 года вернулся на Украину.

И Коллегия, и монастырь, где жил Димитрий, существовали благодаря братствам, и проповедовал он по поручению братств[457]. Киевская митрополия держалась на мирянах – от их активного благочестия зависело само ее существование.

Замечательно, что украинские миряне возродили церковь после того, как ее покинула иерархия. Православие на Украине никогда не пользовалось поддержкой правительства. И Польша, и Литва были странами католическими. Неудивительно, что за полвека до рождения Димитрия епископы Киевской церкви объявили о ее присоединении к Риму[458]. И только в 1620 году антиохийский патриарх тайно, по инициативе и под охраной казаков – посвятил семерых епископов, вновь возглавивших Православную Церковь на Украине. Но отныне она всегда имела рядом с собой двойника – церковь униатскую, с тем же православным обрядом, но подчинявшуюся Риму. Борьба с этим двойником стала борьбой прежде всего политической и национальной. Это хорошо видно из тезисов, которые Димитрий записал для себя, видимо, чтобы использовать их в проповеднической деятельности:

1. Без Унии Русь приняла крест от патриарха Константинопольского.

2. Без Унии до Флорентийского собора Русь присоединилась к королю Казимиру.

3. Без Унии Русь и после Флорентийского собора оставалась, сохраняя свои права.

4. Без Унии Русь и после Флорентийского собора и до новой Унии сохраняла свое достоинство и права.

О богословских расхождениях здесь не упомянуто ничего. Что характерно – тезисы написаны на польском языке, а несколько слов – по-латыни.

«Враги человеку домашние его». Как ни враждовали католики и православные, они жили в одном доме – Республике. Уличные ссоры уживались с товарообменом, политические распри – с обменом идеями. Католики допустили к себе восточный обряд, православные к себе – западные книги. Димитрий, как и его учителя по академии, прекрасно говорил и писал на языке своих противников. Правда, проповеди он произносил на украинском, но эти проповеди точно соответствовали риторическим правилам католических витий. Ведь Димитрий учился риторике по учебнику, написанному Голятовским, а тот, в свою очередь, черпал из западных

учебников. Его поучения этих лет логичны по построению и развитию мысли.

Сердце Димитрия питалось святоотеческими писаниями и молитвами. Тем неожиданнее – для нас – некоторые черты его богопочитания. Например, особенно почитал он Страсти Христовы, крестные раны Его, Его сердце, молитвенно сосредоточиваясь на них и благоговея перед ними: «Пронзены ребра острым, железным, долгим копьем, которое... ранило сердце, бывшее источником и началом всей любви, ранило сердце, которое «возлюби Своя сущия в мире до конца возлюби я»[459], ранило сердце сердобольное, милосердное, сострадательное к бедствующим, мир ранил сердце Христово за то, что Христос всем сердцем возлюбил мир.

...Если будет приближаться к нам грехопадение, то, возведши поскорее ум наш ко кресту и посмотрев на Его простертые язвенные руки, простертые как бы уже над нами, подумаем: зачем Господь наш простер руки? А для того простер, чтобы меня спасти от потопления греховного. ...Я, грешный Дмитрий, говорю: благодарю Тебя, Спасителю мой, свете мой, животе и воскресение мое, за то, что Ты возлюбил меня и предал Себя за меня».

Это благоговение перед Сердцем Иисуса – одно и у Димитрия, и у святого Ефрема Сирина, и у святого Бонавентуры. Молитвы свои Димитрий иногда записывал, и форма их более напоминает католические литании[460], чем православные акафисты. И если следующую молитву Димитрий советовал читать, распростершись крестообразно на полу храма (обычай западный), – она не стала менее угодна Богу:

Поклоняюся Тебе, Богу Отцу, очищающему вся беззакония моя.

Поклоняюся Тебе, Богу Сыну, исцеляющему вся недуги моя.

Поклоняюся Тебе, Богу Духу Святому, избавляющему от нетления живот мой.

Поклоняюся Тебе, Богу Отцу, ущедряющему мя, якоже щедрит отец сыны.

Поклоняюся Тебе, Богу Сыну, знающему страстное естество мое и слабость.

Поклоняюся Тебе, Богу Духу Святому, врачующему немощи моя и очищающему мя от всякия скверны.

Своей близости к католикам в некотором отношении Димитрий не отрицал. Записывая рассказ о видении ему святой Варвары, которая упрекнула его, что он ложится «по-римски», пометил: «Думаю, что сие мне сказано для того, что я весьма ленив в молитве и уподоблялся в сем случае римлянам, у коих весьма краткое молитвословие».

Когда в 1679 году Димитрий вернулся на Украину, то поселился в Батурине – столице тех украинских гетманов, которые подчинялись Москве. Архиепископ Лазарь посвятил Димитрия в игумена, пошутив при этом: «Димитрию желаю митру». Полгода он настоятельствует в Максаковском монастыре, полтора – в Батуринском. Начинает уходить предыдущее поколение: в 1682 умер Мелетий (Димитрий горестно помечает в дневнике: «умер игумен мой» – хотя сам уже был игуменом), в 1683 – архимандрит Киево-Печерской лавры Иоанникий, его учитель. Димитрий освобождается от настоятельства и переходит в лавру, где собором, по старинному обычаю, избирается новый архимандрит – Варлаам. Его избрание утверждает московский патриарх, впервые за многовековую историю лавры.

И нового митрополита Киева избирают по указанию Москвы, причем избирают гетман и казаки, а не духовенство. Посвящают его в Москве. Димитрий, как и все украинское духовенство, не одобрил нового порядка, но и не воевал с ним. Через несколько дней после прихода Димитрия в лавру – 6 мая 1684 года – архимандрит Варлаам благословляет его писать жития святых на весь год.

Благословение стало началом огромнейшего труда: Димитрию предстояло создать жизнеописания всех святых, чтившихся Православной Церковью. И сам Димитрий считал, что с этого дня находится «в послушании святом, от Малороссийской Церкви мне врученном». Украинский летописец Величко отмечает его труд как общее дело народа. Димитрия подвигла духовная потребность церковного народа. Был Пролог – сборник кратких биографических сведений далеко не о всех

святых. В России, правда, хранились Четьи-Минеи, составленные при митрополите Макарии в XVI веке коллективом авторов, но и они не отличались полнотой; к тому же эта сведенная в помесячные тома библиотека всей средневековой церковной литературы была столь велика и перенасыщена, что печатать ее начали лишь в XIX веке, но так и не успели закончить – из-за революции 1917 года.

Описать жизнь человека – значит соприкоснуться с его духом; описать жизнь святого – соприкоснуться, кроме того, с Духом Божиим. И Димитрий, как историк, собирает все новые и новые материалы, заботясь об их достоверности; как человек – молится, подобно св. Нестору Печерскому: «Да не будет ми лгати на святого»[461]. И Дух отвечает ему, вдохновляет его творчество. С благоговением Димитрий описывает видение, бывшее после бессонной ночи, проведенной за работой над житиями: «За час или меньше до заутрени лег отдохнуть, не раздеваясь, и в сонном видении узрел святаго мученика Ореста, лицем веселым ко мне вещающего сими словами: «Я больше претерпел за Христа мук, нежели ты написал». Сие рек, откры мне перси своя и показа в левом боку великую рану, сквозь во внутренности проходящую, сказав: «Сие мне железом прожжено». Потом, открыв правую руку до локтя, показа рану на самом противу локтя месте. …И став прямо, взирая мне в лице, рече: «Видиши ли, больше я за Христа претерпел, чем ты написал?»

В 1686 году Димитрий вновь переводится игуменом в Батуринский монастырь. С неохотой отмечает в дневнике: «Убежден есмь от гетмана и митрополита». Гетман в благодарность берется помочь Димитрию в работе и пишет в Москву фавориту царевны Софьи В. В. Голицыну, прося выслать знаменитые

Макарьевские Минеи. По настоянию Голицына патриарх Иоаким Минеи прислал, но уже в марте 1698 года вытребовал их обратно. «Вскоре от нас взяшася, мне не возмогшу за кратким временем тех прочести и яже на потребу оттудна изъяти», – печалился Димитрий.

Окончательное «воссоединение» Украины (не всей) с Россией произошло в 1686 году. Украине поставлен новый гетман – Мазепа. И в августе 1689 года большое посольство во главе с гетманом прибыло в Москву. Был в посольстве и Димитрий. Попали украинцы прямо к дворцовому перевороту: Мазепа только поклонился Софье и Голицыну, как стало ясно, что Петр, засевший в крепости Троице-Сергиева монастыря, берет верх. И Мазепа бросился туда – Петр принял его благосклонно.

Для Димитрия поездка была тяжелой. Патриарх Иоаким выразил свое недовольство строптивой Печерской лаврой, которая, не дожидаясь разрешения Москвы, стала печатать Жития, и сделал строжайший выговор: за упоминание о Непорочности Богоматери, за то, что святые Августин и Иероним названы святыми. Димитрий повинился, хотя и показал патриарху изданные в самой Москве святоотеческие и богослужебные книги, подтверждающие его правоту. Патриарх же дал ему благословение на продолжение работы – не дав, однако, столь необходимых для работы Миней. Страницы, которые не понравились патриарху, были выдраны из уже отпечатанных томов и заменены исправленными.

4 марта 1690 года умер патриарх Иоаким, 6 апреля – митрополит Киевский Гедеон. Новым московским патриархом стал Адриан, рукоположивший в митрополита Киевского, избранного украинским духовенством, Варлаама Ясинского. Из Москвы Ясинский привез Димитрию благословляющую грамоту нового патриарха: вслед за ним были присланы и долгожданные Макарьевские Минеи.

Димитрий попытался было отойти от внешних дел. Он оставил игуменство и поселился в том же Батуринском монастыре в отдельном скиту. Лишь три года безмятежной работы было отпущено Димитрию. И еще один дар – в 1693 году из Гданьска прислали давно заказанное им монументальное историческое издание «Деяния святых», в котором католические ученые собрали все древнейшие тексты житий и мученических «актов»[462]. Перепроверяя написанное, Димитрий составляет и пособия на будущее, разнообразные

хронологические справки, исторические словари, которые могли бы составить ему славу первого русского историка.

Уже в 1694 году его посылают игуменом в монастырь в Глухов, в 1697 – архимандритом в Елецк, а в 1699 – в Новгород-Северский (оставляя под его руководством и Глуховскую обитель). И все же в 1695 году, через семь лет после первого тома, выходит второй, в 1700 году – третий. Написано три четверти Миней – с сентября, когда начинается церковный год, по май. Украинский летописец записывает: «Третяя книга житий святых, трудами Богодухновеннаго мужа иеромонаха Дмитриа Савича Тупталенка составленная, на свет вышла и любопытствующих человеков книжных духовнюю радостью сердца наполнила». Патриарх щедро благословляет Димитрия: «Возмогай в делании спасения святых Божиих угодников жития, во всем благоумствуя»[463], шлет ему очередные книги, нужные для работы, да и «гонорар» – двадцать золотых.

Димитрий был и историком, и историософом, и беллетристом одновременно. Как историк, он старался избежать ошибок, сопоставляя и критически оценивая писания своих предшественников; тщательно объясняя читателям исторические реалии прошлого. Он предпочитал внешний факт – внутреннему, достоверность явную – частной уверенности. Например, он не поместил бывшее ему видение мученика Ореста в биографию святого, как то сделал бы всякий средневековый автор, а записал его особо, в конце, хотя с припиской: «А что сие видение я недостойный и грешный истинно видел, и точно так видел, как написал, а не иначе, сие под клятвою моею священническою исповедую».

Как историософ, в каждом житии он показывал источник всякого подвига и победы – веру, преображающую мир. Как литератор, он создал свой, особый стиль (к сожалению, сглаженный редакторами последующих изданий) – без лишних слов, энергичный, ясный. В переводе на русский этот стиль чем-то похож на пушкинский. Так что народ, который в XVIII веке читал именно Димитриевские Минеи, а не французские и

русские романы, проявлял и весьма точное эстетическое, не только духовное, чутье.

Труд Димитрия не похож на сборник житий, составленный в свое время архиепископом Лазарем Барановичем, – тот был на польском языке, да еще в силлабических стихах. Главное в Житиях Димитрия – описание духовного подвига. Он сплавил воедино три богатейшие традиции: византийскую, латинскую и русскую. К творениям Симеона Метафраста, преобразившим греческую традицию, но в XVII веке слишком мало распространенным на Руси, к Минеям святого митрополита Макария, – к этим двум вершинам православной агиологии Димитрий добавил агиологию католическую. Он, разумеется, не включил в Минеи биографии святых, живших на Западе после «разделения Церквей», но постоянно сверялся с работами католических богословов, которые неустанно изучали сокровища древней церковной литературы.

В течение многих поколений после Димитрия никто не смог хотя бы проверить его труд – ни у кого не было ни таких знаний, ни такой библиотеки. Когда же появилось и то, и другое, Жития в XIX веке перевели, подредактировали, но и подсушили. Но главное осталось: дыхание веры, освобождающее человека от власти «исторических обстоятельств».

Создание житий святых меняло самого Димитрия. После начала этой работы у него начинает меняться стиль проповеди. В совершенстве освоив ораторское ремесло, Димитрий продолжает овладевать ораторским искусством: «Если теды хочеш Сына Божиа в теле нашем прославити – имеем же Его прославити крестом, страданьми – так Его в теле своем прославили святые мученики. Але речем: не можем мы так. Хвала Богу! уже немашь гонения за Христа за Христианы. Несть уже мучителей, котории бо до отвержения Христа, до поклонения идолом принуждали… Не фрасуймая, знайдется туж межи нами и идол, и мучитель, и идолопоклонник покажется много, – а мучеников мало. Если то що грех – то идол, то що страсть, що помшел, и оказиа, побуждаючая и тягнучая до греха – то мучитель, а противишися им – то мучительство едино и повседневное, зачим каждый, греху сопротивляючийся, есть

мученик, славячий в теле своем Христа повседневными страданиями»[464].

Русский государь Петр Алексеевич начал преобразовывать Россию. Он не сошел с пути, которым двигались его предшественники, и прежде всего продолжил объединение земель вокруг Москвы. Но как много сил ни отнимали пристройки к зданию империи, Петр прежде всего намеревался изменить историческую Россию (о духе, кажется, он и не задумывался). Он хотел просветить и оздоровить ее, распахнув окно в Европу.

Поэтому, после возвращения из поездки по Европе, Петр вдруг решил импортировать в Россию, кроме прочего, и европейских архиереев. Таковыми он справедливо счел украинских епископов – людей и европейского образования, и европейской терпимости, вполне подвластных его воле. В 1700 году Петр назначает митрополитом в Рязань Стефана Яворского – ближайшего друга Димитрия еще с 1684 года. В 1701 году и Димитрий был призван – царь определил его митрополитом Сибири. При слабом здоровье Димитрий вряд ли бы доехал даже до Урала, и Петр, увидев это воочию, смилостивился – в начале 1702 года Димитрия перевели митрополитом в Ростов. Впрочем, в Сибирь Петр все равно послал украинца – тоже друга Димитрия, Филофея Лещинского[465].

Приехав в Ростов в марте 1702 года, Димитрий ужаснулся. На Украине священник из малообразованных спросил его как-то: «Илия пророк был по Рождестве ли Христовом или пред Рождеством?» Здесь ни о чем не спрашивали, а когда сам Димитрий однажды спросил сельского священника, где тот хранит Дары – Тело Христово[466], ответа не было, батюшка знал только слово «запас». Впрочем, Димитрий нашел в себе силы пошутить: «Иереи слова Божия не проповедуют, а людие не слушают, ниже слушати хотят. От обою страну худо: иереи глупы, а люди неразумны». Нет нужды толковать эти слова, пытаясь уловить отличие глупости от неразумия; это просто горькая шутка.

Димитрий направил несколько грозных посланий духовенству, но никого не смещал и не посылал в монастырь на

покаяние, как было принято в России. Более того, вопреки сопротивлению властей, он своей властью отменил бездушный обычай постригать в монахи овдовевших священников. Царь Петр издавал указы об отправке неученых детей духовенства в драгуны, а Димитрий говорил со скорбью: «Что тебя привело в чин священнический? Да спасешь себя и других? Нет, чтобы накормить жену и детей… Поискал Иисуса не для Иисуса, а для хлеба куса». И, по мере сил, защищал это закрепощенное государством, нищее и безграмотное духовенство.

1 сентября 1702 года начались занятия в школе, разместившейся в Ростовском кремле, где находилась резиденция митрополита. Жалованье учителям дали из казны. Кроме того, Димитрию разрешили (после смерти патриарха Адриана и упразднения патриаршества все, до мелочей, решали чиновники Монастырского Приказа) продать из его архиерейской казны меха, а деньги употребить на школу. На свои деньги он купил учебников, два глобуса, карты. Из двухсот учеников школы большинство были детьми духовенства, но были – что исключительно для того времени – и из других сословий. За обучение не платили, и даже – Димитрий опять-таки вымолил – положили по деньге в день «нищим, которые учитися будут русской грамоте».

Школьный курс, рассчитанный на три года, был «грамматическим» – ученики осваивали русский, греческий, латынь и риторику. Учителя, естественно, были украинцы. Чтению учились по молитвам, изучали церковное пение, а из языков на первое место Димитрий поставил не латынь, а греческий: «начало есть и источник всему любомудрию… от того бо вся премудрая учения во вся языки произыдоша»[467].

Димитрий нанимал учителей, составил для учеников краткий катехизис[468], а на латыни толкование на книгу Бытия. Он стал духовным отцом: сам исповедовал и приобщал. Он, наконец, определил общий дух школы как дух игры, веселья, максимальной свободы. В монотонной школьной жизни в игру, например, превращено было соревнование в учебе. Правила игры Димитрий позаимствовал у иезуитов: лучшего ученика класса провозглашали еженедельно императором, второго по

успехам – сенатором. Их сажали вперед, с особой церемонией, так что каждую пятницу во всех классах слышалось торжественное воспевание: «Здравствуй, новый император». По праздникам в школе устраивали спектакли; учителя переводили с польского какую-нибудь церковную мистерию, а декорации, костюмы, представление, – все делали сами ученики. Как тогда выражались, это развивало «резолюцию, си есть благоразумную смелость».

Языки тем легче усваивались, что преподавались не как мертвые, а как живые. В упражнениях для перевода – вся русская жизнь эпохи: «Градоначальник в Ростове – воевода. Преступников в России ссылают в Сибирь. Пресветлейший взял Азов, возьмет и Ригу». Латынь и греческий были языками богословия, но Димитрий не хотел, чтобы слова о Боге отдавали мертвечиной. К классическим аллегориям то и дело приделывался смешной отечественный хвостик. Например, ученик, лучше всех написавший сочинение, уподоблялся кедру ливанскому, второй – кипарису, третий – финику, а прочим обращался не упрек и ругань – замечание на будущее: «Аще кто от вас на высшее место не пресадится, будет простою ракитою или горькою осиною». Вообще, хотя перед глазами учеников всегда были розги, но шутка и прощение считались более надежным средством исправления: «Аще кто и написан в эрратах (журнале ошибок), а вину принесет и речет: согреших, проспах, прогулях, не учихся, – прощение улучит».

Сохранилось одно распоряжение Димитрия по школе весьма грозного характера, да еще начинающееся совсем неприличным образом: «Дети, б… дети! Слышу о вас худо: место учения учитеся развращения. Неции от вас и в след блуднаго сына пошли конверсовать. Печалюся зело и гневаюся на вас, а якоже вижду, вина развращения вашего та, что всяк живет по своей воли – всяк болий. Того ради поставляю над вами сеньора господина Андрея Юрьева, чтоб вас муштровал, як цыганских лошадей, а вы ему будте покорны, послушливы, а кто будет противен, той пожалован будет плетью». Что ж! Семейный дух ростовской школы, наверное, не был бы вполне семейный без хотя бы одной такой – отеческой – вспышки гнева.

В достаточно подробных школьных материалах и воспоминаниях учеников практических следов этого приказа не видно. А обстановку в архиерейском доме, где обитало двести сорванцов, предоставленных после уроков вполне самим себе, вообразить легко: тут, оказывается, и святой мог выругаться. Подозреваю, что после этой вспышки Димитрий стал еще мягче относиться к ученикам. Так или иначе, для них митрополит – тогда его белокурые волосы уже поседели – невысокий, худенький, сутулый, с маленькой клинообразной бородкой и в очках, в ряске неизменного темнозеленого цвета – навсегда остался «батюшкой нашим преосвященным».

Димитрий был монахом Печерской лавры – и за пять лет написал первый том Житий. Был он игуменом в украинских монастырьках – и за десять лет написал два тома Житий. Он стал главой огромной епархии и руководителем школы – и за пять лет написал последний, четвертый том. 9 февраля 1705 года он отметил окончание работы в дневнике, сопроводив запись молитвою: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко…»

Весной 1706 года первые выпускники покинули школу. И той же весной школа закрылась. Горько читать письмо Димитрия новгородскому митрополиту Иову – единственное письмо святителя, где он ни разу не пошутил: «Отставишася учениа, понеже вознегодоваша питающий нас, аки бы многая исходит на учители и ученики издержка, и уже вся та, чем дому архиерейскому питатися, от нас отнята суть, не токмо отчины, но и церковные дани. Оскудевше убо во всем, оскудехом и во учениах. Но да не продолжу писаниа, умолчеваю о прочиних поведениах наших, sat sapienti». Два латинских слова в конце означают: «Умному достаточно». И в дневнике своем Димитрий вдруг выписывает слова церковного историка Баронния: «Священник не должен писать историю своего времени».

Димитрий хотел молчать, оставив кесарево – кесарю. Но кесарь отнюдь не хотел оставлять Богу – богово. Димитрий обличал священников, нарушающих тайну исповеди, Петр указывал доносить властям об антиправительственных настроениях, на исповеди обнаруженных. Димитрий подыскивал достойных иереев во всяком сословии – и получил указ,

запрещающий рукополагать из крепостных крестьян. Само закрытие школы создавало неразрешимую проблему: необученных детей духовенства предписывали отправлять в армию, а денег на обучение не давали. Братств, подобных украинским и белорусским, здесь не было – в России их запрещали и век спустя; миряне ничем не могли помочь архипастырю.

Как ни крепился Димитрий, не выдерживал и он: более и ранее всего от петровских преобразований пострадала Церковь. Петр чинил страну, накачивая в ее трещины и пустоты дух рабства и насилия. Как-то во время литургии сквозь стены собора донесся вопль пытаемого на площади человека; Димитрий послал к воеводе, стоявшему в храме, с просьбой прекратить истязание, а когда тот отказал – ушел из церкви, прервав богослужение. Когда же однажды дочери воеводы громко смеялись во время службы, Димитрий добавил к заключительному благословению: «Благословение Господне на вас, кроме смеющихся…» Увы, среди смеявшихся над Церковью был, прежде всего, сам государь Петр Алексеевич.

Весь 1706 год, словно нарочно, Димитрий провел перед лицом царя: он был вызван в Москву по «очереди», чтобы государь насладился его проповедническим даром. Что ж! Димитрий всей душой молился о победе Петра – «да подастся ему свыше помощь и сила... зверское шатание льва Шведского оружием своим укротити». Именно Петра хвалит он, говоря: «Хвалю добрый той нынешних времен обычай, что многие люди в иныя государства ходят учениа ради, из-за морей об умудрении возвращаются». Ведь сам Димитрий вырос на стыке различных культур: «Таинство евхаристии приносится, – говорил он, – за всех живых, не токмо правоверных, но и неверных, – да обратятся».

Но никак Димитрий не может быть назван «птенцом гнезда Петрова». Димитрий выписывал с Запада жития святых, книги богословов и мистиков – Петр оттуда же привозил нехристианскую и антихристианскую культуру. «Нынешних времен некоторые господа, – говорит Димитрий, – стыждаются в домах своих поставляти икону Христову или Богородичну, но

уже некия безстыдныя поставляются изображения Венеры или Дианы, или прочих ветхих кумиров, или и новых...» Если, как всякий проповедник, Димитрий иногда говорил «мы», то ясно, что не он, а именно Петр из всего увиденного на Западе предпочел протестантские обычаи, облегчающие подчинение церковного народа нуждам земного престола: «Мы, оставивше сосца матере нашей (Церкви), ищем сосец... иноземческих, еретических, православию противных». «Речет Бахус, чревоугодный бог, с учеником своим Мартином Лютером: надобно в полках не смотрити поста, и в пост ясти мясо, чтоб полковые люди в воинстве были сильны... Но Гедеоново воинство, и постясь, победило мадианитян»[469]. Между тем отнюдь не Бахус, а Петр (чтивший, впрочем, Бахуса) издал указ, запрещавший посты в армии. И если Димитрий сравнивал Петра с великими царями, то сравнение было не в пользу царствующего: «Изомроша блазии людие, несть в них Константинов, несть Владимиров, несть прочих богобоящихся любителей благолепия дому Господня»[470]. После 1706 года Димитрия перед лицо царя не вызывали.

Среди проповедей святого Димитрия почти нет других упреков царю. Петр был плоть от плоти русского народа. Самая, может быть, лучшая и живая по сей день проповедь святогоДимитрия аллегорична, в лучших традициях могилянской школы – но в то же время до предела реалистична: он рассказал о том, как ходит по земле Царство Божие, не находя любви ни в боярских чертогах, ни в купецких домах, ни даже в храмах, превращенных в вертепы: отовсюду оно прогнано и продолжает стучаться в сердца. Димитрий был свидетелем того, как росли величие и гордость России, одновременно с возрастанием духа угнетения и ненависти; и перед этой Россией он свидетельствовал о Царстве Божием. Любовь к ближнему и любовь к Богу – неотделимы: «Учтивый человек, хотя плюнуть, усматривает место или угол какой, чтоб не произвесть гнусности в очах людских и себе не учинить мерзости, – а мы на лице Христово плюем, когда ближнего нашего славу поносим». Он печалуется о нищих и обличает ленивых, он не оставляет в покое даже архиереев: «Не добро

есть архиерею не имети во устах слова, – учителю нарицатися, а не учити – источники на мантии носити, а от уст источников учения не источати – пастырю глаголатися, а пажити овцам не предлагати – апостольский чин на себе носити, а апостольски не благовествовати».

Святые – не герои, а свидетели о Христе; Димитрий, описывая их жизнь, стал не историком – свидетелем о вере. Объясняя в проповеди притчу о Царстве Небесном – драгоценной жемчужине, «бисере» по-славянски, Димитрий впервые, видимо, назвал на русской земле имя католика, жившего после «разделения», наравне со святыми: «Мы, на сей праздник зде собрашиися, собрахомся видети продажу и куплю… Гость (т. е. купец) от западных стран – чужий человек, но не с худым товаром – Фома, именуемый (Кемпийский) свой сундучок открывает, свою книжицу: О подражании Христовом, и показует бисер, зовомый смирение[471]. От Карфагены святый Киприан показует нам бисер, нарицаемый чистота… Вси добры, вси честны. Который же есть бисер всех превосходящ? Сам Бог, воплощенный Христос Спаситель». В то же время Димитрий за годы, проведенные в России, узнал и полюбил ее духовные сокровища: в четвертый том Миней он включил намного больше биографий русских святых, чем в предыдущие.

Несколько книг задумывал Димитрий после окончания Миней: всемирный летописец, сочинение о святынях и святых Ростова, толкование к Псалтири – но один труд дал ему довершить Господь: острый и резкий «Розыск о брынской вере». Книга, направленная против старообрядцев, защищала веру от всякого обрядоверия. Еще за год до издания «Розыска» – в 1707 году – Димитрий писал Стефану Яворскому о раскольниках: «Неисцельную рану лучше с молчанием сносить, чем бесполезно и с убытком врачевать – они и из добрых, полезных и святых вещей соблазняются». Может быть, потому он и взялся за этот труд, что почувствовал: раскол не отделил обрядоверия от православия, а расколол обрядоверие на две равно злые части. Рассказывая в «Розыске» о том, что натолкнуло его на мысль писать о брадобритии, он рассказывает о встрече именно с «правильными»

православными. Это на их заявление: «Велят нам по государеву указу брады брити, а мы готовы главы наши за брады наши положити» – Димитрий ответил чисто украинской мягкой шуткой: лучше не пощадить бороду, которая отрастет, чем потерять голову, которую вновь обретешь разве что в общее всех воскресение.

«Вера есть вещей обличение невидимых», – повторил Димитрий за апостолом Павлом и упрекал старообрядцев, что их вера – это старая икона, восьмиконечный крест, старые книги, семь просфор и два перста. «Все то вещество осязаемое, а не бози, а понеже не бози – убо не вера». Для украинца, богослова и святого, все споры о деталях обрядов казались – рядом с судом веры – даже смешными. Конечно, – говорил Димитрий, – четвероконечный крест, ругаемый старообрядцами, является, как они выражаются, «латинским» – «ибо Христа распяли римляне, которые в Русь по осьмиконечный крест (в него раскольницы аки в Бога веруют) не послаша».

«Розыск» оказался неудачной книгой – старообрядцев она, как и опасался Димитрий, не исцелила, но вызвала лишь всплеск ненависти с их стороны. Но «Розыск» усердно читался и не старообрядцами.

Димитрия можно назвать писателем. Полное собрание его сочинений насчитывало бы томов сорок. Писательство – не сочинительство! – было для него ежедневным, нелегким, профессиональным трудом. В его письмах попадаются подчас фразы, на первый взгляд легковесные – когда он напоминает знакомому об утерянном житии пророка Михея, то пишет: «Где святый Михей скрился? А мы его ищем, отца Феолога вопрошаем». Это фамильярность специалиста, который благоговеет перед пророком. И совсем современно звучит просьба к тому же Феологу – доброму знакомому, сотруднику Московского Печатного двора:

«Попроси чаю не великое: в Ростове несть, где взять, а надобно временем». За этой просьбой – «денноночная», как говорил Димитрий, работа, когда чашка чаю разгоняла усталость. Не по-епископски Димитрий уснащает свои частные письма латинскими цитатами из Ювенала, Вергилия, Марциала

– пополам с библейскими, иронизирует над своей усталостью (предвещавшей, кстати, скорую смерть): «И очища не по-прежнему глядят, и ручище пишущее дрожит».

Писательство было для Димитрия служением Богу, Церкви, людям: «Моему сану надлежит слово Божие проповедати не точию языком, но и пишущею рукою». Между прочим, в 1686 году Димитрий переписал послание иерусалимского патриарха в Москву, осуждавшее украинских богословов, так как «довольна бо есть православная вера ко спасению, и не подобает верным прелыцатися через философию и суетную прелесть». Димитрий не был согласен с патриархом. Он говорил: «Несмь благонравен, но злонравен, обычаев худых исполнен» – но следующим пороком называл: «В разуме далече отстою от разумных». И он просил у отца Феолога молитв не только о спасении души, а о творчестве своем, чтобы молитвы помогли «в спасении моем безнадежном и в предстоящем мне книжном деле». Понуждая друга – митрополита Стефана – к изданию проповедей, Димитрий писал: «Хотя и труд множайший употребится, но и воздаяние немало от Бога уготовится». Сам Димитрий молился: «Господь да просветит мою тьму и изыдет честное от недостойного».

Димитрий сознавал, что главный труд его – жития святых. Когда книга была окончена и святитель взялся за «Летописец», он писал: «Довлеет нашему брату жития святых, написанные зрети, их же совершения способи нас Бог». Здесь слышится и восхищение перед источником своего вдохновения, и грусть. Он продолжал писать, но «Летописец», как он признавался Феологу, был начат «от скуки». Кстати, письмо Димитрия, где речь идет о «Летописце», – великолепный образчик его уникального языка, соединившего четыре наречия – от украинского до латыни:

«Вем же, в книгописательстве aliud historicum esse, aliud interpretem, aliud нравоучителем. Однако же я, грешным, все то rgmatwal, jak grach z kapustu, чая иметь книжицу оную, яко notata y fragmenta, же было что часом для казаня»[472].

Кончая «Розыск», Димитрий вновь поминает скуку – «наскучило о расколе». Много сочинений, кроме Житий, было

им написано, много издано – но Жития остались заветным детищем. После них ремесло литератора казалось пресным – Димитрию, не читателям, которые в сотнях экземплярах переписывали его неизданные сочинения. И если он продолжал литературные труды, то именно потому, что видел в них свое оправдание: «Не с таким усилием намерих писать, чтоб скоро книгу совершить, но токмо, чтобы не в праздности быть и не туне бы хлеб ясти, а совершение – як Бог устроит». «Что-нибудь в славу Божию делать долженствуем, да час смертный не в праздности нас застанет».

Димитрий не похож на типичный образец потому, что писательство не скрыло, а выявило неповторимый его характер. Между тем образы древнерусских святых, как правило, скрыты житиями, словно окладами – искусными, холодными и стандартными. Лицо Димитрия – неповторимое, живое. Мягкий юмор, подчас с горчинкой, отличал его. Времена были тяжелые, он принимал эту тяжесть, говоря, что «ветвь под тяжестию всегда плодотворит», но в письме другу в Вильно шутил невесело: «В том разве одном различествуем мы между собою, что нам беда от своих, а вашему преподобию от чуждых». Будучи архипастырем, Димитрий предпочитал именовать себя «архигрешником».

Смирение Димитрия было поиском мира. Ради мира церковного он, не отрекаясь от почитания Непорочного зачатия или своего мнения о времени совершения евхаристии (совпадавшего с католическим), молчал о них. Ради мира он молчал, когда Петр I отбирал владения Церкви – хотя для себя и близких друзей составил обличающую такое «преобразование» историческую справку. Димитрий вообще умел обходиться с «мирскими». Он, с сомнением спрашивавший у Яворского – не на молоке ли сделаны присланные в подарок «немецкие сухарики», можно ли их есть постом – писал ярославскому воеводе Воронцову, благодаря за хорошее отношение к учителям: «Челом бьем твоей милости за водку, пили мы за здравие твое и благодарствуем».

Ростовцы запомнили необычную, на западный лад, молитву святителя: по три часа лежа перед распятием, распростершись

крестом. В первую неделю великого поста и в Страстную он ел один раз – в четверг. Более всего, однако, ростовского летописца поразил другой подвиг Димитрия, когда митрополит за сутки прошел от Ростова до Ярославля (больше полусотни километров), отслужил обедню и тут же пешком вернулся в Ростов. Ему было тогда 57 лет.

Димитрий предупреждал: «Не дивно дебелому плоти угоднику с толстым брюхом не втиснутися в тесная врата небесная, то дивно и жалостно, яко изсушивый плоть свою многим воздержанием, едва кожу токмо на костех имея, не втиснется, не внидет во небесныя врата». Гордыня – опаснее обжорства. Лучше всего, может быть, звучание веры Димитрия передает не проповедь, а одно из писем: «Христос, чаю, забился в чуланчик сердца Феологова, – пишет он другу, – и почивает на одре боголюбезных мыслей его, а отец Феолог ему рад, потчует его вином умиления. Попроси Его, чтоб и меня посетил, ибо немоществую. Не забудьте меня, егда молитвы к Богу простираете и егда чарку водки полную испиваете, аз же вас такожде не забуду».

Средневековые составители (и читатели) житий полагали, что святой всегда знает время своей кончины, и соответственно описывали их последние дни. Когда писалось житие Димитрия, и ему было приписано такое знание о часе кончины. Но сохранилось письмо, написанное накануне преставления – 27 октября 1709 года. Это письмо старика, уже оставляющего земные – в том числе литературные – хлопоты: «Катехизис еретический приняв, посмотрел и паки послах к вам. Видел я его давно, когда еще в Литве бех, токмо творцов его позабыл. Недосужно мне о нем упражнятися, дал бы Бог коего иного охотника».

Это письмо больного старика, не скрывающего немощи, но покрывающего болезнь шуткой: «Аз же изнемогаю… Прежде бывало мое здравие пополам: полуздрав и полунедужен. А ныне недугование превозмогает, и едва доля здравия остается, обаче будто мужаюся и движуся о Господе моем, в Его же руку живот мой».

Это письмо администратора и литератора, не имеющего ни покоя, ни сил: «Дела ныне никакого не делаю: до чего не примусь, все из рук падает; дни мне стали темны, очи мало видят, в нощи свет свещный мало способствует, паче же вредит, егда долго в письмо смотрюся, а недугование заставляет лежать да стонать». В этом письме нет предсказания о часе смерти, есть даже прямое незнание о том, но тем искреннее звучат слова веры: «В таковом моем нездравом здравии на вем, что чаяти, живот или смерть – в том воля Господня да будет. На смерть не готов, обаче по воле и по велению Господню должен готов быти».

В этот день Димитрий посетил постриженную им в монахини Варсонофию Козицкую – кормилицу царевича Алексея. Вечером он, чтобы облегчить кашель, стал ходить по келье – двое слуг поддерживали его. Позвал к себе певчих и, прислонясь к горячей печи левой стороной груди, где болело сердце, слушал, как они пели сочиненные им самим песни – «канты», молитвы Иисусу: Иисусе мой Прелюбезный, сердцу сладосте, Едина в скорбях утеха, моя радосте. Рцы души моей: Твое есмь Аз спасение, Очищение грехов, в рай вселение…

Вскоре Димитрий отпустил певчих, задержал только любимого помощника – певчего и писаря – Савву Яковлева и стал рассказывать ему о своей юности, о своем пути. Уже отпуская, благословив, поклонился юноше почти до земли и поблагодарил за труды по переписке своих сочинений. Тот смутился. Димитрий, повторив: «Благодарю тя, чадо!» – вернулся в келью. Уходя, Савва заплакал.

На следующее утро – 28 октября – вошедшие в келью нашли Димитрия уже мертвым. Он скончался во время молитвы, на коленях.

Жизнеописание святого Тихона Задонского, епископа Воронежского и всея России чудотворца [473]

Святой Тихон родился в 1724 году в семье бедного псаломщика Савелия Кириллова села Короцка Новгородской губернии Валдайского уезда и наречен при святом крещении Тимофеем. Мать овдовела вскоре после рождения сына, и семья жила в большой бедности. Маленькому Тимофею случалось ходить на поденщину к крестьянам ради куска хлеба. Был в селе один бездетный ямщик, который полюбил мальчика и предлагал усыновить его. Мать согласилась и однажды повела к нему сына, но старший брат догнал их и упросил мать не делать этого. Дело расстроилось, Господь готовил его на другое…

В 1735 году вышел указ императрицы Анны, чтоб забирать в солдаты всех недоучившихся детей представителей духовного сословия. Это побудило родных отдать Тимофея в Новгородское духовное училище. Повезла его мать, уже больная, да вскоре в Новгороде же и скончалась. Остался Тимофей круглым сиротой. Нелегко было ему; казенной стипендии не досталось, а брат, псаломщик в Новгороде, хоть и помогал по мере сил, однако этой помощи было недостаточно. Приходилось, как и в раннем детстве, ходить на поденную работу – копать гряды у огородников в свободное от занятий время.

В 1740 году была основана семинария при монастыре святого Антония Римлянина[474] и выписаны учителя из Киева. В число избранных 200 учеников попал и Тимофей и был записан под фамилией Соколовского. Все свободное время он просиживал за книжками. Святитель вспоминал, как, случалось, продавал он половину своей дневной порции хлеба, чтобы на вырученные гроши купить свечу и читать где-нибудь в укромном уголке за печкой, пока товарищи шумели, резвились и нередко насмехались над ним. Возьмут старый лапоть и давай кадить,

приговаривая «величаем тя»… За прекрасные успехи, еще не кончив курса,

Тимофей получил место учителя греческого языка, а когда окончил, стал преподавать риторику. Теперь появилась возможность не только самому встать на ноги, но и помогать бедным родственникам. Сестра его овдовела и по крайней бедности ходила в Валдай мыть полы. Он взял ее к себе в Новгород. Но жениться и получить место священника Тимофей не пожелал, как ни уговаривали его родные. Позже он рассказывал, что два случая особенно повернули его ум и волю. Однажды, стоя на монастырской колокольне, тронул он перила, и они рухнули с большой высоты, так что он еле успел откинуться назад. Пережитая опасность дала ему яркое ощущение близости смерти.

В другой раз чувство близости Бога он пережил как-то ночью. По ночам он часто бодрствовал, читая и размышляя о божественном. Так было и тут. Вышел немного освежиться на крыльцо. «Вдруг разверзлись небеса, – рассказывал он, – и увидел я такой свет, что бренным языком сказать и умом объять нельзя. Это было на короткое время, и небеса встали в своем виде. От этого чудного видения я возымел более горячее желание уединенной жизни. Долго и после того чудного явления чувствовал и восхищался я умом и поныне лишь вспомню, ощущаю в сердце веселие и радость…»

10 апреля 1758 года совершилось пострижение Тимофея Савельевича. В иночестве он был наречен Тихоном. Вскоре последовало посвящение во иеродиакона, затем иеромонаха и назначение префектом семинарии и преподавателем философии. Но и на этой должности молодой иеромонах пробыл недолго. В августе следующего, 1759 года по указу Святейшего Синода он был отозван в распоряжение преосвященного Афанасия Тверского, который назначил его архимандритом Жолтикова монастыря и ректором Тверской семинарии. Но он, однако, только и мечтал о том, чтобы удалиться в пустынный монастырь близ Твери и выстроить себе келию в роще. Этим мечтам сбыться было не суждено. В день Святой Пасхи Санкт-Петербургский митрополит Димитрий

(Сеченов) и епископ Смоленский Епифаний метали жребий о епископе и 3 раза подряд вынулся жребий молодого архимандрита Тихона.

13 мая 1761 года в Петропавловском соборе совершилась его хиротония[475] и он наречен был епископом Кексгольма и Ладоги, викарием Новгородским[476]. Для жительства новому епископу был назначен Хутынский монастырь под Новгородом[477]. Торжественным колокольным звоном встречали новгородцы молодого архипастыря, бывшего своего воспитанника. Некоторым товарищам по школе, подходившим под благословение, владыка с доброю улыбкою напомнил их выходки с «величанием» и, когда они, смутившись, просили прощения, он успокоил их. Встретила владыку смиренно родная сестра со слезами радости. Брат обласкал ее и не раз посылал за нею лошадей. Когда она вскоре скончалась, он трогательно, со слезами, сам совершал отпевание.

В августе 1762 года Святейший Синод выехал в Москву на коронацию[478] и вызвал епископа Тихона для председательствования в Санкт-Петербурге. В это время скончался Воронежский епископ Иоанникий и преосвященный Тихон 3 февраля 1763 года был определен на освободившуюся кафедру. В конце апреля он отправился к своей пастве. Воронежская епархия была весьма непростой из-за дальности, обширности, запущенности и разношерстности полуязыческого населения. Да и время было для Церкви нелегкое. Екатерининское царствование началось с отобрания в казну церковных вотчин[479]. Монастырям и архиерейским домам, правда, было назначено определенное содержание, но крайне скудное. Архиерейские дома беднели, монастыри пустели и стали закрываться. Архиерейский дом в Воронеже окончательно развалился, собор разрушался, разбитые колокола не звонили. Правительство Екатерины относилось с большею веротерпимостью к раскольникам и сектантам. Раскольники были освобождены от двойного подушного оклада, стали возникать единоверческие храмы и образовываться раскольничьи центры в Москве. На Украине расцвели секты духоборов, молокан, хлыстов, скопцов. Немало раскольников

было в Воронежской епархии. Немало было там также казаков и беглых. Народ все буйный и распущенный. Среди высших классов были распространены французские вольнодумные идеи Вольтера и энциклопедистов. Русское общество было мало образовано и подхватывало модные идеи без критики и следовало им слепо, иногда до карикатурности. Кощунства и глупые выходки против Церкви считались признаком образованного, передового человека. Кто не проповедовал атеизма, считался закостеневшим фанатиком и ханжой.

Еще по дороге в Воронеж святитель почувствовал себя очень плохо; а приехав и увидев разброд и оскудение, просил Святейший Синод уволить его на покой. Синод просьбы этой не уважил, и святитель покорно взял свой крест. Всего 4 года и 7 месяцев пробыл он на Воронежской кафедре, но деятельность его как администратора, педагога и пастыря доброго была велика. Прежде всего он принялся за обучение духовенства, которое было необразовано и нерадиво до крайности. С трудом верится, что священники не только не знали службы, но даже не умели как следует читать, не имели на руках Евангелия! Святитель сейчас же распорядился, чтоб после проверки не знающих службы и чтения присылали к нему. Всем приказал иметь на руках Новый Завет и читать его с благоговением и прилежанием. В феврале 1764 года им разослано наставление священнослужителям об их главных обязанностях с приказанием повесить в каждом алтаре перед глазами. Затем разослано наставление об исповеди, о браках, о седьми Таинствах[480], образцы увещания больным и подсудимым. В трактате «О седьми Тайнах» в вопросах и ответах излагается сущность каждого таинства, форма его совершения.

Кажется, не было уголка в церковной жизни, куда бы не заглянул святитель и где бы не проявил своего отеческого и пастырского внимания. Он был строг и требователен, ибо великую тяжесть ответственности за спасение душ человеческих возлагает Господь на плечи архипастыря вместе с епископским омофором. Из инструкции священникам (не ссориться, достойно вести себя в алтаре, не совершать незаконных браков, не отлучаться без разрешения на ярмарки, совершать литургии

Преждеосвященных Даров Великим постом[481], не пьянствовать по шинкам, содержать храмы в чистоте, под страхом строгого наказания благоговейно относиться к Святым Тайнам[482], употреблять для Евхаристии свежее, а не прокисшее вино…) – ясно рисуется печальная картина нравов Воронежского духовенства.

Консистория своими порядками также доставляла немало забот святителю. Не раз штрафовал он членов консистории и секретаря за неправедные решения: запретил применять телесные наказания к священникам и грубо обращаться с ними. Чтобы повысить образовательный ценз духовенства, святитель открыл два духовных училища в Острогожске и Ельце и семинарию в Воронеже со строгим уставом преподавания. В инструкции для семинарии он внушает воспитанникам, чтобы они смотрели на будущее служение не как на средство к жизни, а как на подвиг ради Бога и ближних.

В Воронежской епархии было 13 монастырей. Святитель приказал всем монахам иметь Новый Завет, по понедельникам читать чин пострижения, чтобы не забыть обеты монашеские; запретил братии ходить на поминки, если они устраивались вне монастыря. Отлучки из монастыря не были разрешены даже настоятелям. «В монашество постригать не спешите, – писал святитель, – черная риза не спасет. Кто и в белой ризе, да послушание, смирение, да чистоту имеет, есть непостриженный монах»[483]. Кто из монахов плохо себя вел в храме, святитель приказал того штрафовать на один рубль, который должен был опускаться в железный ящик, прикованный специально для этой цели на видном месте.

Много потрудился святитель и над воспитанием своей паствы из мирян. Велел священникам каждый праздник обязательно произносить проповеди – толкование на Евангелие или псалмы, а за неисполнение подвергал их штрафам. По церквам были разосланы наставления:

«I. Как подобает в святые храмы ходить на славословие. В храме стоять, как будто находиться на небе… Ближнему оставить согрешения, проявлять смирение мытаря, не озираться, не разговаривать, не смеяться в храме. Думать о

преставившихся и молиться за них. Дома вспоминать о том, что получил в храме, стараться выполнять все, о чем слышал, и поучать других.

II. Всякому христианину от младенчества до смерти в памяти всегда содержать обеты крещения. Сатана, дух лукавый, и дела его злые, Богу ненавистные, – гордость, высокоумие, зависть, вражда, объедение, пьянство, блуд, сквернословие, буесловие... Берегись того, от чего троекратно отрекся при крещении. Ты записан в воинство Христово, присягнул Ему и должен служить Ему верно до смерти. Помни всегда, что Он везде присутствует и знает не только дела и слова твои, но и помышления. Помни о вольном страдании Христовом. Помни о смерти, которой не минуешь, помни о Страшном суде…

III. Примечания некие из Священного Писания выбранные, возбуждающие грешника от сна греховного. Здесь собраны примеры Божьего наказания за грехи (изгнание из рая, потопление фараона, Содом и Гоморра, потоп… скорби, печали, глады, землетрясения, междоусобные брани) и примеры Божьего милосердия к кающимся (блудница, мытарь, разбойник, царь Давид, блудный сын…)[484].

IV. Объяснение христианских обязанностей. Изгоняй злые помыслы молитвой. Родителей почитай. Не осуждай. Рабов милуй. Смирение имей перед Богом и человеками в делах, поступках и сердце. Не гневайся на обижающих. Побеждай ненавидящих любовию. Люби молчание; берегись празднословия, смеха и осуждения... Поминай часто об искуплении, втором пришествии и Суде Его... рассуждай о суете мира. Доброе дело делай и от зла уклоняйся во славу Божию… Делай доброе, но надежду спасения возлагай на Христа, понеже благодатию Христовой и Божием милосердием спасаемся, а добрыми делами нашими не спасаемся… Молись Богу, чтоб подал тебе истинную живую и сердечную веру во Христа... она есть дар Божий. Она с небес в сердце человеческое входит и к небесам его восхищает.

…Согрешишь – тотчас кайся… Пищу и питие употребляй не ради сласти, а ради подкрепления, одежду для прикрытия наготы, а не ради щегольства. Христианина украшает не

внешнее, а внутреннее. Все употребляй с Божьего благословения, говоря «Господи, благослови»… Средства уберечься от греха: 1) молитва; 2) причащение Святых Тайн; 3) мысли об искуплении, суде и своей кончине…»

Последним творением епископа Тихона в период воронежского епископства было собрание нравоучений для «простейшего» народа, написанное в 1767 году: «Плоть и Дух». Каждое нравоучение состоит из 3 частей: в первой приводится текст Священного Писания, во второй – слова святого Иоанна Златоуста, а в третьей – нравоучительное рассуждение: «Спасайся о Христе, любезный брате. Законы духа и плоти противны друг другу. Между ними всегда брань. Что плоть хочет, того дух не хочет – это различные мудрования. Плотское мудрование есть вражда на Бога, смерть… Знак нехороший, если кто не чувствует искушений. Искуситель не касается того, кого видит своей воле последующего; разбойник на нищего не нападает, но на богатого…

Пастырь ту же немощь имеет, какую всякий человек, и не то дивно, что грешит как человек; того ради должно тебе о нем молиться, чтобы исправен был… К Богу всегда доступ, всегда отверсты двери, только бы смиренно и сокрушенно сердце было. Грехи не препятствие к молитве. Яко же малейшая капля воды против океана, так грехи твои в сравнении с непостижимою Христовой благодатью…»

Когда святитель понял, что воронежцы весьма лениво посещают катехизические поучения (пред литургией), он разослал по церквам обличительное увещание: «проповедник всю седьмицу трудится, собирает как пчела… все пропадают труды, падает тщетно семя слова Божия. Предпочитают время провесть в развращенных разговорах, чтении соблазнительных книг или в праздности и лени… Ежели бы здесь преподавалось учение, каким образом тленное богатство собрать, честь и достоинство получить, в ту школу не только бы сами родители приходили, но и детей своих приводили бы. А к проповеднику, который учит собрать сокровище нетленное на небеси и показует путь к вечному блаженству, и сами родители не приходят… Ищут тленных и презирают нетленные, ищут земных

и презирают небесные! У таких людей глубокий сон греховный. Но знай, друже, что богатство мира сего, как речное стремление утечет, слава суетная, как дым, исчезнет, честь и достоинство, как цвет сельный[485], увянет вскоре. Едино слышание слова Божие есть благая часть, которая никогда не отымется... А знаете ли, сколь драгоценна есть еще душа наша? За нее Единородный Сын Божий неоцененную кровь Свою пролил. Вот как она дорога!.. Везде распространены дьявольские сети, везде соблазны. А глаза и уши, как двери некие, которыми всякое зло в храмину сердечную ударяет... против врагов надо непрестанно христианину бороться. А как бороться, не имея оружия? Слово Божие показует духовное оружие. Стекайтесь в храм Господень для слышания слова Божия». В конце поучения говорится: «Хоть два или три будут собираться, однако ж учение преподаваться будет. А проповедник о том не унывай, что мало слушающих; но трудись усердно во Славу Божию и пользу ближнего. Мзда твоя не погибнет, но многа будет на небесах. Аминь».

Духовенству было предписано наблюдать за паствой, чтобы ходили в храм по воскресным и праздничным дням и стояли бы благоговейно, не шумели; чтобы и вне храма на площадях не было бы пьянства и всяких бесчинств. О результатах священники обязаны были давать подробные отчеты епископу.

Пожаром, опустошающим души, называл святитель общественные гулянья, нескромные игры, нетрезвое веселье в праздники. В грозных проповедях обличал он бесчинства масленицы и особенно языческий праздник «Ярило». Праздник этот начинался от среды после Троицы и тянулся до вторника Петровского поста. В среду с раннего утра шел народ из Воронежа и окрестных деревень на площадь за Московскими воротами, где раскидывались ярмарочные балаганы с различными приманками. Молодой человек в бумажном колпаке, украшенном бубенцами, лентами и цветами с набеленным и нарумяненным лицом изображал собою Ярило. Он плясал неистовый танец, а за ним плясала и бесновалась пьяная толпа. Все это сопровождалось драками и руганью. И вот однажды – это было 30 мая 1765 г. – в самый разгар

безобразия неожиданно появился на площади святитель и, грозно обличая «смердящий» праздник, угрожал отлучением от Церкви. Он говорил с такою пророческою силой и пламенной убедительностью, что в один миг, тут же, на глазах святителя, толпа разнесла в щепки балаганы и лавчонки и чинно разошлась по домам!

В следующее воскресенье святитель произнес в соборе проповедь. «Церковь не успела еще отпраздновать праздник святой Пятидесятницы[486], а люди, которые трикратным отвержением отреклись от сатаны и всех дел его, забыли, что они христиане суть, и бесчинными делами хулят пресвятое имя Божие. Видел я иных бесчувственно пьяных, иных раненых, иных окровавленных усмотрел; приметил и плясание жен пьяных со скверными песнями. Посреди всего сего беззаконного безумных людей торжества стоит кабак в палатке… И кто же празднует так? Христиане! «род избранный, царское священство, язык святой, люди обновления»[487] – праздник сей есть праздник бесовский и точно смердит идолобесием; а где праздник бесовский, там приносится бесу жертва, там бес почитается, там имя Божие хулится. В горести сердца моего обращено слово к живущим во граде сем и с плачем молю: истребите зло от среды вашей. Пастыри – умолите, запретите, пощадите души, порученные вам от Пастыреначальника, вы дадите ответ страшному Судии. Командующие, пресекайте бесчиние. Отцы и матери, воспитывайте детей в страхе Божием, да не за них истязаны будет в день Судный… Стыдно и ужасно христианам идолу праздновать! От сего претерпевает укоризну и пастырь ваш! Ах, беззаконный праздник! Ах, сонмище нечестивое! Мерзкое имя Ярило! Гнусное имя Ярило! Дьявольское изобретение Ярило! О когда бы и из памяти изгладилось имя то нечестивое Ярило! Предайте забвению и праздники сии, а празднуйте единому Триипостасному Богу – Отцу, и Сыну, и Святому Духу, в Него же креститеся»…

Вся Церковь стонала и громко рыдала во время этой проповеди. А после множество народу приходило к владыке в его загородный дом и, стоя на коленях, со слезами каялись. Праздник Яриле больше не повторялся. По глубокому

воздействию на души человеческие святитель Тихон был, несомненно, вторым Иоанном Златоустом, глаголом уст своих пробуждавшим сердца людские от сна греховного.

Пробуждались люди, каялись и в слезах падали к ногам Христовым. «Радуйся Златоусте, российские Церкве, радуйся паствы твоей радование. Радуйся Тихоне, великий и преславный чудотворче!»[488]

Святитель входил и в частную жизнь своих духовных детей и близко принимал к сердцу их скорби и раздоры. «Как будете молиться Богу «остави нам долги наши», – писал он одному помещику, горевшему злобой мщения к своему обидчику, – брат наш такой же, как и мы, а мы черви, земля, грязь смрадная, а сколько раз прогневляем Бога!»

Заповедь «блажены миротворцы» святитель почитал выше «блаженны милостивии» – «те только помилованы будут, говорил он не раз, а эти сынами Божиими нарекутся»[489]. Но в житии своем святитель был равно и миротворцем, и милостивым. Милосердием и любовью горело нежное сердце святителя, и рука его дающая никогда не оскудевала. Каждый праздник рассылал он деньги по богадельням и острогам, не раз переодетый, чтоб не узнали, ездил сам лично.

С больными, скорбящими и преступниками подолгу беседовал, увещая и утешая свою меньшую во Христе братию. Если его узнавали, он временно прекращал свои посещения, но милостыня его никогда не прекращалась. Как святитель выполнял заповедь «блаженны кротции», свидетельствует следующий интересный случай, о котором рассказывает его келейник.

Однажды святитель ехал по Московскому тракту на погребение одного помещика и остановился в селе Хлевном переменить лошадей. Крестьяне в грубой форме отказались дать лошадей: «Ты нам не губернатор, чтоб тебе лошадей давать». Святитель возразил, что и пастырей своих следует почитать. «Ты пастырь над попами да над дьячками», – последовал еще более дерзкий ответ, в котором нетрудно уловить дух «свободной мысли» екатерининского времени. «Побойтесь Бога, не мучьте меня», – кротко сказал святитель, и

кротость подействовала лучше всяких криков и угроз. Лошадей дали, а позже, когда святитель был уже на покое в Задонском монастыре, однажды явились эти самые грубившие крестьяне и просили святителя, чтобы он простил их. «Ты нас проклял, – говорили они, – у нас все хорошие лошади падают». Святитель ответил, что никогда их не проклинал, а что Сам Господь наказывает их за оскорбление пастыря. Он же их, кающихся, с любовью прощает и разрешает...

Святитель вел строго аскетический образ жизни. Часто он проводил в молитве бессонные ночи. По утрам рассматривал и решал епархиальные дела. Много забот и неприятностей доставляли преосвященному раскольники своим дерзким и вызывающим поведением. Донские войска постоянно вмешивались в церковные дела, самочинно отрешали и назначали пастырей, забирая их в казачьи войска. Одного священника они даже забили в колодки.

После обеда епископ Тихон позволял себе краткий отдых, а потом весь вечер до глубокой ночи писал. Отдыхом для него служило чтение творений святых Отцов, из которых он особенно любил и почитал святого Иоанна Златоуста, порою подражая ему в слоге и духе. От непосильных трудов и непрестанных скорбей слабое здоровье святителя совершенно расстроилось. Появились нервные припадки с приливами крови, судорогами и мучительными головными болями. Снова написал он прошение об увольнении его на покой в один из монастырей своей епархии. «Я слишком слаб здоровьем, – писал он в 1767 году, – епископский омофор[490] непосильно тяжел для меня». На этот раз последовало увольнение с пенсией 500 рублей в год.

Святитель избрал для своего жительства Толшевский монастырь в 40 верстах от Воронежа, на берегу реки Асмани, окруженный непроходимыми лесами и болотами. Местность была сырая и нездоровая; настоятель оказался закоренелым раскольником. Недовольный вторжением в его монастырь епископа, он непрестанно роптал и устраивал всякие неприятности. Здоровье святителя ухудшалось, припадки участились. Тогда он попросил его перевести в Задонский

монастырь, в 90 верстах от Воронежа, расположенный на высоком берегу Дона. Место было красивое.

Здесь начинается третий период деятельности святого Тихона, период иноческих подвигов, духовной брани с искушениями и высочайших духовных достижений. Если глубоко проникало слово «учителя златословесного» в сердца людей, то еще глубже преображали души мудрые писания и личные беседы старца епископа. Происходит дивное восхождение по лестнице духовного совершенствования до самых недосягаемых, заоблачных высот. Святитель востекает сам, но и другим указывает с любовью узкий путь, ведущий в Царство Небесное.

В монастырской тишине пламенно предался святой Тихон молитвенному подвигу. Ежедневно он посещал все службы. На ранних литургиях сам читал на клиросе и певал киевским распевом. Если бывало много народу, то стоял в алтаре. Облачался в мантию с омофором только в те дни, когда служил праздничные утрени или молебны. Позже он прекратил эти выходы и, только причащаясь у престола, надевал мантию или ризу. Обстановка келий и одежда святителя были крайне убогими. Спал на ковре, набитом соломою, укрывался вместо одеяла заячьим тулупчиком; простой подрясник с ременным поясом, суконная ряса, ременные четки. В келий часто ходил в лаптях. Даже сундука у него не было, а только ветхий кожаный мешок. Питался крайне просто, выезд имел отдельный. Во время обеда келейник читал ему Библию. Спал святитель 4 часа ночью и 1 час после обеда. Ночью и на рассвете читал монашеское правило с земными поклонами. Молитва его была всегда жаркая со слезами и воздыханиями: «Господи помилуй! Господи пощади! Услыши Господи! Кормилец помилуй!» – из глубины сердечной взывал святой, простираясь перед иконами и ударяя головой о землю. В полночь тихо и проникновенно пел псалмы, хваля, славословя и благодаря Господа. Молитва неразрывно была связана с богомысленным созерцанием. Однажды, во время написания книги «Об истинном христианстве», святой Тихон сподобился чудного видения. Глядя на висевшую перед ним картину распятия и духовными

очами созерцая крестные муки Спасителя, святой вдруг увидел, что Христос, израненный и окровавленный, сходит с Голгофы и идет к нему. Святитель в трепете, великой скорби и неизглаголанной радости упал к Его ногам. «Радуйся, яко телесными очами видети Христа сподобивыйся, радуйся яко пречистым стопам Его поклонился еси радуйся яко спасительные Его язвы облобызал еси», воспевает это событие акафист[491].

Вскоре после переселения святого Тихона в Задонский монастырь здоровье его стало заметно поправляться, нервные припадки почти прекратились. Но наряду с этим для святителя настали трудные дни искушений, которые Господь всегда посылает подвижникам, чтоб укрепить их и сделать достойными славных венцов. Искушения эти были: 1) сомнение в подвиге, 2) помыслы плотские, 3) помыслы превозношения и 4) уныние. Борьба с ними и преодоление их – прекрасные страницы жизни угодника Божия. Чем больше оправлялось тело от недугов, тем более томилась душа от внешней бездеятельности уединенной иноческой жизни. Святитель невыносимо терзался укорами совести, что, приняв епископский омофор, не пожелал служить Церкви Божией, что, не окончив своих полезных начинаний, самовольно сложил с себя крест, который возложил на него Господь, что погубил души, порученные ему промыслом Божием. Лишь

позже понял святитель, что эти укоры были ничем иным, как злым искушением; что крест его был другой, несравненно более тяжелый и важный; и донес он его до престола Господня как верный раб и ни единой души, вверенной ему, не погубил, но все принес без порока на трапезу Его. Но во дни искушений уразуметь это было невозможно.

Душа святителя мучилась нестерпимо и не раз он склонялся к решению бросить монастырь и принять снова архипастырский жезл, что предлагал уже давно друг его митрополит Гавриил. Однажды, приготовив прошение, святой Тихон собрался в дорогу. Тогда Господь дал указание Своему угоднику устами старца Аарона. «Что ты беснуешься, – строго сказал старец, – Матерь Божия не велит выезжать отсюда». –

«Если так, то не поеду», – кротко сказал святой Тихон и разорвал прошение. Святитель по характеру своему был горячим, раздражительным и склонным к превозношению. Много должен был он потрудиться, чтобы переломить в себе эти качества. Горячо взывал он о помощи ко Господу Богу и стал преуспевать в кротости и незлобии. Когда слышал, проходя мимо, как иной раз издевались над ним монастырские служки или даже сам настоятель, говорил сам себе: «Так Богу угодно, а я достоин этого за грехи мои». Раз сидел он на крылечке келий и мучился помыслами самомнения. Вдруг юродивый Каменев, окруженный толпой мальчишек, неожиданно подбежал к нему и ударил по щеке, шепнув на ухо: «Не высокоумь!» И дивное дело, сейчас же почувствозал святитель, как бес высокоумия отступил от него. В благодарность за это положил святой Тихон выдавать юродивому ежедневно по 3 копейки.

Большую борьбу имел святитель с плотью и с грехом уныния. Как только укреплялось его здоровье – начинала бунтовать плоть, когда слабели его силы – слабел и дух, и нападали тоска и уныние. Но и тут и там святитель, укрепляемый Божьей помощью и благодатью, выходил победителем. Один раз за литургией, по попущению Божию, напали на него нечистые помыслы. Тогда святитель начал очищать горящую восковую свечку и, незаметно для окружающих, вложил пальцы в огонь; от нестерпимой муки погас внутренний пламень. Крестообразно простираясь на земле, святитель горячо молился, чтобы Господь укротил ярость плоти, и молитва его была услышана.

Самым тяжелым искушением была безотчетная тоска и уныние. В такие минуты кажется, что от человека отступает Господь, что все погружается в непроглядный мрак, что сердце каменеет, а молитва останавливается. Возникает ощущение, что Господь не слышит, что Господь отвращает Лицо Свое. Такое безблагодатное состояние невыносимо тягостно, так что иноки в такие периоды переходят из одного монастыря в другой, а часто и совсем оставляют иноческий подвиг. Святитель боролся с приступами уныния различными средствами. Или работал физически, копая гряды, рубя дрова, кося траву, или уезжал из

монастыря, или усиленно трудился над своими сочинениями, или пел псалмы. Часто помогало в такие минуты скорби общение с друзьями. Ездил святой Тихон чаще всего в Липовку, имение помещика Бахтеева, за 15 верст от Задонска. Там он оставался иногда месяца по три и больше; сам правил службы – вечерню, утреню, часы. Иногда ездил в Толшевский монастырь. Во время поездок всегда читал псалтырь или пел псалмы, которые знал наизусть. Нередко шел пешком за полторы версты на лесную поляну. Здесь молился и трудился над родником, который обустроил собственными руками.

Когда поездки святителя начали вводить окружающих в соблазн и возбудили злые толки, он почти прекратил их. Друзья, разгонявшие облака душевной грусти святого Тихона, – схимонах Митрофан, елецкий купец Кузьма Игнатьевич и старец Феофан, которого святитель звал «Феофан, моя утеха». Немудрый, добрый и наивный старичок часто утешал святого Тихона своей детской ясностью и простотой беседы. Но иногда уныние бывало чрезмерным; тогда и Феофан не помогал.

Как-то напало на святителя уныние, доходившее до отчаяния, случилось это на шестой неделе Великого поста. Восемь дней не выходил он из келий, не принимал ни пищи, ни питья. Наконец написал Кузьме, чтоб приехал немедля. Тот встревожился и, несмотря на весеннюю распутицу и половодье, сейчас же приехал. И любовь друга, который с опасностью для жизни отозвался на зов, и беседа с ним совершенно успокоили святителя. И тут произошел случай, о котором упоминают все жизнеописатели святого Тихона: неожиданно вошел он в келию к Митрофану и застал его и Кузьму Игнатьевича за ужином. Оба были чрезвычайно смущены, так как ели уху и рыбное заливное в неположенное по уставу постное время. Святитель не только успокоил их словами «Любовь выше поста», но и сам отведал ухи, чем растрогал их до слез.

Дела милосердия, которые святитель творил, будучи епископом, продолжались и в Задонске. Беднякам и нуждающимся раздавал он решительно все – и одежду, и пенсию свою; а когда и этого не хватало, продал вещи – перину, подушку, одеяло, серебряные карманные часы. Всегда в нужную

минуту приходил святой Тихон на помощь и деньгами и ходатайством, а главное своей лаской, своим состраданием. День, в который не сотворил милостыни, считал потерянным. Во время неурожая и после пожаров сам ездил за помощью в Воронеж. Как и раньше, любил посещать тюрьмы, где увещевал заключенных, подавал милостыню, выкупал содержавшихся за долги, на Пасхе любовно христосовался. Нередко люди злоупотребляли добротой святителя. Однажды двое крестьян обманом получили от святого Тихона деньги как погорельцы. Смеясь, они отправились домой и с ужасом увидели свои дома действительно в пламени. Они опять бросились к святителю и получили от него и помощь и утешение. И таких случаев было немало, когда люди исправлялись, вразумлялись поучением святителя и Божьим наказанием. Другой раз его обманул один капитан, которому святой Тихон оказывал гостеприимство. Он подделал подпись святителя и от его имени начал собирать пожертвования. Вместо негодования святитель в письме выражает заботу о спасении души обманщика: «Полно запутываться в сети, – пишет он, – пора расторгнуть их и освободиться. Бог во всем помощник: ты только восстань и Он подымет тебя; ты начни и Бог укрепит тебя; пробудись и Христос просветит тебя. Пора, пора, о пора! Время уже сотворити Господеви».

Спасения только и желал всем святитель. «Пусть все получат вечное блаженство, – говорил он, – и раскольники, и турки, и евреи». И сколько душ пробудил он от сна греховного и направил ко Господу, скольких исправил и спас! Кротко увещал он бросить веселую жизнь, проходящую в пирах, картежной игре, охотах, обличал всякую роскошь и женскую страсть к нарядам. Говорил пламенно и убедительно, тексты из Священного Писания приводил наизусть, очень любил пророка Исайю.

Однажды вышел у святителя спор с одним вспыльчивым помещиком из вольнодумцев. Святитель возражал твердо и спокойно, а тот все накалялся в пылу спора и, наконец, дойдя до крайнего предела раздражения, вдруг ударил святителя по щеке. Святитель упал ему в ноги со словами: «Простите меня,

ради Бога, что ввел вас в искушение». Потрясенный оскорбитель сам кинулся со слезами к ногам святителя, и с этого момента в нем произошла чудесная перемена, точно бес вышел из него.

Как и раньше, святитель всегда спешил туда, где были ненависть и раздоры, оставляя после себя мир и радость, и сам возвращался в радости. Один раз, после примирения двух братьев, три дня он, запершись в келий, горячо молился и благодарил Бога за Его милости и благодать. Любовно относился святитель к детям. Учил их молитвам, водил в Церковь, всегда дарил то копеечку, то яблоко, то кусочек хлебца. И ребятишки ходили за ним по пятам. В Церковь заглянут – если его нет, то и убегали. Святитель ласково улыбался. «Вот беда какая, – шутил он, – ходят бедные ради хлеба».

За время пребывания святого Тихона на покое в Задонском монастыре написаны его лучшие творения – «Об истинном христианстве» (1770 – 1771 годы – 6 томов). Это система нравственного богословия. В ней говорится о духовной мудрости слова Божия, о сердце человеческом, о грехах, о покаянии, об обязанностях христианина по отношению к Богу, к Сыну Божию, ближнему и самому себе.

«Письма к приятелям» и «Письма келейные» (1772 – 1775 годы) содержат поучения и наставления по частным случаям и, наконец, «Сокровище духовное, от мира собираемое» (1777 – 1779 годы). Здесь в 157 коротеньких статейках излагаются размышления о Божьей мудрости и выводы по поводу различных явлений, предметов, нечаянных встреч и случаев из жизни святителя. От мира видимого к миру невидимому идет аналогия. От тленного мысль переносится к нетленному. Видит святитель солнце, думает о Солнце вечной правды; видит стадо, вспоминает об овцах и козлищах Евангелия; слышит фразу: «воротись, не туда пошел», говорит о том, чтобы шли туда, куда зовет слово Божие. «Яко пчела сладкий мед от цветов скоро увядающих собрал еси, отче, от тленного мира духовное сокровище, им же всех нас услаждаеши», – поет канон.

«Вода мимотекущая» по красоте и музыкальности слога, где как бы слышится журчанье ручейка, достигает высоты исключительного поэтического произведения; а по глубине и силе богомудрия стоит рядом с Екклезиастом, потому что кончается откровением о вечной жизни. Приведем выдержки:

«Вода мимотекущая. Что вода мимотекущая, тое житие и все в житии случающееся. Видим, что вода в реке непрестанно течет и проходит и все вверху воды плывущее, как-то: лес, сор и прочее – проходит. Христианин, тако житие наше и с житием все благополучие и неблагополучие мимо идет. Не было меня прежде нескольких лет: а теперь есмь в мире как и прочие твари. «Руце твои сотвористе мя и создаете мя, Господи». Был я младенцем, и миновало то, был я отрок, и то прошло. Был я юноша, и то отошло от меня. Был я муж совершенный и крепкий – минуло и то. Ныне седеют власы мои и от старости изнемогаю, но и то проходит и к концу приближается и пойду в путь всея земли. Родился я на то, чтоб мне умереть. Умираю ради того, чтобы мне жить. Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем! Что мне случилось, то и всякому человеку. Был я здоров и болен, и пока здоров, и пока болен, и прошло то. Был я в благополучии и неблагополучии, прошло время и со временем все миновало. Был я в чести – прошло то время и честь от меня отступила. Люди меня поминали и поклонялись: минуло то время и не вижу того. Был я весел, был я печален, радовался я и плакал; ныне тоеждо мне случается. Проходят дни, проходят с ними печаль и веселие, радость и плач. Хвалили меня и славили люди, хулили и поносили; и которые хвалили, те и проклинали; и которые хулили, те и хвалили… Прошло время, прошло и все, миновалась хвала и хула, слава и бесславие. Тоеждо слышу и ныне; то хвалят, то хулят, то прославляют, то бесславят. Знаю, что и то минуется; пройдет время, пройдет хула и хвала, слава и бесславие. Что мне случалось и случается, то и всякому человеку, живущему в мире сем. Таков бо есть мир! Таково и постоянство его! Такое и житие наше в мире! Бедный человек от утробы матери своей, даже до гроба. Рождается с плачем; живет в мире, как корабль в море плавает: то восходит, то нисходит, то подымается, то ниспускается и

умирает с плачем… Где то время, в которое счастлив я был, в которое здоров, весел, радостен, славим, хвалим, почитаем? – в которое богатою трапезою и музыкою утешался, ездил колесницею и цугом? Прошло время, прошло и все с ним счастье мое и утешение мое. Где то время, в которое я был несчастлив, был болен, печален, скорбен, хулим и поносим, укоряем и ругаем и прочее? Прошли те дни, прошло и то все несчастие мое. Пройдет и все, что ныне в сем времени случается: яко все с преходящим временем проходит. Что един человек на себе дознает, то и всякому случается. Нет бо человека такого, который бы от рождения до смерти в непременном пребыл благополучии или неблагополучии. Как под небом то вёдро, то пасмурно, то непогода и буря, то ясно и тишина бывает: так и всякому человеку случается то в благополучии быть, то в неблагополучии, то в страхе, то в покое, то в печали, то в радости быть. Но как дни и часы проходят, так всякое счастие и несчастие с ними проходят. Видишь, христианине, что как вода мимотекущая и все по ней плывущее, так время жития нашего и все со временем благополучие и неблагополучие наше проходит. А так все житие наше пройдет.

И как прешедшие дни наши, аки во сне видим и с ними все благополучие и неблагополучие: так и прочее время при конце жития как во сне будем видеть; и только помнить будем тогда и мечтать, что то и то с нами было. Такое житие наше в мире сем. Не так житие будущего века будет, якоже Божие Слово и вера нас уверяет. Там житие наше единожды начнется, но никогда не скончается – будет непрестанное и непременное. Тело наше не будет иметь немощи, дряхлости, старости, смерти и тления. Но будет тело духовное, нетленное, бессмертное, здравое, сильное, легкое, благоцветущее».

Многие, как нам известно из записок келейника, благодаря творениям святителя Тихона пошли по пути Христову, иные приняли даже иночество: «В сочинениях моих я старался о пользе и исправлении братии моей – христиан, а более в них душу свою унывающую поощрял к покаянию и подвигу благочестия», – пишет смиренно сам святитель. Печать дара

Святого Духа носят все его творения, особенно те, которые относятся к Задонскому периоду, и мы воспеваем его как «богосветлого Церкве Христова светильника во тьме века сего воссиявшего». То, о чем писал святой Тихон, относится к глаголам вечной жизни для нас, живущих двести лет спустя, имеет такое же важное значение, как и для современников. Святой Тихон пишет о самых глубоких тайнах христианства со святой простотой и сыновним дерзновением. Он сын, он друг, и ему все открыто Христом Спасителем; и не только открыто, но дано перечувствовать, пережить и выстрадать. Оттого такая сила убедительности слов его, оттого такая власть увещания его. От творений святого Тихона истекает великое сострадание и бесконечная любовь к заблудшим малым сим, о которых нет воли Отца Небесного, чтобы погиб хотя бы один из них. Как матерьялами святитель пользовался только Священным Писанием и некоторыми книгами святого Иоанна Златоустого; а орошала его благодать Святого Духа, почерпаемая в молитве.

Обычно он диктовал очень быстро своему келейнику. Когда благодать начинала оскудевать, святитель отсылал келейника, а сам становился на молитву. Молитва святого Тихона всегда была неразрывно связана с богомыслием. И дан ему был еще дар слезный. Размышляя на молитве о любви Божией к недостойному роду человеческому, он громко рыдал, иногда при всех за литургией; случалось бывать ему и восхищенному до состояния созерцания или изумления. Это последнее сверхмолитвенное состояние человеческой души, которое, пройдя путем долгого молитвенного подвига со слезами, мольбами, воздыханиями, коленопреклонениями и услаждениями, достигает наконец высшего безмолвного покоя в созерцании Бога.

То, что мы понимаем под молитвой, прекращается; ибо молитва есть устремление ума и воли к Богу, а здесь наступает достижение запредельных высот, и потому устремление прекращается, молитва останавливается. Это благодатное состояние изумления повторялось у святого Тихона за время пребывания в Задонском монастыре неоднократно. Случалось это и в келий, и на прогулке в монастырском саду. Очевидцы

рассказывают, что он опускался тогда на колени и, прижимая руки к сердцу, устремлял взор ввысь. Лицо сияло особенным радостным светом, отблеск которого оставался очень долго и после чудесного явления. Кроме молитвенного дара святитель в эту пору получил еще дары исцелений и прозрений. Часто узнавал, что совершалось вдали (например, наводнение в Санкт-Петербурге) и что свершится в будущем (многое сбылось при Александре I), чувствовал, кто имел в нем духовную нужду и всегда приезжал вовремя. Постоянно узнавал мысли своих собеседников, их свойства и настроения.

Слава о подвижнике быстро начала распространяться, и много народу стало стекаться в Задонск. Приходило и спасалось немало раскольников. К этому времени относится и приглашение раскольников быть у них епископом, к чему святитель отнесся с негодованием. Все утро святитель проводил в затворе на молитве и всегда просил келейника не тревожить его ради посетителей. Но иные посетители из важных бывали недовольны, что их не принимают, назойливо требовали приема. Келейник нарушал правило и докладывал, прерывая молитву; святитель тогда был неприветлив. В свободные послеобеденные часы святитель принимал охотнее. С каждым говорил именно то, что для посетителя было важно и нужно. Модниц в напудренных париках и фижмах встречал сурово, стыдя за украшения, так что многие стали специально переодеваться в простые платья. Записаны случаи исцеления, по молитве угодника, больных, бывших уже при смерти.

Непрестанными подвигами молитвы и богомудрия задонский подвижник привлек обильную благодать Святого Духа, которая возводила его уже на последние ступени «лествицы духовной». Борьба с искушениями была окончена – благодатный мир водворился в душе святителя. Все более и более пламенел он божественной любовью, которая не ищет ничего другого, как только явиться перед Лицо Божие. И по мере просветления духа стало угасать тело. Прежние припадки – бессонница, судороги, обмороки – возвратились к нему с новою силою; как будто плоть не поспевала за духом. А дух горел уже нездешним пламенем. Бывали у святого Тихона видения во сне

и наяву. В один из приездов его в Толшевский монастырь, по-своему обычаю, обходил он в полночь вокруг церкви и, став на колени у алтаря, горячо помолился: «Покажи мне, Господи, уготованное любящим Тебя…» Тогда отверзлись небеса и воссиял свет, озаривший весь монастырь, и святитель услышал голос: «Виждь уготованное любящим Бога». Он в страхе пал на землю и, когда видение окончилось, в изнеможении и радости едва смог добраться до келий.

Другой раз во сне явилась Богородица с Апостолами и обещала исполнить просьбу святого Тихона. В чем состояла эта просьба, навсегда осталось тайной. В ночь на 12 мая, в день памяти святого патриарха Константинопольского Германа и святого Епифания, епископа Кипрского, святитель увидел их во сне; будто дьякон, вышедши из алтаря, кадил на них хрустальным кадилом, а после и на него стал кадить. Усердно молил Бога святой Тихон, чтоб ему было открыто время кончины, и однажды на утренней заре тихий голос сказал: «В день недельный»[492]. Вскоре увидел он удивительный сон: будто идет по прекрасному лугу к чудному хрустальному замку, где идет пир. Он хочет войти туда, но его что-то не пускает. И он слышит голос: «Теперь не можешь войти; потрудись еще. Через 3 года войдешь». По пробуждении святитель почувствовал неизъяснимую радость. С этой поры он больше никому не показывался, за исключением келейника и нескольких близких друзей. Он затворился в келий и проводил время в молитве, в размышлениях о вечности и глубоком безмолвии. Даже с келейником почти не говорил.

На Рождество 1779 года святой Тихон последний раз был в церкви. После он лишь изредка выходил на крыльцо подышать свежим воздухом. Милостыню продолжал творить через других и наставления подавал лишь письменно. Когда дошли до него слухи, что духовные чада нуждаются в укреплении, написал послание, которое не вошло в собрание его сочинений. Пастырь добрый, готовящийся предстать пред престолом Господа и дать ответ за души, порученные ему, обращается он к овцам стада своего с последним увещанием: «Христиане! Суд Христов приближается и уже близко есть, и, как тать в нощи, нечаянно

приидет день тот и в чем кого застанет, с тем тот и явится на суде оном страшном. Иного в блудодеянии застанет и с тем явится; иного в убийстве и с тем явится; иного в пьянстве застанет и с тем явится; иного в злоречии; иных в банкетах и пировании, иных в картежной игре; иных в операх и маскарадах застанет и так явится... Иных в плясках, танцах, в играх и прочих бесчинствах застанет и с тем явится там!.. Молю убо вас, возлюбленные, молю вас милостью и кротостью Христовою, пощадите души ваши и покайтеся, да не вечно погибнете. Бог еще ожидает нас, еще долготерпит нам. Блажен будет, кто истинно обратится и покается; окаянен, кто в ожесточении пребудет. Каяться, плакать и рыдать будет в тот час, но уже поздно и бесполезно, с плачем бо и отыдем в вечную муку... Послушайте убо меня, спасения вам желающего, как и себе, а паче послушайте самого Христа, который алчет и жаждет спасения нашего... Христос Господь с радостью приимет нас и вся нам отпустит согрешения наша... Скоро идет и не закоснит Судия всех. «Се гряду скоро и мзда Моя с Мною, воздати коемуждо по делам его», – глаголет Господь[493]. Тому слава во веки веков. Аминь».

Часто плакал святой Тихон над гробом своим, который был заготовлен вместе с одеждами, плакал о падении человеческом. «Вот до чего довел себя человек: будучи сотворен от Бога непорочным и бессмертным, как скот зарывается в землю!» За год и три месяца до кончины святой Тихон в тонком сне увидел себя в монастырском приделе. Из алтаря священник вынес младенца под покрывалом. Святитель поцеловал этого младенца в правую щеку, а тот ударил его в левую. Проснувшись, он почувствовал онемение левой щеки, левой ноги и трясение левой руки. Эту болезнь, как ношение язв Господа Иисуса Христа, он принял с радостью. С этих пор святитель уже не вставал. Преосвященный Тихон III часто посещал своего больного друга. Незадолго до кончины святитель видел во сне высокую и крутую лестницу и услышал повеление идти по ней. «Я сначала боялся слабости своей, но, когда стал восходить, народ, стоявший около лестницы, казалось, подсаживал меня все выше к самым облакам». –

«Лестница – это путь к Царству Небесному, – сказал Кузьма Игнатьевич, когда святитель рассказывал ему свой сон. – Помогавшие тебе – это те, которые пользуются твоими наставлениями и будут поминать тебя». – «Я и сам то же думаю, – со слезами сказал святой Тихон, – чувствую близость кончины…»

Силы угасали с каждым днем. Голос так ослабел, что сделался чуть слышным; понимать мог только келейник, который и передавал слова святителя окружающим. Святитель приобщался Святых Тайн до сих пор раз в неделю. На последней неделе он приобщился 2 раза. За три дня предсказал свою кончину, и в этот день пустили к нему всех знакомых для прощанья. Святитель лежал с закрытыми глазами. В келию собралось много лиц обоего пола, которые дожидались этой минуты последнего свидания. Обливаясь слезами, целовали все исхудавшую руку. «Отец наш, на кого оставляешь нас, сирых, печальных и горьких!» – с рыданиями говорили ему. Любовно прижимая к себе плакавших, святитель показал на Распятого: «Господу Богу вручаю вас», – ответил он. Последние два дня святитель не мог говорить от слабости. Он не велел никого пускать к себе и погрузился в умную молитву. Около полуночи с 12 на 13 августа сделалось ему плохо, и умирающий святитель просил пораньше отслужить раннюю литургию, чтобы в третий раз причаститься Святых Тайн. В третьем часу ночи он послал с этим к очередному иеромонаху, но по небрежности просьбу не исполнили.

Келейник послал сказать игумену, но и того не могли добудиться. Приходила братия – постояли и ушли на утреню. Время шло, святитель снова попросил о литургии. Нестерпимая жажда мучила его; поднявшись с помощью келейника, выпил он полчашки горячей воды. Последний раз вспомнил о литургии… Но было уже поздно. В 5 часов 45 минут утра святитель на секунду открыл глаза и, снова закрыв их, испустил дух; спокойно, как бы уснув, отошел он «в путь всея земли». Кончина последовала, согласно небесному обещанию, в день недельный. А причащение на земле, видно, не нужно было для того, перед кем уже отворялись двери чертога хрустального и

кого ожидал Жених для приобщения за Трапезой Своей в невечернем дне Царствия Своего…

Быстро распространилась весть о кончине святителя, и монастырь наполнился народом со всех окрестных сел. Много приехало из Ельца и Воронежа; беспрерывно служились панихиды и до самого погребения стекался народ во множестве для поклонения праху любимого пастыря. Тело облачили в заготовленные одежды и в ветхую мантию, согласно завещанию. Но преосвященный Тихон III, по праву архипастыря, нарушил завещание своего усопшего друга и велел переоблачить его в полное архиерейское облачение из соборной ризницы и место погребения назначил под алтарем главного собора. Гроб оказался мал, и новый гроб сделали елецкие купцы. 20 августа 1783 г. совершено было отпевание преосвященным Тихоном III соборно с приезжим духовенством. Все присутствовавшие горько плакали. Перед последним целованием усопшего иеродьякон прочитал у гроба завещание его. Приведем его полностью:

«Слава Богу о всем! Слава Богу, яко мене создал по образу Своему и по подобию! Слава Богу, яко меня падшего искупил! Слава Богу, яко о мне недостойном промышлял! Слава Богу, яко мене согрешившего на покаяние призвал. Слава Богу, яко мне подал слово Свое святое, яко светильник, сияющий в темном месте и тем мене на путь истинный наставлял! Слава Богу, яко очи мои сердечные просветил! Слава Богу, яко подал мне в познание святое Имя Свое! Слава Богу, яко банею крещения грехи мои омыл! Слава Богу, показал мне путь к вечному блаженству! Путь же есть Иисус Христос, Сын Божий, который о Себе глаголет: Аз есмь путь и истина и жизнь! Слава Богу, яко согрешающего меня не погубил, но по своей благости потерпел согрешения мои! Слава Богу, яко показал мне прелесть и суету мира сего! Слава Богу, яко помогал мне в многоразличных искушениях, бедах и напастях! Слава Богу, яко при бедственных и смертных случаях меня сохранял! Слава Богу, яко меня от врага диавола защищал! Слава Богу, яко меня лежащего восстановлял! Слава Богу, яко меня печалующегося утешал! Слава Богу, яко меня заблуждающего обращал! Слава

Богу, яко меня отечески наказывал! Слава Богу, яко мне объявил страшный Свой суд, да того боюся и каюся за грехи мои! Слава Богу, яко объявил мне вечную муку и вечное блаженство, да тоя убегну, а сего поищу! Слава Богу, яко мне недостойному подавал пищу, которою мое немощное тело укреплялось; подавал одежду, которою нагое мое тело покрывалось; подавал дом, в котором я упокоевался! Славу Богу и о прочих Его благах, которые мне к содержанию и утешению моему подавал! Столько я от Него получил благодеяний, сколько вдохновения! Слава Богу о всем!

Ныне я к вам, братия моя, слово мое обращаю. Не могу я с вами, якоже прежде, устами и гласом беседовать, яко бездыханен и безгласен; но беседую малым сим письмецом:

1) Храмина тела моего разрушилась и яко земля земле предается по слову Господню: «Земля еси и в землю пойдеши», но со Святою Церковью чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Надежда моя седит одесную Бога. Иисус Христос Господь мой и Бог мой! Он воскресение и живот мой; Он мне глаголет: «Аз есмь воскресение и живот, веруяй в Мя, аще и умрет, оживет». Он мене, спящего всесильным Своим гласом возбудит!

2) Отошел я от вас в путь всея земли и отлучился и уже друг друга не видим, якоже прежде. Но увидимся пока там, где соберутся все языци, от начала мира до конца пожившие. О! Сподоби Господи и там видеться, где Бог видится Лицем к лицу и тем видящих оживляет, утешает, радо стотворит, увеселяет и вечно блаженным делает! Там люди яко солнце сияют; там истинная жизнь; там истинная честь и слава, там истинная радость и веселие; там истинное блаженство и все вечное и бесконечное! Буди, Господи, милость Твоя на нас, якоже уповахом на Тя!

3) Благодетелям моим, которые меня при нужде и немощи моей не оставляли, но по своей любви и милости благими своими снабдевали, много благодарствую. Да воздаст им Господь в день он, в который всем по делам их воздастся!

4) Всем, которые меня как-нибудь обидели, простил я и прощаю, да простит им Господь БогСвоею благодатию! Прошу и

меня простить, ежели кого чем обидел, яко человек. «Оставите и оставится вам», – глаголет Господь.

5) Пожитков как у меня не было, так и не осталось по мне. Прошу убо с тех, которые при мне жили и служили мне, не взыскивать. Простите возлюбленнии и Тихона поминайте.

Ваш доброжелатель Тихон, недостойный епископ».

В этом послании святитель Тихон как бы предстал перед изумленными взорами облеченный в светозарную ангельскую одежду, воспевающий Богу «Аллилуйа» и благословляющий свою земную скорбную братию.

Впечатление было неописуемо. Вопли и рыдания наполнили весь храм. Чтение завещания неоднократно прерывалось, ибо и чтец и предстоящие не могли удержать слез.

После святителя осталось денег 14 рублей 50 копеек, которые и розданы нищим.

Жизнеописание и подвиг преподобного Паисия Величковского [494]

Огонь пришел Я низвести на землю и как желал бы, чтобы он уже возгорелся»[495]. Этот божественный огонь восприняли в свои сердца святые Апостолы и, возгоревшись ко Господу пламенной любовью, оставили мир и все что в мире, и последовали со Христом… Тот же самый божественный огонь любви и послушания восприняли святые мученики, претерпевшие за Христа с радостью многоразличные мучения и самую лютую смерть. Этот же божественный огонь восприняли в себя все преподобные и богоносные отцы наши, бежавшие от мира и от всего, что в мире, пребывавшие в общежитиях в совершенном послушании и отсечении своей воли, подвизавшиеся в пустынях, горах и пещерах…[496] Этот же огонь божественной благодати восприняли все святые истинные рабы Христовы, всякого чина и звания люди, тщательно соблюдавшие душеспасительные заповеди Евангельские, без исполнения которых при одной вере православной спастися невозможно». Эти слова написаны старцем Паисием уже на склоне исполненной трудов и молитвы жизни. Но огонь Духа Святого, который озарил и согрел всю его жизнь и вел от

свершения к свершению – где и когда впервые зажегся в сердце будущего подвижника, реформатора и преобразователя монашеской жизни не только Молдавии, но и Руси? Где и когда сверкнула первая искра, которой суждено было, возрастая и разгораясь в сердце старца Паисия, осветить все девятнадцатое столетие в России? Чтобы светом его книг утешались лучшие представители духовенства и культуры, такие, как святой Амвросий Оптинский, Достоевский, Толстой, Леонтьев.

Он родился 21 декабря 1722 года, в день памяти святого митрополита Киевского Петра, в Полтаве и в честь святого назван Петром. Он был одиннадцатым ребенком в семье, в которой отец, дед и прадед были потомственными священнослужителями, полтавскими

Память твоя, блаженный, во славе пребудет Блистающей, до тех пор, пока мир стоять будет.

Надгробное рыдание старцу Паисию от всех его чад духовных протопопами[497]. Его бабка по матери впоследствии стала настоятельницей Покровского женского монастыря. Позже и его мать приняла постриг в этом же монастыре. Весь род Величковских отличался особенной религиозностью, В ее лучах с самого начала грелась и расцветала душа ребенка.

А за окном утопала в зелени садов Полтава. Ребенка окружали сотни деревянных, чисто выбеленных домиков, Спасская церковь, в которой император Петр Великий заказал благодарственный молебен после победы над шведами, два монастыря – женский Покровский и мужской Крестовоздвиженский – неподалеку от города. Во время ярмарок на улицах можно было встретить купцов, приезжавших сюда из Великороссии, Литвы, Польши, Крыма, Востока. Разноязычный говор разносился по городской площади.

Отданный матерью в церковную школу при соборе, Петр в продолжение нескольких лет изучал букварь, часослов и Псалтирь[498], а письму учился у своего старшего брата, также священника. Как только он научился читать, любимым занятием стало чтение. Он перечитал духовные книги, которые только можно было найти дома: Ветхий и Новый Заветы, Жития святых,

поучения святого Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и многие другие[499]. Он рос кротким, тихим и необыкновенно молчаливым. «Да он что у вас – немой?» – однажды спросили его мать родственники. «Нет, – отвечала она, – но мы и сами никогда его не слышим, разве только одно или два слова молвит, а то все молчит».

В 1735 году, заручившись рекомендательным письмом крестного отца мальчика, полковника Кочубея, мать отвозит Петра в Киев, где он благополучно поступает в начальный класс Киево-Могилянской Богоявленско-Братской академии. Основанная в конце шестнадцатого века, в середине восемнадцатого она переживала расцвет. Еще в начале восемнадцатого века она ничем не уступала лучшим из высших заграничных школ – ни качеством преподавания, ни количеством воспитанных здесь талантов. Среди ее выпускников множество известных не только ученостью, но и святостью жизни: Феодосии Черниговский, святой Димитрий, митрополит Ростовский, святой Иннокентий, епископ Иркутский, святой Иоанн, митрополит Тобольский. Здесь изучались латинский, польский, славянский и греческий языки, пиитика, риторика, богословие, пение, философия, музыка… А по вечерам можно было видеть, как школяры в пестрых киреях[500], алых шароварах и башмаках собирались на площади. Перед купцами они распевали канты[501] в честь святых угодников или чудотворных икон, а особенно в честь. Божией Матери. И звонко летели слова чудесных песен к небу...

Поступить в такую школу было заветной мечтою и счастьем каждого даровитого и любознательного малороссийского юноши. Однако ни учебные занятия, ни академические празднества, ни веселая товарищеская жизнь не привлекали к себе сердце молодого Петра Величковского. Его больше влекли благолепные храмы, святые обители, безмолвные пещеры знаменитой лавры, а также беседы с друзьями о страннической жизни. В душе его шла таинственная внутренняя работа, крепло молитвенное общение с Богом и утверждалась мысль о необходимости совершенного отречения от мира. Уже в это время юноша устанавливает для себя три правила: 1) ближнего

своего не осуждать, хотя бы ты собственными глазами видел его согрешающим, 2) ни к кому не питать ненависти и 3) от всего сердца прощать обиды.

Казалось, иной Свет влек к себе молодого школяра. И даже монастыри, какими он их знал, виделись ему недостойными этого Света. Но где же то место в мире, где жизнь его станет угодной Господу и где тот наставник, который научит его этой новой жизни? Для Петра Величковского наступает время поисков.

Трехдневное пребывание в Китаевском скиту, куда он попал, разыскивая школьных товарищей, производит на него столь сильное впечатление, что Петр решает навсегда остаться в обители. И только мысль о матери останавливает его. И все же через некоторое время он снова переступает порог скита. Его приглашает в келью начальник скита. И когда тот предложил ему сесть рядом, Петр, по его словам, ужаснулся от этого предложения и, поклонившись, остался стоять. Начальник во второй и в третий раз приказал Петру садиться, но тот лишь кланялся, не двигаясь с места. Тогда начальник сказал: «Ты просишь принять тебя в нашу обитель. Но я вижу, что в тебе нет даже и следа монашеского смирения, послушания и отсечения своей воли. Я три раза приказывал тебе сесть около меня, а ты не послушал»... Это был первый урок, память о котором Петр пронесет через всю свою жизнь. Наступили каникулы. Петр отправляется в Полтаву. Он окончательно решает уйти в монастырь и пытается осторожно подготовить к этому мать, но очень скоро убеждается, что его слова не достигают цели. Плача, она упросила его продолжать учебу. Через некоторое время он возвращается в Киев.

Солнце золотит купол Святой Софии. Легкий ветерок колышет темную листву каштанов. Только что написанное письмо к матери белеет на столике. У окна стоит юноша. Он одинок среди беспредельной пустыни мира, перед лицом невидимого Бога, возлагая на Него всю свою надежду и к Нему Одному обращаясь. Через три месяца ему исполняется семнадцать лет... Оставляя мир и делая это вопреки воле матери, самого близкого ему человека на свете, не совершал ли

он поступок безумный и нечестный с точки зрения людской мудрости? Быть может, на пути к совершенству, на пути к святости этот шаг, парадоксальным образом, являлся единственно верным.

В поисках духовного наставника Петр отправляется в Чернигов. И вот позади опасное плавание по Десне. Лодка, на которой он плыл, несколько раз едва не опрокинулась. И все же – он у цели. В городе он находит дом знакомого иеросхимонаха Пахомия и просит у него совета. Но Пахомий отправляет его дальше: «Тебе лучше всего пойти в монастырь неподалеку от Любеча, родины преподобного Антония Печерского. Там ты найдешь то, что ищешь». Через несколько дней Петр достигает стен обители. Он входит в монастырский двор и предстает перед игуменом Никифором: «Откуда ты, брат? Как твое имя и зачем пришел в нашу обитель?» – «Я пришел сюда из Киева на послушание. Зовут меня Петром». – «Слава Богу, что Он послал тебя к нам. Два дня назад наш келарь, по имени Петр, ушел из обители. Будешь у нас келарем».

Так началась жизнь в монастыре. Обязанности Петра заключались в том, чтобы выдавать поварам съестные припасы для трапезы. Для юноши, незнакомого с физической работой, это послушание оказалось нелегким. Однажды игумен дал новому келарю книгу. Это была «Лествица» святого Иоанна Лествичника. Книга захватила юношу. Она рассказывала о том, как подниматься по ступеням совершенствования. Свечу достать было трудно, и при свете длинной чадящей лучины он сидел над бегущими строками, окутанными нездешним золотым свечением. Дым наполнял комнату, и дышать становилось труднее. Тогда он вставал, открывал окно, и чтение продолжалось. «Если ты обещался Христу идти узким и тесным путем, то утесняй чрево свое: ибо угождая ему и расширяя его, ты отвергнешься своих обетов. Но внимай и услышишь говорящего: пространен и широк путь чревоугодия, вводящий в пагубу блуда, и многие идут по нему, но узки врата и тесен путь воздержания, вводящий в жизнь чистоты, и немногие входят им»[502].

Книга. Склоненный над ней силуэт с гусиным пером. Скрип пера по бумаге. Это была первая страница из тех сотен тысяч, которые предстояло перевести, выправить и переписать за долгую жизнь монаху-книжнику. А через три месяца после прибытия Петра в монастырь митрополит Молдавский, преосвященный Антоний, назначает в Любечский монастырь нового игумена, некоего Германа Загоровского. Прибыв в обитель, он стал управлять ею не по примеру кроткого Никифора, но «властительски», по выражению жизнеописателя будущего старца Паисия. Через несколько дней за небольшую оплошность он отхлестал келаря по щекам. А вскоре до Петра доходит угроза нового игумена разделаться с ним по-свойски. На шестой неделе Великого Поста вместе с келейником он бежит из монастыря. Ночью они идут по льду через Днепр. Поскрипывает снег под ногами. Бесшумно движется подо льдом невидимая темная бездна вод. А другая бесшумная бездна со множеством сияющих звезд смотрит на две темные фигурки, затерявшиеся на льду. «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже... и бездна бездну призывает голосом водопадов Твоих... все воды и волны Твои прошли надо мною...»[503] Неслышно звучат в сердцах странников слова древних псалмов. Больше всего удивляет в этой судьбе безостановочное движение, постоянный поиск. Казалось, какой-то неслышимый ветер гнал его из города в город, от шляха к шляху и от обители к обители.

Но и сотни его вчерашних товарищей-школяров точно так же скитались по дорогам Украины не только во время каникул. Фигура странника (будь то школяр или бродячий философ Сковорода) никого не удивляла в украинском или молдавском пейзаже. Уже в 30-х годах XIX века Гоголь своим гениальным пером запечатлевает это странничество. Нам трудно понять этот феномен. Удивляет и загадочная невезучесть благочестивого юноши. Он начал свой путь с поиска наставника, но вот проходят дни, месяцы, годы, сменяются города и лица, а наставник все еще не найден. Он не нашел его ни в своих странствиях по правобережной Украине, стонущей от натиска иезуитов, воздымающей к небу костры подожженных

монастырей. Его не оказалось ни на оскорбленной, униженной, усеянной польскими военными кордонами земле, ни в Медведовском монастыре, где совершается пострижение послушника Петра в рясофор. Он не нашел наставника, возвратившись в Киев, в лавру, где нес послушание, помогая гравировать на меди иконы. Эти поиски говорят нам не только о высокой требовательности послушника Петра, но и о том духовном кризисе, в котором пребывала в XVIII веке Православная Церковь. Была утрачена преемственность – забыты корни духовности, уходящие в Византию. И именно бесприютному скитальцу Петру Величковскому суждено было восстановить оборванные связи. Именно с его именем связано возрождение духовности.

Складывается впечатление, что лаврский период жизни был лишь передышкой. Он прожил в лавре всего лишь год. Платон (это имя он получил после пострига) встречает в Киеве одного из самых близких школьных товарищей, Алексея Филевича, и тот напоминает ему о давнем обещании – жить в пустыни под руководством опытного наставника. Сердце молодого монаха загорается… и вновь тянутся дороги и шляхи, польские и малороссийские земли, скиты, монастыри. При переходе границы двоюродным братом удержан был Алексей. Платон продолжал путь уже с другими спутниками.

После непродолжительного пребывания в нескольких скитах Молдовлахии Платон принимает решение отправиться на Афон. В 1746 году он достигает Афона. Зеленовато-синяя гора, уносящаяся в глубокое голубое небо, лимонные и апельсиновые деревья, трепещущие листьями в набежавшем ласковом ветерке, лазурное море и клочок белого паруса у горизонта. С высоты птичьего полета ясно различима крестообразная форма полуострова. Почти на два километра возносится вверх вершина Святой горы, чтобы на головокружительной высоте закончиться небольшой площадкой, подобной ладони, протягивающей к небу храм Преображения Господня. И вся гора, словно звездами, светящимися среди зелени деревьев, усыпана десятками келий, монастырей и скитов…

Уже в X веке на Афоне было 180 обителей. Здесь начинал свой монашеский подвиг зачинатель монашества на Руси преподобный Антоний Печерский. Афон на протяжении многих веков оставался высшей школой монашества, хранителем православия и чистоты веры. Здесь бережно хранилась молитвенная традиция исихастов-молчальников.

По-прежнему Платон искал наставника и по-прежнему не находил. Ум молодого монаха в долгие зимние ночи, когда звезды кажутся ближе, а темные ветви кипарисов загадочней и безмолвней, не раз и не два рисовал образ идеального наставника. Но общий кризис православия коснулся и Афона. Многое из богатой традиции было утрачено. И все же в библиотеках Афона скрывалось неисчерпаемое богатство, накопленное монахами предшествующих поколений.

Первые четыре года, проведенные Платоном на этой благословенной земле, неожиданно оказались самыми тяжелыми в его жизни. Это было время одиночества, беспомощности, тяжелой внутренней борьбы. Вот как он вспоминает об этом периоде: «Когда я пришел во Святую гору из моего православного отечества, я находился в такой нищете, что не мог уплатить три гроша долгу пришедшим со мною братиям. При моей телесной немощи я поддерживал мое бедственное существование одними подаяниями. И если бы только святые отцы славянского племени, находящиеся на Святой горе, не помогали мне, я никак не мог бы здесь существовать. Много раз зимою ходил я босиком и без рубашки, и такое мое существование продолжалось до четырех лет. Когда мне приходилось или от лавры, или от Хиландаря[504] доползти до бедной моей кельи с подаяниями или из лесу принести дрова или сделать какое-нибудь другое тяжелое дело, тогда я по два и по три дня лежал, как расслабленный»[505].

В начале тысяча семьсот пятидесятого года на Афон прибывает молдавский старец – схимонах Василий. Из его уст молодой подвижник Платон услышал чеканное определение монашеской жизни. «Все монашеское жительство, – говорил старец, – разделяется на три вида: первый – общество; второй – именуемый царским или средним путем, когда, поселившись

вдвоем или втроем, имеют общее имущество, общую пищу и одежду, общий труд и рукоделие, общую заботу о средствах к существованию и, отвергая во всем свою волю, повинуются друг другу в страхе Божием и любви. Третий вид – уединенное отшельничество, пригодное только для совершенных и святых мужей»[506]. Мы не знаем подробностей того разговора, который произошел между ними. Мы знаем, что схимонах Василий отсоветовал Платону следовать путем одиночества. Именно схимонах Василий постриг подвижника в мантию[507] и нарек имя, под которым суждено ему войти в духовную историю православного мира, – Паисий.

Спустя три месяца после пострижения его в мантию к нему пришел юный монах Виссарион и стал просить о наставлении. Паисий заплакал в ответ: «Брат, я сам, как и ты, ищу учителя…» Но монах не уходил. И тогда Паисий заговорил. Он говорил о том, как сам понимает путь к спасению. А так как не мог помыслить себя в роли наставника, то прибегал к авторитету тех великих учителей жизни и духа, которых так сильно любил, о которых часто размышлял: преподобного Симеона Нового Богослова, преподобного Нила Сорского и других богоносных Отцов Церкви. И когда он закончил первое в своей жизни поучение, Виссарион упал к его ногам и со слезами на глазах просил Паисия стать его наставником. И когда тот отказался, ссылаясь на собственное ничтожество, ученик не ушел. Три дня он неотступно умолял его. И наконец Паисий сдался. Он согласился принять Виссариона к себе, но не как ученика, а как друга и сподвижника, чтобы вместе идти тем путем, который старец Василий три месяца тому назад назвал царским.

Прошло четыре года жизни на Афоне. Неожиданно для самого Паисия вокруг него возникает небольшая община. Виссарион был первым. К монаху Паисию пришли новые монахи, нуждающиеся в совете и руководстве. Прежняя келья уже не могла вместить всех желающих. Когда число братии достигло восьми, решено было приобрести келью святого Константина с церковью, находившейся неподалеку от первой кельи. У общины не было священника и духовника. Братья обратились к авве Паисию, чтобы он стал для них духовником.

Но он и слышать не хотел об этом, напоминая братьям о своем недостоинстве. Но к просьбам братии присоединились некоторые старейшие отцы Святой горы. Монах Паисий со слезами на глазах и словами: «Да будет воля Божия» – принимает священство. Он был рукоположен в 1758 году на 36 году жизни.

Шли месяцы, годы. Маленькая община разрасталась. Любовь – это всегда тайна, которая притягивает одних и вызывает ненависть и вражду у других. Братство старца Паисия привлекало к себе все большее число братьев, в то же время вызывая наветы недоброжелателей. А стержнем монашеского братства, его ровного и незатухающего горения стала личность наставника. В это время он писал: «Возлюбивши Господа и ради любви к Нему ни во что вменивши все блага мира, братия все покинула и, взявши крест свой, последовала Господу. Они стараются нести тяготы друг друга, иметь одну душу и сердце, друг друга побуждать к добрым делам, друг друга превосходить верою и любовью к своему старцу. Видя это, я радуюсь душою и со слезами благодарю Бога, что Он сподобил меня видеть таких рабов Своих и жить вместе с ними и утешаться их лицезрением»[508].

«Иметь одну душу и сердце» – вот идеал монашества, как его понимал старец Паисий. К нему он неоднократно будет возвращаться в разговорах и письмах. Но как шел духовный поиск? К счастью, сохранились письма и свидетельства. Обратимся к ним: «Оставшись, как овца без пастыря, я начал скитаться там и сям, стремясь найти душе своей пользу, покой и вразумление, и не находил… Не отыскав желаемого душе моей руководства, я поселился на некоторое время в уединенной келий и, положившись на волю Божию, стал читать понемногу отеческие книги… Читая эти книги, я как в зеркале увидел, с чего именно мне надлежало начинать мое бедное монашество, я понял, какой великой благодати Божией я был лишен…»[509] С этого времени старец Паисий начинает усиленно изучать святоотеческое предание.

Но в поисках советов о наилучшем устройстве монашеской жизни, которые он надеется обрести в Афонских рукописях,

обнаруживается, что славянские тексты, имеющиеся в его распоряжении, полны ошибок, неясностей и темных мест. Стремление следовать учению «божественных отцов» приводит к необходимости уточнить – как они учат. Для этого необходим точный перевод их творений на славянский. Ни один из списков, бывших у него под рукой, не отвечал высоким требованиям. А монахи продолжали приходить к нему. Пришлось основывать скит, чтобы могли разместиться новые братья. Так возникает Ильинский скит на Афоне. Не будем забывать, что монахам приходилось много трудиться не только ради того, чтобы прокормиться, но и для того, чтобы платить налоги турецким властям. И все же в скиту царствовала любовь.

В чем же загадка притягательности братств, возглавляемых старцем? Чем объяснить их неизменную «устойчивость», гармоничность и дух доброжелательности? А ведь именно эти качества в конце концов оказали столь решающее, освежающее воздействие на те православные монашеские обители, которые так или иначе были связаны со старцем Паисием. Осмелимся предположить, что во главе их стоял человек весьма и весьма практичный. Вчитываясь в воспоминания о старце, мы понимаем, что он был настоящим ученым, филологом, переводчиком, то есть человеком книжным. Он сумел соединить в себе два редких качества, и в этом отчасти кроется разгадка, – ученость и практичность. Будучи человеком ученым, он сумел претворить в жизнь то, что почерпнул из святоотеческих книг. Молитвенный опыт чудесным образом помогает ему не только создать духоносную монашескую общину, но и воспитать учеников, которые продолжили его дело. Книги необходимы ему для того, чтобы научиться поступать «как учат Божественные отцы». Старец сумел раскрыть и исполнить слова Христа: «Блажен, кто слышит и исполняет»[510].

И вновь обратимся к воспоминаниям старца, чтобы понять, как шла работа над переводами, как он отбирал наиболее необходимые наставления святых отцов: «Когда я еще жил на Святой горе Афонской, то зная хорошо из учения и заповедей Богоносных отцов наших, что руководителю братии не следует наставлять и учить по своему единоличному разуму и

рассуждению, но нужно держаться истинного и правильного смысла Божественного Писания, как учат Божественные отцы, вселенские учители, а также учители и наставники монашеской жизни, просвещенные благодатию Святого Духа, зная притом и свое малоумие и боясь, как бы вследствие моего неискусства я и сам не упал, как слепец в яму, и других туда не ввергнул, я и решил принять за непоколебимое основание всякого истинного и правильного наставления Божественное Писание Ветхого и Нового Заветов и его истинное толкование благодатию Святого Духа, то, есть учение Богоносных отцов наших, вселенских учителей и наставников монашеской жизни... Все это я принял как руководство для себя и для братии, чтобы и я сам и братия, живущие со мною, пользуясь всем этим при содействии и вразумлении Божественной благодати, не отступили ни в чем от здравого и чистого соборного разума Святой Православной Церкви.

И прежде всего я начал прилежно с помощью Божией приобретать с большим трудом и издержками святоотеческие книги, учащие о послушании и трезвении, о внимании и молитве. Одни из них я переписывал своими руками, другие покупал за деньги, которые добывал собственным трудом для необходимых нужд наших, ограничивая себя постоянно в пище и в одежде. Мы покупали вышеупомянутые святоотеческие книги, писанные славянским языком, и смотрели на них, как на небесное сокровище, свыше нам от Бога посланное. Когда же я читал их усердно в продолжение многих лет, я заметил, что в весьма многих местах в них оказывается непонятная неясность, в других же местах не замечается даже грамматического смысла, хотя я читал и перечитывал их неоднократно с большим старанием и рассмотрением, тогда как одному только Богу известно, какая печаль наполнила мою душу, и, недоумевая, что делать, я подумал, что славянские отеческие книги можно хотя отчасти исправить по другим славянским же книгам.

И стал своей рукою списывать книгу святого Исихия, пресвитера Иерусалимского и святого Филофея Синаита, и святого Феодора Эдесского[511] с четырех списков, надеясь,

согласовав эти списки, найти в них какой-либо грамматический смысл. Но весь мой труд оказался напрасным, потому что и в полученном мною соединении четырех списков я не мог найти смысла. Книгу святого Исаака Сирина[512] я в течение шести недель день и ночь исправлял по другому списку, который, как мне было сказано, во всем был сходен с греческим подлинником, но и этот мой труд пропал даром. Со временем я понял, что свою лучшую книгу я испортил, исправляя ее по худшей. После этих горьких опытов я увидел, что взял на себя напрасный труд, исправляя славянские книги по славянским же. Тогда я стал старательно расследовать, отчего происходит такая неясность и такой недостаток грамматического смысла в славянских книгах, и пришел к заключению, что на это имеются две причины. Первая причина состоит в неискусстве древних переводчиков книг с эллино-греческого языка на славянский, а вторая в неискусстве и небрежности плохих переписчиков. Убедившись в этом, я потерял всякую надежду найти в славянских переводах правильный и истинный смысл, какой заключается в эллино-греческих подлинниках.

Проведя немало лет на Афоне и освоившись с простым греческим языком, я задался мыслью отыскать эллино-греческие отеческие книги и по ним произвести исправления славянских переводов. Я искал во многих местах, и неоднократно, и не находил. Я ходил в великий лаврский скит святой Анны, и в Капсокаливу, и в Ватопедский скит святого Димитрия[513], и другие лавры и монастыри, повсюду расспрашивая знающих людей, опытных и престарелых духовников и благочестивых иноков, и нигде мне не удалось найти ни одной подобной книги, и от всех я получал один и тот же ответ, что они не только не знают этих книг, но даже имен их составителей не слыхивали. Слушая эти ответы, я впал в совершенное недоумение и изумлялся, как же это в таком святом месте, где жили многие и великие святые, я не только не могу найти желаемых мне отеческих книг, но даже имен их писателей ни от кого не слышу.

И от этого я впал в глубокую печаль. Однако я все-таки не терял надежды на Бога и молил Его, чтобы Он как Всемогущий,

Ему жеОдному ведомыми судьбами, помог мне найти искомое сокровище. И милосердный Бог не отверг моего пламенного моления и помог мне. Мне удалось, наконец, отыскать желаемые книги, а некоторую их часть даже приобрести в собственность...»[514] Необходимые книги он обнаружил в скиту святого Василия Великого, в котором поселились греческие монахи, выходцы из Малой Азии, из Кесарии Каппадокийской. Началась работа, которой старец Паисий не оставлял в течение всей жизни, – перевод святоотеческих трудов.

Когда число братьев превысило пятьдесят, в Ильинском скиту стало тесно. Попытка переселиться в более просторную обитель привела к конфликту с турецкими властями, запросившими за проживание в монастыре 700 левов. Община вынуждена была вернуться на прежнее место. Старец Паисий понимал, что необходимо принимать решение. Всё новые монахи желали пополнить ряды его братства, но слишком велико было опасение, что за первым последуют новые притеснения со стороны властей. Он думал о переселении в какую-либо другую страну, свободную от власти турок. Такой страной была православная Молдовлахия, с которой у старца Паисия не прерывались давние духовные связи и которая управлялась благочестивыми государями. «Поэтому, – пишет он в письме того времени, – положившись на всемогущего Бога, на всяком месте Своего владычества прославляемого, мы и переселились все вместе из Святой горы в православную молдовлахийскую землю»[515].

Ему исполнился 41 год. Семнадцать лет он провел на Афоне. На месте Ильинского скита теперь стоит – всей громадой – новый Ильинский скит, храня память о своем основателе. В Молдовлахии старцу и братии был предоставлен монастырь Святого Духа, Драгомирна, причем воевода Григорий особою грамотою освободил монастырь от даней. Вокруг монастырских башен высились покрытые зеленью Карпатские горы. Ночью было слышно, как ветер шумит в стволах пихт, над ущельем мерцали звезды, а снизу навстречу им тянулись крошечные светлячки зажженных свечей и лампад...

Вскоре старец предоставил молдавскому митрополиту устав нового монастыря. Он включал в себя тщательно разработанную программу монастырской жизни, состоящую из восемнадцати пунктов. Богослужение в Драгомирне совершалось строго по чину Святой горы, причем на правом клиросе пели по-славянски, а на левом – по-молдавски. Ни один из монахов в монастыре не мог обладать никакой собственностью. Любое послушание, которое определялось старцем, выполнялось братьями строго и чаще всего охотно. Какая новизна вносилась старцем Паисием в устав монастырской жизни? Что привлекало в нем его учеников? Почему его начинание разошлось в дальнейшем духовными волнами по всей России и столь сильно повлияло на становление монашеской жизни? Особое дарование старца, его умение создать в монастыре особый настрой, который он сам определял – «одна душа, одно сердце», – это и есть то, что привлекает наши сердца к его наследию.

Его трудовой день внешне похож на многие другие: утром – заутреня, затем литургия, трапеза, поездка в поле вместе с духовником к трудящимся братьям, где он причащал их Святых Тайн и обращался к ним со словами: «Приносите ваши труды и ваш кровавый пот, как жертву всесожжения; загар от солнца да будет вам как терпение мучеников». Он учил монахов незлобию, умению прощать обиды, ибо в монастыре строго придерживались слов Священного Писания: «Солнце да не зайдет во гневе вашем»[516].

Старец отдавал десятки распоряжений по хозяйству, успевал посетить монастырскую больницу, поддержать новоначальных. Руководя монастырской жизнью, он никогда не печалился о скудости запасов. Его жизнеописатель замечает: «Тридцать лет прожил я при нем и не видел его скорбящим о материальных нуждах. Он только тогда сильно скорбел, когда видел нарушение заповедей Божиих»[517]. И каждый монах, поступивший под руководство старца, в конце концов понимал это. Что прежде всего следует думать о духовной пище, а уже потом – об остальном.

Опускалась ночь. И тогда в келье старца зажигалась свеча. С Афона ему удалось принести творения святых отцов на древнегреческом. Ночи напролет он трудился, исправляя славянские переводы. Трудолюбие его было непостижимым. Времени для сна почти не оставалось. Он спешил перевести то, что еще не было переведено, и выправить и сверить те книги, которые были безнадежно испорчены переписчиками. Он понимал, что живое слово необходимо не только монахам, но и мирянам. Что окружающий мир сходит с ума, а Церковь изнемогает и ничего не может противопоставить нарастающему безумию: «Видя в нашем братстве великий голод слова Божия, от которого совершенно изнемогали души братии вместе с моею собственною душой, и возложив всю свою надежду на Господа, умудряющего слепцов, я решился, полагаясь на молитвы братии, приступить наконец к этому делу с большой осторожностию». Он понимал, что недостает специальных знаний – филологических и богословских, не было под рукой необходимых словарей, а знание новогреческого не позволяло старцу свободно читать древнегреческие тексты. Смущало и богатство древнегреческого языка, которому так трудно было подобрать нужные и точные слова на славянском. И все-таки он решился на этот подвиг. Появились необходимые словари, неплохие переводы на молдавском языке. Все это способствовало его трудам.

Переводческая деятельность старца началась в Драгомирне. Здесь он работает над исправлением и переводом книг святого Марка и святого Никиты Стифата, святого Феодора Эдесского и святого Калиста, святого Максима Исповедника[518]. Переводческая деятельность будет продолжена в Нямецком монастыре. А всего переведенных и переписанных старцем собственноручно книг, поскольку в Нямецком монастыре будет работать уже целая артель переписчиков и переводчиков, насчитывается сорок четыре. Среди них творения преподобного Антония Великого, святого Иоанна Дамаскина, святого Василия Великого, «Слова» преподобного Григория Синаита, книга святого Исаака Сирина и множество других – целая библиотека,

переведенная, размноженная и впоследствии разошедшаяся по всей России.

«Читать, чтобы поступать» – это выражение самого старца. Колеблется свеча, шуршат плотные желтоватые страницы, лунный свет смешивается с рукотворным, бежит перо и длится ночь. «…Однажды прочитанное навсегда оставалось в его памяти. Как-то у старца в келий шла беседа о книгах. В беседе принимал участие один брат, знавший древний греческий язык. Спрошенный, как нужно перевести какую-то греческую фразу, он отвечал: «Объяснял ее нам наш учитель, но я не могу сейчас вспомнить». Услышав это, старец с улыбкой сказал: «А я, если прочту что-нибудь однажды – до смерти не забуду»[519].

В монастыре в Драгомирне царила особая атмосфера взаимоуважения и любви. Об этом живо свидетельствует один из диалогов между старцем и братом. «Отче, – обращается молодой монах к старцу, – помысел мне говорит, что вы имеете ненависть ко мне, так как часто с гневом укоряете меня при братиях». Старец ответил: «Возлюбленный брат, гневаться и раздражаться чуждо евангельской жизни. Если Божественное Евангелие повелевает и врагов любить, и добро им творить, то как же я могу ненавидеть чад моих духовных? А если я с гневом укоряю вас, то да подаст и вам Господь иметь такой гнев; я понуждаю себя казаться гневающимся, хотя благодатию Божией никогда гнева и ненависти не имею»[520]. И еще одну трогательную фразу старца Паисия донесло до нас время: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас боялся меня, как грозного властелина, но хочу, чтобы вы любили меня как отца, подобно как и я люблю вас, как детей моих духовных»[521]. Современник свидетельствует, что жизнь в Драгомирне представлялась многим земным раем. Великая сила и дар любви освещали монастырь изнутри потоками света даже в самые сумрачные дни: они восставляли падших духом, утешая обиженных, вдохновляя дерзающих.

В 1768 году Молдавия и Валахия превращаются в театр военных действий – началась война между Турцией и Россией. Драгомирнский монастырь, расположенный в труднопроходимом Карпатском лесу, становится прибежищем

перепуганных беженцев, укрывающихся от турок и татар. К Рождеству монастырь был переполнен, поскольку старец Паисий распорядился отдать большую его часть под нужды беглецов. Монахи непрерывно готовили пищу. Вскоре прямая угроза миновала – турки отступили, но мир между Турцией и Россией был заключен лишь спустя шесть лет – в 1774 году. И в этом же году австрийская императрица Мария-Терезия потребовала от турецкого султана «следуемую ей по уговору за оказанную ему помощь часть молдавской земли». В эту часть австрийцы включили, вопреки желанию молдаван, и те земли, на которых располагался Драгомирнский монастырь. Угроза оказаться под властью римско-католической державы вынуждает старца принять спешные меры предосторожности. Оставив в Драгомирне 150 человек братии вместе с двумя духовниками, русским и молдаванином, большую часть братии – двести человек – он переводит в Секульский монастырь, также расположенный в Карпатских горах. Совсем незадолго до описываемых событий старец получил приглашение перейти в него на жительство.

Секульский монастырь, выстроенный на дне горного ущелья, в тихом и живописном месте, привлекал тишиной и уединенностью. Рядом протекала чистая горная речушка, и шум воды не смолкал в воздухе. Обитель была хороша всем – разве только слишком мала. И тем не менее и здесь монастырская жизнь быстро вошла в привычную колею. Деятельность старца по переводу и сверке книг достигает расцвета. Наиболее способные ученики направляются в Бухарест для обучения греческому языку. И все же новая обитель не в состоянии вместить всех желающих проходить послушание под руководством старца. Проблема разрешилась неожиданно и против воли старца. В 1779 году Молдовлахийский господарь Константин Мурузи сначала приглашает, а потом, когда старец в вежливой форме отказывает, не желая переселяться из тихого Секульского монастыря в шумное, приказывает братии и их настоятелю перебраться в Нямец.

В жизни Молдавии Нямецкий монастырь – это последнее земное прибежище старца Паисия – занимал почти такое же

место, как Троице-Сергиева лавра в судьбе России. Он был одним из очагов просвещения в мирные времена и духовной опорой в дни бедствий. Связи с Русской Православной Церковью, возникшие в начале XVIII века, потом уже никогда не прерывались. Белый квадрат монастырских крепостных стен как драгоценная рама врезался в зелень прикарпатских холмов, покрытых вековыми лесами. Рядом, вырвавшись из горного ущелья, протекала река Нямцул. Эта обитель стала последней пристанью старца Паисия.

Поселившись в Нямце, старец стал утверждать и здесь свой монастырский устав. Кроме того, пользуясь покровительством князя Константина Мурузи, он устроил в обители больницу, странноприимницу и значительно увеличил число келий. Престарелые, больные, странствующие могли обрести в Нямце уход и покой. Монастырская больница старца Паисия могла бы послужить образцом для многих мирских учреждений подобного рода. Любой мирянин, мучимый болезнью, мог рассчитывать здесь не только на помощь и сострадание. Он был уверен, что никто не будет его торопить, если у него возникнет желание пожить в монастырских стенах. Некоторые оставались в монастыре до самой смерти.

Приведем рассказ инока Феофана, посетившего Нямецкий монастырь как раз в это время: «Нестяжание их (иноков) было полное; в келиях, кроме иконы, книги и орудий для рукоделия, не было ничего. Иноки особенно отличались смирением. Гордости и тщеславия они сторонились. Ненависти, взаимных обид они не знали, если случалось кому-либо по неосторожности или горячности оскорбить другого, он спешил примириться с ним. Кто не хотел простить согрешившего брата, был изгоняем из монастыря. Походка у иноков была скромна. При встречах один другого предупреждал поклоном. В церкви каждый стоял на назначенном ему месте. Празднословие не допускалось не только в церкви, но и нигде и в другом месте, ни в монастыре, ни вне его… Без благословения духовного никто не дерзал даже съесть какой-либо плод, которых в той стране очень много»[522].

И все-таки что-то произошло в Нямецком монастыре. Что-то было утрачено, что исказило замысел старца Паисия о монастырской жизни. Его жизнеописатель отмечает: «…под конец жизни старца духовное наше жительство снизошло от первого Драгомирнского и Секульского, единодушного, мирного и любовного, всесовершенно вниз невозвратно»[523]. Когда же один странствующий инок спросил старца: «Как, отче, нынешнее житие против Драгомирнского?» – тот с грустью ответил: «На всякий год ниже идет, а удержать в одной мере, хотя и стараюсь, невозможно». Указывая на причины упадка духовной жизни Нямецкого монастыря, жизнеописатель старца замечает: «Как сад древесный, часто пересаживаемый, увядает, так и нашего собора сад душевный пострадал от переходов и перемены монастырей». В Драгомирне и Секуле зимними вечерами бывали соборные поучения старца, а в Нямце они прекратились и приходилось больше пользоваться книгами.

И все-таки уровень духовной жизни в Нямецком монастыре был достаточно высоким. В монастыре проживало около семисот монахов. Все они находились под руководством опытных духовников и наставников. Дважды в день они исповедовали свои грехи. Если собирались на послушание, то, занимаясь ремеслом, обязательно слушали чтение душеполезных книг. Во время послушания никогда не слышалось праздных разговоров. Для тех, кто посещал монастырь, он казался образцом монашеской жизни.

Последние годы жизни старца Паисия были омрачены грозами новой русско-турецкой войны. В 1790 году турки захватили Нямец, но, к счастью, не тронули монастырь. Монастырь наполнился беженцами, а на протяжении долгих лет войны постоянно находился на линии фронта. Но случались и отрадные события – когда в Молдавию вступили русские войска, в Нямецкий монастырь прибыл архиепископ Полтавский Амвросий. Погостив в монастыре, он возвел старца в сан архимандрита. Удивительно, что выходец из Полтавы, старец Паисий, удостоился возведения в сан архимандрита именно от архиепископа Полтавского. Но волнения и труды давали себя знать. Все больше времени старец Паисий проводил в келье,

все меньше принимал людей. В последние годы жизни установился определенный ритм – братию и посетителей он принимал только с утра до полудня. Остальное время проводил в келье, посвящая его ученым занятиям и молитве.

Наступил 1794 год. Силы постепенно оставляли старца. Незадолго до смерти он прекратил занятия переводами, но по-прежнему продолжал просматривать и исправлять переводы, подготовленные учениками. После пятого ноября он почувствовал себя особенно плохо. Четыре дня провел в постели. В воскресенье ему стало лучше и он захотел пойти на литургию. В храме сидел на своем обычном месте. Во время причастия вошел в алтарь и причастился Святых Тайн. Но после службы почувствовал такую слабость, что едва смог вернуться в свою келью, поддерживаемый братьями. Прошло еще три дни. Старцу прислуживали два брата – Онорий и Мартирий. Они допускали к нему самых близких людей – старец хотел умереть в совершенной тишине.

На четвертый день, почувствовав приближение смерти, старец еще раз причастился Святых Тайн. Затем призвал к себе двух старших духовников, Софрония – для славянской братии, и Сильвестра – для молдавской, и преподал через них мир и благословение всей братии. Преемника себе не назначил, предоставив это воле Божией и желанию самой братии. После этого тихо скончался, словно уснул, 15 ноября 1794 года, на 72 году своей жизни.

Влияние старца Паисия на монашескую жизнь не только Молдавии, но и России XIX века весьма велико. Расцвет православного старчества связан с его именем. Свыше ста монастырей и обителей России так или иначе своим возрождением обязаны его ученикам. Наиболее известные из них – Оптина и Глинская пустыни, Троице-Сергиева лавра, ряд московских монастырей. После его смерти ученики разошлись по многим монастырям Греции, Молдавии и России, неся свет Христова учения, опыт монашеской жизни, связанной с непрестанной молитвой и постоянным служением нуждам мира. Именно поэтому так велико влияние русского монашества на течение русской жизни XIX века, именно поэтому так влекла к

себе Оптина или Глинская пустыни российских интеллигентов – от Ивана Киреевского до Льва Толстого. Именно в Оптиной пустыни Достоевский впервые увидел тот нездешний свет, который позже отобразился в его гениальных произведениях. Имена многих отечественных подвижников XX века от протоиерея Иоанна Кронштадтского до отца и сына Мечевых[524] также связаны с именем старца Паисия.

В Свято-Ильинском скиту на Афоне, том самом, который основал старец Паисий, хранится рукопись под названием «Крины сельные, или Цветы прекрасные». Она была принесена сюда в начале XIX века иноком Софронием из Нямецкого монастыря. Согласно преданию, она содержит в себе мысли старца Паисия, а была переписана его учеником, краснописцем Платоном, и затем подарена им иноку Софрониго. Прислушаемся еще раз к голосу старца, подвиг которого по достоинству оценила Русская Православная Церковь, причислив его на Соборе 1988 года к лику святых: «На всякий час ожидай кончины своей и пришествия Христова и говори: «Теперь постараюсь о душе своей, вечером могу умереть»; когда придет вечер, подумай: не в эту ли ночь скончаюсь, – или внезапно придет смерть, или дерево поразит меня, или жилище обрушится и убьет меня, или дыхание вдруг остановится и, как цвет опадает, умру и я, как трава высыхает, умру и потом без вести останусь. Бог один знает, где я тогда буду находиться; ибо Он каждого судит по делам, говоря: «Туда его определяю». Так размышляй на всякий день и ни о чем не заботься, только о грехах своих, и таким образом душа твоя войдет в смирение и плач и за страшного грешника будешь считать себя и непрестанно источать источники слез».

По воспоминаниям учеников, сам старец обладал такой молитвой, при которой источаются источники слез. Иногда в минуты молитвы лицо его преображалось, становясь как бы огненным. Молитва помогала ему сохранять присутствие духа в самых тяжелых обстоятельствах, миролюбие и безгневность. Иногда он предсказывал судьбу тех или иных людей – этот дар прозорливости также отличал его. Трудно представить, что лишь своими силами он сумел возродить благодатное течение

монашеской жизни – несомненно, ему сопутствовала благодать Божия. Не будем забывать, что восемнадцатый век был одним из самых смутных и смятенных и что именно в это время в незаметном молдавском монастыре старец Паисий предпринял дело возрождения не только монашества, но и Православия, что с его именем связан расцвет старчества на Руси.

Жизнеописание преподобного отца нашего Серафима Саровского чудотворца [525]

Святой Серафим родился в городе Курске с 19 на 20 июля 1759 года. Ребенка нарекли Прохором в честь одного из 70 апостолов и 7 диаконов. Его родители, Исидор и Агафия Мошнины, принадлежали к купеческому сословию. Исидор Мошнин имел свои кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика строительством каменных зданий. Незадолго перед смертью он взялся построить по чертежу зодчего Растрелли новый каменный храм во имя преподобного Сергия, который как раз в год кончины преподобного Серафима стал Кафедральным собором Курской епархии. Когда нижняя церковь храма с престолом во имя святого Сергия была готова, отец тяжело заболел. Передав все состояние в руки супруги, Исидор Мошнин завещал ей завершить возведение храма, что она и исполнила.

Когда Прохору исполнилось семь лет, мать его Агафия, осматривая строение Сергиевской церкви, взяла мальчика с собою на колокольню. Отстав от матери, Прохор сорвался с самого верха звонницы и упал на землю. Вне себя от горя Агафия сбежала с колокольни, ожидая увидеть сына разбившимся насмерть, но, к великому изумлению и радости, нашла его целым и невредимым.

Три года спустя он тяжело заболел, на выздоровление не оставалось надежд. Врачи отказались лечить его. В это время Прохору во сне явилась Пресвятая Богородица, обещая исцелить его. Мальчик тотчас проснулся и пересказал увиденное матери. На следующий день праздновалось прославление иконы Знамения Божьей Матери. По улице, где стоял дом вдовы Мошниной, двигался крестный ход. Ночью прошел дождь, и, чтобы избежать глубоких луж и грязи, крестный ход с чудотворным образом направился на соседнюю, мощеную улицу и избрал себе путь как раз через двор вдовы Мошниной. Увидев входящих во двор с молитвенным пением на устах людей, а затем прямо под окнами чудотворную икону,

несчастная мать подхватила умирающего Прохора на руки, спустилась с ним с крыльца и поднесла мальчика под осенение Матери Божьей. С этого часа Прохор начал быстро поправляться и вскоре исцелился; так исполнилось обещание Царицы Небесной.

Выучившись грамоте, Прохор полюбил чтение Священного Писания и душеполезных книг. Старший брат его, Алексей, занимался в Курске торговлей. Прохор также приучался к потомственному занятию в отцовской лавке. Он вставал раньше всех в доме и после домашней молитвы спешил в церковь к утреннему богослужению, а оттуда сразу отправлялся помогать брату.

В то время жил в Курске некий, всеми почитаемый, юродивый. Прохор всем сердцем прилепился к нему. Юродивый также возлюбил отрока и часто беседовал с ним о благочестии и уединенной жизни, какую и сам вел среди горожан. Вскоре Прохор стал размышлять о монастырской жизни и наконец спросил у матери совета, не пойти ли ему в монастырь. Мать не только не испугалась его слов, не только не рассердилась, но с великой радостью восприняла эти слова. Агафия решила отпустить младшего сына: ведь с ней оставался старший сын, приумноживший отцовское достояние и отличавшийся несомненно большей склонностью к мирским занятиям, нежели Прохор. Прощаясь с сыном, Агафия благословила его медным крестом. Взяв с собою простой этот крест, Прохор сохранил его до конца дней своих, нося открыто на груди.

Добрая слава о подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, расположенной неподалеку от Арзамаса, где и настоятелем был курский уроженец игумен Пахомий, влекла Прохора к этому монастырю. Однако он решил идти прежде в Киев, чтобы в Печерской лавре получить отеческое наставление. Ему хотелось поклониться святым мощам Антония и Феодосия Печерских, первоначальников иночества на Руси.

Придя в Киев и обойдя многих монахов, Прохор услышал, что невдалеке от лавры живет в затворе схимник по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Прийдя к нему, Прохор попросил у него отеческого совета. Старец Досифей

благословил юношу, а в заключение сказал: «Гряди, чадо, в Саровскую обитель, место сие будет тебе во спасение, там и окончишь ты земное свое странствование». Беседа блаженного старца утвердила Прохора, и он отправился в путь.

Общежительная Саровская пустынь была основана в 1706 году иеросхимонахом Иоанном, известным своими монашескими подвигами[526] Прохор Мошнин прибыл сюда 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Строитель[527] монастыря, старец Пахомий, с любовью принял юношу, определил его в число послушников. Первое послушание Прохор проходил под руководством монастырского казначея отца Иосифа. Он с точностью и глубоким смиренномудрием исполнял все указания старца, служа с любовью. Такое поведение не могло не обратить на Прохора внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия, коих он почитал как первых учителей своих и поминал до конца жизни. Тогда стали назначать Прохору кроме келейного и иные общежительные послушания: в пекарне, в столярной мастерской. Позже он был назначен будилыциком в обители: поднимал братию на рассвете к богослужению.

Года через два послушник Прохор тяжело заболел. Сначала думали, что он страдал водянкою: тело распухло, невозможно было двинуть ни рукой, ни ногой. В течение трех лет болезнь мучила его, полтора года Прохор провел в постели. Часто в тот период вспоминались слова Киево-Печерского схимника Досифея, предрекшего ему кончину в стенах Саровской обители. В эти месяцы открылось, как все в обители уважали и жалели молодого послушника; отец Иосиф часто сам служил у одра его. По просьбе болящего и по собственному усердию отслужил старец о здравии Прохора всенощное бдение и Божественную литургию, за которой больной был исповедан и причастился Святых Тайн. В тот миг, когда отец Иосиф приблизился к нему со Святыми Дарами, в правом боку Прохора открылась продолговатая рана. Сквозь нее стала истекать водянистая жидкость, причинявшая ему столько страданий. Лишь на склоне дней отец Серафим рассказал

ученикам, что в ту минуту ему предстала Матерь Божия с апостолами Иоанном Богословом и Петром и, указав на страждущего, сказала: «Сей нашего рода», а затем возложила руку на голову страдальца. Таким чудесным образом был вторично избавлен от смертельного недуга.

Прошло восемь лет со дня поступления Прохора в Саровскую пустынь. 13 августа 1786 года совершено было пострижение его в монашеский чин, при котором он получил новое имя Серафим, то есть, в переводе на русский, – Пламенный.

В том же году монах Серафим посвящен был в сан иеродиакона. Обязанности иеродиакона отец Серафим, храня чистоту души и тела, исполнял в течение семи лет. Иногда во время богослужения он видел в алтаре близ Престола облаченных в священнические одежды ангелов, сослужащих и поющих с братией. «Сердце мое, – вспоминал старец, – как воск, таяло от неизреченной радости такого лицезрения, и не помнил я ничего, что было со мною, а только помнил, как я входил в церковь и как после служения выходил из нее».

Рассказал он одному из собеседников незадолго пред кончиною и о таком его видении в бытность иеродиаконом:

«Случилось мне служить с отцом Пахомием и казначеем Иосифом во Святый Великий Четверг[528]. Божественная Литургия началась в два часа пополудни, и по обыкновению – вечернею[529]. После малого выхода и паремий[530] возгласил я, убогий, у Святого Престола: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны», – и, вошедши в Царские врата, навел на предстоящих орарем[531] и возгласил: «И во веки веков». Тут озарил меня свет, как луч солнечный. Обратив глаза на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе человеческом, во славе, сияющего светлее солнца неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчел, небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. От западных церковных врат Он шел по воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил молящихся. Затем Он вступил в икону, что близ

Царских врат. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просветленно, в сладости любви ко Господу…»

От сего видения отец Серафим точно замер: не мог ни слова сказать, ни с места ступить. Многие это заметили, но, конечно, никто не понимал причины такого явления. Отца Серафима под руки ввели в алтарь, где он недвижно простоял до окончания богослужения. Он поспешил поведать о своем видении двум старцам – отцам Пахомию и Иосифу. Опытные в духовной жизни, они выслушали его и внушили ему, чтобы он не гордился.

После семи лет служения иеродиаконом отец Серафим был рукоположен во иеромонаха.

В этом сане он в течение долгих лет и продолжал священнослужение с удвоенной ревностью и любовью. Росла в нем проявлявшаяся еще в детстве потребность к уединенной жизни. Отец Серафим знал, что многие иноки, не довольствуясь общежительством, живут в лесу, в построенных ими уединенных кельях. Еще в начале пребывания в обители он получил от старцев благословение удаляться в лес для сокровенной молитвы. В своей келийке в лесу отец Серафим проводил почти половину своего времени. Став иеромонахом, он думал о том, чтобы совсем удалиться в пустынь. Пустынническая жизнь влекла его.

Сославшись на болезнь ног, лишившей его возможности совершать богослужения, он попросил у настоятеля разрешения удалиться в пустынь. Прозорливый старец дал ему отеческое благословение – как оказалось, последнее, полученное от него отцом Серафимом. Строитель Пахомий готовился к смерти, которая не замедлила вскоре прийти; на место его был назначен достойный преемник – старец отец Исайя. С его благословения, оплакав преставившегося ко Господу наставника и друга, иеромонах Серафим удалился на жительство в пустынную келию. Совершилось это 20 ноября 1794 года – ровно шестнадцать лет спустя после прихода отца Серафима в Саровскую обитель. Удивительнее всего, что в это самое время в далекой Молдавии почил старец Паисий Величковский, сделавший так много для возрождения

монашества в России и связанный духовно с Саровской обителью.

Келия, в которой поселился отец Серафим, находилась в густом сосновом лесу, на берегу речки Саровки, верстах в пяти от монастыря. Это был маленький домик из одной комнатки с печкой и небольших сеней. Вокруг келий отец Серафим разбил огород, вскоре был заведен и пчельник. Холм, на котором стояла келия преподобного, находился в соседстве с двумя другими возвышениями, где также обитали в уединении, на расстоянии одной или двух верст друг от друга, отшельники Саровские. Место их поселения напоминало святую гору Афон, поэтому отец Серафим назвал свой пустынный холм «Горою Афонскою». Дал он в память святых мест названия излюбленным местам в окрестностях холма. Были там и Вифлеем, и река Иордан, и Гефсиманский сад, и Голгофа, и Вертоград[532], – словом, все так или иначе, связанное с земной жизнью и крестными страданиями Спасителя нашего Иисуса Христа.

В это время своего подвижничества отец Серафим носил одну и ту же простую одежду: на голове – поношенную камилавку[533], на теле – балахон из белого полотна, руки – в кожаных рукавицах, на ногах – кожаные бахилы, вроде чулок, поверх которых старец надевал лапти. На груди его всегда висел тот самый крест, которым некогда благословила его матушка, а через плечо – холщовая сумка, в которой подвижник держал при себе Евангелие.

В холодную пору старец заготавливал дрова, летом же возделывал огород, удобряя землю мохом, собранным на болотах. Имея хорошую память, он выучил наизусть множество церковных песнопений, которые распевал во время трудов. Случалось видеть его в огороде или на пчельнике, когда он, прервав работу, останавливался как вкопанный, лопата выпадала из рук: всей душою старец погружался в молитву. Никто не осмеливался нарушить тишины. Если же вне келий старец встречал в лесу кого-либо, то смиренно кланялся встречному и, не вступая в беседу, удалялся прочь. «От

молчания еще никто не раскаивался», – говорил он впоследствии духовным чадам.

Видя усердное подвижничество преподобного, диавол, исконный враг всякого добра, вооружался против него и разными искушениями пытался напугать отца Серафима, чтобы заставить его покинуть лес. Однажды во время молитвы старец услышал звериный рев под окном, затем точно толпа народа начала с криками ломать дверь келий, выбили косяки и швырнули к ногам отшельника громадный комель дерева, который потом с трудом смогли вытащить восемь человек. По ночам, во время молитвы, старцу иногда казалось, что келия его разваливается и к нему рвутся страшные чудовища. Часто вдруг среди келий являлся гроб, из которого вставал мертвец. Старец не поддавался и только усерднее молился.

В лесу, на полпути от келий к монастырю, лежал необыкновенной величины камень. Вспомнив о трудном подвиге святых отцов, преподобный на исполинском камне, скрытно ото всех, по ночам, стоя на коленях и воздевая руки, молился: «Боже, милостив буди ми грешному». Эта молитва продолжалась тысячу суток, и лишь нестерпимые боли в ногах принудили старца оставить подвиг столпничества.

Незадолго до кончины старец поведал об этом подвиге некоторым ученикам. Один из слушателей в изумлении воскликнул, что это – свыше сил человеческих. Отец Серафим с улыбкою заметил: «Симеон Столпник[534] сорок семь лет провел в этом подвиге, разве мои труды похожи ли хоть отчасти на его?» Монах спросил: «В этом подвиге конечно же ощутительна была помощь Божия?» – «Да, – отвечал старец. – Коли в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами!»

Как-то раз, спустя лет десять после начала пустынножительства отца Серафима, к его домику подошли три человека. Старец рубил дрова в лесу. Приступив к нему, крестьяне стали требовать у него денег, говоря: «К тебе ведь ходят мирские люди». Старец кротко объяснял: «Я ни у кого ничего не беру, и приходящие ко мне это знают». Тогда крестьяне кинулись на него. Обладая недюжинной силой и впридачу будучи вооружен топором, он, без сомнения, смог бы

отбиться. Но, вспомнив слова Спасителя: «Все взявшие меч, от меча и погибнут»[535], спокойно преклонил колена, опустил на землю топор, скрестил руки на груди и сказал злодеям: «Делайте, что вам надобно». Один из злодеев подхватил с земли топор и ударил обухом старца по голове, так что у него изо рта и ушей хлынула кровь, и он без чувств упал ниц. Разбойники потащили старца к келий, избивая его. Увидев же, что он точно мертвый, бросили тело и ринулись в домик, надеясь найти там несметные богатства. В убогом жилище они все перебрали, пересмотрели, переколотили, разобрали печь, вскрыли пол – но ничего не нашли. Видели только святую икону Божьей Матери, да еще попалось им несколько картофелин.

Тогда неизъяснимый страх напал на крестьян, и они убежали. Старец меж тем очнулся и, проведши ночь в келий, на другой день еле-еле дошел до обители, как раз во время Божественной литургии. Вид его был ужасен. Братия спрашивали, что с ним случилось, старец ничего не отвечал, только просил пригласить к себе монастырского духовника и настоятеля. Им одним он рассказал все происшедшее.

Из-за этого несчастья отец Серафим вынужден был остаться в монастыре. Он с глубокой признательностью благодарил за попечение братии о себе, равно как и за усердие лечивших его врачей, призванных по сему случаю в обитель. В один из дней состоялся врачебный консилиум у постели больного. В ожидании настоятеля врачи советовались о лечении старца. Вдруг оповестили: «Отец настоятель идет!» – и в эту же самую минуту старец на краткое время уснул.

Он увидел Пречистую Деву в царских одеждах и сияющей порфире, окруженной славою[536]. Как и впервые, много лет назад, при смертельной болезни, видел он, как за Пресвятой Богородицей шли апостолы Иоанн и Петр; и вновь, как и тогда, указав перстом в сторону больного, Матерь Божия сказала, обращаясь равно к апостолам и ко всем, кто был в тот час в комнате: «Сей нашего рода».

Отец Серафим очнулся – ив тот же миг в его комнату вошел настоятель. К удивлению всех, больной, после стольких забот о нем, попросил не употреблять никакого лечения и предоставить

его жизнь всецело Спасителю и Матери Божией – истинным и верным Врачам душ и телес наших. Настоятель согласился, и все, дивясь его крепости веры и терпению, вышли из комнаты. И чудное дело: он тотчас успокоился, а через несколько часов встал с постели. Вскоре начал понемногу ходить по келий, вечером подкрепился пищею. Из-за болезни старец провел в монастыре пять месяцев; когда же выздоровел, попросил настоятеля, отца Исайю, снова отпустить его в пустынь. Как ни велико было желание настоятеля и братии удержать отца Серафима, они уступили ему.

В 1806 году отец Исайя по старости лет уволился и, сложив с себя обязанности настоятеля, удалился на покой. Жребий пал на отца Серафима. Однако старец умолял братию не уговаривать его, а советовал избрать настоятелем тогдашнего казначея, отца Нифонта. Старец Исайя прожил еще год. Он не мог ходить пешком к отцу Серафиму, и братия обители возили бывшего своего настоятеля в пустынь на тележке. Отец Серафим радостно встречал и подолгу беседовал со своим духовным отцом. Кончина отца Исайи глубоко поразила отца Серафима.

Если к нему в пустынь приходили посетители – он не выходил. Случалось ли самому встретить кого в лесной чащобе – он падал лицом на землю и до тех пор не подымался, пока встретившийся не проходил мимо. На третьем году молчальничества он перестал посещать и обитель, даже по воскресным и праздничным дням. Один брат носил ему в пустынь пищу, особенно в зимнее время, когда у старца не было своих съестных запасов.

Входя в сени, брат, как заведено, произносил молитву, старец же, сказав про себя «Аминь», отворял дверь. Сложив руки на груди, он стоял на пороге келий безмолвно и недвижно: ни благословит пришедшего, ни даже взглянет на него. А тот, помолившись по обычаю, поклонившись старцу в ноги, полагал принесенную нехитрую снедь на лоток, на столе в сенях, и опять возвращался в монастырь.

Так продолжалось три года. «Когда мы в молчании пребываем, – объяснял это состояние старец многие годы

спустя, – наш враг диавол ничего не успевает относительно потаенного сердца человека: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе разные плоды духа. От уединения и молчания рождаются умиление и кротость: действие сей последней в нашем сердце можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исайя[537]… Плодом молчания бывает мир души. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом…»

Некоторые из монахов обители укоряли его: зачем он уединяется и немотствует, когда бы, пребывая с ними, мог назидать их словом и примером. Вспоминая об этих днях, старец прибегал к поучениям святых отцов: «Возлюби праздность безмолвия более, чем насыщение алчущих в мире, сказал святой Исаак Сирин[538]. И святитель Григорий Богослов[539] рек: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше, если человек очищает душу свою для Бога!»

Настоятель, отец Нифонт, беспокоился, как бы отшельничество старца Серафима, переставшего приходить по воскресеньям в обитель для причащения за литургией Святых Тайн, не ввергло кого-нибудь в соблазн. Отец Нифонт созвал монастырский собор из старших иеромонахов и предложил вопрос о причащении отца Серафима. Собор решил: предложить отцу Серафиму, чтобы он, буде здрав и крепок ногами, приходил по-прежнему в монастырь по воскресным и праздничным дням к литургии, или, если ноги ему не служат и силы не позволяют, перешел жительствовать в монастырскую келию. Послали к нему брата, который обычно приносил старцу пищу. Отец Серафим, выслушав, отпустил его, как обычно, не сказав ни слова. Спустя неделю брат вновь передал отцу Серафиму решение монастырского собора. Тогда старец, впервые благословив его, вместе с ним отправился пешком в обитель.

После пятнадцатилетнего пребывания в пустыни отец Серафим, не заходя в свою келию, отправился прямо в больницу. Когда ударили в колокол, он явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. На другой день, в праздник

Святителя и Чудотворца Николая, отец Серафим пришел в больничную церковь к ранней литургии, за которой причастился Святых Тайн. По выходе же из церкви направился в. келию отца Нифонта и, получив от него благословение, поселился в прежней своей келий. К себе никого не впускал, сам никуда не выходил и не произносил ни слова.

В келий имелось лишь самое необходимое. Икона, пред которой всегда горела лампада, и обрубок пня, заменявший стул. На груди, под рубашкою, он носил на веревке пятивершковый железный крест, который назывался «веригами», скорее из-за его размеров. Но, собственно, вериг, как и власяницы, старец не носил. «Кто нас оскорбит словом или делом, а мы эти обиды снесем по-евангельски, – вот нам и вериги наши, вот и власяница, – говаривал старец. – Правда, многие из святых отцов носили и власяницу и железные вериги, но они делали это из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу„. Мы же – еще младенцы, и страсти царствуют в нашем теле и противятся воле и закону Божию. Так что же будет в том, если мы наденем вериги, а будем спать, пить и есть, сколько душе хочется?»[540] Одежда на отце Серафиме была та же самая, что и в пустыни; питанием служили вода да рубленая белая капуста и толокно. Воду и пищу ему доставлял отец Павел, живущий по соседству. Постучавши в келию к старцу, он оставлял принесенное на пороге; затворник, накрывшись с головою куском полотна, преклонял колена и принимал таким образом пищу. В затворе, как и в пустыни, он постоянно совершал свое молитвенное правило и все ежедневные службы; в течение недели он прочитывал все Евангелия по порядку и деяния св. Апостолов.

В течение всех лет затвора отец Серафим каждое воскресенье, исполняя постановление монастырского собора, причащался Святых Тайн, приносимых прямо ему в келию из больничной церкви после ранней литургии. Чтобы ни на час не забывать о Страшном Суде, он велел сделать гроб и поставил его в сенях келий: здесь он часто со слезами молился, готовясь к исходу.

После пяти лет затвора старец решился ослабить его. Примерно с 1815 года дверь была постоянно открыта для всех, каждый мог его видеть, некоторые предлагали ему разные вопросы, но старец ответов никому не давал. Так прошло еще около года; наконец и печать молчания была снята. Случилось это таким промыслительным образом. Как-то приехала в Саров благочестивая чета, имевшая намерения помолиться в обители, а также испросить у святого старца благословения. Как старец узнал о их прибытии, неизвестно, только, не дожидаясь, когда они подойдут ко двери его келий, сам поспешил им навстречу. Благословил и, ко всеобщему изумлению, ласково заговорил с ними. Со следующего дня начали приходить к нему братия и миряне, и никому отец Серафим не отказывал в беседе и наставлении.

Жизнь его приняла новое направление: если прежде он заботился о спасении своей души, а забота о ближних состояла в горячих молитвах за весь мир, то теперь настала пора посвятить себя подвигу душеспасительного назидания паломников.

Вот молитвенное правило, которое преподобный Серафим дал тем, кто обременен домашними делами или иными заботами: «Восставши от сна, встав пред святыми иконами, прочитать надлежит молитву Господню: «Отче наш» – трижды, в честь Пресвятой

Троицы; затем – Песнь Богородице: «Богородице Дево радуйся» – также трижды; и наконец – Символ Веры: «Верую во Единого Бога» – единожды. Во время же работы дома или в пути пусть каждый из вас читает тихо или про себя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», или кратко: «Господи, помилуй». От обеда до ужина: «Пресвятая Богородица, спаси мя грешного». Наконец, отходя ко сну, опять прочитайте утреннее правило, после чего, оградив себя крестным знамением, спите с миром…»

Поясняя достоинства этого правила, отец Серафим говорил: «Держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства: означенные три молитвы – основание христианской жизни. Первая – дана Самим Господом, она есть

Его заповедание нам и образец всех молитв. Вторая – принесена с неба Архангелом Гавриилом в приветствие Девы Марии. Символ же – вкратце содержит в себе все спасительные положения православной веры»[541].

К нему приходило много знатных и совсем простых людей, прося у него не только советов, но и помощи. Супруга управляющего селом Елизарьевым Ардатовского уезда рассказывала, как муж ее жестоко занемог и, зная ее преданность отцу Серафиму, послал просить его святых молитв. Женщина по прибытии в Саров узнала, что батюшка никого не принимает. Она, уже не надеясь ни на что, стояла в толпе других богомольцев, желающих видеть старца, как вдруг дверь его келий отворилась – и преподобный, став на пороге, не обращая внимания на толпу, обратился прямо к ней: «Дочь Агриппина, иди ко мне скорее». Когда она, пробравшись в толпе, подошла к старцу, он, предупреждая какие-либо слова ее, дал ей святой воды, антидора[542], благословенного вина и несколько сухарей и, благословив, сказал: «Вот, скорее вези это мужу». Потом, взяв ее руку, положил к себе на плечо и, дав осязать веревки, на которых висел тяжелый железный крест, ласково сказал: «Дочь моя, сперва тяжело носить это, ачныне уже не в тягость. Спеши к мужу и помни мою тягость. Прощай». Благословив ее, он опять удалился к себе, ни с кем не вступив в разговор. Жена устремилась домой и по приезде нашла супруга при смерти, он уже потерял дар речи и впадал в беспамятство. Едва она дала ему вина с антидором, а затем – святой воды, присланных отцом Серафимом, больной открыл глаза и с кроткой улыбкою внятно сказал: «Прости меня, отче, в последний раз получаю от тебя благословение». Подозвав детей, он благословил каждого, затем – супругу и мирно отошел ко Господу.

Княгиня Колончакова рассказывала о прозорливости старца. Брат ее, военный, не извещал о себе более четырех лет. Приехав в Саровскую пустынь, она решила спросить у иеромонаха Серафима, о котором слышала много дивного, что ей предпринять. Еще не успела она принять благословение старца, поприветствовав его у порога келий, где он жил, как

услышала тихие и ласковые слова: «Не горюй много, ибо во всяком роде есть траур». Княгиня сильно удивилась услышанному и начала рассказывать о брате, пропавшем без вести, но тот, выслушав ее до конца, ответил: «Вот и не могу тебе не сказать, чтоб поминала брата за упокой». Вскоре она получила из полка, где служил брат, извещение о том, что его уже нет на свете.

Один крестьянин, у которого пропала лошадь – единственная кормилица его большого семейства, прибежал в обитель в совершенном отчаянии и, бросившись в ноги отцу Серафиму, горько плакал: «Батюшка, я теперь совсем нищий, не знаю, что скажу дома!» Отец Серафим взял в руки его голову и, ласково приложив к своей, тихо сказал: «Огради себя молчанием, – подвижник-молчальник, он часто советовал это приходящим к нему в скорбях, – с верою поспеши в соседнее село. Там свороти с дороги вправо, пройди задами четыре дома; увидишь калиточку – войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и веди ее так же молча домой».

Принимая у себя всех, старец, однако же, никуда из келий не выходил и, снявши с себя печать молчания, не оставил затвора. Так прошло еще пятнадцать лет. Наконец он решился выйти из затвора и, не покидая монастыря, посещать свою пустынь и трудиться в ней для спасения себя и ближних.

Старец посещал иногда прежнюю свою келию в так называемой «дальней пустыни» и молился в ней. Как-то в декабре 1825 года пришли к нему две жившие тогда в монастырской гостинице сестры Дивеевской женской обители. Едва ударили к заутрене, отец Серафим направился в лес и велел монахиням Параскеве и Марии идти с ним. Дорогою они миновали источник, именуемый «Богословский», а впоследствии названный «Серафимовым». Батюшка сказал сопровождавшим сестрам, что сам источник им был не раз обустроен и вычищен. Наконец пришли в дальнюю пустынь. Здесь преподобный, встав пред Распятием, которое висело на стене, сестер поставил по правую и по левую руку от себя, подал им по зажженной свече и около часа молился. Погасили свечи, молча вышли из келий и дотемна занимались чисткою

погреба близ келий; затем вернулись в обитель. Спустя годы сестры Мария и Параскева догадывались, что батюшка Серафим в дальней пустыни молился вместе с ними о Дивеевской женской обители.

Дивеевская община, располагавшаяся в двенадцати верстах от Сарова, в те дни насчитывала около сорока сестер. Попечительство о ней оказывали покойные старцы Пахомий и Исайя, теперь же, по обещанию, данному своим духовным наставникам, близкое участие в ней принимал преподобный Серафим. Многие из сестер обители направлялись туда по его благословению. По совету старца она была вскоре разделена на две части.

9 декабря 1826 года, спустя ровно год после памятной молитвы старца, были впервые привезены на лошадях бревна к месту, избранному отцом Серафимом для нового поселения сестер Дивеевских. Следующей весною начали строить мельницу, а 7 июля, накануне празднования иконы Казанской Божией Матери, мельница уже работала. Старец сам отобрал сестер из Дивеевской общины.

Старица Дивеевской обители матушка Матрона рассказывала о следующем чудесном обстоятельстве: вскоре после пострига она, по слабости здоровья и вражескому искушению, пришла в такое смущение и уныние, что решила тихо бежать из обители, без благословения и спросу. Без сомнения, говорила она, отец Серафим провидел ее помысел, потому что вдруг прислал за нею.

Исполняя это приказание, она отправилась в Саров и всю дорогу проплакала. Пришедши к келий преподобного, она сотворила, по обычаю, молитву, а старец, сказав: «Аминь», встретил ее на пороге. Взяв ее за обе руки, он подвел Матрону к иконе Матери Божией Умиление со словами: «Царица Небесная утешит тебя». Приложившись к иконе, Матрона почувствовала необыкновенную радость – утомление и болезненность точно рукой сняло. «Теперь, – сказал отец Серафим, – иди в гостиницу, а завтра приди меня навестить в дальнюю пустынь». – «Батюшка, – возразила молодая черница, – я боюсь идти одна через лес». – «А ты, матушка, – с улыбкою

отвечал преподобный, – иди, иди, а сама во весь голос читай: «Господи помилуй». – И сам несколько раз пропел молитвенное прошение.

Наутро, положив полсотни поклонов, как велел старец, мать Матрона отправилась в путь. Шла она легко и скоро достигла дальней пустыни старца; однако здесь ожидало ее сильное потрясение. Старец сидел на колоде перед келией и кормил хлебом медведя. «Я так и обмерла, – рассказывала старица Матрона своим сестрам, – и, в голос закричав: «Батюшка, смерть моя!», без чувств упала. Отец Серафим, услышав мой голос, легонько ударил медведя и махнул ему рукою. Медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда ему махнул отец Серафим, в густой лес...»

Сам же старец, подойдя к лежащей на земле, сказал: «Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это – радость» – и, подняв ее и поставив на ноги, повел К келий. Не успели они присесть, как медведь вновь вышел из чащи, подошел к преподобному и лег у самых ног. Мать Матрона поначалу испытывала прежний трепет, но, видя, как отец Серафим обращается с лютым зверем, точно с кроткой овечкой, помалу пришла в себя. Особенно запомнилось ей тогда лицо преподобного: «Было оно радостно и светло, как у ангела». Видя монахиню успокоившейся и даже рискнувшей покормить медведя хлебом из сумы старца, преподобный сказал ей: «Помнишь ли, у преподобного Герасима[543] на Иордане лев служил, а у убогого Серафима медведь служит. Вот, матушка, и звери нас слушают, а ты унываешь! А о чем нам унывать?»

Тогда мать Матрона в простоте сказала: «Батюшка, а если его увидят сестры? Они ведь умрут от страха!» – «Нет, – отвечал старец Божий, – сестры его не увидят». – «А кто-нибудь другой если его увидит и заколет? Мне, батюшка, жаль его!» – «Нет, не заколет, кроме тебя, его никто не увидит». Молодая монахиня подумала, как рассказать сестрам об этом чуде, – и преподобный Серафим отвечал ей на эти ее мысли: «Никому, матушка, прежде одиннадцати лет после моей смерти не поверяй этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать». Так и вышло: ровно через одиннадцать лет, заповеданных старцем,

матушка Матрона пришла к иконописцу Ефимию Васильеву и увидела, что тот рисует портрет батюшки Серафима, воскликнула: «Тут бы по всему прилично было написать отца-то Серафима с медведем!» – «Отчего же это?» – удивился Ефимий; и вот тогда она рассказала ему об этом дивном событии.

Как-то жительница Курской губернии, приведенная в крайнее отчаянье беспутством мужа, просила у отца Серафима благословения поступить в Дивеевскую общину. «Нет, матушка, – отвечал старец, – поживи пока с мужем, а когда он умрет, потрудись для своей церкви лет с десять просвирнею, тогда и мужа-то избавишь от муки». Опечаленная женщина упорствовала в просьбах: «Еще неизвестно, батюшка, кто из нас двоих раньше умрет». – «Нет, матушка, – покачал головою отец Серафим. – Муж твой годика через три умрет, а тебе еще Бог судит пожить…» Умерший через три года оставил после себя большой долг, который за него выплатила вдова и тем, надо полагать, избавила его от муки вечной. После сего она почти десять лет была просвирнею в двух церквах, проходя это послушание с усердием, а затем действительно вступила в Дивеевскую общину.

Крестьянская девочка, Нижегородской губернии, деревни Погибловой, на свадьбе своего брата внезапно упала. В течение двух лет она была совершенно недвижима, на Светлый Праздник Пасхи Христовой привезена была в Саров и подведена к келье отца Серафима, благословлявшего в тот час народ. Старец взял ее за руку, ввел в келию, возложил обе руки ей на голову, потом помазал ее елеем из лампады – и с тех пор она выздоровела. Когда ей исполнилось семнадцать лет, она поступила в Дивеевскую обитель.

До 1829 года живущие на мельнице сестры ходили к богослужению в храм Казанской Божией Матери. Но в том же году, 6 августа, на месте, указанном отцом Серафимом, освящен был престол во имя Рождества Христова, в верхнем этаже возведенной там новой каменной двухэтажной церкви; а год спустя – престол в нижней церкви, в честь Рождества Богородицы. Так преподобный Серафим способствовал

молитвами и трудами становлению новой, особой, отдельной от Дивеевской общины, так называемой Серафимо-Дивеевской женской обители.

В монастыре старец оставался по воскресным и праздничным дням; в будни уходил в лес в ближнюю пустынь, возвращаясь в Саровскую обитель лишь для ночлега. Со дня окончания его затвора число посетителей постоянно увеличивалось. Ослабевшему старцу тяжело было принимать и выслушивать огромное количество людей. Отец Серафим с самого начала поселения в ближней пустыни причащался Святых Тайн в своей келий, как и во время затвора. Некоторых это стало соблазнять: а причащается ли он вообще? Старец же просто избегал огромного числа посетителей, принять которых было ему не по силам. Однако же для предотвращения соблазна, от епархиального архиерея последовал указ, чтобы отец Серафим сам приходил в церковь для приобщения Святых Тайн. Услышав о распоряжении, старец принял решение епископа со смирением.

Те, кто видел старца, возвращающегося в воскресенье после Божественной литургии в свою келию, помнят, как он шел в мантии, епитрахили и поручах. Шествие его затруднялось и надолго растягивалось из-за обилия народа, окружавшего его. Но он все это время пути от храма до келий ни с кем не говорил, никого не благословлял. Лишь придя в келию, он принимал всех, благословлял, а страждущим предлагал душеспасительное слово.

Кто бы ни приходил к нему – бедняк или богач, в каком бы греховном состоянии ни находилась совесть пришедшего, он всех лобызал с умилением, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. «Радость моя! Сокровище мое! Христос воскрес!» – такими словами он приветствовал приходящих к нему. Никого не обличал жестокими укорами, ни на кого не возлагал тяжелого бремени. А если и говорил иным обличения, то кротко, растворяя слово свое смирением и любовию…

Приехал как-то в Саров полюбоваться окрестностями и монастырскими строениями заслуженный генерал. Он собрался

было уезжать, удовлетворив охоту к посещению достопримечательностей, когда встреченный им в обители старый знакомец предложил зайти к старцу Серафиму. Надменный генерал с нежеланием уступил. Едва вступили они в келию, старец, выйдя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Спутник его сразу вышел, а генерал остался для беседы с отцом Серафимом. Через полчаса он выведен был старцем из келий, как малое дитя: лицо его было залито слезами, он продолжал горько плакать.

На нем не было ни фуражки, ни орденов – их вынес следом отец Серафим. Придя в себя, генерал сказал, что он многое повидал, прошел всю Европу, но в первый раз столкнулся с таким смирением и кротостью и никогда не предполагал в ком-либо подобной прозорливости. Старец раскрыл пред ним всю его жизнь до тайных подробностей, а когда ордена, отшпилясь, упали с мундира, отец Серафим заметил: «Вот, ты носишь их незаслуженно».

У некоей женщины рождались дети, но все они умирали на первом году жизни. Бедная мать отправилась с последнею, только что рожденною дочерью, в Саровскую обитель. Когда она поднесла малютку к отцу Серафиму, прося помолиться о ней, святой подвижник положил руку на головку дитяти и с большой теплотою сказал несчастной матери: «Утешайтесь ею». И действительно, девочка осталась жива, меж тем как те, которые родились после нее, преставились во младенчестве.

Как-то пришла в Саров из Пензы благочестивая вдова диакона по имени Евдокия. Среди множества народа ожидала она старца подле крыльца. Отец Серафим, шедший из церкви, поднялся было на крыльцо и принялся благословлять по порядку всех стоящих близ него, но вдруг, обернувшись к Евдокии, воскликнул: «Поди сюда поскорее, Евдокия!» Изумленная тем, что святой отец назвал ее по имени, никогда прежде не видев в лицо, она поспешила к нему. Отец Серафим благословил ее, а затем дал кусочек антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтобы застать сына». Поспешив в Пензу, вдова в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской духовной семинарии

назначило сына студентом Киевской академии и намеревалось скорее отправить его в Киев.

Много сохранилось рассказов об исцелениях благодаря молитвам отца Серафима. В сентябре 1831 года прибыл в Саров помещик Симбирской и Нижегородской губерний господин Мотовилов, На следующий день и еще через день он беседовал со старцем в его келий и получил исцеление, в котором нуждался, так как был совершенно болен: страдал сильными ревматическими болями, расслаблением всего тела и многочисленными язвами. На третий день был привезен к отцу Серафиму в ближнюю его пустыньку. Пятеро человек поднесли несчастного к старцу, беседующему с народом на берегу речки Саровки.

«На просьбу мою помочь мне, – позже вспоминал в своих записках Мотовилов[544], – отец Серафим сказал: «Да ведь я не доктор; к докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь»… На это больной говорил, что не видит никакой иной надежды на исцеление, кроме только лишь благодати Божией. Но будучи грешен и не имея дерзновения сам ко Господу, просит у отца Серафима его святых молитв. На это старец спросил: «А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Божию Матерь, что Она есть Приснодева?» Получивши утвердительный ответ, старец спросил: «А веруешь ли, что Господь, как прежде исцелял мгновенно одним прикосновением или словом Своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне может легко и мгновенно исцелять требующих Его помощи?» И вновь получив твердый положительный ответ, старец заключил: «А коли веруете, то вы здоровы уже!» – «Нет, – отрицал больной, – как же я здоров, если меня держат на руках?» – «Вы совершенно, всем телом вашим окончательно здоровы теперь!» – И с этими словами старец приказал поставить его на ноги, а сам взял за плечи, приказал: «Крепче стойте, тверже утверждайтесь на земле: вот так, не робейте – вы совершенно здравы теперь!» И, сопровождая ободряющими словами, он велел вначале твердо встать на земле, а затем и самостоятельно пойти, показывая

только что расслабленному, что он и в самом деле исцелен Господом».

За год и десять месяцев до кончины, в день Благовещения 1831 года, преподобный Серафим вновь сподобился посещения Богоматери. Об этом вспоминала старица Дивеевской общины Евпраксия. «Батюшка за два дня приказал мне придти к этому дню. Когда я пришла, батюшка объявил: «Нам будет видение Божией Матери» – и, наклонив меня ниц, прикрыл своею мантией и читал надо мною по книге. Потом поднял меня и сказал: «Ну, теперь держись за меня и не убойся». В то же время сделался шум, подобный шуму леса от большого ветра. Когда оный утих, послышалось пение… Потом дверь в келию сама собою отворилась, и благоухание наполнило келию, похожее, но лучше росного ладану. Батюшка стоял на коленях, воздев руки к небу. Я испугалась. Батюшка встал и сказал: «Не убойся, чадо: ниспосылается нам от Бога милость. Вот Преславная, Пречистая, Владычица наша Богородица грядет к нам!»

В то же мгновение келию, подобно золотистому свету, наполнила процессия. Впереди шли два ангела, держащие в руках только что расцветшие ветви; за ними, в белых священнических ризах, – святые Иоанн Предтеча и Иоанн Богослов; следом шла Богоматерь – в точности как Она пишется на образе Всех Скорбящих Радости, в зеленом платье, в переливающейся всеми цветами мантии, в епитрахили и поручах, с высокою короной на главе, украшенной алмазными крестами, волосы Ее были распущены по плечам и стекали почти до пояса… За Нею следовали двенадцать дев – святых мучениц и преподобных: Варвара и Екатерина, Фекла и Марина, Ирина и Евпраксия, Пелагия и Дорофея, Макрина и Иустина, Иулиания и Анисия. «Пресвятая Дева, – повествует далее старица, – много говорила отцу Серафиму такого, что мне не дано было слышать; а вот что слышала: «Не оставь дев Моих Дивеевских». Отец Серафим отвечал: «О Владычице, я собираю их, но сам собою не могу их управить». – «Я тебе, – говорила Царица Небесная, – во всем помогу, любимиче мой…» И еще говорила она о насельницах Дивеевских и обращалась

прямо к матери Евпраксии, призывая поучиться любви и твердости веры у предстоящих Ей дев; а в конце снова обратилась к преподобному старцу: «Скоро, любимиче мой, будешь с нами» – и благословила его. Простились с ним и святые отцы, благословляя его, а девы – прощались, целуясь с ним рука в руку. И едва простились они – в одно мгновение стали невидимы.

Видение же это продолжалось не один час. «Вот, матушка, – придя в себя, обратился старец к свидетельнице благодатного посещения, – мне таким образом в двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Бог сподобил, – вот какой радости достигли! Есть нам на чем веру и надежду иметь ко Господу…»

Впоследствии, когда и другие сестры Дивеевской общины посещали батюшку Серафима в его келий, он всегда, указывая на икону Божией Матери, повторял им в утешение: «Поручаю и оставляю вас на попечение сей Царице Небесной».

За полгода до смерти он принялся прощаться со многими, говоря: «Мы не увидимся более». Когда у него просили благословения приехать в Саров на Великий пост, старец отвечал: «Тогда двери мои затворятся», а некоторым и прямо: «Вы меня не увидите». Стало заметно, как жизнь в нем угасает. Только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокрушается, – говорил он в те дни некоторым между братии. – Духом я как бы сейчас родился, телом же – мертв».

Месяца за четыре до смерти старец еще раз увиделся с преосвященным Арсением, епископом Тамбовским. Когда они расставались у келий, отец Серафим, приняв от владыки последнее благословение, опустился на колени и, как ни старался преосвященный Арсений поднять его, так оставался, пока тот не скрылся из виду. В ту же ночь старец принес келейнику преосвященного небольшой сосуд церковного вина и сказал:

– Отдай это владыке от Серафима грешного.

Совсем незадолго до кончины отец Серафим исцелил от слепоты четырехлетнюю девочку, окропив ей глаза водою из своего лесного источника. Это было последнее чудо исцеления,

явленное преподобным при его жизни; а сколько их совершилось после его кончины – о том мы здесь не имеем возможности поведать…

За неделю до своей кончины, в праздник Рождества Христова, отец Серафим пришел к Божественной литургии, которую совершал игумен Нифонт. Причастившись Святых Тайн, он не поспешил к себе, как обыкновенно, но остался и долго беседовал с настоятелем, прося его о многом – особенно о попечительстве над младшими из братии. Напоминал он и о том, чтобы его по кончине положили в том самом гробу, который много лет стоял в сенях его келий. Вернувшись к себе, старец вручил провожавшему его до дверей монаху Иакову финифтяной образок с изображением посещения преподобного Сергия Божией Матерью. «Сей образ наденьте на меня, когда умру, и с ним положите меня в могилу», – попросил он.

1 января 1833 года, в воскресенье, отец Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя святых Зосимы и Савватия Соловецких, ко всем иконам поставил свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился Святых Христовых Тайн. По окончанию литургии он прощался со всеми братиями, целуя каждого и говоря: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись со всеми, приложился к кресту и к образу Божией Матери и вышел из церкви.

Старец, уходя из монастыря .в пустынь, оставлял обычно в своей келий горящие свечи. Живший по соседству брат Павел не раз замечал ему, что от зажженных свеч может случиться пожар, на что старец отвечал: «Пока я жив, пожара не будет; когда же умру, то и кончина моя откроется пожаром».

В тот день, 1 января, отец Павел заметил, как старец Серафим раза три выходил на то место, которое было им указано для погребения, и подолгу смотрел в землю. Вечером же отец Павел слышал, как старец пел пасхальные песни: «Воскресение Христово видевшие», «Светися, светися, Новый Иерусалиме», «О Пасха велия, велия и священнейшая Христе»[545].

Рано поутру отец Павел, выходя из своей келий к ранней литургии, почувствовал запах дыма. Призвав на помощь другого брата и выбив запертую дверь, они увидели келию старца, заполненную дымом. Огня не было, только тлели некоторые вещи – L книги и что-то из одежды. На дворе было темно, старца из-за сумерек и дыма, застилавшего всю келию, не было видно. Принесли зажженную свечу.

Отец Серафим, в белом балахоне, скрестив на груди руки, стоял на коленях пред иконою Божией Матери. Думали, что он спит. Стали будить – и лишь тогда поняли, что он мертв. Иноки подняли тело старца и положили во гроб. Гроб был сразу же поставлен в соборном храме.

Весть о смерти отца Серафима быстро разнеслась повсюду. В особенности разлука с ним была тяжела для Дивеевских сестер, потерявших своего духовного попечителя. Их плач был тем безутешнее, что отец Серафим, до конца полагаясь на заступничество Матери Божией, не оставил наставника. В продолжение восьми суток гроб с телом преподобного старца стоял в Успенском соборе. Саровская пустынь в самый день погребения наполнена была десятками тысяч народа, притекшего из окрестных губерний. Гроб опустили по правую сторону от алтаря. Впоследствии на этом месте был воздвигнут памятник. При гробе старца постоянно совершалось заупокойное богослужение, а после прославления Преподобного в январе 1903 года – молебны о здравии. До наших дней преподобный Серафим остается наиболее чтимым после преподобного Сергия Радонежского русским святым. Св. мощи его, бесследно исчезнувшие после революции 1917 года, в канун Рождества 1991-го были вновь чудесно обретены и торжественно перенесены в возрожденную незадолго перед тем Дивеевскую женскую обитель. Так, по слову Пресвятой Богородицы, и по смерти своей преподобный Серафим не оставил сестер Дивеевских.

Притекающие к мощам святого старца верующие России обращаются к нему с молитвами, получая поддержку и утешение.

Жизнеописание преподобного Амвросия Оптинского [546]

Великий оптинский старец иеросхимонах Амвросий родился 23 ноября 1812 года в селе Большая Липовица Тамбовской губернии в семье пономаря Михаила Федоровича и жены его Марфы Николаевны Гренковых. Перед рождением младенца к деду его, священнику этого села, съехалось много гостей. Родительница была переведена в баню. 23 ноября в доме отца Федора была большая суматоха, – и в доме был народ, и перед домом толпился народ. Старец шутливо приговаривал: «Как на людях я родился, так все на людях и живу».

У причетника Михаила Федоровича было восемь человек детей: четыре сына и четыре дочери; Александр был шестым. В детстве он был весьма бойким, веселым и смышленым мальчиком. По обычаю того времени учился читать по славянскому букварю, часослову и псалтири. Каждый праздник вместе с отцом пел и читал на клиросе. Когда мальчику исполнилось 12 лет, его отдали в первый класс Тамбовского духовного училища. Учился он хорошо и по окончании училища, в 1830 году, поступил в Тамбовскую духовную семинарию. И здесь учеба давалась ему легко. Как вспоминал впоследствии его товарищ по семинарии: «Тут, бывало, на последние деньги купишь свечку, твердишь-твердишь заданные уроки; он же (Саша Гренков) и мало занимается, а придет в класс, станет наставнику отвечать, – точно как по писаному, лучше всех». В последнем классе семинарии он перенес опасную болезнь и дал обет постричься в монахи, если выздоровеет. По выздоровлении не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение, «жался», по его выражению. Однако совесть не давала ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительнее становились укоры совести. Периоды беззаботного юношеского веселья и беспечности сменялись периодами острой тоски и грусти, усиленной молитвы и слез.

В июле 1836 года Александр Гренков успешно окончил семинарию, но не пошел ни в духовную академию, ни в

священники. Он как будто чувствовал в душе своей особое призвание и не спешил пристроить себя к определенному положению, как бы ожидая зова Божия. Некоторое время был домашним учителем в одной помещичьей семье, а затем преподавателем Липецкого духовного училища. Обладая живым и веселым характером, добротою и остроумием, Александр Михайлович был очень любим своими товарищами и сослуживцами. Однажды (это было в Липецке), гуляя в соседнем лесу, он, стоя на берегу ручья, явственно расслышал в его журчании слова: «Хвалите Бога, любите Бога...» Дома, уединяясь от любопытных взоров, он пламенно молился Божией Матери, прося просветить его ум и направить волю. Вообще он не обладал настойчивой волей и уже в старости говорил своим духовным детям: «Вы должны слушаться меня с первого слова. Я – человек уступчивый. Если будете спорить со мною, я могу уступить вам, но это не будет вам на пользу»[547]. В той же Тамбовской епархии, в селе Троекурове, проживал известный в то время подвижник Иларион. Александр Михайлович пришел к нему за советом, и старец сказал ему: «Иди в Оптину пустынь – и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет теперь никаких опытных старцев, как прежде». Когда наступили летние каникулы 1839 года, Александр Михайлович вместе с товарищем своим по семинарии и сослуживцем по Липецкому училищу Покровским, снарядив кибитку, отправился на богомолье в Троице-Сергиеву лавру поклониться игумену земли Русской преподобному Сергию.

Вернувшись в Липецк, Александр Михайлович продолжал еще сомневаться и не сразу решился порвать с миром. Случилось это, однако, после одного вечера в гостях, когда он смешил всех присутствующих. Все были веселы и довольны и в прекрасном настроении разошлись по домам. Что же касается до Александра Михайловича, если и раньше в таких случаях он чувствовал раскаяние, то теперь воображению живо представился обет, данный Богу, вспомнилось горение духа в Троицкой лавре и прежние долгие молитвы, воздыхания и слезы, определение Божие, переданное через отца Илариона.

Наутро решимость твердо созрела. Александр Михайлович решил бежать в Оптину тайно от всех, не испросив даже разрешения епархиального начальства.

Будучи уже в Оптиной, доложил о своем намерении Тамбовскому архиерею. Он опасался, что уговоры родных и знакомых поколеблют его решимость, и потому ушел тайно. Прибыв в Оптину, Александр Михайлович застал самый цвет монашества: таких ее столпов, как игумен Моисей, старцев Льва (Леонида) и Макария. Начальником скита был равный им по духовной высоте иеросхимонах Антоний, брат отца Моисея, подвижник и прозорливец. Вообще все иночество под руководством старцев носило на себе отпечаток духовных добродетелей; простота (нелукавство), кротость и смирение были отличительными признаками оптинского монашества. Младшая братия старалась всячески смиряться не только перед старшими, но и перед равными, боясь даже взглядом оскорбить другого.

8 октября 1839 года прибыл Александр Гренков в обитель. Оставив извозчика на гостином дворе, он сразу же поспешил в церковь, а после литургии – к старцу Льву, чтобы испросить благословения остаться на жительство в монастыре. Старец благословил его жить первое время в гостинице и переписывать книгу «Грешных спасение» (перевод с новогреческого) – о борьбе со страстями. В январе 1840 года он перешел жить в монастырь, пока еще не одевая подрясник[548].

В это время шла канцелярская переписка с епархиальными властями по поводу его исчезновения и еще не последовал от Калужского архиерея указ Оптинскому настоятелю о принятии в обитель учителя Гренкова. В апреле 1840 года Александр Михайлович Гренков был, наконец, одет в монашеское платье. Он был некоторое время келейником старца Льва и его чтецом (правило и службы). Работал в хлебне, варил хмелины (дрожжи), пек булки. Затем в ноябре 1840 года его перевели в скит[549]. Оттуда молодой послушник не переставал ходить к старцу Льву для назидания.

В скиту он был помощником повара целый год. Ему часто приходилось по службе приходить к старцу Макарию то

благословляться относительно кушаний, то ударять к трапезе, то по иным поводам. При этом он имел возможность рассказывать старцу о своем душевном состоянии и получать ответы.Старец Лев особенно любил молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но из воспитательных побуждений испытывал при людях его смирение. Делал вид, что гремит против него гневом. С этой целью дал ему прозвище «Химера». Под этим словом он подразумевал пустоцвет, который бывает на огурцах. Но другим про него говорил: «Великий будет человек». Предвидя близкую смерть, старец Лев призвал батюшку отца Макария и сказал ему о послушнике Александре: «Вот человек больно ютится к нам, старцам. Я теперь уже очень слаб. Так вот, я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь». После смерти старца Льва брат Александр стал келейником старца Макария (1841–1846). В 1842 году он был пострижен в мантию[550] и наречен Амвросием (в честь святителя Амвросия Медиоланского, память 7 декабря). Затем последовало иеродиаконство (1843), а через 2 года – рукоположение в иеромонахи.

Здоровье отца Амвросия в эти годы сильно пошатнулось. При поездке на иерейскую хиротонию в Калугу 7 декабря 1845 года он простудился и заболел, получив осложнение на внутренние органы. С тех пор он уже никогда не смог по-настоящему поправиться. Впрочем, не унывал и признавался, что телесная немощь благотворно действует на его душу. «Монаху полезно болеть, – любил повторять старец Амвросий, – и в болезни не надо лечиться, а только подлечиваться». И другим в утешение говорил: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения». 29 марта 1846 года иеромонах Амвросий был вынужден по болезни выйти за штат[551], будучи признан неспособным к послушаниям, и стал числиться на иждивении обители. С тех пор он уже не мог совершать литургии; еле передвигался, не выносил холода и сквозняков, страдал от испарины, так что порой переодевался и переобувался по нескольку раз в сутки. Пищу употреблял жидкую или протертую и кушал очень мало.

С сентября 1846 года по лето 1848 года состояние здоровья отца Амвросия было настолько угрожающим, что он в келий был пострижен в схиму с сохранением прежнего имени. Однако совершенно неожиданно для многих больной начал поправляться и даже выходить на улицу для прогулок. Этот перелом был явным действием силы Божией, а сам старец Амвросий впоследствии говорил: «Милостив Господь! В монастыре болеющие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь не принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и менее пустяки приходили в голову. А то при полном здоровье, особенно молодым, какая только пустошь не приходит в голову».

Не только телесными немощами воспитывал Господь в эти годы дух будущего великого старца. Благотворно действовало на отца Амвросия общение со старшей братией, среди которых было немало истинных подвижников. Вот один из случаев, о котором рассказывал впоследствии сам старец Амвросий. Вскоре после того, как отец Амвросий был посвящен в дьяконы и должен был однажды служить литургию в Введенском храме, подходит он перед службой к стоявшему в алтаре игумену Антонию, чтобы принять от него благословение. Отец Антоний спрашивает его: «Ну что, привыкаете?» Отец Амвросий развязно отвечает ему: «Вашими молитвами, батюшка!» Тогда отец Антоний продолжает: «К страху-то Божьему?..» Отец Амвросий понял неуместность своего тона в алтаре и смутился. «Так что, – заключил свой рассказ отец Амвросий, – умели приучать нас к благоговению прежние старцы». Особенно важным для духовного возрастания отца Амвросия в эти годы было его общение со старцем Макарием. Несмотря на болезнь, отец Амвросий остался по-прежнему в полном послушании у старца, даже в малейшей вещи давал отчет ему. По благословению отца Макария он занимался переводом святоотеческих книг, в частности, им была подготовлена к печати «Лествица» преподобного Иоанна, игумена Синайского[552].

Благодаря руководству старца Макария отец Амвросий смог без особых преткновений обучиться искусству из искусств – умной молитве. Это иноческое делание сопряжено со многими опасностями, так как диавол старается ввести человека в состояние прелести и со значительными скорбями, поскольку неопытный подвижник под благовидными предлогами старается исполнить свою волю. Инок, не имеющий духовного руководителя, может на этом пути сильно повредить своей душе, как это случилось в свое время с самим старцем Макарием, самостоятельно обучавшимся этому искусству. Отец Амвросий смог избежать бед и скорбей именно потому, что имел опытнейшего наставника в лице старца Макария. Старец любил своего ученика, что, впрочем, не мешало ему воспитывать в нем строгого подвижника. Когда за отца Амвросия заступались: «Батюшка, он человек больной!» – старец отвечал: «А я разве хуже тебя знаю? Выговоры и замечания монаху – это щеточки, которыми стирается греховная пыль с его души; а без сего монах заржавеет».Еще при жизни старца Макария, с его благословения, некоторые из братии приходили к отцу Амвросию для откровения помыслов[553]. Вот как об этом рассказывает игумен Марк, окончивший жизнь на покое в Оптиной: «Сколько мог я заметить, отец Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему ежедневно для откровения помыслов и почти всегда заставал его за чтением святоотеческих книг; если же не заставал его в келье, то это значило, что он находился у старца Макария, которому помогал в корреспонденции с духовными чадами, или трудился в переводах святоотеческих книг. Иногда же я заставал его лежащим на кровати и в слезах, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец всегда ходил перед Богом или как бы всегда ощущал присутствие Божие, по слову псалмопевца, «видел Господа предо мною всегда»[554], а потому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Ему творить... Видя такую сосредоточенность своего старца, я в присутствии его всегда был в трепетном благоговении. Да иначе мне и нельзя было быть. Ставшему мне по обыкновению пред ним на колена и получившему благословение, он, бывало,

весьма тихо сделает вопрос: «Что скажешь, брате, хорошенького?» Озадаченный его сосредоточенностью и благоумилением, я, бывало, скажу: «Простите, Господа ради, батюшка, я не вовремя пришел?» – «Нет, – скажет старец, – говори нужное, но вкратце». И, выслушав меня со вниманием, преподаст полезное наставление с благословением и отпустит с любовью. Наставления же он преподавал не от своего мудрования и рассуждения, хотя и богат был духовным разумом. Если же он и учил духовно, то в чине учащегося, и предлагал не свои советы, а непременно учение святых Отцов». Если же отец Марк жаловался отцу Амвросию на кого-либо обидевшего его, старец, бывало, скажет плачевным тоном: «Брате, брате! Я человек умирающий». Или: «Я сегодня завтра умру. Что я сделаю с этим братом? Ведь я не настоятель. Надобно укорять себя, смиряться пред братом, – и успокоишься».

Кроме монахов отец Макарий старался сблизить отца Амвросия и со своими мирскими духовными чадами. Видя его беседующего с ними, старец Макарий шутливо промолвит: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает». Так старец Макарий постепенно готовил себе достойного преемника. Когда же старец Макарий преставился (7 сентября 1860 года), то постепенно обстоятельства складывались так, что отец Амвросий стал на его место. Через 40 дней после кончины старца Макария отец Амвросий перешел на жительство в другой корпус, вблизи скитской ограды, с правой стороны колокольни. На западной стороне этого корпуса была сделана пристройка, называемая «хибаркой», для приема женщин, поскольку в скит женщинам вход был запрещен. Тридцать лет, вплоть до отъезда в Шамордино, прожил здесь отец Амвросий. При нем было два келейника: отец Михаил и отец Иосиф, будущий старец. Главным письмоводителем был отец Климент (Зедергольм)[555], сын протестантского пастора, перешедший в православие, магистр греческой словесности.

Для слушания утреннего правила старец вставал часа в 4 утра, звонил в звонок, на который являлись к нему келейники и прочитывали утренние молитвы: 12 избранных псалмов и

первый час[556], после чего он наедине пребывал в умной молитве. Затем, после краткого отдыха, старец слушал часы: третий, шестой с изобразительными и[557], смотря по дню, канон с акафистом Спасителю или Божией Матери, каковые акафисты он выслушивал стоя.

После молитвы и легкого завтрака начинался трудовой день, с небольшим перерывом в обеденную пору. Пища съедалась старцем в таком количестве, какое дается трехлетнему ребенку. За едой келейники продолжали задавать ему вопросы по поручению посетителей. После некоторого отдыха напряженный труд возобновлялся, и так до глубокого вечера. Несмотря на крайнюю болезненность старца и усталость, день всегда заканчивался вечерним молитвенным правилом, состоящим из малого повечерия[558], канона Ангелу Хранителю и вечерних молитв. От каждодневных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие посетителей, едва держались на ногах. Сам старец временами лежал почти без чувств. После правила старец испрашивал прощение – «елика согрешил делом, словом, помышлением». Келейники принимали благословение и направлялись к выходу. Зазвонят часы. «Сколько это?» – спросит старец слабым голосом. Ему отвечают: «Двенадцать».

Отец Амвросий был среднего роста, но очень сгорблен. Ходил с трудом, опираясь на палочку. Будучи болезненным, чаще всего лежал и даже принимал посетителей полулежа на кровати. Красивый в молодости, старец казался задумчивым, когда оставался один, но в присутствии других всегда казался веселым и оживленным. Лицо его постоянно меняло выражение: он то смотрел на собеседника с нежностью, то заливался молодым, заразительным смехом, то, склонив голову, молча слушал то, что ему говорили, а затем несколько минут пребывал в молчании, прежде чем начать говорить. Его черные глаза безотрывно смотрели на посетителя, и чувствовалось, что взгляд этот проникал в самые сокровенные глубины человеческого сердца, что для него нет ничего тайного. Тем не менее его посетители не ощущали тяжести, а, наоборот, пребывали в радостном состоянии. Всегда приветливый и

веселый, старец любил пошутить даже в часы крайней усталости, в конце дня, после двенадцатичасового приема посетителей, которые сменяли друг друга в его келье.

Через два года старца постигла новая болезнь. С тех пор он уже не мог ходить в храм Божий и причащался в келий. В 1869 году состояние его здоровья было столь плохо, что стали терять надежду на выздоровление. Была привезена Калужская Чудотворная икона Божьей Матери. После молебна и келейного бдения, а затем соборования здоровье старца улучшилось, но крайняя слабость с тех пор уже не покидала его. Трудно представить, как он мог, будучи пригвожденным к страдальческому кресту, в полном изнеможении, принимать ежедневно толпы людей и отвечать на десятки писем. Воочию сбывались слова: «Сила Божия в немощи совершается»[559].

Среди духовных дарований старца Амвросия, привлекавших к нему тысячи людей, следует упомянуть и о прозорливости. Он глубоко проникал в душу собеседника и читал в ней. Легким, никому не заметным намеком он указывал людям их слабости и заставлял серьезно задуматься над ними. Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, сильно пристрастилась к игре в карты и стеснялась сознаться в этом. Однажды, на общем приеме, она стала просить у старца карточку. Старец, внимательно посмотрев на нее, сказал: «Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?» Поняв намек, она покаялась в своей слабости. Одна девушка, окончившая высшие курсы в Москве, мать которой давно уже была духовной дочерью отца Амвросия, никогда не видевшая старца, называла его лицемером. Мать уговорила ее побывать у отца Амвросия. Придя к старцу на общий прием, девушка стала позади всех, у самой двери. Вышел старец и, отворив дверь, закрыл ею молодую девушку. Помолившись и оглядев всех, он вдруг заглянул за дверь и говорит: «А это что за великан стоит? Это – Вера, пришла смотреть лицемера?» После этого, побеседовав с нею, он сумел убедить ее изменить образ жизни. Вскоре судьба ее решилась – она поступила в Шамординский монастырь. Те, кто с полным доверием предавался руководству старца, никогда в этом не раскаивались, хотя и слышали от него

иногда советы, которые с первого раза казались странными и неисполнимыми.

Вот один из случаев, рассказанный одним из посетителей старца – неким мастеровым: «Незадолго до кончины старца, годочка этак за два, надо было мне ехать в Оптину за деньгами. Иконостас там мы делали, и приходилось мне за эту работу от настоятеля получить довольно крупную сумму денег. Получил я свои деньги и перед отъездом зашел к старцу Амвросию благословиться на обратный путь. Домой ехать я торопился: ждал на следующий день получить заказ большой – тысяч на десять, и заказчики должны были быть непременно на другой день у меня в К. Народу в этот день у старца, по обыкновению, была гибель. Прознал он про меня, что я дожидаюсь, да и велел мне сказать через своего келейника, чтобы я вечером зашел к нему чай пить. Хоть и надо мне было торопиться ко двору, да честь и радость быть у старца и чай с ним пить были так велики, что я рассудил отложить свою поездку до вечера в полной уверенности, что хоть всю ночь проеду, а успею вовремя попасть.

Приходит вечер, пошел я к старцу. Принял меня старец такой-то веселый, такой-то радостный, что я и земли под собой не чувствую. Продержал меня батюшка, ангел наш, довольно-таки долго, уже почти смеркалось, да и говорит мне: «Ну, ступай с Богом. Здесь ночуй, а завтра благословляю тебя идти к обедне, а от обедни чай пить заходи ко мне». «Как же это так?» – думаю я, да не посмел старцу перечить. Переночевал, был у обедни, пошел к старцу чай пить, а сам скорблю о своих заказчиках и все соображаю: авось, мол, успею хотя к вечеру попасть в К. Как бы не так! Отпил чай. Хочу я старцу сказать: благословите домой ехать, а он и слова не дал выговорить: «Приходи, – говорит, – сегодня ночевать ко мне». У меня даже ноги подкосились, а возражать не смею.

Прошел день, прошла ночь! Наутро я уже осмелел и думаю: была не была, а уж сегодня я уеду; авось денек-то мои заказчики меня подождали. Куда тебе! И рта не дал мне старец разинуть. «Ступай-ка, – говорит, – ко всенощной сегодня, а завтра к обедне. У меня опять сегодня заночуй!» Что за притча

такая! Тут уж я совсем заскорбел, признаться, погрешил на старца: вот те и прозорливец! Точно и знает, что у меня, по его милости, ушло теперь из рук выгодное дело. И так-то я был на старца непокоен, что и передать не могу. Уж не до молитвы было мне в тот раз у всенощной – так и толкает в голову: «Вот тебе твой старец! Вот тебе и прозорливец! Свистит теперь твой заработок!» Ах, как мне было в то время досадно! А старец мой, как на грех, ну точно вот, простиГосподи, в издевку мне такой меня после всенощной радостный встречает!.. Горько, обидно мне стало: и чему, думаю я, он радуется… А скорби своей все-таки вслух высказать не осмеливаюсь. Заночевал я таким-то порядком и третью ночь. За ночь скорбь моя понемногу улеглась: не воротишь того, что сквозь пальцы уплыло… Наутро прихожу от обедни к старцу, а он мне: «Ну теперь пора тебе и ко двору! Ступай с Богом! Бог благословит! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!»

И отпала тут от меня всякая скорбь. Выехал я себе из Оптиной пустыни, а на сердце-то так легко и радостно, что и передать невозможно… К чему только сказал это батюшка: «По времени не забудь Бога поблагодарить»? Должно, думаю, за то, что Господь в храме три дня подряд удостоил побывать. Еду я домой неспешно и о заказчиках своих вовсе не думаю: уж очень мне отрадно было, что батюшка со мной так обошелся. Приехал я домой, и что вы думали? Я в ворота, а заказчики мои за мной: опоздали, значит, против уговору на трое суток приехать. Ну думаю: ах ты, мой старчик благодатный! Уж подлинно дивны дела Твои, Господи!.. Однако не тем все это кончилось. Вы послушайтека, что дальше было! Прошло с того времени немало.

Помер отец наш Амвросий. Года два спустя после его праведной кончины заболевает мой старший мастер. Доверенный он был у меня человек, и не работник был, а прямо золото. Жил он у меня безысходно годов поболее двадцати. Заболевает к смерти. Послали мы за священником, чтобы поисповедовать и причастить, пока в памяти. Только, смотрю, идет ко мне от умирающего священник да и говорит: «Больной вас к себе зовет, видеть вас хочет. Торопитесь, как бы не

помер». Прихожу к больному, а он, как увидел меня, приподнялся кое-как на взлокоточки, глянул на меня, да как заплачет: «Прости мой грех, хозяин! Я ведь тебя убить хотел…» – «Что ты, Бог с тобой! Бредишь ты…» – «Нет, хозяин, верно тебя убить хотел. Помнишь, ты из Оптиной запоздал на трое суток приехать. Ведь нас трое, по моему уговору, три ночи подряд тебя на дороге под мостом караулили; на деньги, что ты за иконостас из Оптиной вез, позавиствовали. Не быть бы тебе в ту ночь живым, да Господь, за чьи-то молитвы, отвел тебя от смерти без покаяния… Прости меня, окаянного, отпусти, Бога ради, с миром мою душеньку!» – «Бог тебя простит, как я прощаю!» Тут мой больной захрипел и кончаться начал. Царствие небесное его душе. Велик был грех, да велико и покаяние!»

Старец часто давал наставления в полушутливой форме, ободряя унывающих, но глубокий смысл его речей нисколько от этого не умалялся. Люди невольно задумывались над образными выражениями отца Амвросия и надолго запоминали данный им урок. Иногда на общих приемах слышался неизменный вопрос: как жить? В таких случаях старец благодушно отвечал: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, чуть одной точкой касается земли, а остальным стремится вверх; а мы как заляжем, так и встать не можем».

Порою он говорил как будто пословицами: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного», «Не хвались, горох, что ты лучше бобов: размокнешь – сам лопнешь», «Отчего человек бывает плох? – Оттого, что забывает, что над ним Бог». Приходит как-то к батюшке состоятельный орловский помещик и объявляет, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Батюшка уже весь охвачен этим замыслом. «Люди говорят, – начинает он, – люди говорят, что вот как всего лучше», – и подробно описывает как следует провести водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать об этом предмете; оказывается, что батюшка описал последние изобретения по этой части. Помещик снова в Оптиной. «Ну, что водопровод?» – спрашивает батюшка. Вокруг яблоки гнили, а у этого помещика богатый урожай яблок.

Рассудительность и прозорливость совмещались в старце Амвросии с удивительной нежностью сердца, благодаря которой он умел облегчить самое тяжелое горе и утешить самую скорбную душу. Жительница Козельска спустя 3 года после смерти старца, в 1894 году, рассказывала: «У меня был сын, служил на телеграфе, разносил телеграммы. Батюшка знал и его, и меня. Сын часто носил ему телеграммы, а я ходила за благословением. Но вот сын мой заболел чахоткой и умер. Пришла я к нему – мы все к нему шли со своим горем. Он погладил меня по голове и говорит: «Оборвалась твоя телеграмма!» – «Оборвалась, – говорю, – батюшка!» – и заплакала. И так мне легко на душе стало от его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при нем, как при отце родном.. Всех он любил и обо всех заботился. Теперь уж нет таких старцев. А может быть, Бог и еще пошлет!»

С утра и до вечера к нему приходили с самыми жгучими вопросами, и всегда он разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. В продолжение 10–15 минут такой беседы решался не один вопрос, и за это время отец Амвросий принимал в свое сердце всего человека – с его привязанностями, желаниями. Митрополит Евлогий (Георгиевский), бывавший в Оптиной пустыни юношей, вспоминал о старце Амвросии: «К отцу Амвросию приходили за духовной помощью люди всех классов, профессий и состояний. Он нес в своем роде подвиг народнический. Знал народ и умел с ним беседовать. Не высокими поучениями, не прописями отвлеченной морали назидал и ободрял он людей – меткая загадка, притча, которая оставалась в памяти темой для размышления, шутка, крепкое народное словцо – вот были средства его воздействия на души. Выйдет, бывало, в белом подряснике с кожаным поясом, в шапочке – в мягкой камилавочке – все бросаются к нему. Тут и барыни, и монахи, и бабы. Подчас бабам приходилось стоять позади – где ж им в первые ряды пробиться! – а старец, бывало, прямо в толпу – и к ним, сквозь тесноту палочкой дорогу себе прокладывает... Поговорит, пошутит – смотришь, все оживятся, повеселеют. Всегда был веселый, всегда с

улыбкой. А то сядет на табуреточку у крыльца, выслушивает всевозможные просьбы, вопросы и недоумения. И с какими житейскими делами, даже пустяками к нему не приходили! Каких только ответов и советов ему не доводилось давать! Спрашивают его и о замужестве, и о детях, и можно ли после ранней обедни чай пить? И где в хате лучше печку поставить? Он участливо спросит: «А какая хата-то у тебя?» А потом скажет: «Ну, поставь печку там-то…»[560]

Мелочей для старца не существовало. Он знал, что все в жизни имеет свою цену, и потому не было вопроса, на который бы он не отвечал с участием и желанием добра. Однажды остановила старца женщина, которая была нанята помещицей ходить за индюшками, но индюшки у нее почему-то умирали. Хозяйка хотела ее рассчитать. «Батюшка! – обратилась она к нему со слезами, – сил моих нет; сама над ними недоедаю, – пуще глаз берегу, а колеют. Согнать меня барыня хочет. Пожалей меня, родимый». Присутствующие смеялись над ней. А старец с участием спросил ее, как она их кормит, и дал ей совет, как их содержать иначе, благословил и отпустил. Тем же, которые смеялись над ней, он заметил, что в этих индюшках вся ее жизнь. После сделалось известным, что индюшки у женщины уже не умирали.

Что касается исцелений, то им не было числа. Случаи исцеления старец всячески скрывал. Посылал больных в пустынь к преподобному Тихону Калужскому, где был источник. До старца Амвросия в этой пустыни не было слышно об исцелениях. Иногда отец Амвросий посылал больных к святителю Митрофану Воронежскому. Бывало, что исцелялись на пути и возвращались назад, чтобы поблагодарить старца. Иногда он, как бы в шутку, стукнет рукой по голове, и болезнь проходит. Однажды чтец, читавший молитвы, страдал сильной зубной болью. Вдруг старец ударил его. Присутствующие усмехнулись, думая, что чтец, верно, сделал ошибку в чтении. На деле же у него прекратилась зубная боль. Однажды старец Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, шел по дороге в скит. Вдруг видит: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней плачет крестьянин. Потеря лошади-

кормилицы в крестьянском быту ведь сущая беда! Приблизившись к павшей лошади, старец стал трижды медленно ее обходить. Потом, взяв хворостину, он стегнул лошадь, прикрикнув на нее: «Вставай, лентяйка!» – и лошадь послушно поднялась на ноги.

Одна монахиня, духовная дочь отца Амвросия, вспоминала: «В келье его горели лампадки и маленькая восковая свечка. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: «Батюшка, что сказать вам еще? В чем покаяться? Забыла». Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постели, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей келий. Я невольно на коленях повернулась за ним. Старец выпрямился во весь свой рост, поднял голову и воздел свои руки кверху, как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его голову и лицо. Помню, что потолка в келье как будто не было, он разошелся, а голова старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: «Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай». Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром нам подали лошадей, и мы уехали. При жизни старца я никому не смела рассказать этого. Он мне раз и навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозою: «А то лишишься моей помощи и благодати».

Со всех концов России стекались к хибарке старца бедные и богатые, интеллигенция и простолюдины. Его посещали известные общественные деятели и писатели: Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, М. Н. Погодин, Н. М. Страхов. И он принимал всех с одинаковой любовью и благорасположением. Благотворительность стала его потребностью, он раздавал милостыню и через келейника, и сам заботился о вдовах, сиротах, больных и страждущих. В последние годы жизни старца в 12 верстах от Оптиной, в деревне Шамордино, была устроена по его благословению

женская Казанская пустынь, в которую, в отличие от других женских монастырей того времени, принимали неимущих и больных женщин. К 90-м годам XIX века число инокинь в ней достигло 500 человек.

Именно в Шамордине суждено было старцу Амвросию встретить час своей кончины. 2 июня 1890 года он, по обыкновению, выехал туда на лето. В конце лета старец трижды пытался вернуться в Оптину, но не смог по причине нездоровья. Через год, 21 сентября 1891 года, болезнь усилилась: он потерял и слух, и голос. Будучи уже студентом Московской духовной академии, митрополит Евлогий (Георгиевский) еще раз побывал у старца незадолго до его смерти: «Он жил тогда в основанном им женском монастыре, в Шамордине, в 15 верстах от Оптиной пустыни. Я побывал у него в августе, а 18 октября он скончался. Старец был уже совсем больной. У него всегда была какая-то мучительная болезнь ног. Сидит, бывало, на кровати, принимает посетителей и все подбинтовывает больные ноги. А теперь он уже лежал в полном изнеможении. Я высказал ему все, что у меня лежало на сердце. Старец выслушал и промолвил помертвелыми губами: «Путь благословенный, путь благословенный…»[561]

Начались его предсмертные страдания – столь тяжкие, что подобных, как он признавался, во всю жизнь не испытывал. 8 октября иеромонах Иосиф его пособоровал, а на следующий день причастил. В этот же день к старцу в Шамордино приехал настоятель Оптиной пустыни архимандрит Исаакий. На следующий день, 10 октября 1891 года, в половине двенадцатого, старец, три раза вздохнув и с трудом перекрестившись, скончался. 14 октября тело старца под моросившим осенним дождем было перенесено в Оптину пустынь. Гроб несли на плечах, и он возвышался над огромной толпой людей, пришедших проводить старца в последний путь. Из попутных селений духовенство и народ присоединялись к процессии с иконами и хоругвями. Похоронная процессия скорее походила на перенесение мощей. Большие свечи, окружавшие гроб, не погасли в пути, несмотря на непогоду. За несколько лет до своей смерти старец Амвросий заказал икону

Богоматери, благословляющей жатву, и назвал ее – «Божия Матерь Спорительница хлебов». Он установил ей празднование 15 октября. Именно в этот день тело его было предано земле. Он был погребен близ монастырской оптинской церкви, рядом со своим наставником, старцем Макарием.

Жизнеописание святителя Иннокентия, митрополита Московского [562]

Будущий святитель Иннокентий родился 26 августа 1797 года в селе Ангинском Верхоленского уезда Иркутской губернии в семье пономаря Евсевия Попова. Отец много занимался с мальчиком, так что к шести годам он уже бойко читал и даже исполнял в храме обязанности чтеца. На седьмом году мальчик лишился отца и перешел под опеку родного дяди – диакона Димитрия Попова. Дядя взял его к себе в дом и дал ему возможность продолжить образование, отдав в Иркутскую семинарию. В семинарии Иоанн Попов сначала числился как Попов-Ангинский, чтобы как-то отличаться от других Поповых, а затем за личные достоинства ректор семинарии предложил ему именоваться Вениаминовым, в честь недавно почившего Иркутского святителя Вениамина. Уже в семинарии Иоанн отличался от сверстников: уклонялся от бесшабашных игр, а большую часть времени проводил за книгами. Свободное время отдавал занятиям механикой, начальные знания о которой получил от своего дяди, впоследствии иеродиакона крестовой Иркутской церкви.

Так продолжалось до 1817 года. Ректор семинарии рассчитывал направить способного ученика в академию, но неожиданно получил известие, что Иоанн Попов вступил в брак. Сам святитель позже так описывал это событие: «Ректор, архимандрит Павел, имел в виду послать меня в академию, как об этом высказывал мне после. Что же касается того, почему он не остановил моей женитьбы, на это причиною был весьма редкий и даже необыкновенный случай, именно: река Ангара, разделяющая город с семинариею от монастыря, в котором жил ректор, каждодневно приезжавший оттуда во все учебные дни, в этот год (1817) при вскрытии своем на многие дни прекратила всякое сообщение монастыря с городом… В это время мне пришла мысль жениться, и я подал просьбу без дозволения ректора получить вид на женитьбу. Не будь этого случая,

конечно, ректор не позволил бы мне подовать просьбу о женитьбе…»[563]

13 мая 1817 года Иоанн Вениаминов вступил в брак и был рукоположен в сан диакона в городскую иркутскую Благовещенскую церковь. В сане диакона отец Иоанн прослужил четыре года. 18 мая 1821 года он был рукоположен во иерея. Служа диаконом, отец Иоанн стал любимцем многих прихожан, а приняв сан священника, открыл при храме воскресную школу для детей обоего пола. В те времена это было неслыханным явлением. В начале 1823 года преосвященный Михаил получил указ Святейшего Синода послать на остров Уналашка священника к алеутам. Казалось, что на призыв епископа откликнутся многие, поскольку об алеутах в Иркутске ходили самые добрые слухи. Говорили, что они по образу жизни приближаются к первым христианам. Но добровольца не нашлось. Тогда отец Иоанн решил поехать к алеутам. Сам он вспоминал: «Слышал я о миссионерах, о дальних их путешествиях для просвещения язычников, но никогда на это дело не обращал особого внимания. Но вот получаю я, вместе с другими, от епархиального начальства письменное приглашение на миссионерское служение на Алеутские острова. Только прочитал я его – как будто бы что повернулось в моей груди, и я тут же объявил своим домашним: я еду»[564].

Однако решению отца Иоанна воспротивились домашние. Он был вынужден уступить слезам старухи матери, жены и других родных. А тем временем на письмо епископа так и не поступило ответа. Тогда епископ выбрал по жребию четырех диаконов и предложил им готовиться к рукоположению, а затем к поездке на Алеутские острова. Жребий выпал на соборного диакона Малинина, но тот заупрямился и наотрез отказался ехать. Тем временем отец Иоанн разговорился с одним из своих прихожан, выходцем из Америки Крюковым, который провел там 40 лет. Крюков рассказывал о доброте, усердии алеутов к Слову Божьему. Отец Иоанн после долгой душевной борьбы все-таки принял решение ехать на остров Уналашка. «…Ни советы знакомых, ни описания трудностей дальнего пути и ожидающих

меня лишений – ничто не доходило до моего сердца, только как будто огонь горел в моей душе»[565]. Епископ Михаил воспринял этот шаг отца Иоанна как жертвенный – ведь никто из Иркутской епархии не захотел поехать к алеутам, кроме него.

Около двух месяцев продолжались сборы, поскольку предстоял долгий путь сначала на верховых лошадях, затем речным путем. Чтобы достичь места, необходимо было преодолеть без малого две тысячи верст. Седьмого мая 1823 года отец Иоанн вместе с супругой, новорожденным сыном, матерью и братом отправились в путь, но лишь 20 июня 1824 года, более чем через 14 месяцев после выезда из Иркутска достигли острова Уналашка. Приход оказался немалым – более 60 небольших островов и около 2000 человек населения. На острове Уналашка проживало около 400 человек. На острове не было храма, стояла лишь полуразрушенная часовня. Будучи плотником и владея ремеслом каменщика, отец Иоанн начал обучать алеутов ремеслам. Через год среди его учеников появились и плотники, и каменщики, и даже кузнецы. Закупив необходимые строительные материалы, а на острове не было ни деревьев, ни кирпича, отец Иоанн взялся за постройку храма, и уже через год на острове высился храм во имя Вознесения Господня. Престол, иконостас и позолота – все это было сделано руками самого отца Иоанна.

Именно к этому времени относится описание нравов алеутов, сделанное отцом Иоанном: «Они очень охотно собираются на молитву везде, где отправляется богослужение, а особенно когда посещает их священник. При службах или на молитве стоят с благоговением и удивительною твердостью, ни при каком случае не озираясь назад или в стороны и не переступая с ноги на ногу... Все требуемые религиею обязанности они исполняют с полною охотою и точностью и очень многие с благоговейным страхом и смирением, так что во все мое пребывание там не было ни одного нерадивого. Я уже не говорю о том, что они строго соблюдают посты, когда следует, потому что им ничего не значит не есть два-три дня. Но ничто столько не утешало меня и не радовало, как их усердие, или, лучше сказать, жажда к слышанию слова Божия, которая

так велика, что утвердительно скажу, скорее утомится и ослабнет самый неутомимый проповедник, чем их внимание и усердие к слышанию проповеди…»[566]

Постоянно переезжая с острова на остров, отец Иоанн вскоре понял, как затруднена проповедь Евангелия, если проповедник не знает языка. Необходимо было подобрать такого переводчика, который бы не только добросовестно переводил, но и сам прилежал к евангельским заветам. И тогда он сам берется за изучение алеутского языка. Через несколько лет он в совершенстве изучает язык, несмотря на трудности с произношением. Теперь были устранены все преграды между проповедником и его паствой. Отец Иоанн часто беседовал не только со взрослыми, но много внимания уделял детям, обучая их не только начаткам христианства, но и просвещая их знаниями из истории, естественных наук, а главное, старался обучить их грамоте. Вскоре на острове, благодаря его стараниям, возникла небольшая школа. Он сам составил учебник, сам преподавал.

Вскоре отец Иоанн решил приступить к переводу на алеутский язык Священной истории, катехизиса и Нового Завета. Через семь лет после прибытия отец Иоанн перевел на алеутский язык катехизис, букварь с переводом важнейших молитв и Евангелие от Матфея. Священный Синод разрешил пользование этими переводами, но напечатали только катехизис. Евангелие и букварь отцу Иоанну пришлось переписывать самому от руки. Для алеутов он составил необходимое изложение духовного пути – «Указание пути в Царствие Небесное»[567]. В доступной форме он изложил все необходимые для христианина аскетические навыки. Это произведение, отличающееся простотой и прозрачностью изложения, не утратило своей актуальности и в наши дни. Когда отец Иоанн создавал это краткое руководство к духовной жизни, он исходил из того, что алеутам необходимо дать самые насущные начатки духовной жизни. Сегодня многие миллионы наших соотечественников также имеют очень туманное представление о христианстве и нуждаются в катехизации.

Во вступлении отец Иоанн сразу предуведомлял своих читателей: «В сем свете ничто, кроме Бога, не может наполнить нашего сердца или вполне удовлетворить наших желаний. Не потушить пожара хворостом или маслом, потому что только одна вода может потушить его; точно так не насытить желаний сердца человеческого благами мира сего, потому что только одна благодать Божия может утолить жажду желаний наших»[568]. В своем наставлении отец Иоанн подчеркивал прежде всего свободный выбор человека, свободу от фанатизма и принуждения: «Иисус Христос сказал: «Кто хочет идти за Мною…» Слова сии значат, что Иисус Христос никого не приневоливает и не принуждает идти за Ним. Он не хочет иметь Своими учениками невольников или не имеющих собственного желания, но хочет, чтобы человек сам, охотно и без всякого принуждения, предал всего себя Ему. И, следовательно, в Царство Небесное входят только те, которые сами желают войти»[569]. Отец Иоанн настойчиво призывал своих пасомых «испытывать основание христианства, то есть самые книги Священного Писания, на коих основана наша православная вера: узнать, откуда они произошли, кто и когда их написал, как они сохранились и перешли к нам и почему они называются Божественными и священными…»[570]

«Указание пути в Царствие Небесное» отличает широта кругозора, свободная от аскетической узости: «…человек, имеющий в себе Духа Святого, всегда найдет время и средство ко спасению своему, и среди мирского шума и при всех занятиях своих он умеет входить в самого себя, тогда как обыкновенному человеку кажется это невозможным даже в самом храме Божием»[571]. Основное зло отец Иоанн видел в отгороженности самого человека от действия Духа Святого: «Всякая верная душа исполнится Духом Святым, если она очищена от грехов и не загромождена, и не закрыта самолюбием и гордостью. Ибо Дух Святой окружает нас всегда и желает наполнить нас, но злые дела наши, окружающие нас подобно каменной и крепкой ограде, и, как злые стражи, не допускают Его до нас и удаляют Его от нас»[572].

Эти строки отца Иоанна удивительно перекликаются с теми словами о Духе Святом, которые преподобный Серафим Саровский произнес в беседе с помещиком Мотовиловым, но которые так долго оставались неизвестными христианам и были опубликованы только в начале нашего столетия: «Молитва, пост, .бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьего»[573].

Когда же ученик преподобного Серафима недоуменно стал спрашивать о проявлениях благодати Святого Духа, преподобный зримо явил ему эти благодатные дары: «…я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то держит вас руками за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко на несколько сажен кругом и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого старца...

Вот это Царство Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святого и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостию неизглаголанною... Вот, батюшка, ваше боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог. Вот что значит быть в полноте Духа Святого, про которую святой Макарий Египетский пишет: »…я сам был в полноте Духа Святого…» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь»[574].

Это же зримое дыхание Духа Святого исходило и от молодого миссионера. Именно поэтому пасомые с такою радостью принялись за изучение грамоты. Отец Иоанн вспоминал позже: «В последнее время, то есть когда появились переводы на их язык, умеющих читать было более чем шестая часть, и есть селения, где из мужчин более половины грамотных, а на одном острове (Святого Павла) почти все до одного умеют читать. Грамотность между алеутами распространяется не через училище, существующее у них с 1825 года, а более самостоятельным изучением»[575]. Но просвещение алеутов складывалось не столько от изучения основ грамотности. Нравственное просвещение шло рука об руку. Паства отца Иоанна была образцовой. Многие из пасомых ревностно выполняли церковные установления – не имея постной пищи, многие из его прихожан прибегали к строгому посту, не вкушая неделями вообще ничего. В храм старались приходить пораньше, во время богослужения молились сосредоточенно, на покаянии тщательно старались освободиться от малейших проявлений греховности. Некоторые прихожане стремились публично каяться, поскольку считали, что их грехи требуют публичного покаяния.

Отец Иоанн вспоминал одного из своих ревностных прихожан: «…некто Нил Захаров, уже умерший (живых нельзя представлять в пример), который почти всегда был часовым и, отправляя должность свою, почти каждую ночь, когда все затихнет, молился у церкви; и это он делал так скрытно, что обычай его только пред смертью открылся, и то нечаянным образом»[576]. Благодаря проповеди христианства стали искореняться самые распространенные пороки среди алеутов – курение табака и сластолюбие. Количество незаконнорожденных детей начало постепенно уменьшаться. Отец Иоанн вспоминал: «…во многих из тех, коими сильно овладевала чувственность, при помощи Дающего молящемуся, видны большие успехи в исправлении себя, а в некоторых даже совершенное исправление»[577].

После десятилетнего служения среди алеутов отец Иоанн был переведен на остров Ситха, близ Аляски. За это время у

них родилось шесть детей и еще один – на Ситхе. На острове проживали индейцы племени колоши. На западном берегу этого острова располагался порт Новоархангельск, а в порту – главное управление Российско-Американской компании. Поначалу деятельность отца Иоанна среди индейцев была затруднена рядом обстоятельств, причем определенные трудности были связаны с правлением компании. Много времени занимали и хлопоты об оставленных алеутах. В январе 1836 года на острове вспыхнула эпидемия оспы. За два месяца она унесла половину туземного населения. Индейцы поначалу не хотели общаться с православным миссионером. Но увидев, что никто из русских не погиб во время эпидемии, они стали обращаться к русским. Отец Иоанн немало способствовал проведению массовых прививок против оспы среди туземцев. Эпидемия была остановлена. Сердца туземцев обратились от шаманов к православному миссионеру. Отец Иоанн мог свободно входить в жилища индейцев, общаться с ними. Он знакомился с их обычаями, узнавал предания и привычки, постепенно овладевал их языком.

И лишь спустя три года после прибытия на остров отец Иоанн приступил к проповеди Евангелия. Под открытым небом, поскольку на острове не было еще храма, он совершил Божественную литургию. На службу собралось почти полторы тысячи человек. Во время литургии индейцы слушали священника как зачарованные. На их родном языке прозвучала проповедь, которая была выслушана с большим вниманием. Постепенно начал возрастать духовный авторитет отца Иоанна. Индейцы чаще обращались к нему за советом, нежели к шаманам. Проповедь Евангелия существенно меняла представления индейцев. Позже отец Иоанн вспоминал: «Тойон Куатхе, когда ему по вере и обычаям их надобно было убить двух колгов (рабов) своих для прислуги поминаемому покойнику на том свете, вместо того, чтобы убить их, отдал одного мальчика на воспитание русским, а другого для прислуги больному и бедному старику из колош с тем, чтобы по смерти старика он был свободен»[578].

Вожди племени более не препятствовали желающим принимать крещение. За три года миссионерской деятельности добровольно окрестилось двадцать человек. Однако на пути евангельской проповеди встретилось немало препятствий. Во-первых, служащие компании боялись индейцев, поэтому вход в крепость Новоархангельск был им ограничен. На сорок тысяч населения, которое входило в сферу влияния Русско-Американской компании, приходилось всего четыре священника. Если учесть, что население было разбросано на огромных пространствах, то деятельность миссионеров была крайне затруднена. Более того, священники получали от правления компании мизерное жалование. И, наконец, каждый священник состоял в непосредственном подчинении от иркутского епархиального управления, хотя оно находилось за тысячи верст. Отец Иоанн решил уведомить Священный Синод о проблемах и представить проект улучшения миссионерской деятельности в Америке, а также организовать сбор средств в пользу Американской Церкви. Но были дополнительные причины, побудившие священника отправиться в Петербург. Отец Иоанн хотел добиться разрешения на печатание на алеутском языке Священного Писания. Архиепископ Иркутский Нил[579], сам прослывший ревностным миссионером среди забайкальских бурятов, благословил отца Иоанна на этот подвиг.

8 ноября 1838 года отец Иоанн отправился в кругосветное путешествие с семилетней дочерью Феклой, отправив супругу с четырьмя детьми в Иркутск, где учились старшие дети, заручившись поддержкой архиепископа Нила и рекомендательными письмами. Спустя семь с половиной месяцев он достиг Петербурга. Сверх ожидания его встретил весьма благодушно Петербургский митрополит Серафим. Отец Иоанн представил Синоду доклад «Обозрение Православной Церкви в Российских поселениях в Америке, со своим мнением об улучшении состояния оной». Представители Синода обещали оказать ему необходимую поддержку, но не ранее осени. Отец Иоанн решил не терять времени даром и поехал в Москву, чтобы организовать сбор средств, необходимых для

постройки храмов. В Москве его сочувственно принял митрополит Московский Филарет (Дроздов). Он предоставил отцу Иоанну квартиру у себя, часто приглашал его сослужить с собою, потчевал чаем и подолгу беседовал с ним. Радушно встречали миссионера и москвичи – Шереметевы, Свербеевы, Чаадаевы. Всем хотелось послушать отца Иоанна и помочь ему. К осени 1839 года, когда он был вызван в Петербург письмом обер-прокурора Синода Н. А. Пратасова, отец Иоанн успел собрать немало средств, церковной утвари, необходимых облачений.

По словам путешественника Э. Белчера, который встречался с отцом Иоанном в Петербурге, «он был огромным человеком атлетического сложения, росту в нем было около шести футов трех дюймов, обут в сапоги, настоящий Геркулес, и притом очень умен».

Проблемы Американской Церкви решались не скоро. Окончательное решение Синод вынес лишь в апреле 1840 года. Разрешалось напечатать переводы отца Иоанна на алеутском языке, причем рекомендовалось его сочинение «Указание пути в Царствие Небесное» опубликовать и на славянском, и на русском языках. Были частично приняты и предложения по организации Американской Церкви. Отец Иоанн отправился в обратный путь, но в Москве его настигло известие о смерти жены. Митрополит Филарет предложил ему принять монашество. Но отец Иоанн решил сначала устроить судьбу детей. Когда же ему удалось определить дочерей в Петербургский институт благородных девиц, а сыновей – в Петербургскую духовную семинарию, он принял монашеский постриг. Постригал его митрополит Филарет и дал ему имя – Иннокентий, в честь святителя Иннокентия Иркутского. В день пострижения Синод принял решение об образовании новой епархии – Камчатской, которой должны подчиняться Охотские и Американские приходы. На вновь открытую епископскую кафедру были представлены три кандидата. Предпочтение было отдано архимандриту Иннокентию Вениаминову. 15 декабря 1840 года было совершено посвящение архимандрита Иннокентия во епископа Камчатского, Курильского и Алеутского,

а 10 января 1841 года епископ Иннокентий отправился к месту своего служения.

Поначалу его епископская деятельность сосредоточилась на острове Кадьяке. Сюда он прибыл в марте 1842 года. Не будем забывать, как длились тогда путешествия и с какими опасностями они были сопряжены. Святитель знал, что положение дел на острове оставляет желать лучшего, но за время его отсутствия, благодаря стараниям священника Петра Литвинцева, паства заметно изменилась. С приездом епископа положение начало меняться в лучшую сторону. Во-первых, многие шаманы приняли христианство, а за ними пошли и туземцы. Храм, некогда пустовавший, теперь бывал переполнен и не вмещал всех желавших посетить богослужения. Святитель расширил храм, а затем предложил жителям построить в каждом селении небольшие часовни. К каждой часовне назначался грамотный и благочестивый прихожанин, который в праздничные дни читал последования некоторых треб, а в случае долгого отсутствия священника мог бы окрестить младенцев. В главном селении, где находился храм, святитель обязал священников в праздничные дни до обедни проводить с детьми от пяти лет беседы, уча их начаткам христианства.

Но основная забота святителя заключалась в том, чтобы перевести на кадьякское наречие Священное Писание. Для этой цели он избрал студента Иркутской семинарии Илью Тыжкова и командировал его на остров Кадьяк. К 1846 году Тыжков подготовил к печати перевод Краткого катехизиса и Евангелия от Матфея. После этого святитель Иннокентий направил Тыжкова в Петербург, чтобы он получил разрешение на печатание своих трудов от Священного Синода. Он это поручение выполнил с честью, и в 1849 году кадьякцы уже имели напечатанный катехизис и Евангелие от Матфея.

Не забывал святитель и свою паству на острове колошей Ситха. Сюда он направил миссионера иеромонаха Мисаила (Озерова), который довершил труды святителя и подготовил колошей к крещению. К Пасхе 1843 года крестилось более ста колошей, а к 1845 году число крещеных достигло двухсот. В Новоархангельске святитель открыл семинарию. Управление

семинарией он взял на себя. Епископ Иннокентий решил выстроить для колошей храм, и уже 24 апреля 1849 года храм был освящен. К этому времени святитель перевел на колошское наречие воскресные Евангелия, некоторые чтения из Апостола, многие молитвы. Богослужение в храме совершалось на колошском наречии. Позже один из питомцев новоархангельской семинарии, Иван Надеждин, занялся переводом на колошское наречие книг Священного Писания. К 1855 году он перевел Евангелие от Матфея и чинопоследование литургии. Заботился святитель и о курильской пастве, которая, несмотря на то что была крещена священниками Русско-Американской компании, до 1840 года не имела своего храма. С 1842 года он стал регулярно посылать на Курилы пастыря. В 1850 году иеромонаху Сергию удалось завершить дело крещения курильских жителей.

Святитель Иннокентий писал митрополиту Филарету: «Всеблагий Господь во утешение курильцев, а паче во утверждение веры всего малейшего стада Своего, благоволил им явить видимое знамение силы креста и благословения Церкви. На том острове, где зимовал иеромонах, нет речки и водою обыкновенно пользуются из находящегося там озера. И в этом озере столько разных букашек и насекомых, что воду из него нельзя было употреблять иначе, как процеживая ее. Так было до 6 января 1851 года. В этот день было совершено в нем освящение воды по чиноположению. И с того самого часа в озере вдруг не стало ни одного насекомого»[580]. Святитель устроил для курильцев полотняную походную церковь, разрешив в период ветров совершать богослужение в более устойчивых юртах. Уровень нравственности среди населения постоянно возрастал.

Не забывал святитель и своего уналашкинского прихода. На американском материке он учредил первую миссию – на реке Нушегаке. Служа еще на острове Уналашка, он побывал на материке и крестил тринадцать человек туземцев. Впервые православный миссионер, иеромонах Ювеналий, прибыл сюда в 1796 году. Он окрестил первых чугачей и кенайцев, хотел благовествовать на берегу Берингова моря, но мученическая

смерть прервала его труды. Первые русские поселенцы начали селиться здесь после многолетнего перерыва с 1820 года. Русский поселенец Федор Калмыков крестил около десяти человек. Когда святитель навестил эти места, к церкви захотели присоединиться человек семьдесят, уже крещенные Калмыковым. Святитель через миропомазание присоединил их к Православной Церкви. Позже, когда дочь святителя вышла замуж за Илью Петелина, он рукоположил его во священника и отправил в Нушегак. Отец Илья устроил школу для мальчиков, выстроил обширный храм, и через два года численность его паствы уже достигала тысячи человек.

Учреждая миссию на берегу американского материка, святитель считал, что будущее принадлежит ей, а не островным миссиям. Поэтому он стремился подбирать благочестивых пастырей, назначая их на материк. Если приходы были малочисленными и бедными, он старался направлять в них или своих родственников, или сыновей. Так, его зять, священник Илья Петелин, служил в Нушегаке, довольно бедном приходе. Устроив в Новоархангельске семинарию, он вскоре открыл приют для сирот. Святитель создал специальный фонд для поддержания миссионерской деятельности в Америке. Первоначальный капитал составлял 30 тысяч рублей, но в шестидесятые годы он удвоился. К 1850 году в Североамериканской и Алеутской епархии насчитывалось девять церквей, 37 молитвенных домов, около 15 тысяч верующих. В 1850 году, когда святитель Иннокентий был возведен в сан архиепископа, он решил перенести свою кафедру на азиатский материк. Этого требовало и то обстоятельство, что к его епархии была присоединена Якутская область и численность паствы возросла до 200 тысяч человек. В 1858 году кафедра была перенесена в город Благовещенск-на-Амуре. Для того чтобы более успешно управлять расширившейся епархией, святитель испросил у Синода разрешения поставить викарного епископа. В 1857 году был прислан ректор Иркутской семинарии, архимандрит Петр Екатериновский, воспитанник Оптиной пустыни.

Святитель Иннокентий принимал участие в епископской хиротонии архимандрита Петра и сказал ему: «Но я должен сказать, к духовному утешению твоему... что не многим из собратий наших достается такой счастливый' жребий служения, как тебе, ибо не много ныне таких мест, где можно было бы найти столь послушных, кротких, простых и внимательных к Слову Божию чад Церкви, как в тех местах, куда идешь ты. По собственному опыту моему могу сказать, без всякого преувеличения, что скорее утомится самый неутомимый и ревностный проповедник Слова Божия, чем утомится ревность и внимание их всех, от мала до велика. А что они слушают не напрасно и не из любопытства только, – ясным доказательством может служить то, что из верующих туземцев никогда не бывало, можно сказать, ни одного не радящего о исполнении долга очищения совести; и в течение нескольких десятков лет сряду не бывало между ними не только ни малейшего преступления гражданского, но едва ли кто слыхал и о мелкой ссоре между ними. Это я говорю о туземцах и особенно островитянах, просвещенных светом Евангелия: но и сидящие во тьме язычества обитатели глубокого севера Америки... охотно и внимательно слушают Евангельскую проповедь»[581].

С учреждением викариатства архиепископ Иннокентий всецело посвятил себя делам устроения якутской и американской епархий. В 1867 году Главное управление Российско-Американской компании уведомило святителя о том, что Аляска продана Соединенным Штатам Америки и что она прекращает там свои дела. Святитель Иннокентий приложил немало усилий, чтобы духовенство Аляски не осталось без содержания, но его усилия не увенчались успехом, и через два года русские православные миссии пришли в упадок. Уже в 1870 году, будучи митрополитом Московским, святитель Иннокентий добился своего – Святейший Синод открыл в бывших русских владениях в Америке самостоятельную Аляскинскую и Алеутскую епархию с кафедрой в Сан-Франциско. Немало потрудился святитель Иннокентий и в Камчатской епархии. Вспоминая свои объезды епархии, святитель в письме к А. Н. Муравьеву писал: «Повозочку, в

которой я ехал, очень можно назвать гробом, только вместо холста или миткалю внутри она обита медвежиной… Очень часто случалось ехать по таким узким и глубоким дорогам, пробитым в снегах, что дорога представлялась длинною могилой. Гроб и могила были готовы, оставалось закрыть глаза, сложить руки и быть зарыту»[582]. На таких повозочках святителю пришлось объехать весь камчатский край – четыре месяца длилось это пастырское путешествие. Он преодолел пять тысяч верст, более двадцати пяти суток находился под открытым небом, но посетил все храмы, лично убедившись, что состояние епархии весьма благополучно.

Святитель понял и то, что местное духовенство бедствует. Поэтому он открыл в Охотске отделение Камчатского попечительства. Неоднократно обращался в Святейший Синод с просьбами увеличить суммы на содержание камчатского духовенства, но состояние дел Охотской паствы требовало его безотлагательного участия. Жителей епархии, тунгусов, святитель застал почти в первобытном состоянии. Только незначительная часть была крещена, а остальные народности – олюторцы, коряки и чукчи – даже не видели благовестника. После открытия Камчатской епархии святитель Иннокентий посетил все кочевья олюторцев. Почти в каждом селении он поучал тех, которые были крещены, часто совершая богослужение под открытым небом. Главным препятствием для принятия крещения среди олюторцев было влияние шаманов, особенно одного тойона. Святитель призвал тойона и долго беседовал с ним о сущности христианства. В конце беседы тойон дал слово святителю, что не будет препятствовать принятию крещения тем олюторцам, которые захотят принять его. Более того, обещал помочь выстроить часовню.

Не лучшее положение дел наблюдал святитель и среди коряков. Русские, особенно казаки, смотрели на них как на дикарей, и поэтому священники старались обходить их стороной. Святитель Иннокентий отправился к корякам без сопровождения охраны. Он встречался с тойонами, беседовал с ними и убедился, что коряки еще не готовы к принятию христианства, хотя тойоны обещали святителю не чинить

препятствий тем из туземцев, которые захотят принять крещение. Когда в 1851 году смягчились враждебные отношения между коряками и русским населением, святитель направил к ним опытного миссионера, дранкинского священника Льва Попова. Подобное же положение наблюдалось среди чукчей, которые до 1839 года не слышали евангельского слова. Но уже в середине сороковых годов миссионер, священник Роман Верещагин, проповедовал и крестил среди чукчей. Среди них он организовал регулярные богослужения, а также преподавание закона Божьего.

Ревностно принялся святитель за дело просвещения тунгусов. Несмотря на то что тунгусы услышали Слово Божие еще в середине XVIII столетия, к моменту образования Камчатской епархии они все еще были предоставлены самим себе. Святитель решил начать постройки часовен по всем тунгусским селениям. Он обязал всех приходских священников как можно чаще посещать тунгусские кочевья, совершать литургию под открытым небом и поучать народ закону Божьему. Более того, святитель решил утвердить проповедь Евангелия на родном тунгусском языке. Для этой цели он поручил священникам заняться приготовлением для каждого селения проповедника, а достойным псаломщикам изучить тунгусский язык. Благодаря его усилиям духовные и светские лица перевели на тунгусский язык Евангелие и составили тунгусско-русский словарь объемом в несколько тысяч слов.

В ноябре 1851 года святитель Иннокентий обратился в Святейший Синод с прошением о перемещении епископской кафедры в город Якутск. На следующий год решением Синода Якутская область была отчислена к Камчатской епархии, а город Якутск сделан резиденцией Камчатского епископа. И здесь, ознакомившись с состоянием дел среди якутов, святитель ревностно принялся за переводы на якутский язык Священного Писания. Охотский протоиерей Евсевий Протопопов перевел на якутский язык катехизис, Евангелие от Матфея, Деяния апостолов и послание апостола Павла к Римлянам. Также святитель начал по стройки часовен среди якутов, учитывая их кочевой образ жизни. Известный русский писатель И. А.

Гончаров, который возвращался в 1854 году из кругосветного путешествия, навестил в Якутске святителя Иннокентия. Вот как он описывал свой впечатления: «Я случайно был в Комитете, который собирается в тишине архипастырской кельи, занимаясь переводом Евангелия. Все духовные лица здесь знают якутский язык. Перевод вчерне уже окончен. Когда я был в Комитете, там занимались окончательным пересмотром Евангелия от Матфея. Сличались греческий, славянский и русский тексты с переводом на якутский язык. Каждое слово и выражение строго взвешивалось и проверялось всеми членами»[583].

В 1857 году Комитет завершил свои труды. Были переведены почти все книги Нового Завета, кроме Апокалипсиса, из Ветхого Завета – книга Бытия и Псалтырь, часть богослужебной литературы. А к лету 1859 года, благодаря личным хлопотам святителя, были изданы все переводы. 19 июля этого же года впервые совершалось богослужение на якутском языке. Якутов это событие настолько растрогало, что через своего старейшину они обратились к святителю с просьбой сделать этот день праздником, поскольку они впервые услышали Евангелие на своем родном языке.

В конце пятидесятых годов святитель начал хлопоты о перенесении епископской кафедры в город Благовещенск. Тогда же начались труды по просвещению туземцев, населявших берега Амура. Миссию среди гиляков святитель учредил еще в 1852 году и направил туда своего сына, священника Гавриила Вениаминова. В начале шестидесятых годов христианство начало распространяться среди корейцев, которых было немало среди населения Амура. Переселясь в Благовещенск, святитель сам объехал все епархии, совершая литургию, постоянно встречаясь и беседуя с паствой. Современник вспоминал эти совместные путешествия: «…преосвященный Иннокентий был искусным кормчим и на воде: сам лично распоряжался во время плавания ходом своей лодки, управлял рулем и парусом. Много было во время наших плаваний и опасного, и страшного, и курьезного; особенно, когда кораблец влекло туда, куда не следовало, и наш опытный кормчий, стоя на корме, убеленный сединою, все силы ума употреблял, чтобы не потонуть в

пучинах водных или как бы стащиться с мели слабою силою своей свиты»[584].

В 1867 году святитель предпринял еще одно путешествие по епархии, проповедуя не только туземцам, но даже монголам и китайцам. Он посетил самые дальние порты. Видя, что увеличивается число переселенцев из России, пришел к выводу, что необходимо строить новые храмы. Но многим планам святителя не суждено было сбыться. Его мучила болезнь глаз. Он начал думать о покое. Митрополит Филарет писал ему: «Вы желаете иметь покой в Москве; паче всех нас заслужили Вы, чтобы Ваш покой, когда он будет Вам нужен, устроен был согласно с Вашим желанием… Но… Вы не то, что мы, которые зиждем на преждеположенном основании. Вы по-апостольски полагали основание Церквам. Вы дали бы им новое утверждение, если бы в основание их положили и Ваши, от многоподвижнической жизни, останки… Господь Света да сохранит свет очей Ваших, но и при оскудении сего видимого света, Он может светить через Вас не менее не только словом назидания, но и делом управления…»[585]

После смерти митрополита Филарета эстафета доставила святителю 28 января 1868 года известие, что он назначен митрополитом Московским и Коломенским. 25 мая Москва встречала своего архипастыря. Святителю к этому времени было уже семьдесят лет. Несмотря на возраст и болезни, он продолжал трудиться столь же ревностно, как и в далекой Америке. Благодаря его усилиям, в Троице-Сергиевой лавре начался выпуск «Троицких листков». Благодаря ему в Москве в 1870 году было организовано Православное Миссионерское общество. Он писал: «Господу угодно, чтобы и здесь, в центре России, в летах преклонных, я не оставался чуждым миссионерской деятельности, которой по воле Промысла Божия в отдаленных окраинах отечества посвящена была вся жизнь моя с ранней молодости»[586].

Более десяти лет потрудился святитель на Московской кафедре. В марте 1879 года он почувствовал себя плохо. Накануне Пасхи, причастившись в Великий четверг Святых Даров, святитель опочил в Великую субботу. Он был погребен в

Троице-Сергиевой лавре, близ митрополита Московского Филарета, которого чтил и с которым находился долгие годы в тесной дружбе. Спустя столетие со дня его смерти состоялась канонизация святителя.

Жизнеописание святого Иоанна Кронштадтского [587]

Родился Иоанн 18 октября 1829 года старого стиля, в день памяти великого болгарского святого преподобного Иоанна Рыльского[588], в честь которого он и наречен. «Новорожденный был до того слаб и хил, что родители не надеялись, что мальчик проживет даже до следующего дня, почему в ночь рождения поспешили его окрестить»[589].

Иван Ильич Сергиев, впоследствии прославившийся во всем православном мире протоиерей Иоанн Кронштадтский, родился в селе Суре Пинежского уезда Архангельской губернии. Село расположено при слиянии рек Суры и Пинеги, правого притока Северной Двины, в 500 примерно верстах от Белого моря. Невдалеке от села большие холмы, белые алебастровые скалы с пещерами, леса, луга... В лесу много зверей и птиц... Во всем этом мощь, сила. Зато самое село и все вообще созданное там руками человека скудно, бедно: скромные деревянные домики, две древние деревянные, давно покосившиеся церкви – Введенская и Никольская, в которых даже сосуды были оловянные, и, наконец, самый дом, где родился отец Иоанн, – не избушка, а, скорее всего, ветхая лачуга.

Отец Ивана – Илья Михайлович Сергиев был псаломщиком местной сельской церкви и не очень грамотным человеком, а мать Феодора Васильевна еще менее сильная в грамоте женщина. Об отце сведений дошло мало, но известно, что дед отца Иоанна был священником, так же, как и большинство предков в роду отца, и это в течение, по крайней мере, 350 лет. Среди скудости сельской жизни и быта единственным местом, где для мальчика открывалась сила человеческого делания, был Храм. В нем находил он и слова, и звуки, и краски – словом, все основное, в чем может выразиться человеческий дух. Отец постоянно брал сына на богослужения, а дома рассказывал ему иногда что-либо о Христе и о святых...

«С самого раннего детства, как только я помню себя, – пишет отец Иоанн в автобиографии, – лет четырех или пяти, а может быть, и менее, родители приучили меня к молитве и своим религиозным примером сделали из меня религиозно настроенного мальчика». Кроме того, с тех пор как он начал свободно читать, стал он находить постоянную опору и в Евангелии.

«Знаешь ли, – сказал однажды отец Иоанн игумений Таисии, – что прежде всего положило начало моему обращению к Богу и еще в детстве согрело мое сердце любовию к Нему? Это – святое Евангелие. У родителя моего было Евангелие на славяно-русском языке, любил я читать эту чудную книгу, когда приезжал домой на вакационное время; и слог ее, и простота речи были доступны моему детскому разумению; читал и услаждался ею и находил в этом чтении высокое и незаменимое училище. Могу сказать, что Евангелие было спутником моего детства, моим наставником, руководителем и утешителем, с которым я сроднился с ранних лет».

«На шестом году, – пишет он в автобиографии, – отец купил для меня букварь, и мать стала преподавать мне азбуку; но грамота давалась мне туго, что было причиной немалой моей скорби… В то время грамота преподавалась не так, как теперь; нас всех учили аз, буки, веди и т. д., как будто «а» само по себе, а «аз» – само по себе. Долго не давалась мне эта мудрость; но будучи приучен… к молитве, скорбя о неуспехах своего учения, я горячо молился Богу, чтобы Он дал мне разум; и я помню, как вдруг спала точно пелена с моего ума, и я стал хорошо понимать учение». На десятом году жизни в 1839 году мальчика отдали в архангельское приходское училище, где учение на первых порах шло крайне туго. «Отец получал, конечно, самое маленькое жалование, – продолжает отец Иоанн, – так что жить, должно быть, приходилось страшно трудно. Я уже понимал тягостное положение своих родителей, и поэтому моя непонятливость к учению была действительно несчастием. О значении учения для моего будущего я думал мало и печаловался особенно о том, что отец напрасно тратит на мое содержание свои последние средства. Оставшись в

Архангельске совершенно один, я лишился своих руководителей и должен был до всего доходить сам. Среди сверстников по классу я не находил, да и не искал себе поддержки или помощи; они все были способнее меня, и я был последним учеником. Вот тут-то и обратился я за помощью к Вседержителю, и во мне произошла перемена... Я упал на колени и стал горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно завеса спала с глаз; как будто раскрылся ум в голове, и мне ясно представился учитель того дня, его урок, и я вспомнил, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда я не спал так спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и, о счастье! – читаю гораздо легче, понимаю все... В классе мне сиделось уже не так, как раньше, все понимаю, все остается в памяти... В короткое время подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал и в конце курса одним из первых был переведен в семинарию, в которой окончил курс первым учеником в 1851 году и был послан в Петербургскую Академию на казенный счет».

Сперва архангельское приходское училище, а потом семинария. Нелегко было в те времена, без железных дорог, добираться из Суры в Архангельск и обратно, и нельзя сомневаться в том, что эти поездки по малообитаемому северному краю не оставили в душе мальчика сильного впечатления... Летом же, отправляясь домой на каникулы, мальчик не раз совершал этот путь в значительной мере пешком… целые сотни верст пешком. Сапоги, из экономии, чтобы не стоптались, то на руках, то за плечами, а вокруг все леса, горы, безлюдье…

При великой бедности как приходской школы, так и большинства ее учеников, для того, чтобы было на чем писать, дети ходили собирать бумаги по присутственным местам. И это вновь и вновь понуждало маленького Ивана думать о бедности его родителей, о чем очень скорбела его душа. О пребывании отца Иоанна Кронштадтского в семинарии в его жизнеописании сведений очень мало. Известно, что он учился там очень

хорошо, кончил семинарию первым и одно время был там старшиной над архиерейскими певчими и что общение с этой «самой распущенной и пьяной частью бурсы, – по словам биографа отца Иоанна, иеромонаха Михаила, – чуть не сгубило его самого». Вероятно, это было не единственным искушением. Нравы в тогдашних семинариях-бурсах, судя по многим дошедшим до нас данным (вспомним хотя бы Помяловского), были не всегда идеальными, а в русской провинции вообще в 40-х годах прошлого века, вероятно, еще водились многие гоголевские «герои».

В Санкт-Петербургскую духовную академию Иван Сергиев поступил в 1851 году. В том же году, на 48-м году жизни, скончался его отец, и потому мать и сестры остались на попечении молодого студента. Управление академии, идя навстречу его нужде и зная его прекрасный каллиграфический почерк, предложило ему занять должность писаря в академической канцелярии за 9 рублей в месяц. Отец Иоанн с благодарностью принял это место и свой скудный заработок стал посылать родным.

Студент Иван Сергиев очень любил бывать в академическом саду и там молиться. Привычка совершать молитвенное правило под открытым небом была присуща ему всю жизнь. Вступал он и с товарищами в беседы на высокие темы, но как будто особых, настоящих друзей у него не было, он оставался замкнутым и молчаливым. Одной из тем его разговоров с товарищами на старших курсах была очень привлекавшая его мечта стать миссионером в дальних странах. Более всего думал он о Китае.

Пережил он также в академии на 4-м курсе какой-то духовный кризис, который выражался в приступах очень тяжелой, как будто беспричинной тоски, с которой он более всего боролся молитвой. Понемногу приступы эти прошли. Сам он с благодарностью говорит о приобретенных в академии знаниях: «При слабых физических силах я прошел 3 школы – низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю. Высшая духовная школа имела на меня особенно благотворное влияние.

Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уясняли и расширяли мое миросозерцание, и я, Божией благодатью, стал входить в глубину богословского созерцания. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Иоанна Златоустого, Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец».

Отец Иоанн Кронштадтский окончил академию в 1855 году кандидатом Богословия, 35-м из 39 человек. Это был двадцать первый академический выпуск. Отец Иоанн

Кронштадтский навсегда остался другом академии, в которой учился, и не раз навещал ее.

На последнем курсе академии Иван Сергиев отказался от своей мечты стать православным миссионером среди язычников. Он понял, что в христианском просвещении сильно нуждается и его собственный родной народ. Решение жить и трудиться в России созрело у него окончательно, когда ему было предложено занять место священника при Кронштадтском кафедральном соборе имени св. апостола Андрея Первозванного. Ключарь собора протоиерей Константин Несвицкий по старости должен был уйти на покой, и, по обычаю того времени, наиболее желанным заместителем ему мог бы явиться человек, согласившийся жениться на его дочери. Иван Сергиев согласился на такое предложение и женился на дочери престарелого протоиерея Елизавете Константиновне.

Принять это назначение окончательно побудило его то, что он видел во всем, происходившем с ним, явную волю Божию. Однажды в академии, а по другим сведениям и дважды, в первый раз еще в семинарии, он видел отчетливо во сне большой собор, в алтарь которого он вошел северными и вышел южными дверями. Посетив впервые кронштадтский Андреевский собор, Иван Сергиев сразу узнал в нем храм, виденный им во сне. Он понял тогда, что Сам Господь предуказал ему место служения.

11 ноября 1855 года состоялось его рукоположение в дьяконы, а 12 числа того же месяца – в иереи. Рукоположен он был в Санкт-Петербурге епископом Винницким Христофором в Петропавловском соборе крепости того же наименования. В первой же своей проповеди, произнесенной им в кронштадтском Андреевском соборе при вступлении в должность, отец Иоанн говорил: «Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей, чувствую свою немощь и недостоинство к прохождению высочайшего на земле служения священнического... но знаю, что может сделать меня более или менее достойным сана священника, – это любовь ко Христу и ко всем. Любовь – великая сила; она и немощного делает сильным и малого великим. Таково свойство любви чистой, Евангельской. Да даст и мне любвеобильный во всем Господь искру этой любви, да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым…»

«С первых же дней своего высокого служения Церкви, – пишет он, – я поставил себе за правило: сколько возможно искреннее относиться к своему делу, к пастырству и священнослужению, строго следить за собою, за своею внутренней жизнью. С этой целью я прежде всего принялся за чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, извлекая из него назидательное для себя, как человека, священника и члена общества. Потом я стал вести дневник, в котором записывал свою борьбу с помыслами и страстями, свои покаянные чувства, свои тайные молитвы ко Господу, свои благодарные чувства о избавлении от искушений, скорбей и напастей. В каждый воскресный и праздничный день я произносил в Церкви слова и беседы или собственного сочинения, или проповеди митрополита Григория... Кроме проповедничества с самого начала возымел попечение о бедных, как и сам бывший бедняк, и провел мысль об устройстве в Кронштадте Дома трудолюбия для бедных, который и помог Господь устроить».

Вскоре «к прежним средствам своего духовного укрепления прибавилось еще одно – самое могущественное, – отец Иоанн

поставил себе в неукоснительную обязанность ежедневно совершать Божественную литургию»[590].

Впрочем, необходимость ежедневного совершения литургии открылась для него не сразу, и не сразу смог он осуществить это намерение. «Первые годы я не каждый день совершал литургию, – пишет сам отец Иоанн Кронштадтский, – и потому часто расслабевал духовно… потом стал ежедневно причащаться».

Кронштадт того времени, расположенный на острове Котлине в Финском заливе, был не только ключевою военно-морской крепостью, защищавшей вход в северную столицу, и не только одной из стоянок и баз Российского военного флота, но почему-то и местом административной ссылки нищих, бродяг и разного рода провинившихся и порочных людей, преимущественно мещан. В Кронштадте скопилось их великое множество. Ютились эти люди, которых нередко называли посадскими, больше всего чрезвычайно скученно, по окраинам города, в самых скверных лачугах, а частично в землянках.

Так это или не так, но отец Иоанн Кронштадтский начал сближение с этой средой – преимущественно через детей. Дети всегда были особенно любимы им, вероятно, потому, что, если они и небезгрешны, все же Образ Божий просвечивает в них сильнее, чем в большинстве взрослых людей. Достаточно отметить хотя бы светлую детскую доверчивость и незлопамятность.

Не в связи ли с этой любовью к детям основное место в богословских размышлениях отца Иоанна Кронштадтского принадлежит учению об Образе Божием в человеке? Нижеследующий отрывок из одной проповеди отца

Иоанна Кронштадтского подтверждает такое предположение:

«Теперь мы видим только некоторые остатки… в людях прежнего благолепия Образа Божия… особенно можем видеть это благолепие в младенцах и благовоспитанных детях и более всего – в святых угодниках Божиих». Во многих жизнеописаниях отца Иоанна Кронштадтского сохранился передаваемый здесь

сокращенно и в общих чертах нижеследующий, очень характерный рассказ одного ремесленника:

«Прихожу раз не очень пьяный… Вижу, какой-то молодой батюшка сидит и на руках сынишку держит и что-то ему ласково говорит… Я было ругаться хотел: вот, мол, шляются. Да глаза батюшки ласковые и серьезные… меня остановили. Стыдно стало… Опустил я глаза, а он смотрит, прямо в душу смотрит… Начал говорить. Не сумею я передать все, что он говорил. Говорил про то, что у меня в каморке рай, потому что, где дети, там всегда тепло и хорошо, и о том, что не нужно этот рай менять на чад кабацкий. Не винил он меня, нет, все оправдывал, только мне было не до оправдания… Ушел он, я сижу и молчу… не плачу… хотя на душе так, как перед слезами… Жена смотрит. И вот с тех пор я человеком стал».

Но отец Иоанн не ограничивал свою материальную поддержку бедным людям простыми денежными пожертвованиями, а нередко лично покупал им то, в чем они нуждались вплоть до продуктов питания для очередного обеда больным беднякам, не имевшим никого, кто бы мог принести им эти продукты. Приводил он к ним и врачей, и сам ходил для них в аптеку. Все это казалось уже достаточно необычным (эксцентричным), а когда иной раз за отцом Иоанном следовали толпы бедняков, это стало вызывать возмущение. Но досаждал отец Иоанн многим и особенно властям и высокопоставленным людям своими хлопотами за различных несчастных людей.

Несмотря на насмешки, отец Иоанн шел своим путем, и, когда ему сообщали, что его почитают за юродивого, он говорил: «Ну что же, пусть юродивый». Жене же своей, которая не сразу поняла его путь, он говорил: «Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно… А мы с тобой посвятим себя на служение Богу».

Читая воззвания, с которыми он обратился к жителям Кронштадта, ясно видишь, что он думал о тех и других как и о целом Христианском Обществе. Воззвания были напечатаны в 1872 г. в газете «Кронштадтский вестник». Вот некоторые существенные места первого воззвания: «Кому не известны рои кронштадтских нищих – мещан, женщин и детей разного

возраста? Причин Кронштадтской нищеты и бедности множество, вот главные: бедность от рождения, бедность от сиротства, от разных бедственных случаев, например, от пожара, от кражи, от неспособности к труду по старости, болезни и маловозрастности, бедность от потери места, лености, от пристрастия к хмельным напиткам и в наибольшей части случаев от недостатка средств, с которыми бы можно было взяться за труд: порядочной одежды, обуви, инструмента или орудия». К этому надо отнести еще особые причины скопления нищих в Кронштадте.

Как видно, отец Иоанн разбирается здесь во всех частных и общественных причинах бедности, но особенное значение придает последним, то есть социальным. Для лечения их требовались и меры более социальные, более широкого размаха. Далее в своем воззвании отец Иоанн предлагал на деле убедиться в ужасающих условиях жизни кронштадтской нищеты и несколькими штрихами описывает их:

«А угодно ли кронштадтской публике видеть непривлекательную картину бедности наших нищих? Не гнушайтесь, это члены наши, ведь это братия наши. Вот эта картина: представьте себе сырые, далеко ушедшие в землю подвалы домов, в которых по преимуществу помещаются наши нищие; тут помещается по 30, 40 и 50 человек в жилье, тут старые и взрослые, и малые дети, тут и младенцы, сосущие сосцы, в сырости, в грязи, в духоте, в наготе, а часто в голоде». Отец Иоанн предлагал «всему кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому образовать из себя попечительство или братство, по примеру существующих в некоторых городах, в том числе в Петербурге, и соединенными силами заботиться о. приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища».

Тем не менее потребовалось около 9 лет до закладки здания, которая состоялась только в 1881 году (открытие же Дома 12 октября 1882 г.). Сперва же, в 1874 году, было образовано приходское попечительство о бедных, в создании которого, как и в постройке дома, принял деятельное участие церковный староста собора В. Д. Никитин. В попечительство

вошли люди самых различных классов населения и вели работу очень дружно. Умение объединить столь различных по происхождению людей – заслуга отца Иоанна Кронштадтского, которому принадлежал не только почин дела, но и главное руководство.

К несчастию, когда Дом был уже почти готов, однажды ночью, невдалеке, в некоторых «веселых заведениях» возник пожар, скоро охвативший многие здания и приблизившийся к Дому трудолюбия. Отец Иоанн с тревогой смотрел на надвигающееся бедствие и просил полицмейстера Головачева принять предохранительные меры в районе Дома трудолюбия, в чем ему было отказано, – и Дом сгорел.

Ценой огромных усилий Дом трудолюбия был спустя год восстановлен. При Доме был открыт храм во имя святого благоверного князя Александра Невского. Первоосновой Дома трудолюбия, который потом разросся почти в целый городок, были пеньковая и картузная мастерские, где в 1902 году, например, работало одновременно до 7281 человека. Легкий труд был сознательно избран для почина, чтобы от приступавших к работе не требовать каких-либо особых знаний, а только добрую волю. Важно было без промедления помочь отвыкшим от труда людям вступить на трудовой путь и пожинать сразу же хотя бы скромные плоды добрых усилий. Но тут же, главным образом для детей и подростков, открывалась возможность приобретать ценный капитал знания: начальное и специальное ремесленное образование.

В Доме трудолюбия были следующие просветительные учреждения и начинания для детей и подростков:

1) Бесплатная начальная школа (в которой в 1903 г. обучалось 259 детей).

2) Мастерская для обучения различным ремеслам, главным образом работе по дереву (61 человек).

3) Рисовальный класс, для бедных бесплатно (около 30 человек).

4) Мастерские женского труда, главным образом для девочек (шитье, кройка, вышивки), около 50 человек.

5) Сапожная мастерская.

6) Детская библиотека (в 1896 г. – 2687 томов).

7) Зоологическая коллекция.

8) Военная гимнастика.

К этому можно добавить книжную лавку как для взрослых, так и для детей.

Для взрослых существовали при Доме трудолюбия следующие учреждения и занятия:

1) Воскресная школа, разбитая по степени грамотности на несколько групп (в 1897 г. – 133 мужчин, 34 женщины, большинство моложе 20 лет).

2) Народные чтения (лекции) часто с волшебными фонарями, а иногда с духовным пением, на темы религиозные, исторические, литературные (в 1898 году средняя посещаемость 264 человека).

3) Бесплатная народная читальня – читатели дети так набрасывались на иллюстрированные журналы, что их стали выдавать лишь под вечер и по одному на человека.

4) Платная библиотека (30 копеек в месяц, залог 2 рубля).

Наконец, попечительство занималось в небольшой мере издательством главным образом брошюр, составленных из трудов отца Иоанна.

Материальная помощь выражалась следующим образом:

1) Приют для детей, главным образом сирот, и дневное убежище для малолетних (50 человек).

2) Загородная летняя дача для детей.

3) Богадельня для бедных женщин (22 человека).

4) Большой каменный ночлежный дом, построенный в 1888 году, на84 мужчин и 24 женщин. Плата 3 копейки за ночь. Для ночлежников выписывались две газеты.

К этому всему надлежит прибавить врачебную помощь, выдачу обедов и пособий. Через бесплатную амбулаторию в 1896 году прошел 2721 больной. Народная столовая, работавшая в течение 11 часов каждый день, отпускала от 400 до 800 обедов ежедневно.

Был у Дома при детской загородной даче и свой огород.

Пособия выдавались попечительством деньгами, одеждой, обувью и другими вещами. Чтобы помогать действительно

нуждающимся, о них постоянно собирали сведения. Деньги выдавались в сумме от 1 до 20 рублей. В 1891 году, когда популярность отца Иоанна Кронштадтского стала уже всероссийской и к нему в Кронштадт стали постоянно стекаться паломники, был выстроен еще там же Странноприимный дом с бесплатным отделением и платным на 40 кроватей.

Описанная разносторонняя помощь оказывалась всем, вне различия происхождения и вероисповедания. По примеру Кронштадта и другие города, начиная с Петербурга, стали обзаводиться подобными же благотворительными учреждениями.

В различных воспоминаниях об отце Иоанне можно встретить немало рассказов о том, как он, находясь в толпе, буквально одной рукой принимал от кого-либо конверт с пожертвованной суммой денег, а другой, тут же, передавал его кому-нибудь другому. Многие свидетели таких передач утверждают, что у отца Иоанна было особое чутье, а то и настоящая прозорливость, благодаря которым он передавал пожертвования особо остро нуждавшимся людям.

В некоторые годы через руки отца Иоанна проходили огромные суммы, иные биографы говорят о сотнях тысяч. О размерах их можно судить по тому, что кронштадтский Дом трудолюбия в значительной мере содержался на деньги, вносимые отцом Иоанном, а также и по тем церквам, монастырям и учреждениям, которые отец Иоанн воздвиг на эти средства.

Несмотря на создание Дома трудолюбия со всеми его отделениями, нищие в огромном количестве продолжали с утра поджидать отца Иоанна. В ожидании милостыни они выстраивались в одну, две или три шеренги перед домом отца Иоанна или перед кронштадтским собором. Они получили от кронштадтцев наименование: «строй отца Иоанна». Сперва каждое утро он лично обходил свой «строй», в котором находилось иногда более тысячи человек, и раздавал по рублю на 20 человек. Позже это делали за него доверенные лица. Состав этих бедняков часто менялся.

К учреждениям, созданным отцом Иоанном Кронштадтским в Петербурге, принадлежит прежде всего поставленный под покровительство преподобного Иоанна Рыльского Иоанновский женский монастырь на реке Карповке (на Каменном острове). В подвальном помещении храма находилась еще одна церковь в память пророка Илии и преподобной Феодоры, чьи имена носили родители отца Иоанна. В этом нижнем храме, по завещанию, и был погребен сам отец Иоанн[591].

Его заботами и, вероятно, на полученные от него средства было создано в Петербурге на Бассейной улице подворье Леушенского женского монастыря, во главе которого стояла игумения Таисия.

Был еще создан отцом Иоанном Воронцовский монастырь в Псковской губернии, Вауловский скит около Рыбинска и Пюхтицкая женская обитель в русской Польше[592].

Но не счесть тех церквей в России, на постройку или на обновление которых главный вклад был сделан отцом Иоанном или где облачения и церковная утварь не были бы его даянием.

В чем же черпал силы отец Иоанн? Где находил он столько сил, чтобы помогать нуждающимся, нищим и убогим? Прежде всего в служении литургии и в высоком понимании пастырства. Русская Церковь, обезглавленная Петром I, сделанная им придатком государства, претерпевала во второй половине XIX века жестокий кризис. Семинарии стали рассадниками неверия – именно из семинарских стен выходили те люди, которые готовили и совершали революцию. Сельское священство было придавлено нуждой не меньше крестьян и часто по уровню своего духовного развития не возвышалось над паствой. В подобных условиях деятельность отца Иоанна Кронштадтского, его каждодневное служение литургии вызывали немалый соблазн в среде духовенства. И все-таки многие воспринимали само явление отца Иоанна как высокий пример, образец для подражания. Сохранилось немало свидетельств как священников, так и семинаристов, приезжавших к отцу Иоанну и наблюдавших его пастырское служение.

Огромный Андреевский собор был почти всегда наполнен молящимися. Отец Иоанн не мог уделить каждому достаточно

времени, поэтому в последние годы своего служения он все чаще прибегал к общей исповеди. Протопресвитер армии и флота отец Георгий Шавельский описывает свои впечатления: «Трудно сказать, какая – частная или общая исповедь оказывалась у него более действенной. Нам пришлось быть свидетелем общей исповеди. Огромный Андреевский собор в Кронштадте переполнен многотысячной толпой. В ночном полумраке еле мерцают свечи. Отец Иоанн читает молитвы перед исповедью, нервно, проникновенно: каждое слово пронизывает душу. Потом говорит проповедь о нашей греховности. «Бог нам все дал, Он о нас беспрестанно печется. А мы Его дары употребляем во зло, грязним Его образ, надругаемся над Его любовью и долготерпением. Кайтесь, грешники!» – нервно взывает отец Иоанн. Слышатся всхлипывания, которые скоро переходят в настоящий вопль кающейся толпы, все усиливающийся по мере того, как отец Иоанн требует отчета в новых и новых грехах. Картина, переворачивающая душу, равной которой нам никогда больше не приходилось видеть».

Несколько сот человек постоянно исповедовались и причащались у отца Иоанна. Многие из них стали священниками, монахами и продолжили его молитвенную практику. Резко отличалось и его служение литургии от общепринятых образцов. Один из участников Божественной литургии вспоминал: «Читает, как бы разговаривает с Богом; голос чистый, звучный, произношение членораздельное, отчетливое, отрывистое. Одно слово скороговоркой, другое протяжно. Во время чтения как бы волнуется – то наклоняется он головой к самой книге, то, наконец, во время пения ирмоса преклоняет колена, закроет лицо руками. Эта-то горячая, искренняя молитва, льющаяся из глубины его чистой души, и есть истинная причина различных необыкновенных жестов… Кончив чтение канона, быстро входил в алтарь и падал в глубокой молитве перед престолом… начали петь стихиры… быстро, скорее выбежал, чем вышел он из алтаря на клирос, присоединился к певчим и начал петь вместе с ними. Пел,

регентуя сам, опять подчеркивая отдельные слова и замедляя темп там, где это было нужно…»

Протоиерей Сергий Четвериков, будучи студентом Московской духовной академии, побывал на службе отца Иоанна. Он вспоминал: «Меня поразила тогда необычайная огненная вдохновенность отца Иоанна. Он служил, весь охваченный внутренним «огнем». Такого пламенного служения я не видел ни раньше, ни после. Он был действительно как Серафим, предстоявший Богу. Сослужившие ему священники и наш вдохновенный отец ректор Антоний Храповицкий в сравнении с ним казались вялыми, безжизненными, деревянными, какими кажутся лица при вспышке магния. Лицо отца Иоанна все время обливалось слезами. Все движения его были быстрыми, резкими…»[593]

В своем дневнике отец Иоанн так писал о литургии: «Это истинно небесное служение Божие на земле, при котором… блаженство, мир, отрада для души! Оно питает ум, веселит сердце, вызывает слезы умиления, благоговения, благодарности, подвизает к самоотверженным подвигам любви, веселит надеждами воскресения и бессмертия». Беседуя как-то со священниками, он сказал: «Господь, с Которым я ежедневно соединяюсь чрез святое причащение, подкрепляет меня. Иначе где бы я мог почерпнуть силы для таких постоянных, усиленных трудов, которыми стараюсь служить во славу Его Имени, во спасение ближних моих». А в дневнике отмечает: «Я умираю, когда не служу литургии… В нас нет истинной жизни без Источника Жизни – Иисуса Христа… Литургия есть источник истинной жизни, потому что в ней Сам Господь, Владыка жизни, преподает Себя Самого в пищу и в питие верующим в Него и в избытке дает жизнь причастникам Своим, как говорит: «Ядущий Мое Тело и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную».

Порою Великим постом у отца Иоанна причащалось до 3000 человек. На престоле стояло 12 и более святых чаш. Каждодневно причащаясь сам, он призывал к частому причащению и свою паству. Он напоминал, что первые христиане приобщались Святых Тайн если не каждый день, то каждое воскресенье. Отец Иоанн считал, что без частого

причащения нет пути к святости. Отличительной чертой его богослужения было то, что после литургии он никогда не служил ни молебнов, ни панихид, считая, что ничего не может быть сильнее тех молитв, которые возносятся во время литургии.Стараясь личным примером явить высокое призвание священника, отец Иоанн записывал в дневнике: «Священнику прежде всего и более всего нужно стяжать благодать Божию, любовь евангельскую: она нужна ему каждую минуту, каждое мгновение... Но особенно нужна ему любовь при совершении Божественной литургии, которая вся есть таинство бесконечной божественной любви к роду человеческому. В этом таинстве, таинстве Евхаристии или причащения Тела и Крови Христовых, божественная любовь явилась во всей своей безмерности: ибо Господь Иисус Христос всего Себя истощил для нашего спасения, Сам Себя дав в пищу и питие... Во время литургии священник весь должен быть объят любовию к Богу и ближним, искупленным и соискупленным Кровию Христовою».

Прекрасно зная те искушения, которым подвергается священник, отец Иоанн писал: «Ты представитель веры и Церкви, о иерей, ты представитель Самого Христа Господа, ты должен быть образцом кротости, чистоты, мужества, твердости, терпения, возвышенного духа. Ты делаешь дело Божие и ни .пред кем не должен падать духом, никому не должен льстить, раболепствовать и считать дело свое выше всех дел человеческих...» И далее развивает свою мысль: «Священник, как ангел Господа Вседержителя, должен быть выше всех страстей и возмущений духа, всех пристрастий мирских или суетных страхов, наводимых от бесов; он должен быть весь в Боге. Его одного любить и бояться. Боязнь человеческая обозначает, что он не прилепился к Богу всецело».

Жизнь священника отец Иоанн не мыслил вне паствы. Поэтому он сравнивал священника с солнцем, которое светит для всей паствы. И в то же время предупреждает пастыря и напоминает ему о необходимости остерегаться от соблазна приписать себе источник света. Сам он был таким источником света для прихожан. Он не отказывал тем людям, которые приглашали его к себе домой, чтобы он отслужил молебен,

навестил больного, поддержал унывающего. В последние годы его жизни такие выезды сопровождались огромным стечением людей, желавших, чтобы именно к ним первым поехал отец Иоанн[594]. Для всех он умел найти нужное слово – всех ободрял и укреплял.

Немало огорчений приносили ему излишне «ревностные» последователи, в основном из простонародья, объявившие его «воплощением Иисуса Христа». Позже эта секта получила название «иоаннитов». Сам отец Иоанн неустанно боролся с вождями этой секты – во время литургии он отказывался причащать «иоаннитов», несколько раз по поручению Синода ездил в российские села, где объявлялись «иоанниты», для их обличения. Немало горя приносило ему и безверие современной ему интеллигенции. Он предвидел страшное стечение событий, которое вело к катастрофе и гибели государства: «Только Царство Божие на земле[595] обладает всегдашним миром и будет обладать им до скончания века, а мир прелюбодейный и грешный, отступивший от Бога и Его праведных законов, – мятется и будет до конца своего смущаться от своих заблуждений, от своих всезаразительных пагубных страстей, от бесчеловечных браней и внутренних крамол, от своего безумия. Дерево познается по плодам. Смотрите же на эти плоды нынешней цивилизации: кому они приятны и полезны? Отчего ныне Россия в смятении? Отчего у нас безначалие? Отчего учащееся юношество потеряло страх Божий и бросило свои прямые обязанности и прямые занятия? Отчего гордые интеллигенты стремятся в опекуны и правители народа, не понимая этого народа и его действительных нужд, не любя его? Оттого что у всех них оскудела вера в Бога, в Его праведные, вечные глаголы; оттого, что она отпала от Церкви Божией, единой руководительницы к святой христианской жизни, которая одна охраняет твердо законные права и царя, и подданных, и всех, и каждого и всем предписывает строго исполнять свои обязанности».

Отца Иоанна немало обвиняли в монархизме, но важно понять, что он воспитался в преданности царю как главе государства и Церкви. Немало обвинений предъявлялось отцу

Иоанну в консерватизме, но важно помнить, что он жил в эпоху смут и волнений. Катастрофа, в которую ввергли Россию политики, с одной стороны, и интеллигенция – с другой, была предсказана им. Отец Иоанн неустанно обращался к лучшим представителям интеллигенции: «Люди образованные, начальники и наставники, сочинители, писатели… должны служить к славе Божией и пользам народа на началах Православной Церкви: не почитать жизнь игрушкой или только целью игр и наслаждений… Не должно спрашивать, нужно ли распространять славу Божию пишущей рукой, или словесно, или добрыми делами. Это мы обязаны делать по мере сил своих и возможности. Таланты надо употреблять в дело! Коли будешь задумываться об этом простом деле, то диавол, пожалуй, внушит тебе нелепость, что тебе надо иметь только внутреннее делание».

Эти слова глубже всего подтверждают, что отец Иоанн был чужд аскетическому отвержению культуры. Негодование интеллигенции вызывали проповеди отца Иоанна, направленные против учения Льва Толстого[596]. Сегодня, много лет спустя, мы, наконец, можем беспристрастно рассудить этот спор. Отвечая на определение Синода от 20–22 февраля 1901 года об отлучении от церкви, Л. Н. Толстой писал: «То, что я отрекся от церкви, называющей себя православной, это совершенно справедливо. Но отрекся я от нее не потому, что я восстал на Господа, а, напротив, только потому, что всеми силами желал лучше служить Ему. Прежде чем отречься от церкви и единения с народом, которое было мне невыразимо дорого, я, по некоторым признакам, усомнившись в правоте церкви, посвятил несколько лет на то, чтобы исследовать теоретически и практически учение церкви: теоретически – я перечитал все, что мог, об учении церкви, изучил и критически разобрал догматическое богословие; практически строго следовал, в продолжение более года, всем предписаниям церкви, соблюдая все посты и все церковные службы. И я убедился, что учение церкви есть теоретически коварная и вредная ложь, практически же собрание самых грубых суеверий и колдовства, скрывающего совершенно весь смысл

христианского учения… Стоит только почитать требник, последить за теми обрядами, которые не переставая совершаются православным духовенством и считаются христианским богослужением, чтобы увидать, что все эти обряды не что иное, как различные приемы колдовства, приспособленные ко всем возможным случаям жизни…»[597]

Полное отвержение таинств, непрестанная пропаганда своего учения – все это не могло оставить равнодушным отца Иоанна. И он неоднократно в своих проповедях выступал против учения Льва Толстого, называя его одним из ересиархов современности. Опасность проповеди Льва Толстого отец Иоанн видел в том, что она была направлена всем слоям народа. Отчасти поэтому так стремительно учение Толстого распространялось по всему миру. Отец Иоанн считал, что наряду с нигилистами и анархистами Лев Толстой вносит свою лепту в дело разрушения России. В одной из своих проповедей в 1907 году он говорил: «Царство русское колеблется, шатается, близко к падению… Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты – безумцы не будут подвержены праведной каре закона и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония».Отец Иоанн не был политиком, но его душа постоянно болела за Россию и судьбу монархии. Он резко противостал событиям первой русской революции 1905 года и дал записать себя в Союз русского народа. Протоиерей Сергий Четвериков писал: «Главная же ненависть и злоба, доходившие до оскорблений и даже физической расправы, обрушились на него в годы русской революции за то, что он открыто и резко выступил против революционного движения и разошелся с русской передовой общественностью. Однако все эти «вины» отца Иоанна, если бы они и были, по существу дела нисколько не омрачают чистого и привлекательного его духовного облика, как он вырисовывается в его дневнике и в его пастырской деятельности».

Многие верующие прибегали к отцу Иоанну в надежде получить исцеление от недугов. И многие получали исцеления.

В своем дневнике отец Иоанн иногда записывал случаи чудесных исцелений: «Некто, бывше смертельно болен воспалением желудка девять дней и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, лишь только причастился… к вечеру стал здоров и встал с одра… Причастился он с твердою верой. Я молился о нем Господу, чтобы Он исцелил его… Я молился между прочим так: «Господи! Жизнь наша! Как мне мыслить легко об исцелении, так Тебе легко исцелить всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели раба Твоего Василия от лютой его болезни», – и благопослушливый Владыко помиловал его… Слава Всемогуществу Твоему, Господи!»

Отец Иоанн никогда не приписывал исцелений себе или силе собственных молитв, напротив, он всегда подчеркивал свое недостоинство и силу Божию. «Дивлюсь величию и животворности Божественных Тайн; старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, от причастия Святых Тайн, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после причастия Святых Тайн в тот же день начала поправляться… Слава Животворящим Твоим Тайнам, Господи!» Отец Иоанн свято верил в силу причащения, поэтому оставил такой завет: «Приглашайте в дом духовного отца с Божественными Тайнами Тела и Крови Господней, и верьте, что, как Иаир[598], не будете посрамлены в своем уповании. Сколько примеров было и при моем духовном требоисполнении, что больные, обращавшиеся прежде всего за помощью к Богу, прибегавшие к покаянию и причащению… быстро поправлялись».

Сохранилось немало свидетельств и самих исцеленных: «Мое положение стало критическим, – вспоминал капитан первого ранга А. В. Никитин, сын старосты Андреевского собора, заболевший в юности брюшным тифом, – и я уже был почти без пульса; в это время отцу моему удалось отыскать отца Иоанна. Было позднее время, почти ночь, когда отец Иоанн вошел в нашу палату, подошел к моей койке и сказал: «Андрюша!» Бывши последнее время без сознания, я сразу

пришел в себя, узнал нашего батюшку и улыбнулся ему. Отец Иоанн стал на колени у моей койки и сказал: «Помолимся». Кто был около – тоже опустились на колени. Отец Иоанн жарко и горячо молился, я же в полном сознании повторял молитвы. По окончании молитвы отец Иоанн благословил меня, а моей матери сказал лишь: «Поправится!» С этой ночи я быстро стал поправляться и вскоре был совсем здоров». Сохранилось немало свидетельств о том, что многие больные исцелялись заочно – по молитвам отца Иоанна. Он получал множество писем и телеграмм с просьбой помолиться о выздоровлении – и не отказывал никому. Часто, не в состоянии прочесть все письма и телеграммы, он клал их близ жертвенника, склонялся над ними и молился. И почти всегда его молитва была услышана.

Вся жизнь отца Иоанна была подвигом любви к ближним и к Богу. Полное самоотречение, стремление .помогать людям в их нуждах – все это наполняло его жизнь особым светом, давало ему силы преодолевать собственные немощи. А между тем он приближался к своему концу. Незадолго перед смертью он заносит в свой дневник: «По моей старости (79 лет) каждый день есть особенная милость Божия, каждый час и каждая минута: сила моя физическая истощилась, зато дух мой бодр и горит к возлюбленному моему Жениху, Господу Иисусу Христу. Столько залогов милости я получил и, получая от Бога в этой жизни, надеюсь, что и в будущей жизни по смерти получу; а смерть есть рождение в жизнь вечную Божией милостью и человеколюбием».

В конце 1908 года его начала одолевать застарелая болезнь – тяжелое воспаление мочевого пузыря. В последние годы постоянные боли мучили его и днем и ночью. Свою последнюю литургию отец Иоанн служил 10 декабря 1908 года. Монахиня Анастасия, присутствовавшая на этой литургии, вспоминала: «Нельзя забыть того впечатления, которое батюшка произвел своим видом и едва слышным голосом. Паства почувствовала, что батюшка уходит навсегда. Стоны, крик, плач поднялись…

Картина эта так потрясла батюшку, что он плакал, как ребенок; он велел после литургии вынести кресло из алтаря на амвон и долго поучал народ, советовал помнить его заветы: молиться, любить Бога». После этого он уже не выходил из дому. Его ежедневно причащали на дому, вместо лекарств он пил воду из источника преподобного Серафима.

Когда во время болезни его посетил митрополит Московский Владимир, отец Иоанн сказал ему: «Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предочищения моей грешной души. Оживляет Святое Причащение». 19 декабря он находился в полубессознательном состоянии, но к вечеру пришел в себя и жаловался на жар. Окружающие поняли, что он умирает. В ночь с 19 на 20 декабря отслужили литургию. В 3 часа ночи его удалось причастить. В 7 часов 40 минут 20 декабря 1908 года отец Иоанн скончался на 80-м году жизни. Отпевание было совершено в Андреевском соборе, а затем тело было перевезено для погребения в Петербург. В последний путь отца Иоанна провожали тысячи верующих. Его погребли в нижнем храме Иоанновского женского монастыря на речке Карповке. Сегодня, когда благодаря канонизации отца Иоанна и он и его наследие возвращаются к нам, мы должны более пристально прислушиваться к его заветам, стремясь претворить их в жизнь.

Жизнеописание святейшего патриарха Московского и всея Руси Тихона [599]

Будущий патриарх, Василий Иванович Белавин, родился 19 января 1865 года в семье сельского священника Торопецкого уезда Псковской епархии. Детские и юношеские годы прошли в русской деревне. После окончания церковноприходской школы в 1878 году он поступил в Псковскую семинарию. Среди товарищей пользовался уважением и любовью. Высокого роста, белокурый, всегда спокойный, уравновешенный, среди товарищей он выделялся своими успехами в учебе и полным отсутствием юношеского тщеславия. Обычно отличники держатся особняком – семинарист Белавин, напротив, всегда стремился помочь своим товарищам. Он рад был объяснить и помочь в приготовлении уроков. Причем часто сопровождал свои объяснения шуткой. Уже в семинарии за ним установилось шутливое прозвище «архиерей». После окончания Псковской семинарии в 1883 году он поступает в Петербургскую духовную академию.

После окончания Петербургской академии в 1888 году назначается преподавателем в Псковскую семинарию. В течение трех лет преподает в семинарии. За это время его полюбили не только семинаристы, но и жители Пскова. Жил он в мезонине деревянного дома близ храма Николы Соусохи. В этот же период принимает решение об избрании монашеского пути, а в 1891 году принимает монашеский постриг. Учитывая всегдашнюю кротость, при постриге ему дают имя Тихон, в честь святителя Тихона Задонского, также отличавшегося кротостью. Вскоре после пострига иеромонаха Тихона переводят инспектором в Холмскую духовную семинарию.

Холм – скромный уездный городок бывшей Люблинской губернии, с польско-еврейским населением, с налетом польской культуры даже на русских горожанах. Основное население – украинцы. Среди постоянных жителей немало униатов. Митрополит Евлогий (Георгиевский), ставший ректором Холмской семинарии сразу после архимандрита Тихона, так

описывал жизнь Холмщины: «Религиозная и народная жизнь Холмщины была сложная. В ней скрещивались и переплетались разнородные религиозные течения, воздействия разных культурных наслоений, обусловленные всем историческим прошлым этого края: Русь и православие – как исторический фундамент; Польша и католичество в виде унии – как дальнейшее наслоение…»[600].

В Холме он возводится в сан архимандрита и становится ректором семинарии. Семинария была небольшая – всего 175 семинаристов. Его преемник, архимандрит Евлогий, позже вспоминал: «За пятилетие ректорской службы архимандрит Тихон поставил учебно-воспитательное дело отлично. В память открытия святых мощей святителя Феодосия Черниговского он устроил в семинарии второй храм во имя этого новоявленного угодника Божия, пожертвовав для него семинарским залом. В этом новом храме совершалось ежедневное богослужение, причем каждый из шести классов имел свой день, когда он мог нести там клиросное послушание; в праздники туда собирались для богослужения дети семинарской образцовой церковноприходской школы. Совершало будничное богослужение, также по очереди, семинарское духовенство: ректор, инспектор, духовник и преподаватели, носившие духовный сан… Архимандрит Тихон обладал большою житейской мудростью, был человек такта и чувства меры; несмотря на свойственные ему мягкость и добродушие, умел настойчиво проводить полезные мероприятия»[601].

В 1898 году архимандрит Тихон возводится в сан епископа Люблинского и назначается викарием Холмской епархии. При наречении во епископы он сказал: «Да не подумает кто-либо при этом, что мне совсем неведома трудность епископского служения. Конечно, неведома она мне на опыте, на деле, но научен и знаю, что епископство воистину есть бремя. Когда-то, в дни ранней юности, епископское служение представлялось мне – да и мне ли одному! – состоящим из почета, поклонения, силы, власти… Ныне разумею, что епископство есть прежде и более всего не сила, почет и власть, а дело, труд, подвиг. И в самом деле, легко ли быть «всем для всех»? Легко ли

изнемогать за всех, кто изнемогает, и воспламеняться за всех, кто соблазняется? Легко ли быть образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте? Легко ли суметь, когда следует, одного обличить, другому запретить, третьего умолить со всяким долготерпением? Легко ли нести ответственность и за себя, и за паству, и за пастырей? Легко ли все сие? Святой апостол Павел свидетельствовал о себе: «Я каждый день умираю». И истинная жизнь епископа есть постоянное умирание от забот, трудов и печалей…»[602]

И здесь, на Холмщине, как и во Пскове, молодой архиерей стал всеобщим любимцем. «Архимандрит Тихон был очень популярен и в семинарии, и среди народа. Местные священники приглашали его на храмовые праздники. Милый и обаятельный, он всюду был желанным гостем, всех располагал к себе, оживлял любое собрание, в его обществе всем было весело, приятно, легко. Будучи ректором, он сумел завязать живые и прочные отношения с народом… В сане епископа он еще больше углубил и расширил свою связь с народом и стал действительно для Холмщины своим архиереем. Мне постоянно во время поездок по епархии приходилось слышать самые сердечные отзывы о нем духовенства и народа»[603]. Но епископское служение в качестве викария Люблинской епархии продолжалось недолго – в декабре 1898 года его направляют в далекую Американскую епархию в сане епископа Алеутского. С собой епископ Тихон взял брата – отца уже не было в живых.

Епископское служение в Америке святителя Тихона продолжалось почти девять лет – с 1898 по 1907 год. Большое внимание святитель уделял все усиливавшейся волне славянской эмиграции в Америку. В одной из своих проповедей он отмечал: «Будущее сокрыто от ограниченного взора человеческого, и мы теперь не знаем, что внесет в жизнь страны сей все усиливающаяся волна славянской эмиграции и мало-помалу возрастающая здесь Православная Церковь. Но хотелось бы верить, что не останутся они бесследными здесь, не исчезнут в море чуждом, а в духовную сокровищницу американского народа внесут присущие славянской натуре и русскому православному люду алчбу духовную, порывы к

небесному, стремление ко всеобщему братству, заботы о других, смирение, покаянные чувства, терпение…»[604] Именно поэтому святитель уделял немало внимания тому, чтобы подготовить пастырей из числа американских граждан.

С этой целью он преобразовал миссионерскую школу в Миннеаполисе в Духовную семинарию. Этот шаг вскоре привел к тому, что отпала необходимость присылать священников из России. Новые переселенцы оседали в основном в восточных штатах Северной Америки, тогда как епископская кафедра находилась в Сан-Франциско. Поэтому святитель Тихон предпринял ряд шагов, в результате которых кафедра была перенесена в Нью-Йорк. В епископском служении он продолжил деятельность своего предшественника – епископа Владимира (Соколовского), начавшего присоединение к православию униатов. За время святительства преосвященного Тихона к православию присоединилось 32 карпато-русских прихода. Благодаря усилиям епископа Тихона близ города Скрантона в штате Пенсильвания был основан Свято-Тихоновский монастырь, а при нем устроена школа-приют для сирот. Немало усилий приложил святитель для перевода богослужебной литературы на английский язык.

Один из преподавателей Духовной семинарии в Миннеаполисе вспоминал о встречах со святителем: «По природе своей епископ Тихон был добр, отзывчив и необыкновенно впечатлителен. По своему характеру он был тихий, милосердный, незлобивый и всегда старался сохранить в своем лице спокойствие, и это спокойствие он вносил в души всех окружающих его. От каждого слова его, сказанного мягким голосом, веяло тихим, святым покоем. Внешне он был необыкновенно светлый и благолепный и производил самое симпатичное впечатление. Его благородное и выразительное лицо отражало величие его души, он был свеж и бодр… Он был прост как в обществе, так и в делах административных; он часто писал свои распоряжения лично, без всяких консисторских формальностей… При епископе Тихоне все были объединены общностью положений, интересов, чувств и мыслей; в миссии господствовало блаженство мира, согласия, дружбы и любви.

Не было разрушительных ссор, озлоблений и взаимной ненависти, не было свары, не было разделений – были один архипастырь и одно стадо…»[605]

Своеобразным итогом святительской деятельности епископа Тихона стал созыв первого Православного Собора Североамериканской Церкви 20 – 23 февраля 1907 года в Майнфильде. Одним из главных вопросов Собора стала задача, поставленная его председателем, – как «расширить миссию». Были также поставлены вопросы о самостоятельном существовании православной миссии в Америке, не зависящей от субсидий казны. Поднят был вопрос о юридическом статусе Православной Церкви в Америке. Тогда он был не понят Святейшим Синодом и лишь спустя шестьдесят лет Православная Церковь в Америке получила самостоятельность. Вскоре после Собора архиепископ Тихон был отозван в Россию. Его ждала Ярославская епархия.

В течение семи лет архиепископ Тихон управлял Ярославской епархией: постоянно объезжал приходы и за эти годы неоднократно побывал во всех, даже самых отдаленных. При объездах лично знакомился с настоятелями, расспрашивал о всех проблемах, включая бытовые и семейные. Даже мельчайшие детали жизни причта интересовали владыку. Он любил рассматривать семейные альбомы. Фотографии родных и знакомых хозяина часто помогали глубже постичь внутренний мир. Святитель помнил лично всех священников и их проблемы. В вопросах церковной свободы он всегда становился на сторону священнослужителей. Именно поэтому возник конфликт с ярославским губернатором, который добился перевода неугодного ему архиерея на виленскую кафедру. 22 декабря 1914 года святитель был переведен в Литву.

В Литве ему пришлось прослужить недолго – всего два с половиной года. Вскоре епархия оказалась в сфере военных действий, ее разрезали на две части. Архиепископу Тихону пришлось покинуть свою епархию. Сначала он поселился в Москве, где расположилось большинство виленских учреждений, а затем в Диене, на окраине своей епархии. Архиепископ принимал деятельное участие во всех

организациях, помогавших раненым, обслуживавших духовные нужды воинов. Он посещал лазареты, побывал на передовой линии фронта. На литовской кафедре его застали события 1917 года. После бескровной февральской революции настала пора перемен и для Русской Православной Церкви. Преобразования, которые насильно сдерживались императором и его обер-прокурорами, происходили настолько бурно, что очевидцы назвали их «церковной революцией».

Почти во всех епархиях образовались Исполнительные епархиальные Комитеты из духовенства и мирян, которые установили контроль над всеми административными действиями епархиальных епископов. Затем по инициативе комитетов были созваны Чрезвычайные

Епархиальные Съезды, состоявшие из представителей клира и мирян. Эти съезды не были кем-то организованы, и тем не менее они проходили одновременно во всех концах России. Этот процесс являлся революционным, поскольку изменение порядков и строя церковной жизни осуществлялось «снизу» и . было взрывоподобным и внезапным. Министр по делам вероисповеданий Временного правительства А. В. Карташев позже так охарактеризовал эти события: «…нужно было «канализировать» революцию в Церкви, дать правильные законные формы для выражения общественного мнения. Нужно было ввести выборное и представительное начало, почти отсутствовавшее в церковной практике»[606].

Все эти реформы в свое время обсуждались в «Предсоборном Присутствии» в 1905 году и широко обсуждались как в церковной, так и в гражданской печати. Часть наиболее консервативного епископата была объявлена лишенными доверия и своих кафедр – архиепископы Алексий Владимирский, Серафим Тверской, Дмитрий Рязанский, Василий Черниговский, Иоаким Нижегородский, Палладий Саратовский. Одновременно принуждены были уйти в отставку архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Петроградский Питирим и митрополит Московский Макарий.

Каждый Епархиальный Съезд вырабатывал свой план преобразований бюрократического строя церковного

управления, основные положения которого сразу же вводились в практику. Так, прежде всего был введен выборный порядок замещения всех духовных и особенно духовно-административных должностей. Выборное начало восторжествовало. Древний церковный принцип вновь был восстановлен – избирался епископ, а также члены консисторий и всех центральных епархиальных управлений и конечно же благочинные и приходское духовенство. Вакантные епископские кафедры замещались в порядке свободного избрания тайным голосованием представителей клира и мирян епархии на Чрезвычайных Епархиальных Съездах. Так были избраны: на Московскую кафедру архиепископ Литовский Тихон (Белавин), на Петроградскую – архиепископ Вениамин (Казанский), на Владимирскую – архиепископ Финляндский Сергий Страгородский, на Харьковскую – архиепископ Антоний Храповицкий.

По исторической случайности митрополит Киевский Владимир оказался в момент революции на самом ответственном посту церковного управления – первоприсутствующим членом очередной зимней сессии Синода. Для узаконения произошедших реформ необходимо было их санкционировать со стороны Синода. Между тем руководимая митрополитом Владимиром зимняя сессия Синода оказалась недееспособной. Это обстоятельство заставило нового обер-прокурора Синода В. Н. Львова ходатайствовать перед Временным правительством об ускорении роспуска зимней сессии Синода и назначении, согласно действующим в то время старым законам и порядкам, на летнюю сессию нового состава Синода.

Правительство удовлетворило эту просьбу. Об этом пишет А. В. Карташев: «Синод старого состава как будто нарочно хотел доказать неприятному для него обер-прокурору, что для успешного продвижения вперед дела неотложных реформ и спешной подготовки к Собору без правительственного давления обойтись невозможно. В. Н. Львов торопил Синод провести давно назревшую, переходного типа, реформу устарелого и фальшивого бракоразводного процесса. Синод упорно ее

отвергал. Особенно остро протекал конфликт из-за передачи консервативного синодального издания «Церковно-общественный Вестник» в руки либеральной редакции профессоров Санкт-Петербургской духовной академии. Царские обер-прокуроры в подобных случаях просто устраняли из Синода нежелательных членов. В. Н. Львову советовали по старому праву распустить этот Синод и создать новый. Но он стеснялся это сделать...»[607]

В конце концов упорный саботаж Синода вынудил идейно робкого обер-прокурора на решительный акт роспуска Синода. И вот признание самого В. Н. Львова: «Тлетворное влияние гангренизировало Церковь. Не было никаких учреждений, соответствующих духу времени; очевидно, что нужно было прибегнуть к героическим усилиям и властной рукой подавить все, что противоречило свободе Церкви. Нужно было действовать быстро и сильно; иначе, так как значительная часть епископата была заражена, являлась опасность столкновения Церкви с епископатом. Но хотя Священный Синод, как известно, был составлен темными силами (Распутиным), я не хотел было вмешиваться в его деятельность. Моим стремлением было даровать свободу Церкви, и не мне, конечно, было бы втыкать палки в колеса, если бы Священный Синод встал на новый путь. Но, к величайшему сожалению, Священный Синод встал на иную точку зрения. Он решил, что к нему перешла теперь вся полнота власти, и, пользуясь этим, он может еще более усилить свою власть. Тогда я понял, что Священный Синод, в прежнем его составе, не может идти вперед. Мало того: когда я предпринял некото рые меры к тому, чтобы освободить Церковь от этих гангренозных пятен, которые покрывали ее тело, я опять встретил противодействие Священного Синода.

«Кто нам поручится, что вы и нас не удалите?» – говорили мне члены Синода. Такое отождествление членов Священного Синода с теми лицами, которые нетерпимы были в составе правящей иерархии (ставленники Распутина), было полным крушением прежнего Священного Синода... Вот началось движение к новой жизни; нужно было всячески содействовать этому, но мог ли это сделать прежний Священный Синод? И как

должен был поступить в этом случае обер-прокурор: устраниться и ждать, что будет, или, наоборот, пойти этому движению навстречу и распахнуть для него как можно шире дверь? Сомнений быть не может: очевидно, нужно было избрать второй путь и заставить идти по нему и Священный Синод. Меня обвиняют в том, что я ничего не делаю. Но я все время боролся и все силы направил к тому, чтобы появившееся движение пошло по правильному руслу; не будь этого, могла бы начаться анархия. Церковь могла бы отделиться от епископата. Ничего другого, очевидно, не оставалось, как распустить прежний Священный Синод и составить новый… Мои усилия увенчались успехом, и жизнь в Церкви забила ключом. Тверской Епархиальный Съезд постановил было отделиться от Священного Синода, но когда узнал о новом составе Священного Синода, все это движение за отделение от Синода прекратилось само собой»[608].

Эти объяснения обер-прокурор дал на общем собрании Всероссийского духовенства и мирян, состоявшемся в Москве 1 июня 1917 года. Последовавшие за ними по адресу обер-прокурора аплодисменты подавляющего большинства присутствующих с троекратным пением «Многая лета» с очевидностью засвидетельствовали, что церковный клир и народ в подавляющем большинстве одобряют общее направление деятельности обер-прокурора. А. В. Карташев вспоминал: «Новый обер-прокурор начал выполнять свою «антираспутинскую» программу с устранения всех епископов, занявших свои кафедры при протекции Распутина или вообще бывших его друзьями. Из них на самом видном месте был митрополит Петроградский Питирим… Параллельно во многих городах были случаи ареста архиереев, известных своей активной приверженностью к старому строю и особенно дружбой с Распутиным»[609].

В составе созванной правительством летней сессии Синода были: первоприсутствующий – экзарх Грузии, митрополит Платон, члены: архиепископ Владимирский Сергий (Страгородский), архиепископ Ярославский Агафангел, епископ Уфимский Андрей (князь Ухтомский), епископ Самарский Михаил, А. В. Смирнов –

проф. Казанского университета, протоиерей А. П. Рождественский – проф. СПб. академии, Н. А. Любимов – протопресвитер кремлевских соборов, протоиерей Ф. Д. Филоненко – депутат Государственной Думы. Новый состав Синода санкционировал особыми «Временными положениями» уже введенные по епархиям церковные реформы. Этим актом было осуществлено узаконение, хотя, конечно, временное, до проведения Собора.

Перед новым составом Синода стояла важная задача – как можно скорее организовать созыв Поместного Православного Собора. Был организован «Предсоборный Совет» – обширная совещательная коллегия, состоявшая из епископов, клириков и мирян. Правительство ассигновало 1 миллион рублей на проведение Собора. Синод, со своей стороны, решил затратить свои церковные капиталы – 2,5 миллиона рублей, а если потребуется, то и все 4 миллиона. Вскоре был созван Съезд. На Съезде присутствовал обер-прокурор В. Н. Львов и экзарх Грузии, митрополит Платон. Среди членов Съезда присутствовали многие члены будущего Собора: архимандрит Иларион (Троицкий), С. Н. Булгаков, Евгений Трубецкой. За 10 дней работы Съезд разработал и сформулировал основные требования и предложения по всем пунктам предстоящей церковной реформы для Собора. По признанию А. В. Карташева, Съезд явился поддержкой и стимулом для официального «Предсоборного Совета».

Съезд отверг идею отделения Церкви от государства, высказав пожелание, чтобы Православная Церковь оставалась на положении «первенствующей», чтобы все Церкви, все религиозные организации (инославные и нехристианские) получали от государства правовую и материальную поддержку, чтобы Закон Божий был обязателен в школах и чтобы в руках Православной Церкви оставались руководимые ею народные школы. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 годов открылся в день праздника Успения Божией Матери в Москве. Он стал самым представительным, самым свободным и самым демократическим в истории Русской Церкви. Свободным и от давления государственной власти. По

своей демократичности этот Собор весьма напоминал Первый Апостольский Собор Иерусалимской Церкви, на котором присутствовали и решали вопросы «апостолы, пресвитеры и братия». В связи с этим протоиерей Сергий Булгаков писал: «Московский Всероссийский Собор 1917–1918 годов, который состоял из епархиальных, т. е. имеющих единение с паствой, епископов, священников и мирян и в этом составе точнее отображал каноническую норму Иерусалимского Апостольского Собора, нежели даже Соборы Вселенские»[610].

«Церковная революция» часто наталкивалась на непонимание и даже сопротивление со стороны епископата, привыкшего самодержавно повелевать. В эти дни авторитет архиепископа Литовского Тихона проявился небывало высоко – Съезд духовенства и мирян Московской епархии, собравшийся 19 июня 1917 года в Московском епархиальном доме для выборов Московского митрополита, единогласно избрал его на эту высокую епископскую кафедру. В это время ему исполнилось 52 года. А 18 августа на первом заседании Поместного Собора Русской Православной Церкви митрополит Московский Тихон был избран председателем Собора и руководил общими собраниями до самого избрания патриарха.

28 октября старого стиля, когда в Москве разворачивалась борьба за власть, Собор принял решение о восстановлении в России патриаршества. 31 октября были избраны три кандидата – архиепископ Харьковский Антоний (Храповицкий), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) и митрополит Московский Тихон (Белавин). 5 ноября 1917 года в храме Христа Спасителя состоялась торжественная литургия, во время которой должен был решиться вопрос о том, кто же, по указанию Божию, станет патриархом Русской Церкви. Власть большевиков уже утвердилась в Кремле, поэтому с огромным трудом удалось добиться разрешения принести в храм икону Владимирской Божией Матери. Литургию служил старейший из иерархов, митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), в сослужении сонма архиереев. Кандидаты в храме не присутствовали – они оставались на своих подворьях.

Митрополит Евлогий, участник этой исторической литургии, позже вспоминал: «Перед началом обедни на аналой перед иконой Владимирской Божией Матери был поставлен ларец с тремя записками, на которых были начертаны имена кандидатов. После литургии служили молебен с чтением особой молитвы. Храм, вмещавший до 12 000 человек, был переполнен. Все с трепетом ждали, кого Господь назовет... По окончании молебна митрополит Владимир подошел к аналою, взял ларец, благословил им народ, разорвал шнур, которым ларец был перевязан, и снял печати. Из алтаря вышел глубокий старец – иеросхимонах Алексий, затворник Зосимовой пустыни (неподалеку от Троице-Сергиевой лавры), ради церковного послушания участвовавший в Соборе. Он трижды перекрестился и, не глядя, вынул из ларца записку. Митрополит Владимир внятно прочел: «Тихон, митрополит Московский». Словно электрическая искра пробежала по молящимся... Раздался возглас митрополита «Аксиос!», который потонул в единодушном «Аксиос!.. Аксиос!..» духовенства и народа. Хор вместе с молящимися запел «Тебе Бога хвалим»... Ликование охватило всех. У многих на глазах были слезы. Чувствовалось, что избрание патриарха для всех радость обретения в дни русской смуты заступника, предстателя и молитвенника за русский народ... Всем хотелось верить, что с патриархом раздоры как-то изживутся…

Все епископы и множество мирян направились на Троицкое подворье приветствовать патриарха Тихона. Но прежде чем мы успели доехать, нашлись гонцы, которые уже его оповестили. Патриарх Тихон вышел к нам спокойный, смиренный. Архиепископ Антоний сказал приветственное слово и поклонился ему в ноги. Мы, епископы, тоже земно ему поклонились. Он – нам. В ответном слове патриарх со свойственным ему смирением говорил о своем недостоинстве, о непосильном для него бремени патриаршества, «но надо исполнить волю Божью». Этими словами он закончил свою речь…»[611]

Интронизация патриарха была назначена на 21 ноября. Поскольку Кремль уже был захвачен большевиками, пришлось

долго хлопотать о разрешении провести интронизацию, как того требовал обычай, в Успенском соборе. С большим трудом удалось получить разрешение. Патриарх уехал в Троице-Сергиеву лавру молитвенно приготовиться к этому дню. Конечно, патриарх отдавал себе отчет, какая непосильная ноша ложится на его плечи. В своем кратком слове к соборному посольству, известившему его об избрании на патриарший престол, он сказал: «…ваша весть об избрании меня в патриархи является для меня тем свитком, на котором было написано: плач, и стон, и горе, и каковой свиток должен был съесть пророк Иезекииль (2, 10, 3, 1). Сколько и мне придется глотать слез и испускать стонов в предстоящем мне патриаршем служении и особенно в настоящую тяжелую годину! Подобно древнему вождю еврейского народа Моисею и мне придется говорить ко Господу: «Для чего мучишь раба Твоего? И почему я не нашел милости перед очами Твоими, что Ты возложил на меня бремя всего народа сего?

Разве я носил во чреве весь народ сей и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка? Я один не могу нести всего народа сего, потому что он тяжел для меня» (Книга Чисел, гл. 11, стихи 11–14). Отныне и на меня возлагается попечение о всех церквах российских и предстоит умирание за них во все дни. А к сим кто доволен, даже и из креплих мене![612] Но да будет воля Божия! Нахожу подкрепление в том, что избрания сего я не искал, и оно пришло помимо меня и даже помимо человеков, по избранию Божию»[613].

В день Введения во храм Пресвятой Богородицы в Успенском соборе Кремля состоялось возведение на патриарший престол патриарха. Ввели его в алтарь и усадили на патриаршее место митрополит Киевский Владимир и митрополит Тифлисский Платон, экзарх Грузии. Здесь же ему передали и патриаршие облачения – накануне из патриаршей ризницы удалось выхлопотать мантию и крест патриарха Никона и рясу святителя Гермогена. После литургии, когда митрополит Владимир вручил ему с приветственным словом жезл святителя Петра, митрополита Московского, святейший патриарх ответил:

«…патриаршество восстанавливается на Руси в грозные дни, среди огня и смертоносной орудийной пальбы. Вероятно, и само оно принуждено будет не раз прибегать к мерам запрещения для вразумления непокорных и для восстановления порядка церковного. Но как в древности пророку явился Господь не в буре, не в трусе, не в огне, а в прохладе, в веянии тихого ветерка, так и ныне слышится веяние словес Твоих: «Еще семь тысяч мужей не преклонили колена пред современным ваалом и не изменили Богу истинному». И Господь как бы говорит мне так: «Иди и разыщи тех, ради коих еще пока стоит и держится русская земля. Но не оставляй и заблудших овец, обреченных на погибель, на заклание, овец, поистине жалких. Паси их и для сего возьми жезл сей, жезл благоволения. С ним потерявшуюся – отыщи, угнанную – возврати, пораженную – перевяжи, больную – укрепи, разжиревшую и буйную – истреби. Паси их по правде». В сем да поможет мне Сам Пастыреначальник, молитвами Пресвятые Богородицы и святителей Московских…»[614]

Когда после интронизации молящиеся вышли из Успенского собора, один из участников вспоминал: «…я удивился разрушению кремлевских церквей. Октябрьский штурм был беспощаден… Дыры на куполе Успенского собора, пробоины в стенах Чудова монастыря. Пули изрешетили стены собора двенадцати апостолов. Снаряды повредили соборы Благовещенский и Архангельский. Удручающая действительность… Веяние духа болыневицкой злобы и разрушения – вот что мы почувствовали, когда в высоком духовном подъеме вышли из Успенского собора… Полной радости не могло быть, только молитвенная сосредоточенность и надежда, что патриарх, быть может, остановит гибельный процесс.

По древнему обычаю, после интронизации патриарх должен торжественно объехать Кремль, благословляя народ. Эта процессия обставлялась когда-то с большой пышностью. Теперь патриарший объезд Кремля являл картину весьма скромную. Патриарх ехал на извозчике, с двумя архимандритами по сторонам; впереди, тоже на извозчике, – «ставрофор», то есть

крестоносец, иеродиакон с патриаршим крестом. Несметные толпы народа при приближении патриарха Тихона опускались на колени. Красноармейцы снимали шапки, патриарх благословлял народ. Никаких приветствий из толпы, – благоговейная тишина… Большевицкая кремлевская стража косо посматривала на процессию, но выражать неудовольствие не решалась»[615].

Обстановка в стране стремительно менялась. Начало 1918 года ознаменовалось рядом декретов, в том числе декретом об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. В этот же день, 2 февраля, открылась вторая сессия Поместного Собора. Все резче становится расхождение и оценка происходящих в стране событий иерархами Церкви и ее новым правительством. В официальной прессе начинается огульное охаивание как прошлого, так и настоящего Русской Церкви. Страна находится на грани Гражданской войны. В провинциях все чаще расстреливаются крестные ходы верующих. 18 марта 1918 года патриарх Тихон обратился к верующим по поводу заключения Брестского мира: «…а между тем у нас продолжается все та же распря, губящая наше Отечество. Внутренняя междоусобная война не только не прекратилась, а ожесточается с каждым днем. Голод усиливается, и, чтобы ослабить его, грозят даже изгонять из столиц мирных жителей, не знающих, где им приклонить голову. Рабочим угрожает лишение заработка, возвращающиеся из полков воины не находят работы. Умножаются грабежи и убийства, и для борьбы с ними часто прибегают к ужасному самосуду. Устранит ли объявленный мир эти вопиющие к небу нестроения? Не принесет ли он еще больших скорбей и несчастий? Увы, оправдываются слова пророка: «Они говорят мир, мир, а мира нет. Нет мира и нет радости, спутницы мира…»[616]

Вспыхнула Гражданская война, постоянно усиливается гонение на Церковь. С июня 1918 года все чаще появляются газетные статьи разоблачительного характера – власти закрыли помещения, в которых проходила третья сессия Собора. Повсеместно закрывались домашние церкви, были закрыты все духовно-учебные заведения, прекращено преподавание Закона Божьего в школах. 11 июня патриарх Тихон прибыл в Петроград.

Отвечая на речь председателя правления Петроградского братства православных приходов, протоиерея Николая Рудницкого, патриарх сказал: «Я слышал сейчас, что братство объединяет людей, готовых на подвиги исповедничества, мученичества, готовых на смерть. Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать он не умеет. Задача братства не в том, чтобы воодушевлять людей на мучения и смерть, но их наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наши упования – это жизнь, а не смерть и могила»[617]. Патриарх очень часто служил, в первый год своего первосвятительства служил почти через день.

В сентябре 1918 года еще продолжались последние заседания Собора, но вскоре стало ясно, что далее они продолжаться уже не могут. Разворачивавшиеся события не дали Церкви возможности решить самые насущные вопросы церковной жизни. И тем не менее структуры высшей церковной власти претерпели существенные изменения. Возникли два высших органа управления Церковью – Священный Синод, состоящий из патриарха и 12 членов – епископов, и Высший Церковный Совет, возглавляемый также патриархом и состоящий из 15 членов – трех иерархов из Священного Синода по выбору патриарха, а также по избранию Собора, одного монаха из иноков, пяти клириков и шести мирян. Были разграничены и сферы деятельности Священного Синода и Высшего Церковного Совета. Священный Синод, согласно постановлению Собора, был призван ведать делами вероучения, богослужения, церковного просвещения, управления и дисциплины. Высший Церковный Совет – административными делами, делами хозяйственными, контроля, ревизии и юридической консультации. Если вопросы, представленные в Синод или в Высший Церковный Совет, носили смешанный характер, то рекомендовано было проводить для их разрешения совместные совещания. Таким образом был восстановлен один из древних принципов, согласно которому в делах управления Церковью наряду с епископатом принимали участие священники и миряне.

Но к сожалению, Гражданская война, а также усиливавшиеся гонения не способствовали нормальному развитию церковной жизни. Декрет об отделении Церкви от государства спровоцировал на местах ожесточенные гонения верующих, конфискации церковных зданий, массовые закрытия монастырей. Только за 1918 год было закрыто 26 монастырей, 94 храма, убито 102 священника, 154 диакона, 94 монахов и монахинь. Многие иерархи были подвергнуты тюремному заключению. Начало 1919 года ознаменовалось постановлением Президиума Московского Совета о передаче монастырских помещений Отделу народного просвещения. А 16 февраля 1919 года было опубликовано постановление Народного комиссариата юстиции об организованном вскрытии мощей. Процесс вскрытия мощей сопровождался по всей стране массовым сопротивлением верующих и конечно же расстрелами и арестами как мирян, так и духовенства. Патриарх Тихон неоднократно обращался к высшим властям страны с просьбами прекратить глумления над чувствами верующих, но волна воинствующего атеизма продолжала нарастать. Неоднократно в эти тяжелые для Церкви дни патриарх Тихон, по долгу печалования, обращался и к правительству, и к верным чадам Русской Церкви: «…трудная, но и какая высокая задача для христианина сохранить в себе великое счастье незлобия и любви и тогда, когда ниспровергнут твой враг и когда угнетенный страдалец призывается изречь свой суд над недавним своим угнетателем и гонителем. И Промысел Божий уже ставит перед некоторыми из чад Русской Православной Церкви это испытание. Зажигаются страсти.

Вспыхивают мятежи. Создаются новые и новые лагери. Разрастается пожар сведения счетов. Враждебные действия переходят в человеконенавистничество. Организованное взаимо истребление – в партизанство, со всеми его ужасами. Вся Россия – поле сражения! Но это еще не все. Дальше еще ужас. Доносятся вести о еврейских погромах, избиении племени без разбора возраста, вины, пола, убеждений.

Озлобленный обстоятельствами жизни, человек ищет виновников своих неудач и, чтобы сорвать на них свои обиды,

горе и страдания, размахивается так, что под ударом его ослепленной жаждой мести руки падает масса невинных жертв. Он слил в своем сознании свои несчастья с злой для него деятельностью какой-либо партии и с некоторых перенес свою озлобленность на всех. И в массовой резне тонут жизни вовсе непричастных причинам, пролившим такое озлобление…

…Мы содрогаемся, что возможны такие явления, когда при военных действиях один лагерь защищает передние свои ряды заложниками из жен и детей противного лагеря. Мы содрогаемся варварству нашего времени, когда заложниками берутся в обеспечение чужой жизни и неприкосновенности. Мы содрогаемся от ужаса и боли, когда после покушений на представителей нашего современного правительства в Петрограде и Москве, как бы в дар любви им и в свидетельство преданности и в искупление вины злоумышленников, воздвигались целые курганы из тел лиц, совершенно непричастных к этим покушениям, и безумные эти жертвоприношения приветствовались восторгом тех, кто должен был остановить подобные зверства. Мы содрогались, но ведь эти действия шли там, где не знают или не признают Христа, где считают религию опиумом для народа, где христианские идеалы – вредный пережиток, где открыто и цинично возводится в насущную задачу истребление одного класса другим и междоусобная брань. Нам ли, христианам, идти по этому пути. О, да не будет!..»[618]

К началу 1921 года было ликвидировано 573 монастыря, а за несколько первых месяцев этого года еще 40. Этот год стал преддверием той кровавой трагедии, которая постигла Русскую Церковь в 1922 году. Летом этого года разразился небывалый голод – следствие как Гражданской войны, так и продовольственной политики большевиков. Голод захватил многие районы России, угрожая перерасти в национальную катастрофу. К началу 1922 года голодало более тридцати миллионов человек. Попытки российской общественности помочь голодающим привели к созданию Всероссийского комитета помощи голодающим. Комитет был узаконен постановлением Президиума ВЦИК 21 июля 1921 года:

постановление подписано председателем ВЦИК М. И. Калининым. Но просуществовал ВКПГ немногим более месяца – 27 августа того же года появилось постановление Президиума ВЦИК за подписью заместителя председателя П. Залуцкого о его ликвидации.

В вину членам Комитета вменялось обращение за помощью к патриарху Тихону, а также напечатание летом 1921 года стотысячным тиражом его воззвания к верующим в России и за рубежом с просьбой помочь голодающим. В нем прозвучали следующие слова: «Пастыри стада Христова! Молитвою у престола Божия, у родных святынь исторгайте прощение Неба согрешившей земле. Зовите народ к покаянию: да омоется покаянными обетами и Святыми Тайнами, да обновится верующая Русь, исходя на святой подвиг и его совершая, да возвысится он в подвиг молитвенный, жертвенный подвиг. Да звучат вдохновенно и неумолчно окрыленные верою в благодатную помощь свыше призывы ваши к святому делу спасения погибающих. Паства родная моя! В годину великого посещения Божия благословляю тебя: воплоти и воскреси в нынешнем подвиге твоем святые, незабвенные деяния благочестивых предков твоих, в годины тягчайших бед собиравших своею беззаветною верою и самоотверженной любовью во имя Христово духовную русскую мощь и ею оживотворявших умиравшую русскую землю и жизнь... Помогите! Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и ныне умирающей от голода...»[619]

Комитет и воззвание патриарха Тихона сделали свое дело – 21 августа 1921 года в Риге заместителем наркома М. Литвиновым было подписано соглашение с представителем Американской организации помощи (АРА). Американцы заявили о немедленной высылке первых вагонов с продовольствием, а Гувер, глава АРА, обещал, что ежемесячно на нужды голодающих будет расходоваться не менее полутора миллионов долларов. От имени общественности соглашение о поставке продовольствия подписал и знаменитый Фритьоф Нансен. После разгона ВКПГ почти все его организаторы были

препровождены на Лубянку. Ленин призвал прессу «на сотни ладов высмеивать «Кукишей»[620] – так он называл ВКПГ.

Тем временем голод в стране приобретал все больший размах. Разгон ВКПГ показал, что власти не намерены терпеть какой-либо помощи, в том числе и от Церкви. 23 февраля 1922 года был издан декрет ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Спустя пять дней патриарх Тихон обратился к верующим с посланием, в котором прозвучало: «Тогда же (в августе 1921 г. – С. Б.) был основан Нами Всероссийский Церковный Комитет помощи голодающим, во всех храмах и среди отдельных групп верующих начались сборы денег, предназначавшихся на оказание помощи голодающим. Но подобная церковная организация была признана Советским Правительством излишней и все собранные Церковью денежные суммы потребованы к сдаче и сданы правительственному Комитету.

Однако в декабре Правительство предложило Нам делать, при посредстве органов церковного управления … пожертвования деньгами и продовольствием для оказания помощи голодающим. Желая усилить возможную помощь вымирающему от голода населению Поволжья, Мы нашли возможным разрешить церковноприходским Советам и общинам жертвовать на нужды голодающих драгоценные церковные украшения и предметы, не имеющие богослужебного употребления, о чем и оповестили православное население 6 (19) февраля с. г. особым воззванием…

Но вслед за этим, после резких выпадов в правительственных газетах по отношению к духовным руководителям Церкви, 10 (23) февраля ВЦИК для оказания помощи голодающим постановил изъять из храмов все драгоценные церковные вещи, в том числе и священные сосуды и прочие церковные богослужебные предметы. С точки зрения Церкви подобный акт является актом святотатства…» Патриарх запретил верующим отдавать священные сосуды и богослужебные предметы.

Противостояние, которое на протяжении нескольких лет нарастало между Церковью и правительством, достигло апогея. Вспыхнул конфликт – попытка изъятия церковных ценностей в

городе Шуе привела к вооруженному столкновению, в результате которого было убито четыре человека и ранено десять. События произошли 15 марта, а 19 марта Ленин обращается к В. М. Молотову с секретным письмом для членов Политбюро. Давая оценку событиям, произошедшим в г. Шуе, он пишет: «Я думаю, что здесь наш противник делает громадную стратегическую ошибку, пытаясь втянуть нас в решительную борьбу тогда, когда она для него особенно безнадежна и особенно невыгодна. Наоборот, для нас, именно данный момент представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления...»[621]

На следующий день прошло заседание Политбюро в составе Троцкого, Молотова, Сталина и Каменева. Ленин не присутствовал на этом заседании. Обсуждался проект директив об изъятии церковных ценностей, разработанный Л. Троцким. На этом заседании он был принят с небольшими поправками. В нем указывалось: «В центре и губерниях создать секретные руководящие комиссии по изъятию ценностей по типу московской комиссии Сапронова – Уншлихта... Наряду с этими секретными подготовительными комиссиями имеются официальные комиссии... или столы при комитетах помощи голодающим для формальной приемки ценностей, переговоров с группами верующих и пр.» Но Троцкий пошел дальше, предложив следующие меры: «Одновременно с этим внести раскол в духовенстве, проявляя в этом отношении решительную инициативу и взяв под защиту государственной власти тех священников, которые открыто выступают в пользу изъятия... Видных попов по возможности не трогать до конца кампании, но негласно, но официально (под расписку через

губполитотделы) предупредить их, что в случае каких-либо эксцессов они отвечают первыми»[622].

А 28 марта в «Известиях» был опубликован «Список врагов народа» и первым указан патриарх Тихон «со всем своим церковным собором». Решительное сражение, к которому призывал Ленин, разворачивалось по всей стране. Массовые изъятия церковных ценностей привели к кровавым столкновениям – их насчитывалось к концу года более полутора тысяч. 26 апреля проходил процесс в Москве – к расстрелу были приговорены 11 человек. 5 мая на процессе в качестве свидетеля выступал патриарх Тихон, находящийся под пристальным надзором ГПУ. А 12 мая, словно по мановению волшебной палочки в руках Л. Троцкого и Ф. Дзержинского, возникает раскол в РПЦ, который позже получил название «Живой Церкви». Несколько . священников – Введенский, Боярский, Белков – пытаются узурпировать власть в Церкви. Пресса оказывает им поддержку, их декларация публикуется, по личной просьбе Л. Троцкого, в «Известиях» от 14 мая.

Эта попытка взорвать единство Церкви изнутри едва не увенчалась успехом. В отчете начальника 6 отделения ОГПУ Е. А. Тучкова, направленном заместителю председателя ОГПУ Менжинскому, он пишет: «Момент изъятия церковных ценностей послужил как нельзя лучше к образованию обновленческих противотихоновских групп, сначала в Москве, а потом по всей стране. До этого времени, как со стороны органов ГПУ, так и со стороны нашей партии, внимание на Церковь обращалось исключительно с информационной целью, поэтому требовалось для того, чтобы противотихоновские группы овладели церковным аппаратом, создать такую осведомительную сеть, которую можно было бы использовать не только в вышеупомянутых целях, но и руководить через нее всею церковью, что нами и было достигнуто. Достижение это, само собой разумеется, не могло получиться сразу и без затраты денежных средств…»[623]

К февралю 1924 года, когда составлялся отчет, уже было ясно, что обновленчество проиграло и держится только поддержкой ОГПУ.

Так что известная доля дезинформации содержится и в этом документе. Но в 1922 году «Живая Церковь» действительно господствовала по всей стране. Патриарх Тихон находился под домашним арестом. После отказа митрополита Петроградского Вениамина подчиниться Высшему Церковному управлению, сформированному «живоцерковниками», 29 мая он был арестован. А уже 31 мая на имя Ленина представителями церквей Великобритании была направлена телеграмма с протестом против преследований патриарха Тихона. Весь июнь на имя Ленина продолжают поступать телеграммы в защиту патриарха. 11 июня открывается процесс в Петрограде. 5 июля прозвучал приговор – 10 человек приговариваются к расстрелу, остальные – к тюремному заключению. 10 августа ВЦИК помиловал шестерых, но оставил в силе приговор над остальными четырьмя подсудимыми. Митрополит Вениамин, архимандрит Сергий (Шеин), а также профессора Новицкий и Ковшаров были расстреляны.

К концу года по делу об изъятии церковных ценностей погибло и было расстреляно более восьми тысяч человек. 1923 год начался усилением антирелигиозной пропаганды; повсеместно проводились показательные суды над Богом. 26 марта заканчивается процесс над группой католиков во главе с архиепископом Яном Цепляком. Архиепископ и прелат Буткевич приговорены к расстрелу. В апреле нарастает волна протестов на Западе против преследований верующих в СССР. В конце марта архиепископ был помилован, а прелат Буткевич расстрелян. 8 мая прозвучал ультиматум министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона с требованием прекратить коммунистическую пропаганду в Азии, а также остановить казни духовенства и верующих. Г. Чичерин и Л. Троцкий обратились к Петроградскому и Московскому Советам с призывом не делать ни одного шага, который мог бы осложнить международную обстановку. Англия угрожала расторгнуть торговый договор от 1921 года. 17 мая Красин встретился в Лондоне с Д. Керзоном и добился десятидневной отсрочки ультиматума. Именно в эти дни патриарх Тихон переводится во внутреннюю тюрьму Лубянки.

16 июня 1923 года он был освобожден и в печати появилось его заявление, в котором он раскаивался в «антисоветских поступках». Верующими этот акт был воспринят как вынужденный – патриарх оклеветал себя, чтобы спасти Церковь. Летом 1923 года намечается перелом в церковной ситуации – духовенство и миряне массами возвращаются в лоно РПЦ, покидая «Живую Церковь». Наиболее активные епископы продолжали томиться в заключении. Призыв Ленина: «Чем больше число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать»[624], – был воплощен в жизнь.

Несмотря на то что патриарх Тихон был освобожден из-под стражи, а «Живая Церковь», инспирированная ГПУ, теряла свое влияние, продолжались аресты епископов, сохранивших верность патриарху. К концу 1923 года число заключенных христиан на Соловках достигало пяти тысяч человек. Лишь в марте 1924 года Президиум ЦИК СССР принял решение о прекращении уголовного дела Белавина В. И. – патриарха Тихона. Но продолжались долгие и утомительные встречи с Е. А. Тучковым, начальником 6 отдела ОГПУ. Тучков добивался от патриарха, чтобы все церковные решения регистрировались представителями государства. Тем самым Церковь опять бы становилась в подчиненное положение. Эти переговоры, сопровождавшиеся угрозами, арестами близких к патриарху людей, подрывали и без того ослабевшее после заключения здоровье патриарха. Врачи обнаружили у него заболевание почек. 9 декабря 1924 года произошло покушение на жизнь патриарха – неизвестные ворвались в его келью в Донском монастыре. Раздался выстрел, но келейник патриарха, Я. С. Полозов, успел заслонить его. Келейник был убит наповал, неизвестные бросились бежать.

Известно, что часто люди, занявшие высокий пост в миру или в церкви, неприметно меняются, отдаляются от людей. Но патриарх Тихон и после своего избрания не изменил ни своим

привычкам, ни обычной для него форме общения с паствой. Даже в служении он всегда стремился к простоте, избегая излишней аффектации и театральности. До ареста он продолжал проживать на Самотеке, в Троицком подворье. Дом был окружен небольшим садиком, в котором любил прогуливаться патриарх. Здесь к нему часто присоединялись посетители и гости. Беседы затягивались порой до позднего часа. Сад был отделен от соседних домов высоким забором. Иногда соседские дети взбирались на него, и тогда патриарх оделял их сластями, яблоками. Он отличался невзыскательностью в еде, предпочитая изысканным блюдам щи и кашу.

После освобождения он был вынужден поселиться в Донском монастыре, где занимал три небольшие комнаты. Доступ к нему был всегда свободным: в приемной теснились люди со всех концов России. Принимая посетителей, он любил гладить кота, который пристраивался у него на коленях. Келейник лишь спрашивал посетителей о цели их прихода и докладывал патриарху. Выезжая служить, он избегал пышных церемоний, добирался до храма обычно на извозчике, в сопровождении келейника. Так же, как и в молодые годы, любил мягкую, незлобивую шутку. Протоиерей Сергий Булгаков вспоминал: «То, что произошло в нем, – смерть еще до смерти, прохождение через огонь жертвенного очищения – оставило неизгладимые черты на его духе; он был закален и вырос духовно, как никто другой. То была особая царственная свобода с полным отсутствием страха за свою судьбу. Каждый ощущал радость в присутствий патриарха, так как он не знал страха, хотя и был окружен постоянно грозящей опасностью. Даже мужественные сердца подчас испытывали тайный страх, но он оставался ясным и светлым, даже когда находился на волосок от смерти…»[625]

13 января 1925 года патриарх ложится в клинику Бакунина в связи с обострившимся заболеванием почек. Несмотря на это, он продолжал выезжать для служения в московских церквах. 7 апреля ему стало хуже. Сохранилось описание последних часов жизни патриарха Тихона: «…часов около 10 вечера Святейший

потребовал умыться и с необычной для него строгостью, с серьезным тоном, к которому я не привык, – рассказывал его келейник Константин Пашкевич, – сказал:

– Теперь я усну… крепко и надолго. Ночь

будет длинная, темная, темная.

…Минута проходила за минутой. Святейший лежал с закрытыми глазами. После маленького забытья Святейший открыл глаза и спросил:

– Который час?

– Без четверти двенадцать.

– Ну, слава Богу, – сказал Святейший, точно только этого часа он и ждал, и стал креститься.

– Слава Тебе, Господи, – сказал он и перекрестился.

– Слава Тебе, Господи! – повторил он и снова перекрестился.

– Слава Тебе, Господи, – сказал он и занес руку для третьего крестного знамения…»

Так отошел ко Господу Святейший патриарх Тихон, первосвятитель Русской Православной Церкви.

Погребение состоялось 12 апреля 1925 года в Донском монастыре. Его преемник, митрополит Петр (Полянский), сказал над гробом

Святейшего: «…трудна была его жизнь. Тяжелый жребий выпал на долю его – править Русскою Церковью в такое бурное время. Но он уже отошел ко Господу. Труды и подвиги его закончились: он предстоит уже престолу Божию… Осиротели мы. Не стало у нас печальника и молитвенника, который для молодых был отцом, для взрослых мудрым наставником и руководителем, а для всех вообще – другом. Его обаятельная ласка простиралась и на меня… Помолись же, отец наш, за нас, осиротелых…»[626] Очевидцы вспоминали, что похороны патриарха вылились в своеобразный смотр сил Русской Церкви. Казалось, что вся Россия собралась у гроба Святейшего. Художник Павел Корин, присутствовавший на похоронах, задумал величественное живописное полотно под названием «Реквием», которое ему не суждено было завершить.

После смерти патриарха Тихона Русская Церковь оказалась перед угрозой уничтожения. Часть христиан вынуждена была уйти в катакомбы, и Церковь продолжала жить в «катакомбах».

Примечания

[1] - Происхождение жития довольно позднее – оно датируется серединой XVI в. и приписывается священнику и духовнику Иоанна Грозного Сильвестру (начало XVI в. – 1568). Г. П. Федотов предполагает, что канонизация княгини Ольги произошла еще в домонгольский период: «Не знаем в точности, когда были канонизированы первые по времени русские святые: княгиня Ольга († 969) и князь Владимир († 1015)… Святая Ольга, вероятно, канонизирована в период домонгольский. Мних Иаков (XI век) в своем похвальном слове говорит о нетленности ее тела, перенесенного Владимиром в Десятинную церковь» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 91–92).Священник Сильвестр, будучи выходцем из купеческой новгородской среды, был близок к Новгородскому архиепископу Макарию. После избрания Макария митрополитом всея Руси переехал в Москву и стал протопопом Благовещенского собора в Кремле. Он принимал участие в составлении и редактировании таких важных памятников эпохи, как «Судебник» 1550 г. и Четьи-Миней. Он также принимал участие в создании «Книги степенной царского родословия». Составителем Степенной книги считается единомышленник митрополита Макария митрополит Афанасий. В этой книге вся русская история предстает как деяния русских царей и их предков. «Сказание о княгине Ольге» составлено на основе нескольких материалов – летописного сказания об Ольге, ее «Жития» и церковной службы ей, а также «Похвалы князю Владимиру» инока Иакова. Сравнение «Сказания» со страницами «Повести временных лет» показывает, как порой далеко отходит повествователь от лаконичного текста летописи. Подлинных исторических данных о происхождении Ольги и других фактов ее биографии сохранилось весьма мало. Текст публикуется по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. М., 1985; дается с небольшими сокращениями.

[2] - Царь Роман… – Роман Лакапин, крупный военный деятель Византии, с 920 г. соимператор, в 944 г. был заточен своими сыновьями в монастырь на острове Проти, умер в 948 г.

[3] - Эпизод почти целиком позаимствован из «Повести временных лет».

[4] - Царьград – Константинополь, столица Византии. Предполагается, что приход княгини Ольги в Константинополь произошел при императоре Константине Багрянородном.

[5] - Имеется в виду библейский рассказ о прекрасном Иосифе, сыне библейского патриарха Иакова. См. Книгу Бытия, главы 37–48.

[6] - Рассказ о сватовстве византийского императора к княгине Ольге, по-видимому, апокрифичен. Вряд ли император при живой жене мог свататься к правительнице другого государства, прибывшей к нему с официальным визитом. В христианстве существует обычай, согласно которому крестный отец становится родственником своему крестнику или крестнице. Поэтому брак между крестным и крестницей исключался.

[7] - В то время Византийской церковью управлял патриарх Полиевкт. Весьма вероятно, что он дал новокрещеной княгине Ольге все необходимое для богослужения, в том числе и священника.

[8] - Здесь явный анахронизм. Город Псков был основан в 903 г. Храм во имя Пресвятой Троицы до сих пор высится на берегу реки Великой. Быть может, основание храма связано с именем великой княгини Ольги.

[9] - Как и житие великой княгини Ольги, житие святого равноапостольного князя Владимира довольно позднего происхождения. Г. П. Федотов пишет: «Есть предположение, что празднование святому Владимиру установлено вскоре после Невской победы, которая была одержана над шведами в день памяти святого князя (15 июля 1240 г.). Неизвестный автор похвального слова князю Владимиру (середина XII в.) жалуется на отсутствие почитания его и этим объясняет отсутствие чудес». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 91.) Но уже в

ранних похвальных словах XI в. звучит сравнение князя Владимира с византийским императором Константином, который был приравнен к апостолам, поскольку признал христианство и крестился сам. Именно поэтому в церковных службах величают князя Владимира равноапостольным. Г. П. Федотов отмечает: «Но у князя Владимира есть особые, личные права на святость, которые подчеркиваются и в летописи, и у Нестора, и в похвальных словах: это его милостыня». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 92.) Текст данного жития переведен по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского, месяц август.

[10] - Память мучеников Феодора и сына его Иоанна празднуется Русской Церковью 12 июля. Согласно преданию, князь Владимир, бывший в те времена еще язычником, после победы над ятвягами около 984 г. пожелал принести вместе с дружиной жертву. Бросили жребий, и он выпал на варяга Иоанна, который пришел на Русь из Византии и придерживался христианских убеждений. Феодор, также христианин, выступил перед князем и дружи ной с обличием язычества, называл языческих богов идолами. Разъяренная толпа язычников бросилась на отца с сыном и умертвила их. Варяги Феодор и Иоанн стали первыми мучениками на Руси.

[11] - Святой апостол Андрей Первозванный – один из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Первозванный – призванный на служение одним из первых, вместе с Пет ром, согласно христианскому преданию, ему выпал жребий проповедовать в Скифских пределах, на нынешней территории России.

[12] - Патриарх Фотий – (около 810–890-е гг.), константинопольский патриарх в 858–867, а затем в 877–866 гг. Один из самых просвещенных людей своего времени, автор множества трудов, в том числе составитель Мириобиблиона, или Библиотеки, – это своеобразные аннотации 280 различных сочинений. Он был инициатором укрепления христианства в Болгарии, в Моравии и на Руси. Естественно, что он не мог быть современником князя Владимира.

[13] - Первым русским митрополитом был Феофилакт, как об этом говорят исторические источники. Он был переведен на Русь из византийской провинции Армения. Вторая византийским императором Василием II (985–1025). Согласно традиции, идущей с XVI в., первым русским митрополитом был некий Михаил. Источник этой легенды – церковный устав, приписываемый Владимиру I, который восходит к XII-XIII вв. Согласно этому памятнику, Михаил является современником Владимира и Константинопольского патриарха Фотия. Отсюда был сделан вывод, что Михаил и был тем самым епископом, которого послал Фотий на Русь в 867 г. «Появление имени Михаила в церковном уставе объясняется тем, что в «Повести временных лет» под 988 г. находится наставление о вере, якобы преподанное новокрещеному Владимиру. Оно представляет собой не что иное, как сокращенный перевод Символа веры, составленного в первой половине IX в. Михаилом Синкеллом. Составители церковного устава восприняли это «наставление» как написанное ради Владимира и, таким образом, заключили, что автор Символа веры был и первым русским митрополитом» (Щапов Я. Н. Государство и церковь в Древней Руси X-XIII веков. М., 1989. С. 192).

[14] - Речь идет о бабке князя Владимира – Ольге, которая, согласно преданию, приняла крещение в Константинополе. Она вернулась на Русь в сопровождении священника. Естественно, что уже во время ее правления на Руси были построены первые русские храмы, в которых совершалась служба и происходили крещения новообращенных.

[15] - Данный отрывок позаимствован из «Повести временных лет», в которой он значится, как «Речь философа». Происхождение ее, как и личность философа, обозначаемого в житии как Кир или Кирилл, неизвестно.

16

Существуют различные точки зрения историков на хронологию, связанную с крещением князя Владимира. А. В. Карташев считает, что крещение князя Владимира произошло в 987 г. в Васильеве, а Корсунь (Херсонес) он взял в 989 г. В 987 г. был заключен военный договор с Византией, и согласно ему князь Владимир направил в распоряжение императора свое войско. Летопись сообщает, что в награду ему была обещана сестра императора Анна.

[17] - Епископ же вначале огласил его – оглашение или иначе – объявление о том, что человек собирается креститься. Оглашенный проходил катехизацию, то есть под готовку, которая в древней Церкви обычно приходилась на время Великого поста и длилась сорок дней. На Пасху происходило крещение оглашенных.

[18] - Явный анахронизм. Город основан в 1180 г. Владимиром II Мономахом.

[19] - Речь идет о византийском императоре Константине (285–337).

[20] - Установление празднования памяти святого равноапостольного князя Владимира произошло намного позднее его смерти.

[21] - Князья Борис и Глеб, сыновья великого князя Владимира, были первыми русскими святыми, которые удостоились всенародного почитания вскоре после их трагической гибели. Почитание княгини Ольги и ее внука князя Владимира, а также первых мучеников, варягов Феодора и Иоанна, установилось гораздо позже. Г. П. Федотов отмечает: «Но святые Борис и Глеб были первыми венчанными избранниками Русской Церкви, первыми чудотворцами ее и признанными небесными молитвенниками «за новые люди христианские». Как говорит одно их житие, они «отняли поношение от сынов русских», столь долго косневших в язычестве. Вместе с тем их почитание устанавливается сразу как всенародное, упреждая церковную канонизацию. Более

того, канонизация эта была произведена, несомненно, не по почину высшей иерархии, то есть греков-митрополитов, питавших какие-то сомнения в святости новых чудотворцев… Всего два чуда отмечены до канонизации святых Бориса и Глеба, а уже славянская и варяжская Русь стекалась в Вышгород в чаянии исцелений» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 40, 41).Святых князей Бориса и Глеба церковная служба называет «страстотерпцами»: «Святые Борис и Глеб создали на Руси особый, не вполне литургически выявленный чин «страстотерпцев» – самый парадоксальный тип русских святых. В большинстве случаев представляется невозможным говорить о вольной смерти: можно лишь говорить о непротивлении смерти» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 50). Текст «Сказания» дается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978.

[22] - Приточник – автор библейской книги «Притчи Соломоновы».

[23] - «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» – цитата из 1 Послания апостола Петра, гл. 5, стих 5. Эти строки своеобразный парафраз из книги притчей: «Если над кощунниками Он посмеивается, то смиренным дает благодать» (Притчи, гл. 3, стих 34).

[24] - Цитируются строки из Первого послания апостола Иоанна, гл. 2, стих 9.

[25] - Первое послание апостола Иоанна, гл. 4, стих 18.

[26] - …Как Иосиф Вениамина! – эпизод из книги Бытия. Иосиф и Вениамин – сыновья библейского патриарха Иакова, горячо любившие друг друга.

[27] - Цитата из книги Екклезиаста, гл. 1, стих 2.

[28] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 10, стих. 39.

[29] - Цитата из книги Притчей Соломоновых, гл.1, стих 16.

[30] - Мученик Никита – согласно преданию, готский воин, живший на берегах Дуная (372). После истязаний язычниками был брошен в огонь. Мощи сначала были перенесены в Киликию, а затем, позже, в Константинополь. Мученик Вячеслав

(Вацлав) – чешский князь, годы княжения 921–929, был убит братом Болеславом I.

[31] - Мученица Варвара – пострадала около 306 г. в Финикии. Согласно преданию, она была единственной дочерью богатого язычника Диоскора. Решившись посвятить себя безбрачию, она не внимала советам отца и отказывала всем женихам. Разгневанный отец отдал ее на мучения, а затем собственноручно обезглавил. Мощи святой Варвары были перенесены в Константинополь. Над ними был воздвигнут храм. Затем в XII в. мощи были перенесены в Киев, где и хранились в Златоверхо-Михайловском монастыре.

[32] - Цитата из книги Притчей Соломоновых, гл. 2, стих 21.

[33] - Псалтырь – струнный инструмент, напоминающий гусли или арфу, под аккомпанемент которого в Древнем Израиле исполнялись псалмы. В данном случае имеются в виду псалмы, которые поет святой Борис. Псалтырью в Древней Руси называлась Книга псалмов, авторство которых приписывалось царю Давиду. Всего в Псалтыри 150 псалмов.

[34] - Псалом 22, стих 13.

[35] - Канон – в данном случае особая форма богослужебных песнопений, которые входят в состав Утрени и не которых других служб. Состоит из ряда песен, связанных единством воспеваемого праздника или святого. Всего в каноне девять песен, которые составлены по особому правилу. Каждая песня состоит из «ирмоса» и «тропарей». Ирмоса обычно поются, а тропари читаются.

[36] - Псалом 55, стих 13.

[37] - Первое послание к Коринфянам апостола Павла, гл. 14, стих 20.

[38] - Евангелие от Иоанна, гл. 15, стих 20. Евангелие от Луки, гл. 21, стих 19.

[39] - Псалом 9, стих 8; Псалом 64; стихи 4, 5.

[40] - Псалом 52.

[41] - Псалом 34, стих 21.

[42] - Евангелие от Матфея, гл. 5, стих 14.

[43] - Святой Димитрий Солунский – мученик, родом из Солуни (Фессалоник). Будучи знатным человеком, открыто проповедовал христианство в гонение императора Максимилиана. Был заключен в темницу, а затем умерщвлен копьями (в 306 г.). Память его празднуется 26 октября.

[44] - Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 8; Евангелие от Иоанна, гл. 14, стих 12.

[45] - В отличие от жития преподобного Феодосия, ученика преподобного Антония, которое было написано преподобным Нестором, житие Антония было воссоздано значительно позднее и в основном по летописным упоминаниям. Г. П. Федотов пишет: «Мы ничего не знаем о времени канонизации Антония. Древнее житие святого Антония, если оно и существовало, было рано утрачено: впрочем, некоторые сомневаются и в его существовании. Мы можем лишь догадываться о причинах скорого забвения памяти святого Антония. «Бе обыкл един жити и не терпя всякого мятежа и молвы», – как говорит Нестор. Антоний, когда к нему начала собираться братия, оставил ее на попечение поставленного им игумена Варлаама и затворился в уединенной пещере, где и пребывал до самой смерти. Он не был наставником и игуменом братии, кроме самых первых пришельцев, и его одинокие подвиги не привлекли внимания» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 53). Текст жития дан по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского.

[46] - Совершенного общежития… – киновия или общежительная форма монашества, когда все иноки равны в правах и обязанностях, а личного имущества не существует – все общее: стол, одежда. Плоды своего труда иноки предоставляют монастырю. Распорядок жизни подчинен строгому уставу, который предусматривает дисциплину и подчинение настоятелю монастыря и духовнику, то есть монаху, ведающему духовной жизнью иноков.

[47] - Священник Иларион – первый русский по происхождению митрополит Киева. Он был поставлен на митрополию князем Ярославом Мудрым из иеромонахов церкви Святых Апостолов в Берестове, княжеской резиденции под

Киевом. Затем, согласно канонам, был избран Собором русских епископов и в 1051 г. посвящен в качестве главы Русской Церкви в кафедральном Софийском соборе в Киеве. Современник характеризует Илариона как «мужа блага, книжна и постника». Его считают автором «Слова о законе и благодати», а также «Похвалы князю Владимиру», которая вошла в состав «Слова». Литературные дарования и образованность митрополита Илариона свидетельствуют о том, что он вполне мог получить образование в Византии. Он участвовал в посольстве ко французскому двору в 1048 г. После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. он, вероятно, был смещен с престола и его место занял грек Ефрем.

[48] - Преподобный Антоний Великий – основатель египетского монашества. Родился во второй половине третье го века в семье знатных и богатых родителей. После их смерти, будучи юношей, раздал все имущество и поселился в пещере. Затем ушел в Египетскую пустыню, основал множество иноческих обителей и скитов. Дважды в жизни оставлял уединенную пустынную жизнь – в первый раз он пришел в Александрию во время гонения императора Максимина, утешая гонимых, укрепляя и ободряя заключенных. Второй раз во время расцвета арианской ереси. В пустыне у святого Антония скрывался один из самых активных борцов с арианством – святой Афанасий Александрийский. Он оставил подробное житие преподобного Антония, который дожил до 105 лет и скончался в 356 г. Оставил после себя наставления, правила монашеской жизни, письма. В 544 г. мощи его были перенесены в Александрию, затем, в VII в., в Константинополь. Позже, в XI в., вывезены крестоносцами во Францию. Ныне хранятся в храме святого Иулиана в Арле.

[49] - Житие преподобного Моисея Угрина помещено в Киево-Печерском Патерике. Польский король Болеслав I был призван Святополком, сыном великого князя Владимира, для захвата киевского стола в 1018 г. Великий князь Ярослав вынужден был отступить. Польские войска были поставлены «на покорм» в киевских городах. Против поляков начались народные выступления, и в этом же году Болеслав с войском вернулся в

Польшу, уведя с собой как пленниц сестер Ярослава. Одну из них, Предславу, он сделал своей наложницей. Моисей Угрин находился среди слуг Предславы. Его любви домогалась знатная вдова, но он был пострижен в монашество пришедшим афонским монахом.

[50] - Центральный храм Киево-Печерского монастыря. Успение Божией Матери празднуется 28 августа. Это один из наиболее чтимых праздников на Руси. Успение означает – засыпание. Смерть Божией Матери была подобна мирному засыпанию.

[51] - См. примечание 22 к «Сказанию о Борисе и Глебе».

[52] - Устав Студитского монастыря – написан преподобным Феодором Студитом, одним из активных борцов против иконоборческой ереси в Византии. В царствование императрицы Ирины восстановил в Константинополе Студийский монастырь, для которого написал устав, и был в нем настоятелем. Для руководства обширным монастырем создал особый штат и ямбическими стихами изложил обязанности каждого, начиная от игумена и кончая простыми иноками. Пострадал при иконоборческих императорах Константине Копрониме и Льве Армянине. Известен как церковный писатель и поэт. Его перу принадлежит множество стихир, канонов. Скончался в 826 г.

[53] - Житие преподобного Феодосия Печерского – одно из самых древних подлинных русских житий. Г. П. Федотов, сравнивая двух печерских преподобных – Антония и Феодосия, пишет: «Хотя скончался он всего за год или за два ранее Феодосия, но к тому времени тот был уже «единственным пастухом словесных овец», средоточием любви и почитания не только монастырской, уже многочисленной братии, но и всего Киева, если только не всей южной Руси. Уже в 1091 г. мощи святого Феодосия († 1074) открыты и перенесены в великую Печерскую церковь Успения Богородицы – свидетельство местного, монастырского его почитания, а в 1108 г., по почину великого князя Святополка, митрополит с епископами совершают торжественную (общую) его канонизацию. Еще до перенесения мощей, лет десять спустя по смерти святого, преподобный Нестор написал его житие, единственное

известное нам, обширное и богатое содержанием, – лучший труд нашего летописца. Нестор спас от забвения образ святого игумена и оставил его в память и подражение будущим векам. Нельзя думать, что предпочтение, оказанное современниками святому Феодосию перед Антонием, было явлением случайным. В лице первого Древняя Русь нашла свой идеал святого, которому оставалась верна много веков. Преподобный Феодосии – отец русского монашества. Все русские иноки – дети его, носящие на себе его фамильные черты. Впоследствии в русском иночестве возникнут новые направления духовной жизни, но никогда образ святого Феодосия не потускнеет. Труд Нестора ложится в основу всей русской агиографии, вдохновляя на подвиг, указывая нормальный, русский путь трудничества и, с другой стороны, заполняя общими необходимыми чертами пробелы биографического предания. Кому из русских игуменов жития не влагают в уста предсмертных слов Феодосия?» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 53–54). Текст жития в сокращенном варианте дается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII в. М., 1978.

[54] - Феодосии – в переводе с греческого означает Богом данный.

[55] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 18, стих 20.

[56] - «До наступления недели цветоносной» – неделя, непосредственно следующая за Пасхой.

[57] - «На пир Иезавели…» Иезавель – жена Ахава, царя Израильского (874 – 853 до н. э.). По ее требованию царь Ахав выстроил храм языческому божеству Ваалу. Прославилась гонениями на пророка Илию. Символ развращенности и неверности Богу. См. Третью книгу Царств, гл. 16, 19 и 21.

[58] - Житие преподобного Авраамия Смоленского – второй замечательный агиографический и литературный памятник домонгольской Руси. Г. П. Федотов писал: «Теперь же обратимся к единственному (после Феодосия) домонгольскому подвижнику, от которого осталось подробное жизнеописание, составленное его учеником. Преподобный Авраамий Смоленский был не только чтим в своем родном городе после

кончины (в начале XIII в.), но и канонизован на одном из московских Макариевских соборов (вероятно, 1549). Местно чтился в Смоленске и ученик его, Ефрем, автор жития. Несмотря на многочисленные литературные влияния на его труд, составленное им «Житие и терпение св. Авраамия» дает образ большой силы, полный оригинальных черт, может быть, неповторимых в истории русской святости» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 80). Текст жития дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского.

[59] - Селище – Богородицкий монастырь, стоявший на месте нынешнего села Богородицкое к юго-востоку от Смоленска.

[60] - «Еще читал святого Златоуста книги, и Ефрема Сирина…» – святой Иоанн Златоуст (344 или 354–407) – один из самых известных и популярных отцов Восточной Церкви. Родом из образованной греческой семьи из Антиохии. В 397 г. был избран епископом Константинопольским. Обличал роскошь и распущенность императорского двора, чем восстановил против себя императрицу Евдоксию. В 403 г. был осужден и выслан из Константинополя. Неожиданное землетрясение возбудило народ, и он потребовал вернуть святителя Иоанна. Но в 404 г. он был вновь арестован и выслан на Кавказ. Не доехав до места ссылки, ныне город Пицунда, он скончался в местечке Команы 14 сентября 407 г. Оставил после себя множество произведений: проповеди, толкования, письма. В Древней Руси его произведения были необычайно популярны. Преподобный Ефрем Сирин (306–373) – родом из малазийского города Нисивина, который в 363 г. отошел к Персии. Преподобный Ефрем переселился в город Эдессу. По-видимому, именно здесь он основал библейскую школу и преподавал в ней. Создал толкования почти на все библейские книги, сохранились его проповеди, толкования на Новый Завет. Проповеди, написанные на сирийском языке, напоминают скорее гимны. Почти все его творения, имея поэтическую форму, были весьма популярны на Руси.

[61] - «…князя смоленского Мстислава» – Мстислав (Борис) Романович – смоленский князь с 1197 по 1214. Убит в сражении на Калке (1223).

[62] - «…повторяя слова первомученика» – речь идет о первомученике архидиаконе Стефане, убитом разъяренной толпой иудеев вскоре после смерти Иисуса Христа.

[63] - Смоленский епископ Лазарь наследовал епископскую кафедру после смерти епископа Игнатия в 1205 г. Умер до 1226 г.

[64] - «Потом епископ Игнатий выстроил храм во имя Пресвятой Богородицы и монастырь…» – сначала храм в память Положения ризы и пояса Богородицы во Влахерне. Позднее был построен монастырь, названный в память первого игумена – Авраамиевым (начало XIII в.).

[65] - Монголо-татарское нашествие в корне изменило не только русскую государственность. Оно растоптало Киевскую Русь, и в течение почти трехсот лет постоянными набегами терроризировало русское население, постепенно перемещавшееся на север страны. Зверства монголотатар оставили глубокий след в душе русского человека – они вошли в былины и сказки. Но наряду с ужасами нашествия народ запомнил своих героев, которые смогли противостать превосходящим силам захватчиков. Наряду с героями народная память запечатлела и мучеников: «Бесспорным мучеником и самым почитаемым из святых князей после Бориса и Глеба был Михаил Всеволодович Черниговский, казненный с боярином Феодором в Орде 20 сентября 1246 г. Сказание о нем, составленное современником, вошло в летопись. Это не житие в собственном смысле, а повесть о «мучении» лишь с кратким житийным введением». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 95.) Текст жития дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского.

[66] - «По пророчеству Даниила…» – имеется в виду библейская книга пророка Даниила, одна из самых таинственных книг Ветхого Завета. По жанру она относится к апокалипсисам. Большинство ученых-богословов склоняется к тому, что книга создана одним автором в 165 г. до нашей эры. Содержит пророчества о грядущих временах. Исполнение этих пророчеств автор «Страдания» видит в монголо-татарском нашествии.

[67] - Парафраз из книгии Второзакония, гл. 32, стих 39.

[68] - Книга Исхода, гл. 19, стих 5.

[69] - «…великий князь Киевский и Черниговский Михаил» – Черниговский князь Михаил был потомком Ярослава Мудрого. В Орду он направился для получения ярлыка на Черниговское княжение.

[70] - «…повелел послов тех погубить» – более древние списки жития ничего не говорят ни о княжении князя Михаила в Киеве, ни об избиении монголо-татарских соглядатаев.

[71] - Парафраз событий, изложенных в книге Чисел, гл. 16, стихи 44–48.

[72] - «…агарянских людей» – так в Древней Руси называли монголо-татар. Агарь – служанка Авраама, родившая ему сына Измаила, который почитается праотцем арабов. Поэтому иногда их еще называли измаильтянами.

[73] - Цитата из Псалма 78, стихи 1–3.

[74] - «…принуждали идолу поклоняться, Кану и Кусту и солнцу…» – среди монголо-татар преобладали язычники, которые поклонялись явлениям природы. Святитель Димитрий персонифицирует эти явления, давая им имена собственные.

[75] - «Идоложертвенных яств» – язычники приносили в жертву идолам скот, затем поедали остатки и угощали ими гостей. Христианам строго запрещалось употреблять в пищу идоложертвенное мясо.

[76] - «…причастил Божественных Тайн – тела и крови Владычного» – здесь повествователь говорит о Таинстве причащения, когда под видом хлеба и вина христиане вкушают тело и кровь Христа.

[77] - «…как стремится олень на источники водные»… – строка из Псалма 42.

[78] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 10, стихи 32–33.

[79] - Парафраз цитаты из книги Исхода, гл. 34, стихи 14–17.

[80] - Цитата из тропаря мученикам, который поется в день их памяти.

[81] - Образ святого благоверного князя Александра Невского, народного заступника, всегда был одним из наиболее чтимых на Руси. «Древнее житие – конца XIII или начала XIV в. – представляет оригинальное произведение, не имеющее агиографических образцов. Переделки XVI в., в каких оно вошло в Четьи-Минеи, сильно расширили его, дополнив многими подробностями из летописей и из жития святого Михаила Черниговского. Но и предыдущие столетия так много поработали над житием святого князя – свидетельство его почитания, – что теперь невозможно восстановить в ее чистоте первоначальную редакцию. Не знаем даже, была ли это единственная или две самостоятельные повести: дружинника Александра и инока владимирского Рождественского монастыря, где был погребен святой князь, – слившиеся в одно произведение. Но во всех ранних редакциях (XVI столетие) светский, воинский элемент преобладает, хотя все они считают князя святым и рассказывают о чуде во время его погребения. Житие Александра есть военная героическая повесть, вдохновляющаяся римско-византийской исторической литературой («Палея», Иосиф Флавий) и героической легендой» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 99 – 100). В данном издании доктором филологических наук Г. М. Прохоровым предпринята попытка реконструкции жития святого князя.

[82] - Цитата из Псалма 34, стихи 1–2.

[83] - Цитата из Псалма 19, стихи 8–9.

[84] - Война Езекии с Сеннахиримом – Сеннахирим (Синахериб) (716–687 гг. до н. э.) – ассирийский царь, завоевавший окрестные царства и направившийся войной на Иудею. Езекия, царь Иудейский, признал его власть и платил ему дань. Но Сеннахириму показалось это недостаточным. Тогда Езекия противостал превосходящему во много раз войску. В стане ассирийцев вспыхнула эпидемия, и Сеннахирим вынужден был бесславно отступить.

[85] - Ведь – подразумеваются предки финских племен, живших в этих местах.

[86] - «…как в древности Моисею против Амалика…» – имеются в виду события, связанные с военными действиями израильтян под предводительством пророка Моисея, против вождя племени амаликитян, одного из кочевых племен. События описаны в книге Исхода, гл. 17, стихи 8–16.

[87] - «…как Иисуса Навина у Иерихона»… – после смерти пророка Моисея военачальник Иисус Навин продолжил его дело. Израильтяне вошли в Палестину и начали ее завоевание. Одним из первых палестинских городов пал Иерихон, вокруг которого несколько раз обошли израильские воины, громко трубя в трубы. Стены города рухнули (Книга Иисуса Навина, гл. 6).

[88] - «…то уподобитесь евреям, которых Господь питал в пустыне манной…» – эти и другие события описаны в книге Исхода.

[89] - Иоанн де Плано Карпини – современник князя Ярослава, отца Александра Невского, посол папы римского в ставке хана.

[90] - «…карательная экспедиция Неврюя» – нашествие монголо-татарского полководца Неврюя на Владимиро-Суздальскую землю произошло в 1252 г. Ханом Золотой Орды в это время был Сартак.

[91] - «…на нижней Волге и в Сарае была учреждена православная епископия» – как в столице монголо-татар, так и на их территории, строились православные храмы, поскольку много русских находилось в плену. Епископией управлял епископ. Благодаря стараниям Александра Невского и установлению епископии православие распространялось и среди монголо-татар.

[92] - «Житие святого Довмонта-Тимофея князя Псковского († 1299), подобно житию Александра Невского, представляет военно-героическую повесть. Довмонт, литовский князь (житие считает его сыном Миндовга), вынужден бежать на Русь вследствие домашних смут. В Пскове он крестился и, по любви граждан, получил местное княжение. Вся жизнь его прошла в походах как против родственной Литвы, так и против немецких

рыцарей» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 100–101). Текст жития дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского.

[93] - Великий князь Миндовг – великий князь литовский, умер в 1263 г. После неудачной войны с немецкими рыцарями принял католичество, но поддерживал дружественные связи с князьями Даниилом Галицким и Александром Невским. В 1260 г., разгромив войска Ливонского и Тевтонского орденов, отрекся от католичества.

[94] - «Ушел на гору Синайскую» – гора вулканического происхождения в Синайской пустыне. На верху горы расположен монастырь святой Екатерины.

[95] - «Потом пришел на Святую гору…» – имеется в виду гора Афон, полуостров в Греции, на побережье Македонии, где уже в 962 г. возник первый православный монастырь. На Афоне есть несколько русских монастырей. Полуостров обладает самостоятельностью. Всеми делами ведает совет старцев. В монастырях хранятся рукописи и книги, в средние века здесь процветала исихастская традиция. Со времен святого Антония Печерского между Русью и Афоном существовала постоянная связь, которая несколько десятилетий тому назад была восстановлена.

[96] - «…благодать Утешителя» – имеется в виду благодать Святого Духа.

[97] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 11, стих 29.

[98] - Псалом 33, стих 16.

[99] - Парафраз из Книги Иисуса, сына Сирахова, гл. 47, стихи 17–19.

[100] - «…благоверного князя Гавриила, называемого Всеволодом…» – псковский князь Всеволод-Гавриил, умер в 1138 г. Внук Владимира Мономаха, княжил в Пскове всего около года. Постоянно боролся за новгородский стол и неоднократно изгонялся из Новгорода. «Как первый псковский князь, как строитель псковского собора Святой Троицы, Всеволод, несмотря на скорую кончину, оставил в Пскове славную память. Его церковное почитание устанавливается, вероятно, с 1192 г.,

когда совершилось первое чудо во время перенесения его гробницы в собор Святой Троицы» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 101).

[101] - «…память страстотерпца Христова Георгия Каппадокийца...» – имеется в виду великомученик, победоносец и чудотворец Георгий. Предположительное время его жизни – начало IV в. Его житие полно легендарных мотивов, но полагают, что родом он был из Каппадокии, пострадал в гонение императора Диоклетиана.

[102] - Мирожский монастырь в Пскове – заложен в XII в., расписан в середине XII в., фрески сохранились до наших дней. Сохранился одноглавый Спасо-Преображенский собор XII в.

[103] - «…святого страстотерпца Христова Феодора Стратилата…» – родом из Малой Азии, был воеводой, иначе – стратилатом в городе Ираклее близ Черного моря. Соправитель императора Константина – Ликиний пытался заставить Феодора поклониться римским богам. Когда тот отказался, приказал его обезглавить, это произошло в 319 г. Мучения и пытки Феодора описаны слугой его, писцом Уаром.

[104] - Парафраз Книги притчей, гл. 21, стихи 13–31.

[105] - Цитата из Книги пророка Исайи, гл. 42, стих 6.

[106] - Цитата из Книги пророка Исайи, гл. 49, стихи 7–8.

[107] - Парафраз цитаты из Книги пророка Исайи, гл. 26, стихи 5–8.

[108] - Стефан Баторий (1533–1586) – польский король, воевал с царем Иваном Грозным. Безуспешно осаждал Псков.

[109] - «…показал ему Бог страшное видение о Матери Своей, как в древности удивительнейшему Андрею с учеником его Епифаном во Влахернской церкви…» – речь идет о видении юродивого Андрея (одни исследователи относят его жизнь к VII, другие к X в.). Находясь на молитве во Влахернском храме в Константинополе, юродивый увидел, как Божья Матерь во время совершения вечернего богослужения покрывает Своим омофором молящихся. Именно во Влахернском храме хранилась риза Божией Матери, омофор (головной плат) и часть

пояса. В честь этого события установлен праздник Покрова Божией Матери. На Русь он пришел не позднее 1148 г.

[110] - «Почитание митрополита Петра, и притом первого из русских (Киевских) митрополитов, установилось непосредственно по его кончине (21 декабря 1326). Уже при погребении его начали совершаться чудеса, и через несколько дней великий князь Иван Калита послал во Владимир грамоту о них. Его житие составлено епископом Прохором Ростовским в первый же год после кончины. Несомненно, личность митрополита Петра произвела сильное впечатление на современников, несмотря на то, что на великорусском Севере он был пришлым человеком (с Волыни) и имел врагов – в лице Твери и ее епископа, боровшихся с Москвой. О пастырском служении Петра мы знаем, к сожалению, немного. Это немногое говорит о его учености, о его путешествиях и попечении о пастве, «ослабевшей из-за поганых иноверцев» (татар). Его национальное значение связано с предпочтением Москвы – еще не в качестве митрополита, а лишь места его погребения. Молодая Москва была тогда «честна лишь кротостию», а не славой, хотя ее князю Ивану Даниловичу удалось перетянуть из Твери великое княжение. Святой Петр начал строение Успенского собора, завещав князю его окончание. Связанное с этим строительством предсказание о будущем величии Москвы читаем лишь в позднейшем житии, составленном митрополитом Киприаном (около 1400), но мысль его совершенно в духе святителя Петра, в котором потомки недаром видят основоположника Московской державы. После преподобного Сергия митрополит Петр, быть может, был самым чтимым из московских святых» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 120). Текст жития дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского.

[111] - Власяницы – в данном случае рубахи из грубого полотна.

[112] - Клирик – в данном случае – служитель Церкви, быть может, в священном сане, т. е. епископ или священник.

[113] - Иван I Данилович Калита – умер в 1340 г. С 1325 г. князь московский, великий князь владимирский с 1328 г.

Заложил основы политического и экономического могущества Москвы.

[114] - «…каменную церковь в честь Успения Божией Матери» – нынешний Успенский собор Кремля, в котором происходили все важнейшие события, связанные с русской государственностью, – коронации царей, настолования патриархов.

[115] - Митрополит Алексий являлся продолжателем дела митрополита Петра. «Самый цельный образ епископа-правителя, епископа-политика на Руси мы находим в святом Алексии († 1378), втором русским по национальности митрополите на Москве. Как раз о его церковной деятельности, кроме основания им монастырей, мы менее всего и знаем. Древнейшее его житие (Питиримово) составлено лет через семьдесят по его кончине. Зато современные летописи полны его государственных деяний. Свои блестящие дарования митрополит посвятил работе над созданием Московского государства и сделал для него больше, чем кто-либо из князей, потомков Калиты. Хотя святитель Алексий в ранней юности стал монахом по призванию и прошел строгую аскетическую школу в Богоявленском монастыре, но недаром он был сыном служилого боярина и крестником Калиты. Из монастыря извлек его сначала митрополит Феогност, который сделал его своим наместником, то есть главою церковного суда. Здесь Алексий приобрел свой административный опыт, который предназначал его в правители государства. В то время, служа греку-митрополиту, Алексий прекрасно изучил греческий язык (один из немногих на Руси). Памятником его научных греческих штудий явился им самим исполненный перевод Евангелия, с поправками против древнего кирилло-мефодиевского текста, который был использован в XVII в. московскими справщиками для печатного, современного текста Нового Завета. Намеченный Феогностом в преемники, будущий митрополит должен был лично в Константинополе в течение двух лет отстаивать свое избрание против южнорусских кандидатов, и, конечно, это не осталось без влияния на его дипломатическую выучку. Вернувшись на Русь, он сразу был поставлен во главе не только

Церкви, но и государства. Только что черная смерть (чума) унесла в могилу князя Симеона Ивановича Гордого. При слабом Иване Ивановиче и в малолетство Димитрия Донского Алексий был, в сущности, регентом-правителем. Умирая, князь Симеон завещал своим братьям «слушаться во всем отца их и владыку Алексия». Основы политики Алексия были традиционны: мир с Востоком, борьба с Западом, концентрация национальных сил вокруг Москвы». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 120–121) Текст жития дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского.

[116] - Великий князь Даниил Александрович – (1261–1303), сын Александра Невского, князь московский, положил начало росту московского княжества.

[117] - Великий князь Иван Данилович – см. примечание 3 предыдущего жития.

[118] - «Святой Стефан, брат великого чудотворца Сергия Радонежского» – старший брат преподобного Сергия. Овдовев, он сначала ушел вместе с младшим братом Варфоломеем в «пустыню», но, не выдержав тяжелого житья в лесу, покинул брата и ушел в Москву, в Богоявленский монастырь.

[119] - Великий князь Иоанн Иоаннович – Иван II Иванович Красный (1326–1359), великий князь владимирский и с 1353 г. – московский. Второй сын Ивана Калиты.

[120] - Димитрий Иванович – будущий великий князь московский Димитрий Донской (1350–1389).

[121] - «Окормления Церкви Российской» – основное на значение епископа, в том числе и митрополита, – это забота о духовном возрастании паствы. Епископ, по замыслу Христа, прежде всего учитель духовной жизни. Автор жития стремится подчеркнуть, что государственные заботы не заслоняли от митрополита Алексия главного: он неустанно заботился и о духовном возрастании русского народа.

[122] - «…в честь чуда святого архистратига Михаила в Хонех» – имеется в виду не сохранившийся до наших дней, разрушенный в 20-е гг. нашего столетия Чудов монастырь. Он был заложен в честь чудесного события, произошедшего в IV в.

во Фригии, близ города Иераполя. Близ целебного источника стоял храм во имя архангела Михаила. Язычники решили разрушить его. Они соединили две горные реки в одно русло и направили поток на храм. По молитве святого Архиппа, жившего при храме, явился архангел Михаил и ударом жезла открыл расселину, в которую и хлынули воды рек.

[123] - Мощи святителя Алексия почивали сначала в Чудовом монастыре, затем были перенесены в Успенский собор. Ныне почивают в Богоявленском Елоховском соборе в Москве.

[124] - В Древней Руси преподобного Сергия Радонежского называли «игуменом земли Русской». И это не преувеличение – действительно, немногие из русских святых могут сравниться с преподобным по тому благоговейному почитанию, которым исстари было окружено имя радонежского святого. «Из всех подвижников XIV в. лишь для преподобного Сергия мы имеем современное житие, составленное его учеником Епифанием (Премудрым), биографом Стефана Пермского. Епифаний был иноком Троицкой обители при жизни преподобного Сергия, и в течение двадцати лет после его кончины собирал заметки и материалы для будущего обширного жития. Несмотря на многословие, неумеренное цитирование священных текстов и «риторическое плетение словес», оно содержательно и вполне надежно. Бессильный в изображении духовной жизни святого, биограф дал точный бытовой портрет, сквозь который проступает внутренний незримый свет. Обширность этого жития была причиной того, что искусное его сокращение, выполненное заезжим сербом Пахомием, совершенно вытеснило на Руси первоначальный труд Епифания. Епифаниева биография преподобного Сергия представляет единственное древнерусское житие, широко известное в настоящее время...» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 143). Остается добавить, что Епифаниева редакция не сохранилась до наших дней, поэтому обычно публикуется Пахомиева редакция жития. Мы решили отступить от общепринятого обычая и публикуем житие преподобного Сергия по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского. Неизвестно, на какие источники опирался святитель Димитрий, но его редакция отличается

краткостью изложения и незначительными расхождениями с каноническим текстом.

[125] - «Святая Святым» – заключительный возглас священника, завершающий Божественную литургию. Смысл этого возгласа заключается в следующем – Таинство Тела и Крови преподается святым, т. е. христианам, предстоящим в храме.

[126] - «…как святой Иоанн Предтеча радостно взыграл во чреве перед Матерью Господа...» – см. Евангелие от Луки, гл. 1, стихи 39–45.

[127] - Обычный агиографический штамп, заимствованный из житий византийских святых.

[128] - В редакции Епифания Премудрого указывается на то, что это был монах-черноризец, но в то же время весьма тонко дается понять, что, быть может, это был ангел, посланный Богом. Святитель Димитрий прямо указывает на это обстоятельство.

[129] - «Страх Господень» – богословское понятие, неимеющее ничего общего с общечеловеческим понятием страха. Наиболее глубокое истолкование этого понятия принадлежит Рудольфу Отто (1869–1937), протестанту, профессору богословия Марбургского университета. В 1923 г. в Марбурге была издана его книга «Das Heilige». Он пишет: «Здесь, однако, этот термин (страх Божий. – С. Б.) при всем соответствии взят все же по аналогии, чтобы дать имя совершенно особенному типу эмоциональной реакции, полностью отличающейся от испуга, но тем неменее между ними есть некоторая близость, так что эта аналогия помогает пролить свет на природу интересующего нас явления. В некоторых языках существуют специальные термины, обозначающие, расплывчато или более точно, этот «страх», который есть нечто большее, чем то, что заложено в собственном смысле этого слова... В современном русском языке есть выражение «благоговейный страх», в своем глубоком специфическом значении он как раз приближается к тому, о чем мы говорим». («Das Heilige», гл. IV, с. 27–28.)

[130] - Родители преподобного Сергия вынуждены были переселиться в Радонеж из Ростова Великого, разграбленного москвичами.

[131] - Святитель Димитрий Ростовский упускает эпизод о переселении родителей преподобного Сергия – Кирилла и Марии – в Хотьковский Покровский монастырь, который был в это время, по словам летописца, «малженным». «Малженный» – связанный с браком. По-видимому, в монастыре проживали старики и инвалиды. Варфоломей, сын Кирилла и Марии, ухаживал за родителями до тех пор, пока.они не опочили. Хотьковский монастырь столетие спустя стал Девичим, т. е. женским.

[132] - Святитель Димитрий опускает немаловажную деталь – в «пустыню» Варфоломей отправился не один, а вместе со старшим братом Стефаном, недавно овдовевшим священником. Стефан не выдержал тягот пустынного жития и ушел в Москву. Как сообщает Епифаний, пострижение Варфоломея совершил иерей Митрофан.

[133] - Епифаний Премудрый рассказывает об ином эпизоде – во время ночной молитвы неожиданно рухнули стены храма, выстроенного преподобным. Перед святым предстали воины в литовских шапках. Они начали выть и требовать, чтобы он немедленно покинул это место, иначе ему угрожает насильственная смерть.

[134] - См. примечание 1 к Житию преподобного Антония Печерского.

[135] - Евангелие от Матфея, гл. 6, стих 26.

[136] - Парафраз стиха 32, главы 6 Евангелия от Матфея.

[137] - Преподобный Сергий напоминает эпизод, описанный в Книге Исхода, когда Моисей ударил жезлом в скалу и из отверстия хлынула вода.

[138] - «…и с двойным исцелением в дома возвращались» – святитель Димитрий подчеркивает, что преподобный исцелял не только тело, но и душу.

[139] - «…присланные ко святому от святейшего патриарха Филофея» – патриарх Филофей Коккин, современник

преподобного Сергия, известен как приверженец исихазма. «Слово это происходит от греческого исихия, означающего «тишина», «молчание». Первоначально исихастами назывались отшельники, монахи, ведущие созерцательный образ жизни, в отличие от общежительного. Вся жизнь исихастов была посвящена Иисусовой молитве («Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного» – таков полный текст молитвы. Существуют также усеченные варианты этой молитвы. – С. Б.). «Идея постоянной «умной» молитвы... восходит к Евагрию Понтийскому. К XIV в. традиция «умной» молитвы была знакома не только отшельникам, но считалась основным «деланием» во всех монастырях и даже среди мирян. Существовало несколько «психосоматических» методов (вероятно, восходивших к эпохе древнего христианства) для сосредоточения внимания в «умной» молитве путем дисциплины дыхания. Один из этих методов неправильно приписывается преподобному Симеону Новому Богослову, а другой – Никифору Исихасту («Уединеннику») итальянцу, обратившемуся в православие и ставшему афонским монахом (XIII в.). С его именем связаны споры о природе и назначении исихазма. В своем трактате Никифор предлагает практические указания для достижения постоянноймолитвы. Основным препятствием для постоянной молитвы, утверждает он, является рассеяние: падший человеческий дух привязан к внешним объектам, не имеющим ничего общего с образом Божиим в нас. Поэтому первой задачей должно быть «собрание ума», объединение всего «я» в единое целое. Для достижения этого можно пользоваться дыханием, как постоянным элементом нашего психосоматического бытия...» (профессор-протоиерей Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. Нью-Йорк, 1982. С. 333). Практике «умной» молитвы посвящены трактаты в известном сборнике «Добротолюбие». Опытные наставники предупреждают, что «умному деланию» новоначальный инок или мирянин должен был обучаться под руководством искушенного духовника.

[140] - Вещи, необходимые для принятия ангельского чина, т. е. схимы.

[141] - Псалом 133, стих 1.

[142] - Парафраз из книги Левит, гл. 10, стих 3: «И сказал Моисей Аарону: вот о чем говорил Господь, когда сказал: в приближающихся ко Мне освящусь и пред всем народом прославлюсь…»

[143] - Епифаний Премудрый сообщает нам более подробно о причинах ухода преподобного Сергия из основанного им монастыря – услышав, как вернувшийся брат его Стефан претендует на первенство, преподобный тайком ушел в Киржач.

[144] - Преподобный Сергий, как полагают историки, прожил в Киржаче три или четыре года. Монастырь, основанный им, впоследствии был назван Благовещенским.

[145] - Архимандрит Михаил, по прозвищу «Митяй» – духовник великого князя Димитрия Донского, назначенный им митрополитом Московским после смерти митрополита Алексия. Никонова летопись характеризует его как человека «дерзкого». В течение десяти лет длилась борьба за митрополичью кафедру. Преподобный Сергий не был сторонником «Митяя».

[146] - «Белый клобук» – головной убор митрополита Московского и всея Руси.

[147] - Акафист – буквально «неседален». Церковное хвалебное песнопение, которое исполняется стоя.

[148] - Экклесиарх – или, иначе, параэклессиарх, «сиречь кандиловжигатель». По церковному уставу он испрашивает благословение настоятеля на начало службы, производит звон к богослужению, возжигает свечи, подает кадило, выносит подсвечники при входах с кадилом и Евангелием.

[149] - Жертвенник – четырехугольный стол, находящийся в алтаре с левой стороны. На жертвеннике приготовляются Святые Дары перед литургией и потребляются после нее.

[150] - Плащаница – украшенная ткань с изображением лежащего во гробе Иисуса Христа. В Страстную Пятницу выносится во время вечерни на середину храма для общего поклонения и остается там до празднования Воскресения, после чего переносится на престол до праздника Вознесения. В

данном случае понятие «плащаница» употреблено в смысле «плат, платок».

[151] - Просветленность лика после смерти – один из признаков святости подвижника.

[152] - «Преподобный Сергий вошел в историю Русской Церкви, окруженный сонмом своих учеников. Одни из них остались местно чтимыми в созданной им лавре, другие достигли общерусского почитания. Из лаврских святых только Никон, преемник Сергия во игуменстве, встает перед нами в отчетливом облике под пером Пахомия: в Сергиевом ученике любовь к безмолвию борется с обязанностями социального служения. Он то слагает с себя на годы тяжелый игуменский сан, то является образцовым хозяином, строителем монастыря после пожара Едигеева разорения (1408). Он же полагает начало крупному вотчинному хозяйству монастыря, принимая те дарственные села, которых при жизни своей не хотел иметь нестяжатель Сергий. До одиннадцати учеников преподобного Сергия явились, в большинстве случаев еще при его жизни, основателями монастырей. Все они святые, и все несут заветы преподобного Сергия в разные концы русской земли. Троицкая лавра в этом первом поколении ее иноков сделалась центром духовного лучеиспускания огромной силы. Правда, уже в следующем поколении богатый, осыпанный милостями московских государей, столь близко связанный с великокняжеской столицей монастырь перестает давать святых и новые монашеские колонии. Но многие из основанных ими обителей сами делаются центрами лучеиспускания, духовными метрополиями. Через них живая преемственность святого Сергия сохраняется в русской святости по крайней мере до конца XV столетия. По двум направлениям бежит этот духовный поток из Троицы-Сергия: на юг, в Москву, в ее городские и подмосковные монастыри, и на Север, в лесные пустыни по Волге и в Заволжье. Значение этих двух направлений не только географическое; с ними связано… раздвоение двух основных путей русской духовной жизни… Преподобный Кирилл († 1427) был величайшим из подражателей Сергия, и мы имеем содержательное его житие, составленное Па-хомием Сербином

по свежим воспоминаниям, собранным в Кирилловом монастыре…» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 155–156). Текст жития преподобного Кирилла Белозерского дается по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского без сокращений.

[153] - Имеется в виду великий князь Димитрий Донской.

[154] - Махрищский монастырь был расположен неподалеку от Троице-Сергиева монастыря. Игумен Стефан Махрищский († 1406) был родом из Киева, сначала инок Киево-Печерского монастыря. В поисках безмолвия удалился на Север и в 30 верстах от Троице-Сергиева монастыря основал Троицкую обитель. Был изгнан с этого места землевладельцами, ушел с учениками на реку Авнежу, где вновь основал Троицкий монастырь. Великий князь Димитрий Донской вернул его в Махрище, где он и закончил свою жизнь. Его нетленные мощи были обретены в 1550 г.

[155] - Настоятель Симонова монастыря архимандрит Феодор приходился преподобному Сергию племянником.

[156] - Имеется в виду преподобный Сергий Радонежский.

[157] - Клепания – звуки колокола, зовущие монахов в храм на служение.

[158] - Послушание – тот или иной вид работы, который поручался настоятелем монаху.

[159] - Слезный дар – почитается одной из высших ступеней «умной молитвы», характеризуется особым умиленным состоянием. Не имеет ничего общего с сентиментальной слезливостью.

[160] - Епитимья – тот или иной вид наказания, налагаемый духовником на монаха или мирянина, в том случае, когда тот согрешает. Иногда это отлучение от храма (если прегрешение достаточно серьезное), если же прегрешение незначительное, согрешивший должен каждый день совершать то или иное количество поклонов. Епитимья может быть самой различной.

[161] - «…а находится в келий своей безмолвно…» – идеал отшельника-исихаста, постоянно пребывающего в молчании и углубленной молитве.

[162] - «Хиротонисан», или «рукоположен» – речь идет о Таинстве священства, когда ставленник через возложение рук епископа получает благодатный дар священства. Это Таинство установлено Иисусом Христом.

[163] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 20, стихи 26–27.

[164] - Парафраз цитаты из Евангелия от Луки, гл. 8, стих 18.

[165] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стих 16.

[166] - См. примечание 18 к Житию преподобного Сергия.

[167] - Ферапонтов монастырь находится в Вологодской области. Сохранился до наших дней. Известен непревзойденными фресками Дионисия. Ныне освящена лишь надвратная церковь.

[168] - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 6, стих 37.

[169] - «Общежитие» – имеется в виду общежительный устав. См. примечание 1 к Житию преподобного Антония Печерского.

[170] - Праздник Успения Божией Матери – на Руси были весьма распространены храмы в честь этого праздника. См. примечание 4 к Житию митрополита Киевского и всея Руси Петра.

[171] - По монастырскому обычаю во время братской трапезы избранный монах читал вслух Священное Писание или Жития святых.

[172] - Дни постные – Церковь установила два дня в неделю, когда вспоминаются страдания Иисуса Христа, – среду и пятницу. В эти дни монахи и благочестивые миряне избегают скоромной, т. е. мясной, пищи.

[173] - Во время Великого поста, согласно уставу Русской Православной Церкви, исключается не только мясная, но рыбная и молочная пища.

[174] - «…это свидетельствовало о пребывании в нем теплоты Божественной любви» – слезный дар преподобного Кирилла почитался проявлением особой милости Бога.

[175] - «Брань» – этим термином наставники монашества обычно обозначают душевную бурю, которая иногда поднимается в сердце монаха.

[176] - Речь идет о Великих Четьи-Минеях митрополита Макария (1482–1563), которые хранились в Успенском соборе Кремля.

[177] - Праздник Пятидесятницы празднуется спустя пятьдесят дней после Пасхи. Именно в этот день на апостолов, согласно обещанию Иисуса Христа, сошла Божественная благодать в виде огненных языков.

[178] - Преподобный Савва был одним из первых учеников преподобного Сергия Радонежского. Более того, когда после смерти преподобного Сергия его ученик и преемник, преподобный Никон, оставил игуменство, братия единодушно избрала игуменом Троице-Сергиевого монастыря Савву. Позже, по просьбе звенигородского князя Юрия Дмитриевича, который избрал преподобного Савву своим духовником, он устроил обитель на его землях близ Звенигорода. Житие преподобного было создано значительно позднее его смерти, а умер он в 1406 г. Инок Маркелл – впоследствии Хутынский игумен, по повелению митрополита Макария создал житие преподобного Саввы не позднее 1552 г. Житие было включено в Успенский и Царский списки Великих Четьи-Миней. Поводом к написанию жития было обращение монахов Саввино-Сторожевского монастыря к митрополиту Макарию с просьбой о создании жития преподобного. Инок Маркелл указывал на скудость биографических данных – «мы же о рождении и воспитании его ничего не нашли, только о пребывании его в монашестве, что-то раскопав, вкратце описали». Образцом для написания жития послужило в первую очередь Житие преподобного Сергия. Перевод выполнен по изданию: Служба и житие преподобного отца нашего Саввы Сторожевского. Московский печатный двор, 1649. Л., 14–27. Текст практически идентичен оригинальному сочинению XV века.

[179] - Митрополит Макарий (1482–1563) – с 1542 года митрополит Московский и всея Руси, глава Русской Православной Церкви и кружка книжников, которые трудились над составлением Великих Четьи-Миней – полного сборника житий святых. Митрополит Макарий был также одним из

редакторов «Степенной книги». На Поместном Соборе РПЦ в 1988 г. причислен к лику святых.

[180] - Преподобный Савва Сторожевский был близким учеником преподобного Сергия Радонежского.

[181] - «Великой лавры» – Троице-Сергиев монастырь получил статус лавры позднее – лишь в 1744 году.

[182] - «…теплейший поборник безмолвия» – указание на то, что преподобный Савва стремился к полному уединению и безмолвной молитве.

[183] - Цитата из Псалма 1, стих 3.

[184] - Сытник – «чин их таков: на Москве и в походах царских носят сосуды с питьем, и куда царю улучится идтиили ехать вечернею порою, и они ездят или ходят сосвечами». (В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М.; Спб., 1882. С. 377).

[185] - «Подобно Авраамию Смоленскому Стефан Пермский занимает совершенно особое место в сонме русских святых, стоя несколько особняком от широкой исторической традиции, но означая новые, быть может, не вполне раскрытые возможности в русском православии. Святитель Стефан – миссионер, отдавший свою жизнь на обращение языческого народа. В наше время нередко можно встретить людей, которые охотно уступают западным исповеданиям миссионерское служение, как «внешнее делание», неинтересное для православной Марии (имеется в виду евангельская притча о Марфе и Марии. – С. Б.). Святой Стефан всей своей жизнью опровергает такое понимание православия. Со служением проповеди святой Стефан соединяет, напоминая здесь Авраамия, влечение к чисто духовному знанию и к защите своего дела – создание национальной зырянской Церкви – дает (он или его биограф) самое сильное в Древней Руси религиозное обоснование национальной идеи.Биографом его был тот же Епифаний Премудрый, который написал и первое житие преподобного Сергия. Младший современник Стефана, он жил одно время с ним вместе в Ростовском монастыре и, перейдя к преподобному Сергию, продолжал встречаться с

пермским миссионером во время посещения последним обители Святой Троицы. Стефан и Сергий были связаны между собой узами духовной дружбы. Отсюда надежный исторический характер жития святого Стефана, к сожалению, переполненный сверх всякой меры «риторическим плетением словес». Автор много видел «своима очима» и с «самим (Стефаном) беседовал многажды». Совершенно напрасно он просит прощения за свою грубость, за то, что в юности «не бывал в Афинах» и не слушал «ни Платоновых, ни Аристотелевых бесед» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 131). Текст «Слова» дается в сокращенном варианте. Он весьма перегружен не только риторическими фигурами, но и цитатами, – всего их в «Слове» насчитывается 340. Текст дается по изданию: Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Спб., 1862. Вып. 4. С. 119–171.

[186] - Первое послание апостола Петра, гл. 1, стих 24.

[187] - Евангелие от Матфея, гл. 19, стих. 29.

[188] - Имеется в виду митрополит Московский и всея Руси Алексий, воспитатель и регент малолетнего Димитрия Донского.

[189] - Евангелие от Марка, гл. 13, стих. 17.

[190] - «Земля Хамова» – как повествует Книга Бытия, у праведного Ноя было три сына – Сим, Хам и Иафет. Они, согласно библейскому повествованию, явились прародителями народов: семитов, хамитов и яфетидов. Епифаний Премудрый относит население пермской земли к хамитам.

[191] - «…на исходе седьмой тысячи лет» – бытовало мнение, что мир просуществует лишь семь тысяч лет со дня своего сотворения. Поэтому Епифаний Премудрый считает, что проповедь святителя Стефана пермяки услышали в преддверии последних времен.

[192] - «…как в древности в Израиле Веселеила» – один из искусных мастеров, который украсил ковчег Завета, с которым израильтяне шествовали по Синайской пустыне. См. Книгу Исхода, гл. 31, стихи 1–11.

[193] - Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа,

которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители

принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу. Контаминация двух евангельских цитат – слов старца Симеона Богоприимца, взявшего на руки младенца Христа, которого родители принесли в храм для посвящения Богу, и слов Девы Марии, Ее ответа архангелу Гавриилу.

194 - Псалом 20, стих 3.

195 - Антиминс – освященный плат материи, в который зашита частица мощей мученика. На антиминсе совершается Божественная литургия.

196 - «Освященное масло, святое миро» – миро – благовонное масло, состав которого приготовляется из различных сортов ароматических трав. Священное Миро – растительное масло, над которым совершается особая священническая молитва. Используется при соборовании для исцеления больных.

197 - Псалом 36, стих 19.

198 - Псалом 117, стих 11–12.

199 - Псалом 37, стих 10.

200 - Псалом 9, стих 16.

201 - Евангелие от Иоанна, гл. 10, стих 18. Псалом 137, стих 18.

202 - «…во имя честного Ее Благовещения» – в честь благой вести, принесенной архангелом Гавриилом Деве Марии,

поведавшего Ей о том, что Она родит Божественного Младенца. Благовещение празднуется Православной Церковью 7 апреля.

[203] - Второе послание к Тимофею апостола Павла, гл. 4, стих 1–3.

[204] - Псалом 90, стих 5.

[205] - Евангелие от Матфея, гл. 10, стих 16.

[206] - Евангелие от Луки, гл. 12, стих 4.

[207] - Псалом 124, стих 3.

[208] - «…огласив» – святитель Стефан готовил пермяков ко крещению, следуя древнему обычаю Церкви. В течение сорока дней он обучал их начаткам христианства, т. е. оглашал, а уже затем крестил.

[209] - «…часословец, и восьмигласник, и песни царя Давида» – перечисляются богослужебные книги, используемые во время церковной службы. Часослов содержит вечер ню, повечерие, полунощницу, утреню и часы. Восьми гласник, или, иначе, октоих, содержит стихиры, каноны на каждый день недели, распределенные на восемь гласов или напевов. Песни царя Давида, иначе Псалтырь, – псалмы, расположенные в особом порядке, приспособленном для богослужения.

[210] - «Тиуны, и доводчики, и приставы» – тиун – судья низшей категории, иногда – приказчик, управитель. До водчик – доносчик, фискал. Пристав – надзиратель.

[211] - Анний и Замврий – имена египетских чародеев, которые спорили с Моисеем, когда он просил фараона от пустить израильтян.

[212] - Послание к римлянам апостола Павла, гл. 8, стихи 38–39.

[213] - Евангелие от Матфея, гл. 21, стих 21.

[214] - Каноническая эпитимъя – наказание за грех, пред усмотренное Православной Церковью.

[215] - Деяния святых апостолов, гл. 13, стих 29.

[216] - Псалом 9, стих 21.

[217] - «…после Тохтамышевой рати» – т. е. после 1382 г., когда Тохтамыш организовал поход на Русь.

[218] - Послание к филлипийцам апостола Павла, гл. 3, стих 13.

[219] - Анагност – церковный чтец.

[220] - Имеется в виду святой равноапостольный Кирилл, просветитель славян.

[221] - Послание к Титу апостола Павла, гл. 3, стихи 10–11.

[222] - Послание к Галатам апостола Павла, гл. 1, стих 8.

[223] - Преполовение Пасхи – отмечается спустя двадцать пять дней после Пасхи.

[224] - «…от Адама в год 6904» – условная дата, вычисленная согласно указаниям Библии. (См.: Биккерман Э. Хронология Древнего мира. М., 1975.)

[225] - «Вместе с юродивыми новый чин мирянской святости входит в Русскую Церковь приблизительно с начала XIV века. Его расцвет падает на XVI столетие, несколько запаздывая по отношению к монашеской святости... Появление святого юродивого совпадает по времени с угасанием княжеской святости. И это совпадение не случайно. Новый век требовал от христианского мирянства нового подвижничества. Юродивый стал преемником святого князя в социальном служении. С другой стороны, едва ли случайно святое попрание быта в юродстве совпадает с торжеством православия. Юродивые восстанавливают нарушенное духовное равновесие……В пятнадцати верстах от Новгорода, в Клопском Троицком монастыре, подвизался святой Михаил (1453), именуемый юродивым (или Салос), хотя в его житиях (известно три редакции) не видим юродства в собственном смысле слова. Святой Михаил является провидцем, а его жития собранием «пророчеств», вероятно записывавшихся в монастыре. Лишь причудливость формы, символическая театральность жестов, с которыми связаны некоторые из его пророчеств, могли быть истолкованы как юродство. Самое большое о юродстве говорит начало жития, рисующее его необычайное появление в Клопском монастыре……Во всем этом нет настоящего юродства, но есть причудливость формы, поражавшая воображение. Предсказывая смерть Шемяке, он гладит его по

голове, а обещая владыке Евфимию хиротонию в Литве, берет из рук его «ширинку» и возлагает ему на голову. За гробом игумена идет в сопровождении монастырского оленя, которого приманивает мохом из своих рук. Можно было бы сказать, что лишь общее уважение к юродству в Новгороде XV столетия сообщает нимб юродивого суровому аскету и прозорливцу» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 199, 203–205). Текст жития дается по изданию: Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV в. М., 1982.

[226] - Феодосии – игумен монастыря, при котором преподобный Михаил пришел в монастырь. Впоследствии был избран новгородским архиепископом (1421 г.).

[227] - Иванов день – день памяти святого евангелиста Иоанна Богослова, празднуется в начале октября.

[228] - Поп – так на Руси называли священников. В. Даль предполагает, что слово это происходит от корня «папа» – отец.

[229] - Речь идет о книге Деяний святых апостолов, в которой повествуется о путешествиях апостола Павла, в том числе и плавание по морю.

[230] - «Единородный сыне» – церковное песнопение, исполняемое во время литургии.

[231] - «Блаженны» – заповеди блаженства из Нагорной проповеди Христа, также поются во время литургии.

[232] - «Апостол» – в данном случае отрывки из Деяний или Посланий апостольских, которые читаются на литургии перед чтением Евангелия.

[233] - «Книга Иова праведного» – одна из библейских книг, повествующая об испытании праведника.

[234] - «Чашу спасения прииму, имя Господне призову» – Псалом 116, стих 13.

[235] - Константин Дмитриевич – младший сын Димитрия Донского, родился за несколько дней до смерти отца, в 1389 г. В 1419–1420 гг., после ссоры со старшим братом Василием Дмитриевичем, находился в Новгороде.

[236] - Имеется в виду Николо-Лятский монастырь в окрестностях Новгорода, выстроен в XIV в.

[237] - Однорядка – долгополый однобортный кафтан без ворота.

[238] - «…в день памяти царя Константина» – 21 мая отмечается день памяти византийского императора Константина, который почитается равноапостольным, поскольку признал христианство государственной религией.

[239] - «…на Дмитриев день» – скорее всего, 26 октября, в день памяти святого Дмитрия Солунского.

[240] - «…владыка Иван» – архиепископ Новгородский Иоанн II, управлял епархией с 1389 по 1415 г.

[241] - «…из Спасского Хутынского монастыря Семиона» – Спасо-Хутынский монастырь находится в окрестностях Новгорода на реке Волхов, Симеон был архиепископом Новгородским с 1415 по 1421 г.

[242] - «…а потом поставил его митрополит» – т. е. митрополит Московский признал и утвердил его поставление на архиепископский престол.

[243] - Великий день – Пасха.

[244] - «…на жары» – пожни на болоте.

[245] - Канун – в данном случае угощение к празднику.

[246] - «…у святой Софии» – храм Святой Софии в центре Новгорода.

[247] - «…церкви святой Богородицы в Курецке» – храм на погосте неподалеку от Клопского монастыря.

[248] - Князь Дмитрий Юрьевич – повествуется о бегстве князя Дмитрия Шемяки в Новгород в 1450 году, после поражения в борьбе с великим князем Василием Васильевичем Темным.

[249] - Ильин день – празднуется 2 августа. Летописи говорят о том, что Шемяка был отравлен.

[250] - Саввин день – день памяти преподобного Саввы Освященного, празднуется 18 декабря.

[251] - Панагия – обычно небольшая икона овальной формы, которую носят на цепочке на груди епископы, а также архимандриты ставропигиальных монастырей. В данном случае

речь идет о небольшом ковчежце, в котором переносили часть просфоры из храма в трапезу.

[252] - «Первым настоящим юродивым на Руси был Прокопий Устюжский. К сожалению, его житие составлено (XVI век) много поколений после его кончины, которую оно само относит к 1302 году, помещая отдельные события его то в XII, то в XV столетия. Житие это приводит Прокопия в Устюг из Новгорода и, что самое поразительное, делает его немцем. Был он смолоду богатым купцом «от западных стран, от латинского языка, от немецкой земли». В Новгороде он познал истинную веру в «церковном украшении», иконах, звоне и пении. Крестившись у Варлаама Хутынского (анахронизм) и раздав свое имение, он «приемлет юродственное Христа ради житие в буйство преложися», по Апостолу. В чем состояло его буйство, не указывается. Когда его начали «блажити» в Новгороде (автору следовало сказать о «блажении» до принятия юродства), он отпрашивается у Варлаама в «восточные страны» и идет по градам и весям, непроходимым лесам и болотам, «взыскуя древнего погибшего отечества». Его юродство навлекает на него от людей «досаду и укоренив и биение и пхание», но он молится за своих обидчиков. Город Устюг, «великий и славный», он избрал для жительства тоже за «церковное украшение». Житие он ведет жестокое, с каким не могли сравняться самые суровые монашеские подвиги: не имеет кровли над головой, спит «на гноище» нагой, после – на паперти соборной церкви. Молится тайно, по ночам, прося, «полезных граду и людям». Принимает у богобоязненных людей помалу пищи, но никогда ничего у богатых» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 302). Местное почитание святого Прокопия Устюжского началось, по-видимому, в конце XV в. В середине XVI в. была написана центральная часть жития – о «подвигах» и «чудесах» святого. Окончательный текст жития с 28 чудесами и похвальными словами был создан лишь в конце XVII в. Житие святого Прокопия дается в сокращении, без похвальных слов и чудес, по тексту, изданному Обществом любителей древней письменности, – «Житие преподобного Прокопия Устюжского» (Спб, изд. ОЛДП, 1893. Т. 203. С. 1–72, подготовленному Д. П.

Лебедевым и П. Н. Тихановым по списку ГБЛ, собрание В. М. Ундольского, № 362).

[253] - Подвиг юродства обычно основывается на словах апостола Павла из первого послания к Коринфянам, гл. 1, стих 18: «Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, – сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну». Эту же мысль продолжает и стих 10 из этого же послания, гл. 4: «Мы безумны Христа ради, а вы мудры во Христе: мы немощны, а вы крепки; вы в славе, а мы в бесчестии». Эти мысли апостола Павла неоднократно, на протяжении веков, вызывали желание оспорить их. Смысл этих не совсем обычных слов можно уяснить следующим образом: «Человечество до Христа, руководимое естественным разумом, не познало Бога в Его вечной Премудрости, хотя людям дана была эта возможность. Поэтому Бог не мирскую мудрость избрал орудием спасения, но проповедь Креста, которая представляется безумием миру сему. Но если в глазах язычников с их рациональным умом эта проповедь – юродство, то для иудеев, чающих чуда, она соблазн, ибо утверждение, что Мессия умер позорной смертью, как преступник, представляется им кощунственным. То, в чем неверующие видят противоречие разуму и свидетельство немощи, открывается избранным, просвещенным благодатию, как Премудрость Божия, постыжающая мудрость века, и как сила Божия, побеждающая мир». Протоиерей Александр Мень. Ключ к пониманию Священного Писания. Брюссель, 1982. С. 371.

[254] - Евангелие от Иоанна, гл. 15, стих 5.

[255] - Псалом 50, стих 17.

[256] - Имеется в виду Спасо-Хутынский монастырь в окрестностях Новгорода.

[257] - Евангелие от Луки, гл. 9, стихи 23–24.

[258] - Первое послание апостола Павла к Коринфянам, гл. 2, стихи 27–29.

[259] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 11, стих 12.

[260] - «…образу Пресвятой Богородицы Одигитрии» – один из распространенных богородичных иконных сюжетов. Одигитрия – в переводе с греческого путеводительница.

[261] - Великого Стефана, епископа Пермского – говорится о будущем святом Стефане Пермском, просветителе пермяков.

[262] - «…к собору великого Божьего архистратига Михаила...» – т. е. ко храму, построенному в честь архангела Михаила. Архистратиг – в переводе с греческого: полководец, предводитель воинских сил.

[263] - «…безмятежно пройти начала и власти темных сил» – по учению Православной Церкви, душа, разлучившаяся с телом после смерти, проходит так называемые «воздушные мытарства», т. е. происходит борьба между ангелами и аггелами (или бесами) за право обладания душой.

[264] - «..великого князя Иоанна Васильевича» – имеется в виду Иоанн III Васильевич (1440–1505), великий князь московский с 1462 г., сын Василия II.

[265] - Преподобный Димитрий Прилуцкий, родившийся в начале XIV в. в Переславле-Залесском, почитается как небесный покровитель города Вологды. Он происходил из богатой купеческой семьи. Местное предание говорит о нем как об уроженце деревни Веслево Переславского уезда, упоминая среди его предков род Покропаевых. Существуют достоверные свидетельства о встречах преподобного Димитрия с преподобным Сергием Радонежским. По примеру «игумена земли Русской» преподобный Димитрий ввел в своем монастыре в Переславле общежительный устав, неизвестный до этого на русском Севере. Второй монастырь, в окрестностях Вологды, преподобный Димитрий основал в честь Происхождения (изнесения) честных древ честного Животворящего креста Господня. Игуменом этого монастыря преподобный Димитрий оставался вплоть до своей смерти в феврале 1392 г.«Все эти северные заволжские группы подвижников явственно хранят в наибольшей чистоте заветы преподобного Сергия и Кирилла: смиренную кротость, нестяжание, любовь и уединение, богомыслие. Эти святые

легко прощают и оскорбителей своих, и разбойников, покушающихся на монастырское имущество. Святой Дионисий даже улыбается, узнав о похищении монастырских коней. Нестяжание – в самом строгом смысле не личного, а монастырского отказа от собственности – их общий идеал жизни. Святой Димитрий Прилуцкий (как и Дионисий Глушицкий) отказывается и от милостыни христолюбца, внушая ему отдать ее на питание рабов и сирот, тех, кто страдает «жаждою и наготою» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 162–163).Житие дошло до нас в нескольких редакциях, представленных более чем 120 списками. Публикуется перевод наиболее распространенной редакции (84 списка), включенной в состав Великих Четьи-Миней святого митрополита Макария. Почти все списки этой редакции называют автором жития святого, судя по Синодику, игумена Спасо-Прилуцкого монастыря Макария. Главным источником сведений о святом послужили автору рассказы Пахомия, преемника преподобного Димитрия. Славянский текст жития опубликован в «Материалах для истории Русской Церкви» архиепископа Макария. Харьков, 1863. Т. 2. С. 51–77.

266 - Цитаты из Евангелия от Матфея, гл. 19, стих 29 и из Евангелия от Луки, гл. 14, стихи 26–27.

267 - Куколь – колпак, пришитый к вороту одежды. Монашеский куколь отчасти прикрывал и часть лица.

268 - Упоминается победа великого князя московского Димитрия над Мамаем, за которую он получил прозвище Донского.

269 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стихи 3–5.

270 - Цитата из Книги пророка Исайи, гл. 52, стих 7.

271 - «Происхождение честных древ честного и животворящего Креста» – как полагают церковные историки, праздник этот был установлен в Константинополе из-за частых болезней, случавшихся в августе месяце. Ежегодно 1 августа часть животворящего древа Креста Господня, найденного матерью императора Константина Еленой в окрестностях Иерусалима в IV в. и хранившегося в домовой церкви

византийских императоров, переносилась в храм Святой Софии, где совершался водосвятный молебен. Затем, в течение двух недель, святыня путешествовала по городу, причем совершались молебны «для освящения мест и отвращения болезней». 14 августа святыню переносили обратно в домовую церковь. Возникновение этого праздника относят к IX в. В России его начали отмечать в первой четверти XV столетия. Слово «происхождение» – неверный перевод с греческого: Прооδа означает – крестный ход, торжественная церемония.

[272] - «…большая церковь во имя Спаса нашего Иисуса Христа, Пречистой Богоматери и в честь Креста Христова, в первый день августа на освящение вод» – 1 августа, в день, когда празднуется изнесение честных древ честного и животворящего Креста, отмечается победа владимиро-суздальского князя Андрея Боголюбского (1111–1174) над поволжскими булгарами, одержанная им в 1164 году. Перед войском князя Андрея несли чудотворную икону Владимирской Божией Матери. В этот же день, согласно церковному преданию, была одержана победа византийского императора Мануила I Комнина (1143 – 1180) над сарацинами. В память об этих победах, с обоюдного согласия Андрея Боголюбского и императора Мануила, был установлен праздник Всемилостивому Спасу Христу Богу нашему и Пресвятой Богородице, Матери Его. Инициативу установления этого праздника приписывают то Андрею Боголюбскому, то императору Мануилу. Историки полагают, что на Руси этот праздник отмечается с XII в.

[273] - Чудь – древнерусское название племени эстов, а также других финских племен, живших к востоку от Онежского озера. Самоядь – летописное название ряда племен Севера европейской России и Сибири.

[274] - Парафраз Книги Исхода, гл. 20, стих 12.

[275] - Корчета – название болезни – различные формы паралича, артрита.

[276] - Нападение вятчан на Вологду произошло в 1417 г.

[277] - В житии преподобного Димитрия пересказывается древнехристианский апокриф об Успении Богородицы и обстоятельствах, связанных с ее погребением. Иудей Афония, увидевший, что апостолы несут по улицам Иерусалима гроб с телом Пречистой, решил опрокинуть его и ухватился руками за край гроба. Ангел тут же отсек ему кисти рук. Афония покаялся, и кисти рук тотчас же приросли.

[278] - Повествователь рассказывает об эпизоде, связанном с жизнью великого князя Владимира, крестившего Русь. Взяв штурмом Сурож и решив овладеть мощами святого папы римского Климента, князь потерял зрение, которое обрел при крещении, совершившемся, согласно летописям, в Суроже. В житии ошибочно называются мощи святого Стефана, нового чудотворца.

[279] - В Вологде находился в ссылке великий князь Василий Темный. Дмитрий Шемяка напал на Вологду в 1448 г.

[280] - «…из дома, где погребают путников» – для погребения нищих, странников и безродных существовали на Руси специальные дома.

[281] - По-видимому, речь идет о походе царя Ивана IV Васильевича на Казань (1552 г.).

[282] - Цитата из Книги Притч, гл. 29, стих 2.

[283] - «…Нестора, мученика Христова» – речь, по-видимому, идет о мученике Несторе, епископе Магидийском в Памфилии, пострадавшем в период гонений при императоре Декии. Он был распят на кресте.

[284] - Житие преподобного Мартиниана, скончавшегося в конце XV в. († 1483), написано уже после его кончины, в XVI в. В списках житие преподобного Мартиниана обычно включает и житие преподобного Ферапонта. По-видимому, оба жития написаны иноком Ферапонтова монастыря. Автор жития пользовался легендами и преданиями, но иногда ссылается на рассказы очевидцев. Обильно автор черпает сведения из летописи, а также из жития преподобного Кирилла Белозерского. Из жития Кирилла заимствован рассказ о встрече Пахомия Серба с преподобным Мартинианом. «Полная

независимость от мира дает святому дерзание судить мир. Его обычная кротость и смирение не мешают ему выступать обличителем, когда грешником является кто-нибудь из сильных мира сего. Святой Кирилл, оставивший отеческие поучения князьям, отказывается посетить князя Георгия Димитриевича: «Не могу чин монастырский разорити». Преподобный Мартиниан, напротив, появляется в Москве в хоромах Василия II, чтобы обличить великого князя, заключившего в оковы боярина вопреки данному им слову. «Не убоялся казни ниже заточения, но помяну Иоанна Златоуста глаголюща, яко прещение царево ярости львови уподобися». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 163.) Перевод с незначительными сокращениями сделан со списка, возникшего не позднее 60-х гг. XVI столетия и хранящегося ныне в Государственной Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в Софийском собрании, № 467, л. 49–97.

285 - Дьяк монастырский – письмовод, письмоводитель, правитель канцелярии. В данном случае – учитель грамоты в монастыре.

286 - «…как говорится в Апостоле» – имеется в виду апостольские послания, входящие в состав Нового Завета.

287 - По-видимому, монахи, собравшиеся вокруг преподобного Мартиниана, жили, не подчиняясь монастырскому уставу. Поэтому преподобный счел возможным покинуть их и перейти в Ферапонтов монастырь.

288 - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 12, стих 48.

289 - В житии повествуется об историческом эпизоде борьбы Дмитрия Шемяки с великим князем московским Василием Темным.

290 - Псалом 127, стих 1.

291 - Цитата из Книги Притч, гл. 3, стихи 11–12.

292 - «…по Апостолу, Ветхому и Новому Заветам» – т. е. согласно Священному Писанию, в состав которого входит Ветхий и Новый Завет. Послания апостолов входят в состав Нового Завета.

[293] - «…покупая бисер многоценный, который есть Христос» – имеется в виду евангельская притча Иисуса Христа о жемчужине (Евангелие от Матфея, гл. 13, стихи 45–46). «Многоценный бисер» – жемчуг; в данном случае подразумевается Сам Иисус Христос.

[294] - Пахомий Серб (1484) – выходец с Афона, духовный писатель, обработавший житие преподобного Сергия Радонежского, создавший житие Никона, ученика преподобного Сергия, а также житие Алексия, митрополита Московского. С 1440 по 1459 г. жил в Троице-Сергиевом монастыре.

[295] - Ср. Псалом 32, стих 11.

[296] - Святой Афанасий Афонский – родом из Трапезунда, жил в X в. В начале 960 г. удалился на Афон, создал при помощи византийского императора Никифора Фоки обитель. Погиб в 1000 г., когда осматривал купол строящегося собора. Вместе с шестью строителями был погребен обрушившимся куполом собора.

[297] - Преподобный Симеон Столпник – время его жизни относят к IV в., родом был из Антиохии. Избрал необычный подвиг – он жил на столпе, своеобразной башне, не покидая ее. Основная часть его жизни прошла в «столпничестве». Скончался в 596 г., проведя на столпе в общей сложности около 60 лет.

[298] - Автор рассказывает о том, как жития святых Ферапонта и Мартиниана не были включены в состав Великих Четьих-Миней, составленных под руководством митрополита Макария. Узнав об этом, монахи Ферапонтова монастыря обратились к митрополиту. В результате были созданы их жития, рассмотрены на одном из соборов, и святые заняли подобающее им место в Четьих-Минеях.

[299] - По-видимому, на одном из соборов, которые рассматривали жития святых Ферапонта и Мартиниана, было установлено местное почитание. Они становились местно чтимыми святыми. Автор жития подчеркивает, что это не столь важно. Если их чтят в Вологде, значит, будут чтить и по всей Русской земле. Что впоследствии и сбылось.

[300] - Несмотря на то что преподобный Савватий, подвизавшийся сначала в Кирилловом монастыре, первым прибыл и начал свои подвиги на Соловецких островах, основателем Соловецкого монастыря почитают преподобного Зосиму. Именно поэтому прежде мы рассказываем о житии преподобного Зосимы. «Возвращаясь к духовным колониям Кириллова монастыря, упомянем о западном и северном направлениях его излучений. Здесь он влияет на новгородское подвижничество, непрерывными нитями связанное с домонгольской древностью. Из Кириллова вышли святой Александр Ошевенский († 1479), основатель обители в Каргопольском крае, и святой Савватий, один из создателей Соловецкого монастыря.Соловецкий монастырь был четвертой по значению обителью северной Руси – первым форпостом христианства и русской культуры в суровом Поморье, в «лопи дикой», опередившим и направлявшим поток русской колонизации. Другой из святых основателей его, Зосима, вышел из Валаама и нес с собой западную новгородскую традицию. Московский юг и новгородский запад скрещиваются на Соловках – в происхождении иноков, даже именах храмов. Преподобные Зосима и Савватий выдержали необычайно суровую жизнь на острове, но уже Зосима, настоящий организатор монастыря, представляется нам не только аскетом, но и рачительным хозяином, определившим на века характер северной обители. Соединение молитвы и труда, религиозное освящение культурно-хозяйственного подвига отличает Соловки в XVI и XVII вв. Богатейший хозяин и торговец русского Севера, с конца XVI в. военный страж русских берегов (первоклассная крепость), Соловки и в XVII в. не перестают давать Русской Церкви святых» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 161–162). Перевод жития осуществлен по списку ГБЛ, Волоколамское собрание № 659, л. 215–310. Переводчик приносит благодарность Р. П. Дмитриевой, предоставившей для перевода подготовленное ею к печати «Житие Зосимы и Савватия».

[301] - Парафраз послания апостола Иакова, гл. 2, стих 20. «Не слушающие закон спасаются, но исполняющие его» –

неточная цитата из Первого послания апостола Иоанна, гл. 3, стих 18.

302 - Цитата из Первого послания апостола Иоанна, гл. 2, стих 15.

303 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 6, стих 24.

304 - Цитата из книги Второзаконие, гл. 32, стих 7.

305 - Цитата из Евангелия от Марка, гл. 13, стих 34.

306 - «Показал ведь Бог в древности образ скинии Моисею в пустыне» – скиния, иначе – шатер, прообраз храма, который Бог показал пророку Моисею, когда израильский народ вышел из Египта. Переносное святилище, в котором находился ковчег Завета. Подробно скиния описана в Книге Исхода, гл. 3.

307 - «Показал ведь Бог в древности образ скинии Моисею в пустыне» – скиния, иначе – шатер, прообраз храма, который Бог показал пророку Моисею, когда израильский народ вышел из Египта. Переносное святилище, в котором находился ковчег Завета. Подробно скиния описана в Книге Исхода, гл. 3.

308 - Псалом 67, стихи 2–3.

309 - Псалом 54, стих 23.

310 - Псалом 3, стихи 1–3.

311 - Псалом 19, стих 9.

312 - Цитаты из Первой книги царств, гл. 2, стих 30, а также Псалом 144, стих 19.

313 - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 6, стих 56.

314 - Парафраз Книги Притч, гл. 4, стих 12.

315 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стих 19.

316 - «…по иерусалимскому уставу» – правила для ведения церковных служб в соответствии с праздниками и днями недели были выработаны в Палестине, в V-VI вв. Так называемый Типикон, или Устав, пришел на Русь из иерусалимского монастыря святого Саввы Освященного.

317 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 10, стихи 12–14.

318 - Иван III Васильевич (1440–1505) – великий князь московский. В 1478 г. присоединил к Московскому княжеству Новгород.

[319] - Парафраз цитаты из Книги Притч, гл. 9, стих 10.

[320] - Неточная цитата из Евангелия от Матфея, гл. 25, стих 33.

[321] - «…подобного образом Александру Свирскому» – о жизни преподобного Александра известно очень мало. Его мощи были обретены в 1641 г. Он был постриженником Валаамского монастыря, ушел из него и основал свою обитель близ реки Свири. Он находился в близких духовных отношениях с преподобным Корнилием Комельским и даже послал к нему одного из своих учеников. Память святого празднуется в тот же день, что и память преподобного Зосимы Соловецкого, – 30 апреля. «…подобного образом Александру Свирскому» – о жизни преподобного Александра известно очень мало. Его мощи были обретены в 1641 г. Он был постриженником Валаамского монастыря, ушел из него и основал свою обитель близ реки Свири. Он находился в близких духовных отношениях с преподобным Корнилием Комельским и даже послал к нему одного из своих учеников. Память святого празднуется в тот же день, что и память преподобного Зосимы Соловецкого, – 30 апреля.

[322] - Обычно списки житий объединяют в единое целое трех соловецких святых: Германа, Савватия и Зосиму. Также и древнерусская иконография обычно изображает святых Зосиму и Савватия вместе. О преподобном Германе сохранилось немного сведений, и они рассыпаны в житиях преподобных Савватия и Зосимы. Житие преподобного Савватия дается также по списку ГБЛ, Волоколамское собрание № 659, л. 215 – 310. Предполагается, что жития соловецких святых были созданы митрополитом Киевским Спиридоном, в 1494 г., когда он находился в заточении «в земле Белозерской, в монастыре честного Рождества Пречистой Богородицы, именуемым Ферапонтов».

[323] - Василий II Васильевич, по прозванию Темный (1415–1462) – великий князь Московский с 1425, внук Димитрия Донского.

[324] - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 5, стих 14.

[325] - Псалом 83, стихи 6–8.

[326] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 9, стих 23.

[327] - Цитата из Первой книги Царств, гл. 2, стих 30.

[328] - Псалом 54, стихи 8–9.

[329] - Псалом 114, стих 7.

[330] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 9, стих 13.

[331] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 14, стих 21.

[332] - Псалом 54, стих 23.

[333] - Псалом 129, стих 4, Псалом 27, стих 7.

[334] - Псалом 21, стих 11.

[335] - «Величит душа моя Господа» – песнь Богородицы, исполняется во время вечернего богослужения, заимствована из Евангелия от Луки, стихи 46 – 55. Составлена из различных псаломских стихов.

[336] - Последние слова Христа, произнесенные Им на кресте. Цитата из Псалма 31, стих 6. См.: Евангелие от Луки, гл. 23, стих 46.

[337] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 9, стих 22.

[338] - «Третьим духовно-географическим центром Святой Руси был Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере. Узкое и длинное, до семидесяти верст, Кубенское озеро связывает своими водами Вологодский и Белозерский край. Вдоль берега его шла дорога из Вологды и Москвы в Кириллов. На скале («на камне»), поднимающейся из волн бурного озера, создался монастырь, историю которого написал в конце XV в. великий учитель нестяжания старец Паисий Ярославов. Первый известный нам по имени игумен Дионисий был пришелец с Афона в княжение Димитрия Донского. Двое из учеников его основали обители на берегах Кубенского озера: Дионисий Глушицкий и Александр Куштский. Из Покровской «лавры» Дионисия вышло до семи иноческих колоний в Кубенском крае; а из учеников его прославлены святой Григорий Пелшемский, Филипп Рабангский, Амфилохий, его преемник в Глушице. Еще через сто лет после Дионисия Глушица дает святых и выделяет монастырские колонии». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси.

С. 160–161.)Житие преподобного Дионисия Глушицкого написано иноком Иринархом того же Глушицкого Покровского монастыря в 1495 г., спустя 58 лет после кончины преподобного. В своем повествовании он основывался не только на словах и записях людей, которые слышали рассказы учеников преподобного, а также на записках очевидцев и современников. По оценке В. О. Ключевского, житие преподобного Дионисия Глушицкого как исторический источник принадлежит «к числу немногих превосходных житий, какие можно найти в древнерусской литературе». Житие сохранилось во множестве списков, но до сих пор не издано. Вошло в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария. Публикуется впервые и без сокращений.

339 - Кубенское озеро находится в Вологодской области. Его площадь составляла 648 кв. км, глубина достигала 3 м. Ныне превращено в водохранилище.

340 - «…во имя святого Николы» – имеется в виду святитель Николай, епископ Мирликийский. Его жизнь относят к середине IV в. Был известен христианскими добродетелями: смирением, помощью бедным и узникам, исповедничеством. Церковные историки полагают, что он был заключен в тюрьму во время гонений Диоклетиана, а после восшествия на престол Константина был освобожден. Его мощи ныне почивают в итальянском городе Бари. Святитель Николай был чрезвычайно популярен на Руси и является одним из наиболее почитаемых византийских святых.

341 - Цитата из Первого послания апостола Павла Тимофею, гл. 2, стих 4.

342 - См. примечание 17 к Житию святого князя Довмонта-Тимофея.

343 - Рипиды – металлические круги на длинных рукоятках с изображением херувимов. Выносятся во время архиерейского богослужения.

344 - Здесь вспоминается апостол Павел, зарабатывавший на хлеб изготовлением палаток.

345 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 26, стих 41.

[346] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 11, стих 12.

[347] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стихи 5–6.

[348] - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 4, стих 8.

[349] - Цитата из Первого послания апостола Иоанна, гл. 4, стих 20.

[350] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 25, стих 26.

[351] - Цитата из Первого послания апостола Павла к Коринфянам, гл. 13, стихи 4–5.

[352] - Цитата из послания апостола Павла к Филиппийцам, гл. 3, стих 13.

[353] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 10, стихи 3738.

[354] - Там же, гл. 10, стих 34.

[355] - Цитата из Второго послания апостола Павла к Коринфянам, гл. 6, стих 17.

[356] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 12, стих 47.

[357] - Там же, гл. 12, стих 50.

[358] - Чернец – буквально монах. Здесь речь идет о монахе, который не принял священнического сана.

[359] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 9, стих 62.

[360] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 10, стих 9.

[361] - Цитата из Первого послания апостола Павла к Коринфянам, гл. 3, стихи 13–15.

[362] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стих 44.

[363] - Там же, гл. 5, стих 44.

[364] - «Десять ногат». Ногата – монета в Древней Руси.

[365] - Псалом 1, стих 3.

[366] - Пролог – древнерусский житийный сборник, ведущий свое происхождение от византийских месяцесловов. Жития святых в Прологе расположены в соответствии с днями их церковной памяти. Проложные редакции житий отличаются предельной сухостью и краткостью. В Пролог также включались назидательные сказания и проповеди.

[367] - «…чтобы стать по правую руку от Распявшегося» – т. е. от Иисуса Христа, пошедшего на распятие по собственной воле.

[368] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стих 42.

[369] - Там же, гл. 5, стих 7.

[370] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 6, стих 30.

[371] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 18, стих 15.

[372] - «…Леонтия, епископа Ростовского» – речь идет о святом Леонтии Ростовском. Он был поставлен на Ростовскую кафедру в 1072 г., убит в 1088 г.

[373] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 6, стихи 31–34.

[374] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 6, стих 36.

[375] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 25, стих 41.

[376] - Цитата из послания апостола Иакова, гл. 2, стих 13.

[377] - Цитата из послания к Евреям, гл. 13, стих 17.

[378] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стих 25.

[379] - Цитата из Первой книги Царств, гл. 2, стих 30.

[380] - «…виноград, который ты возделал» – напоминание о притче, рассказанной Иисусом Христом о винограднике. См. Евангелие от Луки, гл. 20, стихи 9–18.

[381] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 10, стих 16.

[382] - «…незлобие он приобрел Иаковлево, а страннолюбие Авраамово» – Авраам, ветхозаветный праведник, родоначальник израильского народа. Иаков – его внук, прославившийся незлобивым характером. См. повествования Книги Бытия.

[383] - Савва Освященный – преподобный Савва родился в Каппадокии, во второй половине V в. С юных лет начал жить в монастыре неподалеку от родного города Муталаски. Юношей отправился в Палестину, поселился в обители святого Евфимия Великого. После смерти Евфимия Савва перебрался в пещеру, ведя уединенную жизнь. Вокруг него начали собираться монахи. Так возникла известная обитель Саввы Освященного, существующая и поныне неподалеку от Иерусалима, в пустыне. Став настоятелем обители, преподобный Савва создал первый Устав последования церковных служб, известный под именем Иерусалимского и принятый всеми иерусалимскими монастырями. Преподобный Савва скончался в 532 г.

[384] - «В Ниле Сорском (1433–1508) обрело свой голос безмолвное пустынножительство русского Севера. Он завершает собой весь великий XV век русской святости. Единственный из древних наших святых, он писал о духовной жизни и в произведениях своих оставил полное и точное руководство духовного пути. В свете его писаний скудные намеки древних житий северных пустынников получают свой настоящий смысл. Как бы в расплату за это литературное наследство преподобного Нила мы лишены его жития. Неизвестно, было ли оно когда-либо написано: предание говорит, что оно сгорело во время татарского разорения вологодских скитов в 1538 году. Преподобный Нил редко покидал свою пустыню для мира, не был вхож в княжеские дворцы, и наши сведения о его жизни чрезвычайно скудны… …Есть известия, что он был в миру «скорописцем», списателем книг. Во всяком случае, он рано постригся: «От юности моея», – пишет он. Очень важно, что преподобный Нил побывал на Афоне и «в странах Царе-града», куда он ходил со своим учеником, святым Иннокентием (Охлябининым)… В 1488 г., когда Новгородский владыка Геннадий ведет энергичную борьбу против ереси жидовствующих, он спрашивает Ростовского архиепископа, нельзя ли побывать у него Паисию (старцу Паисию Ярославову. – С. Б.) и Нилу, поговорить о ересях. Очевидно, это самые влиятельные имена среди заволжев. По своему духовному направлению Нил и Паисий не могли проявить сочувствия к кострам и казням Геннадия. Оба старца присутствовали на Соборе 1490 г., который осудил еретиков, но обошелся с ними довольно мягко. Дальнейшее известие о преподобном Ниле относится к 1503 г. На Соборе в Москве, собранном по совершенно иному поводу, неожиданно «нача старец Нил глаголати, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы черньцы по пустыням, а кормились бы рукоделием». Белозерские пустынники поддержали его. Пришлось послать за Иосифом Волоцким, уже уехавшим с Собора, чтобы его авторитетом и энергией отстоять церковное землевладение. Скончался Сорский пустынник в 1508 г.» (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 167–168.) Мы предлагаем читателям попытку

реконструкции жития преподобного Нила Сорского, предпринятую доктором филологических наук, исследователем и публикатором наследия преподобного Нила – Г. М. Прохоровым.

[385] - Борьба между Василием II и Дмитрием Шемякой (1420–1453) шла во второй половине сороковых годов XV столетия. Сначала Шемяка в 1446 г. взял в плен Василия II и ослепил его. Но позже потерпел поражение и бежал в Новгород.

[386] - Паисий Ярославов († 1501) – игумен Троице-Сергиева монастыря, постриженник Спасо-Кубенского монастыря и автор «Сказания» о нем.

[387] - Исихазм – практика «умной молитвы». См. примечание 15 к Житию преподобного Сергия Радонежского.

[388] - «…на берегу неширокой речки Соры» – историк С.Шевырев, посетивший Нилову пустынь в середине прошлого столетия так описывал ее: «Дико, пустынно и мрачно то место, где Нилом был основан скит. Почва ровная, но болотистая, кругом лес, более хвойный, чем лиственный… Трудно отыскать место более уединенное, чем эта пустыня». До недавнего времени в помещениях обители размещался приют для инвалидов Великой Отечественной войны.

[389] - «В согласии с «Лествицей» Иоанна Синайского» – преподобный Иоанн Лествичник, аскет, духовный писатель. Сведения о его жизни чрезвычайно скудны. Известно, что он скончался в середине VII в. Монашествовал на горе Синай, но бывал и у пустынников Египта. Был избран игуменом Синайской обители. Широко известна его книга – «Лествица, книга, именуемая скрижали духовные». Это систематическое описание монашеского пути, ведуще го по ступеням духовного совершенства. Книга написана простым, доступным языком – автор любит сравнения, пословицы, поговорки. Довольно рано была переведена на Руси и пользовалась большой популярностью не только в монашеских кругах.

[390] - «…школу молитвенного безмолвия» – речь идет о практике исихастов-молчальников.

[391] - «Иосиф (1439–1515) был преемником преподобного Пафнутия во игуменстве. Двадцати лет от роду он пришел в Боровск, где старец Пафнутий взял его к себе в келью и воспитал в своей суровой школе «послушания без рассуждения». Впрочем, это было как раз то, чего Иосиф искал с детства. Иван Санин (его мирское имя), из волоколамских дворян, как бы по крови был предназначен к иночеству. В роду его известно восемнадцать иноческих имен и только одно мирское. В семь лет выучив Псалтырь, а в восемь научившись читать «все божественные книги», мальчик стал чтецом и певцом в церкви……Пафнутий настолько оценил духовную зрелость Иосифа, «крепкий и непоколебимый ум» его, что разрешил взять ему в свою келью старого и больного отца, постригшегося тут же. Иосиф ходил за отцом пятнадцать лет до его кончины. Мать его постриглась в Волоколамске. Умирая, Пафнутий избрал Иосифа своим преемником, и великий князь Иван Васильевич, которому вручил свой монастырь Иосиф, утвердил его выбор (1477)». (Федотов Г.П. Святые Древней Руси. С. 176–177.) Текст жития дается с незначительными сокращениями по публикации в современном сборнике «Богословские труды», № 10, «Волоколамский патерик» (предисловие архиепископа Питирима), с. 192–212. Житие создано епископом Крутицким Саввой (Черным) в 1546 г.

[392] - Речь идет о монастыре во имя Пресвятой Богородицы в окрестностях Волоколамска.

[393] - Псалом 38, стихи 3–4.

[394] - Парафраз стихов 11–12 гл. 7 Книги Екклезиаста.

[395] - Преподобный Иосиф Волоцкий решил установить в Боровском монастыре общежительный устав, но иноки не согласились. Это было причиной ухода игумена из монастыря.

[396] - Речь идет, по-видимому, о преподобном Феодосии Киновиархе, родом из Антиохии, сыне богатых и знатных родителей. Юношей он покинул отчий дом и поселился в приморской пещере на берегу Исского залива, неподалеку от киликийского города Росс. Плел корзины, обрабатывал землю, разводил овощи. Вокруг него образовалась обитель. После

этого, поселившись близ селения Маратон, основал Маратонскую обитель, в которой ввел общежительный устав. Скончался в 412 году.

[397] - Великий Афанасий Афонский – см. примечание 12 к житию преподобного Мартиниана.

[398] - Тверское княжество в этот период враждовало с Московским, оспаривая право великого княжения.

[399] - Антиминс – плат из ткани с защитой частичкой мощей святого или мученика. На нем совершается Божественная литургия.

[400] - Т. е. в честь Успения Божией Матери. Этот праздник отмечается 28 августа.

[401] - «Дионисий и его дети Владимир и Феодосии» – прославленные русские иконописцы XV в. Их фрески хорошо сохранились в Ферапонтовом монастыре.

[402] - «…еще была трапезная деревянная» – т. е. не было еще каменного храма, а стоял рубленый, деревянный, который также служил трапезной, где монахи вместе вкушали пищу.

[403] - «…святую схиму» – монашеский чин, налагающий самые строгие правила. Великий ангельский образ. Схиму принимали перед смертью великие князья и русские цари.

[404] - В отличие от заволжских старцев-нестяжателей, преподобный Иосиф охотно принимал в дар села и крестьян.

[405] - «…просить о пострижении в мантию» – т. е. постричься в монахини. Мантия – широкий черный плащ, который носят монахи и монахини.

[406] - Архиепископ Геннадий († l505) – новгородский архиепископ, духовный писатель, глава кружка церковных публицистов и переводчиков. Участник составления первого в России полного текста Библии – так называемой «Геннадиевой библии» (1499). Был сторонником жестких мер против еретиков.

[407] - Вызванный на борьбу с ними (еретиками. – С. Б.) архиепископом новгородским Геннадием, Иосиф пишет послания епископам, убеждая их подвигнуться на защиту православия, составляет обширный труд из шестнадцати «слов» против ереси, объединенных под именем

«Просветителя». В последние годы Ивана III он лично убеждает государя, не склонного к крутым и жестоким мерам по отношению к еретикам. Точка зрения Иосифа весьма радикальна. Царям подобает еретиков и в заточение посылать, и казням лютым предавать: «Грешника и еретика руками убити или молитвою едино есть». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 183–184.)

[408] - «…решились просить им дать возможность покаяться» – Иосиф Волоцкий утверждал: «Нельзя верить их покаянию: пожизненное отлучение от Церкви и заточение в темницу – вот участь раскаявшегося еретика. По свидетельству жития Иосифова, эта суровость вооружила против него владык и старцев. Послания заволжских пустынников показывают, что на Руси еще сильны были заветы христианского милосердия. Но Иосиф имел удовлетворение видеть, что его настояния победили религиозные сомнения самодержцев в самой Москве: особенно при Василии III, который повелел «овым языки резати, иных огню предати». Однако такая победа над еретиками была началом мучительного раскола в религиозном сознании самого православного общества. (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 184.)

[409] - Псалом 18, стих 51.

[410] - «Подвиг святого Филиппа всем памятен и запечатлен мученической смертью. Избранный на том же соборе, что и Герман (архиепископ Казанский, избранный Иоанном Грозным на митрополичий престол, но спустя два дня смещенный царем. – С. Б.), из игуменов соловецких, он прямо поставил предварительным условием своего избрания отмену опричнины. Царь и епископы убедили его отказаться от этого условия, сохранив за митрополитом лишь право печалования за опальных. Когда через полтора года возобновились казни, Филипп возвысил свой голос. Сперва увещевая царя наедине, он переносит потом свои обличения в Успенский собор… Для святого Филиппа исповедание правды было столь же обязательно, как и исповедание веры: «Иначе тщетна будет для нас вера наша, тщетно и исповедание апостольское».Впечатление этого слова правды, сказанного в

лицо тирану, было велико, но в деморализованной опричниной России мало было охотников следовать путем Филиппа. Собор епископов по требованию царя низложил митрополита, обвиненного в неясных для нас преступлениях. Заточенный в Тверской Отрочь монастырь, через год страдалец был задушен Малютой Скуратовым во время карательного похода царя на Новгород». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 126.) Житие митрополита Филиппа было создано в конце XVI – начале XVII в. Житие дошло до нас в большом количестве списков и в нескольких редакциях. Г. Г. Латышева, исследователь житий, определяет две редакции как основные. Условно она назвала их: одну – Колычевской, другую – Тулуповской, по списку в сборнике Германа Тулупова 1633 г. Сокращенный перевод дается по списку, хранящемуся в ЦГАДА, ф. 181, рукописное собрание МГА МИД, ед. хр. (дело) 336/781, Житийный соборник начала XVII в. Тулуповская редакция. Публикуется впервые.

411 - Колычевы – известная на Руси боярская фамилия. Род Колычевых почти был истреблен Иваном Грозным.

412 - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 7, стих 25.

413 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 6, стих 24.

414 - Автор жития повествует о значении услышанных слов для Феодора – он решает оставить богатство, царский двор и служить только Богу.

415 - «Божественным огнем Утешителя» – т. е. Духа Святого.

416 - Преподобный Александр Свирский – см. примечание 21 к Житию преподобного Зосимы Соловецкого.

417 - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 14, стихи 28–29.

418 - Митрополит Московский и всея России Афанасий – бывший инок Чудова монастыря. Был избран на митрополичий престол в феврале 1564 г. Он был духовником царя Иоанна IV Грозного, пытался бороться против опричнины, но его воля была сломлена отъездом царя в Александровскую слободу. Оставил митрополию 19 мая 1566 г. «за немощию велиею» и вернулся в Чудов монастырь. После его отречения царь призвал из Соловков игумена Филиппа.

419 - Ср. Псалом 18, стих 51, а также Псалом 20, стих 7.

[420] - В Успенском соборе в Кремле.

[421] - «….пока не пройдут назначенные семь тысяч лет всегоршей муки» – отголоски средневековых представлений, основанные на том, что мир просуществует лишь семь тысяч лет. После истечения этого срока последует Страшный суд и второе пришествие Иисуса Христа.

[422] - Иоанн Грозный перенес свою столицу в Александровскую слободу раньше избрания митрополита Филиппа. После его избрания в течение почти полутора лет ужасы опричнины стихли – наступил краткий период относительного покоя, хотя Русь находилась в разорении. Конфликт с царем произошел из-за возобновления террора опричников зимой 1567 г. – весной 1568 г.

[423] - Псалом 14, стих 5.

[424] - Псалом 14, стих 3.

[425] - «…но бедствовало благочестие и убивались души первенцев» – автор жития сравнивает бедствия, обрушившиеся на Русскую землю, с бедствиями евреев, которые, находясь в Египте, подвергались преследованиям со стороны египтян, а первенцы мужского пола убивались. См. повествования Книги Исхода.

[426] - «….последовавшему равноапостольному мученику Стефану» – см. Деяния апостолов, гл. 6, повествующую о гибели диакона Стефана, ставшего первым мучеником юной Христианской Церкви в Иерусалиме.

[427] - Цитата из Книги пророка Исайи, гл. 8, стих 18.

[428] - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 15, стихи 12–13.

[429] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 22, стихи 37–40.

[430] - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 15, стих 9.

[431] - Псалом 37, стихи 12–13.

[432] - «…предстоя в алтаре по чину Захарии и Аарона» – упоминаются ветхозаветные первосвященники. Митрополит Филипп совершал Божественную литургию. Он сравнивается с ветхозаветными первосвященниками, вождями израильского народа.

[433] - Псалом 3, стих 7.

[434] - «…но епископы их согласно правилам судят» – для того чтобы осудить монаха, священника или епископа, существовал церковный суд, который руководствовался иными принципами, нежели гражданский. Осуждение церковнослужителя должно было сначала свершиться церковным судом, а уже потом – гражданским.

[435] - «…никто в совершенстве седалище это удержать не сможет» – митрополит Филипп предрекает эпоху смут и безвременья, которая готова обрушиться на Русскую землю. Предреченное исполнилось и в период царствования Иоанна Грозного, но особенно в Смутное время, когда Русскую землю терзали и внешние враги, и междоусобицы.

[436] - Псалом 65, стих 5.

[437] - Через 21 год после убиения митрополита Филиппа соловецкий игумен Иаков пришел к царю Федору Иоанновичу и попросил перенести мощи митрополита Филиппа в Соловецкий монастырь. Во время перенесения мощей произошли первые чудеса и исцеления. В 1652 г. в царствование царя Алексея Михайловича Тишайшего состоялось перенесение мощей митрополита Филиппа в Москву. Мощи ныне находятся в Успенском соборе Кремля.

[438] - Сорокоуст – “сорокодневная молитва в церкви по умершему” (Вл. Даль).

[439] - «Подвиг патриарха Гермогена, последнего святителя московского, канонизованного в наши дни, соединяет исповедничество Филиппа с национальным служением Петра, Алексия, Ионы. Святой Гермоген был замучен как исповедник польско-русской властью, оккупировавшей Москву, но содержанием его исповедничества было не слово правды, как у Филиппа, а стояние за национальную свободу России, с которой была связана и чистота православия». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 126–127)Патриарх Гермоген был канонизован в 1913 году, когда широко отмечалось трехсотлетие дома Романовых. До этого времени он почитался как местно чтимый святой. Император Николай II почитал патриарха Гермогена, как

одного из покровителей императорской семьи. Ведь именно он выдвинул на российский престол в период Смуты молодого Михаила Романова. Сведения о жизни патриарха Гермогена весьма скудны. Накануне его канонизации профессором А. Дмитриевским было произнесено похвальное слово, которое впоследствии было издано отдельной брошюрой – «Святейший патриарх Гермоген и русское духовенство в их служении отечеству в Смутное время». (С.-Петербург, 1912 г.)

440 - Казанский святитель Герман – жизнь будущего архиепископа протекала в основном в монастырях. Из последнего, Свияжского, в котором он трудился, стремясь просвещать иноверный казанский край, был возведен на Казанскую кафедру. В Казани пробыл недолго – всего три года. Был вызван Иоанном Грозным в Москву, где царь заставил его принять митрополичий престол. Князь Курбский вспоминал, что уже состоялось избрание на Соборе и святитель жил два дня на митрополичьем дворе. Но между ним и царем произошел разрыв из-за опричнины. После разговора с митрополитом Грозный отказался от мысли увидеть его на митрополичьем престоле. Святитель Герман скончался 6 ноября 1568 г. от моровой язвы. Неизвестно, провел ли он последние годы своей жизни в заточении или на свободе. Современники были уверены, что Грозный отравил его.

441 - Архиепископ Гурий – после завоевания Казани Иоанном Грозным был назначен в Казань. Бывший игумен Селижарова монастыря. В феврале 1555 г. отправился в новую епархию. Много содействовал просвещению края. Вместе с ним трудился архимандрит Варсонофий, первый настоятель Казанской обители. Оба были канонизованы в 1595 г. по повелению патриарха.

442 - Мученики казанские Иоанн, Стефан и Петр – мученик Иоанн пострадал в 1529 г. в Казани. При нападении монголо-татар на Нижний Новгород был захвачен в плен. Его насильно пытались обратить в ислам, но он отказался. Родственник хана, Алей-шпур, которому достался пленник, повелел отрубить ему голову. Но удар палача оказался неточен – Иоанну лишь рассекли шею. Спустя несколько дней мученик скончался.

Мученики Стефан и Петр – жители Казани, обратившиеся в христианство и пострадавшие за свое исповедание в 1552 г.

[443] - Новая повесть о преславном Российском царстве. – В кн. Литература Древней Руси. М., 1990. С. 391.

[444] - «…введение Унии» – попытка обратить православное население России в католичество по примеру Брестской унии. Вторая попытка воссоединения Православной и Католической Церквей состоялась в 1596 г. на Соборе в г. Бресте. Несмотря на то что Западная Украина и Белоруссия в лице епископов признала папу римского своим главой, сохранив восточные обряды, большинство православных не признало унии и вело с ней ожесточенную борьбу. Нынешняя Украинская Греко-Католическая Церковь – сохранившаяся до наших дней ветвь так называемых «католиков по православному обряду» (их еще называют «униатами»).

[445] - Дмитриевский А. Святейший патриарх Гермоген… С.-Петербург, 1912. С. 21.

[446] - Там же. С. 27.

[447] - Там же. С. 28.

[448] - Там же. С. 29–32.

[449] - Там же. С. 32–33.

[450] - Там же. С. 34.

[451] - Новая повесть о преславном Российском царстве. С. 392.

[452] - Там же. С. 393.

[453] - Дмитриевский А. Святейший патриарх Гермоген… С. 45–46.

[454] - «При Святейшем Синоде канонизации были редки; в XVIII веке чаще деканонизировали святых. В течение двух столетий, до царствования Николая II, канонизировали всего четырех святых, и эти четыре все епископы: Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Митрофаний Воронежский и Тихон Задонский. С точки зрения официальной иерархической Церкви, святой епископ казался единственно достойным прославления. Отсюда и недоразумение, вкравшееся даже в литературный русский язык: нередко святителем называют

всякого святого». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 233.)Агиографическое творчество в послепетровскую эпоху падает, Русская Церковь, обескровленная старообрядческим расколом и петровскими реформами, обезглавившими Церковь, долгое время не может оправиться, и поэтому до наших дней не созданы канонические жития русских святых последних двух столетий. Не является исключением и святитель Димитрий Ростовский, создавший величественный памятник агиографии – «Книгу Житий святых», в которую включены не только жития русских, но и византийских, греческих и римских святых. Наследие святителя до сих пор мало изучено, и предлагаемое «Жизнеописание» – первая попытка научно-художественной биографии святого, созданная ученым секретарем музея А. С. Пушкина в Больших Вяземах М. Г. Кротовым.

[455] - Архимандрит Иоанникий Голятовский – ректор Коллегиума, плодовитый духовный писатель, проповедник и полемист. Издал несколько сборников проповедей, используя латинские пособия. Один из них «Ключ разумения» – вышел в 1659 г.

[456] - Архиепископ Лазарь (Баранович) – с 1650 по 1658 г. был ректором Коллегиума, позже архиепископом Черниговским, в 1676 г. издал книгу «Новая мера старой Веры», «…по типу мысли и слова он вполне остается в пределах польского барокко. Обилие острот и игра словами – «концепты» и «перлки», т. е. выдумки и забавки, – это характерно не только для его литературной манеры, но и для его манеры или навыка мысли. Тогда не считалось неприличным святые предания Церкви мешать с баснословиями мифологическими…» – писал протоиерей Г. Флоровский. («Пути русского богословия», Париж, 1988. С. 53).

[457] - В результате Брестской унии (1596) большая часть епископата Западной Украины и Белоруссии признала папу римского главой Церкви. Но большая часть мирян воспротивилась и оказала сопротивление Унии. Они объединялись в братства, сыгравшие огромную роль в деле христианского просвещения края и утверждения православия. Братства имели свои типографии, своих священников, которые

подчинялись непосредственно Константинопольскому патриарху.

[458] - Речь идет о Брестской унии.

[459] - Цитата из Евангелия от Иоанна, гл. 13, стих 1.

[460] - Католические литании – один из видов католической молитвы.

[461] - «…да не будет ми лгати на святого» – «да не скажу неправду о святом».

[462] - «…мученических актов» – речь идет о древнейших документах Христианской Церкви. Во время гонений, когда мученики подвергались пыткам и казням, оставшиеся в живых христиане спешили запечатлеть их страдания и оставить для потомков записи. Вплоть до принятия Константином Великим христианства первые три века Христианская Церковь регулярно подвергалась гонениям.

[463] - «Возмогай в делании спасения святых Божиих угодников жития, во всем благоумствуя» – «Укрепляйся в спасительном делании написания житий святых Божиих угодников, во всем руководствуясь рассудительностью».

[464] - «Если ты захочешь Сына Божьего в теле нашем прославить – можешь прославить Его крестом или страданьями – так Его в теле своем прославили святые мученики. Неужели скажем: не можем мы так! Хвала Богу! уже нет гонений на христиан. Уже нет мучителей, которые к отвержению от Христа принуждали, которые к поклоне нию идолам принуждали… Не сомневайся, найдется среди нас и идол, и мучитель, и идолопоклонников окажется немало – а вот мучеников немного. Что ни грех – то идол, что ни страсть или случайность, побуждающая и тянущая к греху, – то мучитель, а если сопротивляешься им – это и есть повседневное мучение. А значит, каждый, сопротивляющийся греху, это мученик, славящий в теле своем Христа своими повседневными страданиями».

[465] - Митрополит Филофей Лещинский – с 1702 г. митрополит Тобольский и Сибирский, воспитанник Киевской духовной академии. Его почитают одним из просветителей

Сибири. Он открыл в Тобольске первую в Сибири школу, Обратившись за помощью к Петру I, начал строительство в Тюмени Троицкого монастыря. После смерти, согласно завещанию, был похоронен у входа в Троицкий собор Троицкого монастыря († 1727).

[466] - «…Дары – Тело Христово» – речь идет о так называемых «запасных Дарах», которые всегда сохраняются в храме на тот случай, если священника неожиданно вызовут к умирающему для причащения.

[467] - «Начало и источник всей философии… благодаря ему все народы христианское учение восприняли».

[468] - Краткий катехизис – христианское учение, изложенное в сжатой, конспективной форме.

[469] - «Но Гедеоново воинство, и постясь, победило мадианитян» – святитель Димитрий напоминает эпизод из истории израильского народа, описанный в книге Судей, гл. 7.

[470] - «Вымерли благие люди, нет среди них Константинов, нет Владимиров (имеются в виду Константин Великий и святой равноапостольный князь Владимир, крестивший Русь. – С. Б.), нет других боящихся Бога любителей благолепия дома Господнего».

[471] - «…бисер, зовомый смирение» – бисер, т. е. жемчуг. Святитель Димитрий вспоминает притчу Иисуса Христа о купце, поменявшем множество мелкого жемчуга на крупную жемчужину. Такой крупной жемчужиной является смирение.

[472] - «Знаю: в книгописательстве иное быть историком, иное толкователем, иное нравоучителем. Однако же я, грешный, все это смешал, как горох с капустой, желая иметь книжицу оную наподобие примечаний и черновиков, дабы иногда к проповеди что годилось».

[473] - Святитель Тихон Воронежский на протяжении XIX столетия оставался одним из самых притягательных образов русских святых. Несмотря на отсутствие канонического жития, его книги неоднократно издавались в России и были любимым чтением многих и многих тысяч людей. Образ епископа, ушедшего на покой, устранившегося от административной

деятельности, привлекал не только представителей русской интеллигенции XIX в. Считается, что в романе «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевский в образ старца Зосимы вложил свои впечатления от Оптинского старца Амвросия. На самом же деле старец Зосима вобрал многие черты епископа Воронежского Тихона. В романе «Бесы» образ архиерея Тихона, живущего на покое, которого посещает один из главных антигероев романа Ставрогин, почти списан со святителя Тихона. К сожалению, эта глава романа «Бесы» по требованию издателя М. Каткова была изъята.Жизнь святителя протекала в тяжелые годы междуцарствий – он родился в царствование Петра I, пережил эпоху «дворцовых переворотов» и умер в царствование императрицы Екатерины II. Он был плодовитым духовным писателем и оставил после себя богатое наследие. Особенно известно его «Сокровище духовное, от мира собираемое», в четырех частях, выпущенное в 1898 г. Синодальной типографией в Санкт-Петербурге. К сожалению, это не перевод, а всего лишь пересказ, утративший многие характерные особенности стиля святителя. Его жизнеописание было создано в начале 50-х гг. нашего столетия в Париже А. Н. Гиппиус и опубликовано отдельной брошюрой издательством «Вечное». С незначительными сокращениями, заново отредактированное, мы его публикуем.

474 - Монастырь в Новгороде. Святой Антоний Римлянин, согласно преданию, приплыл в Новгород на камне. По происхождению считался итальянцем. Об основателе Антониева монастыря в Новгороде известно из летописи. Под 1117 г. сообщается: «Игумен Антон заложи церковь камяну, святая Богородица монастырь».

475 - Хиротония – здесь: посвящение в сан епископа.

476 - «…викарием Новгородским» – викарий: епископ, находящийся в подчинении правящего епископа, его помощник.

477 - Хутынский монастырь – см. Житие святого Михаила Клопского, прим. 16.

478 - «…Святейший Синод выехал в Москву на корона цию» – коронации императоров происходили в Москве, в Успенском

соборе, несмотря на то, что Петр I перенес столицу в Петербург.

[479] - «…екатерининское царствование началось с отобрания в казну церковных вотчин» – Екатерина II, ссылаясь на давний спор нестяжателей с иосифлянами, реквизировала все монастырские угодья вместе с селами, определив духовенству жалованье. Ее политика по отношению к Церкви была продолжением петровских реформ.

[480] - «О седъми Таинствах» – Православная Церковь чтит семь великих Таинств: Крещение, Миропомазание, Покаяние, Причащение, Елеосвящение, Священство, Брак.

[481] - «…совершать литургии Преждеосвященных Даров Великим Постом» – в отличие от литургии святого Иоанна Златоуста, литургия Преждеосвященных даров совершается только Великим постом. В отличие от литургии святого Иоанна Златоуста, во время этой литургии Святые Дары не освящаются, а используются освященные прежде, обычно в воскресный день. Эта литургия, текст которой приписывается папе Григорию Двоеслову, отличается покаянным настроем.

[482] - «…благоговейно относиться к Святым Тайнам» – хлеб и вино во время литургии, по молитве священника и мирян, становятся Телом и Кровью Иисуса Христа. Частица Святых Тайн всегда сохраняется в алтаре на тот случай, если вдруг священнику придется неожиданно идти к умирающему для причащения. В храмах часто Святые Тайны хранились небрежно.

[483] - «…непостриженный монах» – достигнуть святости возможно и живя в миру – вот основная мысль святого Тихона Задонского.

[484] - Святитель Тихон приводит примеры истинного покаяния, заимствуя их как из Ветхого Завета, так и из Нового.

[485] - «Цвет сельный» – полевой цветок.

[486] - Праздник Святой Пятидесятницы – иначе праздник Троицы. В этот день, спустя пятьдесят дней после воскресения Христа, на апостолов сошел Святой Дух в виде огненных языков. Об этом повествуется в книге Деяний апостолов.

[487] - Цитата из Первого послания апостола Петра, гл. 2, стих. 9.

[488] - Строки из акафиста святителю Тихону Задонскому.

[489] - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 5, стихи 7, 9.

[490] - «…епископский омофор» – широкая расшитая лента, часть епископского облачения.

[491] - Акафист – буквальный перевод с греческого: неседален. Церковное хвалебное песнопение, которое исполняется стоя.

[492] - «…в день недельный» – т. е. в воскресенье.

[493] - «Се, гряду скоро, держи, что имеешь, дабы никто не восхитил венца твоего» – Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 3, стих 11.

[494] - «Действительно, в начале XVIII века старец Паисий Величковский, преследуемый полицией, подобно раскольникам, идет за рубеж, в Румынию, и там обретает вместе с рукописями Нила Сорского живую школу «умной» молитвы. Паисий Величковский становится отцом русского старчества. Непосредственно связанная с ним Оптина пустынь и Саров – делаются двумя центрами духовной жизни: два костра, у которых отогревается замерзшая Россия. (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 238.) Г. П. Федотов весьма точно обозначил значение старца Паисия для восстановления прерванной духовной связи на Руси. Небольшая неточность – будущий старец, уходя в Молдавию, не преследовался полицией. В Молдовлахию его влекла духовная потребность обрести наставника. Об этом довольно подробно рассказывает его жизнеописание. Первое описание жизни старца на русском языке было выпущено Оптиной пустынью в 1847 г. Оно принадлежит ученику старца Паисия – иеросхимонаху Платону. В Молдавии его жизнеописание было составлено келейником Митрофаном, который жил со старцем почти 30 лет. Данное жизнеописание опирается на книгу протоиерея Сергия Четверикова «Старец Паисий Величковский» (Париж, 1988). Канонизация старца Паисия произошла совсем недавно – на Соборе Русской Православной Церкви в 1988 г.

[495] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 12, стих 49.

[496] - Ср. Послание к Евреям, гл. 11, стихи 37–38.

[497] - Протопоп – в данном случае: настоятель соборного клира.

[498] - Псалтырь – сборник псалмов, приспособленных для богослужения.

[499] - Перечисляется святотеческая литература.

[500] - Кирея – верхний кафтан со стоячим воротом или широкий чекмень с застежками.

[501] - Канты – церковная хвалебная песнь, слова и музыка в ней часто народные. Распространены до наших дней на Украине.

[502] - Ср. Евангелие от Матфея, гл. 7, стихи 13–14.

[503] - Псалом 42, стих 1.

[504] - Хиландарь – один из монастырей на Афонской горе.

[505] - Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. Париж, 1988. С. 81.

[506] - Там же. С. 81.

[507] - «…постриг подвижника в мантию» – первая ступень монашества.

[508] - Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. С. 94–95.

[509] - Там же. С. 97–98.

[510] - Цитата из Евангелия от Луки, гл. 11, стих 28.

[511] - Святой Исихий, пресвитер Иерусалимский – жил на Афоне в VI в., вокруг него образовался скит молчальников, практиковавших «умную молитву». Святой Филофей Синаит – о нем почти ничего не известно, кроме того, что он был игуменом Синайского монастыря и оставил «Слово», разделенное впоследствии на сорок глав, о мона шеской жизни. Святой Феодор Эдесский – родился во второй половине VIII в. в г. Эдессе. Более тридцати лет прожил в обители Саввы Освященного в Палестине. После смерти эдесского епископа занял его кафедру. Скончался в обители Саввы Освященного в 848 г. Известен как духовный писатель.

[512] - Исаак Сирин – духовный писатель, подвижник VII в. Согласно преданию, он был епископом г. Ниневии. Известны его «Слова подвижнические».

[513] - Перечисляются афонские монастыри.

[514] - Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. С. 98–100.

[515] - Там же. С. 103–104.

[516] - Ср. Послание Иакова, гл. 1, стих 19.

[517] - Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. С. 119.

[518] - Перечисляются духовные писатели, произведения которых вошли потом в сборник «Добротолюбие».

[519] - Протоиерей Сергий Четвериков. Старец Паисий Величковский. С. 130.

[520] - Там же. С. 129.

[521] - Там же. С. 129.

[522] - Там же. С. 191–192.

[523] - Там же. С. 189.

[524] - Имеются в виду старец Алексий Мечев († 1924) и его сын, священник Сергий Мечев, погибший в тюрьме г. Рыбинска в 1941 г. Оба служили в храме святителя Николая в Москве, на Маросейке, ныне ул. Б. Хмельницкого.

[525] - «Не только легенда: творится живое чудо. Поразительно богатство духовных даров, излучаемых святым Серафимом. К нему уже находит путь не одна темная сермяжная Русь. Преподобный Серафим распечатал синодальную печать, положенную на русскую святость, и один взошел на икону среди святителей из числа новейших подвижников. Но наше поколение чтит в нем величайшего из святых Древней и Новой. Руси. Самое явление Серафима в обстановке XVIII и XIX вв. предполагает воскрешение мистической традиции, заглохшей уже в Московской Руси…Преподобный Серафим соединяет в себе черты глубокой традиционности со смелым, пророческим обетованием нового. Столпник, сожитель лесного медведя, определяющий смысл

духовного подвига словами Макария Египетского, он белой одеждой своей, пасхальным приветом и призывом к радости, уже явленной во плоти светлой тайной Преображения, свидетельствует о новых духовных временах». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 238–239.) Жизнеописание преподобного Серафима опирается в основном на его «Житие» (6-е изд. М., 1903).

526 - Иеросхимонах Иоанн – уроженец Арзамасской губернии села Нового Усада. Основатель общежительной Саровской пустыни.

527 - Строитель – в данном случае: настоятель.

528 - Святой Великий Четверг – четверг Страстной недели, когда вспоминается Тайная вечеря и предание Иисуса Христа Иудой.

529 - Вечерня – богослужение, обычно совершаемое вечером.

530 - Паремии – чтения из Ветхого Завета во время богослужения.

531 - Орарь – от латинского огаге – молиться. Вышитая или цветная лента – знак диаконского сана, надевается через плечо. Во время ектеньи диакон поднимает ее. Этот обычай сохраняется с тех времен, когда находящиеся в храме христиане пели, а диакон управлял пением.

532 - Вертоград – т. е. сад.

533 - Камилавка – головной убор священника или монаха.

534 - См. примечание 12 к Житию преподобного Мартиниана Белозерского.

535 - Цитата из Евангелия от Матфея, гл. 26, стих 52.

536 - «…окруженною славою» – т. е. Божественным светом.

537 - Ссылка на стих 6, гл. 8 Книги пророка Исайи: «…за то, что народ этот пренебрегает водами Силоама, текущими тихо…»

538 - См. примечание 18 к Житию преподобного Паисия Величковского.

[539] - Святитель Григорий Богослов – один из великих отцов Церкви. Родился в 330 г. неподалеку от г. Назианза в Каппадокии. Его отец был епископом этого города, а мать Нонна – благочестивой христианкой. Родители дали сыну блестящее воспитание. Он учился сначала в Кесарии Каппадокийской, затем в Кесарии Палестинской. Образование продолжил в Александрии, а затем в Афинах. Там он встретился и подружился со святым Василием Великим. Был плодовитым духовным писателем и тонкимпоэтом. Боролся против арианской ереси. Был архиепископом Константинопольским. Умер в 390 г.

[540] - В этих словах преподобного Серафима звучит призыв к духовному деланию, поиск новых путей святости.

[541] - Символ веры – древнехристианское исповедание веры (около V в.), которое получило название «Апостольского символа». В кратком виде включает основные положения христианства.

[542] - Антидор (буквальный перевод с греческого: вместодара). Остатки просфоры, из которой вынут Агнец, т. е. средняя часть просфоры, вынимаемая для совершения Евхаристии.

[543] - Преподобный Герасим – родился и жил в середине V в. в Палестине. Основал монастырь близ реки Иордан. Его житие рассказывает, что однажды, встретив льва, у которого в лапе была заноза, старец вынул ее. С тех пор лев ходил за ним и служил как домашнее животное. Преподобный умер в 475 г.

[544] - Николай Александрович Мотовилов – помещик, исцеленный преподобным Серафимом. Оставил рукописный текст беседы, который в начале века был опубликован С. А. Нилусом. Подлинность этого текста до сих пор не установлена, но сам дух настолько близок жизни и проповеди преподобного Серафима, что она часто публикуется вместе с его житием.

[545] - Среди зимы старец пел пасхальные песнопения, которые обычно исполняются весной.

[546] - «Возрождение духовной жизни в России принесло оживление не только старого опыта, но и совершенно новые на

Руси формы святости. Такими следует признать старчество как особый институт преемственности духовных даров и служения миру; духовную жизнь в миру в смысле монашеского делания, соединяемого с мирянским бытом, и, наконец, священническую святость, питаемую мистическим опытом Евхаристии и духовничества». (Федотов Г. П. Святые Древней Руси. С. 239.) Значение Оптиной пустыни для духовного развития России трудно переоценить: монастырь давал старцев вплоть до 1928 г., когда умер последний старец Оптинский Нектарий. Литература об Оптиной огромна, поскольку в монастыре действовало собственное издательство, был создан мощный интеллектуальный потенциал. Из зарубежных изданий назовем некоторые: Кон-цевич Н. М. Старец Нектарий Оптинский. Джорданвиль, 1953; его же – Оптина пустынь и ее время. Джорданвиль, 1970. Интересна статья Владимира Лосского «Оптинское старчество», опубликованная на французском языке в журнале «Контакты».

547 - Эти слова старца ярко характеризуют его отказ от авторитаризма и патернализма, его стремление не ущемлять свободы человека.

548 - Подрясник – монашеская или священническая одежда, напоминающая широкий черный плащ. Подрясник могут носить послушники в монастыре.

549 - Неподалеку от монастыря располагается скит, ныне как и пустынь, переданный Русской Православной Церкви.

550 - «…пострижен в мантию» – первая ступень монашества.

551 - «…выйти за штат» – выбыть из числа насельников монастыря, как бы уйти на пенсию.

552 - «..преподобного Иоанна, игумена Синайского» – см. примечание 5 к Житию преподобного Нила Сорского.

553 - «…приходили …для откровения помыслов» – практика ежедневной исповеди, когда инок открывает все свои мысли старцу.

554 - Псалом 15, стих 8.

555 - Отец Климент Зедергольм – о нем подробнее см: Леонтьев К. Н. Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной

путыни. М., 1892. Обратившись из протестан тизма в православие, отец Климент занимался в Оптиной пустыни не только переводами, но и издательской деятельностью.

556 - Первый час – молитвы, предшествующие вечернему богослужению.

557 - Шестой с изобразительными – т. е. шестой час, так же определенные молитвы, предшествующие богослужению. Изобразительные – псалмы, которые поются в храме антифонно в начале литургии. Антифонно – попеременно, сначала одним хором, потом другим.

558 - Малое повечерие – часть вечернего богослужения.

559 - Цитата из Второго послания к Коринфянам, гл.12, стих 9.

560 - Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия. Париж, 1947. С. 31–32.

561 - Там же. С. 46.

562 - Миссионерский подвиг митрополита Иннокентия Вениаминова сопоставим разве только со служением святого Стефана, епископа Пермского. Его служение длилось не одно десятилетие, сопровождалось многочисленными переводами, созданием учебника алеутско-лисьевского языка. Подвиг митрополита Иннокентия дал свои плоды – в 1971 г. была создана Американская Автокефальная Церковь. В этот же период встал вопрос о его канонизации, и вскоре он был причислен к лику святых. Он был плодовитым духовным писателем, сохранились его дневники. Преобладающая часть его наследия была издана вскоре после его смерти, были созданы и его жизнеописания. Наиболее значительное принадлежит перу И. Барсукова: «Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский». М., 1883. Сочинения митрополита Иннокентия начали издаваться с 1886 г., в 1897 г. были изданы также его письма.

563 - Фиалкин В. Святитель Иннокентий, митрополит Московский и его миссионерская деятельность // Журнал Московской патриархии. № 3. 1979. С. 70.

564 - Там же. С. 71.

[565] - Там же. С. 71.

[566] - Там же. С. 72.

[567] - Впоследствии Священный Синод постановил издать это сочинение и на русском языке для нужд православных христиан, проживающих в России.

[568] - В наши дни эта книга была опубликована Журналом Московской патриархии. № 3, 4 за 1975 г. См. № 3. С. 66.

[569] - Там же. С. 72.

[570] - Там же. С. 72.

[571] - ЖМП. № 4. 1975. С. 69.

[572] - Там же. С. 71.

[573] - Беседа преподобного Серафима Саровского о целихристианской жизни // Русский паломник. № 2. 1990. С. 78.

[574] - Там же. С. 88–89.

[575] - Святитель Иннокентий... // ЖМП. № 4. 1979. С. 73.

[576] - Там же. С. 73.

[577] - Там же. С. 74.

[578] - Святитель Иннокентий... // ЖМП. № 4. 1979. С. 73.

[579] - Архиепископ Иркутский Нил (Исакович, 1799–1874) – миссионер, проповедовал среди сибирских народов. Он послужил прототипом для образа архиепископа в одном из лучших рассказов Н. С. Лескова «На краю света».

[580] - Святитель Иннокентий... // ЖМП. № 4. 1979. С. 77.

[581] - Святитель Иннокентий... // ЖМП. № 5. 1979. С. 75.

[582] - Там же. С. 77.

[583] - Святитель Иннокентий... // ЖМП. № 6. 1979. С. 72.

[584] - Там же. С. 76.

[585] - Там же.

[586] - Архимандрит Евлогий. Жизнь и апостольские труды митрополита Иннокентия (Вениаминова) // ЖМП. № 3. 1975. С. 65.

[587] - Жизнь отца Иоанна Кронштадтского была настолько яркой, что до наших дней передаются устные рассказы очевидцев о необычайных дарованиях этого удивительного

священника. Его почитание началось еще при жизни – к нему тянулись самые разные люди и всегда находили поддержку и утверждение. Неудивительно, что Поместный Собор Русской Православной Церкви 1990 г. причислил его к лику святых. Он был даровитым духовным писателем. Неоднократно издавались сборники его проповедей, но самое ценное из его наследия – дневники, известные под названием «Моя жизнь во Христе». Пока это единственный святой из священников. Известны два святых иерея – Максим Тотемский (1650) и Симеон Малопинежский (†l585). Но первый был юродивым и не был официально канонизован, а второй перед смертью принял схиму и вошел в святцы в чине преподобного. При создании жизнеописания отца Иоанна была использована монография о его жизни, созданная епископом Александром Семеновым-Тян-Шанским, – «Отец Иоанн Кронштадтский» (Париж, 1990).

588 - Преподобный Иоанн Рыльский – жил в Болгарии в X в., монашествовал, основал монастырь, существующий и поныне. Умер в 946 г.

589 - Епископ Александр – «Отец Иоанн Кронштадтский». С. 15.

590 - Протоиерей Сергий Четвериков. Духовный облик отца Иоанна Кронштадтского (издание «За Церковь». 1939).

591 - Иоанновский монастырь на реке Карповке ныне передан в ведение Русской Православной Церкви.

592 - Пюхтицкая женская обитель находится ныне в Эстонии, до наших дней монахини свято чтят память отца Иоанна Кронштадтского.

593 - Протоиерей Сергий Четвериков. Духовный облик отца Иоанна Кронштадтского.

594 - Наиболее живописно эти выезды описаны в рассказе Н. С. Лескова «Полунощники».

595 - Имеется в виду Церковь – именно Она является частицей Царства Божьего на земле.

596 - Была издана отдельная брошюра отца Иоанна «Против графа Льва Н. Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени и раскольников». Спб., 1902.

[597] - Цит. по кн. архиепископа Иоанна Шаховского «К истории русской интеллигенции (Революция Толстого)». Нью-Йорк, 1975. С. 136.

[598] - Иаир – евангельский персонаж, у которого умерла дочь, и он обратился ко Христу с просьбой воскресить ее. См. Евангелие от Луки, гл. 8, стихи 40–56.

[599] - Святейший патриарх Тихон был канонизован на Поместном Соборе Русской Православной Церкви осенью 1989 г. Его канонизация – акт глубоко символический, поскольку знаменует, что Русская Православная Церковь обратилась к подвигу российских новомучеников. Патриарх Тихон вплоть до своей смерти в 1925 г. мужественно противостоял натиску воинствующего атеизма. Его пребывание на престоле российских патриархов было мученическим, как и его кончина. К счастью, до нас дошли почти все его послания, сохранилось множество воспоминаний очевидцев, которые бережно сохранялись до наших дней. После его канонизации было создано официальное житие, которое опубликовано в Журнале Московской патриархии № 2 за 1990 г. Данное жизнеописание составлялось без учета официального жития.

[600] - Митрополит Евлогип. Путь моей жизни. Париж, 1947. С. 95–96.

[601] - Там же. С. 98.

[602] - Ежегодник Православной Церкви в Америке. 1975. Кн. 1. С. 3.

[603] - Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. С. 98–99.

[604] - Ежегодник Православной Церкви в Америке. 1975. Кн. 1. С. 5.

[605] - Профессор П. Зайченко. Воспоминания // ЖМП. № 4. 1990. С. 71.

[606] - Карташев А. В. Революция и Собор 1917–1918 гг.: Наброски для истории Русской Церкви наших дней. Богословская мысль // Труды Православного Богословского института в Париже. Вып. IV. Париж, 1942. С. 82.

[607] - Там же. С. 79.

[608] - Можайский В. Новая эпоха церковно-общественной жизни // Богословский вестник. № 6 – 7. 1917. С. 128–129.

[609] - Карташев А. В. Цит. соч. С. 77–78.

[610] - Протоиерей Сергий Булгаков. Православие. Париж, 1985. С. 113.

[611] - Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. С. 302–303.

[612] - «А к сим кто доволен, даже и из креплих мене!» – «А к этому кто готов даже из тех, кто крепче меня!»

[613] - ЖМП. № 4. 1990. С. 69.

[614] - Там же. С. 69–70.

[615] - Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. С. 305.

[616] - Церковные ведомости. № 9–10. 1918.

[617] - Архиепископ Рязанский и Касимовский Симон. Святейший патриарх Тихон и его служение Русской Церкви // ЖМП. № 4. 1990. С. 63.

[618] - Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 260–261.

[619] - Там же. С. 273; 8–279.

[620] - Ленин В. И. ПСС. Т. 53. С. 141, 404–405.

[621] - Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. // Известия ЦК КПСС. № 4. 1990. С. 191.

[622] - Там же. С. 194.

[623] - Савельев С. П. ОГПУ против патриарха // Час пик. № 12. 1990. С. 7.

[624] - Ленин В. И. Письмо В. М. Молотову... С. 193. Истоки подобного отношения к Церкви кроются в последовательном материализме основателя Советского государства. Воспитываясь в целом в индифферентной к религии семье, он стал активным богоборцем после смерти отца и казни старшего брата. С тех пор он никогда не скрывал своего отношения к Церкви и вообще к религии. Наиболее ярко он его выразил в письме к М. Горькому, когда тот еще в предреволюционный период пытался оправдывать марксистов-богоискателей. Ленин пишет ему: «…всякий боженька есть труположство – будь это

самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно… Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы, идея боженьки». А в следующем письме Горькому он утверждает: «…в действительности «зоологический индивидуализм» обуздала не идея бога, обуздало его и первобытное стадо и первобытная коммуна. Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства)…» См.: Ленин В. И. О религии и церкви. М., 1966. С. 95–96.

625 - Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви 1917–1945. Париж, 1977. С. 383.

626 - Там же. С. 377–378